

Администрация Сергиево-Посадского района

Московской области

Совет ветеранов

Сергиево-Посадского района Московской области

Дети войны - дети Победы

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ

ЧАСТЬ II

г. Сергиев Посад – 2015

Руководитель проекта
председатель Совета ветеранов Сергиево-Посадского района
Кругликов В.С.

Составители:
Лукьянова Р.Г., Силакова С.Б., Максимова Г.Г., Бессолова Л.С.

«Дети войны - дети Победы». Сборник воспоминаний. Часть II.
РЕМАРКО. г. Сергиев Посад. 2015 г. 448 стр. Ил.

В книге представлены воспоминания ветеранов Сергиево-Посадского района Московской области о военном детстве. О том времени, когда их отцы сражались на фронтах Великой Отечественной войны, а они вместе с матерями выживали в жестоких условиях тыла. И это было их вкладом в Великую Победу, в будущее.

Как удалось преодолеть трудности, голод и холод рассказывают очевидцы. Непридуманные истории потрясают своей правдой, искренностью и являются свидетельствами того, как выстояла страна в тяжелое лихолетье.

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-903615-52-0

© Совет ветеранов Сергиево-Посадского района Московской области. 2015
© Авторы текстов и фото. 2015
© ООО «РЕМАРКО». 2015

Сборник воспоминаний «Дети войны – дети Победы», изданный в 2013 году, получил широкий отклик среди ветеранов Сергиево-Посадского района. Только за один 2014 год в Совет ветеранов района поступило в три раза больше рукописных воспоминаний, чем было опубликовано ранее. Поэтому совместно с администрацией района было принято решение опубликовать к 70-годовщине Великой Победы второй сборник. Во второй сборник «Дети войны- дети Победы», вошло более 195 воспоминаний и поток воспоминаний не прекращает поступать в Совет ветеранов.

При подготовке к печати второго сборника большую помощь оказали школьники района и подростково-молодёжный клуб «Красная гвоздика».

Совет ветеранов выражает огромную благодарность всем авторам, молодёжи, оказавшей помочь в переводе рукописей в электронный вид, а также всем участникам проекта.

Уважаемые читатели!

Дети Войны. Сами по себе эти слова очень тяжёлые — неважно, читаете ли вы их или произносите. В определенной степени тех, кто в годы Великой Отечественной был ребёнком или подростком, можно приравнять к ветеранам и труженикам тыла.

Трудовые достижения тех, кто в 1941-1945 годах был совсем мал, не менее важны, чем подвиги солдат на полях сражений. На подростках тогда во многом держался тыл. Маленькие дети, зачастую не вызывавшие подозрений у врага, помогали партизанам и армии.

После войны именно на плечи тех, кто подрос, пала тяжёлая ноша восстановления разрушенных городов, запуска промышленных предприятий, развития сельского хозяйства. Мы благодарны им за всё, что они сделали для нашего Отечества, и хотим выразить слова признательности и уважения!

Читать воспоминания тех лет эмоционально тяжело, ведь это непридуманные рассказы. И тем важнее это чтение, тем больше читатели понимают — войн быть не должно.

Благодарю всех авторов и издателей книги за столь важный проделанный ими труд.

**Сергей ПАХОМОВ,
Глава Сергиево-Посадского района**

Дорогие читатели!

В 2013 году по инициативе ветеранов вышел в свет сборник воспоминаний «Дети войны-дети Победы» о военном детстве, о том времени, когда их отцы сражались на фронтах Великой Отечественной войны, а они вместе с матерями выживали в жестоких условиях тыла. И это было их вкладом в Великую Победу, в будущее. Силами «Молодежного парламента» и при поддержке

районного Совета депутатов в течение 2014 года в поселениях нашего района проходили театрализованные презентации этого сборника, на которых выступали авторы сборника, жители этих поселений. Это были трогательные и волнительные встречи, сближающие молодое и старшее поколения, проходящие на высоком патриотическом подъёме. Всего в сборник вошло 64 воспоминаний и тираж в 1000 экз. очень быстро разошелся по поселениям. Результатом этого была волна писем и просьб издать второй сборник воспоминаний. Весь 2014 год был посвящен приему воспоминаний от ветеранов — детей войны. Однако, большинство воспоминаний подавалось в рукописном варианте.

В связи с этим родилась идея объявить акцию «Переведи рукописные воспоминания детей Великой Отечественной войны в электронный вид». 17 школ района и более 85 учеников и преподавателей приняли участие в этой акции. В феврале 2015 г. состоялось награждение участников акции благодарственными письмами от молодежного парламента и районного совета ветеранов и было решено включить поименный список участников акции в титры книги. Активное участие в подготовке воспоминаний приняли слушатели «Народного университета» при Государственном историко-художественном музее-заповеднике (руководитель Коновалова Г.М.)

Такое массовое внимание к воспоминаниям подтверждает необходимость и своевременность издания 2 тома воспоминаний «Дети войны-дети Победы». Это издание приурочено к великой дате — 70-летию Победы над фашизмом.

**Валерий КРУТЛИКОВ,
Председатель Совета ветеранов Сергиево-Посадского района**

Абрамова (Логинова) Мария Васильевна

Время нашей молодости

В 1941 году мне исполнилось семнадцать лет, я окончила девять классов и перешла в десятый. Позади — экзамены, впереди — каникулы. Сколько планов было на это лето?!

Утром 22 июня 1941 года мы узнали, что началась война. Дом, в котором мы жили, стоял недалеко от Советской площади. Прибежали соседки и сказали, что будут передавать важное сообщение — надо идти на площадь. Когда слушали Левитана, то у многих на глазах были слёзы, на лицах отпечатался страх. Это была беда и тревога всех, война коснулась каждого.

Я с моими подругами М.К. Барковой (Донская), Н.А. Брынцевой (Шпанова) и Н.И. Макаровой (Лапина) пошли в школу, где учеников старших классов собирал директор. Он сообщил, что всех отправляют в колхозы на заготовку сена. На другой день наш класс и учителя (В.А. Гумелевская, А.А. Крылова) уже выехали в деревню на покос травы. Работали целый месяц.

Когда вернулись в Загорск, то город не узнали. Все окна были заклеены бумагой — на случай авианалетов, улицы перегорожены. В многоэтажных домах было организовано дежурство на крышах. Немцы бомбили однажды — станцию, так как шло много эшелонов на Москву.

К концу лета нас опять пригласили в школу. В нашей школе должен был размещаться госпиталь. Ученики вместе с учителями переоборудовали школу под госпиталь. Вынесены были все парты, сняты доски, все палаты (классы) тщательно вымыты. Каждую ночь мы дежурили в ещё не работающем госпитале.

Для того чтобы раненым было комфортно и уютно в палатах, мы решили на окна выставить цветы. Собрали ребят 5–6 классов, попросили нам помочь в этом деле. В «Пионерской правде» в это время напечатали повесть А.П. Гайдара «Тимур и его команда». Так появился у нас свой тимуровский отряд. За каждым звеном были закреплены улицы. Ребята ходили по домам, рассказывали о создании госпиталя. Они убеждали население города, что наши бойцы быстрее пойдут на поправку, если сделать палаты уютными и домашними. Не было ни одной домохозяйки, которая бы отказалась нам, многие сами приносили цветы в госпиталь.

В день приёма раненых я с подругами помогала медсестрам. Мы встречали бойцов: распределяли их по палатам, сопровождали в душ и перевязочные. Если ранение было тяжелым, то бойца на носилках переносили в палаты. Девочки помогали обрабатывать раны, убирались в палатах. В наш госпиталь поступили две девушки из Краснозаводска, которые были ранены во время налета немецкими летчиками. Два

самолета преследовали их, обстреливали. Летчики, «поиграв», улетели. Раненые бойцы сочувствовали им, приносили подарки и ухаживали за ними. В госпитале был строгий порядок, чистота. Возглавлял госпиталь хирург Андреев.

В сентябре 1941 года мы начали учиться. Занятия проходили в здании школы № 1. Звонков с уроков и на уроки почти не было, так как в коридорах и залах спали солдаты. Выходя из кабинетов, мы старались очень тихо «пробраться» между солдатами, чтобы их не задеть и не разбудить. Затем нас перевели в школу № 3, где мы продолжили своё обучение. В конце сентября наш класс с классным руководителем Г.Н. Степановым был отправлен в Озерецкий район на уборку картофеля. Картофель убирали в любую погоду и очень тщательно, так как понимали, что работаем для фронта. Как и сколько соберем, столько накормим солдат и детей. О нас, школьниках, заботились везде, где бы ни жили: всегда была горячая вода, чай, а утром — просушенная обувь. Никогда не слышали со стороны хозяев недобрых слов, а женщины по-матерински заботились о нас: что-то постигают, что-то заштопают, носью накроют теплым одеялом.

Учебу продолжили в октябре. Когда выпал снег, расчищали железнодорожные пути, дороги. Всю зиму отапливали кабинет, в котором занимались. По очереди (два человека) брали санки, топоры и шли в лес за дровами. Топили печку. Жарко не было, но руки и чернила не замерзали. Тетрадей не было — писали на обложках тетрадей и старых газетах. Учебников не хватало и чтобы подготовиться к уроку их брали другу у друга на один день. В школах детей младших классов стали кормить завтраками (маленький кусочек хлеба). Трудно было, но никто не роптал. Все понимали, что идет война, всем тяжело.

Окончив школу, мы пошли учиться дальше, в институты. Как ни тяжело было родителям, но они всегда поддерживали нас. На неделю моя мама давала нам с сестрой по шесть клубней картофеля и по две морковки. Ничего больше не было, да и это отрывалось от других детей. Пока учились в институте, ходили на расчистку дорог, заготовку дров. Каждый студент должен был напилить по шесть кубов дров. Делянка делилась на двоих. Придешь на делянку — глаза разбегаются, не знаешь, с чего начать. Пилишь, рубишь. Слезы текут на морозе. Руки болят. Страшно — никого рядом нет. А норму сделать обязан. Отказаться? Это даже в голову не приходило. А кто это будет делать?!

В 41-м в городе комплектовался партизанский отряд. О том, что в этом отряде мой отец должен был быть связным, мы, дети, узнали позже. Мой отец работал обходчиком в лесничестве, прекрасно знал леса в окрестностях Загорска и помогал партизанам закладывать базы с продовольствием и снаряжением. Единственное, что я помню, как мама

долго плакала по ночам, а потом отказалась эвакуироваться без мужа. Как-то вечером она сказала отцу, что мы все остаемся с ним. В такое время надо быть вместе.

Помню май 45-го. Когда было объявлено окончание войны, жители города собирались на площади, смеялись, плакали, танцевали, обнимали друг друга. Радости не было конца! А потом ходили каждый день на вокзал встречать своих близких, родных, соседей и незнакомых, но таких родных солдат. Два моих брата воевали. Оба вернулись с войны!

В конце 45-го вернулись две мои подруги из эвакуации. И наша дружная четверка (две Марии и две Нины) опять воссоединилась. Нашей дружбе более семидесяти лет. Прожитые годы, война и горечь сделала нас терпимыми, внимательными и заботливыми друг к другу. Годы войны оставили неизгладимый след в наших душах и сердцах.

Абрамова Мария Сергеевна

Война не баловала

Я родилась в 1936 году в деревне Вишняково Владимирской области Александровского района. В 1941 году началась война. Отец ушел на фронт. Нас у мамы было пятеро: две дочки и три сына. Началась тяжелая военная жизнь. Мама работала целыми днями в колхозе, а мы оставались дома одни. Мама, уходя на работу, каждому из нас давала задание: кому пол подмести, кому дров напилить, кому воды наносить. Так текла наша жизнь изо дня в день. И каждый день мы ждали письма с фронта.

Начался голод, ели одну картошку, которую выращивали на своем огороде. Но картошки было не много, хватало только на зиму, а весной и вовсе жили впроголодь — картошки нет, про хлеб и говорить нечего. Ходили на колхозное поле, искали оставшуюся после зимы гнилую картошку. Потом мама пекла из неё блины, мы их называли тошнотами, так как они были совсем не вкусными, но другой еды не было. Есть хочется — идём на луг, нарвём дудок и едим. Есть хотелось всегда.

Однажды пришло извещение с фронта, в котором сообщалось о гибели нашего отца. Мама сникла, стала часто болеть. Мы старались — помогали ей, как могли. Мы очень любили свою маму. Осенью пошли учиться в школу. Хорошо, что она находилась в нашей деревне. В школе было всего четыре класса, дальше учиться было негде. Можно было

ходить в другую школу, но она находилась очень далеко, а транспорта не было.

Я в детстве научилась всё делать: копала, пилила, колола. Не баловала нас война. Ели всё, что могли приготовить: варили суп из крапивы, лебеды и конского щавеля, делали муку из желудей, даже картофельные очистки не выбрасывали, а пекли из них оладьи. И всё это готовилось на воде, без мяса и масла. Было очень трудно, чувство голода сопровождало нас всегда. Не дай Бог никому такого пережить!

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, я уехала из деревни в Краснозаводск. На работу на завод в таком возрасте не брали, поэтому я жила у чужих людей, нянчила двух детей. Хозяева у меня были добрые, меня не обижали. Прожила я у них два года. Пока жила у них, училась в вечерней школе, окончила пятый класс, а потом устроилась на работу в первый детский садик. Работала на кухне помощником повара. Жить мне было негде, поэтому через четыре месяца мне дали общежитие. Так я работала в детском садике, а по вечерам училась в вечерней школе. Окончила десять классов, потом поступила в педагогическое училище в городе Орехово-Зуево на заочный факультет и стала работать воспитателем. В детском саду я проработала до выхода на пенсию.

Все мои братья и сестра учились уже взрослыми. Сестра окончила училище и стала ткачихой, брат тоже работал на ткацкой фабрике. Он окончил семилетку, затем текстильный техникум. Все старались учиться. Младший мой брат окончил училище, получил профессию столяра-краснодеревщика.

Абросимова Александра Фёдоровна

В памяти навсегда

В 1941 году мне исполнилось восемнадцать лет. Жили мы в деревне Сущево Ивановской (ныне Владимирской) области. Мы с сестрой 22 июня поехали в Москву за покупками. В двенадцать часов дня мы увидели на одной из улиц людей, стоявших у открытого окна первого этажа жилого дома, из которого доносились слова о том, что началась война с немецко-фашистскими войсками. В течение дня мы наблюдали такую ситуацию в Москве повсеместно. Вечером мы вернулись домой, а на следующий день началась мобилизация на фронт.

Осенью 1941 года ушёл на фронт мой отец, Абросимов Фёдор Мартынович. Больше я его никогда не видела. В декабре того же года я уже сама была на фронте. Под Москвой в Щелковском районе на ох-

ране Чкаловского аэродрома служила в МПВО 250-го полка.

Войну закончила в Польше. В дежурном пункте, ночью по телефону, я узнала о победе наших войск над фашистской Германией. В темноте я выбежала на улицу, вокруг стояли круглые палатки для военных полка и объявила радостную весть. Все выскочили, стали кричать, стрелять, плакать от радости. Все так долго ждали этой минуты!

После войны я работала в Загорской школе № 2 учителем физкультуры, а затем на Загорской трикотажной фабрике.

Несмотря на то, что прошло уже семьдесят лет со дня Победы, в памяти остались военные годы навсегда.

Александров Николай Дмитриевич

В светлой памяти людской

С 12 июля 1941 года по 2 сентября 1945 года мой отец, Дмитрий Иванович, шагал по военным тропам: Днепропетровск, Сталинград, Будапешт. В Будапеште он был помощником коменданта города.

По рассказам моей матери, Марии Фадеевны, она осталась в войну с четырьмя детьми на руках. Наш хутор и Логовский районный центр находился в девяноста километрах от Сталинграда. У нас был новый дом, построенный отцом в 1941 году, в котором он не успел сложить печь с духовкой. Мама с двумя старшими сыновьями доделала ту печь.

Раннее утро 28 ноября 1942 года. Хозяйка дома приготовила пышки по старинной традиции донского казачества. Был накрыт стол, и каждому члену семьи была подана пышка с молоком. Старшему брату Владимиру исполнилось четырнадцать лет. Однако торжество было отменено, так как все услышали гул немецких бомбардировщиков. Все присутствующие, схватив одежду, быстро направились к погребу. Кроме одежды, на руках старшего брата была годовалая сестра Тая.

Тут же услышали звук разорвавшейся бомбы. Брат выглянул из погреба. От увиденного он скатился по деревянной лестнице вниз. Тогда из погреба выглянул младший братишко Геннадий и громко закричал:

«Мама, а где наш дом?» В дом попала немецкая бомба. Семья зимовала в погребе.

Налёты немецких бомбардировщиков были частыми. Сестра Шура впоследствии стала инвалидом первой группы.

Хозяйка дома с раннего утра до позднего вечера находилась при госпитале, ухаживала за тяжелоранеными. Дети занимались по хозяйству и приглядывали за годовалой сестрёнкой Таей.

Иногда братья, Владимир и Геннадий, выполняли «боевые» задания. Наш дядя, папин старший брат, Фёдор Иванович, выполнял обязанность председателя исполкома районного Совета депутатов и одновременно являлся командиром партизанского отряда. Когда шли ожесточённые бои под Сталинградом и в самом городе, в области действовали партизанские отряды. Юные партизаны по заданию старших брали керосиновые фонари и уходили от жилых домов подальше от железной дороги, они условно создавали в поле железнодорожную станцию в ночное время. Немецкие летчики с высоты ночных полёта думали, что это железнодорожный объект, и сбрасывали свой смертоносный груз вдали от железнодорожной дороги.

Немецко-фашистские войска предпринимали отчаянные попытки овладеть Сталинградом. Как тяжело приходилось жить в эти жестокие дни жителям железнодорожных линий!

Зима 1942 года. Фашистская авиация в очередной раз бомбила нашу станцию. Под обстрел попали производственные помещения и жилые дома. Горели цистерны с бензином, рвались боеприпасы, но бригада ремонтников за короткое время уложила шпалы и рельсы на разрушенных участках дороги. Ночью по дороге снова пошли поезда. Бригаде помогали молодые активисты хутора. Среди них был мой брат Владимир. В четырнадцати километрах стоял хутор Вилтов, там держали оборону части 62-й армии. В Вилтове и за его окопицей стояли медсанбаты, артиллерия резерва, сапёры, возившие по ночам переправу через Дон. На военных картах, хранящихся в архивах, хутор Вилтов обозначен вторым эшелоном обороны данного рубежа.

Закончилась война. В конце августа 1946 года я появился на свет. И вот послевоенные годы. Отец на хозяйственной работе. Сталинградская область была разрушена немцами. Промышленность полностью разрушена. Сельское хозяйство сильно пострадало. Поголовье крупного скота, овец, свиней значительно сократилось. Чем мы, дети, питались и занимались? Практически до 1953 года наша семья проживала в доме из жёлтой глины с соломенной крышей. Пол в доме был земляной. Крыши в таких домах по неосторожности жильцов часто загоралась.

Не каждый год на дубах появлялись жёлуди. Но два года выдались урожайными. На зиму отец покупал два мешка ячменя. Зерно и жёлуди

ди пускали на муку: побольше муки из желудей, поменьше ячменной. Из такой муки получалась хорошая каша. Хорошим подспорьем были озёра и река Дон, где все ловили рыбу и раков.

На всю жизнь запомнился счастливый день. Когда мне было пять лет, к нам в гости пришёл папин младший брат, дядя Гаврил. Он с войны пришел без левой руки, работал он ветеринарным врачом. Дядя принёс гостинцы — сумки с хлебными сухарями и несколько кусков сахара. Нашей радости не было границ! Мама каждому из нас дала по кусочку сухаря. Каждый кусочек настоящего хлеба мы, дети, размачивали во рту и долго смаковали. О сладости маленького кусочка сахара мы впервые узнали от нашего дяди.

Трудно было и с одеждой. Мама перешивала фуфайки, шинели. Вот в такой «шикарной» одежде я ходил до 1 сентября 1953 года. В этот год я пошёл в школу.

Прошли школьные и студенческие годы, я отслужил в армии, женился. В райкоме комсомола мне вручили путёвку в колхоз — направили меня работать секретарём комитета комсомола.

Однажды молодые трактористы, пахавшие землю под хутором, принесли мне изрешеченный планшетный диск и обрывок красноармейской книжки Фёдора Смирнова. Что-то толкнуло меня: «А если поискать? Кто здесь, за этой окопицей, остался на веки? Сколько ещё неизвестных солдат?» На старом Вилтовском хуторском кладбище был скромный полутораметровый металлический памятник безымянным героям, павшим за Родину. Шел 1972 год. Комсомольцы развернули поисковую работу. Уже через несколько месяцев установили шестнадцать фамилий погибших. Одновременно разрабатывали проект памятника. Решили установить его не на старом кладбище, а в центре хутора. На заработанные деньги, за счет субботников и воскресников, правление колхоза выдало стройматериалы. И закипела работа! После трудовой смены, в выходные дни работали молодые сельчане вместе с мастерами. Большую помощь оказывали нам председатель колхоза, Юрий Николаевич Голяков, а так же все труженики хозяйства, особенно ветераны войны.

Комсомольско-молодёжный отряд полеводов хутора Вилтов стал инициатором районного соревнования на весенних полевых работах в честь тридцатилетия Победы в Сталинградской битве.

В апреле 1973 года состоялось перезахоронение павших в центре хутора. Возле школы установили из бетона и мраморной крошки памятник в виде развернутого знамени, на котором были выбиты имена погибших. До 8 мая комсомольцы вели работу по благоустройству памятного места: бетонировали надгробье и площадку вокруг, установили ограду... 9 мая торжественно открыли памятник. В честь каждого из за-

хороненных воинов, в том числе и безымянных, был дан салют, их прозвали курсанты военного училища. К тому времени наши следопыты выяснили, что в военное время 61-й медсанбат 2084-го полевого госпиталя располагался в трех километрах от Вилтова, в лесу. Фронтовиков, умерших от ран, хоронили на Юткином бугре. Навсегда остались здесь в смычках придонских песках те, кто оборонял переправу.

После дня победы мы обсуждали план дальнейшей коллективной работы. И вот на заработанные комсомольцами на субботниках деньги я поехал в Ленинград, в военно-медицинский архив. Пять дней вместе с работниками архива изучали документы, медсанбатские истории бо-

лезней раненых. Порой на листах из школьных тетрадей, газетах, часто со следами крови и огня. Род список установленных имён, погибших в окрестности хутора. В нем было более двухсот имён.

По возвращении из города на Неве на комсомольском собрании колхоза решили обратиться к районным органам с предложением расширить памятный мемориал, перезахоронить воинов из окрестных братских могил, чьи имена установили в архиве. «Добро» было получено. Одновременно в разные уголки страны полетели письма с пометкой «Письмо разыскивает родных погибшего». К 9 мая 1974 года удалось найти родственников уже тридцати семи воинов, а в дальнейшем — пятидесяти четырех, сложивших голову в наших местах при защите

Сталинграда. 9 мая 1974 года в день празднования Дня Победы у памятника мемориала в почетном карауле стояли знаменоносцы. В их руках три комсомольских знамени колхоза «Путь хлебороба» за работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Хуторяне, хлеборобы-комсомольцы, активные участники создания памятного мемориала — Виктор Котельников, Александр Ракитов, Николай Александров, Николай Адамов — были впоследствии награждены орденами и медалями СССР за свой ударный труд в родном колхозе. А механизатор, секретарь комсомольской организации Вилтовской комсомольской комплексной бригады хозяйства, Геннадий Котельников в дни Всесоюзной Вахты памяти, посвященной 30-летию Победы советского народа над фашистской Германией, удостоился чести встать в почетный караул у святыни советского народа — Знамени Победы. О событиях ратных и трудовой истории тружеников рассказывает музей. Музей оказался сокровищем драгоценных реликвий и документов сорок второго года.

Он занимал большую специальную комнату, отлично оборудованную, с широкими окнами на солнечную сторону. Здесь все было как в настоящем музее: аккуратные полки и подставки для хранения документов. Под стеклом лежали найденные за Доном и в его окрестностях реликвии — память о войне. Разбитый, весь покорёженный пулемёт системы Дегтярёва, солдатская каска, пробитая пулей, патронная гильза от противотанкового ружья и осколки, осколки. Рядом — десятки писем из Сибири, Поволжья, Дальнего Востока от родственников и друзей.

В день, когда на открытие музея съехались жёны, сыновья, матери тех солдат, которых мы разыскивали, на хуторе не слышалось ни смеха, ни песен. Даже птицы, казалось, молчали.

В засохших цветах, у подножия обелиска, посвистывал сентябрьский 1974 года осенний ветерок. Загвоздкин Виктор Андреевич, Якунин Алексей Дмитриевич... — это высеченные на обелиске имена призывников Загорского района Московской области, погибших в годы Великой Отечественной войны.

К памятному месту не зарастает тропинка. Когда на хуторе появляется на свет младенец, его родители высаживают молодое дерево. Такую честь памяти отдают и молодожёны, и юбиляры. Растёт и ширится Парк памяти — Парк будущего.

Александрова (Романова) Валентина Васильевна

Мы жили с ответственностью за всё происходящее

Хорошо помню тёплое солнечное воскресенье 22 июня 1941 года. Мне было почти 9 лет, я перешла во 2-ой класс начальной школы №5, которая находилась на Валовой улице в Загорске. В 12 часов дня мы, дети, жившие в коммунальной квартире на Рабочем поселке, шумной оравой вбежали в коридор, и были остановлены окриком взрослых: «Тише, выступает Молотов, началась война». Все они стояли на кухне у черного репродуктора и молча слушали его речь. А 3-го июля 1941 года по радио прозвучало обращение к народу И.В.Сталина. С этого дня жизнь изменилась.

Быстро началась перестройка всей экономики на военный лад. Наш завод ЗОМС был эвакуирован в город Томск, и лишь небольшая часть работающих, в том числе и мои родители, были оставлены для продолжения необходимой работы. Город объявили прифронтовым. Рабочий поселок «опоясали» траншеями и окопами. В траншеях стояли деревянные лавочки и кадки с квашеной капустой. Подвалы домов приспособили под бомбоубежище. На окраине посёлка (Краснофлотская улица) располагался зенитный дивизион из молодых девушек. Город тогда ешё был небольшой и с восточной стороны был окружён густым лесом. Взрослые после основной работы на производстве (выходные и отпуска отменялись) шли на повал леса, делали завалы, заграждения для защиты от вражеских танков. Враг стоял «у ворот» Москвы, бомбил её день и ночь, осуществляя план захвата Москвы «Тайфун». Помню и не один раз, как бомбили наш вокзал. Нашу железную дорогу им было необходимо «отрезать» от Москвы, чтобы поезда с помощью для нашей армии из Сибири и Дальнего востока не смогли дойти до фронта. Спать приходилось мало. Ночью по несколько раз объявлялась воздушная тревога, и все спешили в бомбоубежище до отбоя тревоги. Взрослые по очереди дежурили на крышах своих домов, чтобы вовремя обезвредить упавшую зажигательную бомбу. Для этого имелось на чердаке всё необходимое: бочки с водой, ящики с песком, лопаты, клеми и прочее. Часто и дети дежурили со своими родителями. В ночное время с крыш домов хорошо было видно зарево пожарищ над Москвой. Промышленные и особо значимые предприятия и учреждения маскировали под цвет зелёной растительности. Маскировке подлежала и наша Лавра. Группа молодых, только что получивших дипломы архитекторов, во главе с Виктором Ивановичем Балдиным с помощью деревянных лест-

ниц и верёвок поднимались к куполам соборов на колокольню и накладывали маскировочную краску.

Несмотря на войну, первого сентября начинали работать все школы. Моя первая учительница Кузнецова Антонина Николаевна была первой пионеркой города Загорска. В декабре 1941 года стояли сильные морозы, а на фронте шли ожесточенные бои. Отец мой тоже ушел в армию, он воевал в армии под командованием генерала Ивана Даниловича Черняховского. Вместе со всей страной школьники старались помочь нашей армии чем только могли. Мы собирали посылки с тёплыми вещами для бойцов. Каждый приносил, что мог: тёплые носки, варежки, свитера и т.д. Посылки отправлялись со своими адресами, а в ответ получали благодарственные письма от командиров, рядовых бойцов.

В 3-ем классе мы стали пионерами и почувствовали еще большую ответственность за всё происходящее. После прочтения книги Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» в стране началось массовое Тимуровское движение. Мы не остались в стороне. Суть движения заключалась в том, чтобы делать добро, оказывать помощь нуждающимся не «на показ», а незаметно, не объявляя себя. Во дворах, на улицах создавались разновозрастные отряды, команды. В них входили ребята от 8 до 14 лет. Они незаметно обходили дома, выявляли кто, где и в какой помощи нуждается. В то время, когда взрослые были на работе, а больные и старые не могли выходить на улицу, тимуровцы после уроков, пилили и кололи

древа (в домах было печное отопление), носили воду, разгребали снег у калиток и подъездов домов. Мы постоянно ходили в госпиталь, который располагался в Лавре. Готовили для раненых концерты, помогали их кормить, читали им письма от родных и близких. По всей стране звучала песня о тимуровцах со словами:

Тимуровцев много весёлых,
Их много в больших городах,
Их много в аулах и сёлах,
В сибирской тайге и степях.
Команды идут, ребята поют:
«Тимуровцы, шагай веселей, веселей!
За дело, друзья, лениться нельзя,
Поможем Отчизне своей!»

Алексеева Ираида Ивановна

Письма отца

В начале 30-х годов прошлого века отец работал в милиции, а до этого работал председателем Мишутинского сельского совета. Мать с отцом поженились в 1928 году. Мама была родом из деревни Сельниково.

Отца помню примерно лет с семи. Он работал тогда лесорубом. Приходили за ним на работу два товарища — два Ивана. Один был из Сабурова, второй — из Захарына. С работы отец приходил уставший, но всегда находил время заниматься с нами, детьми. Нас было четверо. Я с 1930 года, брат Борис — с 1935 года, сестра Антонина — с 1938 года, брат Николай — с 1941 года. У нас было хозяйство: держали корову, овец. Молоко носили продавать в город пешком. Оттуда приносили хлеб и другие продукты. Дом, в котором мы жили в деревне Фролово, был построен в 1936 году. Покрыт он был соломой. Перед войной отец решил покрыть дом дранкой, но сумел покрыть только половину дома.

На фронт отца забрали не с первых дней войны. Он ушел 7 июля. Присыпал письма, писали и мы. Даже отправляли посылки с сухарями. Он писал матери, чтобы она ничего не жалела для детей, хорошо нас кормила. Письма писали ночами. Окна занавешивали, огонек от маленького фитилька освещал лист бумаги. Я плачу и прошу мать позволить и мне что-то написать отцу. Мама отвечала: «Пиши!» И мы описывали все, что происходит в деревне и в семье. Потом от отца получили ответное письмо, в котором он написал: «Аннушка, очень плакала дочка Раечка, все письмо было закапано слезами».

Когда папа ушел на фронт, мама осталась с четырьмя детьми, потом младший брат умер. Работа в колхозе была тяжелой, да еще свое хозяйство надо было обиживать. Мы, дети, тоже работали: и картошку собирали, и сено сушили, и коров пасли. Мама работала в тракторной бригаде. Отец писал матери, что на фронте очень страшно: «Не жалей ничего, режь овец и корми детей!» Когда его провожали на фронт, то с ним вместе из деревни ушли еще двое: Егор Майоров и Дмитрий Журенков. Но они попали в другие части, а отец — в ополчение. Из деревни на фронт ушло много мужчин, а вернулись только двое: Егор и Михаил Александрович Копыловы (без ноги).

Последнее письмо от отца пришло в сентябре. Писал он его 16 сентября 1941 года. Извещение о том, что отец пропал без вести, пришло в октябре.

Алёхина Тамара Павловна

От Севастополя до концлагеря — путь домой

В мае 1941 года я окончила седьмой класс. Были летние каникулы, ничто не предвещало беды. 22 июня 1941 года в четыре часа утра на город Севастополь упали три мины (торпеды) и полностью стёрли с лица земли три улицы, вместе с жителями, мирно спавшими в своих домах. Никто не понимал, что происходит. Люди в панике бежали на помощь, но спасать уже было некого. Запах гари и жуткие картины — это первые воспоминания о страшных годах жизни. На утро по радио сообщили, что Гитлер нарушил мирный договор и объявил войну. Необходимо было освободить подвалы, чтобы во время тревоги женщины и дети могли скрыться в убежище. Во время обстрелов Севастополя люди прятались в подвале и канализационных люках.

Началась всеобщая мобилизация. Постепенно эвакуировали государственные учреждения. В сентябре я пошла в восьмой класс, но изучали мы там не математику и литературу, а сестринское и военное дело. Девочек учили оказывать первую помощь: разрезать сапоги, останавливать кровь, накладывать повязки, а мальчиков обучали стрельбе. После первых бомбёжек не стало воды и света. Есть было нечего. Мы собирали дождевую воду, которую пили, из каких-то остатков варили еду, в этой же воде мы мылись, стирали, не выливали эту воду до следующих дождей, даже если грязи и отходов в ней было больше, чем самой воды.

1 июля 1942 года немцы взяли Севастополь. На третий день по всему городу были наклеены объявления о том, что всем необходимо явить-

ся в немецкую комендатуру, кто не явится — будет повешен. Напротив комендатуры висели три парня (за неподчинение немцам). Мы пошли вставать на учет. В комендатуре объяснили, что являться нужно ежедневно. Каждое утро мы шли на построение, а потом рабочим батальоном расчищали дороги после бомбёжек. Через несколько дней нас погнали на Графскую пристань, посадили на баржу и переправили на северную сторону — для очистки косяка бухты. Проходимости не было, поскольку бухта была забита трупами. Наша задача состояла в том, чтобы расчистить проход для водного транспорта. Для этого нам приходилось с баржи спрыгивать прямо на тела убитых, по ним добираться до берега, а уже с берега баграми вытаскивать из воды трупы и тащить их в воронки, оставшиеся от разорвавшихся мин. И так каждый день. От бесконечных бомбёжек гибли дети, женщины, солдаты, матросы. Весь город был разрушен. В воздухе стояла гарь и пыль. Жить было негде. Окоп, в котором мы некоторое время жили с мамой и двумя престарелыми соседями, немцы под угрозой расстрела приказали нам закопать. Во дворе, между развалин, каким-то лоскутком накрыли щель и там жили.

13 сентября 1942 года в комендатуре нам сообщили, что завтра мы отправляемся на другую работу, с собой необходимо захватить миску и ложку. Утром 14 сентября нас построили и погнали на вокзал, загнали в товарные вагоны. Поезд тронулся. Куда нас везут, мы не знали. В дороге поезд останавливался, чтобы пополниться подростками и детьми. Кормили нас похлебкой из картофеля, грязи и воды, но нам казалось она очень вкусной. Через какое-то время нас привезли в Польшу, город Краков. Там находился лагерь — чистое поле, окруженное колючей проволокой. На территории располагались два барака: в одном находилась охрана, а в другом — баня. Всех нас пригнали на территорию лагеря, приказали раздеться и идти в баню. В этой, так называемой, бане вода лилась прямо с потолка, то холодная, то горячая. Мы кричали, стучали, орали, чтобы нам открыли двери. Выбегали из бани мы голые. Нас осматривали на наличие вшей, у кого находили — сбирали волосы. Потом каждому выдали номер (у меня был номер триста восемь) и нашивку на одежду. Ни еды, ни воды ничего не было. Что дальше — никто не знал. На второй день пришли полицаи, они погнали нас на железнодорожную станцию, загнали в вагоны и опять отправили в неизвестном направлении.

Вечером привезли в Германию, город Альтенбург (об этом мы узнали позже). Прогнали нас через весь город в лагерь, который разделялся на две половины — мужскую и женскую. Охрана состояла из огромного количества полицаев. Нескольких рядов колючий проволоки под усиленным током опоясывали лагерь. Расселили в бараки по двадцать человек. Спали на двухъярусных деревянных койках. Переводчик пре-

дупредила, что ночью в туалет ходить нельзя, если выйдем — будут стрелять. В пять часов утра я услышала громкое «авштайн». Вставать уставшие и голодные мы не могли, глаза сами закрывались. К тем, кто не мог встать, подходил полицай и бил резиновым шлангом со вставленным в него куском металла. От страха быть покалеченными вскакивали все. Каждое утро после построения нас гнали на железнодорожный вокзал, загоняли в вагоны и везли на завод «Муна». На этом заводе мы разгружали и загружали вагоны, а что в них находилось — не знали. Поздно вечером тем же путем возвращались в лагерь. Кормили нас супом — вода с брюквой, иногда давали пару картофелин в мундире с подливой из конского щавеля. Соли не было. Иногда нам давали пульпу (соль, смешанную с динамитом). А вечером, в лагере, выдавали по граммурке хлеба и кофейный суррогат без сахара, но горячий.

При малейшем непослушании были с такой силой, что кровью заливали все стены и полы. От столь жестоких побоев люди гибли. В один из дней к нам подошел немецкий гофтман и спросил, откуда мы. Я ответила, что мы из Севастополя. Он сказал, что Севастополь — хороший. В тот момент мне показалось, что ему можно доверять. Я пожаловалась, что нам не в чем ходить, одежда вся порвалась, а деревянные пантофли сломались. Он покачал головой, и я решила, что он нас понял. Но когда он ушел, немецкий офицер нашего цеха схватил меня за волосы, и стал бить головой об электрический щиток. В наказание меня перевели в горячий цех. Я должна была отмывать котлы, в которых за ночь жидкий раствор застывал и превращался в металл. Жестокость офицера этого цеха не знала границ. Он хватал за волосы, и провозил лицом по внутренней стороне котла, если вымыто чисто — лицо не царапалось, но поскольку полностью отмыть было невозможно, пройти эту проверку почти никому не удавалось. Мало людей возвращалось оттуда живыми. В то утро я поняла, что смогу сохранить себе жизнь, если избегу проверки. Я опустила кисть в кипящий котел. По сей день вспоминание об этом вызывает жуткую боль. На следующий день отекла вся рука и начался воспалительный процесс. Целый месяц я не ходила на работу (в это время присматривала за маленькими детьми в бараке). Потом принесли какую-то мазь, рана начала затягиваться. Я поняла, что обратно возврата нет. Утро, когда я вернусь в цех, будет последним в моей жизни. Днем, когда все уходили на работу, я посыпала рану солью. От боли кричала. Хотела повеситься, останавливали только мысли о маме.

29 апреля нас построили и погнали из лагеря в неизвестном направлении. Шли долго. А 8 мая 1945 года мы узнали, что нас освободили советские солдаты. Всех отправили пешком в лагерь города Эрфурта, где прошли проверку НКВД и были отправлены по месту жительства. В августе 1945 года я вернулась домой в Севастополь.

Алёшина (Гостищева) Алла Михайловна

Дети войны

Мой отец, Гостищев Михаил Яковлевич, родился в селе Михайловка Запорожской области 8 ноября 1914 года. Как и вся молодёжь тридцатых годов, он мечтал о светлом будущем: стать учителем, мечтал о счастье, о любви, о семье. Закончив Харьковское училище ПВО был направлен в Запорожье для прохождения дальнейшей службы. Получив очередной отпуск, он поехал отдохнуть в Ялту в санаторий, где встретив её единственную, влюбился и привёз с собой в Запорожье. Так родилась семья: Миша и Шурочка. Они очень хотели детей и вот счастье. Шурочка забеременела. Но не долгим было их счастье, наступил июнь 1941 года.

Михаила сразу же призвали в армию в чине младшего лейтенанта, а Александру, как жену военнослужащего отправили в эвакуацию в Оренбургскую область. Там в сентябре 1941 года я и родилась. Отец не знал, что я родилась, но и мама не знала, что 25 сентября 1941 года его уже не было в живых. В эвакуации маме было трудно жить одной с новорожденным на руках. Работа для неё нашлась только в яслях. Проработав немного, мама ушла в производство. Она рассказывала, что администрация (у кого были маленькие дети) выделяла по одному стакану пшена на неделю, но даже это было спасением.

Когда в 1943 году освободили Украину, мама приехала вместе со мной в Запорожье и отвезла к папиным родителям в село, а сама уехала в город работать и каждые выходные приезжала ко мне. Когда она узнала, что её Михаила больше нет, она стала искать его могилу и нашла её у города Кривой Рог.

В 1947 году мама приехала за мной в село, чтобы забрать меня. Приехала с новым мужем военным Хуртиным Иваном Ивановичем. И начались наши скитания по стране: мы служили в Латвии, служили в Ташкенте, служили в Кировской области и, наконец, в Московской области. Мне приходилось менять школы, привыкать к новым требованиям, расставаться с друзьями, привыкать к новому климату, к новым бытовым условиям.

Особенно тяжёлой была служба в Кировской области. Отчим в то время был послан охранять лесопильный завод, на котором трудились заключенные. Частые побеги, пожары, заставляли жителей жить в постоянном напряжении. Школа была за 8 километров от посёлка. Зимой в школу нас возили на санях, к которым сверху был приделан

короб, чтобы ни снег, ни ветер не дул на нас, ребятишек. Было голодно. Счастливые дни были, когда отчим ездил в Москву за новым пополнением солдат-охранников. Из Москвы он нам привозил сушки, баранки, печенье, конфеты-подушечки.

Отчим был ко мне внимательным, шёл всегда мне на встречу, если были проблемы, дал образование, снял с руки часы (не хватало денег) и привёз мне аккордеон. Он старался содержать семью в достатке, так как у него родилось ещё двое своих детей. Низкий поклон ему за это и вечная память.

А могилу моего отца Гостищева Михаила Яковлевича мне помогли найти мои тётушки – его сёстры Вера, Люба и Оля, которые до сих пор живут в Запорожье, им всем уже за 80 лет. От них я узнала, что в том селе, село Валовое, которое освобождали наши войска на Криворожской земле, Днепропетровской области, жители сами установили памятник-obelisk, где останки отца вместе с другими воинами захоронили в селе. Узнала, что в школе села Валовое есть небольшой музей, где собраны материалы о тех воинах, которые захоронены в селе.

Вместе со своими тётушками я ездили в это село на празднование 50 лет Победы. Нас радушно встречали, мы были в школьном музее, у обелиска. Мои тётушки много рассказывали об отце: каким он был. А я никогда его не видела, кроме как на фотографиях, но бережно храню все фронтовые фото и землю с обелиска.

После нашего пребывания в селе, к вечеру жительница села написала стихотворение, которое посвятила мне. Правда, оно на украинском языке, но всё понятно.

Любов Андріїа Коваленко

Змінила зиму знов весна
А в сердці туча не ясна
Минуло 50 вже літ
Не тане в мене в серці лід
Мати каже: «Дочка, знай:
На все життя батька чекай»
Тому прошу у долини:
«На день хочу, батька поверни!»

В душі моїй из часу війни,
Грікі послики полини
«Скажіть, в якій могилі рідний спить,
Якими снами він вам снить?»

А я цілу ордени
И прохаю: «Батьку повернись
На ти землі, де ти поліг
Сади квітують, л'ється смих
А я цілу ордени
Прохаю: «Батьку, повернись!»
В цей день сами мы вже батькі
Тому похаю вас, братии, сини.
Не допускайте більш війни

Как-то однажды по радио я слышала стихотворение как раз о тех детях, которые родились после погибших отцов. Это стихотворение я искала, но к сожалению, не нашла, а очень бы хотелось.

Андронова Нина Александровна

День Победы я встречаю со слезами на глазах

Остается немного времени до празднования Дня Победы. Много слышим передач и поздравлений. Я родилась в 1928 году. Наш отец погиб в начале 1942 года под Смоленском. У матери нас осталось четверо: мне, старшей — тринадцать, младшему — шесть лет. Держу в руках четыре письма, присланые отцом с фронта. Они написаны карандашом, в конверте из обложки тетради. Письма залиты слезами нашей матери.

Мы их хранили и перечитывали. Перечитывают их и наши дети, внуки, правнуки. Какая любовь и забота в этих письмах о семье! Рвались в бой, чтобы разгромить врага и вернуться к семье. Но этого не случилось. Военкомат прислал похоронку. Ездили мы в Смоленскую область, в село Пихотово, где погиб наш отец. Но там поля, заросшие бурьяном, и несколько домов, где проживают старики, очевидцы этих страшных боев, которым повезло выжить.

Я хорошо помню День Победы, Счастливый День Победы! Мы радовались, что кончилась война. Но помню я еще и слезы вдов, которые ревели у крыльца. Они слезами обмывали похоронки, держа в руках последнее письмо. Им, вдовам, жизнь досталась нелегкая — одним растить детей.

Они, казалось, быстро постарели, ощутив суровую судьбу. Заботы и работа их не сломили. Они ни на кого не сваливали вину. И государст-

во заметило их поздно, и помочь оказалась нулевой, и половина их в живых не осталось, когда назвали их солдатскими вдовами. Я думаю, Господь их не забудет и отведет им местечко в раю. А мы помолимся за них, усопших, за душу их и за матушку свою.

Помним мы и тех солдат, которые погибли. Которые нам были родные по крови. И память о них не стерли годы. Больше полвека вспоминаются они.

Мы, все дети, очень благодарны и чтим память нашей матушки, Анны Ивановны Семеновой, и бабушки, Марии Уваровны, что сберегли они нам жизнь в те страшные годы. Они умели работать, брались за топор, косу и нас к труду приучили.

В войну мама работала надомницей, она шила белье для солдат фронта. Ручная машина стучала в доме день и ночь. Мама пошьет, потом бабушка ее сменит. Всех они нас вырастили. Никто не пошел по плохой дороге. Во всех семьях замечательные дети и внуки. Жизнь продолжается, но День Победы я всегда встречаю со слезами на глазах.

Андрsovич Владимир Дмитриевич

Славянам слава вечно

Я родился 28 июля 1941 года. Мать пошла в лес за ягодами, там меня и родила, в лесу, на муравейнике. Было это в Словечанском районе Житомирской области. Отца не помню. Он ушел на фронт, где и погиб.

Нашу хату немцы сожгли, а мы с мамой и другими жителями села спрятались в оврагах. Многих жителей села немцы загнали в конюшню и сожгли, а нас, человек двадцать, привели в город Словечно и хотели расстрелять. Но вдруг подъехал на машине какой-то начальник и велел остановить расстрел, и нас, отправили в разные села. Мы стали жить у родственников. Когда война закончилась, я стал учиться в семилетней школе. Как-то я спросил учительнице: «Почему наш городок называли Словечно?» Она ответила, что давно здесь воевало и погибло много славян и им поставили памятник с такими словами: «Славянам слава вечно». Вот и назвали городок сокращенно — Словечно.

Помню эпизод, когда мы жили в оккупации в селе Оленичи. Немцы устроили какой-то праздник: играли на губной гармошке, танцевали. Я стоял на скамейке возле окна, ко мне подошел немец и дал мне щелбан по голове. На подоконнике лежала граната («лимонка»), я схватил её и бросил в толпу немцев. Но граната не взорвалась, так как надо было выдернуть чеку. Все попадали, немец захотел и сказал: «Партизан!»

После войны мы жили в землянке, а потом, после окончания школы, я уехал по вербовке комсомола в Донбасс, где окончил два училища, получив специальности каменщика-печника и горнопроходчика.

Потом был призван в Советскую Армию. Служил три года в Москве. Познакомился с девушкой, женился и до сих пор живу в городе Пересвет.

Антипова (Кочергина) Мария Васильевна

Война отняла всё

Я родилась 25 декабря 1931 года, в селе Ново-красное Сапожковского района Рязанской области в крестьянской семье. Жили мы в небольшом деревянном доме, разделенном пополам. В одной части наша семья — шесть человек, во второй — трое: тетя Наталья с двумя сыновьями. С дядей Гришей, это брат отца нашего, они разошлись и он уехал со своей новой женой в Москву. Я его никогда не видела. Жили мы дружно. У нас в двери была пробита дыра, через которую по мелочи можно было что-то передать друг другу и разговаривать, сколько хочешь.

Родственников у нас было много: у мамы две сестры, у одной — три дочери, у второй — шесть детей (три дочери и три сына). Они жили не в Ново-красном селе, где мы, а в поселке за шесть километров на Красаве. Село Ново-красное большое было, оно растянуто было на пять километров. Во всю длину села протекала речка, в которой мы, дети, купались и рыбачили решетом у берега. А около нашего дома протекала маленькая речка, мы ее звали Мочила. Там тоже рыбачили и плавали в корыте, как на лодке. Зимой катились с гор на санках, строили дома из снега, его было очень много.

В 1940 году я пошла в школу. Меня не собирались отправлять, так как мне не исполнилось еще девять лет. В то время в школу принимали именно с девяти лет, но меня все равно взяли. Школьного платья у меня не было, его мне дали Пановы — родители моей подружки. Они, учителья, жили напротив. Я очень хотела в школу и плакала. Школа была рядом с нашим домом, а я приходила раньше всех и сидела на ступеньках, ждала, пока уборщица дверь откроет. Училась я всегда хорошо, но очень боялась уколов: их в школе частенько делали, я даже убегала с уроков и приходила с мамой.

После семи классов поступила в педучилище в городе Сапожке. Педучилище я не окончила по семейным обстоятельствам — умер отец, а семья у нас прибавилась, в 1943 году родилась сестра Нина. Нас уже стало пять сестер и Коля с нами, да еще бабушка

монашку, которую мама взяла к нам, когда разоряли монастырь.

Старший брат пришел с войны, женился и уехал в Рязань на строительство станкозавода. Второй брат Василий был у генерала Пашкова, шофером. Когда война закончилась, генерал помог ему поступить в военное училище, где он получил образование офицера-автомобилиста, затем у него была служба в Советской Армии. Служил он в Германии, на Сахалине, в Калинине (Твери), где женился и получил жилье. Там и дослужился до пенсии. У них был сын Сергей, который тоже пошел по стопам отца — окончил военно-десантное училище, был во всех горячих точках, дослужился до пенсии и внезапно умер.

Брат Иван так и остался работать в Рязани в Приокском районе, обзавелся семьей, у них с Дусей было девять детей (двое умерли — Люся, старшая, и Ольга, средняя). Сейчас семь детей живы, все работают, живут дружной семьей.

Помню, передвойной, приехали в отпуск в село Новокрасное мои родственники офицеры, а через несколько дней их срочно вызвали в сельский совет и сообщили, что им следует срочно прибыть в часть. Они уехали, и по селу пошли слухи, что началась война, ведь в это время телефон был только в сельском совете, света и радио не было. Повестки же стали приходить военнообязанным сразу.

Моему отцу и старшему брату Ивану вручили повестки, и мы их проводили. Отец воевал с немцами, а брат на Дальнем Востоке — с японцами. Нас с мамой осталось шесть детей: два брата — Василий (1927 г.р.) и Николай (1939 г.р.), четыре сестры — старшая Анна (1930 г.р.), я, Мария (1931 г.р.), Шура (1934 г.р.), Зина (1936 г.р.) и в 1943 году родилась Нина.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. Отца и старшего брата Ивана забрали в армию, второго брата взяли позже.

Немец продвигался к Москве. Остались семья сестер и Коля с мамой. Дома огород в сорок соток, коровы, овцы, гуси, куры, поросенок. Занимались хозяйством мы, дети, а мама работала сначала в хлебной пекарне, а потом в колхозе.

Дома хозяйством руководила старшая сестра Анна. Мы ее слушались. Дел было много: картошку натереть для хлеба, помолоть какое-нибудь зерно. Народ приспособился — мельницы и ступы делали сами. Дрова возили для дома на тележках и на салазках, сено для скота косили маленькими косами, выкашивали в кустах после сенокоса в колхозе.

Колхозу мы, дети, тоже помогали, занимались прополкой. Мучительно полоть просо, в нем много пырея, который похож на просо. Сор от прополки собирали и на тележке привозили домой, сушили для своего скота. В уборочную собирали колоски и крутили связки для связки

снопов. Женщины косили крюками и вязали снопы. Зимой возили на санках в корыте навоз на колхозные поля.

Уроки делали с «коптюшкой», а также много вязали. Мама пряла овечью шерсть, а мы вязали носки, чулки и даже кофты. Для фронта так же вязали перчатки из овечьей шерсти с двумя пальцами. Все это делали по вечерам. Люди в деревне были очень добрые. Если придешь к подруге, а они обедают, тебя обязательно посадят за стол и накормят. После войны из деревни очень многие стали уезжать семьями в Подмосковье, Рязань. Мы у родственников купили дом и из своего маленького дома переехали в большой деревенский дом. Тетка Наталья тоже купила дом.

В 1943 году у нас родилась Нина. Отец приезжал в отпуск раненый и вот Нина прибавилась. Бабушка Наталья, которая много с нами занималась, учila с нами молитвы, некоторые из которых я до сих пор помню. Помню, как нашу церковь разоряли, всех мужчин собрали стаскивать кресты, они падали, разбивались, а мы, дети, собирали красивые стеклышки. Это все было перед войной, уж и не помню, в каком году это было.

Сколько было радости, когда война закончилась, стали возвращаться домой мужчины и девушки, которые тоже были на фронте, моя двоюродная сестра — фронтовичка. Слава Богу, осталась жива. Отец и братья тоже вернулись живые, а родственники офицеры, с которых я начала воспоминания, так и не вернулись.

Послевоенные годы были еще труднее, чем военные. Из деревень молодежь стала уезжать, так как работали много, но ничего не получали, налоги на все были большие. Специально растили телку или быка и сдавали на мясозаготовку, молоко ведрами носили на молокозавод, с овец — шерсть, с кур — яйца. Были и другие налоги.

Когда я стала учиться в педучилище, меня взяли счетоводом в колхоз. Мама вила веревки для колхозов за трудодни и опорки для населения, потому что все ходили в лаптях. А приспособление, называемое крутилка, маме досталось еще от ее отца, и чтобы на крутилке работать, маме всегда был нужен помощник — колесо крутить. Вот она каждый раз брала с собой кого-то из нас — крутить это колесо. Но как бы нам не хотелось, но все равно мы по очереди ходили его крутить.

Урожай в войну был хороший и многое не успевали собрать. Например, картошку, которая зимой замерзала в поле, а весной мы, дети, с лопатами в руках, собирали эту гнилую замершую картошку, потом ее замачивали, сушили и мололи, а мама пекла нам лепешки. Мы их называли «гуликушки» и ели их с удовольствием, потому что война затянулась, и уже ни магазинов не было, ни в магазинах ничего не было. Жили за счет своего хозяйства. Огород, корова — наши кормилицы.

В 1949 году, уже после войны, я уехала в Московскую область, в город Красноармейск, к своей тёте. Устроилась на работу, на фабрику «КРАФТ» в троспульный цех. Стала зарплату получать небольшую, но мне помогала тётя, подкармливалася. Я стала маме помогать, с мамой оставались четыре сестры и брат.

В 1953 году я вышла замуж за Николая Петровича Антипова. В 1954 году родила сына Сергея, который в настоящее время живет в Сергиевом-Посаде. В 1961 году мы переехали в Сергиево-Посадский район (в п/о Шеметово микрорайон Новый), получили квартиру от «Радона», так как там работали. Я и Николай окончили техникумы: я — плановый, Коля — механизации сельского хозяйства, так как на Радоне нужны были специалисты. Мы, отработав на производстве по сорок пять лет, ушли на пенсию. Вот уже в этих краях живем пятьдесят три года. Самые годы лучшие жизни прошли здесь, на Радоне, и зарплата была нормальная и жильем обеспечили нас, и огородами, и культурно развлекались, и общественной деятельностью занимались, благоустройством, помогали на прокладке газа и так далее, помогали совхозам в уборке урожая и на сенокосы ездили. Сейчас мы уже старенькие. Николай умер в 2014 году в возрасте, я пока живу, мне в декабре исполнится 83 года. Жизнь хорошая сейчас, смотришь, как одеты детки красиво, какие у малышей коляски, машины у домов все новые, красивые, мы этого в молодости ничего не видели, потому что война отняла всё.

В 1947 году у нас умер отец. Мама умерла в 1965 году. Три брата и младшая сестра Нина, которая родилась в 1943 году, умерли, нас осталось четыре сестры, пока живем потихоньку, но здоровья уже нет.

Арефьева (Носкова) Валентина Николаевна

Эти страшные годы печали

Я родилась 3 января 1940 года в селе Козьма-Демьяновка Должанского района Орловской области в крестьянской семье, состоящей из пяти человек: моя мама — Варвара Федоровна Носкова, бабушка — Ольга Абрамовна Носкова, тетя — Пелагея Фроловна, папа — Николай Фролович Носков.

Мои воспоминания о войне переплетаются с моими детскими воспоминаниями и воспоминаниями моей мамы. Мой папа, по словам мамы, находился на действительной службе в городе Воронеже в стрелковой части. Проработал он только три месяца, а в 1941 году, когда началась война, папа приехал проститься с нами. Подхватив

меня на руки и прижав к себе, он сказал: «Наверно, я вас больше не увижу!» На фронте он воевал на Орловско-Курской дуге. И действительно, ни он нас, ни мы его больше не увидели. А в моей памяти запечателась похоронка, которую вручили бабушке. В тот момент, сидя на сундуке, я пела песню «Скакал казак через Долину». Сколько я себя помню, я всегда пела, было мне плохо или хорошо, я пела всегда и до сих пор пою, хотя мне уже исполнилось семьдесят четыре года.

Бабушка мне тогда сказала со слезами на глазах: «Внучечка, что же ты поешь, у нас ведь твой папа погиб на войне!» Тогда я, забравшись по лесенке на русскую печь, стала причитать: «Мой папа погиб на войне!» И так несколько раз подряд. Отец мой умер в госпитале от тяжелых ран.

Детство мое и жизнь моей семьи были трудными. Обуви и одежды практически не было никакой. Одни разношенные валенки на всех, да старое тряпье, которое стиралось в золе, вернее, золу разводили в горячей воде, сливали воду, отделяя от золы и стирали в ней. Ели хлеб из лебеды да гнилой картофель, который промывали в воде из родникового колодца. Пекли оладьи.

Мама моя Варвара Федоровна, трудилась на трудовом фронте, так как фронт был совсем рядом. Однажды мама принесла мне гостинец — два тоненьких кусочка черного хлеба, а еще и печеньице, которое умешалось в моей маленькой ладошке. Это был мамин паек, который она приберегла для меня, оставив его для меня. Я все это съела, но это только разожгло мой аппетит — так хотелось есть. На печке лежал засохший маленький коричневый обмылок и, думая, что это мясо я его съела. Бабушке пришлось изрядно со мной потрудиться, чтобы вымыть мыльную пену из моего рта.

Помню, что территория Орловской области была оккупирована немцами. Немец жег все селенья без разбору. Наша хата, которая была покрыта соломой, тоже сгорела. Люди, потеряв жильё, рыли землянки и жили в них.

Помню бомбежку. Мы с мамой спали в «пуньке» (сарае), где находился торф, солома, прутья от ракиты и сено. Мама очень боялась бомбёжек, я же, не понимая, что происходит, была очень маленькой, обнимала ее, успокаивала, еще не выговаривая буквы, говорила: «Не бойся, не бойся, он в тебя не попадет!» А мама все время бомбёжки шептала молитвы. Бабушка с тетей спали в хате, без крыши и окон.

Окна были заткнуты старым тряпьем. Уже после войны мама с бабушкой крыли крышу соломой. Набирали граблями солому, складывали ее очень плотно и все это выкладывали на крышу. Во время оккупации мама мазала лицо сажей, чтобы немцы не приставали. Она ждала папу всю войну и после.

Еще я помню, что немец спилил у нас большой сад и сделал перевалу через речку Кобылку.

Я помню, что нас немцы выстроили в ряд. Мама держала меня на руках, а я, увидев немца, начала плакать. Это был немецкий офицер, холеный, подтянутый, высокий и бледный. Может быть, из-за серого военного мундира. Он недолгое время стоял и смотрел на меня, как я плачу. Затем достал из нагрудного кармана шоколадку, обернутую в разноцветную фольгу, подошел и сунул мне в ручку. Я же, не зная, что это за чудо, рассматривала его. Он отошел и заново подошел к маме, взял из моих ручонок шоколад, развернул его и положил мне в рот. Я начала есть шоколадку и перестала плакать. Мама же шептала в ухо, дергала меня и щипала за левый бок: «Плачь, зараза, плачь!» Это она от страха. Немец развернулся и ушел.

Когда немцев припекло — наши войска стали одерживать победы, они стали заигрывать с мирным населением. Не стали стрелять в нас, а стреляли в воздух.

День Победы запечатился в моей памяти таким. У нас в огороде был посажен картофель. Ботва была уже большой, зеленой. Я была на улице. Вдруг с ревом появился самолет в небе. Я к маме бросилась с криком: «Мамка, немецкий самолет летит!» и упала, запутавшись в картофельной ботве. Мама выбежала ко мне навстречу со слезами на глазах: «Доченька, не бойся, это наш самолет, советский! Сегодня День Победы! Война закончилась!»

Многое еще сохранилось в моей памяти и, когда я вспоминала свое детство, мама взмахивала руками и говорила: «Ах, дочека, неужели ты все это помнишь? Ты же была совсем маленькой!»

И я теперь, будучи уже взрослой пожилой женщиной, обращаюсь к женщинам всей России, словами из стихотворения собственного сочинения:

Молитесь, женщины России,
Молитесь за солдат отважных,
Молитесь, люди всей России,
За мир на всей Земле!
Чтоб Бог и Ангел в мире этом
Услышал нас, увидел нас,
И чтоб могучую Россию
От всех напастей в жизни спас!

Архипова Людмила Федоровна

Шёл 1942год. Июнь. Мои родители Войновы Фёдор Григорьевич и Мария Кондратьевна приехали в город Котлас на барже из Белозерска. Баржа перевезла портальные краны, которые были закуплены в Германии передвойной за валюту и работали на реке Свирь в Вознесенье.

Когда началась война папу в армию не взяли из-за плохого зрения. Он был хорошим специалистом по портальным кранам. В июле 1941 года они были на военном положении, им выдали винтовки, патроны и гранаты. Днём работали, разгружали грузы, а вечером военная подготовка. В августе

перевели на казарменное положение, они несли службу, выполняя задание военкомата. В конце сентября, после выполнения задания, они попали в окружение, их обстреляли, захватили в плен 10 человек, в том числе радиста Репишева Ивана. Те кто вышел из окружения, пришли в Вытегру. Из Вытегры их вместе с флотом отправили на зимовку в Белозерск. После ремонта кранов приехал представитель Северного речного пароходства и речной флот эвакуировали в город Котлас. Плыли они три месяца. Баржа постоянно подвергалась бомбёжке, а крановщики ехали с семьями. У моей мамы на руках была годовалая дочка, которая от страха сильно плакала, когда самолёты бомбили караван и волны захлёстывали палубу.

Город Котлас стоит на берегу реки Северная Двина, это был город ссыльных поляков и немцев, но в Европе шла война и они оставались жить в Котлasse. Здесь также жило много переселенцев из голодающего Поволжья. Вот в таком городе нам предстояло жить. Жили на дебаркадре в каюте, а зимой в кантоне. В одной комнате жило сразу несколько семей, которые отделялись занавесками. Продукты выдавали по карточкам, их не хватало и маме меняла приходилось менять вещи на еду. Когда приходил в порт груз, то всех женщин и подростков отправляли на разгрузку, а маленькие детишки оставались дома одни. В 1943 году мы смогли посадить в огороде овощи и картофель, который в то время называли вторым хлебом. Город неоднократно подвергался воздушным налётам, бомбили мост через реку. По этому мосту наши эшелоны везли уголь, нефть и другие грузы вглубь страны.

Я родилась 23 июня 1944 года. Врач на протезе сказал: «Девочка в рубашке родилась, значит скоро конец войне», а через много лет он спасёт жизнь моему сыну.

Весной 1947 года, уже после войны, нас настигла другая беда. Затопило

город, приходилось по улицам плавать на лодках, а когда вода ушла, люди начали болеть холерой. Я тоже заболела, но я родилась в рубашке и выжила.

Ели всё подряд, размачивали жмых, он быстро утолял голод, но только потом раздувался и болел живот. Любили дикий чеснок, щавель, лакомились красным клевером, сок у него был очень сладкий.

В семь лет я пошла в школу, мама сшила сумку из ткани, ремешок через плечо. Брат водил меня в школу, сам он учился в третьем классе. В школе было иногда так холодно, что замерзали чернила, тогда мы писали карандашами.

В 1952 году мы получили квартиру в финском деревянном доме на две семьи, рядом построили сарай, где держали поросёнка, козу и кур. Всё лето трудились на огороде, косили траву для животных, собирали ягоды и грибы на зиму.

Зимой 1961 года мы всем классом заработали деньги на очистке путей от снега и после окончания 10 класса на грузовой машине поехали в Москву. Добирались мы четверо суток. Днём ехали, а вечером ставили палатки для ночёвки. По пути увидели много интересного, даже заехали посмотреть город Горький. В Москве жили десять дней в интернате. От Москвы все были в восторге!

А через год закончили школу и все разъехались. Я поступила в Великоустюгское педагогическое училище. После училища по распределению поехала работать в Вологодскую область. А в 1967 году муж окончил институт и мы с ним поехали работать и жить в Загорск на Ферму.

Мамам

*Мы дети войны, родились в сорок первом.
Не ведая страшной кровавой беды.
И мамы своих отдавали младенцев
В приюты и ясли, отняв от груди.
Нас мамы, отдав, уходили работать
В больницу, к станку, разгружали в порту.
Лишь вечером поздно, забрав своё чадо,
Могли положить у тёплой груди.
Но как-то на север болезнь залетела,
Из тёплых краёв заблудилась сюда.
Трясла и ломала, огнем пожирала,
Страшнее врага малярия была.
Как только смогли, мы её одолели,
Но тут уж и голод пришелся с клюкой.
Нам мамы по карточкам хлеб получали,
И тюрю варили, залив кипятком.*

*Вот так и росло поколение наше,
Мы, дети войны, нас так мало сейчас.
И мамам спасибо за подвиг отважный,
За то, что они сохранили всех нас!*

*Я родилась в былье времена,
Когда война гремела по планете.
И кровь людская, как вода текла,
Всё очень зыбко было в этом свете.*

*Моя сестра, ей только пятый год,
И брат, которому шел третий.
Я родилась июньскою порой
В том самый длинный день на свете.*

*Светило солнце, колыханье волн,
И день был тёплый, яркий, как на юге,
Но север окружал со всех сторон,
Мы жили в дебаркадере, в каюте.
Нас мама сохраняла, как могла:
Кормила грудью и варила кашку,
Меняла вещи, чтоб еда была.
Саму от голода шатало словно в качку.*

*Когда же приходил к нам караван,
Всех женщин выводили на разгрузку.
Мы спать ложились трое на топчан
И с нами кошка рыжая Маруська.*

*Нам эти годы детства не забыть!
На белый хлеб смотрели, как на чудо.
От голода хотелось волком выть,
Хлебали тюрю мы из блюда.*

*Хотелось нам побегать босиком,
Хотелось нам тепла и ласки.
Промерзлая земля — не отчий дом,
Хоть щедр был Север на людей и краски*

*Мы не смогли вернуться в отчий дом,
Его война сожрала, поглотила.
Привыкли и на Севере живем,
И там сейчас родимые могилы.*

Астафьева Лидия Александровна

Дети войны

Дети войны... Какие они? Какие основные черты этого поколения?

- Жили по принципу «Раньше думай о Родине, а потом о себе»;
- Туризм, походы, работа на целине в летние каникулы – романтика (поколение романтиков);
- Неравнодущие к судьбе ближнего, всегда придут на помощь;
- В каждом дне можно найти массу необыкновенного и жить надо в ожидании ЧУДА. Главное на свете – сама жизнь. Жаль, что немногим из нас хватает мужества быть счастливым каждый день.

Я родилась 4 октября 1936 года в огромной семье (у бабушки было 12 человек детей – 6 выжили, жили вместе в большом двухэтажном доме, дедушка – машинист на железной дороге). Воспитывали меня бабушка и тётя – отца призвали в армию в 1939 году: сначала на Финскую войну, затем на Великую Отечественную войну, пропал без вести в 1943 году в районе Курской дуги. С мамой они развелись – она, кстати, тоже была призвана в армию как связистка.

Жили трудно, бедно. Мы с бабушкой спали на одной кровати – вторую сдавали двум студенткам.

Что осталось в памяти?

- Через Сызрань шли части Красной Армии, и каждую ночь нам на ночлег определяли солдат (спали на полу, вповалку). Всё время были голодные, лепёшки с лебедой, жмых – лакомство. Не было электричества – керосиновые лампы, писали на старых газетах, обёрточной бумаге (в школу пошла в 1944 году).

Победа! Радость, каждый вечер бегали встречать поезда – ждали папу, дядю с фронта.

Училась хорошо, школу закончила с серебряной медалью, поступила в Казанский университет на физико-математический факультет. Группа была дружная, два года подряд ездили на целину (первый год – вся группа целиком). Работали на берегу притока Иртыша, жили в палатках, делали саманы – кирпичи из глины с соломой. По вечерам ходили за пять километров на танцы в Центральную усадьбу.

Второй год – работа на комбайне с 5-6 часов утра до 23-24 часов. Уставали очень!

Курс очень дружный, до сих пор в мае-июне встречаемся в Казани (раньше – каждые пять лет, а в последние годы решили встречаться каждый год). Я была последний раз на такой встрече летом 2012 года. Приехали очень пожилые, солидные люди – доктора наук, профессора – специ-

алисты в области физики, математики, механики – со всех концов нашей страны (Подмосковье, Ленинград, Прибалтика, Камчатка и пр.). Даже из Германии приехал один из выпускников нашего курса. Очень интересные встречи.

По окончании университета в течение 20 лет работала на Загорском электро-механическом заводе (ЗЭМЗ), занималась настройкой электронно-вычислительных машин (потом разработкой отдельных частей) для оборонной промышленности. К работе относились ответственно, работала с интересом. Коллектив цеха – это была одна дружная семья. Жили интересно, работали с большой самоотдачей, не считаясь со временем (зачастую с утра до 22-24 часов). Один раз на новом заказе я двое суток не выходила из цеха – надо было срочно готовить устройство к сдаче ВП (военной приёмке). Награждена медалью «850-летие Москвы».

В свободное от работы время ездили на сельхозработы (помощь колхозу, совхозу). Позднее, начиная с 1991 года, целые поля с готовым урожаем уходили под снег, и люди проявляли полное равнодушие к этому. Меня это возмущало до глубины души. Всё это можно было назвать одним словом – «вредительство». Думаю, что и сейчас надо всем миром поднимать сельское хозяйство. Молодёжь совершенно не приспособлена к физическому труду.

Очень сближали, объединяли коллектив цеха общие творческие интересы. В цехе было много талантливых людей: свой эстрадный оркестр, чтецы, солисты, поэты. Готовили праздничные программы, участвовали в городских, районных и областных смотрах, конкурсах самодеятельности.

В 1965 году посетила Чехословакию в составе делегации от Загорска (от ЗЭМЗа послали двух человек: секретаря комсомольской организации завода и меня).

В 1967 году прошла несколько туров на поездку с концертной программой в три страны: Финляндию, Германию, Швейцарию – по ли-

ни ЦК ВЛКСМ, но завод не дал разрешение на выезд за границу.

Спустя некоторое время у нас в ДК появилась профессиональная вокалистка – Елена Михайловна Рожкова, бывшая артистка Московского театра оперетты. У неё я занималась вокалом двадцать лет. Меня несколько раз приглашали петь на Всесоюзное радио (на Пятницкой), на телевидение, даже на профессиональную сцену (в солистки к большому оркестру, сразу гастроли по Союзу).

Много хорошего было в те годы. Люди горели на работе, людям было внимание, много уделялось времени работе с молодежью, с детьми (ясли, детские сады, лагеря, дома отдыха, клубы и пр.).

Большую роль в моей жизни сыграл пионерский лагерь им. Вали Котика. Я попала туда случайно и очень увлеклась этой работой.

В 1980 году резко поменяла профессию – перешла в Абрамцевское художественно-промышленное училище старшим воспитателем. Прекрасное училище, великолепные дети, с ними очень интересно было работать.

Детьми занималась и раньше – была бессменным председателем родительского комитета в классе, где учился сын (ХСШ №1). Водила ребят в походы, готовила концерты, сборы. Инициатор и организатор хоровой студии при ХСШ №1.

В АХПУ работала пять лет. Готовила и проводила очень интересные вечера, на которые пыталась попасть молодёжь всего города. Установили связь с Щукинским училищем (они приезжали к нам, помогали

ставить спектакли, мы ездили к ним на дипломные спектакли, обменивались стенгазетами и пр.). Награждена почётной грамотой за патриотическое воспитание молодёжи – за подпись Алексея Маресьева.

В 1985 году перешла на работу в СПТУ-88 учителем физики. Пользовалась уважением в коллективе, хороший контакт с ребятами, но – проблемы с транспортом.

С 1987 года – организатор внеклассной работы в ХСШ №4, учитель физики, ботаники. Три года ездила в МОИУУ на соответствующие курсы повышения квалификации. Работала с душой, пользовалась любовью ребят. Развернула работу с ветеранами, усилила туристическую работу (в День здоровья все классы с 1-го по 11-й отправлялись в поход), часто возила ребят на экскурсии (Ленинград, Волгоград, Киев, Карелия, города Золотого Кольца России).

В 1992 году пригласили работать в администрацию Хотькова по организации городских мероприятий (прошла отборочный тур, было несколько кандидатур). По моей инициативе был учреждён городской конкурс «Юное дарование», который проходил в Хотькове ежегодно в течение пяти лет, пользовался большой популярностью. Подготовкой и проведением этого конкурса занимались вместе с Н.В. Кожущенко.

В 1992 году впервые в истории Хотькова был подготовлен и проведён городской праздник День знаний с обширной программой (даже воздушные аэростаты поднимались в небо с территории спорткомплекса «Энергия»); стали традиционными экскурсии по городам Золотого

Кольца в День знаний (торжественно на линейку к каждой школе подавали автобус – подарок администрации). Последние годы городская казна не выдерживала подобных затрат.

При конференц-зале администрации организовала самодеятельность на хорошем уровне, готовили концертные программы, выступали с ними. Добилась открытия городского клуба на базе арендованного зала спортивного комплекса «Энергия» и выделения четырёх ставок на работу с детьми при этом клубе в 1995 году. Это, собственно, начало, корни сегодняшнего культурно-досугового центра «Юбилейный».

В 1996 году постановлением главы Сергиева Посада В.Д. Гончарова я добилась открытия Дома творчества детей и юношества (ДТДЮ) и стала его первым директором. Приняла здание с разбитыми стёклами, рамы на одной петле, отопление неисправно, канализация в страшном состоянии, ни стола, ни стула. Первое совещание – на партах, оставшихся от воскресной школы, в насквозь продуваемом помещении. Сумели к Новому году привести всё в порядок, собрать мебель по всему городу и подготовить к Новому году большую интересную программу для детей всех возрастов: новогодние ёлки, подростковые кафе, молодёжный бал. Впервые была подготовлена новогодняя программа на площади города. Коллектив в Доме творчества подобрался творческий, успехи несомненные. Мероприятия проходили на высоком уровне. Интересны межшкольные городские игры: «России верные сыны», «Земля – наш дом» и пр. Вели работу и со взрослым населением: встречи, вечера, ретро-вечера, концерты для родителей. Участвовала в них (пою с 1959 года, было три творческих вечера – двухчасовые концерты). Подготовили и провели День семьи (15 мая – Всемирный день семьи), на котором отметили семьи, оказывающие помощь Дому творчества, пригласили молодые пары, которые были зарегистрированы в этом году (будущих родителей наших детей), провели конкурс между ними, в промежутках – концертные номера. Решили эти вечера ввести в традицию, ибо семья – «это та сказочная пена морская, откуда берётся всё лучшее в детях». Последнее время постоянно слышим с экранов телевизоров: «Год семьи», «Год ребёнка». Но почему-то финансирование детских учреждений уменьшается и, как следствие, уменьшается количество кружков; закрывают, разворачивают и продают в частные руки объекты социального назначения: детские лагеря, дома отдыха. Летом у многих семей возникает трудная проблема, куда определить ребёнка. Стоимость путёвок в лагерь не всем по карману. И порой дети летом бывают предоставлены сами себе. С экранов телевизоров льются ужасные пошлости, пропаганда насилия, порнографии (ликбез для нашей молодёжи), три раза в день показывают суды, кинофильмы, где главные герои «менты» и «преступники». Вся эта чернота воспитывает

в человеке агрессию. Ничего светлого, чистого. Отсюда – наркомания, пьянство, рост преступности. Правда, бывают и интересные публицистические программы. Глаза отдыхают на наших старых фильмах.

На пенсию ушла в 70 лет, но дел по-прежнему много, жить интересно. Много пою (в ДК им. Ю.А. Гагарина, ОДЦ «Октябрь», в соцзащите и пр.) – ретро-программа, романсы. До недавнего времени входила в состав комиссии по культуре и образованию общественного совета г/п Хотьково, но вышла из состава совета по собственному желанию (тяжело по состоянию здоровья, ездить далеко – живу в Афанасове (Сергиев Посад) при слепом муже). Но в курсе всех событий в Хотькове, приезжаю на концерты, в основном юбилейные, и иногда сама пою на прекрасной сцене КДЦ «Юбилейный».

Считаю, что жизнь моя состоялась. У меня муж, который меня понимает, всем интересуется, хотя и не совсем здоров (почти слепой), сын – художник, сноха и очаровательная долгожданная внучка Сонечка.

В моём окружении всегда были люди интересные, творческие, неравнодушные, целеустремлённые. Хотелось бы вспомнить некоторых из них: Ю.Я. Цыпин (бывший директор АХПУ), В.И. Полин (преподаватель АХПК, кинорежиссёр), Ю.Н. Черняев (директор кинотеатра «Юбилейный»), Т.С. Попенкова, Н.И. Шевелёв, Л.И. Двойченкова (преподаватели ХСШ №1), Е.М. Вороная, О.С. Бирева, А.М. Мешалкин, Н.Н. Шуруева (работники ДТДЮ «Кристалл»), С.В. Жеглова, Яна Исаева, В.В. Мороз (наши экологи), С.Н. Сычугов и многие другие (перечислить всех невозможно). В последнее время – это необыкновенно творческие люди Н.В. Малинина и Л.Г. Галицкая.

В общем, если спросите меня: «Как живёте?», отвечу: «Слава Богу, беспокойно!» (слова не мои, но мне подходят). Говорят: страшна страсть, болезни, а я боюсь только одного: потерять интерес к жизни. Сидеть на лавочке и лузгать семечки – это не для меня.

Бабушина (Макарычева) Инна Васильевна

Детство было невыносимо тяжелым

«Здравствуй, моя дорогая, хорошая моя, Нюрочка!»

Целую тебя, моя радость, крепко-крепко и горячо обнимаю. Еще целую мою маленькую Инночку и желаю ей скорее вырасти и быть большой и счастливой. Нюрочек, я очень беспокоюсь, что за два месяца не получил от тебя ни одного письма, хотя сам писал три раза. Получила ли ты денежный аттестат и деньги, которые я выслал еще в июне месяце? Если не получила аттестат, то поезжай в военкомат и скажи, что ты жена политрука, муж выслал аттестат на деньги еще в июне, и я его не получала, тогда тебе будут выплачивать так. А для меня возьмешь справку о том, что в Загор-

ском райвоенкомате ты по аттестату деньги не получала и мне выдадут другой, и я тебе его вышлю.

Нюрочек! О себе писать не знаю что, как видишь, я уже не на штабной работе, а политруком роты, на перевод из штаба выпросился сам. Хочу быть на передовом посту и уничтожать собак всеми силами.

Нюрочек! Очень прошу скорее ответить мне, а то я ужасно волнуюсь, как вы с дочуркой живете. Вот и все. Привет всем. Целую, целую, целую.

Твой Вася»

на передовую, как он написал в письме: «Хочу уничтожать собак своими руками». На войну ушли и дети моей бабушки (мои дяди) Иван Дмит-

риевич и Константин Дмитриевич Денисовы. В 1945 году мне было пять лет и я запомнила самые печальные моменты того времени. Они врезались в мою память на всю жизнь. Детство мое проходило в деревне Выпуково Загорского района. Жила я с бабушкой, Марией Сергеевной Денисовой, так как папа, Василий Григорьевич Макарычев, был на фронте, а мама, Анна Дмитриевна Макарычева, работала круглосуточно на Краснозаводском химическом заводе, где выпускали боеприпасы. В 1942 году погиб на фронте мой папа. В три-четыре года я уже понимала, что у меня нет папы, да и маму я почти не видела, а бабушка много работала в колхозе. У меня сохранились письма с фронта от моего папы. Каждое письмо проникнуто большой любовью к моей маме и ко мне. В начале войны он служил при штабе в городе Севастополе младшим лейтенантом, но сам «выпросился»

риевич и Константин Дмитриевич Денисовы. Мы с бабушкой ждали от них писем, но они приходили очень редко и вызывали слезы на долгие недели. В конце войны погиб младший сын бабушки, Костя, который ушел на войну в пятнадцать лет и был связистом. Горе её невозможно было измерить. Старший сын, Иван, вернулся с фронта инвалидом. Я хорошо помню день возвращения с фронта дяди Вани. Мы все — бабушка, мама и я — с нетерпением ждали его возвращения. И можно себе представить, как мы все «вцепились» в него с плачем, когда он пришел с фронта.

Мама оплакивала своего любимого мужа Васю, бабушка своего сыночка Костю. Дяде Ване, который прошел всю войну и выжил, было тяжелее всех, потому что он видел невыносимую боль в глазах своих родственников, которые потеряли мужа и сына. Он, кажется, даже испытывал чувство вины, что не погиб вместе с зятем и братом. Несмотря на то, что мне было пять лет, это все мне врезалось в память на всю жизнь. Детство было невыносимо тяжелым.

Балашова Валентина Ивановна

Мы приближали День Победы

Я, Валентина Ивановна Балашова, родилась в 1936 году в Горьковской области, Переездского района, в деревне Сквозково. Родители мои работали в колхозе. Нас было у родителей трое. Мы с сестрой и брат. Когда началась война, отца, забрали на фронт. Мы остались с матерью. Старшую сестру забрали копать окопы. У нас была корова, но она заболела и остались мы без неё. Есть было нечего — собирали гнилую картошку. Собирали с орешника сережки, сушили, молотили и пекли лепёшки. А летом питались только зеленью.

Запомнила я 4-й класс. Старшую сестру отправили на торфоразработки, где она работала два года. Ей было семнадцать лет. На третий сезон она отказалась ехать, за что её посадили в тюрьму. Мама ходила косить в колхоз, а нас поднимали в четыре часа утра — разбивать валки сена. Мне тогда было всего десять лет.

Из нас, подростков, было сформировано три звена. На комбайне я проработала два сезона. В семнадцать лет поехала на торфоразработки. Как приехали, нас тут же направили пилить лес. Потом из того леса перекладывали трубы на поля. Вечером, когда приходили с поля, не могли даже лапти снять, так и засыпали в одежду.

Балюк (Саенко) Елизавета Ивановна

Сало на завтра!

Елизавета Ивановна Балюк родилась 2 мая 1940 года в предгорном селе Безымянное Горячено-Ключевского района Краснодарского края в семье молодых учителей Ивана Даниловича и Агриппины Исааковны Саенко, приехавших после окончания педучилища работать учителями в семилетней школе. Одновременно с ними приехала ещё одна пара: Аким Петрович и Агафья Григорьевна Чеха. Когда мне было от роду два месяца, в конце июня 1940 года папу и всех молодых мужчин призвали на военные сборы, то есть на подготовку к войне.

Через год, 22 июня 1941 года, началась Великая Отечественная война. Мама хотела поехать вместе со мной к старшим сестрам, Полине и Ефросинье, в Кореновский район Краснодарского края, но всех жителей нашего села убеждали, что немцев в горы не пустят, что в Волчьих воротах, где горы сходятся у основания и протекает речка Псекупс — приток реки Кубани, наши войска хорошо подготовились к обороне. И мы остались в своем селе.

Чтобы соблюсти хронологию событий, я продолжу повествование от имени моей старшей двоюродной сестры Людмилы Ивановны Болобан (Максименко) 1936 года рождения.

С осени 1941 года мой папа, Иван Степанович Болобан, а также папы моих двоюродных сестер Тамары и Лизы, все три Ивана, уже были на фронте. Я не понимала, почему мой папа уехал, а я осталась с мамой. В начале августа 1942 года в 3-е отделение совхоза сахарного комбината им. Микояна станицы Кореновский приехал военный из райвоенкомата. Он, собрав руководство и рабочих совхоза, попросил разобрать оставшееся на токах обмолоченное зерно и сказал: «Оно вам пригодится». И ещё как пригодилось! Наши рабочие выполнили просьбу руководства района. Зерно развезли, разнесли, спрятали. В это же время в соседнем совхозе люди жги еще не сжатые в полях зерновые, чтобы не достались врагу.

Первые впечатления о немцах. Немцы вошли в поселок без боя, на вид странные для нас, детей. Вели себя довольно мирно, чувствовали себя, как на курорте, купались в речке, ходили в трикотажных трусах.

Представители созданной немцами жандармерии на улице приступили к переписи населения, поставили стол с портретом Гитлера, бывший кулак целовал портрет и говорил при людях: «Это наш спаситель».

Через некоторое время мою маму вызвали в жандармерию и предъявили претензию, что она не прошла перепись населения. Она сказала, что прошла, тогда ее отпустили. Через некоторое время ее снова вызвали с тем же вопросом. Она ответила, что прошла — ее номер 140, а ее дочери — 141 (они по этим номерам нашли запись). Стали допытываться, с какой целью она это запомнила. Да ни с какой — просто видела, когда записывали. Ее отпустили.

Через день к ней пришел помощник старосты Григорий Герасимович Шкавро и сказал, чтобы она немедленно уезжала из поселка к своей сестре Пелагее на хутор Пролетарский и чтоб никто об этом не знал. Возможно, потому, что папа был заслуженный комбайнер, и мама принимала активное участие в жизни совхоза. Он дал нам телегу с лошадьми, а соседка, Евдокия Ивановна, рискуя своими детьми, отвезла нас на хутор Пролетарский. Не знаю дальнейшую судьбу Г. Г. Шкавро, но помог он многим односельчанам. Перед отъездом мама спросила его: «Зачем вы так рискуете?» Он с улыбкой ответил: «Да, если с вами что случится, то твой Иван меня сотрет в порошок». До конца оккупации Кубани мы жили у тети Поли с ее дочерью Тамарой. Все дальнейшие события происходили в ее доме на окраине хутора.

Однажды вошли во двор одиннадцать немцев во главе сunter-офицером. Когда они прошли в дом, тоunter-офицер разлегся на нашей кровати, положив голову на подушки, а ноги на спинку кровати. Нас вчетвером — маму, тетю Полю, меня и сестру Тамару — отправили за печку. Остальные разлеглись на полу в большой комнате. Наше существование было привязано к режиму немцев. Рано утром десять немцев уходили в окопы, а один оставался дежурным — готовил ужин.

В первый же день дежурный немец прошел по хутору, наловил в мешок кур и приказал маме и тете Поле их приготовить. Когда немцам подали кур, разразился скандал: они ругали дежурного за мародерство. Вероятно, им было приказано не конфликтовать с населением. Больше они ничего ни у кого не брали, а к нам, детям, относились хорошо. Иног-

да угожали печеньем, галетами. Большинство из них были семейные, у них были дети, иногда мы видели, как они плакали над фотографиями.

Бани не было. Немцы были завшивлены. Перед тем, как утром уйти в окопы, они пили кофе. Топить печку камышом они не умели и поручили это дело тете Поле. С вечера она со свойственным ей юмором спрашивала немца: «Чёрт Иванович, кофий варить будем?» Немец отвечал: «Я... я!» Тётя Поля с утра топила печку, готовила кипяток, а немцы, торопясь, разбавляли его холодной водой, тогда тетя Поля спрашивала: «Хлопцы, а окопы свои не обделаете?» Немцы отвечали: «Я... я!»

По-русски они не понимали, но один из них немного понимал по-польски и по-русски. Однажды он спросил тетю Полю: «Матка, а чтобы ты делала, если бы сейчас сюда пришел твой большевик?» Этот вопрос он перевел немцам. Они внимательно ждали ответа. Тетя Поля сказала: «Интересно, а что делала бы твоя жинка, если бы сейчас ты появился перед ней?» Когда немцы услышали перевод ответа, они долго хохотали, жестикулировали, имитируя эту встречу. Оглядываясь с высоты прожитых лет, я восхищаюсь матерями, которые вынесли эту войну на своих плечах. В то же время не только сохранили своих детей, но были бесконечно добры ко всем даже незнакомым людям.

Не могу забыть такой случай! Под вечер немцы были в доме. Раздался стук в дверь. Вошли два подростка. Они спросили у тети Поли, как им пройти на станцию Тимошевскую? Они идут к тете, так как их мама погибла. Тетя Поля заволновалась. Идти через лес ночью, волки могут быть и предложила им остаться до утра. Они отказались. От еды тоже отказались, а попросили показать им дорогу. Поляк спросил, кто это? Тетя ему объяснила. Потом заставила их взять по куску хлеба и пошла их провожать. Через несколько дней, когда в феврале 1943 года хутор освободили, она рассказала продолжение этой истории. Когда она опять стала уговаривать ребят оставаться, один из них шепнул: «Мы разведка, через два дня здесь будут наши». Отвернулся полу пальто, и она увидела за поясом пистолет и гранаты. Со свойственной ей темпераментом, она сказала: «Какие вы к чёрту разведка, если завалились в комнату, полную немцев, а если бы вас обыскали, что было бы, а здесь, дети!» С этими словами она проводила их и пожелала жить долго.

После отступления немцев на окраине хутора в нашем доме остановился штаб нашей дальнобойной батареи — комбат, радист, четыре

наблюдателя. Радист все время был за радицей и вызывал: «Дунай, я Волга». Огонь из дальнобойной батареи корректировал наблюдатель с дерева, но его «снял» снайпер, он упал, ему фельдшер оказал помочь и пообещал, что жить тот будет.

В первый вечер нахождения в нашем доме этого штаба, когда пришло время ложиться спать, мы с сестрой Тамарой, как обычно, стали перед иконкой Божией Матери с младенцем и начали молиться. У нас была очень простая молитва: мы просили Бога сохранить нашим папам жизнь, чтобы они поскорее вернулись домой. Солдаты, пораженные этой картиной, украдкой смахивали слезы.

Забегая вперед, не могу не сказать с радостью, что наши папы, три Ивана, все вернулись с фронта, пусть больные, раненые, контуженные, но живые.

Далее я, Е. М. Балюк, опишу события из воспоминаний моей мамы и других жителей села Безымянное и села Фонагорийское, которые оказались в оккупации.

Окопы. Я уже писала, почему мы не эвакуировались — в Волчьих воротах находились наши войска и нам обещали, что немцев в горы не пустят. В Волчьих воротах наши войска действительно хорошо подготовились к обороне, чтобы не пропустить немцев в горы, к морю, портам и нефти. Но предатель провел немцев через Узунове ущелье, и в сентябре 1943 года на рассвете после бомбежки они вошли в село Безымянное. Все жители, а это, в основном, женщины и подростки, копали в своих дворах или в лесу окопы, делали в них настил из веток и прятались в них, когда бомбили село. После бомбежки возвращались в свои дома, если было куда.

Роды в окопе. Летом 2014 года я ездила на свою малую Родину — село Безымянное, чтобы поздравить мою первую учительницу Рогач Ефросинью Ефимовну с 95-летием. Она такая же маленькая, подвижная и помнит все, что было и как.

Меня потряс эпизод из ее жизни. Она рассказала, что во время бомбейки с соседями побежала к окопам и у нее начались родовые схватки. Женщины, несмотря на бомбейку, постелили солому в окопе, принесли все кто, что мог, а принимать роды никто не решался. Уговорили бабушку Бурлаченко. Когда на свет появилась девочка, все обрадовались.

После бомбейки она прибежала в свой дом с младенцем. И хотя там уже были немцы, ее они не выгнали. Она была с малышкой в доме. А один немец ей приносил еду, говорил, что у него тоже есть «киндер» — дети. Во время бомбейек она с ребенком уходила в окоп. Было там сыро и холодно. Однажды немец принес ей еду в окоп и сказал, показывая на младенца: «Он мертвый — ты ее час назад кормила! Смотри у нее спина синяя». Похоронила дочку и вернулась в дом. Вскоре немец пришел очень грустный, сел и говорит : «Сегодня ночью ваши побили много наших. Что поделаешь — война».

Многие немцы чувствовали обреченность, но не все ожесточались против мирных жителей. А другие зверствовали.

Оккупация. Валентина Павловна Трегубова (Буцева), жительница села Фанагорийское, в трех километрах от села Безымянное вспоминала, что эти села разделяет большая гора под названием Фонарь-гора, здесь и стояли немецкие укрепления.

Немцы вели себя в селе, как хозяева: у нас они зарезали поросенка и кур. Меня и маму из дома выгнали. Шли дожди. Мама под домом вырыла яму, в которой мы сидели на табуретках. Когда яма наполнилась водой, немцы нас пустили в дом, на печь. Я плачу, кушать хочу. Мама на чердаке нашла для меня сухие дикие груши, что мыши не доели.

Маму заставили стирать белье немцам, а я держусь за ее юбку и плачу. Один немец выходит, хватает меня за шиворот, достает пистолет — хотел меня убить. Мама стряхивает мыло с рук, бьет себя в грудь и кричит: «Пан, убей меня, а потом ее». Другой немец вышел и что-то сказал ему. Он бросает меня, как щенка на печку, и я качусь кувырком. Другой подошел к маме и на русском языке говорит: «У меня дома два киндеры, я война не хочу».

Однажды в феврале 1944 года жителей села собрали и погнали на работу, шли через Узуновое ущелье в поселок Ключевая — Волчье ворота были перекрыты русскими солдатами. В Ключевой нас, двенадцать человек, затолкали в душегубку. Один дедушка с бородой сопротивлялся, и его тут же убили.

А нас везли целый день, вечером привезли в станицу Васюринскую. Загнали в большое холодное здание и приказали никуда не выходить. Пришли два немца и под угрозой смерти надругались над женщинами. На вторую ночь пришел один немец. А женщины договорились: накинули ему простынь на голову, связали и бросили в колодец вниз головой. Никто его не искал.

Через месяц после работы мы вернулись домой — дом разбит. Здесь, в центре села Фанагорийское, завершилось страшное сражение полным разгромом немцев, прошедшей через горные ущелья, морской пехотой из города Туапсе. Они освободили все занятые немцами села. Население приступило к восстановлению жилья, школ и клуба.

Эвакуация. Нас с мамой Агафьей Григорьевной, как членов семьи фронтовиков, с обозом раненых вывезли в Грузию. Из воспоминаний моей мамы.

Сало на завтра. Чтобы прокормить нас, мамы ночью вязали шапочки, кофточки, носки, а днем продавали. На вырученные деньги покупали еду. Однажды они принесли кусочек сала, накормили нас, а вторую половину спрятали в шкаф — на завтра, потому что завтра может быть, ничего не принесут. Это было очень страшно. Когда мамы утром ушли, Ада, которая была немного старше и щустрей меня, залезла в шкаф, нашла сало и жадно начала грызть его. Мамы были еще недалеко и услышали мой крик: «Не ешь! Это на завтра!»

Этот страх, что завтра может быть так, что нечего будет есть, настолько вошел в мое сознание, что даже, когда мама со мной эвакуировалась в Казахстан к папиной маме, и бабушка обильно меня откармливала пирожками, блинчиками, я каждый день прятала кусочки — на завтра. И с тех пор это вошло в привычку. Я должна запастись, чтобы у меня всегда для всей семьи было, что поесть на завтра.

9 мая 1945 года — День Победы. В поселке, где мы жили с мамой у бабушки, мама работала в школе учительницей в начальных классах. Известие по радио о Победе 9 мая 1945 года я хорошо помню. Мне исполнилось пять лет и я с мамой была в школе. Все плакали и смеялись, обнимали друг друга и плясали. Потом во дворе школы состоялся митинг и концерт. Меня попросили прочесть стишок. Помню, что читала: «Командир седой, высокий с перевязанной рукой, Вдаль он смотрит, словно сокол, свой идет или не свой...» Когда закончила читать длинное стихотворение, все громко захлопали, а один демобилизованный раненый сидел и почему-то не хлопал. Я спросила: «А почему Вы не хлопаете?» «Да у меня рука только одна, другая осталась на войне», — ответил он. «А Вы хлопайте одной рукой по коленке», — радостно закричала я. Все засмеялись и раненый тоже, громко хлопая по коленке и благодаря меня: «Спасибо, дочка, этот стих — твой вклад в Победу! Быть тебе артисткой!»

Возвращение в Краснодарский край, хутор Пролетарский. В поселок стали возвращаться демобилизованные, а папа в письме попросил мою маму возвратиться на Кубань к сестре Поле на хутор Пролетарский. Писал, что он туда приедет, когда отпустят.

Предполагалась война с Японией. Мы с мамой приехали на хутор

Пролетарский, о котором вспоминала старшая сестра Людмила. Она со своей мамой уехала в свой поселок, 3-е отделение сахарного комбината станицы Кореновской. Туда вернулся ее отец с фронта (первый Иван). Он сразу окунулся в работу по восстановлению сельскохозяйственной техники и выращиванию хлеба, работал комбайнёром.

А мой папа (второй Иван) вернулся в мае 1946 года. Уходил на фронт, когда мне было два месяца, а вернулся — мне уже шесть лет. Он защищал Ленинград. Был командиром зенитной батареи. Был ранен, контужен, опухший от голода вместе с другими ранеными из госпиталя по Ладоге вывезен на Большую землю. Организм был молодой — отец выдержал все. После выздоровления снова вернулся на фронт. Победу встретил в Югославии.

Встреча папы. В хутор Пролетарский все больше возвращалось демобилизованных фронтовиков. По традиции они заходили в гости к хуторянам. Некоторые подшучивали надо мной, что он мой папа. Я отвечала: «Нет, мой папа немцев бьет». И другие шутили — особенно сосед, что украдет папу.

В июне 1946 года мы с Тамарой были в доме, когда я услышала крик моей мамы. Я выскошла на крыльцо и увидела, что военный дяденька обнимает маму, а она плачет. Я закричала: «Дяденька, не тронь мою маму». Она зовет меня: «Это же твой папа!» Я сразу поверила, бросилась к нему, обнимаю, целую. Он несет меня в дом, а я его не отпускаю. Весть о возвращении Ивана Даниловича облетела хутор. Во дворах, где продолжались гуляния по случаю возвращения фронтовиков, все поднялись, собрали все со столов и двинулись на наш двор. Гуляли весело, с гармошкой, песнями и плясками. Я сидела рядом с папой и беспокоилась, чтобы его не украли. Он обнимал меня, маму и говорил, что никому никогда не позволит его у нас украсть.

Каждый год самым дорогим праздником для папы был 9 мая — День Победы. Каждый год этот праздник в селе отмечали торжественно. На площади перед школой устраивали митинг, возложение цветов к памятнику защитников села. И каждый год папа за праздничным столом вспоминал погибших однополчан. Он был командиром (капитан) зенитной батареи и замполитом.

Фотография дочурки. Любил он вспоминать, как однажды я, трехлетняя его дочка, сыграла большую роль перед боем. Почтальон принес письмо, а в нем фотография, которую мама прислала на фронт папе. На стуле стоит трехлетняя девочка, смотрит в объектив широко раскрытыми, удивленными глазами, ожидая птичку, которую обещал дядя фотограф. Одета была девочка в белую блузочку с рукавчиками — фонариками и сарафанчик: мама сшила из своей блузки и юбки.

Папа должен был провести перед боем, как замполит, беседу с лич-

ным составом батареи. А у него ком стоял в горле. Говорит, что только прижал фотографию к груди и молчал, не мог ничего сказать. Тут руки солдат потянулись к фотографии. На обороте было написано рукой мамы: «Папочка, бей проклятых фашистов и скорее приезжай, мы с мамой тебя очень любим и ждем. Целую твоя дочка Лизочка». Эта фотография дочурки оказалась сильнее любых слов замполита, потому что почти у всех дома были дети. Солдаты прижимали к груди фотографию, как своего ребенка, и клялись отомстить врагу за то, что они там без папы. Бой они выиграли, сбили несколько самолетов, все были представлены к очередным наградам. Папа шутил: «В этом дочка и твоя заслуга!»

Встреча с бывшими выпускниками школы в селе Безымянное в 1990 году под названием «Встреча с Юностью». Инициативная группа моих одноклассников разослала приглашение всем, кто окончил нашу школу. Приехало очень много выпускников разных лет. Очень многие на своих машинах. Клуб был переполнен гостями. Почетными гостями были все приехавшие учителя, в том числе и друзья моих родителей Аким Петрович и Агафья Григорьевна Чеха с детьми, Адой и Юрай. Столько было радости и воспоминаний! Учителя говорили о тяге детей военного времени к знаниям, любви к школе. Было очень трудное время. А ученики из сел Фонагорийское (в трех километрах от школы) и Хатыпс (в семи километрах от школы) каждый день ходили в школу в любую погоду. Обувью для них были постолы — лапти из свиной шкуры, с шерстью внутри. Иногда они оказывались одни на двоих, если в семье два школьника. Многие выступающие благодарили учителей и организаторов за эту встречу, выражали желание еще встретиться.

Барбышев Валентин Михайлович

Я, Валентин Михайлович Барбышев, родился в 1939 году в деревне Добрич, Брянской области, Комаричском районе. Когда началась война, мне было два года. Отец ушел на фронт, а мать, осталась с пятью малолетними детьми. В 1943 году немцы захватили нашу деревню. Вели себя немцы жестоко, занимались мародерством — забирали последние продукты, искали партизан. В итоге сожгли деревню, и пришлось нам жить в землянках.

В войну я работал вместе с полуголодными, полураздетыми членами семьи от зари до зари.

С 1967 по 1985 год был зоотехником, бригадиром. С 1985 по 1990 год работал в Бужаниновской средней школе учителем технического труда, а с 1993 года — воспитателем в группе мальчиков в Бужаниновском детском доме для детей-сирот.

Имею много почетных грамот, благодарностей.

Я твердо убежден, что дети войны в честь 70-летия Великой Победы достойны государственной награды.

Бархатова (Аксенова) Зоя Павловна

Сидеть сложа руки нам не приходилось

Я родилась 11 ноября 1931 года в селе Афонино, Рогозинского сельского совета, Переславского района, Ярославской области в крестьянской семье. Мои родители: отец — Павел Фёдорович Аксенов и мама, Анастасия Афонасьевна, работали в колхозе «Имени 1 Мая». Колхоз был небольшим, в него входило всего три населённых пункта — село Троицкое, деревни Афонино и Горки. Самая большая деревня Горки состояла из сорока дворов. В нашей деревне был скотный двор, конюшня. Место для обработки зерна — рига. Техники практически никакой не было. И пахали, и боронили и возили на лошадях.

До 1941 года детство было беззаботным. У нас было время для игр и отдыха, хотя мы всегда помогали старшим. В мае 1941 года отцу пришла повестка и мама сказала, что отец мобилизован на трудовой фронт. Для нас, детей, это были непонятные слова, и мы не придавали им значения. Но в июне 1941 года, когда началась война, была объявлена всеобщая мобилизация. И почти в каждый дом почтальон принес повестки. Уходили на фронт мужчины — мужья, братья и сыновья. Женщины плакали, мы, дети, видя это, начинали понимать, что пришла беда. Нам стало не до игр.

В деревне остались старики, женщины да дети. Для военных нужд реквизировали лошадей. Стало очень тяжело. Приходилось возить на тележках заготовленные для животных корма. Поля были большие: сеяли пшеницу, рожь, овёс и лён. Сажали картофель.

Женщины работали с утра до вечера, и мы, дети, тоже были рядом с нашими мамами. Работать в колхозе я начала с десяти лет. Порой приходилось вскапывать землю лопатами. Женщины впятером тащили плуг, а шестая управляла им. Потом решили запрягать коров или молодых бычков. Мы, дети, таскали борону, чтобы разбить большие пласти земли. А потом — сеяли. Вешали лукошко с зерном на плечи и разбрасывали его по полю.

Урожай были хорошие. На полях сорняков не увидишь — дети занимались прополкой.

Созревал лен. Мы, дети, выдёргивали его руками, ставили в «бабки» — снопы, а потом обрабатывали его, а затем готовую продукцию сдавали на государственные склады. За работу нам давали зерно и льняное масло. До чего же оно было вкусным! Маслом намажешь хлеб, посыпешь солью — и нет ничего вкуснее на земле.

Сидеть сложа руки нам не приходилось — поспевало зерно, и снова начиналась работа. Жали его серпами, собирали в снопы, складывали в копны. Высушенные снопы увозили на ток, обмолачивали его там цепами. Большую часть выращенного зерна сдавали государству. Незначительная часть оставалась в колхозе — для посадки и для колхозников. Кроме зерна

осенью давали за работу картошку. Мама пекла хлеб, добавляя в муку тертый картофель. Хотя хлебом его можно было назвать условно.

Дети принимали участие и в заготовке сена для животных. Организовывались звенья из женщин и детей, выделялась делянка. Дети двенадцати-тринадцати лет уходили на косьбу раньше. Позже приходили младшие. Они разбивали валки и раскладывали сено для просушки, днем ворошили его. Высушенное сено металли в стога.

В деревне у каждой семьи было и своё хозяйство: корова, овцы, куры. Были и огороды. С каждого двора платили налоги. Надо было сдать государству 300 литров молока, 300 штук яиц и так далее. Корова была кормилицей. Излишки молока, яиц, овощей мы возили в Переславль на рынок, чтобы обменять их на нитки, из которых мама на домашнем ткацком станке ткала полотно, потом эту ткань она красила и шила нам одежду.

Кроме того, каждая семья отправляла посылки на фронт. Готовили сущеный картофель. Нарезали кружочками, слегка отваривали, а потом эти кружочки сушили. Была установлена норма на сдачу сушёного картофеля. А ещё из овечьей шерсти вязали варежки с двумя пальцами.

Мой отец воевал на северо-западном фронте, был ранен, попал госпиталь, а в ноябре 1943 года погиб где-то под Ленинградом. Точное место захоронения его неизвестно.

Деревня наша, хоть и была далеко от линии фронта, жители всё же предпринимали меры безопасности: окна были заклеены бумагой, ночью свет никто не зажигал. Во-первых, действовал режим светомаскировки, а во-вторых, негде было купить керосин для ламп. По вечерам зажигали едва тлеющие фитильки-коптилки.

Во время войны я не училась два года. 1943 году снова пошла в школу, в 1945 году окончила 4-й класс. А уже после войны я продолжила своё обучение: сначала окончила семилетку. Потом строительный техникум в Угличе. Получила направление и уехала на работу по распределению.

Трудное было время, у многих отцы погибли на войне, но люди жили дружно, как одна семья. В трудную минуту всегда оказывали друг другу помощь.

Барченкова Ольга Александровна

Карточки (из воспоминаний моей мамы)

Шел февраль 1942 года, шла Великая Отечественная война. Было холодно и голодно. Но ни на минуту не останавливалась работа на заводах Урала в г. Челябинск. сюда был эвакуирован Ленинградский тракторный завод, теперь он выпускал танки. На станкостроительном заводе выпускали снаряды, а затем и знаменитые «Катюши». На заводах кроме мужчин работало много женщин и подростков. Здесь делалось всё для фронта и для Победы.

Придя с работы в холодный барак, где мама жила с братом, она побыстрей затопила печку-буржуйку, принесла с колонки ведро воды. До прихода брата нужно было сварить скромный ужин, несколько картошин, да вскипятить чайник. Она стала вынимать из сумочки хлеб, полученный по карточкам, и вдруг обнаружила, что потеряла карточки на хлеб. Обессиленная села она на табурет и горько заплакала. Что она скажет брату, и как они будут жить без хлеба, этого небольшого кусочка, который давал силы выжить? До получения новых карточек нужно было ждать полмесяца. Вспомнилась родная деревенька, где жила мама с младшим

братьем и сестрой, отец погиб на фронте. 10 лет назад в 1932 году они вместе со всей страной пережили страшный голод. В семье было четверо детей, и мама до наступления холода каждый день отправляла старших детей в лес или в поле, где собирали они травы и коренья. Какими же вкусными тогда казались мамины лепёшки из лебеды. Мама вспомнила, как однажды, когда они с братом собирали траву в поле, к ним подъехала повозка. На ней сидели мужчина и женщина, видимо ехали из города в соседнее село. Мужчина соскочил с телеги и подал детям буханку хлеба и палочку колбасы.

Дети поблагодарили добрых людей и побежали домой. Им очень хотелось есть, но они не откусили и кусочка, а принесли все маме. Она разделила этот гостинец на всю семью.

Воспоминания мамы прервал приход брата Сергея. Краснощекий от мороза, радостный Сергей, войдя в дом, подхватил сестренку с табурета и закружил по комнате:

- радуйся, Зиночка, о чем ты плачешь? Теперь нам будет полегче, ведь сегодня за ударный труд мне выдали двойные карточки на хлеб.

- ты получил сегодня, а я потеряла, - она тихо ответила ему.

- ну, тем более, не стоит горевать, не пропадем, выживем сестренка.

Вот таким оптимистичным был Сергей.

Получив похоронку на отца, Сергей пошел в военкомат с просьбой отправить его на фронт добровольцем, но ему отказали, так как до призывающего возраста ему не хватало 8 месяцев, к тому же оборонный завод где он числился передовиком производства и имел броню, не хотел отпускать его.

Но все же он написал заявление на военкома, как комсомолец-доброволец и добился отправки на фронт, но сначала его направили на курсы младших лейтенантов.

Сергей прошел дорогами войны в артиллерию, участвовал в освобождении Украины, Крыма, Европы. Старший лейтенант Рыжкин Сергей Дмитриевич погиб 25 января 1945 года при освобождении г. Познань в

Польше, в возрасте 21 года. Он был награжден орденом Красной звезды, Орденом Отечественной войны II степени, Орденом Отечественной войны I степени и медалями. Он был мужественным воином, верным другом и добрым, нежным сыном и братом. Вечная память героям войны.

Мой отец, Хмелёв Александр Федорович, участник ВОВ, участник битвы на Курской дуге, освобождал Украину и страны Европы. День Победы встретил в г. Прага (Чехословакия). Папа посвятил стих памяти бойцов отдельного Уральского лыжного батальона, павших в боях при прорыве блокады г. Ленинград в начале января 1943 года и светлой памяти брата Хмелева Василия Федоровича, бойца Уральского лыжного батальона, сформированного в г. Челябинске.

*Средь первых добровольцев был и он,
И с честью воевал, как все солдаты.
Его семьей был лыжный батальон,
Дорогой жизни шел он в грозную атаку.*

*Давно замолкли залпы боевые,
Не все вернулися домой.
Под обелисками святыми
Герои свой нашли покой.*

*Нам не забыть героев Ленинграда,
Отважных сердцем и душой.
Героев Родины уральцев с Танкограда,
Могилы их не зарастут травой.*

*Остался и мой брат на поле бранном,
Приняв последний смертный бой.
Был другом мне он верным, славным,
Он в памяти моей живой.*

*Пусть вечно город пролетарской канонады
Стоит, как грозный бастион.
На вечной вахте Ленинграда
Уральский лыжный батальон.*

Песня из фронтового блокнота моего отца

Варежки

*Где-то в Колпино или в Рязани
Не ложились девушки спать,
Много варежек зимних связали,
Чтоб на фронт их в подарок послать.*

*Обшивали их ниткой цветною,
Был заботлив упорный их труд.
А порою ночью сидели
И гадали кому попадут.*

*Может лётчику, может сапёру,
Много есть у Отчизны сынов,
Иль чумазому парню сапёру,
Иль кому из отважных стрелков.*

*Но одна боевая девчонка
Написала из песни слова:
«Мой товарищ, тебя я не знаю,
Но любовь в моём сердце жива».*

*И записку она положила
В правой варежки палец большой.
Много варежек послано было.
В те края, где метели и бой.*

*Получил командир батареи
Эти варежки – пуховички.
Что так нежно и ласково греют,
Как пожатие женской руки.*

*Командир эти варежки носит
В дни атаки боёв грозовых.
Покрывает их и неем просек,
Но тепло не выходит из них.*

*Скоро, скоро одержим победу,
Поезд тронется в светлую даль.
И тогда непременно заеду
Может в Колпино, может в Рязань.*

*Чтоб за годы военной разлуки,
Незнакомке спасибо сказать.
И пожать эти нежные руки,
Что умеют усердно вязать.*

*Дни и ночи сражалась Отчизна в бою,
День и ночь полыхали раскаты.
Защищая священную землю свою
Шли на Запад России солдаты.*

*Шли под грохотом снарядов,
Шли по зову страны.
Шли под залп канонады
Свою землю спасти.*

*Шли ночами звёздными,
Тёмными, морозными.
Шли под шум дождя,
Под всполохи огня.*

*Не щадили себя для России,
До Победы не каждый дошёл.
И стоят на Земле обелиски,
А на них сотни тысяч имён.
Среди них и друзья фронтовые,
С кем бежали мы в яростный бой.
Жизнь отдали они за Россию,
Никогда не вернутся домой.*

Барышкова Антонина Николаевна

Я родилась в деревне Овсянниково Владимирской области в начале Великой Отечественной войны - феврале 1942 года.

Мой отец Николай Фёдорович ушёл на фронт в первые дни нападения фашистов на территорию нашей страны, а мама Анна Александровна продолжила трудиться на животноводческой ферме в колхозе. Маме было очень тяжело, потому что у неё на руках остался трёхлетний сынишка Витюшка, и в то время она уже была беременна мной. Мама трудилась в колхозе, не покладая рук, ведь её любимый был врагов на поле брани, а она должна ему помочь, поэтому всё для фронта - всё для Победы. Нужно было ухаживать и за домашним подворьем: коровой,

овцами, курами. Большая часть мяса, молока и яиц с домашнего хозяйства передавалась государству для отправки на фронт.

А потом родилась я, Тоня, о рождении дочери отец узнал из писем мамы. А в 1943 году папа получил тяжёлое ранение в грудь, были повреждены лёгкие. Долгое лечение в госпитале, после которого он уже не мог воевать. Его боевые действия завершились, родной дом, жена, сынишка, впервые взял на руки годовалую дочку. Вернувшись домой, несмотря на большие проблемы со здоровьем, пошёл трудиться в колхоз.

После войны в 1956 году в нашей семье родилась сестрёнка Надя. Спустя некоторое время, тяжёлое ранение в грудь своей взяло- не стало фронтовика, отца нашей дружной семьи.

Я окончила Владимирское медицинское училище и по распределению поехала работать в деревню Кузьмино Загорского района. Проработала более полувека фельдшером, трудилась честно, добросовестно, помогала всем, кто нуждался в моей помощи.

Бахирева Валентина Гавриловна

Дыхание войны

Я родилась 16 апреля 1937 года в городе Суздале, Владимирская область. Когда маму со мной выписывали из роддома, папа приехал за нами на легковой машине, так как он в то время работал в РАЙЗО и был его начальником. Это должность вроде министра по животноводству, но только по Сузdalскому району. Автомобиль тогда был большой редкостью. Мама была очень счастлива. День выдался жаркий и солнечный. Все копали грядки. А земля в Суздале — сплошной чернозём, и гряды получались как пуховые.

Так проехали через весь город, переехали мост через речку Каменку и въехали в ворота Покровского монастыря. Внутри располагалась улица Первомайская, где и стоял наш дом — в четыре окна по линии. Дом был большой, тёплый и солнечный, в нём было два входа — парадный и черный. Полы в доме не крашеные, но к нашему приходу их натёрли кирпичной крошкой, помыли. Они стали жёлто-золотистого цвета, кругом играли солнечные зайчики. В комнатах просторно, мебели мало и всё просто.

И вот приехали, нас встретили у дома старшая сестра — Любушка, средняя — Наденька и брат — Михаил. Так что я стала четвёртым ребёнком в семье. Мама и папа очень были рады, что теперь у них три девочки. Только с именем произошла заминка. Мама хотела назвать меня

Верой, а вот папа возражал. Он говорил, что их будут дразнить: «Вера, Надежда, Любовь — свёкла, картошка, морковь». И мама уступила — меня называли Валентиной. Тогда этим именем называли и девочек, и мальчиков, модное было имя. И когда я выросла и вышла замуж, моего мужа тоже звали Валентин. Вот мы и были Валентин и Валентина, ну прямо, как в кино, прожили вместе пятьдесят лет в мире и согласии.

И так, я сказала о том, как всё хорошо было в нашей семье. Но когда мне исполнилось всего девять месяцев, папу осудили за вредительство, как врага народа. Начались тяжёлые времена. Мама не смогла дажеходить в суд, когда папу судили. Она держала меня на руках и плакала, и никто из друзей не согласился со мной посидеть, так как всего боялись.

Папу посадили в тюрьму, добивались признания во вредительстве, а он стоял на своём — не виновен. В то время, говорят, повсеместно тюрьмы были переполнены заключёнными, и правительство посыпало уполномоченных разбираться в справедливости вынесения приговоров. Одной из назначенных была Мария Ильинична Ульянова. После её разговора с папой его освободили. Приехал он домой совсем больной. Почти всё время находился на лечении в больницах города Суздalia и Иванова. Об этом мне рассказали, когда я уже выросла. Папа умер в возрасте сорока лет в начале войны.

Когда началась война, мне исполнилось четыре года. В нашем городе бомбёжек и немцев не было. Но я помню, как из города Подольска пришла маминой сестра с сыном Нилом, мужем, дядей Васей. Они где ехали, где шли пешком. Выглядели они очень усталыми. Вещей у них с собой почти не было. Тётя Саша (маминой сестры) говорила, что больше никуда не поедет — нет сил. Мы были очень напуганы сводками с фронта. Тётя Саша говорила, что маме лучше бежать с детьми, потому что немцы не щадят семьи коммунистов. А меня она просила отдать в дочки. Мама отказалась ей. Никуда мы не уехали, но вещи были собраны в узлы — на всякий случай. Тётя Саша я очень любила. Уставшие, измученные, голодные появились они у нас, но всё же тётя Саша принесла мне книгу. Это были сказки. Книга была очень старая и без обложки, но прямо как собака после дождя. Зато, когда было холодно в доме и в животе у меня что-то урчало от голода, моя тётя Саша брала в руку железную клюшку, выгребала из русской печи холодные угли. Затем мы с ней залезали на печку и тётя Саша ела угли, изо рта у неё в разные стороны летела чёрная пыль, а рот был чёрный-чёрный, в это время она читала мне сказки. Она все ела и читала, ела и читала. И я погружалась в мир сказок. В моём воображении моя милая тётушка превращалась в бабу Ягу, а я — в маленькую девочку. Баба Яга всё норовила съесть девочку, сварить в печи в большом чугуне. Но я всегда от неё убегала. Другой книги у меня не было. И когда я уже училась в

шестом классе, меня угораздило заболеть скарлатиной. Книгу в больницу я взяла с собой, а обратно мне её брат не разрешили, так как скарлатина болезнь очень заразная. А тетя Саша, прожив у нас зиму, устроилась работать в колхоз в село Туртино, что в десяти километрах от Суздаля. Там она выращивала кок-сагыз. Это такая техническая культура, похожая по виду на одуванчик — из этого растения получали материал для производства резины, так необходимой фронту. В селе ей дали жильё, а на трудодни выдавали продукты, в основном картошку.

Иногда ночью в небе пролетали немецкие самолёты. Говорили, что летят на Горький или Иваново. Меня мама закутывала в одеяло и несла в бомбоубежище, которое находилось рядом с домом — в подвале церкви. Я смотрела одним глазом из одеяла и видела в небе крошащийся самолёт, который летел очень высоко и страшно гудел.

Сестра старшая, Люба, окончила десять классов в 1941 году и поступила в ивановский институт. Брата Михаила в семнадцать лет призвали в Красную Армию, он за шесть месяцев прошел курс танкиста во Владимире, а потом ушел на фронт. Мы стали жить втроем — мама, я и сестра Надя. Было очень голодно, хлеба не хватало. Его давали восемьсот граммов на меня и сестру, а маме было не положено — она не работала. У нас был небольшой огород, но всё-таки он помогал нам выживать. От голода у меня появились чирьи, которые очень болели, и в них завелись вши. Мама мазала чирьи керосином. Сначала я испытывал нестерпимую боль, потом — облегчение.

К тому времени нам из деревни мамины сёстры привели тёлку, а с ней и воз сена. Мы назвали её Красоткой. Наша корова ждала телёнка. Отeliлась она в начале января. Мама ночами дежурила около коровы и не спала — боялась, как бы теленочек не замёрз в холодном сарае, когда родится. И вот мама принесла в дом маленькую тёлочку, положила возле печки. Мы были рады. Лежала тёлочка очень недолго, она вставала на ножки, качалась от слабости, но очень скоро начала бодаться, ну прямо пройти невозможно мимо неё. Скоро мама начала доить корову. Первый удой назывался молозивом. Его давали только телёночку. Но мама налила этого молозива на противень и поставила в русскую печь. Получилась жёлтая жирная, но горькая, лепёшка. И мы

все наелись. Только мама говорила: «Доченьки, уж вы никому не говорите, что ели молозиво». Вроде было нельзя есть такое молоко. А вот мы ели, и я помню это до сих пор.

Дыхание войны мы ощутили еще детьми. Я уже говорила, наша улица располагалась в Покровском монастыре. За стенами кроме церквей стояло большое каменное здание. Территорию вокруг него обнесли забором из колючей проволоки. Сюда привезли солдат, которые были в боях. И на поле боя их полк понёс большие потери, но полковое знамя они сохранили. Теперь этот полк пополнял состав. Некоторых бойцов расселили по домам, так как в здании всем места не хватало. В наш дом тоже поселили солдат. В одной комнате поставили для них кровати. У нас они спали, а питались в казарме. Солдаты были уставшие и больные. Днём они перебирали картошку в подвале. Иногда приносили сырую картошку домой. Мама чистила её и варила в большом чугуне, а они давали нам по картофелине. Мы радовались картошке, как конфетам.

Да и корова Красотка после отёла стала давать молоко — по три литра в день, потому что была молодая и голодная. И по кружке молока мама нам давала каждый день. Остальное продавали солдатам. Меня оставляли сидеть у окна, подходил солдатик с кружкой, в которую я наливала молоко, а он давал деньги. На эти деньги покупали корове сено. Часть молока сдавали государству, причём мы сдавали молока меньше, чем другие хозяева коров, — у нашей коровки молоко было очень жирное.

Помню, нам поставили на постай раненого офицера. Он был какой-то беспомощный, слабый. И вот к нему приехала жена из Ленинграда. Она очень любила своего мужа. Они были оба молоды и красивы, отличались от местных жителей разговором, поведением и одеждой. Мама отдала им свою кровать, а мы втроем спали на полу. Он лежал, а жена сидела рядом и ухаживала за ним. Мне, маленькой девочке, они очень нравились, и я захотела их как-то развлечь, развеселить... Однажды я увидела в окно, как они подходят к нашему дому. Быстро схватила ухват в руки и встала наизготовку. Направила этот ухват в открывавшуюся дверь, закричала громко: «Коротким — бей! Длинным — коли! Пли!» Они испугались, а раненый офицер как-то задрожал и пытался закрыть голову вскинутыми руками. Потом его уложили в постель. Мама очень ругала меня за это.

Часто вспоминаю, как мне хотелось играть с куклой. Куклы, естественно, не было и я все просила у мамы и ревела, как будто меня ножом резали. Маме мой рёв надоедал, и она сделала куклу из полотенца и платка. Куколка получилась на загляденье. Только однажды такой куколке я нарисовала углём глаза, рот, брови и нос. Куклы мама больше не делала — говорила, что я испортила полотенце.

А ещё мне хотелось гулять, но обуви у меня не было. И вот один солдат из старой меховой подкладки от пальто сшил мне сапоги. В доме в них было тепло, можно было сбегать в соседний дом к подружке Тамаре Трубиной поиграть.

А еще всегда хотелось есть. И почему-то к концу каждой недели у меня начинала болеть голова и открывалась рвота. Моя подружка Тамара была добрым ребёнком и иногда она приносила мне кусочек хлеба и, когда я плохо себя чувствовала, мне он помогал.

Жалость Тамары распространялась даже на вещи. Однажды Тамару попросили выбросить старый треснувший горшок. Она вернулась с улицы в слезах и с горшком, говоря сквозь слёзы: «Я его бросила, а он покатился ко мне...»

Близилось лето. За оградой монастыря на нашей улице был небольшой пруд. По его берегам дубы росли вековые. В том пруду было много тритонов. По весне они маленькие и проворные. Вода в пруду чистая и прозрачная. Тритоны плавали, как в аквариуме. Они быстро росли, становились чёрного, чёрно-серого цвета, длиной с ладонь, глаза у них круглые. Тритоны настолько ко мне привыкли, что подплывали совсем близко, останавливались и смотрели на меня. По всей спине у них проходил гребень. В руки они не давались, были осторожными. Зато лягушки выпрыгивали из пруда, и я брала их в руки. Мама говорила, что лягушек брать в руки нельзя — появятся бородавки. Бородавки у меня на руках все-таки появились. Возле этого пруда вырастал дикий лук и ещё какая-то съедобная трава, а потом появились кустики земляники. Ну, тут уж кто первый прибежит, тот и сорвёт и ягоды, и лук. А вообще внутри монастырских стен были и другие очень интересные вещи. Около полуразрушенных стен было безветренно, тепло и солнечно. По стенам бегали маленькие красные плоские жучки. Мы их называли клопами. Я выкапывала ямку, покрывала её прозрачным стеклом. Получалось жильё жучкам. Я их туда загоняла, потом выпускала гулять на травку, как стадо коров. И такая стояла благодатная тишина! Проходило лето, близилась осень. С другой стороны монастыря был ещё один пруд. Этот пруд был обсажен ивами. Ивы были очень большие. Их ветви спускались к воде. Поздней осенью пруд почти весь покрывался тонким-тонким льдом. Лёд был очень прозрачный. И если взяться за ветви ивы, то можно было ступить на этот лёд, даже ссаночками. Очень осторожно проехать на середину пруда и смотреть под лёд, как через стекло. А подо льдом плавали маленькие серебристые рыбки, жучки и большие жуки-плавунцы, лягушки. Трава плавно из стороны в сторону колыхалась. В ней и плавали рыбки, жучки и лягушки. Ну а я сидела или лежала на животе и смотрела в глубину пруда и думала о том, что и Русалочка из сказки так же сидела на дне морском и смотре-

ла через толщу морских вод на дома по берегу моря и корабли, проходящие высоко над ней. Вот уже меня кричит мама. Пора домой! На столе стоит чугун с горячей нелупленой картошкой и соль. А хлеба не было! И картошка по норме!

Вечерами все дети от пяти до пятнадцати лет играли в подвалах церквей в прятки. Там было темно и сырь. Взрослые — водили, а мы, мальчиши, — только прятались. А ещё мальчишки играли в войну: длинная палка — это винтовка, короткая — наган. Они бегали и кричали во всё горло: «Хенде хох! Пли! Гитлер капут!» Девочек с собой играть не брали, разве что изредка — разрешали быть санитарками. Мы за ними наблюдали из зарослей лопухов и крапивы. А команды, которые выкрикивали мальчишки, я заучила, чем однажды и напугала контуженного офицера и его жену.

Как-то раз, мама сходила в деревню Коровники, что рядом с городом, и принесла оттуда за пазухой маленького поросёночка. Он был маленький, как котёнок! Есть сам он не умел. Мама наливалась молочко в чайное блюдце. Опускала туда палец, а поросёнка тыкала пятаком в блюдце. Он начинал сосать мамин палец, как будто кормился от своей мамы-свиньи. Вскоре он научился пить молоко сам, и при этом чавкал, как настоящая свинья. В это время я училась в первом классе. Поросёнок зяб даже в доме. Мама говорила мне: «Доченька, возьми его на ручки, он и согреется у тебя под кофточкой». Приехала на каникулы сестра Люба и назвала поросёнка Солик. Так и был у нас поросёнок Солик, а у всех поросят называли — Борьками. Пришло лето, наступили каникулы в школе. Выросла зелёная травка. Мы звали эту траву — гусиная. Мама мне говорила, чтобы я пошла с Соликом к дому, пусть он там побегает и поест травки. Мы выходили, я стелила на гусиную травку старую телогрейку, ложилась на неё, а Солик лежал сбоку совал мне нос в подмышку. Было солнечно, тепло, в небе летали стрижи. Мы засыпали. Так Солик рос и всегда был голодный, а еще он был умный и хитрый. В одно мгновение он вскакивал, хрюкал: «Хрю, хрю» и бежал в огород соседей, выкапывать морковь или свёклу. Я, конечно же, бежала за ним. Но он меня обгонял, при этом у него из попы просто фонтаном летели жидкие какушки, попадая мне на ноги и подол платья. Приходили ругаться соседи. Говорили: «Пришибём его палкой». На другой день всё повторялось. Иногда мне все-таки удавалось его поймать. Я стыдила его и плакала, а он меня жалел. Тыкался своим пятаком мне в лицо. Мама разбиралась с соседями. У них были куры, которые тоже пробирались в наш огород и возились в грядках. Мирились с соседями в тот же час и жили дружно.

Летом корову Красотку выгоняли в стадо, которое паслось на Ильинском лугу. Мест для пастьбы в городе больше не было, и траву там

коровы всю вытаптывали. Приходилось по вечерам пасти Красотку по берегам речки Каменки. Это была легкая работа. Я сидела на берегу на телогрейке. Пели птицы и квакали лягушки, стрекотали кузнечики, а я мечтала, иногда пела. Не подумайте, что корову пасла только я, коровы были и у наших соседей. Мы, дети, там иногда так заигрывались, что у нас и коровы-то сами уходили домой, но это было редко.

А по выходным все ходили в кино. Мама мне всегда давала денежек на кино. Я очень радовалась, а некоторым ребятам денег на кино не давали, им было завидно. Перед кино были танцы под военный духовой оркестр. Взрослые девушки танцевали с военными, а мы смотрели на них. Было очень красиво. Начинался сеанс. В зале взрослые располагались на сиденьях, а мы, малыши, на полу перед первым рядом. Было жарко, душно, но на экране шёл фильм и все увлечённо замирали. Иногда кто-нибудь из маленьких детей засмотрится да и напустит лужу. Мы с нетерпением ждали каждый следующий фильм. И сейчас я вспоминаю то наше кино.

Наступали будни. На огороде мы сажали полторы тысячи кустов помидоров. За ними ухаживала мама. А вот воду носить в кадки для полива должны были мы с Надей. Хоть я и была мала, но должна былаходить на пруд четырнадцать раз. Вёдра я набирала не полные и носила их на коромысле, обернув его всё той же телогрейкой, чтобы не натирать плечи. Так носили воду все мои ровесники. По дороге смеялись и бегали наперегонки. Приходили домой промокшие и весёлые.

На летние каникулы из Иванова приехала сестра Люба. Она привезла мне куклу. Кукла была настоящая — с руками и ногами, не самодельная. Как я радовалась! Туловище ее было набито опилками. Платье — из сиреневой марли, волосы, заплетённые в косы, — из пакли. Щеки — румяные, глаза — голубые, брови — чёрные. Ко мне все подружки приходили посмотреть на куклу-красавицу. Я им давала подержать её в руках. Все восхищались ею. Мальчишки тоже зашли посмотреть на куклу, но близко к ней не подходили. Говорили, что это девчачья игра. Только к вечеру, перед тем как уложить куклу спать, я решила посадить её, а сажать её было нельзя, о чём я не знала. Кукла разорвалась по шву, опилки высыпались на землю. Я расплакалась. Мама погладила меня по голове и обещала купить хорошую гуттаперчевую куклу. Но такой куклы я не дождалась — война продолжалась и послевоенные годы были трудными.

Вскоре произошло ещё одно интересное событие. Люба очень нравилась какому-то военному, у которого в ведомстве находились служебные собаки. Чтобы произвести на Любу впечатление, он решил показать нам, как работают его любимые собаки. Их тренировали — надевали на солдата огромадный брезентовый плащ, на котором были пришиты

мешочки на рукавах и на спине. Собака должна была найти и задержать нарушителя. И вот этот боец долго ходил по полям, по оврагам, по улицам, а к вечеру пришёл к нам в дом. Мы его спрятали его под кровать. А сами думали: найдёт ли собака солдата? Сидели, ждали, переживали. Мы ведь спрятали его под кроватью надёжно (так мы думали). С нами был и офицер, занимавшийся тренировкой собак. И знаете, возле дома вскоре раздался страшный лай собаки. Она начала карябаться в дверь, лаять и визжать. Ворвалась в дом, сразу кинулась под кровать и вытащила солдата в плаще за нашитые мешочки. Это была хорошая собака, она участвовала в боях и находила вражеских солдат.

Время шло. Закончилась война. Пришел с войны брат Михаил. Сестра Люба окончила медицинский институт, вышла замуж за моряка и уехала в Мурманск. Возвратился с фронта папин брат и сделал маме предложение. Мама согласилась. Я и Надя очень быстро начали называть его папой. А вот старшие, Михаил и Люба, звали его дядей. Я ходила во второй класс. Папа подтянул меня с учёбой. Жить стали лучше. А вот голодно было ещё долго. Жизнь продолжалась...

Беляева Зинаида Васильевна

Пусть никогда не будет войны!

Передвойной наша семья жила на окраине Москвы. Семья состояла из семи человек: мамы, папы и пяти дочерей, старшей из которых — Тоне, было десять лет, а младшей, мне Зине, один годик. Повестку на фронт папе дали в первый же день войны, а мама собрала всех детей и уехала в село Виндрей, откуда сама родом, и там жили её три сестры. Виндрей — село Торбеевского района Мордовской АССР. В селе Виндрее ждал её пустой дом без скотины, без дров на зиму, без еды. В колхоз её приняли сразу же, но отобранную землю не вернули, так как она была уже кому-то передана.

Нам дали небольшой участок земли, но далеко от дома. Так как бабушка и дедушка давно уже умерли, присматривать за детьми было некому. Целыми днями мама работала в колхозе, а придя вечером домой бежала к кому-нибудь по найму и там бралась за любую работу — за ведро картошки или горсть муки.

Дома все дела по хозяйству выполняли Тоня с Катей. Они перестали быть детьми, хотя Тоне было десять лет, а Кате восемь. Тоня, худенькая светловолосая девочка, серёзная и умная не по годам, должна было

следить за чистотой и порядком в доме. Всех надо было накормить тем, что мама подготовила, натаскать с речки воды, нарвать крапивы и лебеды. Крапива и лебеда были основными продуктами питания, из них варили щи, а если маме удавалось где-то раздобыть ведро картошки, то эту картошку не ели, а мама делила по картошине, добавляя в крапивные щи. О молоке и масле никто даже не мечтал. Не было соли. Обходились без спичек и мыла. Чтобы растопить печь, мама просыпалась среди ночи, подходила к окну и смотрела, в каком доме уже горит свет, затем брала совок и бежала в тот дом за горящей головешкой, а потом при помощи бересты разжигала огонь в печке.

Без мыла тоже обходились, использовали щелок: в ведро насыпали горячую золу и заливали ее крутым кипятком. Давали немного посторонять. Так получался щелок. А вот без соли жить было просто невозможно. Пустые щи из крапивы и лебеды без соли в рот не лезли, какой бы голод не был. Мама где-то как-то соль все-таки добывала.

По вечерам дом освещала лампа. Лампа — это маленький пузырек с керосином, на пузырьке проволочка, к проволочке привязана веревочка, один конец которой (длинный) опущен в пузырек, а другой — горит.

Предвидя голодную зиму, Тоня с Катей заготавливали крапиву и лебеду, сушили ее как веники. Картошки хватало только до Нового года, а потом наступал голод. Вот тогда доставали крапиву и лебеду, толкли их в ступе, добавляли картофельные очистки, которые не выбрасывали. Все толкли в большой ступе, просеивали через решето и пекли хлеб.

1943 год помню слабо, а вот 1944-й так, как будто все происходило вчера. Помнится голод, сильный голод. Есть хотелось все время.

Обстановка дома. Дом состоял из кухни и зала, именуемого горницей. Большая русская печь. На кухне стоял стол, вокруг которого с трех сторон располагались широкие лавки. У двери — табурет, на котором стояло ведро с водой и ковш. На стенках полки с посудой. Пол в горнице застлан половиками (самоткаными, чистыми), у стены деревянная кровать, в углу висели иконы, стоял еще стол, на нем начищенный до блеска самовар. На полу в кадушках стояли пальмы, сундук. У стены стояла маленькая печка голландка, но так, что вокруг нее можно было ходить, бегать, чем мы с Клавой и занимались. Пол — чистый. Его мыли речным песком. Песок посыпали на мокрый пол и ногами терли до желтого цвета, потом застилали половиками.

Мы с Клавой бегали вокруг печки, играя, а иногда устраивали гонки для взрослых, то есть вокруг печки мама бегала за Тоней или Катей с целью наказания. Например, однажды кто-то один съел то, что приготовлено было для всех. Мама подумала, что это сделала Катя и взяла плетку, висевшую на стене, на кухне. Катя побежала спасаться за голландку, мама с плеткой за ней. Пробежав два-три круга вокруг печки,

Катя выбежала в дверь на улицу. А мы с Клавой в таких случаях забирались на русскую печку и оттуда сверху наблюдали за этой войной. Но не было ни одного случая, чтобы мама кого-нибудь наказывала. Нас было пятеро, но мы все были разные — и по характеру, и внешне.

Клава была сама ангел, очень добрая, тихонькая, никогда не врала, на ее лице всегда была улыбка. Она никогда не давала сдачи, даже если я ее обижала. Я была другая. Запросто могла сорвать, полезть в драку, пошустрировать, настойчивее была. А вместе с ней мы были одно целое.

Тоня была умна. Она управляла всем домом, никогда не повышала голос, даже когда ругала нас, никогда никого не обижала, была очень сдержанной, прежде чем ответить, хорошо обдумывала свою мысль и каждое свое слово, и часто подсказывала маме, как поступить в той или иной ситуации.

В противоположность ей Катя. Очень красивая, шумная, много болтала, часто по-пустому, очень хитра была, любила держать верх.

Марина — очень смиренная, тихонькая, замкнутая, очень правдивая.

Нам все время очень сильно хотелось есть. Одна мысль была в голове — чего бы сунуть в рот. Однажды, сидя на печи, Клава вспомнила, что осенью бумагу для оклейки окон мама обмазывала картошкой. Вспомнив об этом, мы с ней пулей соскочили с печи и ободрали всю бумагу с окон, и начали жевали ее как жвачку, а потом на кухне облизывали выдвижной ящик стола, вспоминая, что когда-то в нем лежал хлеб. Летом-то было проще: то какую-то травку в рот кинешь, то ягодку. Зимой же с большим трудом приходилось преодолевать сильный голод. Клава мне рассказывала о какой-то колбасе, яблоках и грушах. Но при этом руками описывала большой круг, и я представляла колбасу огромным шаром, а как ее едят, не представляла.

Зато по праздникам мама пекла блины. Блины были из лебеды, картофельных очистков с добавлением мякины и ржаной муки. Мама теста замешивала много, половину кадушки, и пекла их полдня. Мамины сестры приносили нам молоко — кислое, пресное, а так как масла никогда не было, то сковороду она смазывала кусочком свиной кожицу, которую кто-то давал маме.

Начинался праздник. Настроение с вечера радостное. Вставали рано, хотя нас никто не будил, садились за стол и ели блины. Блины были горячие, вкусные, с молоком. Ели мы их долго и много. Молока наливали и кислого, и пресного — сколько хочешь. А мама пекла и пекла, а потом объявила, что печь заканчивала и приглашала на повтор. Все снова садились за стол и снова ели те же блины до отвала. Потом обжаренную свиную кожницу мама отдавала мне, и я ее жевала до самого вечера. По праздникам мамины сестры дарили нам подарки — селедку, крендели, чукор. Мама селедку разрезала на пять частей, для себя брала

голову. Марина отворачивалась, Тоня ее спрашивала: «Кому?» Марина называла нас по имени, и мы получали по кусочку селедки, чукара, ситничка. Все были очень радостные.

Праздники 7 ноября и 1 мая мы никак не отмечали. Я их не знала. С весны до глубокой осени мама работала в колхозе. Зимой, когда выпадал снег, многие женщины, в том числе и мама, в поисках пропитания ездили на санках в лес за дровами. Они рубили молодые деревья и отвозили в мордовские деревни. Там меняли их на картошку или крупу. Мордовские деревни окружались степями. У них было много пахотной земли, но не было леса. Обычно женщины собирались группами от двух до пяти человек, чтоб было не страшно. Когда попутчиков не было, ездили и по одной. Однажды мама не смогла найти попутчиков и поехала одна. Она, как всегда, нарубила дров, вышла из леса и пошла по дороге к ближайшей деревне. Но тут поднялась сильная выюга, снегом замело дорогу, и мама сбилась с пути. Она не могла найти дорогу и не знала, в какую сторону ей пойти, заблудилась. По пояс в снегу, она блуждала по степи три дня, на четвертый вышла к деревне. В деревне, замерзшая, полуживая, отлеживалась еще три дня. Это была деревня Шалы и была она расположена в двадцати километрах от Виндрея. Об этой деревне ходили плохие слухи, поэтому виндрейцы обходили ее стороной. Говорили, что там живут одни колдуны. Однако маму жители деревни встретили радушно. Ее накормили, обогрели, подлечили, дали с собой еды и сообщили, что в Виндрее пропали две женщины. Одну из них нашли, разорванную волками, а другой до сих пор нет, и были неподдельно рады, узнав, что другой является мама. Ее даже половину пути подвезли на попутной лошади, в санях.

Собираясь за дровами в тот злосчастный день, мама должна была вернуться вечером. Но в первый день она не вернулась, не вернулась на второй и на третий. На третий день в лесу у дороги нашли женщину, разорванную волками. Обычно волки на людей не нападали. Они умудрялись вытаскивать скотину даже из хлева, но людей не трогали, даже в лесу. И это был единственный случай, когда волки напали на человека. Только по обрывкам одежды можно было узнать погибшую женщину. Нас взяли под свою защиту мамины сестры — Оля, Аня и Шура. Они приходили к нам каждый день, приносили еду. Приходили какие-то незнакомые женщины и тоже что-то из еды приносили. Ну а потом вернулась мама. Трагедия с погибшей женщиной очень повлияла на людей — стали бояться в лес ходить. Власти удвоили награду за голову волка, но уничтожить волков было некому. И только сильный голод детей гнал одиноких женщин в лес за дровами. И мама снова взяла топор, санки и пошла в лес. С ней отправилась соседка девочка Катя тринадцати лет. День был морозный и солнечный. Они прошли

по дороге километра два, как вдруг увидели волка. Он был большой, пушистый, красивый и смотрел на них. Мама шла впереди, Катя за ней. Мама велела Кате повернуть назад, но сзади на дороге сидел второй волк и тоже смотрел на них. Со стороны леса выбежали еще три волка. Мама велела Кате молиться Пресвятой Богородице, а сама упала без сознания. Когда мама очнулась, волков уже не было. Сколько она пролежала — неизвестно. Когда очнулась — Кати не было, волков не было, Катиных санок тоже, и мама пошла домой. Сначала она зашла к соседке справиться о Кате. Девочка была дома, сидела на печке. Катя рассказала, что из леса выбежали еще семь волков, всего их было девять. Перебегая дорогу, все они смотрели на маму с Катей, но не подходили к ним. Катя все время читала молитву «Богородице...», а потом, подумав, что мама умерла, побежала домой.

Иногда нервная система мамы была на пределе, и тогда мама плакала. Она садилась и плакала громко, насколько хватало сил, с причитаниями, выговаривая каждое слово нараспев, и, если бы не слезы, катившиеся по ее лицу, которые она вытирала фартуком, можно было бы подумать, что она поет. Песнь ее всегда начиналась словами: «Милая моя матушка, зачем ты меня родила такую горькую.», потом шли слова, какие ей надо было высказать. Заканчивалась ее песня всегда одними и теми же словами: «...прилети за мной, унеси меня на своих крыльышках...».

Во время ее плача к ней никто не подходил, никто ей не мешал, а когда она заканчивала, к ней подходила Тоня, молча прижималась к ней, потом Катя, Марина, мы с Клавой сползали с печки, и все прижимались к ней молча. Она нас всех обнимала, беззвучно плакала, а мы знали, что ужина у нас в этот день не будет, так как в доме никакой еды нет.

Тоня, Катя и Марина ходили в школу. Тетрадей и учебников не было, да и вообще бумаги не было никакой. Учебники в школе давали один на пять-шесть человек, а тетради... Разрешали использовать любую бумагу, кто какую найдет. У маминой старшей сестры Оли сыновья Вася и Миша еще до войны кончили десять классов, и у них хватило ума не выбрасывать свои тетради, а сложить их на чердаке. Так вот Тоня, Катя и Марина писали на их тетрадях между строк чернилами другого цвета. Миша с Васей писали химическими чернилами, а Тоня с Катей — самодельными. Чернила делали из желудей дуба. Осенью ходили в дубовую рощу, собирали желуди, выжимали сок, который имел яркий окрас, он и служил чернилами. Зимой делали чернила из сажи. Сажу заливали кипятком — получали черные чернила.

Из села Виндрея мы уехали весной 1945 года, сразу же после войны. Кто-то из маминых родственников жил в Загорске, они-то и посовето-

вали маме приехать в Загорск. В Загорске для проживания нам предоставили целый подвал большого четырехэтажного дома. В подвале был дощатый пол, серые бетонные стены, под потолком подобие окон. По стенам постоянно стекала вода. В центре помещения стояла небольшая кирпичная печь, которую мама топила через день — в целях экономии дров. Под потолком висела электрическая лампочка.

Тоне было шестнадцать лет, она куда-то устроилась на работу. Катя, Марина и Клава ходили в школу. Я целыми днями сидела в подвале одна. Из игрушек у меня была одна кукла, и то, с одной ногой, другая отвалилась от старости. Каждое утро и вечер мама откуда-то приносила по ведру горячей воды и мы пили чай. Вместо сахара в аптеке покупали сахарин. Однажды Марина им сильно отравилась, и врачи запретили нам его употреблять. Ежемесячно нам выдавали шесть продуктовых карточек, две взрослых — маме и Тоне и четыре детских. Мама их отоваривала, и все продукты, кроме хлеба, продавала, так как заработанных ею и Тоней денег хватало только на хлеб по карточкам. В столовой работала официанткой знакомая мамы по довоенным годам. Она продавала маме одну порцию пшеничной каши. Мама приносила эту кашу домой, разбавляла ее горячей водой и этот «суп» разливала нам всем по одному половинку. Живя в подвале, я помню только этот пшеничный суп, к сожалению, очень жидкий, крохотный кусочек черного хлеба и чай с сахарином. Других продуктов у нас никогда не было. Я благодарна той женщине, которая помогла нам выжить. А я до сих пор не люблю бульоны и жидкие супы. У меня заболели ноги. Врачи сказали, что это ревматизм, от сырости. Маме посоветовали обратиться в Загорский леспромхоз. Там рабочим, занятым на тяжелой работе, сразу же давали жилье. Работая на лесоповале, маме дали хорошую, светлую, теплую комнату в деревянном доме на Зеленом поселке города Краснозаводска, где прошли самые лучшие годы моей жизни.

Пусть никогда не будет войны!

Бессолова Людмила Сергеевна

Лихая нам досталась доля

Я родилась в холодном феврале 1938 года. Говорят, что все зимы тогда были суровые. Не поэтому ли нам, детям той поры, досталась суровая доля. Да и могло ли быть иначе, если на четвертом году моей жизни разразилась Великая Отечественная война.

Кругом было столько горя слез и страданий, что ребятишки рано становились взрослыми. Вот поэтому 1943 год уже хорошо отложился в моей памяти. Жила я тогда с бабушкой и дедушкой в небольшом деревянном домике на окраине крупного промышленного города на Урале.

До фронтовой полосы было на самом деле далеко. А память усердно рисует мне крест-накрест за克莱енные бумажными лентами оконные стекла. Зачастую сидели без электричества, освещали дом с помощью ламп-коптилок и прочих рукотворных приспособлений. Керосин не у всех был. Вот и придумали тогда использовать в быту гильзы от снарядов. Наполняли эти гильзы-стаканы карбидом (откуда его брали, не знаю), наливали воду. Бурно выделяющийся газ поджигали и светильник готов. А посередине нашего огорода была выкопана огромная яма-воронка. Потом уже узнала, что это было сделано на случай бомбёжки.

Вечерами и ночами ходили дежурные (это были женщины) и следили за тем, чтобы из окон не было видно света. Никто не спорил: раз постучали, значит свет действительно пробивался из окна. Часто днём ходили женщины из санэпидемстанции и проверяли одежду у жителей на предмет вшей. А как было не завестись этим тварям, если люди не доедали, не допивали и работали до упаду.

Летом самым доступным источником питания была крапива и лебеда. Однажды Лиза Французова устроила скандал из-за того, что моя бабушка, якобы, сорвала крапиву с соседской межи. Вот нынче диетологи весной рекомендуют суп из крапивы, лебеды, а я не хочу этого блюда — наелась в детстве. Представляете ли вы булочки из редьки горькой, черной? Надо сказать, что этот овощ родился у нас тогда отлично. Бывало, наскоро вытащишь из грядки редьку, натрёшь на тёрке целое ведро, куда попадала и кровь из пораненных пальцев. Бабушка сок отожмёт, из мезги слепит булочки, обваляет их в отрубях и в печь. О вкусе этих булочек говорить не приходится, в других семьях и этого не было.

Дед мой работал на металлургическом заводе, часто сутками не приходил домой, если и приходил, то поспит часов шесть-восемь и снова на завод. Ещё в 1934 году остался без глаза от искры из расплавленного металла. Однажды, во время войны, на завод приехал какой-то полковник для того, чтобы выявить, тех, кто скрывается от фронта. Вызвали в кабинет к нему и моего деда. Вошёл высокий, статный, а полковник к нему с криком: «А, сукин сын, скрываешься!» Дед, ни слова не говоря, извлёк глазной протез и выложил на стол. Поражённый полковник только и смог молвить: «Прости, отец, прости...»

Нельзя забыть 9 мая 1945 года. Часов в одиннадцать утра вдруг загудели в городе все заводы. Мы уже по звуку различали, какой завод гудит. Дед был на работе. Бабушка всполошилась и побежала узнать, не

случилась ли какая беда на заводе. Возвратилась часа через полтора-два со слезами: «Победа, Людушка, победа!..» Вечером народ высыпал на улицу, а это были женщины, дети и старики.

1 сентября 1945 года. Я иду в первый класс. Из куска ситца бордового цвета в мелкий -мелкий цветочек, бабушка сварганила мне платьишко, сшила сумку из старых дедовых брюк. На ногах — старые бабушкины высокие ботинки, они когда-то были модные: длинные узкие носы и каблуки, высокие. Каблуки отрубил дед, при этом носки задрались наверх. На моей голове две жиденькие косички с тряпочными бантиками. Пришли мы в старый деревянный барак, так как в нашей школе размещался военный госпиталь. Года через три, когда мы уже ходили в настоящую школу, к нам пришли два мальчика и девочка из рядом расположавшегося детского дома. Вот тогда мир предстал перед нами в другом свете. Детдомовцы были одеты в настоящую школьную форму. На ногах Лиды Леднёвой, так звали детдомовку, были кожаные туфельки с ремешками, осенью она надевала ещё и новенькие резиновые калошки. Как я ей завидовала! Более того, мы, домашние дети приносили с собой морковь, свеколку, брюкву и жевали на переменах, а детдомовцы приносили с собой настоящие бутерброды с маслом и сыром, иногда и с колбасой. Глядя на эту роскошь, мы глотали слюнки. Не забыть, как нас подкармливали. В конце последнего урока наша старенькая учительница Юлия Лаврентьевна Анисимова, впоследствии награждённая орденом Ленина, приносила большой чёрный противень с маленькими ломтиками ржаного хлеба и раздавала нам. Ей кусочек хлеба не полагался. Хлебные крошки учительница стряхивала в ладонь и отправляла в рот со словами: «Вот бы нам сейчас по караваю белого хлебушка!..» По сей день я ни одной крошки хлеба не выбросила в мусорное ведро.

Запомнились и походы в баню. Как выстраивались парами, и учительница вела нас в это заведение. Пока мы мылись, наше бельишко обрабатывали сухим паром, чтобы не было вшей. А они потом все равно откуда-то появлялись.

Ещё в моей биографии была целина. Огромные степи в Казахстане были распаханы и засеяны пшеницей. Горы зерна на полях. Потом я никогда больше не видела столько зерна. Жили мы на полевом стане. Русские, украинцы, белорусы, чеченцы, венгры, татары и другой народ работали в одной «упряжке». Было весело, никому в голову не приходила мысль, выяснить национальность человека. На целину ехали в телячьих вагонах, на соломенных тюфяках. Осенью возвращались домой повзрослевшие, откормленные, довольные жизнью.

Боброва Сталина Михайловна

Победа — это огромное чувство свободы

По состоянию здоровья нас, детей, мама из-под Новосибирска вывезла в родное Подмосковье. Пока устраивались, пока маме предоставили работу, пришло страшное время — война.

Первое время мы жили в общежитии Горбуновской фабрики. Запомнились огромные мальвы, в которых я потерялась, потом катание с огромных гор шпулек для ниток. Уже тогда мы почувствовали, что такое голод, так как мама по общественным делам надолго уезжала (позже узнали, что они в нашем районе делали закладки для возможной партизанской войны в Подмосковье). Как-то мы учуяли вкусный запах жареного. Оказалось, что девчата пекли лепешки из суррогатного кофе. Нас угостили — мы вгрызлись в черные кружочки и тут же захотелось их выплюнуть: такие горькие они были. Но мы все-таки их съели.

Еще помню, как под вечер с неба вдруг опустился огромный воздушный дом — дирижабль, на нем горели разноцветные огоньки, а из него раздался голос: командир спрашивал, как ему добраться в нужное место.

А потом маму отправили работать на Репиховскую фабрику, где мы и прожили все военные и послевоенные годы. Самое страшное — у нас из вещей не было ничего. Из Сибири привезли какую-то одежду, тарелки, ложки и чашки и ничего для хозяйства. Самое страшное время за всю войну был 1941 год и первая половина 1942 года. У нас была одна служащая карточка и две детских. На продукты обменять было нечего. Мама заметно похудела, ноги у нее стали пухнуть от голода, ведь каждую крошку она старалась отдать нам, детям. Мне было легче всех, так как фабрика организовала детский сад, где воспитателями были две фабричные работницы: тетя Нюра и тетя Тоня. Для детсада была всего одна комната, где мы играли в «Каравай» и «Ручеек». Потом воспитательницы ставили столы — мы обедали, а затем столы сдвигались и для тихого часа расставляли раскладушки: натянутые между двух крестовин одеяла. Малышам трудно было на них забираться: высоко.

Запомнилось детсадовское наказание: нужно было перебрать сильно засоренный овес, пока все дети спали — в тихий час. Если ребенок пропускал по какой-то причине детский сад, его родственники приходили с баночками и забирали домой его порцию еды. Хуже было в выходные дни, когда садик не работал. Летом мы переходили на подножный корм, который назывался «дудки». Трава просто не успевала вырастать, так быстро мы ее съедали. Нужно еще было знать, что где растет и вовремя туда поспеть. Около самой фабрики росла трава, которую мы называли «калачики» (ее семена напоминали лепешечки). А

еще мы ели молодые листья липы, а потом и созревшие шарики семян.

Летом 1942 года работникам фабрики, на территории, выделили кусочки земли, на которых люди завели огородики. Приобретенное ведро картошки мы превращали в посадочный материал. Картофелину разрезали на части. Кусочки, где были глазки, клади на подоконники, чтобы эти глазки начали прорастать и зеленеть. Знали бы вы, с какой бережностью опускали каждый проросший глазок. Так как я была маленькой, эту почетную работу доверяли мне (нагибаться-то практически не надо).

Со временем дети обносились, подбросили. Кое-что из одежды мне перепало от сестры. А вот с обувью дела обстояли хуже. На лето матери взяли нам из вигони (толстые нитки) тапочки. Когда шел дождь, они намокали и становились большими, а когда лопались почки тополей, то они приклеивались к тапкам вместе с песком, и тапки становились тяжеленными.

У всех ребят была обязанность: насобирать щавеля, так как из него, в основном, и варили суп. Были известные всем щавельные места, и туда нужно было попасть пораньше, чтобы найти листочки покрупнее. Потом приходилось переходить на новое место, потом на другое, все дальше и дальше от дома.

Когда нас выпускали из садика, то нас всех приодели: из толстого легкого материала мальчикам пошили черные костюмчики, а девочкам — бордовые платья. А еще нам дали портфели. Вы представляете нашу радость!?

Обеспечить семью хлебом — главной обязанностью детей в годы войны. Нам, детям, доверяли карточки, и я не помню случая, что кто-то из ребят их потерял. Мы собирались пораньше возле двухэтажного фабричного дома, где на первом этаже ютился магазин, где очень, казалось, красивая тетя Маруся своим широким ножом отрезала от буханки положенные по карточкам нормы. Мы занимали очередь друг за другом и недалеко от дома, чтобы протянуть время, играли: в мяч о стенку, о землю, прыгали через веревочку без опоздатушек, в часики — мы были большими виртуозами, скакали в классики. Они развивали меткость и прыгучесть — очень трудно было перепрыгнуть через «сгоревший» домик. Играли и на деньги — в расшибалку и о пристенок. Эту игру описал писатель В. Распутин в рассказе «Уроки французского». Можно было выиграть пять копеек на кино, которое показывали в клубе на растянутой простыне. Что интересно, мы почти не делились на мальчиков и девочек.

Играли-то мы играли, но без конца посматривали на фабричные ворота, откуда должен был появиться фургон с хлебом, который вез небольшой конек Монголка, а управлял им добрый дядя Миша. Фургон подъезжал к магазину, а уже мы тут как тут. Очередь готова. И все

выхали чудесный, не передаваемый никакими словами, хлебный запах. Когда буханки переносили в магазин, начинала чародействовать тетя Маруся. Она всегда почти точно отрезала нужные куски. Вот вытаскиваешь свои карточки, тетя Маруся режет буханку, вырезает нужные квадратики, кладет их на весы... Внутренне, я всегда молилась, чтоб получился один кусок, без довеска. Вы знаете, как трудно нести домой довесок (маленький кусочек), нюхать его, выхать хлебный дух и не съесть его! Ты же не одна: мама и сестра тоже придут домой голодные. Бывали случаи, что использовали карточки вперед, а потом можно было не ходить в очередь — это были отчаянные дни.

Я помню, как отменили карточки. Это был такой счастливый день! Вот в руках у нас целая буханка белого хлеба и кусок маргарина! И мама сказала: «Ешьте, девочки!» Такого вкусного, мягкого, с хрустящей корочкой хлеба я больше никогда не ела! А сестре от хлеба с маргарином стало плохо: мы никаких жиров во время войны не видели (хотя карточки и такие были), кроме купленного на рынке растительного масла (не только подсолнечного).

Очень хочется рассказать о замечательном человеке фельдшере — Агнии Антоновне Шаркевич. Она была участницей гражданской войны Все окружающие Репиховскую фабрику жители были в ее ведении. Она не оставила нас, детсадовцев, младшешкольников без внимания. Она следила за чистотой наших рук, летом выводила цыпки на ногах, проверяла головы и, если находила что-то, посыпала голову дустом, потом обмывала ее и говорила: «Придёшь домой, пусть мама сразу вымоет волосы». И педикулёза у нас не было. У всех детей было малокровие и Агния Антоновна приносила противный рыбий жир и вливала его в наши открытые рты и следила, чтобы все его проглотили. Она учila нас делать перевязки, правильно обрабатывать ранки, накладывать шины при переломе. У многих ребят от плохого питания появились волдыри на коже, которые потом превращались в корочку. И всё это страшно чесалось. У меня такие болячки появились на лице. Агния Антоновна объяснила, что будут рябинки, если их трогать, и нужно терпеть — не чесать, не ныть, когда она пинцетом снимала корочки, то говорила: «Тогда ты будешь как партизанка, которая попала к фашистам». С тех пор я научилась терпеть и не жаловаться.

В школе, хоть и в 1945 году, было и холодно, и голодно. Мы, фабричные дети, очень ждали, когда начнётся соление капусты для столовой — мы ждали кочерыжек. Сколько мы их переели! Даже на переменке бегали, чтобы схватить по 3–4 кочерыжки и набить ими свой голодный желудок. Плохо было с чернилами. Я помню, как разводила синьку для белья и писала этим раствором. Когда эти чернила высыхали, написанное осипалось и тогда буквы и цифры становились бледными.

Школа всегда старалась скрасить нашу жизнь. На Новый год всегда была наряжена ёлка, после веселья всем выдавались подарки. Они были скромными, но они были, и мы их ждали. По большим праздникам лучшим ученикам вручались премии: альбом для рисования, две тетрадки, два-три цветных карандаша. И мы невероятно гордились, что нас отметили. Спасибо директору школы, Татьяне Владимировне Щекатуриной, которая заменила, ушедшего на фронт мужа.

Читать можно было только днём, так как электричества в домах не было: оно уходило на работу фабрики. Дома пользовались коптилками. В залипый керосином пузырёк вставлялся скрученный из ниток фитиль. Света коптилка мало давала, запаха и копоти — много. Зато слушали радио. У нас в доме тоже была чёрная бумажная тарелка. Мы знали голос Левитана, по интонации понимали о каких событиях он говорит — радостных или нет. Мы хорошо знали имена полководцев. У всех на стенах висели карты СССР. По сообщениям радио мы отмечали, где проходит линия фронта. Мы, дети, верили в победу, хотя на случай эвакуации в каждой семье был собран узелок. Когда фашистов погнали от Москвы и дальше, самой любимой нашей песней стала «Песня о Москве». После гуляния, в вечерней темноте, идёшь по тропинке домой и орешь:

*И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица, золотая моя Москва!*

Когда пришёл день Победы, точнее утро, это была не просто радость, а какое-то огромное чувство свободы. Вот оно! Сбылось!

В классе не у всех были отцы. Частенько можно было слышать слово «безотцовщина». Когда я пришла в 1949 году в 5-й класс Хотьковской школы № 1, у нас появились дети из детдома, и, надо сказать, это были очень хорошие и дружные ребята, их хорошо одевали, многие из нас были обеспечены значительно хуже.

С 1949 года я связана с ХШИ № 1, потом училась на филфаке МГУ, ешё, на Моховой. Это были замечательные пять лет, потом работа, а последние тридцать лет опять родная школа, замечательный коллектив словесников. В этом году 2013 г. сделала свой последний, очень удачный выпуск: ребята хорошо сдали ЕГЭ, четверо стали золотыми медалистами: Оля Колесова, Катя Андриanova, Таня Щеголькова, Маша Лаврова (сдала на сто процентов). К грамоте главы района за успешную работу, стоит прибавить медаль в честь 100-летия В.И. Ленина, а также нагрудный знак «Отличник просвещения РСФСР и знак «Отличник просвещения СССР».

И сегодня я буду стараться быть полезной и своим коллегам, и ребятам.

Бочкова (Колядова) Надежда Кузьминична

Страшное время

Я родилась в Москве на Красной Пресне в 1927 году. В 1937 году семья переехала в Тулу. Мы жили в центре города, от оружейного завода, основанного Петром I, наш дом отделяла только река Упа, которая впадала в Оку. Никогда не забуду слова учителя начальной школы, который говорил нам: «Дети, никогда не загрязняйте нашу

реку, так как всё попадёт в Волгу». Семья наша была большая, пять человек детей, я — старшая. Когда началась война я окончила семь классов и мне было уже четырнадцать лет. Когда немцы заняли Ясную Поляну — родину Льва Толстого и Косую гору, то их танки рвались на окраину города с южной стороны.

Отец ушёл на защиту города в ополчение, больше мы его не видели. Он погиб в 1942 году, ему было всего сорок два года. Мама работала на Оружейном заводе. Она в те дни получала зарплату каждый день, потому что неизвестно, что будет завтра. Нас немцы бомбили каждый день, стараясь попасть в Оружейный завод. Наш дом был двухэтажный и имел очень хороший подвал. Всё это страшное время все жильцы жили в подвале. Немцы были очень пунктуальными. Они бомбили нас днем и точно в десять часов вечера. Зная это, мы перед бомбежкой бегали на второй этаж, чтобы быстренько поужинать. В 1942 году я поступила в механический техникум на факультет «Проектирование стрелкового оружия». Я учила и работала, точила кончик штыка, чтобы вставить в винтовку Мосина. Чтобы включить и выключить станок мне подставляли ящик. В первые годы войны эта винтовка была на вооружении. Потом была заменена на современное оружие.

Мой брат, тоже работал на Оружейном заводе, чистил ствол винтовки. Когда немцев отогнали от Тулы, я с братом ходила на родину отца за девяносто километров за продуктами. По шоссе в первый день мы проходили пятьдесят километров, затем просились на ночёвку, на второй день были уже в десяти километрах — шли по шоссе до Плавска. Затем еще тридцать километров по просёлочной дороге до деревни Коржевка мимо деревни Раево. Гостили у родственников, нас кормили и собирали в обратный путь. Иногда довозили до Плавска.

А зимой брат ездил в деревню на санках за продуктами с мамой. Я оставалась с детьми. Брату Николаю эта жизнь наскушила и, когда в очередной раз военные приехали за оружием, он сбежал на фронт с ними. Мы очень волновались. Потом пришла весточка — приехал парень в город, и брат передал с ним посылку. Так мы узнали, что он на Западном фронте, затем он воевал под Сталинградом. Когда война закончилась, ему было всего 16 лет. Он стал служить, работать в городе Калач, что недалеко от Сталинграда. В Калач приехала по распределению девушка, молодой специалист из Одессы. Она окончила строительный техникум. В Одессе её маму и четырех детей (евреи) уничтожили немцы. В то время она была в деревне у бабушки — потому и осталась жива. Отец был на фронте. Она познакомилась с моим братом и они поженились.

День Победы я встретила в Туле. В четыре часа утра мы услышали радостную новость по радио. Эти события остались у меня в памяти на всю жизнь.

Брехова Александра Михайловна

Экзамен на выживание

Я родилась 18 февраля 1939 года в селе Никольское Первомайского района Тамбовской области. С первых дней войны отец, ушел на фронт, а в 1942 году погиб, защищая Родину. Мы остались одни. Мама работала в колхозе, нас, маленьких, ей приходилось брать с собой на работу, так как детского сада не было. В войну мужчины ушли на фронт, поэтому вся работа легла на плечи женщин. Пахали землю на лошадях, сеяли вручную, работали до позднего вечера, без выходных.

Жили мы бедно. В послевоенные годы трудно было не только с едой, но и с одеждой, обувью. Летом я ходила босиком. Купить что-либо было не на что. В колхозе за работу денег не платили. Работали за трудодни, которые в конце уборочного сезона отоваривались зерном.

С первого класса я училась в семилетней школе. Школа находилась в соседнем селе, за пять километров от нашего села. Три года мы учились во вторую смену, занятия начинались в обед. Домой приходили в девять часов вечера. Учебников на всех не хватало. В школе было холодно, даже чернила замерзали, а мы занимались в верхней одежде. Особенно трудно было добираться до школы осенью: грязь по колено. А зимы были холода и снежные. Уроки дома делали под свет кероси-

новой лампы, а когда не было керосина — со свечой.

Летом, в каникулы, мы работали в колхозе: сушили сено, сажали капусту, поливали, отвозили на машинах зерно на заготовительный пункт. После окончания средней школы я еще шесть лет проработала в колхозе, потом у меня заболела рука, пришлось оперировать. Операцию сделали не совсем удачно, после чего физическая работа стала мне противопоказана. В 1963 году я поступила в Тамбовский педагогический институт, окончила его в 1967 году. Была направлена на работу в Староюрьевский район Тамбовской области в восьмилетнюю школу. В 1971 году по семейным обстоятельствам переехала в Загорский район. С 1976 по 1998 годы работала в Шеметовской средней школе.

Военный период и послевоенное время были для меня трудным экзаменом на выживание, так как отец не вернулся с фронта. Маме было тяжело расти нас в одиночку. Но мы выжили. Сейчас у меня есть дочь Ира и внучка Юля.

Будникова Татьяна Викторовна

Светлая память врачам!

Моя малая родина — это территория бывшей Сергиевской лечебницы Московского губернского земства, где ныне на улице Кирова. Противотуберкулёзный диспансер занимает корпуса, построенные в 1900 году при участии первого заведующего больницей Николая Александровича Королёва. Мои родители были медицинскими работниками. Я родилась и прожила здесь свыше сорока лет. Жизнь больницы проходила и изменялась на моих глазах.

Мне было шестнадцать, когда 22 июня 1941 г ода через все радиоточки Загорска сообщили о начале войны с Германией. Уже 23-го июня была объявлена мобилизация военнообязанных от 23 до 34 лет. Старшее поколение предвидело войну: Красная Армия увеличивалась в численности. С осени 1939 года призывающей возраст окончивших полную среднюю школу снизили до 18 лет, в военные билеты находившихся в запасе вклеивались мобилизационные предписания, обязывающие явиться в военкомат в день призыва. Этот красный вкладыш предупреждал, что медицинское освидетельствование при этом производиться не будет, и обладатель документа должен заранее позаботиться о своём здоровье.

Молодёжь была уверена в скорой победе: пресса настойчиво сообщала о неприступности наших границ. То, что «мы немцев шапками

закидаем», моё поколение было уверено. Однако шли дни, а тревожные сводки не сулили стране лёгкой победы. С небывалой быстротой начал меняться уклад жизни всех: от мала до велика. Каждый день превращался в продолжительный труд.

В этот год я окончила 8-й класс школы № 22 (ул. Кирова, 8), размещавшейся в четырехэтажном

кирпичном здании, построенном в 1939 году. Уже в июле городские власти начали приспособливать его под эвакогоспиталь № 2894. Организацией его занимались батальонный комиссар Николай Григорьевич Борин и мобилизованный заведующий Загорского туберкулёзного диспансера (ныне это ул. Митькина, 37). Пётр Иванович Андреев — первый начальник госпиталя. Средства предоставлял Наркомздрав, а кадры — лечебные учреждения Загорска. Помню, как в короткое время мобилизовали семнадцать человек из персонала больницы.

Из девяти врачей были призваны шесть, в том числе два хирурга и главные врачи: действовавший А.Н. Терентьев и не успевший вступить в должность С.Г. Хургин. В единственной городской многопрофильной больнице на двадцать коек, которая в 1941 году обслуживала 48-тысячное население Загорска, в стационарной помощи осталось всего три врача: 60-летняя заведующая родильным отделением Софья Павловна Гасабова, 77-летний детский врач Николай Александрович Королёв и ординатор родильного отделения Бабурина. Лечебница начала жить «не числом, а умением». С.П. Гасабову, оставив консультантом акушерской службы, перевели заведующей 55-коочного хирургического отделения. Н.А. Королёв возглавил инфекционное отделение.

Позже Мособлздравотдел прислал терапевта Анатолия Ильича Гоффа. Больница пережила пять главных врачей, которые не задерживались подолгу. Без ремонта и пополнения инвентаря, в условиях тревоги, недоедания, холода и других трудностей военного времени четыре лечащих врача круглые сутки обслуживали переполненную больными лечебницу. Справляясь помогала самоотверженная преданность долгу, терпение и вера в Победу.

В 1943 г. Горздравотдел прислал молодого детского врача Валентину Николаевну Морозову. Позже о наших бывших земских врачах Н.А. Королёве и С.П. Гасабовой она вспоминала: «Мой врачебный стаж составлял всего три года, но, к счастью, я попала в особую врачебную среду человеческой порядочности и профессионализма. Оба врача владели своим делом и знали медицину в целом. Их сближал гуманизм к больным и персоналу. Авторитет их у населения был безупречен, а доверие полное. В их обществе невозможно было быть недобросовестным и чёрствым».

Ещё не закончилась война, как в 1944 году С.П. Гасабовой было присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР». Благодарный город после войны похоронил обоих своих старейших врачей на территории больницы. Их именами названы улицы Западного посёлка.

Война изменила и мою судьбу. Мне пришлось поработать в колхозах района — на торфоразработках в Шатурском районе, на лесозаготовках в Калининской области, пожить в землянке на нарах с клопами, переболеть малярией от укусов тверских комаров. В 1942 году от тифа умерла моя мать, работавшая во время войны в инфекционном отделении. Получить среднее и высшее медицинское образование в то непростое время мне помогла Софья Павловна Гасабова.

Светлая ей память!

Буланчикова Тамара Алексеевна

Вспоминайте о войне

Вспомнить о войне? А может быть, так и нужно: чаще вспоминать о войне? Чтобы наши дети, внуки, правнуки знали, что такое война.

Трудно поверить, как можно было выжить в эти тяжёлые годы!

Мама, папа и брат родились и жили в Москве. А мне довелось родиться в глухом татарском селе Туймазы, где не было ни больницы, ни школы. Люди жили в землянках.

Папу Партия послала, как двадцатипятитысячника, организовать в округе колхозы — наладить коневодство и овцеводство. Дом для семьи партийного работника строили всем селом. Из конского навоза, глины и соломы лепили кизяки (кирпичи). Вымешивали эту массу ногами, выкладывали в формы и сушили. Дом получился тёплым и уютным, только окна маленькие и пол земляной. Мама сказала, что всю жизнь мечтала жить в таком уютном домике. Вот я и родилась в этом уютном маленьком домике.

Папа уходил рано утром на работу, когда мы ещё спали, а вечером возвращался, когда мы с братом уже спали. Люди поверили моему папе и помогали, как могли, налаживать жизнь. На помощь папе приехало много русских. Жили русские с татарами дружно. О чём не понимали друг друга, объяснялись жестами, потом весело все смеялись. Люди видели плоды своего труда. Наладилось коневодство — разводили племенных коней для скачек. Построили мясокомбинат, развели пастбища для овец. Построили школу, больницу, даже клуб.

Однажды папа вернулся домой рано, чем-то расстроенный. Они с мамой не спали всю ночь. Мы с братом тоже не спали, подслушивали. Разговор был очень серьёзным, но я не понимала, о чём шла речь. Только понимала — что-то плохое. Утром по радиотарелке объявили, что началась война. Через несколько дней папа сказал, что уходит на войну. Мама пыталась уговорить его не бросать конезавод, мясокомбинат. Папа ответил: «Я, как член партии, должен показать пример и идти защищать Родину от врагов».

Село затихло, опустело. Через некоторое время угнали табун коней на фронт. На мясокомбинате открылся консервный цех. Безжалостно резали овец, их мясо перерабатывали в консервы. Всё отправляли на фронт. Разводили овец — большие стада были. Для приготовления тушёнки резали даже молодых ягнят. Жители села отдали весь домашний скот на мясокомбинат. Кругом висели плакаты «Всё на фронт! Родина зовёт!» Каждый помогал солдатам, чем мог. Ходили по домам, собирали овечью шерсть, а бабушка Фатима вязала носки для солдат на фронте. Мама выращивала табак, сушила его и тоже отправляла на фронт. Однажды мама получила письмо с фронта. Писали солдаты:

«Спасибо, сестричка, твой табак принёс нам тепло и привет с Родины!»
Всем селом читали письмо и плакали.

Шли годы, люди еле выживали. Пухли с голоду. Подъедали всю молоденьку травку, появившуюся на свет. Председатель колхоза выдавала по четыреста граммов муки в месяц на человека. Варили мешанку с травой. Бабушка Маланья держала корову, одну на всё село. Каждый день она дарила маленьким детям по полстакана молока. Как-то Маланья пролила чуточку молока на пол. Она, громко ругая себя, встала на четвереньки и вылизала земляной пол. Нам было жалко её и мы тоже плакали.

Как-то объявили по радио, что какое-то государство прислало на наше село подарки. Все сбежались на площади. На каждую семью выдавался по списку пакет — подарок. Каждый разворачивал свой пакет прямо у телеги, на которой привезли подарки. Мама развернула свой пакет. Там был мешочек с сухарями — обедки со стола. Сверху лежала манишка женская. Мама развернула её и заплакала. Минут пять мама рыдала. Потом мама надела манишку на платье, запела частушку и пошла в пляс. Люди поддержали её. Все смеялись, пели военные частушки, плясали. Потом всё затихло. Люди сложили в кучу никому не нужные посылки и тихо, молча, пошли домой. Далеко в груди лежала боль, обида, беспомощность.

Летом селяне ходили на луг, что возле мясокомбината, собирать высохшие лошадиные «лепёшки» — ими топили зимой печи. Мы с мамой набрали почти мешок. Мама заметила кучу сухой соломы, вокруг которой кружились крупные зелёные мухи. Мама раскрыла солому, а под ней лежали два забитых молочных поросёнка. Мама высыпала из мешка «лепёшки» и забрала поросят. Волоком мы еле дотащили свою находку. Мама собрала селян и всем поровну поделила поросят. Утром село замерло. Наша семья проснулась от резкой боли в животе. В селе жила бабушка-ведунья, Акулина. Она приказала всем пить много воды, большими глотками. Всех рвало, поэтому выжили. Может, это мясо было отравлено? Может, насижено мухами? Может, просто ослабленный желудок не принял тяжёлой пищи?

Каждое воскресенье собирались люди на базаре, чтобы обменять вещи со своего плеча на еду. Подъехал татарин на коне. Он сбросил тяжёлый мешок, подтащил к вязкому болоту. Стал доставать из мешка круглые буханки хлеба и бросать в болото. Буханки медленно тонули в вязкой грязи. Женщины, задрав подолы, лезли по колено в вонючую грязь, добывая хлеб. Татарин громко кричал. Складывал руки на груди крестом, закрывая глаза. Женщины остановились. Тётка Анисья подняла руки кверху и закричала: «Айда, бабы, за хлебушком! Страшнее войны только смерть! А мы и смерти не боимся!» Женщины доставали грязный хлеб, обмывали его в соседнем зелёном пруду. Снимали с го-

ловы платки, обтирали хлеб и несли домой детям. Мама ругала себя за то, что не успела достать хлеба. На другой день весь посёлок хоронил восемь детей, которых мамы досыпали хлебушком.

Все — и взрослые, и дети — носили лапти. Карим-баба плёл маленьким детям лапоточки даром. В лапоточках было легко и удобно. Осенью и весной идёшь в них — как босиком: и холодно, и грязно. Подружка моя носила галошки. Иногда мы с ней менялись обувью, тайком от родителей. Когда Галия вернулась домой с мокрыми ногами, родители отругали её. Она ещё долго кашляла. Я же была маленькая, худенькая, но закалённая.

Из школы мы возвращались через линию. Мы заметили, что одна из платформ грузового поезда была заполнена солью. Некоторые из детей спрятали книги из сумки, а сумки наполнили солью. Я набрала соли целый подол. Тогда ведь соли не было ни в одной семье. Я с гордостью несла соль домой, думая, что этой соли хватит на год. Неожиданно полил ливень. Солёная вода текла по животу, по коленям, по ногам, разъедая тело. Я дошла до дома и потеряла сознание. Я лежала вся в рассыпанной соли. Лицо моё было искажено от боли. Увидела меня бабушка Акулина. Она посадила меня, прямо в одежду, в бочку с водой. Соль эту мы ели недолго. Пришло раздать соседям. У меня ещё долго заживали ссадины на животе и на ногах.

После Победы жить стало ещё труднее. Домой вернулись только два

солдата, один — без ног. Передвигался он на самодельной тележке, отталкиваясь деревянными ручками. Второй солдат вернулся без левой руки и правой ноги. К ноге он привязывал деревяшку, наступая на нее с болью. Один раз в месяц ходили встречать эшелон с ранеными солдатами. Мой пapa погиб, но мы ждали его, как и все селяне, ждали каждого своего солдата. Люди продолжали ходить к эшелону, когда эшелоны были уже пусты. Возвращались молча, ещё раз убедившись, что ждать уже некого.

Когда стало жить невмоготу, нам помог переехать в Хотьково наш дядя. Обживались трудно, но жили лучше, чем в Татарии. Я была поражена недоверием людей друг к другу. Если кому-то чего-то дал, то обязательно должна быть отдача. После окончания школы я работала в цехе, обрабатывала детали. Работа не нравилась. Устроилась на работу в детсад няней. Я попала в чудесный мир детей, без хитрости и без вранья. Часто замещала воспитателей на день, на два. Мне повезло. Я заменила воспитателя на весь отпуск. Так я и осталась воспитателем детского сада. Окончила курсы. Один раз в год проходила стажировку. Дети и родители полюбили меня. Я отработала в детском саду, как в сказке, — тридцать лет и три года.

Замуж вышла, двоих детей родила. В 1984 году в нашу семью пришла беда. Мой сын Андрей погиб в Афганистане... Ушла на инвалидность. Перенесла три инфаркта. Друзья-воспитатели устроили мне проводы, прощальный «голубой огонёк». За каждым столиком сидели родители и дети. Были приглашены дети моего первого выпуска в школу. Праздник незабываемый мне устроили.

После гибели сына я не могла прийти в себя. Все мысли об одном. Врач предложила мне три варианта выздоровления. Первый: закрыться одной и реветь в голос, пока не успокоишься. Второй: петь, хоть и нет голоса. Петь от души, громко. Третий: записывать всё, что со мной происходит. А ещё лучше писать стихи.

Я выбрала третий вариант. Пишу стихи обо всём. Обо всей своей жизни. Когда читаю стихи о погибшем сыне, о войне, вижу на глазах у слушателей слёзы. Значит, этот вариант удался! Я рада, что мои стихи любят слушать.

Почитайте мои стихи и оцените. Люблю шить тряпочных кукол, как в детстве. Дарю их детям. Шить кукол и писать стихи — это моё хобби. Я уже не могу без этого. Иногда я просыпаюсь ночью, а у меня в голове уже четверостишие. Встаю и записываю.

Очень люблю детей. Перед моими окнами детская площадка. Я вижу детей и пишу о них. Мои правнуки ещё совсем маленькие, но для внучки Аришки я уже составила альбомчик моих стихов с набросками моих рисунков. Внучка Олеся поёт своей доченьке колыбельные песни из моих стихов. Та улыбается, засыпает. Вот и пришла моя старость. В своих стихах я пишу так:

*Года идут, года бегут -
Известно это всем.
Они мне старость принесут —
Не нравится совсем.*

*Но я живу, но я креплюсь,
Держу себя в руках,
Стараюсь духом не упасть,
Всегда быть на ногах.*

*Всегда готова всем помочь,
Готова всех любить.
И боль, и старость, и тоску
Стараюсь пережить.*

Не хочу говорить о войне

*В стихах своих всё о себе расскажу.
Бессонные ночи над ними сижу.
Свою жизнь вспоминаю, вперёд загляну.
Но не хочу вспоминать никогда про войну.*

*Я маленькой девочкой в то время была.
И знала, конечно, что значит война.
И голод, и холод, и бедность была —
Счастливое детство война отняла.*

*Чтоб не боялись люди войны,
В армии служить мальчишки должны.
Армия учит в неравном бою
В борьбе защищать Отчизну свою.*

*Я не хочу говорить о войне —
Для меня это горе втройне.
Война отняла в детстве отца,
И сына в Афгане война забрала.*

*Внук о войне узнать захотел.
В чеченские горы воевать полетел.
Гордится он тем, что увидел войну.
Защитник Отечества узнал про войну.*

Две картофелины

Когда началась война, мне было шесть лет от роду, а брату — двенадцать. За свою «военную» жизнь я до мелочей помню три эпизода: проходы отца на фронт, побывка отца проездом и извещение о его гибели.

Как партийного работника, взяли отца на фронт сразу на передовую. Было раннее утро. Папа подошёл к моей кровати и сказал: «Пропсыпайся, доченька, прощаться будем». За столом уже сидели мама и брат, по-праздничному одетые. Мне мама дала моё любимое платье. Мы сидели молча. Мама встала, принесла две крупные, сваренные в мундире картошки, и положила их на стол. Я поднялась на лавку, понюхала картошку и сказала: «Как вкусно пахнет!» Мама не выдержала и чуть слышно произнесла: «Прости меня, Лёшенька, мне и угостить-то тебя нечем». Папа взял одну картофелину, положил её в рюкзак, вторую разрезал всем на равные части. Мы ели медленно, с аппетитом. Папа встал, положил руки на плечи брату и сказал: «Сын, теперь ты остаёшься главным мужчиной в семье. Помогай маме, не обижай сестрёнку». Я не понимала, почему у всех на глазах слёзы. Брат надел на плечи папин рюкзак, а папа взял меня на руки. Мы молча пошли. Из некоторых домов люди тоже выходили семьями и тоже шли молча. На вокзале стоял эшелон, заполненный мужчинами с рюкзаками. Началась перекличка. Назвали папино имя. Папа поцеловал меня и сказал: «Слушайся, дочка, маму и брата — он теперь в семье хозяин». Я спросила папу: «Ты в командировку?» Он ответил: «Да».

Поезд тронулся. Мы долго махали ему вслед, пока он не скрылся из виду. Домой шли медленно, тихо плакали и молчали. Я спросила брата: «Почему все плачут?» Он ответил: «Это война, сестрёнка. Скоро ты всё поймёшь».

Начался голод. Нечем было топить печь. Для тепла использовали в качестве дров даже стулья и другую мебель. Чтобы как-то согреться, тушили маленькую чугунную печурку, грелись возле неё. Собирали в поле мороженую картошку. Мы с братом выбирали из картошки червей. Потом мама толкла картошку в ступе и пекла из неё лепёшки. Помню, как мы сидели за столом. Я держала лепёшку у рта и плакала. Мама уговаривала меня: «Доченька, ну съешь хоть кусочек, а то умрешь с голоду».

Приспособились готовить щи из молодой травки, заправленной горсткой муки.

Прошёл год. Я сидела на завалинке, грелась на солнце. В калитку вошёл солдат с рюкзаком. Он схватил меня на руки и стал кружить вокруг себя. Я узнала папу. Он был чёрный, загорелый и очень худой. Папа достал из-за пазухи маленький кусочек хлеба, завёрнутый в носовой платок. Я собирала вокруг кусочка хлеба крошки и сосала их, чтобы продлить удовольствие от хлеба.

Со всего посёлка сбежались люди. Каждый нёс с собой что-то из еды, спрятанное на чёрный день: кто-то яичко, кто-то свёклу, кто-то сухарик, кто-то крупу, муку. На костре мама сварила кашу, жиденькую, но вкусную. Все смеялись и спрашивали, из какой крупы каша. Счастливая мама хохотала и отвечала: «Всенародная каша-ассорти!» Это блюдо было приготовлено из разных круп, принесённых соседями. Папа достал из рюкзака банку тушёнки. Мама заправила этой тушёнкой кашу. Все со своими мисками подходили к большой кастрюле, получали порцию каши и садились у огонька прямо на траву. До рассвета все сидели во дворе и говорили, говорили...

Папа посмотрел на часы и сказал: «Дорогие мои друзья, мне пора! Эта наша ночная беседа поможет нам выжить и победить». Папа ушёл тихо. Никто не плакал и не провожал его. Ещё долго все сидели и молчали. Каждый думал о своих близких, не вернувшихся с войны.

Жизнь шла своим чередом. Работали до изнеможения, голодали, болели, помогали друг другу выжить. На дом семьи, в которой погибал солдат, вешали большую красную звезду.

Не знаю почему, но люди стали добре, ближе друг к другу.

...Однажды маму вызвали в военкомат и вручили похоронку. Мама прибежала домой зарёванная, растрёпанная. Она молча проводила нас с братом гулять. Упала на кровать и рыдала во весь голос. Собралось всё село. Все, обнявшись друг с другом, тоже рыдали в голос. Потом всё затихло, замерло. Ни в одном доме никого не было слышно. Рано утром пришёл председатель колхоза и принёс ведро картошки. Мама сварила эту картошку. Пригласила селян на поминки. Посреди стола поставила стакан воды и положила две крупные картофелины. Поминали папу тихо, никто не плакал. Никто не заметил, как на нашем доме тоже появилась большая красная звезда. Все вышли во двор и долго рассматривали очередную звезду...

Буцын Николай Петрович

На трудовом фронте

Работать я начал с одиннадцати лет. Это был 41-й год, отец ушёл на фронт, а я, из-за невозможности последовать за ним, решил, что сделаю всё, чтобы из тыла помогать нашим солдатам. Жил я тогда в небольшой деревне в Оренбургской области и сразу после уроков шёл на колхозные работы. Проработал я в колхозе всю войну. Осознание того, что благодаря работе колхозников солдаты Советской Армии обеспечены хлебом, помогало мне, подростку, в не-

лёгком труде. Работая, я как будто чувствовал связь с теми, кто на фронте, со своим отцом. Работая в колхозе, я знал, что помогаю матери. Кроме меня и сестры, мама ешё «тянула» своих родителей. И ей приходилось трудно, как никому. В колхозе же за работу расплачивались зерном. Для семьи это было большим подспорьем.

Трудовой стаж мне начали начислять с двенадцати лет, в 1946 году я был удостоен медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Это было первое послевоенное правительственные награждение. Много лет спустя и на работе, в НИИХИММАШе, и в пенсионном фонде я удивлял медалью, полученной мной почти ребёнком. В те далёкие военные детские годы я даже представить себе не мог, что когда-то буду сидеть в кабинете великого конструктора Сергея Королёва и обсуждать с ним важнейшие для страны вопросы космической отрасли, что за моими плечами будет более пятидесяти лет работы в космической отрасли.

Бушуева Елена Сергеевна

В оккупации

Родилась я в 1940 году в селе Курочки Стародубского района Брянской области, во время войны проживала там же. Отец не вернулся с войны.

Мама рассказывала, что нас немцы загнали в лес, оцепили проволокой и подожгли, но партизаны нас спасли. Деревню немцы сожгли, и мы жили в землянке, а потом нам колхоз построил домики-времянки. Мама умерла, когда мне было десять лет. Мы с сестрой побирались, в школе я не училась, сидела в няньках.

Быкова Зинаида Алексеевна

Очень трудные годы

Из семьи Кирилловых, проживающих в селе Бужаниново Загорского района, воевало три брата: мой отец — Алексей Андреевич (1904 г.р.), Михаил Андреевич (1894 г.р.) и Сергей Андреевич (1908 г.р.). Также воевали четыре племянника: Василий Михайлович (1922 г. р. двоюродный племянник, младший лейтенант, погиб в бою 19 февраля 1943 года), Николай Михайлович (1924 г.р.), Иван Григорьевич, Алексей Андреевич и племянница Анна Михайловна (1920 г.р.).

Мой отец, Алексей Андреевич Кириллов, передвойной работал в горсовете города Краснозаводска в должности начальника общего отдела и по совместительству заместителем председателя горсовета. Он ушёл на фронт добровольцем 8 июля 1941 года. Был в ополчении младшим сержантом 1-й Ударной Армии. Последнее письмо мы получили от него 26 августа 1941 года. Потом уже узнали, что машина, на которой ехал папа, подорвалась на мине у города Ельня Смоленской области. Его не нашли и причислили к пропавшим без вести. Я была маленькая, поэтому папу помню очень плохо, разве что отдельные эпизоды.

Нас было трое детей, так мы и выросли без отца.

Михаил Андреевич Кириллов был участником первой мировой войны, ушёл на фронт в 1915 году, вернулся по ранению в 1919 году, а во время Великой Отечественной войны прошёл почти всю войну, но в 1944 году он погиб. Похоронен в деревне Волосово Лихославльского района Тверской области.

Сергей Андреевич Кириллов окончил четыре класса церковно-приходской школы. Учился очень хорошо и за хорошую учёбу был при церкви служкой. До войны он работал заведующим финансовым отделом Загорского района города Краснозаводска. В начале войны получил отсрочку до конца 1942 года, а в феврале 1943 года он ушёл на фронт в звании старшего сержанта. Он воевал до конца войны и имеет множество благодарностей за овладение городами, в том числе и Берлина.

В моей семье с маминой стороны воевал её родной брат Алексей Павлович Малинин (1918 года рождения). Он в начале войны пропал без вести. Мамин младший пятнадцатилетний брат Николай сопровождал поезда с боеприпасами из Краснозаводска до передовой. Он находился в открытом тамбуре последнего вагона состава с винтовкой. Я помню, дед очень за него переживал и всегда бегал на станцию пока вагоны перегоняли с Краснозаводского пути на Ярославскую железную дорогу.

Во время Великой Отечественной войны Бужаниново было станцией стратегического назначения. Отсюда шли поезда с грузом в разных направлениях. С Краснозаводского завода шли эшелоны с бомбами, взрывчаткой, порохом и пиротехникой. До декабря 1941 года, пока немцев не отогнали от Москвы, Бужаниново бомбили с самолётов каждый день. Самолёт прилетал бомбить в одно и то же время — в обед. Когда налетал самолёт, все поезда и паровозы, которые были на станции, начинали двигаться, чтобы труднее было попасть в движущуюся цель. Я до сих пор вспоминаю гул самолёта со страхом. Немецкий бомбардировщик редко попадал в цель, в основном, портил железнодорожное полотно, иногда давал очередь по жителям. Наша артиллерия пыталась сбить самолёт, но пушки были слабые и снаряды не попадали в цель.

Однажды мама с дедушкой поехали за сеном на телеге. В небе появился бомбардировщик. Мама спряталась под телегу, а дедушка стоял с поднятymi вилами и ругался. Самолёт пролетел очень низко, но не стрелял, а сбросил листовки. В одной листовке было написано: «Широка страна моя родная...» и был изображен Сталин, из-под полы его шинели были видны города Минск, Брест и краешек Москвы. В другой листовке было написано: «Шестого творите тесто, седьмого не найдёте места». Но седьмого ноября нас не бомбили, наши войска в этот праздничный день не пропустили ни одного фашистского самолёта.

Я ещё хорошо помню, как, учась в начальной школе, работала с другими детьми на колхозном огороде, а нас в благодарность за труд возили в Московский зоопарк. На Новый год нам тоже устраивали в школе праздник. Колхоз выделял пшеничную муку, молоко и нам пекли лепёшки. И это было самое вкусное лакомство!

Очень трудными были и послевоенные годы 1946—1948 годов, особенно было трудно семьям, в которых погибли отцы.

Варшавская Лидия Ивановна

Ровеньки в годы войны

До войны жила в городе Ровеньки Ворошиловоградской (Луганской) области. Семья была большая: отец, мама, бабушка, дедушка, четверо дядей и четверо детей. Мне шёл шестой год, когда объявили, что немцы уже близко. Паника и страх. Город небольшой, много частных домов, огороды, сады. Люди стали резать свиней, топить и солить сало в кувшины и закапывали их в землю. Это потом спасло многих от голода. Сначала полетели фашистские самолёты, они сбрасывали бомбы. Гул от самолётов преследует меня до сих пор. Люди хватали детей (а семьи тогда были многодетные), продукты и бежали в карьеры (за город). Над ними летали самолёты и расстреливали невинных людей. Кто-то уже не поднимался... Вокруг крики, плачь обезумевших людей... Кому удалось добежать до карьера, прятались в ямах. Так прожили несколько дней. Еда закончилась. Немцы обещали не трогать жителей, если они вернутся в город.

Отец с третьим дядей уже были на фронте. Дошли до Берлина. Были награждены все орденами и медалями. Повезло — вернулись живые!

Наш дом облюбовал немец, офицер, нас выгнали, и мы жили в сарае для свиней. Корову и свиней немцы сразу угнали, а за курами гонялись по двору с хохотом, ловили их, ели. Мама, бабушка и смертельно больной дедушка вытащили землю, пропитанную мочой свиней, и столько же земли занесли в сарай из огорода, покрыли досками и соломой. Спали все вместе на полу. У калитки стоял солдат с автоматом и играл на губной гармошке. Здоровый такой! Однажды моя младшая сестрёнка вышла из сарая и пошла к нему (тот протянул ей длинную конфету), а когда она приблизилась к нему, он показал ей огромную фигу и стал тыкать в лицо малышке конфетой и хохотал.

Два старших мои брата старались навредить немцам. Однажды они насыпали песок в бензобак мотоцикла с коляской. Когда немец понял, в чём и в ком дело, чуть не убил брата. Бабушка (худенькая, маленькая) с вилами пошла на огромного немца. И тот отступил. А мог бы и убить, но был ошарашен. Четвертый младший дядя, совсем молодой парень, ушёл в партизаны.

Трудно было, холодно и голодно в лесу. Немцы боялись партизан. Были среди жителей и предатели, которые за хлеб говорили немцам, где партизаны. Дядя ночью пришёл к матери взять что-нибудь из еды, соседка сообщила немцам, его схватили и долго на глазах родителей и жителей убивали. Под угрозой смерти тело запретили брату. Но ночью больной дедушка взвалил на спину сына и полз почти километр до карьера и в первой, же яме захоронил его. На следующий день дедушка умер.

Благодаря маме и бабушке мы, четверо детей, выжили. С утра они

ходили, бродили по пустым огородам, рвали крапиву, лебеду, повезет — картошку, свеклу. Всё это плюс одна-две ложки смальца варились на костре у сарая (то сало, которое закопали в горшках). Рядом было поле (не убранное) ржи, но немцы не позволяли приближаться к нему (боялись, что там могут быть партизаны). Однажды ночью я и мама пробрались на это поле. Мама велела рвать колосья, потрошить и есть, есть. А у ржи очень острые, как иголки, колоски. Мы торопились, и первая игла застрияла у меня в горле. Ужас! Ночь! Боль! Немцы могли нас заметить и расстрелять. Мама засунула свою руку в горло и вытащила иглу. Потом несколько раз мама одна ночами пробиралась на это поле и приносила колосья ржи. Как мы, голодные, худые, не мытые, вшивые, выжили, не знаю. Немцы (как я слышала) и года не были в нашем городе. Наши войска выбили их оттуда. Уходя, фашисты минировали всё, что могли. Позже взрывались мины то в реке, то в лесу, а то и в пионерских лагерях. Было много покалеченных и погибших. Наконец, пошли поезда с нашими солдатами. Еду им готовили у поезда в солдатских кухнях на колёсах. Мы, дети, с кружками и чашками прятались невдалеке и терпеливо ждали, когда все солдаты поедят. Потом бежали — остатки были наши. Хлеб сосали как конфетку.

Затем всю семью нашу отправили на Урал в город Магнитогорск. Ехали в товарных теплушках, долго, спали на полу вагона. Но на Урале добрые люди. Они встречали поезда с такими, как мы, и забирали в свои семьи. Нас отмывали, старались поднять на ноги (одна ложка рыбьего жира, на ладошку — одна чайная ложка сахара).

Кончилась война. Дети выросли. Папа вернулся с фронта. Жизнь налаживалась. Благодарю нашу страну — СССР: дали квартиру, бесплатное высшее образование мне, мужу и детям, предоставили бесплатное хорошее лечение, для детей — бесплатные пионерские лагеря, кружки и так далее.

Я пошла работать с шестнадцати лет на завод, помогала семье. Потом окончила институт и всю жизнь с детьми. В Хотьково живу уже шестнадцать лет, работала в первой школе. Надеюсь, многие ученики в Хотьково помнят меня и благодарны за те знания, которые я им дала. Сейчас я пенсионерка, инвалид второй группы. Вся трудовая книжка в благодарностях, я — ветеран труда, много грамот у меня. Только к чему всё это? Старость, болячки. В 2012 году похоронила мужа. Стараюсь держаться ради дорогих и любимых мне внука, внучки и дочери.

Ворноскова Тамара Сергеевна

О моем отце

Мой отец, Сергей Васильевич Ворносков, призван в ряды ополчения Загорским райвоенкоматом 7 июля 1941 года. Обещали, что отправят на работу в тыл. В конце июля получили письмо, в котором отец написал: «Нас отправляют сразу на фронт, везут в сторону Смоленска. Говорили, что немцы двигались в этом направлении очень быстро, и как будут дела дальше, сказать трудно».

Ему удалось написать всего несколько писем, в которых сообщал, что наши войска идут и едут день и ночь, как можно быстрее отражать немецкие войска, и что фронт от нас уже близко.

В этот период вся страна получала информацию из газет и по радио. Мы знали, что в районе Смоленской области прошли ожесточенные бои, очень много бойцов погибло и взято немцами в плен.

В конце августа 1941 года на наш адрес пришло письмо — извещение, что С.В. Ворносков пропал без вести под Смоленском. И так, начиная с августа месяца 1941 года, мы больше ничего о нашем отце не знали, и только в конце 1945 года пришла весточка о том, что он жив.

Мы с сестрой Зиной, обезумевшие от такого известия, бежали до самого дома. Трудно передать словами наше душевное состояние. Мама лежала на постели и громко рыдала. Мы с Зиной плакали и кричали от такой великой радости и от пережитого горя.

Вернулся отец 26 января 1946 года. Состояние здоровья его было ужасное: истощенный — кожа да кости, осунувшийся, с больным же лудком, зубов сверху не было. Когда отец уходил на войну, у него были вставлены золотые зубы, которые, как он позже рассказывал, чуть не привели его к гибели. Когда пленных привезли из Германии в лагерь, немцы заметили у него золотые зубы и решили, что он коммунист. И он принял решение — убрать золотые зубы. Он закатал их на макушке головы в волосы и, пока находился в лагере, так их и хранил.

Отец рассказывал, что в плен он попал в Смоленских лесах. Был страшный бой. От всего полка осталось в живых считанное количество солдат. Огромный состав из товарных вагонов набили пленными. Везли их в сторону Германии долго, не кормили и не поили. Люди находились в ужасных условиях, ежедневно гибли десятками. Вагоны были плотно закрыты, там же лежали и мертвые. Периодически состав загоняли в тупик, чтобы убрать трупы. Привезли их в Германию в концентрационный лагерь в сентябре 1941 года. Кормили плохо. Люди умирали с голода ежедневно сотнями. Когда пленных выводили на территорию лагеря, немцы устраивали развлечения, они выпускали собак и стреляли очередью из автоматов прямо по народу. Люди в па-

нике метались, давили друг друга, и от пуль за одно такое развлечение гибли сотни людей.

Осенью 1941 года пленных, кто был покрепче, гоняли строем на поля убирать урожай. Шли полями много километров мокрые, грязные, голодные.

В таких условиях пленные существовали до тех пор, пока не приехали в лагерь предприниматели, которым нужна была бесплатная рабочая сила. Пленных вызывали к начальнику лагеря, спрашивали, какая должность, какую может выполнять работу. Вот тогда нашего отца один предприниматель увёз на запад, где он и находился до конца войны. К отцу относились, можно сказать, по-человечески. Его не били, не издавались, он выполнял посильную работу. Но по состоянию здоровья, когда он вернулся, было видно, что жилось ему нелегко.

1946-й и 1947-й — самые голодные послевоенные годы. Народ самым настоящим образом голодал. Отец очень плохо себя чувствовал, и первые годы не мог работать. И не один раз отец говорил, что выжить ему помог Господь, которому он все время молился.

Родился наш отец, Сергей Васильевич, в деревне Кудрино Дмитровского уезда, Московской губернии 18 ноября 1902 года. Учился в начальной школе в Абрамцеве с 1909 по 1914 годы. С детства, под руководством отца Василия Петровича, начал заниматься резьбой по дереву, в этом деле преуспел и увлеченно трудился с отцом. С 1921 по 1930 годы работал с отцом по заказам Кустарного музея в Кудринской промышленной артели «Возрождение», где Василий Петрович работал инструктором. В 1930 году вся семья Ворноскова уезжает в Москву.

Отец с нашей мамой остались жить в деревне Кудрино, построил дом. Папа любил родную деревню, лес, речку Ворю, поэтому не уехал из Кудрино.

Информацию о Сергее Васильевиче Ворноскове можно прочесть в биобиографическом словаре «Художники народов СССР» (т. 2), выпущенный в 1972 году. Умер отец 26 января 1968 года в деревне Кудрино.

Воропай Зоя Петровна

Дядя Лёня

Я, Зоя Петровна Воропай, хочу рассказать о своем дяде Леониде. Он родился в 1912 году. Подростком отец обучал его сапожному ремеслу. Отец был хороший сапожник. Мать его, моя бабушка — домохозяйка. Кроме него в семье еще сестра Груша, моя мама, брат Виктор — еще один мой дядя. Но он был глухонемой. Когда в 1941 году началась война, дядю Лёну сразу забрали на фронт. Он попал в армию генерала

Власова. Но Власов их бросил, и они пошли кто куда, не зная местности. Где-то разорвался снаряд, и дяде Лёне оторвало большой палец на ноге. Лечить было некому. У него на пальце появились червяки. Среди военных были люди разных профессий. Нашёлся, на счастье, врач, и каким-то образом дядю вылечил. Врач сказал, что червяки — это хорошо. Они способствовали тому, что не было гангрены. Потом появились немцы, и стали кричать: «Вам капут! Выходите!» Красноармейцы подняли руки и стали выходить, по одному. Была глубокая осень, шел дождь со снегом. Они были голодные и оборванные. Их вели по дороге. Кто не выдерживал и падал, расстреливали. Дядя Лёня шёл через силу и думал: «Сейчас упаду, пусть расстреляют». У него иссякали все силы. Расстреливали и издевались больше румыны. Немцы были спокойнее. И вот он упал, подошли румыны и посмотрели на него. Он был очень худой. Глаза ушли куда-то внутрь. Он не шевелился. Они спихнули его с обочины — сам сдохнет. Дядя Лёня до ночи немного отошёл и пополз, куда глаза глядят. Впереди была деревня. Он постучал в крайний дом. Хозяева уму сказали: «Тут долго быть нельзя». Они его обсущили и накормили. Утром пришёл мальчик и спросил, что он умеет. Он отвечал, что сапожничать. В деревне он сапожничал, из ничего делал «конфету». Ему кто яйца даст, кто картофелину. Немцы посыпали на разные работы. Работа была тяжёлая. Даже немцы, узнав, что он хороший сапожник, приносили обувь в ремонт. Он не курил и отдавал папиросы пленным, они за них отдавали ему очистки. Если немцы видели, что пленные собирали очистки, они их расстреливали. Дядя три раза удирал и все три раза его ловили. Даже собаки грызли. Однажды немцы несколько человек из деревни построили (в том числе и моего дядю) и послали на какую-то работу, а остальных пленных и всех жителей деревни согнали в сарай и подожгли его. Одна учительница с ребёнком выскочила из окна — её тут же убили. Если бы дядю Лёню не отправили на работу, его бы тоже сожгли. Наконец его освободила наша армия. Всех попавших в плен допрашивали — как они попали в плен. С дядей Лёней был учитель, который посоветовал ему: «Говори всё как есть, не путайся». И он попал в армию поваром.

Бабушка всегда молилась Богу. Она вставала на колени перед иконой, ставила нас с сестрой рядом с собою и заставляла молиться. И вот Бог услышал её молитвы: дядя Лёня остался жив. И вот уже прошло много лет, дядя Лёня смотрел передачу: «От всей души». Эту передачу вела Валентина Михайловна Леонтьева. И она рассказывала о деревне, в которой дядя Лёня был во время войны. Он сидел и плакал, он всю деревню знал наизусть. И эту учительницу, что выскочила из окна, всех людей. Но прошли годы, и дядя Лёня заболел, ему был восемьдесят один год. Тётя Катя, жена, повезла его в больницу, в Константиново. Его там не приняли, а было это в 1993 году.

Послали его в Загорск. До Константиново от нашей деревни пятнад-

цать километров. И тётя Катя повезла его на санках, а ей был уже семьдесят один годок. Всю войну она работала на войну — пилила лес, а тут такое равнодушие. Автобусы от Константиново ходили редко. Было уже к вечеру. Каким-то образом приехали в ЦРБ, там его даже не посмотрели, только спросили: «Сколько лет?» Велели обратно ехать в Константиново. Ехать не на чем — ночь. Утром уже на автобусе поехали в Константиново. А там до деревни — на санках. Он еще немного пожил после этого и умер 10 мая 1993 года. Вот такие были трудные времена...

Герцик-Ройзен Эмма Ильинична

Загорск в годы войны

22 июня 1941 года, воскресенье. Четвертый класс позади — сданы экзамены. В школе им. РККА, теперь гимназия, начались каникулы. Я с родителями собираюсь в гости к бабушке и девушке, которые жили в Белоруссии, в Полоцком районе. Я родилась в марте 1929 года.)

Отец был служащим на железной дороге, кажется, она тогда называлась Московская-Белорусская-Балтийская дорога. А в 1932 году он получил перевод на Ярославскую дорогу, на станцию «Загорск», где до начала Великой Отечественной войны работал дежурным по станции. Семья была предоставлена трехкомнатная квартира (служебная): водопровод, электричество, печное отопление. Вокруг станции «Загорск» было несколько домиков служебных, но отдельных, не коммунальных, а также была железнодорожная баня, аптека и больница. Папа в то время (22 июня) уехал в Москву за билетами, но вернулся и сказал: «Война, никуда не поедем!» Немцы быстро вторглись на территорию СССР. В октябре 1941 года немцы подошли очень близко к Загорску. Учебный год начался, но уроки прерывали звуки сирены, голос радио предупреждал: «Воздушная тревога, воздушная тревога!» Нас, учеников, выводили из классов второго этажа школы в подвал. При сигнале «отбой» мы возвращались в класс.

По воскресеньям выезжали в район (кажется, Дмитровский), помогали рыть траншеи. С нами была Анна Алексеевна Игнатова, она не умела обращаться с лопатой, мы старались ей помочь. Учительница по немецкому языку, который мы начали изучать в пятом классе, была превосходной. За три года обучения у нее я получила знаний больше, чем далее, обучаясь в восьмых-десятых классах и в институте. На чердачке школы № 1 были ящики с песком, щипцы для зажигательных бомб.

Нам показывали, как надо с ними бороться, тушить (когда дежурили на чердаке).

На территории у вокзала, у пакгауза, стояли зенитки, которыми управляли девушки. Было несколько бомбек района вокзала, не очень разрушительных.

Я жила на 1-й Рыбной улице, дом № 52. За огородами — три семьи, соседи выкопали траншею, на случай бомбек, обстрелов.

В эвакуацию наша семья не собиралась: мама работала в детском саду, папа на фронт был не годен (туберкулёт легких), а я собиралась пойти в партизаны, если немцы придут в город. И очень жалела, что еще очень мала, чтобы воевать.

Уже в шестом классе, зимой, нас возили в район станции «Ашукинская» — на расчистку дороги от снега, от шоссе к лесу, где находились дрова для школы. Мы два-три раза ездили в лес, где нас научили валить лес. На троих человек (три девочки) была какая-то норма в кубометрах. Мы ездили с пилой, топорами. С поваленных деревьев мы обрубали ветки, затем стволы пилили на отрезки определенной длины и складывали их в штабеля. Помню, что некоторое время, может быть один год, в нашей школе жили дети из Польши. Они занимали первый этаж в школе, а мы учились на втором этаже.

Мы все время работали: осенью копали картошку, летом ворошили сено, собирали грибы и папоротник (для медицинских целей). Классным руководителем у нас была Нина Ивановна Волкова. Под её руководством мы собирали посылки на фронт — кто что мог (кисеты, варежки, носки). И обязательно писали письма, на которые бойцы нам отвечали, спрашивали, как мы учимся, просили прислать фотографии.

Сколько было радости, когда наши войска освобождали какой-либо город. Помню, как Мария Николаевна (математик) вбежала в класс с возгласом: «Киев взят!»

В школе было тепло, в пальто не сидели, чернила не замерзали, как в некоторых школах. На большой перемене староста класса ходила с подносом, на котором для каждого лежал маленький кусочек черного хлеба, а позднее, и пол чайной ложки сахарного песка.

В школе во время войны не было уроков физкультуры, но были уроки военного дела: строевая подготовка, метание гранат (на стадионе «Сpartак»), изучение винтовки (собрать и разобрать). Всё это делали с интересом мальчики, а мне это не нравилось. Преподаватели были бывшие военные, наверное, из рядового состава, после ранений.

У нас была собака по кличке Марс — немецкая овчарка, которую забрали на фронт подрывать немецкие танки.

Ночью 45-го года, часа в три по радио я услышала, как было объявлено, что немцами подписана безоговорочная КАПИТУЛЯЦИЯ! Три дня ликования! Три дня не учились! Солнечная, теплая погода! Победа! Долгожданная победа!

Глазовская Инна Константиновна

Уплывающий фикус

Идут годы, и всё дальше уходит моё детство. Поколение, к которому я принадлежу, называют детьми войны. Какими мы были тогда? Как мы воспринимали всё происходящее, связанное с войной?

Сегодняшние дети десяти-одиннадцати лет, по рассказам родителей, кинофильмам и телепередачам, из книг прекрасно знают, какой ужасной, кровавой, жестокой и разрушительной была Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Конечно, слово «война» вызывает у них чувство опасности, страха. Они знают, что не хотели бы пережить этот ужас. А мы, довоенные дети, были далеки от таких эмоций. У нас было счастливое детство, радостное миросприятие. Мы весело распевали: «Эх, хорошо в стране Советской жить!», читали замечательные книги, посещали авиамодельные кружки. Мы гордились Красной Армией, которая в годы гражданской войны разбила белогвардейцев. Знали героев этой войны — Щорса, Чапаева, Котовского, почитали Ворошилова, Будённого и, конечно, Сталина. Запомнили читали о Мальчище-Кибальчише, о Тимуре и его команде, пограничнике Карапузе и псе Джульбарсе. А «если завтра война, если завтра в поход», то враги к нам не сунутся, ибо «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильней!» Поэтому мы не боялись войны! Как мы, наивные и беспечные, ошибались!

В конце июня 1941 года бабушка поехала навестить своего сына в небольшой городок Верея. Там же жила моя двоюродная сестренка, Асенька, и я попросила бабушку взять меня с собой.

Рядом с домом родственников протекала речка, на берегу которой мы проводили целые дни: купались, прыгали с мостков, искали ракушки. Детей в доме было много, меня приняли в эту компанию радушно. Было здорово! В воскресенье, 22 июня, тетушка задумала пересаживать цветы и выпроводила нас гулять. Всей ватагой мы отправились на речную пойму. Там играли и лакомились съедобными травами (их до войны все дети ели): дудками, диким чесноком и какой-то странной сербигой с горчичным вкусом. Я потом никогда не видела такую траву. Вкусно! Нагулявшись, мы отправились домой.

Тетушка на деревянном мостице мыла в реке большой фикус, вытащив его из деревянной кадки. Корни растения были спутанными, узловатыми, большими. Мне было интересно, и я с любопытством на-

блюдала эту картину. Вдруг из распахнутого окна раздался страшный, душераздирающий крик: «Зина! Зина! Война! Война! Немцы напали на нас, уже Киев бомбят, вошли в Белоруссию! Все мужчины 1903–1908 годов мобилизуют! Иди скорее!» Надо сказать, что дядя Петя был с 1901 года. Тетя бросила фикус, схватила нас с Асей за руки, прижала к себе так сильно, что не было сил двинуться. Гrimаса ужаса изменила её лицо до неузнаваемости. Вот это было страшно! Мы с сестрой заревели, тётя все крепче сжимала мою руку, а я боялась даже шевельнуться.

Мне хотелось вырваться из объятий тети и сказать, что фикус уже далеко от берега — он плывёт по течению. Выбрав момент, я крикнула: «Тётя Зина, фикус-то уплывает!» В ответ услышала полуслепот: «Какой фикус, Инночка! Война!» Вот так в моё беспечное детство вошло страшное слово «война». Упывающий фикус, а не что иное, как первое потрясение от войны.

По возвращении в Загорск я увидела испуганную, притихшую маму. В городе уже шла призывающая кампания, и она боялась, что папу, хотя у него был непризывной возраст. Папу не призывали — он сам добровольцем записался в народное ополчение. В один из дней он вошел во двор стриженный наголо. Я сначала даже не узнала его. Строгий, без обычной улыбки, отец поднял меня на руки очень высоко, так что грудь моя была выше его головы, уткнулся лицом мне в живот. Потом, ничего не говоря, поцеловал и на руках донес меня до комнаты. Мама, всё поняв, зарыдала... Долго мы стояли все трое, обнявшись. Долго стояли... (Лёнечка был в детском садике). «Береги, родная, детей! А сейчас собери вещички. Всё будет хорошо! Я уверен, что всё скоро кончится», — сказал папа. Но он ошибался...

Соседи по дому закупали продукты. За хлебом выстраивались огромные очереди. Потом ввели карточки, и все съестное стали продавать по талонам. Мы, дети, с утра занимали очередь за пайком. Частенько хлеба не хватало. Во дворе постоянно шли разговоры, хватит ли сегодня? Запомнился курьёзный случай. Обсуждали очередной вопрос, хватит или не хватит. Одна женщина уверяла: «Сегодня хватит. Говорят, что в десятый (это номер нашего магазина на Комсомольской улице) привезли хлеба три тонны». Все были рады. А мой четырёхлетний брат Леонидка, увидев соседку, торжествующе сообщил: «Теть Варь, теть Варь, в десятый тритонов привезли!» Все присутствующие так и грохнули от смеха! Вот уж по истине: и смех, и грех. Господи! Как давно это было!

Но жизнь продолжалась, и дети так же играли в тимуровцев, в две-надцать палочек и другие игры, только стало потише и всегда помнили, что идёт война. В городе началась подготовительная работа по предупреждению пожаров. К нам во двор завезли песок, бочки с водой, раздали большие щипцы и рукавицы для обезвреживания зажигалок. Учи-

ли пользоваться всем этим инвентарем. Предписывалось дежурство на чердаках. Вот нам, ребятам, и новые впечатления и новые «забавы»! Во дворе на месте детской площадки, где раньше стояли турники, гигантские качели, детские качели и горки, женщины и мужчины стали рыть бомбоубежище. Учили, как входить и откуда выходить, где располагаться во время бомбёжки. Мы всё это живо воспринимали и старались помочь старшим: таскали тёс для нар, выносили землю, везде совали свой нос.

Детская жизнь шла своим чередом. Работала библиотека, по-прежнему привлекал Дом пионеров. В хоровом кружке мы репетировали песню «Вставай, страна огромная!», от которой бежали мурашки по коже.

Полк народного ополчения формировался у нас в Загорске и располагался в Гефсиманском скиту. Горожане знали это и посещали новобранцев, каждый раз боясь, что полк уже отправлен на фронт.

Братишко ходил в детский сад, мама, как большинство женщин, не работала, поэтому мы с ней тоже ходили к папе. И если удавалось увидеться, то это было счастье. Мы шли на Средний пруд, папа купался, я с ним заодно лезла в воду. Боже, как быстро заканчивалось свидание! Расставание всегда было тяжелым. Мама плакала, отец что-то шептал ей, говорил и всё прижимал, прижимал к себе. Меня целовал, утикал слезы и нос, наказывал беречь Лёнечку, ведь ему ещё и четырёх лет не было.

При Доме пионеров была организована агитбригада. В неё входили ребята из танцевального, хорового кружка и театральной студии. Первый выход агитбригады был как раз к новобранцам — ополченцам. Пели песни, отплясывали под бодрую «Тачанку-ростовчанку». Казалось, что всем весело. А среди огромного зала, заполненного стриженными людьми, я искала папу. И не находила! Уже в самом конце выступления я увидела его совсем рядом! Он сидел во втором ряду у сцены. Отец очень серьёзно, не отрываясь, смотрел на меня, а в глазах его не радость — слёзы. Это поразило меня, просто раздавило! Наш номер закончился, и нас увезли. К папе мне не удалось подойти, а как хотелось!

В один из дней мы с мамой снова пошли на свидание. Подходя к переезду, мы увидели, как нам навстречу движется бесконечная, или мне тогда показалось, колонна мужчин. Это ополченцы строем, молча, заняв всё шоссе, шли к вокзалу. Это было необычно и страшно: ни разговоров, ни шуток, как это было на праздничных первомайских демонстрациях. Все были суровы и все одинаковые — в костюмах, с котомками, все стриженные наголо. Ещё страшнее были мамины слова: «Инна, папу угояют!» Угояют... Это звучало так безнадежно, отчаянно... Сейчас, когда я рассказываю об этом, невольно приходят на память слова бардовской песни:

*Вспомните, ребята, вспомните, ребята,
Это только мы видели с вами,
Как они шагали от военкомата
С бритыми навеки головами.*

С обоих сторон колонны шли женщины, многие с детьми. В строю я увидела отца, бросилась к нему, и мы шли с ним за руку. Так сурово и молчаливо полк прошёл по Нижневке, поднялся по Блинной горе и свернул к станции. На привокзальной площади разрешили прощаться. Вот тут и началось то, что пережить трудно, а забыть никогда нельзя! Женщины, вцепившись в своих дорогих, кричали так, что становилось жутко. Это был вопль и вой одновременно. Какие слова найти, чтобы передать отчаянье людей, прощавшихся, быть может, навсегда?! Забегая вперед, скажу: так и случилось. Эти обьятъя и поцелуи стали последними почти для всех, кто был на этой площади: вся войсковая часть № 931, куда входил загородский полк, попал в окружение и был уничтожен. Это случилось в 1941 году под Ельней. Абсолютное большинство попало в плен. Наши земляки лежат в братских могилах Белоруссии и Польши, именно там располагались концлагеря.

После упльывающего фикуса этот ужас прощания на площади, был вторым потрясением, шоком для меня. Война отняла у меня папу, такого умного, справедливого, такого ласкового, сделала меня сиротой.

Ну, а что дальше? Дальше началась новая жизнь в других условиях. Мне, наверное, повезло больше, чем многим моих ровесникам... Маме удалось переправить нас с братишкой к бабушке в Рязанскую область. Там в селе люди жили за счёт своих хозяйств. В нашей семье была корова, куры, поросёнок, кролики. Можно сказать, что я никогда не голодала, не была под властью оккупантов. До Рязани немцы не дошли.

В селе из мужчин остались только старики, и все работы по уборке урожая и подготовке к зиме легли на плечи женщин и детей. Нам, детям, сразу объяснили, что мы много обязаны делать, и спрос с нас был строгий.

Я училась в четвёртом классе, мне было одиннадцать лет. После уроков ученики ходили на колхозное поле собирать колоски, под лопату рыли картошку. Собрать каждому надо было по пятнадцать ведер картофеля, но так как работали по двое (один рыл, другой собирали) приходилось сдавать по тридцать ведер. Это было для меня поначалу нелегко. Потом привыкла. Почему-то тяжелее всего было дергать горох: стебли жесткие, колкие. Все руки были не только в ссадинах, но и в ранах. В поле работали до глубокой осени, до снега. Все ребята относились к труду, как к должностному. Мы понимали, что работали для фронта — нам так объясняли и учителя, и взрослые.

Зимой началась кампания по сбору посылок на фронт. С войны приходили письма, в которых солдаты сетовали, что нет у них теплых рукавиц. Вечерами ученики собирались в школе, садились вокруг учительского сто-

ла и учились вязать. Сейчас мысленно вижу картинку: горит коптилка, света не было, и девочки вместе с наставницей пытаются не пропустить петлю, удержать на спице непослушную нить, правильно вывязать резинку носка или варежки. Через некоторое время стало получаться. Варежки и носки были из натуральной овечьей шерсти, которую матери пряли дома на прядке. Дома я видела, как постоянно прядёт бабушка: моя родненькая, седенькая, сгорбленная.

Ученики ходили по домам и агитировали хозяек поделиться с фронтовиками кто чем может. Упрашивать не приходилось: люди отдавали табак, мыло, теплые портнянки. Девочки шили и вышивали кисеты для табака, писали бодрые письма. Всё это посыпали на фронт. А как мы все ждали писем с фронта! Папа писал часто, каждое письмо было праздником. В одном письме он поведал, что получил посылку от подольских школьников. Ему достался кисет, сахар и сало. Как я хотела, чтобы он получил посыпочку от меня! Письма отца я храню до сих пор, изредка перечитываю. Снова и снова вижу картину расставания...

Зимой нас, четвероклассников и пятиклассников, посыпали работать на животноводческую ферму. Там было не менее двадцати телят. Наша задача: наносить воды из пруда, вычистить навоз из стойла, вынести и уложить его в кучу, постелить телятам свежую солому. Кто ухаживал за животными, знает, как это тяжело. Но сейчас, рассказывая об этом, я восхищаюсь трудолюбием моих ровесников. Ведь никто не хныкал, не отлынивал. Все знали, что мы помогаем фронту. Маленькие, в больших отцовских сапогах, телогрейках, мы ходили с ведром воды от пруда до стойла снова и снова, от скирды соломы — до хлева. И так два-три часа.

Село, где жила бабушка, было большое: две школы, детский сад, больница, библиотека, Дом культуры, парк со скульптурой Ленина, кинозал и детская отрада — Дом пионеров. Откровенно говоря, я никогда в Подмосковье не видела таких селений. Я была активной девчонкой и старалась успеть повсюду: пела и плясала, училась стрелять и маршировать. С агитбригадой ходили с концертами по деревням. Останавливались в клубах, спали на соломе. Жители деревень подкармливали нас: приносили чугунок горячей картошки в мундире, квашенную капусту, огурцы. Вечером «артисты» давали концерты. Народу много набиралось в клуб! Приходили всей деревней, стар и млад. Выступления встречали аплодисментами, искренне хохотали над частушками. Мне и сейчас некоторые куплеты помнятся. Например, про немцев:

*В роте вшивой шли дебаты
И решили там солдаты
Вшей позлей в конверт собрать,
В ставку Гитлера послать!*

Или другое. Выступали двое, как Шуров и Рыкунин:

*Дело было поутру,
Дело было на ветру.
В этот день фашистским гадам
Мы пришли не по нутру.
Первым, будто напоказ
Пулеметчик шел на нас —
В желтой каске рыжий Ганс.
Я нажал на пусковой,
Выстрел вышел мировой:
Гансу пуля угодила
Прямо в ящик мозговой!*

Летние каникулы школьники проводили в поле: сажали картошку и свеклу, пололи и поливали, убирали сено. Старшеклассники косили, ставили скирды. А младшие сгребали сено вытаскивали из лесных полян траву, раскидывали ее на открытых местах. Словом, заняли место тех, кто ушел на фронт. Никогда не забуду, как мы работали по заготовке коры (корыё — это кора ольхи, обладающая кровоостанавливающим действием; из нее делали настойки для госпиталей). Жили в лесу в шалаших, готовили еду на кострах, ели в основном пшеничный кулеш с луком. Два раза в неделю на телеге привозили нам молоко. Драть кору было трудно. Стоя по колено в воде, надо было кочедыжкой (кривой ножечек) поддеть кору и содрать ее с прутьев, как чулок. На берегу кору развесивали на вешалах. Сухую вывозили уже взрослые на телегах.

Как мы все это выдерживали? Дети войны в свои десять-одиннадцать лет умели многое. Как же далеко от нас сегодняшние пятиклассники! Мы на них смотрим, как на маленьких, окружая немыслимой заботой, освобождая от любых трудностей, часто лишаем самостоятельности. Нашим воспитателем была война. Мы видели, как взрослые выбиваются из сил, и старались не быть обузой, стремились, пусть это громко сказано, внести свой вклад в дело Победы.

В Загорск я вернулась в 1943 году. Мне было уже тринадцать лет. Мама работала надомницей на какой-то базе, которая шила одежду для госпиталей и детских домов. Наша некогда уютная комната была завалена кроем. Мама день и ночь шила на ручной машинке брючки для мальчиков. Мне доставалась та же нелегкая работа: нужно было обработать петли. А их было по семь штук. Пользоваться наперстком я не умела, а ткань была грубой (её почему-то называли чертовой кожей). Все пальцы были искалочены. Потом мамочка перевязывала бинтом мой средний палец и всовывала в наперсток. Дело пошло! Моя норма — обработать шесть брючек в день. Так и жили. Изредка ходили по деревням, в Глинково и Деулино, менять вещи на еду.

Учились в шестом классе в школе № 1 ФККА. В городе меньше, чем в селе, дети привлекались к сельскохозяйственным работам, но частенько посыпали на заготовку дров. Ходили пешком за город по Семиховской дороге. Лес был рядом с Клементьевкой. Взрослые валили деревья, мы, школьники, обрубали ветки, распиливали ствол на двухметровые плахи, укладывали в поленницы. Жутко изматывались — еле доплетались до дома. Забыть этого нельзя!

Ну, а потом были работы в колхозе «Заря». Сажали и выкапывали под лопату картошку. Жили в домах колхозников, спали на полу, ели похлебку и удивительный овощ турнепс. Вкусный! Почему пропал куда-то этот удивительный овощ?

А дальше, после тринадцати лет, начиналась взрослая жизнь, мы перестали быть детьми. На улицах города появилось много фронтовиков, искалеченных на войне. Но это были мужчины! А то жили в городе одни женщины, дети и подростки. Юноши стояли в очереди у горкома комсомола и просились на фронт. Многих брали. В Загорск стали привозить раненых. Мы, шестиклассники, ходили в ГПТУ № 22, что на Кировке, ухаживали за ранеными, приносili им конфеты, писали письма от их имени родственникам. Некоторые из них навечно остались на нашей земле. Им воздвигнут памятный мемориал, к которому сегодняшние молодожёны приносят цветы. В день Победы к мемориалу приходит весь город, чтобы почтить память освободителей Родины. Вечная им слава!

Я прожила долгую жизнь, многое видела, мне за восемьдесят лет, но я ничего не забыла! Каждый год 22 июня я вспоминаю первый день войны и вижу себя девчушкой, стоящей на берегу небольшой речонки. Ясный солнечный день. А по воде тихо уплывает фикус, унося с собой счастливую мирную жизнь...

Для меня упывающий фикус стал символом довоенного счастья, когда дома много тепла, света, уюта.

Все дальше уходит мое военное детство, а фикус все уплывает и уносит всё самое дорогое. Давно нет папы, он погиб под Ельней и похоронен в братской могиле. Ему было тридцать девять лет. Ушла из жизни мама, великая труженица, оставшаяся без мужа в тридцать два года и вырастившая нас с братом. Покинули этот мир мои любимые тётушки и свекровь. Оставил меня вдовой мой незабвенный муж, искалеченный войной в восемнадцать лет.

А фикус все уплывает... Нет уже того города Загорска, где прошло наше детство, где родились наши дети и внуки, а есть город Сергиев Посад. Нет двухэтажного Леспромхозовского дома, где я жила по улице Комсомольской. На месте дома теперь автосервис и магазин. Правда, там во дворе растет еще берёзка, посаженная отцом в 1937 году после

рождении сына. Нет и улицы Комсомольской, по которой в 41-м суро-вый полк ополченцев ушел на фронт... И улица уже имеет другое название. И я, другая, стою на берегу реки своей жизни и вижу уплывающий фикус, разделивший мою судьбу на до и после войны...

Голубевский Владимир Алексеевич

Рос в труде

Родился я в Казахстане, в деревне Святодуховка. Перед началом Великой Отечественной войны, в 1940 году, отец был мобилизован в Красную Армию, а в 1942 году пришло извещение, в котором говорилось, что наш отец пропал без вести. Мать умерла в 1958 году. Была у меня сестра, она заведовала клубом, умерла в 1996 году. Брат работал трактористом.

С начала войны к нам, в Казахстан, прибыли с Поволжья жители немецкой национальности. К нам в дом подселили семью из четырех человек. Жили мы как одна семья. Работали и питались вместе. Немцы — труженики бесподобные. Трудились мы с раннего утра и до позднего вечера. Мать уходила на работу в пять-шесть часов утра и приходила в девять-девять часов вечера. (Это потом, зимой, трудились с шести-семи часов утра до восьми-девяти часов вечера). Заниматься хозяйством в отсутствие хозяйки приходилось сестре и брату, а я помогал им, когда подрос. Утром рано, до шести часов, надо было достать из погреба морковку и картофель для приготовления еды. Потом сходить (сбегать) на скотобазу, взять работающих быков (среди них тоже были тунеядцы), свой скот выгнать на пастбище. Зимой надо убрать у животных, накормить их и напоить. Самое тяжкое — это напоить животных. Зимой в Северном Казахстане температура доходила до минус тридцати, иногда меньше, но с сильным ветром. Воду брали из колодца или гоняли животных на озеро за двести метров от села. Вот и закалялись в детстве на такой погоде.

Вот как примерно проходил мой день: сходить в школу, накормить хрюшек, прополоть на огороде свою норму, сделать уроки. Среди этих забот надо было найти время побегать, поиграть и так далее, ведь мы были еще детьми. Принадлежности для игр делали сами. Например, для игры в футбол мяч делали из шерсти животных.

Нередко устраивали соревнования: кто дольше пробудет под водой на озере, кто дольше просидит на холке молодого бычка. Они ж брыкаются! Игры придумывали сами. Бегали на расстояние без остановки.

Побеждал тот, кто пробегал большее расстояние. Игры физически нас развивали, при этом почти никто не выпивал и не курил. Вот и я не поддался этим пагубным привычкам.

Жильё отапливали камышом и кизяком (высохший навоз). Зимой мать косила на озере камыш, а мы с братом возили его на санках домой, сушили и им топили печь. Ещё мы с братом собирали высохший навоз в тех местах, где пасся скот, и в мешках таскали домой. Для топлива пилить деревья категорически запрещалось (нарушение вело к наказаниям), можно было собирать только хворост и упавшие деревья, что мы и делали.

Нас кормил в основном огород и подсобное хозяйство. Сладостей и других радостей почти не было.

Во время войны и несколько лет после войны, работникам колхоза денег за работу не давали. Труд оплачивался продуктами, которые получали в колхозе, у нас — зерном. Зерно продавали в районном центре за деньги, а на них покупали то, что было необходимо. Если купят ребенку, скажем, новые сапоги или ботинки, то это в те времена было «событие мирового масштаба». Их берегли и носили потом несколько поколений. Я первый раз одел одежду и обувь из магазина, когда пошёл учиться в восьмой класс. До этого времени донашивал после брата, как правило, после починки. Учился в восьмых-десятых классах за тридцать километров от деревни. Приходилось иногда в выходной день ходить домой.

После окончания школы поступил в Агинское авиационно-техническое училище. Некоторые «умные» головы говорят, что за большими деньгами пошел я в армию, но у меня не было другого выхода. Мать болела, у брата — двое детей, у сестры — трое. В гражданском учебном заведении надо кормиться, одеваться и так далее. А кто это будет делать? Окончил училище в 1961 году.

Горькова Мария Григорьевна

Оккупация. В Германии

Я родилась в Курской области (ныне Белгородская) в Ново-Аскольском районе в 1925 году. Детство моё — босоногое, как и у всех живших в то время. Нас в семье было трое: брат, я и младшая сестра. Помню, как у нас в доме, что-то искали, а что, не помню. Да и брат было нечего. Помню голодовку в 1933 году. Весной рвали лист клёна и траву, и это ели. Отец принёс из колхоза мясо дохлой лошади. Когда его варили, оно всё пенилось. Это запомнилось на всю жизнь.

Мы учились в школе. Брат окончил семилетку, а потом курсы кинематографистов, а я после семилетки окончила первый курс педучилища.

Сразу после экзамена началась война, люди уже знали, что такая германская война. У мамы дяди погибли в 1914 году, один из них, Михаил Рожков, погиб в Германии.

Брата тут же призвали в армию, он погиб 27 ноября 1942 года. Отец был на фронте в сорока километрах от нас. Его ранили в ногу, в колено.

В первый год мы не попали в оккупацию. Зима была очень суровая. Фронт стоял от нашей деревни в сорока километрах, а весной, в начале июня, немцы пошли в наступление. Большинство из нас, в основном молодёжь, рыли окопы, начиная с марта месяца за пятнадцать километров от дома. Эвакуировать жителей деревни хотели, но не успели. Началась бомбёжка, стрельба. Наши части отступили, а мы остались в оккупированной зоне. Немцы отбирали коров, кур, гоняли на работу, на копку земли. Колхоз разграбили.

В начале ноября 1942 года нас, человек двадцать пять из деревни, отобрали для отправки в Германию. Староста был из раскулаченной семьи и полицай — тоже. В Германию нас везли в телячих вагонах в течение двух недель. Привезли в город Кёльн. Мы, десять человек, попали к хозяину небольшого завода. Город был небольшой — Радеформвальд, лагерь «Курби-Нигелог». В лагере находилось человек сорок украинцев, белоруссов. Сначала вроде ничего страшного не было. Когда подали на обед баланду, её никто в рот не взял, есть ее было невозможно. Потом три дня нам давали её в разогретом виде. Мы стали выливать её в туалет. За это комендант стал нас бить плёткой. От боли мы подняливой-плач. После этого мы ели ту баланду, а если за столом кривились, то получали удар плёткой. Выдали нам ботинки на деревянной подошве, робу зелёного цвета. Когда ночью нас вели с работы по городу мы, оказывается, немцев будили стуком ботинков. Нам говорили: «Тише, русиш, дойч шлафен (спят)». Мы не знали, что делается на Родине. Только слышали, что немцы упоминали Курск. Это был уже 1943 год.

Освободили нас американцы. Перед этим, не знаю точно, но половину лагеря, и нас в том числе, погнали, куда не знаю, наверное, на уничтожение. Мы прошли километров десять и нас вернули обратно в лагерь. Мы решили, что идем на смерть. С неделю продолжались бомбёжка, обстрелы. У нас в лагере было трое раненых. Один немец из эвакуированных жил в нашей столовой, он погиб. Это было 13 апреля 1945 года. Так что наш День Победы — 13 апреля 1945 года. Мы пробыли еще четыре месяца в сборном лагере. Два месяца — у американцев, а потом нас поделили, и мы перешли в английскую зону. Мы ходили на кладбище (недалеко от лагеря), на котором были похоронены наши пленные. Там захоронено было девяносто человек. На каждой могиле указаны фамилия и имя. Это местечко я точно не знаю, как называется, рядом находились Ленеп, Бергерак и Вупперталь. «Гамерштайн» — наш сборный лагерь, но точное название я не помню.

Месяц мы были в нашей зоне, нас там опрашивали, а потом отправили в Россию, месяц мы ехали и попали домой только в начале октября. Отец

был дома после ранения, брат погиб под Воронежем 27 ноября 1942 года. Весной 1946 года я попала сюда, в Хотьково. Окончила ФЗО и по сей день живу здесь.

Горячева Римма Леонидовна

Чтобы никогда не было войны

Когда началась война, в 1941 году, мне было семь с половиной лет. Все мои детские воспоминания о городе Краснозаводске. Время было очень голодное и холодное. В школу в сентябре мы не ходили, нас посыпали в колхозы убирать урожай.

На обед в школе нам давали кусочек черного хлеба размером пять на пять сантиметров и маленький кулечек с сахарным песком. Писчей бумаги не было, мы писали на тонкой-тонкой бумаге, написанное на первой странице отпечатывалось аж на трех-четырех последующих страницах.

Все дети старались помогать дома родителям. В школе сзади меня сидел Толик Наумов. Он всегда прятал свои руки, поскольку вместе с отцом ремонтировал обувь. Руки у него все были в глубоких черных полосках от дратвы, а ему было только семь лет.

С первого по четвертый класс нас учila Любовь Павловна Митрофанова. О её доброте у меня на всю жизнь осталась светлая память. Кроме учёбы она с нами занималась художественной самодеятельностью. Нас возили с выступлениями в госпиталь в районе города Хотьково. Раненые были самыми благодарными зрителями.

Маме пришлось все носильные вещи менять в деревнях на продукты питания, так что в школу зимой мне идти было уже не в чем. На заводе, где мама работала, дали талоны на пальто мальчуковое и галоши-лягушки. Галоши были очень скользкие. На продукты давали карточки. В основном варили кулеш из пшена на воде с пережаренным луком, щи из лугового щавеля.

В городе появились нищие — опухшие, в бурках с привязанными к ним проволокой галошами. Наша бабушка угощала их из самовара кипятком без сахара, заваренного какой-нибудь травой. Наша мама все работала на заводе сутками, и мы им носили еду к проходной.

Немецкие самолёты очень часто обстреливали наш город, так как у нас был военный завод. Однажды они обстреляли у стадиона на Возрождении колонну с фэзэушниками. Они шли с обеда. Мы, дети, бегали смотреть. Страшно вспомнить, сколько было раненых. В лесу появились какие-то подозрительные люди.

Я очень хочу, чтобы это никогда не повторилось.

Гуральник (Ячная) Зинаида Петровна

Люди, берегите мир!

На войне гибнут не только солдаты, но и мирные жители: дети, женщины, старики. Я знаю о войне из рассказов мамы и папы, так как я родилась в 1944 году. Мой папа окончил военное училище в Киеве, служил в городе Бердичево, а затем его перевели в город Львов, это было в 1939 году. 22 июня 1941 года, когда Киев бомбили и объявили, что началась война, папа прибежал домой и сказал маме, чтобы она взяла сменную одежду для детей, а их было двое (брать 1934 и сестра 1938 года рождения), так как их отправят в тыл и недели через две они вернутся домой, так как мы немецких танкистов разобьем, не дадим им пройти дальше.

Эшелон с женщинами и детьми немцы-танкисты держали под прицелом, постоянно обстреливали. Женщины выбегали из вагонов, падали на землю, закрывая собой детей. Многие после очередного обстрела так и остались лежать на земле. Раненым помогали добираться до вагонов. Делились последней коркой хлеба, в основном кормили детей, которые страдали от голода.

Поезд не дошел до города Бердичево, так как там уже были немцы. Измученные, обессиленные, голодные женщины подались кто куда — по знакомым и родным. Мама шла десять километров до села Тереховка, там жила ее мама, моя бабушка. Соседи маму с детьми спрятали у себя, так как в доме у бабушки были немцы на постое — одни уходили, другие приходили. Позже мама с детьми перебралась в дом к бабушке, есть было нечего, перебивались, чем могли. Зато немцы ликовали. Мой братик взял у них со стола шоколадку, а немец увидел, взял мальчика за шиворот, вынул пистолет и хотел его застрелить, но бабушка закрыла собой внука, а другой немец сказал ей, чтобы она с внуком скрылась с глаз долой.

Когда немцев погнали с Украины, они забирали всё, что можно было есть. Люди голодали, а в это время бандеровцы начали нападать на города и сёла. Они отбирали последнее, что было, издевались над людьми, убивали всех подряд, придумывали ужасные пытки, ни женщин, ни детей — никого не щадили. Чтобы прокормить старииков и детей, мама и другие женщины ходили по селам, меняли одежду на хлеб, картошку и крупу. Вот однажды шли они домой, а из леса выбежали вооруженные бандеровцы и стали стрелять по ним, все остановились, а мама побежала и упала, потеряв сознание, один бандеровец хотел ее застрелить, засунув ей пистолет в рот, но потом сказал, что она и так сдохнет. Папа с солдатами охраняли молокозавод от набегов бандеровцев, а уже ведь было мирное время, была Победа над фашистами.

Папа закончил воевать и пришел домой только в 1947 году, мне уже было три года, но я это хорошо помню. Я бежала к нему навстречу и вместо поцелуя я его от радости укусила.

Хочется кричать: люди, берегите мир! Война — это страшно!

Гусарова Зоя Павловна

Деревенское детство

Я родилась в 1934 году, 24 января, в деревне Новокосцы. Отец мой работал на заводе в городе Ковров Владимирской области, мать училась в институте. Я и мой старший брат, Валентин, жили у бабушки в деревне. В феврале 1941 года умерла моя мама, а в июне началась война. В сентябре 1941 года я пошла в школу. Брат учился в четвёртом классе. Меня не хотели брать — ещё мала, но я умела бегло читать, считать — брат научил. Поэтому меня и приняли в первый класс. Каждый день мы ходили в школу за три километра от нашей деревни. Моя бабушка была скотницей и дояркой на ферме. Дед был конюхом на конеферме. В войну всех хороших лошадей забрали на фронт. Остался молодняк и старые лошади. Мы часто пасли лошадей по ночам. Иногда с фронта пригоняли раненых лошадей назад в колхоз. Дед их выхаживал, я ему помогала.

В 1942 году умер дедушка. Остались мы с бабушкой одни. Брат уже учился в Коврове и жил с мачехой. Отец всю войну работал на заводе имени Дегтярёва, выпускал пулемёты, у него была броня. Детали к пулемётам делали женщины и дети, отцу приходилось их погонять, чтобы пулемёты могли стрелять. За спиной офицер с винтовкой подгонял его: «Давай-давай, быстрей сдавай пулемёты, Москва окружена!» Отец не выходил из цеха по два-три месяца, мы его очень редко видели. В 1943 году у нас родился ещё брат Юрий, в 1946 — Владимир, в 1949 — Виктор. Нас стало пятеро в семье!

Все деревенские дети всё лето работали в колхозе: сушили сено, укладывали его в стога. По два ребёнка стояли на стоге, принимали сено от взрослых, укладывали его и утаптывали. Очень уставали, но никто не хныкал, ведь шла война.

Часто в деревню приходили похоронки. У нас в семье без вести пропал брат отца Николай, а под Москвой погиб брат мамы, Иван. Во время уборки зерновых мы складывали снопы в скирды для просушки, а потом возили их на ригу. Там работали молотилки. Электричества не было, и эту машину приводили в движение две лошади. На круп лоша-

ди сажали по ребёнку, и мы гоняли лошадей по кругу. Во время обеда нас снимали с лошади, и мы падали на солому от усталости и боли в ногах, ходить сразу не могли. После обеда сажали на лошадей других детей. И так каждый день. Но мы не ныли, знали, что хлеб нужен для фронта, для победы. А всю осень до морозов после уроков мы выбирали в полях картофель, да так чтобы ни одной не осталось в земле! После окончания начальной школы в 1945 году я одна из нашей деревни ходила в школу за восемь километров через поля, леса, ежедневно, в любую погоду. Осенью и весной ходила пешком, а зимой — на лыжах. На пути у меня было ещё два очень глубоких оврага. Весной мостики сносило, меня перевозил на лошади старик-сторож. Я ему помогала по хозяйству, в очень плохую погоду ночевала у него.

Уроки учили с лампой или со свечкой, а когда кончался керосин и свечи — с лучиной. Но учились все старательно. Зимой я помогала бабушке кормить и поить коров, телят. Грели воду в подсобке на печке. В войну в деревне было лучше, чем в городе. У нас вдоволь было картошки, молока, творога и яиц. Мой старший брат, мачеха, а иногда и отец приезжали из города за продуктами. Бабушка кормила всю нашу семью. В 1948 году умерла и моя бабушка.

Я окончила семь классов с отличием и меня без экзаменов приняли в Ковровское педагогическое училище. В 1951 году умер мой отец, ему было всего сорок лет. Война сильно подорвала его здоровье: он умер от прободной язвы желудка. В 1952 году я окончила педагогическое училище и по направлению уехала работать учителем русского языка в Узбекистан. В 1954 году вышла замуж за офицера. Мы жили и работали в Крыму, Киеве, Чебоксарах. В 1966 году я приехала в город Загорск. Работала воспитателем, а последние двадцать лет — страшим воспитателем-методистом в детском саду № 28. Сейчас я на пенсии, вырастила двух дочерей. Старшая работает в гимназии города Омска учителем, младшая — кандидат психологических наук, директор гимназии имени И.Б. Ольбинского.

Дашкевич Николай Петрович

Рок не изменить и не измерить

Жизнь моя, как и многих тысяч моих сверстников военного времени, с 1941 по 1945 год, детей войны и послевоенного времени, сопровождалась тяжёлыми и голодными годами, гибелью родителей и близких на войне и от голода.

Родился 6 мая 1937 года в небольшой деревушке Михновичи, Гомельской области, в Белоруссии. Отец и мать крестьяне. До войны работали в колхозе. Моя мать, Анастасия Федоровна, ни читать, ни пи-

сать не умела. Жалкие деньги — восемь рублей за погибшего мужа, после войны, различала по цвету и рисунку на купюрах. Она была исключительно трудолюбивой, кроткой и доброжелательной женщиной, и светлый её образ я храню всю жизнь. При первой, представившейся возможности, всегда ездил в Белоруссию, поклониться могилкам мамы и двух сестер. Единственное дело, которое я не исполнил до сих пор: я не нашёл могилы отца и брата, которые пропали без вести. Есть ли эти могилы вообще, одному богу известно! О грамоте отца судить не могу, так как мне было всего четыре года, как он ушел на войну.

Раньше в деревнях у многих семей были прозвища, нашу семью нарекли «горячими», в знак того, что отец и мать были охочи до работы, трудились, не покладая рук.

В первые дни войны немцы, пользуясь внезапностью нападения, проходили в глубь нашей территории до ста двадцати километров за сутки. Ничего удивительного, что немцы меньше чем через две недели, на танках, ворвались в нашу деревню. Всех жителей выгнали из домов и повели за железнодорожную станцию. Под дулами автоматов заставили встать всех на колени. Поставили перед нами пулемёты. Но судьбе было угодно, чтобы нас не расстреляли, а угнали от родимых мест за восемьдесят пять километров, в сторону западной границы.

На оккупированной территории мы прожили свыше трех долгих лет. Питались тем, что могли раздобыть: гнилой картошкой, из которой извлекали крахмал, желудями, крапивой. Конечно, кое-что сажали из сельскохозяйственных культур, иначе все бы богу души точно отдали.

Как выживали — тоже одному богу известно. Младшая сестра Александра болела тифом, за ней ухаживала мать и просто чудо, что она сама не заболела. В барак, где лежали тифозные больные, немцы дальше входной двери барака не проходили. Был такой случай! Немец с автоматом показал пальцем на мою сестру и закричал: «Партизан!» Мать открыла одеяло и показала худенькую девочку двенадцати лет. Немец ушёл. Старшую сестру, Нину, в 1944 году, немцы увезли рыть противотанковые рвы, чтобы сдержать стремительное наступление советских войск. На третий день подневольного труда она с подругой сбежала. По дороге домой, пробираясь через кустарники, подруга подорвалась на немецкой противопехотной мине, взрывом куски ее тела разбросало по веткам деревьев, а сестру сильно оглушило. Спасло ее то, что она следовала на некотором удалении от подруги. В 1944 году

Белоруссия была освобождена от немецко-фашистских захватчиков советскими войсками.

Кстати, мои родные места, райцентр Калинковичи, освобождал в составе советских войск житель нашего города, Михаил Сергеевич Елизаров, о чем он мне рассказал лично. За что я выражая ему особую признательность и благодарность. Михаил Сергеевич поведал мне, что линия фронта больше месяца проходила по реке Птичья, где он убил высокопоставленного немецкого офицера. Тот рано утром вышел из блиндажа — решил подышать свежим воздухом, а Елизаров находился в засаде на другом берегу. Увидел, прицелился и выстрелил из винтовки. Офицер, как сноп, и свалился на землю.

В 1944 году семья возвратилась в свой дом. Жизнь приходилось начинать заново. Питались чем придётся: свекольной ботвой, желудями, крапивой. Приходилось и мне в плуг впрягаться, носить на себе сырую осоку для коровы. Ходили в лозовых лаптях зимой и осенью, а летом бегали босиком.

При освобождении от немцев города Калинковичи сложили головы свыше тысячи советских воинов, в том числе четырнадцать Героев Советского Союза и четыре кавалера ордена Славы. В центре города, на площади, установлены бюсты погибших героев.

Джураев Константин Борисович

Не забывайте фронтовиков!

Я родился 1 июля 1945 года в городе Загорске Московской области. Отец был мобилизован в 1941 году на фронт и погиб в самом конце войны, в апреле. Мама из семьи рабочих, воспитывала нас троих. Государство оказывало всяческую помощь, так как отец погиб на войне, защищая нашу Родину.

Помню, как мы, мальчишки, бегали смотреть на пленных немцев. Сильное впечатление на нас всех производили дирижабли в небе.

Помню, как с кем-то из родственников побывал на параде в Москве и видел на мавзолее живого Сталина. Я помню, как умер товарищ Сталин. Весь народ, наши соседи и знакомые ходили в трауре, все заводы и фабрики города издавали продолжительные гудки.

Часто видел военных на машинах с большими прожекторами, освещавшими небо над заводом. В тот момент мы с семьёй проживали в Рабочем посёлке, в коммунальной квартире, четыре человека в комнате. Я

ходил в начальную школу № 15, а закончил учебу уже в школе рабочей молодёжи, на трикотажной фабрике, так как в пятнадцать лет я пошёл работать (в 1960 году) на завод ЗОМЗ учеником слесаря-фрезеровщика.

В памяти очень страшные воспоминания остались: инвалиды войны, которые ездили на колясках с подшипниками, и одногоногие, которые ходили на протезе из дерева. Все улицы нашего посёлка были вымощены булыжником, и эти коляски издавали ужасный скрежет.

А ещё вспоминается, как мы с сестрой и братом вставали ни свет ни заря, чтобы занять очередь за мукой.

Будучи взрослым, я никогда не забывал фронтовиков.

Дубинина Любовь Павловна

«Родилась я в лесу под березкой»

Я, Дубинина Любовь Павловна, родилась 2 августа 1944 года в селе Погулянка Любиновского района Волынской области, Украина.

Как рассказывала мне мама: 1944 год, шла война, наше село Погулянка захватили немцы, и всех жителей вывезли из села подальше от беды, моя мама беременна мною и тремя детьми прятались в лесу в убежищах.

Отца забрали на фронт. Вскоре началась стрельба, мимо убежищ стали пролетать немецкие самолёты. Все боялись- ждали, когда это всё закончится. Потом через какое-то время, стрельба стала утихать и вовсе прекратилась. Все начали потихоньку выбираться из убежища, рядом росла березка. Маме стало плохо, она прислонилась к рядом стоящей берёзе и родила меня. Так я и «родилась под березкой». Меня звали березка. Я была у мамы четвертым ребенком (все дочери). Когда нас переправили в другой лагерь, так как война еще продолжалась, шли солдаты, там был отец. Он подошел к маме, держа на руках меня, грудного ребенка и девочкам, поцеловал нас и ушел воевать дальше.

Когда немецкие войска стали отступать все дальше, вся деревня вернулась обратно домой. Когда мы пришли к дому, то увидели старенький домик без окон, без дверей, земляной пол. Окна закрывали мешками, досками, пол засыпали песком. Так и жили в нишете, холода и голоде. Бегали босиком, так как обуви не было.

Спустя некоторое время в селе пожаловали «незваные гости»- бандиты. Они ходили по дворам грабили народ и убивали невинных людей. Как помню, рассказывала мама, вечером кормя меня грудью,

раздался шум, топот ног, голоса. Дверь открылась, и в избу вошли они - «бандеровцы». Угрожали нам своим ружьем, они помнили, что будто бы мама рассказала властям, что они скрываются здесь, в нашей деревне, в лесу, и за это они расстреляют её и детей. Мама стала плакать, умолять, и стала доказывать, что этого она никому не говорила и не знала о них, бандит отвел ружье от нас, и они ушли из дома. Так нас и маму можно сказать спас Бог.

После войны нам прислали похоронку, что наш отец Комельчук Павел Прокофьевич пропал без вести под Берлином. Так мы и остались без отца, мама и четверо детей. Отца я не помню, не было ни одной фотокарточки с ним, хотелось посмотреть, какой он был.

Все в семье мы были трудолюбивы, помогали маме во всем: копали огород, хлеба не было, были жернова, сушили картофельные очистки, мололи в муку и пекли лепешки. Весной ждали, когда взойдет щавель на лугу. Чтобы не умереть с голода питались всем, что дает природа.

Прошло время нам стали выдавать талоны на еду, немного хлебушка.

Когда я пошла в школу, одеть было нечего. Ждала, когда из школы придут старшие сестры, чтобы надеть их одежду. Сапоги были рваные, ходили в лаптях, я часто болела, простывала. Учась в первом классе, после школы приходилось идти пасти на поле стадо коров, овец.

Мама вышла замуж, родила еще двоих детей, нас в семье стало шестеро детей. Приходилось помогать. После окончания восьмого класса, пошли работать разгружать камни, в селе стали строить дорогу. Была подсобником, подносила кладчику камни, работали вручную, носили на руках. Было очень трудно, тяжело, но приходилось работать. Как только закончили строить дорогу, уехали в Запорожье, в колхоз, работала дояркой, доили вручную, труд оплачивался зерном, когда и деньгами, все заработанное отправляли домой.

Уехала в Тамбовскую область, там работала в колхозе дояркой, вышла замуж, родила двоих сыновей.

В 1974 году приехала в д. Марьино Загорского района Московской области в совхоз, работала дояркой. Работа была не легкой.

В возрасте 40 лет ушла в декрет, родила сына, в 42 родила дочь. Маленьких детей в 1,5 года отдала в сад, сама пошла работать. Иногда детей приходилось брать с собой.

Судьба моя распорядилась так, что в 1992 году умер муж, следом сыновья, осталась одна дочь.

В возрасте 55 лет вышла на пенсию, но приходилось подрабатывать, так как нужно было растилть несовершенно летнего ребенка.

Сейчас мне 69 лет, получаю пенсию в размере 6500 руб., что часть из нее уходит на коммунальные услуги 4000 руб., а остальное на питание. Что самое обидное, работая с детства, я не имею ни каких льгот, так как в трудовой стаж вошли не все годы. Жить становится все с каждым днем труднее и тяжелее.

Дунаева Екатерина Сергеевна

С песней по жизни

Она родилась в древнем селе в начале прошлого века, здесь жили её дед и прадед, который застал еще крепостничество. Екатерина Сергеевна Дунаева, жительница Воздвиженского свою жизнь посвятила работе на земле своих предков.

«Про историю села и события позапрошлого века я вам не смогу поведать. Раньше на нас, детей, особо не обращали внимания и о прошлом не рассказывали», — говорит она. Действительно, это сейчас принято составлять родословные, записывать воспоминания предков, передавать следующим поколениям, а тогда крестьяне думали о том, как прокормить свои семьи и получше устроить хозяйство. Крестьянские дети воспитывались в строгости и приучались к работе на земле.

Закончив в Воздвиженской школе четыре класса, маленькая Катя вынуждена была преодолевать большие расстояния, ведь ближайшая «старшая» школа № 5 находилась в Загорске. Понятно, что тогда никакие маршрутные такси и даже автобусы не ходили. Приходилось ждать попутных гужевых повозок или, если повезёт, какую-нибудь машину (водители тогда брали рубль за проезд в кузове с грузом). Тогда автомобили вообще были большой редкостью, и даже по Ярославской дороге, на которой стоит Воздвиженское, проезжали не часто. Поэтому первый год дети пешком ходили до электрички в Калистово, оттуда — в город. Позже, на семейном совете, было решено снимать квартиру у одной женщины в частном доме: «Дом стоял у тюрьмы, двухэтажный, старый-старый». Стоило проживание пять рублей в месяц. Тот дом, где жила ученица Катя, сохранился только в памяти Екатерины Сергеевны — в реальности его уже давно снесли. Нет на прежнем месте и школы, теперь там Музей игрушек. «Я хотела потом пойти на врача, но для этого нужно было учиться еще три года, и родители меня не отдали. Последний год в школе я сильно болела, да и жили мы бедно, нужно было уже помогать, работать. В 1933 году у нас организовали колхоз, — вспоминает Екатерина Сергеевна, — отца взяли председателем, но через год назначили другого — более грамотного. Родители образования не получали, но отец всё-таки умел читать и писать. Первое время хозяйство было не очень большое, и деревенские ездили работать на скобяной завод в Загорск».

После школы Екатерина Сергеевна пошла работать в колхоз, от колхоза окончила курсы и стала счетоводом. Говорят, что математика всегда хорошо давалась, а дочка её подтверждает, что и до сих пор её мама в уме расчёты производит получше нашего.

Потом началась война. К этому времени в семье из пятерых детей

остались трое: Екатерина Сергеевна, её старшая сестра и младший брат. Брату только исполнилось пятнадцать лет, но он добровольно пошёл в ряды ополчения. Отца, участника первой мировой войны, на фронт не призвали. «Брат из рядов ополчения вернулся домой, и в этот самый день у нас умер отец,— со слезами на глазах рассказывает долгожительница.— И уже через пару месяцев брата призвали в армию. Он учился в школе снайперов, которая находилась в Монино, и оттуда попал на фронт». С войны младший брат Екатерины Сергеевны не вернулся, погиб на границе Польши и Германии.

Сама Екатерина Сергеевна в военные годы копала окопы под Дмитровом, рядом с каналом имени Москвы: «Со мной была ещё одна женщина из Лешково и мужчина из Заречного, теперь их уже нет в живых». Потом, вернувшись с этих работ, была направлена на другие: пилить завалы под Загорском. Вспоминает, что была совсем маленькая ростом и весила в свои семнадцать лет всего сорок килограммов, говорит: «Не знаю, как яправлялась. При этом с работы и на работу мы ходили пешком...» Также в обязанность деревенских детей, старииков и женщин входила расчистка снега на Ярославской дороге, от оврага и до моста. Пахали землю, сажали картошку, рожь, пшеницу.

Близость к центральной дороге, конечно, влияла на жизнь деревенских. Екатерина Сергеевна помнит, как на войну мимо Воздвижского шли Сибирские дивизии, шла молодёжь в гражданской одежде: «А мы, девчонки, давали им воды напиться из нашего колодца». Останавливались военные и на постой в домах жителей. «У нас стоял командир конного отряда и три солдата. После того, как они уехали, мальчишки ходили в лес ловить лошадей раненых. Залечивали им раны и использовали в хозяйстве. Но тех лошадей, что совсем поправлялись, у нас снова забирали на фронт», — со слезами на глазах Екатерина Сергеевна Дунаева вспоминает события тех лет. После войны Екатерина Сергеевна продолжила работать в колхозе, была секретарём комсомольской организации, дважды выходила замуж, но всегда возвращалась в родное село.

Рассказывая про свою жизнь, Екатерина Сергеевна плачет и говорит, что в молодости ни слезинки не пролила, а с невзгодамиправлялась песней: ей плохо, а она поёт. Да так пела, что люди на дороге останавливались и слушали. Говорили, что голос у нее сильнее, чем у Зыкиной. Вот так, с песней по жизни перешла Екатерина Сергеевна 90-летний рубеж. Всю жизнь посвятив Воздвиженному, сегодня она чуть ли не единственная коренная жительница этого села. В остальных домах обосновались дачники, а на Ярославской дороге, там, где когда-то она танцевала на мостовой, теперь круглосуточно идет нескончаемый поток автомобилей.

Евдокимова Вера Ананьевна

Хватили мы лиха

Я родилась 15 мая 1935 года в Ярославле, но детство и школьные годы прошли в городе Солигаличе. В войну этот небольшой старинный городок относился к Ярославской области, после войны отошел к Костромской. Город выбрали мои родители, Ананий Фёдорович и Анна Ивановна Яковлевы, окончившие Костромской землеустроительный техникум в начале 30-х годов XX века.

С 1958 года я живу в Сергиево-Посадском районе. Приехала по распределению после окончания мехмата МГУ в п/я 10, НИИХИММАШ, где проработала сорок два года, ветеран труда.

Папа до войны работал старшим землеустроителем в районном земельном отделе (РайЗо), мама — чертёжницей. Родители получили маленькую комнатушку в коммуналке на первом этаже. Передвойной детей в семье было уже четверо: я — старшая (шесть лет), а младшей — сестре Лёле было всего десять месяцев.

Жаркий солнечный день. Во дворе и на улице пустынно. Все взрослые на митинге на площади. Ушла и мама с маленькими сестрёнками, Зоей и Лёлей, сказала что на «митинг». Слово это не вязалось с весёлыми лицами. Совсем недавно был митинг на площади — красные знамёна, все нарядные, улыбаются. Сегодня странный праздник. Вышли с братом Володей на улицу. Два мальчика, что годом старше меня, спорили. Драчун Венька Смирнов был тихим на этот раз. Мальчик Вива, что приезжал на лето из Ленинграда в дом с табличкой «Профессор Кашкин», сказал: «Белые на нас напали!» Венька возражал: «Белые были в гражданскую, сейчас — немцы». Со стороны площади возвращались взрослые. Вива обратился к прохожему, чтобы разрешить спор. Таким мне запомнился первый день войны.

...Мы идём с мамой в магазин. Она мне объясняет и показывает, где и как покупать по карточкам хлеб. Мама сшивала карточки нитками, подписывала фамилию, карточки выдавали ежемесячно. Каждый день был представлен отдельным купоном, их продавщица при покупке хлеба отрывала. У нас было четыре детские карточки — то ли синие, то ли зелёные, чёрная — мамина, иждивенческая, рабочая карточка — красная, на неё давали 500–600 граммов хлеба. На чёрную — 250–300 граммов, на детскую — 300–400. На всю семью мы получали чуть больше полбуханки тяжёлого, сырого, глинистого чёрного хлеба, который

невозможно представить тому, кто его не видел. Почти всегда были дөвеки, их мама отдавала мне, тут же, возле магазина. Как-то Володя потерял хлебные карточки, но добрые люди нашли и отдали продавщице, а она вернула их нам. Смутно помню разговор родителей о продовольственных карточках. Из газет они узнавали, что в некоторых магазинах давали по карточкам крупы, сладкое — сахарин, маргусалин — продукт, похожий на маргарин, сероватая маслянистая масса. В магазин ещё ходили за спичками, солью и керосином. Керосин заливали в лампу со стеклом, подкручивали фитилёк, регулируя пламя. Мама убирала стекло от лампы на высокий шкаф, чтобы дети не могли до него добраться. Несмотря на эту предосторожность стёкол скоро не стало, купить их было негде, поэтому лампы превратились в коптилки, потолки от них становились черными.

С началом войны землеустроители уходили на фронт. Пришли мы в очередной раз с Володей к папе на работу — в комнате тихо: взяли на фронт весёлого дядю Костю Шабанова. Пожилой Николай Сергеевич Куприянов (позже узнала — из помещичьей семьи, библиофил, знаток старины) не шутил с нами, мы молча сидели в углу чёрного кожаного дивана, взрослые молчали. Папу назначили старшим отряда солигаличан, направленного на возведение пояса обороны вокруг Ярославля. Папе было тогда тридцать лет. По работе в колхозы, даже дальние, приходилось ходить пешком, иногда сутками он добирался до какого-нибудь медвежьего угла, транспорта не было.

Немец подходил к Москве. Мама с полуголодными детьми, папа — на трудовом фронте под Ярославлем. Вот-вот и он уйдёт на войну. От маминого брата Миши, только что окончившего художественное училище в городе Иванове, нет писем. Выпуск в училище весной 41-го года провели досрочно, молодых художников отправили в лагеря, даже не отпускали повидаться с родными.

Я помню, как писала письма печатными буквами дедушке и бабушке в Лежнево и дяде Мише. Он был на Красной площади в Москве в мае 41-го с 1-й Пролетарской дивизией. Последнее письмо родным дядя Миша написал, «сидя на пеньке», при отступлении от Смоленска. Погиб двадцати трехлетний дядя Миша 2 августа 1941 года под Смоленском. Бомба попала в машину, в которой дядя Миша вёз штабные документы. Помню, мама бросилась к почтальону, выхватила из её рук письмо и ушла в дом. Когда я вернулась со двора, увидела плачущую маму. Она быстро встала и ушла в другую комнату, с горем онаправлялась в одиночку.

В каждую семью заходили общественники, квартальные и собирали вещи для фронта. Мама тоже что-то им отдавала, хотя у самих из одежды почти ничего не было. Взрослые ходили рыть окопы на окра-

ину города. Мы часто туда бегали, брали там глину и лепили из нее игрушки. С осени квартальные часто обходили дома, проверяли качество светомаскировки. В длинные тёмные вечера в домах зажигали керосиновые лампы и коптилки. Окна, кроме занавесок, закрывали плотно одеялами или сшитыми в несколько слоёв газетами. На оконные стёкла наклеивали крест-накрест полоски из бумаги — на случай бомбёжек.

Остался в памяти такой случай. У дома был собран металлом. Старшие ребята начали прыгать с забора через эту кучу, чтобы испробовать и показать свою ловкость. Я решила последовать их примеру: во время прыжка мое платьице зацепилось за сучок в заборе и я приземлилась на острые железяки. Ребята испугались и побежали за мамой. Я сильно разбилась. Хорошо, что пострадавшие зубы были молочные, ворту очень долго болело, шрамы остались на всю жизнь.

Вечер. Мама растопила маленькую печку-голландку в спальне, поставила чугунок с рыбой. Кроме воды и мелкой рыбёшки в чугунке ничего не было. Мама стала доставать чугунок с печки, ухват надломился, чугунок упал на бок. Рыбу собрали с пола, очистили от золы и дровяного мусора, а навару осталось совсем немного. Мы стояли кружком, ожидая лакомства, а тут такое несчастье. Младшие заревели, но мы все-таки поели немного рыбки и бульона досталось всем понемногу.

Из ярких событий первого военного лета остался в памяти клад, который мы с братом нашли на сеновале. В огород нас не пускали, а на улице разрешалось только постоять на деревянном тротуаре. Оставались для временного пребывания двор и сарай. Мы забрались по лестнице и увидели большое помещение с поперечными балками, под которыми темнела старая сennая труха. Мы, разгребая сено, нашли цепь, какие-то доски и вскоре брат достал из-под балки тёмный свёрток. Мы с азартом стали развязывать тонкую ленточку. Под тёмной тряпочкой показалась белоснежная тряпочка с выпуклыми фигурками. Внутри лежал маленький кошелёк, в нём медаль или орден с красной ленточной, стопочка больших серебряных рублей и много бумажных денег с портретами царей. Мы побежали к маме. Мама внимательно рассмотрела содержимое свёртка: «Хозяин припрятал, надеялся вернуться». Мама попросила нас, чтобы мы про монеты во дворе никому не рассказывали. Она спрятала их подальше и сказала, что папа их сдаст в банк, когда приедет, а голубую дощечку надо выбросить, а то папу в тюрьму посадят, он — партийный. Бумажные деньги мама отдала нам, и мы во дворе щедро поделились с соседскими детьми. От красивых денежных купюр с портретами Екатерины II и Петра I, с другими, не знакомыми, портретами, ничего не осталось. Только один рубль и одна «керенка» с большими нулями сохранилась у меня.

Однажды мы услышали разговоры взрослых дома и во дворе о том,

что рядом с нами хотят устроить санпропускник. Слово непонятное, оно означало, что горкомхоз будет направлять в нашу баню призывников — мыться и там же будут стирать и обрабатывать от вшей их бельё. Женщины страшно возмущались — почему именно к нам: в доме столько детей. Мама сказала, что теперь вши расположутся везде, и мы можем заразиться. Ещё я поняла из разговоров, что эти чудовища, вши, почти невидимы.

Мама работала и поэтому на меня была возложена серьёзная забота — кормить Лёлю из стакана, стоящего в маленькой печке, в нем был обычно накрошен чёрный хлеб, залитый молоком, и следить, чтобы Лёля была сухой. Я смотрела на часы и подгоняла про себя время — когда можно было уже покормить её. Зоя же с Володей подгоняли меня, и я начинала кормить чуть раньше времени, указанного мамой. Сестра съедала полстакана, а оставшуюся половину в стакане делили на всех «больших», поочерёдно давая по ложечке. Делила я честно, так как есть хотели все. Помню, однажды, не справившись с собой, мы начались соли, а всё питьё закончилось. Зоя и Володя легли на пол — им стало плохо.

Старший мамин брат, Сергей, который жил рядом с родителями в городе Лежнево Ивановской области, воевал под Ленинградом, был танкистом. С весны 1942 года писем от него не было. У него остались жена и двое детей. Он мечтал стать художником, но вместо художественного училища он окончил курсы трактористов. Дядя Серёжа пропал без вести в Волховских болотах.

Помню разговор с папой. Папа говорит, усмехаясь, что мама посылает его воевать. Смотрю на маму — она молчит, грустно улыбается. Он продолжает: «Поезжай, говорит, а то все уже на фронте. А у меня бронь, землеустроителей не осталось». Через много лет я узнала, что отец ушёл на фронт добровольцем.

Помню, накануне папиных проводов, в сентябре 1942 года, мы пошли фотографироваться. Спешно собрались, было очень грустно. Прощали на фронт папу все его знакомые. Прошли через весь город до моста через реку Кострому до села Гнездниково. В телеге лежал папин вещмешок, младшие сидели. Было тихо, тепло. Перед мостом папа всех нас поцеловал, мама заплакала, у меня, когда я по-настоящему поняла, что произошло, слёзы ручьём хлынули. Было тяжело и пусто, мама не могла говорить. Когда шли обратно, она, наверное, думала, как ей страшно в двадцать восемь лет остаться без любимого человека, как прокормить четырех малышей, надолго ли война, как выжить?

Папу направили на учёбу в Горьковское артиллерийское училище. Мамаправлялась с нами одна. Как-то маму отправили в колхоз, на воскреснику, повезли на телеге в колхоз им. Мичурина в деревню За-

харино. Начало смеркаться, а мамы всё нет. Я сидела у окна в кухне — ждала ее. День показался очень длинным. Приходит женщина с маминой работы, приносит мамину одежду и говорит, что маму положили в больницу, что на руке небольшая рана, как поправится, ее выпишут, а пока она и другие тёти будут к нам приходить — топить печку, кормить, мыть в бане, стирать. Хорошие были женщины, заботливые!

Это было для нас, детей, не только временем горя и житейских тягот, но и временем разобщения. Лёлю взяла к себе соседка, тётя Капа. Лёля стала называть её мамой, за что я с осуждением смотрела на свою маленькую сестрёнку. Володю с Зоей соседки одевали и провожали на детскую площадку. В эти дни я была одна и часто ходила к маме в больницу, но в палату меня непускали. Мама после проводов папы не спала, плакала ночами, а во время работы задумалась и сунула руку в молотилку, при этом даже боли не почувствовала. Кто-то увидел и закричал. У мамы закружилась голова. Спасло её то, что был в это время в Солигаличе хороший хирург, эвакуированная из Ленинграда Людмила Михайловна Капица, родственница знаменитого физика.

Долгожданный вечер. Пришли женщины и сказали, что сейчас привезут маму из больницы. Когда с мамы сняли пальто, и показалась на перевязи рука, стало страшно. Мы подошли к ней бочком, улыбаемся, а мама смотрит на Лёлю, сидевшую на руках у тёти Капы, протянула к ней здоровую руку, Лёля отшатнулась, заплакала и уткнулась головёнкой в шею тёти Капы. На эту ночь Лёлю оставили у соседки, а с утра мама начала потихоньку приручать дочку к себе. После этого возникли разговоры — соседки просили маму отдать им Лёлю на уход. Просили две женщины — тётя Капа и тётя Катя Петухова, сослуживица по Райзо. У обеих не было детей. Уговоры возобновились, когда весной пришло извещение о тяжёлом ранении папы. Мама ответила отказом: «Пока жива, будем вместе». Женщины спрашивали Лёлю: «Хочешь, пойдём со мной, будешь у нас жить, белого хлеба буду давать, молока, каши?» Лёля кивала, соглашалась. Семья наша оказалась в тяжёлом положении. Работать мама не могла, мы жили только на деньги, получаемые по папиному аттестату лейтенанта. Получали рублей 600 (литр молока стоил 30 рублей, стакан соли — 250). На рынке нечего было делать с такими деньгами. Мама стала что-то продавать. Помню, её стали уговаривать продать папино пальто и велосипед, она была против: «Вот вернётся хозяин, пусть решает сам, это его вещи. А продам — его не дождёмся».

Мимо дома идут, почти бегут возбужденные люди: «Шпиона поймали! На парашюте спустился, в военкомате сидит!» В поле за военкоматом на желтеющей траве лежал большой, красивый, бело-голубой парашют. Женщины наклонились, щупают шёлк, ахают: «Сколько из него сшить можно всего!» Военные отогнали женщин и детей. Позже

мы узнали, что произошло: в военкомат добровольно явился сельский учитель, Добрецов. В первые недели войны он попал в плен, немцы принудили его учиться в разведшколе. Выучив своему делу, немцы забросили его в тыл по месту жительства.

После того, как нам в колхозе им. Мичурина, где мама получилаувечье, выписали овса, жить стало веселее. Наш сосед, Павел Кузьмич, девушка с длинной бородой, смолол овёс. Он вытащил из чулана под навес жернова. Я тоже крутила тяжёлое колесо за деревянную ручку. Сбоку из желобка сыпалась крупа и отруби. Мама варила нам вкусный овсяный кисель, а во время вечерних чтений книг, мы грызли овёс. Мама сначала распаривали овес в горячей воде, потом подсушивала в печке. Зёрна получались очень вкусные. Постепенно мама приспособилась всё делать левой рукой: писала письма папе и родным, шила, стирала, мыла посуду и полы, топила печку. Когда мама прочитала письмо о папином ранении, всей серьёзности беды мы не почувствовали, осталось в сознании, что у папы небольшое ранение. Папа был ранен в ногу в бою за деревню Высочки, которая находилась в пяти километрах севернее станции Спас-Деменска Смоленской области. Был он заместителем командира по политчасти 2-й батареи 223-го миномётного полка 14-й артдивизии на Западном фронте Вяземско-Орловского направления. В ночь с 18 на 19 марта часть немцев просочилась в тыл полка и открыла огонь по батарее. Командир батареи находился на наблюдательном пункте, связь с ним была прервана, папа взял командование на себя, опорный пункт удерживали до утра, пока не подоспело подкрепление. Папа был представлен к ордену Красной Звезды. При прохождении наградного листа по инстанциям, степень награды была снижена до медали «За отвагу». С поля боя папу вынесли по приказу командира, под бомбёжкой. Осколок попал в ступню, началась гангрена. Он прошёл через несколько госпиталей, перенёс три ампутации.

Кончилась зима. Мы радовались солнцу и скорой возможности чем-то наполнить желудок. Едва сходил снег с соседскими ребятами ходили по огородам, выкапывали случайно оставшуюся прошлогоднюю картошку, морковь, брюкву. Картошка была сладкая. Кто-то говорил, что нельзя такую есть, но мы ели, даже сырую грызли с удовольствием. Чуть позже обедали цветы красной смородины, ни одной ягодки летом на кустах никто не видел. Чуть подсушит ветер тропки после снега — шли на поля. На пашне много было «пестов» — светло-коричневых стебельков хвоща, вылезающего из земли. Мы обдирали полоски тёмных чешуек, а стебель с шишкой-наконечником съедали. Собирали и приносили домой. А в мае кроме кислицы и щавеля наедались «сосной крупой». Это молодые шишки сосны, мягкие и ароматные. Ели так же и молодые листья липы, нежные «дудки».

Приближалась огородная страда. Кроме огорода, была длинная картофельная грядка, сразу за городом. К концу мая мама управилась с землёй и посадила картошку.

Тётя Нюра, которая приехала к нам по просьбе папы, взяла меня с собой в хлебный поход по деревням — «менять шило на мыло», как тогда говорили. Помню, как мама сшила детское платьице (вручную) из старого платья, а тётка перекрасила его в синий цвет. Были ещё какие-то тряпицы на продажу. Тётка не учитывала мои силы, шла быстро, а я задыхалась. Было жарко. Хотелось упасть в траву и больше не вставать. «Скорее бы домой!» — думала я тогда.

Заходили в каждый деревенский дом. В одном доме нас угостили зелёным луком, в другом мне дали стакан молока. В итоге — домой принесли немного хлеба, крупы и гороховой муки.

Через год я пошла в школу, в калошах на босу ногу. 1 сентября 1943 года было тепло. Начальная школа — большое двухэтажное тёмное здание, недалеко от дома. Наверху в коридоре построили учеников и новичков, мальчишки и девчонки учились вместе. Немногие были в туфлях и сандалиях, в основном в калошах и босиком. Нас торжественно приветствовала завуч — пожилая высокая дама с благородной красивой прической, в лиловом шёлковом платье, Антонина Михайловна Виноградова. Моей первой учительницей была Екатерина Михайловна Чистякова, эвакуированная из Ленинграда женщина в зелёной кофточке, вздывающейся на худых лопатках, со вздёрнутым подбородком и худой шеей. Нам выдали по тетрадке в линейку с наклоном. Учиться мне было не интересно, так как читала и считала я давно. Нравились мне уроки чистописания. Ходили мы с чернильницами-непроливайками, писали ручками с тонкими перьями № 86. Я помогала соседям по парте писать палочки и крючки. Интереснее стало к концу года, когда появились задачки, когда требовалось хоть немного подумать. В школе впервые столкнулась с «чёрной» завистью: второгодницы дразнили меня, устраивали заговоры, подбивали мальчишек, чтобы те меня поколотили. И всё только потому, что я хорошо училась.

В январе 1944 года сняли блокаду Ленинграда и учительница, Екатерина Михайловна с дочкой Женей, уехала в родной город. Со второго по четвёртый класс нас (мальчиков перевели в мужскую школу) вела Клавдия Павловна Воронова (Санкова), она была не только интеллигентной учительницей, но и доброжелательным другом. Учила нас рукоделию, в погожие дни водила на прогулки в лес и поле, учила пению, гигиене. Раз в неделю, назначенные санитарки из класса осматривали головы и воротники платьев — проверяли, нет ли вшей. Первый учебный год запомнился ещё тем, что я попала в больницу. Было это поздней осенью или зимой. Врач посоветовал подлечить меня в больнице,

чтобы затяжной бронхит не перешёл в воспаление лёгких. Мама согласилась, чтобы меня там немного подкормили. В больнице давали кашу, суп, молоко и хлеб с маслом, а мама приносила картофельные лепёшки. Вскоре меня перевели в женскую палату, мест для детей не хватало. Из женщин выделялась одна — ленинградка Аня. Я тоже так её называла, вторя другим, хотя она была старше мамы. Помню, сумерки перед ужином, лампочка еле освещает палату. Аня рассказывает о себе, иногда голос её срывается на плач. Женщины замерли, вздыхают, наверное, тоже плачут. Аня рассказывает о блокаде. Сначала, по ее словам, стали исчезать кошки и собаки, потом — дети. Жители Ленинграда перестали детей одних выпускать на улицу. Однажды в котлетах, купленных на рынке, нашли человеческую кожу с ногтями. У Ани в блокаду умерли мать и отец, потом дети, а муж без вести пропал на фронте. Ано вывозили из Ленинграда на санках, она теряла сознание, все ее вещи пропали в дороге. Ноги у неё были тёмные, толстые. Иногда она просила девушку с ближайшей койки и меня помочь ей. Она мечтала вернуться в Ленинград и встретиться с мужем. Она не верила, что в семье все погибли. Став взрослой, довольно часто вспоминаю ту женщину. Как сложилась её судьба? Встал ли она на ноги?

Солнечный день. Папа приехал из госпиталя весной 1944 года. Пара-ренёк-возчик открывает в кухню дверь из коридора, папа в ушанке и армейском ватнике. На костылях переступает порог... Возчик передаёт маме протез, завёрнутый в мешковину. «Нога» — сразу мелькнуло у меня в голове. Хотелось броситься к папе — так долго мы его ждали, но мы стояли, как вкопанные. Папа выложил из вещмешка на стол какую-то еду. Смотрим на папу — отвыкли от него, а он удивляется, как мы выросли. Прислонивши к столу кости, он гладит мамину изувеченную руку, что-то нежно приговаривает. После возвращения папы появилась уверенность, что всё будет хорошо, что война скоро кончится, что все беды позади. Папа учился ходить на протезе, натирал ногу, но на костылях ходил только дома. Было ему тогда тридцать три года.

Когда в начале 90-х годов уже XX века мы с папой говорили о прошлом, он вспоминал людей, которые сыграли в его судьбе значительную роль. И тогда впервые я услышала от него, в каком настроении он вернулся домой — почти в отчаянии. Землеустроителем работать он уже не мог — из-за инвалидности, по той же причине и мама не могла работать. Папа обратился к председателю райисполкома А.В. Петровичеву за советом, и он предложил ему работать заведующим РайЗо. Далее, узнав о маминой инвалидности и о количестве детей в семье, посоветовал папе написать заявление, обрисовать материальное положение семьи. Нам разрешили приобрести в колхозе корову, в рассрочку. Так летом 1944 года появилась у нас Ракета, которую мы обожали и боялись. Па-

сли коров в стаде, улицей нанимали пастуха, и он утром трелью собирал коров в выгон.

В День Победы мама, разбудив меня, сказала: «Кончилась война!» Хлебные карточки отменили в 1946 или 1947 году. Мама утром будила старших, мы по очереди вдвоём ходили за хлебом, в одни руки давали буханку. Очередь занимали за два часа до открытия магазина. Пока не привезут хлеб из пекарни, в магазин не пускали, люди стояли, прижавшись друг к другу, чтобы немного согреться. Выйти из очереди нельзя: плотно сбитая человеческая масса не впускала обратно, плачь ни плач. У входа в магазин стояли наблюдатели, отгоняющие нарушителей. И вот, когда силы на исходе, притопывание не помогало, из конца очереди доносился крик: «Едет!» Фургон появлялся из-за поворота. Одного фургона хлеба на большую очередь не хватало, ждали следующий — через два-три часа. Все заклинали: «Только бы хватило хлеба из первого фургона!» А ещё надо и в школу успеть.

Весь наш тогдашний мир был огромным и притягательным. И он не казался нам ущербным, хотя беды и голод искали его. Зимой мы выходили из дома, лепили снежных баб, катались на санках, хотя с одеждой и обувью было туда и морозы у нас были крепкие. На исходе февраля, когда солнышко пригревало и в воздухе витали слабые запахи весны, любимой игрой были прятки. Ещё наслаждение — прыгать с крыши сеновала в снег. А утром, перед школой, полагалось сделать кружок по насту, хоть прыгай — снег не провалится. Взрослые это не одобряли. Женщины расстилали по насту бельё — так его отбеливали, для чего поверхность должна быть ровной, без ямок. Иногда вечерами в морозные дни на северной стороне неба мы наблюдали красивые жёлто-зелёно-фиолетовые горы — то было северное сияние.

Летом ходили босиком, часто сажали занозы — от деревянных троугаузов. Прибежишь к маме, отмоешь ногу, вытащишь иглой занозу, смажешь йодом и снова во двор. Летняя жизнь делилась на несколько миров: дом, двор, огород, общение с соседями, поле, лес, «деловые» выходы в центр города — за хлебом, в аптеку, РайЗо, баню.

Для полива огорода с утра носили воду, чтобы она в бочке до вечера нагрелась. Я научилась пользоваться коромыслом, было мне тогда десять лет. С Володей пилили дрова. Брат пытался раскалывать кряжи, но был ещё мал и слаб. Приносили из лесу палки для подвязки гороха, заготавливали веники, собирали землянику, чернику, грибы. И, конечно же играли: в лапту, «кислый круг», шандер», «чижика». Мальчишки катали железные ободы от старых бочек на проволоке, которая служила направляющей для колеса. По всей улице звенели эти колёса, но звон их не оглушал и не нервировал взрослых, благо тротуар и мостовая были деревянными. Вечером мы с Володей из стада приводили корову,

а она иногда не слушалась, пускалась с полдороги обратно. Тогда маме приходилось с кусочком хлеба и прутиком идти за ней.

Вот таким было мое детство в годы Великой Отечественной войны. Я бережно храню память о нем.

Я помню первый день войны

Я помню первый день войны-
Молчание, рыданья.
Тарелки чёрной со стены
Тревожное вещанье.

Суровым дням - нелёгкий счёт.
И всё-то надо справить.
Мужчин страна звала на фронт,
А женщин - тылом править.

Хотя захватчиков орда
До нас не докатилась,
Та всенародная беда
На город опустилась.

От Левитана каждый раз
Мы ждали утешенья,
Но сводки извещали нас:
«Оставлены селенья...

Ожесточённые бои»
Что с нашей почтальонкой?
Вошла во двор, едва стоит:
«Соседям похоронка»

Лихая стужа декабря,
Сбивая с лёту птицу,
Просвет, на запад путь торя,
Несла из - под столицы.

Подспудно в сводках полевых
Шло изменение знака-
Не пятимся. Всё чаще в них:
«Освобождён... Атака»

Тот день по осени пришёл,
С телеги папа машет.
За мамин держимся подол.
Но плачет мама наша.

Сквозь слёзы, голод и нужду
Надежда нам светила.
В военном памятном году
Я к школе подходила.

Писала в госпиталь письмо
Под мамину диктовку.
Отца дождались мы. Домой
Вернулся он с «обновкой».

Вдруг стал высок родной порог.
Костыль ступил вначале.
И маме возчик - паренёк
Протез вручает.

... А ликованье той весны:
«Не тронут больше беды!»
Я помню первый день войны.
И первый залп Победы!

Егорова Анна Дмитриевна

Работа до седьмого пота

Я родилась в ноябре 1925 года в деревне Родионцево, Нерльского района Калининской области. В 1941 году окончила семь классов, 5 июня получила аттестат, а 22 июня началась Великая Отечественная война.

В июле забрали на фронт отца, ему не было и сорока лет, когда он пошёл в бой под Калинградом. В последнем письме он написал нам: «Если я вернусь из боя, командир сказал, пойдёшь в тыл на отдых, на шесть месяцев». В марте 1943 года отец погиб. Прислали похоронку, мы все валялись по полу и плакали.

Остались мы с мамой, нас было пятеро: я — старшая, а младшей сестрёнке — четыре года.

Все жители деревни работали в колхозе. Делали всё вручную. Семилетнему брату мама запрягала лошадь, и он боронил, не один, конечно, были с ним ребята и постарше. Мама работала на скотном дворе. Отправит коров в стадо, а потом идёт на общие работы. Зарабатывали по сто трудодней и всю войну труд больше никак не оплачивался. Есть было нечего, мама толкla головицу от льна, просевала через решето и из этой муки пекла лепёшки. В деревне росли липы. С них весной падали на снег веточки с зёрнами, и сестрёнка с бабушкой собирали их и ели. Всё ели: ёлки, крапиву, клевер, одуванчики. И надо было государству сдать двести литров молока. Денег не было, тогда у нас забрали швейную машинку, которую отец привёз из Москвы. Мама сама нам обшивала. Когда маме принесли семьдесят рублей, она пошла и выкупила нашу машинку.

В 1941 году мне исполнилось шестнадцать лет, а в 1942 году меня отправили на лесоразработки в город Конаково. С апреля по октябрь 1942 года я работала в колхозе. С ноября 1942 по март 1943 года я (из леса на Волгу) возила на лошади, запряженной в сани, шестиметровые брёвна. До места работы нас везли по железной дороге, в вагонах: сначала погрузили лошадей, сани, а потом уж и мы сели. Ехали четверо суток. Привезли нас на станцию «Селижарово», разгрузились и поехали в деревню: нас разместили по домам, а лошадей — по дворам. Потом я опять работала в колхозе.

С января 1945 года была отправлена на пилку дров в город Кимры. В марте 1945 года нас отправили домой. Шли пешком шестьдесят километров. На дорогу нам не дали ни денег, ни хлеба. Шли двое суток,

выбились из сил. Подруге говорю: «Давай зайдём в этот дом». Заходим, сидит бабка и дочь, старичок в углу. Бабка с кухни несёт миску картошки и крынку молока. Мы попросили дать нам по картошке, сказали, что двое суток идём, голодные, из Кимр, там пилили дрова. Бабка миску с картошкой и крынку с молоком унесла на кухню, сказав, что у них нет еды. Идём дальше, стоит плохонький дом. Зашли. Может, бедные добре? Видим, стоит стол и лавка, бегает по дому мальчик, годиков трёх. Выходит старичок: «Девчонки, вы чего?» «Дедушка, нет ли у вас картошечки? — просим мы. — Сутки идём из Кимр, пилили дрова». «Ох, сейчас, где-то в чугунке есть картошка». И несёт чугунок с картошкой. Поставил на стол: «Нате, ешьте!» Мы всю картошку съели: «Дедушка, спасибо!» «А мы ещё наварим», — ответил он.

В апреле 1945 года вернулась домой. Конец войны я встретила в родной деревне и работала в колхозе. С ноября 1952 года живу в Сергиевом-Посаде. С 1952 по 1992 год работала на Скобянке. Весь мой трудовой стаж на одном заводе.

Вот так мы помогали стране победить ненавистного врага!

Ежкова Мария Дмитриевна

Дата рождения 28 января 1937 год.

Великая Отечественная война 1941-1945г нас застала в Назиевстрое Мгинского района Ленинградской области, то есть на рубеже блокадного кольца.

У моих родителей: Нуйкиной Екатерине Васильевне 1912 г.р. и Нуйкина Дмитрия Ивановича 1910 г.р. — нас было четыре девочки: Вера 1932 г.р., Любовь 1935 г.р., Мария 1937 г.р., Надежда 1939 г.р. К началу войны старшей сестре было 9 лет, а младшей Надежде не было и 2-х лет. Мне было 4,5 года.

Папа участник не только Великой Отечественной войны, но и финской компании. В апреле 1941 г папа был призван военкоматом на преподготовку и вернулся с фронта только в феврале 1946г. Военная профессия у моего папы — минер и сапер. Мама, согласно трудовой книжке, трудилась по 28 августа 1941г . Официальная дата начала блокады - 8 сентября 1941г. Дата вывода нас из почти блокадного Ленинграда мне неизвестна, но где-то перед 8 сентября.

Из Ленинграда нас вывезли три семьи: нас троих детей и маму, женщину с тремя детьми и престарелого слепого мужчину в сопровождении жены. Вывозили нас в хлебных узкоколейных вагонах, в которых привезли последний хлеб для Ленинграда. Я помню: стояла мгла, похожая на густые сумерки. Все горело, грохотала военная техника, свистели пули, и бесконечно летали немецкие самолеты, бомбившие мирных

жителей. Люди прятались под кустами, женщины сушили пеленки на кустах, плакали и кричали дети, ползающие по мертвым матерям, некоторые сосали грудь мертвых матерей. Мама защищала нас, как могла, укрывала своим пальто, а иногда ложилась на нас. Дорога из Ленинграда была бесконечно длинной. Железнодорожники спешно восстанавливали разбомбленные дороги, и нас опять везли на восток по неизвестным путям.

Кормилицей нашей была старшая сестра Вера. Она где-то добывала кипяток и приносила в большом зеленом чайнике, иногда кто-то из солдат давали ей буханку хлеба или банку консервов. Мама была бесконечно ей благодарна. В Мордовию мы приехали в декабре 1941 года. В Мордовии был страшный голод, но над нами была крыша, и не было бомбежек. Мама нас привела в домик папиной старшей сестры, где была одна комната и чулан. Старшая сестра тётя Ира проживала тогда в г. Грозном.

Мы не были колхозниками, так как отец мой, дед и бабушка были раскулачены, земли нам в колхозе не полагалось, а в селе без земли голод. В 1942 году маму, как жену повторного фронтовика и орденоносца, приняли в колхоз. Папа имел благодарности от командования в финской компании, медали и орден Красной Звезды по защите Ленинграда. Нам дали кусочек неплодородной земли на грядки, но на этой земле ничего не родилось. Мама работала в колхозе, и мы практически ее не видели.

Воспитывала нас и кормила старшая сестра Вера. Летом из леса несла ягоды, грибы, травы, коренья, липовые листья, которые мы сушили на солнце, делали муку, и сестра выпекала хлеб. Так мы выживали.

В 1945 г. мама, я и старшая сестра заболели тифом. Тиф косил всю деревню. Мама была, как сейчас говорят, в коме, а меня забрали в больницу под карантин на 60 дней. Как мы выжили, знаем только мы и Бог. Ленинградский паёк нам не давали, потому что в эвакуационном листе не хватало одной печати. Уполномоченная по проверке пайков приказала восстановить паёк, но всё равно нам весь паёк не выдавали, вместо муки давали отруби, сахар давали только на младшую сестру Надю и мыло 50%. Так что мы постоянно жили с чувством голода. Мама носила в соседние села папины, бабушкины и дедушкины вещи, меняла на картошку и зерно. Зерно мололи на ручной мельнице и вперемешку с липовыми листьями пекли хлеб. Порой хлеб пекли только из липовой муки.

Папа вернулся с фронта в феврале 1946 года. Работал на разминировании блокадного кольца. Почему-то папа вернуться в Ленинград отказался, видимо остались страшные воспоминания от похорон трупов в Ленинграде. Папа уехал в Грозный, где жила его старшая сестра, а затем прислал вызов, и мы поехали в Грозный.

В школу в Грозном мы пошли переростками, так как мы потеряли по 2 учебных года.

В Мордовии нас дразнили «русские», а в Грозном - «мурда». Мы же были детьми, и в душе всегда оставалась обида и душевная травма.

Так прошли военные годы, и началась мирная жизнь с папой и мамой.

Папа умер на 64-м году жизни в 1973 г. Пережив коллективизацию, две войны, сердце его не выдержало: умер от инфаркта. Маму вывезли из Грозного на Кубань к Любке в первую чеченскую войну, где она ушла из жизни в 2002 г. на 90-м году жизни.

Родители наши были глубоко порядочные люди и учили нас добру, честности и порядочности. Низкий поклон им, что они нас воспитали такими.

Емануилов Алексей Филиппович

Я, Емануилов Алексей Филиппович, 1942 года рождения. Мой отец, Емануилов Филипп Дмитриевич, был призван на фронт и пропал без вести в марте 1942 года. Отец не знал, кто у него родился. Мама воспитывала меня одна. Жили в доме отца, в деревне Григорово. Мать работала в колхозе: в поле на лошадях пахала, сеяла. Получали трудодни (палочки). В хозяйстве были ткацкие станки, скот. В войну и после голодали, ели всё со своих грядок. Ели картошку и животы были как стеклянные. Помогали матерям в поле. В школу ходили за 1 км. Бедность и неоплата труда заставили уйти в город. Потом армия и работа в НИИХИММАШе. Токарем отработал более десятка лет.

Емануилова (Георгиевская) Валентина Николаевна

Я родилась в Московской области Константиновского района, в д. Лихенино. В семье мама - Георгиевская Александра Фёдоровна, папа - Георгиевский Николай Петрович и сестра.

Началась война, и папу взяли через 2 дня на фронт. Мама работала в колхозе. В то время за труд ничего не платили. Осенью родилась я, и проблем прибавилось. Со мной практически целыми днями сидела старшая сестра. С нами жили бабушка и дед. Бабушка старалась чем-нибудь нас накормить. В деревне не было света и радио, мы не знали, что вокруг делается. Когда мне исполнилось 5 лет, я стала понимать, как трудно живётся людям. Появилось много нищих, просили хлеба, картошки. В деревне было много детей, и летом сами питались - домой

принесли ягоды, щавель, грибы. Осенью собирали на поле мороженый картофель, и бабуля умудрялась с мукою печь лепёшки.

В школу я пошла в 8 лет. Она находилась в 2-х км от дома. После школы шли в поле собирать колоски, помогали убирать урожай свёклы, моркови, картофеля. В колхозе работали наравне со взрослыми. Всё время хотелось есть. В школе была очень хорошая учительница, она старалась что-нибудь дать нам: то кусочек сахара, конфетку-подушечку, лепёшку одну на всех, и за это — спасибо. Письма от папы получали редко, а, получив, плакали и читали несколько раз.

Окончив 4 класса, я пошла учиться в Константиновскую школу, в 5 класс. Учились хорошо. Школа находилась в 10 км от дома. Осенью и весной ходили домой каждый день. Вставали в 5 часов утра и приходили в 4 часа вечера. С собой брали по 0,5 литра молока и 2 лепёшки. Зимой снимали квартиру. Хозяйка готовила нам скромный обед. Любимой едой был заварной кисель с кусочком хлеба. Я могла его есть постоянно. У мамы денег не было, приходилось на всём экономить. Каждое лето я работала с мамой на ферме.

Папа после войны домой вернулся не сразу — он был в армии полигоном танковой дивизии. Дошёл до Берлина и расписался на Рейхстаге. Его дивизию оставили в Германии после войны. По словам папы, опасности там было больше, чем на войне. Немцы ненавидели русских солдат, и каждый мстил, как мог. Демобилизовался папа в 1955 году.

Школе я была председателем совета дружины, секретарём комсомольской организации. Мечтала стать педагогом. И я им стала! 14 лет работала в Богородской сельской школе. В 1974 году перешла работать в детский сад заведующей, проработала в нём 33 года. Пользовалась любовью и уважением родителей и ГОРОНО. Детей люблю больше жизни. Несмотря на трудные военные годы, мы выжили, выросли и стали хорошими людьми.

Емануилова Валентина Петровна

Я родилась в деревне Колычево, что в Ступинском районе. Мой отец, Пупков Петр Сергеевич, пропал без вести в войну. Мне было всего один месяц. Мать родила меня в поле. В то время все работали, женщины за себя и за своих мужей, ушедших на фронт. Наша деревня была расположена у железной дороги Москва — Воскресенск, по которой шло снабжение, вывозили раненых в госпиталь в соседней

деревне Петрово. Бомбили железную дорогу, бомбы падали и на нашу деревню. Люди потом прятались в ямах от бомб.

Помню голод: я собирала мерзлую картошку, из неё пекли блины, собирали лебеду на суп. Бегала с другими детьми на скотные дворы и просили у рабочих жмых (корм для скота). Мать работала в колхозе за трудодни (палочки), осенью на них зерно выдавали, сено, крупу. Ездили на мельницу молоть крупу, из муки пекли хлеб. Муки было мало, растягивали её на весь год. Держали овец, от них шерсть — она шла на носки, варежки. Мать до ночи работала, потом прядла шерсть на прядке, которая сохранилась на родине до сего времени. Праздником была Пасха. Тогда нам шили платья и пекли пироги. В детстве я помогала в огороде, смотрела за хозяйством. Носила воду из колодца, а оно было больше меня, ведро-то. В школу ходила за 1,5 км, ещё ходила собирать колосья в поле после жатвы. Молотили тогда зерно цепами, сушили в сушилке, мы, дети, перелопачивали зерно, чтобы оно не сгорело. Вот тогда мы могли пожевать и зерно. Каникулы проводили в поле с матерями.

Была секретарём ВЛКСМ, за выращенную кукурузу награждена приёмником. В Загорске — с 1959 года, жила у сестёр моего отца. Вышла замуж за такого же сироту. Его отца также не стало в годы войны. Сейчас мне 72 года, а нищета так и осталась с нами. Даже земли от отца мне не принадлежат. Купленный участок 225 кв.м превратили в участок 160 кв.м. Вот так заботится о сиротах местная власть. Являюсь ветераном труда, почетный донор, 46 лет живу на ул. Пионерской, построенный сарай за мой счёт — сломали, а ведь он был дан вместе с комнатой, т.к. у нас нет подсобки, балкона.

Вот такая жизнь пенсионерки, дочери погибшего за Родину отца.

Епифанова Тамара Васильевна

Я, Епифанова Тамара Васильевна, родилась 11 августа 1936 года в деревне Леоново Загорского района Московской области. Когда началась война, мне было неполных 5 лет. Жили мы в 1-м км от железной дороги. А в 3-х км от нас находилась станция Бужаниново, через которую проходили поезда. В 9-ти км располагался военный завод (Краснозаводск), откуда отправляли оружие на фронт. Поэтому немецкие самолеты старались разбомбить железную дорогу, чтобы уничтожить все, что везли на фронт. Я видела, как со страшным гулом немецкие самолеты прилетали и бом-

били! Но им не удавалось разбомбить железную дорогу. Воронки были по обочинам. Я до сих пор помню, как маленький самолёт сбрасывал бомбы, а мы испуганно смотрели в окна. Ночью окна были затемнены, и мы в щелочку смотрели, как прожекторы ловили самолёты, а зенитки сбивали их. Но однажды немецким самолётам удалось разбомбить состав, который вёз продукты на фронт. Это было в 1-ом км от нашей деревни.

У нас семья была большая, 5 человек детей. Есть было нечего, поэтому старшие братья 12-ти и 10-ти лет бегали на место, где валялись продукты, и собирали. Продукты были американские, брикеты с кашей и сухой омлет. Все тогда казалось такой вкусной едой, потому что голодали. Это было зимой, продуктов почти не было. А когда пришла весна, то мы с ребятами ходили по полям, собирали гнилую картошку, и мама из серого крахмала делала лепешки (тошнотики), т.к. муки не было, чтобы обвалять хотя бы эти лепешки. А как появлялась зелень, то мы всё употребляли: щавель, дудки, черемуху. Потом ягоды, орехи, грибы.

В школу я пошла в 1944 г. Портфеля не было, мама из брезента сшила мне сумку, а тетради делали из бумаги серее мешков, разлиновывали и писали. Зимой было очень холодно, чернила замерзали в чернильницах. В 1948 г. мы переехали в Загорск, где я училась в школе КИМ №3. Пока мои родители оформляли дом, я жила с хозяевами дома, спала на полу, а еда моя была картошка в мундире и хлеб с маргарином. Школьной формы у меня не было, мама сшила платье из коричневой ткани (х/б). Я вставала рано утром и перед тем как идти в школу, шла занимать очередь за хлебом.

Еремеева Лидия Федоровна

Жаворонки прилетели

Эту историю знаю всю свою жизнь. В разное время мне ее рассказывала моя мама, мамина сестра и когда-то сама бабушка. «Жаворонки прилетели» - этими словами эта история заканчивалась всякий раз.

Война украла не одно детство, она вошла в каждый дом, постучалась бедой, похоронкой, отчаянием, одиночеством. Моя бабушка стала вдовой в 25 лет в 1938 году, еще до войны умер ее муж Федор. Дедушка умер в октябре, а через пять месяцев родилась их младшая дочь. Спустя 2 года и 5 месяцев началась война.

Бабушка совсем не была похожа на некрасов-

скую женщину, которая коня на скаку остановит. Ей было очень страшно за детей, за себя, за завтра.

В 1943 году бабушка заболела менингитом. Из больницы ее выпи- сали умирать. «Маму вашу везут» - постучалась соседка в окно. Ребяташки, а их у бабушки было четверо, младшей 4 годика, старшей 10 лет, высыпали на улицу босиком по талому снегу, по лужам. Какие это пустяки – босиком. Маму везут, мама дома.

Маму везли на телеге, которую тащила тощая лошадка. Внесли в комнату на носилках. Стали собираться соседи. Кто-то принес несколько картошин... сейчас картошка сварится, закипит чайник и будет пир, главное, что мама дома. То, что мама может умереть в любое время, дети, конечно, не догадывались, не думали. Наоборот, теперь все будет хорошо, ничего плохого при маме не случится. Вот полежит мама немного и встанет.

Детишки и не догадывались, что соседи приходили прощаться с мамой, что крестная привезла новое погребальное платье и что совсем скоро они станут сиротами.

У бабушки были очень красивые, густые волосы, коса ниже пояса – ее гордость и краса. Стала в то время у бабушки сильно болеть голова, да так, что каждый волос казался ей пудровым, мешал, давил, тянул к земле. Чтобы облегчить хоть как-то головную боль, обрезали косу и обрили голову наголо. Но страшнее была душевна боль за детей.

Думаем сейчас, пожалев маленьких детей, Бог послал ангела в образе худенького стариечка, который спас бабушку от неминуемой смерти. Этот стариочек с белой бородой спросил: «Может, и меня чем угостите?» Кто-то протянул ему горячую картошку. Посмотрев в бабушкину сторону, стариочек сказал: «Горе, гляжу, у вас». Подошел к постели больной, а у бабушки глаза утонули от боли и муки, слезы катились по щекам, губы были иссушены в кровь. Поняв историю болезни, стариочек попросил срочно найти глину. Когда достали нужную глину, стариочек сам, закатав рукава, замесил глину, растирая мелкие комочки между пальцами. Потом рассказал, как прикладывать к голове, когда снимать высохшую глину. И что самое удивительное, никто не видел, как стариочек появился и куда пропал.

По совету стариочка, стали прикладывать глину к голове бабушки. Через каждые 20 минут глина крепко высыхала, и ее меняли. К вечеру того же дня бабушке стало легче, а через пару дней больная поднялась с постели.

Выздоровев, бабушка днем работала на заводе, а по ночам на вокзале разгружала вагоны: мешки, ящики, уголь. Тогда ей не думалось, что такая работа ей не по плечу. Она знала, что дома ее ждут четверо маленьких детей, которых нужно накормить, одеть и обуть.

Уставала бабушка так, что не было сил даже говорить. Она приходила под утро, чуть живая, падала на стул. Ребяташи помогали снимать сапоги, размотать платок, стояли около мамы и гладили ее по голове. А ей нужно улыбнуться, нужно найти ласковые слова для своих детишек. Сидя на стуле, мама засыпала от усталости, и, казалось, в ту же минуту начинал греметь заводской гудок. Нужно себя заставить встать и идти на смену. Время было военное, всем было трудно.

Мама, вспоминая свое украденное детство, говорила, что они, дети, не думали, что голодно, холодно, что жить трудно. Так жили почти все. Были, конечно, и радости в играх, в природных явлениях. Например, солнышко теплое, после суровой зимы, пробуждение природы – зеленая травка, появление подснежников и прочие радости. Не беда, что одна пара сапог: одной сестре – правый, другой сестре – левый, допрыгать до соседнего крыльца, до теплых от солнышка ступеней. Еду детишки добывали, как могли, пока мама была на работе. Бывало, раздобудут картофельные очистки, сядут вокруг печки, прилепят их к горячей дверке. Очистки зажаривались, падали в ладошки оголодавших детей (мама говорила, что было очень вкусно).

22 марта отмечали раньше на Руси праздник весны «Жаворонки». В этот праздник бабушка пекла маленькие булочки в виде птичек. Это был счастливый праздник для маленьких ребяташек!

Каждый раз у тех, что слушает эту историю, как в кино, возникает перед глазами картина, как бежит домой молодая женщина, с коротко стриженой головы платок сбился, руки прижимают к груди бумажный кулек, глаза лучатся радостью. Вот она открывает дверь, проходит в комнату, где в предрассветном сумраке на двух кроватях спят ее сокровища. Она прислоняется спиной к чуть теплой печке и чуть слышно (чтобы детей не напугать) говорит: «Ребяташи! Просыпайтесь! Жаворонки прилетели!».

Ерёмина Валентина Кирилловна

Я родилась 3 февраля 1934 года в местечке под названием «Санаторий им. Загорского». После окончания Подсосинской семилетней школы (в трёх километрах от пос. Лоза), поступила в Ногинское педагогическое училище, которое окончила с отличием и поступила в Коломенский педагогический институт на историко-филологический факультет. После окончания института без перерыва проработала в сельских школах Загорского района 53 года: в школе №26 посёлка Реммаш, в Самотовинской и Шабурновской школах. Хочется вспомнить эпизоды военных лет, которые сохранила детская память.

Вспоминаются учителя школы, которые, как и учебники, были

единственными источниками информации, так как радио и газет не было в нашей сельской местности. Я с огромной благодарностью вспоминаю учительницу русского языка Сигову Нину Максимовну, учительницу математики Баранову Анну Фёдоровну, биологии, химии и немецкого языка Филиппову Евдокию Сергеевну и директора школы, пришедшего после демобилизации с фронта в 1944 году, морского капитана II ранга Самсонова Василия Васильевича, который в морской офицерской форме вёл уроки истории, запомнившиеся мне на всю жизнь. Увлечённо рассказывал про Древний Египет, Древний Вавилон, про Навуходоносора. Эти слова звучали тогда, как что-то необычное. С тех пор непреодолимый интерес влечет меня ко всему историческому. А уроки проходили у нас в коридоре школы, где стояли парты, так как в здании школы было только 2 классных комнаты. Учились в две смены. Дети ходили за 5-6 км в Подсосинскую школу: из деревень Вихрево, Охотино, Новосёлки, Бревново, Шарапово, Тураково и др. Были уроки военного дела, которые проводил офицер, пришедший с фронта, Тоскин Н.А. Мы учились стрелять (и это в 6-7 классе) даже в положении лёжа. В зимнее время, когда рано темнело, он детей провожал до дома, хотя это не входило в его обязанности. Мальчишки были в восторге: два боевых офицера в школе!

Вспоминается запах хлеба, который распространялся на всю комнату и лежал на столе, накрытый тряпкой. Хлеб давали по карточкам: 400 г – рабочим, 200 г – иждивенцам. Карточки были разного цвета: зелёные – рабочие, жёлтые или розовые – детские и напоминали почтовые марки. В годы войны голода я не помню, был огород, держали коз, кур, отоваривали продовольственные карточки, так как иногда на них давали крупу, сахар. Самые голодные годы – это 1946-1947 – послевоенная разруха усилилась неурожаем 1946 года. Помню, мама дала мне задание – вскопать грядку, но силы скоро оставили меня, лежу на меже, смотрю на небо, голова кружится, в животе урчит. Соседка, проходившая мимо, дала мне картофелину. Люди раньше были добре, гуманнее.

Моё детство, совпавшее с годами Великой Отечественной войны, прошло на территории нынешнего поселка МООСО, где до войны находился туберкулезный санаторий им. Загорского.

Несколько эпизодов начала войны я отчетливо помню. В лето 1941-го санаторий переоборудовали под госпиталь, готовили к встрече раненых, хотя война была еще далеко у западных границ. Видно, уже тогда предвидели, что враг дойдет до Москвы.

Второй эпизод. Сентябрь 1941-го. Иду в Подсосинскую школу по полевой дороге, а навстречу ползут бронированные чудовища, танки, и от них некуда спрятаться, кроме как за телеграфные столбы. Со страшным грохотом и лязгом танки едут дальше, а маленькие фигурки испуганных детишек жмутся к обочинам от этих никогда не виденных железных машин. Ведь до войны на всю округу, на два колхоза, была всего одна машина «полуторка».

Далее мои воспоминания касаются эвакуации. Примерно в октябре 1941-го госпиталь принял первых раненых. Моя мать была медсестрой, получила военный билет, где было записано «рядовой». Потом госпиталь перевели в Лавру, а через несколько недель, когда враг полукольцом окружил Москву, нас погрузили в теплушки, и мы долго двигались на восток.

Помню, где-то в районе Волги нас бомбили. Мы выскочили из вагонов, скатились по железнодорожной насыпи и легли на землю. Рядом с нами лежали легкораненые в бинтах и халатах, а тяжелораненые остались в вагонах. Когда фашист улетел, мы, дети, считали отверстия от пуля в стенах своих теплушек. Вдоль стен в них стояли нары, в центре – большой самовар, около которого всегда было мокро. Однажды, поскользнувшись, я упала и больно ударилась виском о его край.

На узловых станциях нас «формировали» – прицепляли к эшелону с ранеными, к разным поездам, идущим на Восток. За Уралом мы повернули на юг. Помню, что проезжали Актюбинск, Алма-Ату и Уш-тобе. В этом затерянном в казахских степях посёлке санитарный поезд загнали в тупик, где мы стояли до тех пор, пока не пришёл приказ возвращаться. Это случилось после разгрома немцев под Москвой. В родной Загорск эвакогоспиталь добирался ещё долго. Всё это время я не училась, отстала от школы. Помню, как одна медсестра читала со мной букварь, сидя на нарах теплушки. В школе мы учились в не отапливаемых классах, зимой не раздеваясь. Чернила замерзали в чернильницах – непроливайках, которые мы носили в особых мешочках – кисетах, привязанных к сумкам с книгами и тетрадями. Сумки были от противогазов – матерчатые, в фиолетовых пятнах от пролитых чернил. Тетради сшивали из серой оберточной бумаги.

И, конечно, помню, как все люди ждали окончания войны, сначала в 1942-м, потом в 1943-1944 годах, ходили к гадалкам. После госпиталя в зданиях бывшего санатория разместился детский дом для детей – инвалидов. Я помню детей без одной или обеих рук, с лицами, в которых въелась пороховая гарь. Всех их везли с территорий, освобожденных Красной Армией. В основном это были мальчики. Их протезировали, из Москвы приезжали ортопеды. Перед глазами у меня такая картина: по полю на одной ноге скачет детдомовец, в пустой штанине брюк –

картошка, выкопанная на колхозном поле. За ним едет на лошади бригадир и никак не может догнать. Детдомовцы были грозой окрестных полей и огородов. Но это уже другая, послевоенная история.

Ерошкин Виктор Григорьевич

Когда началась война, мне было 10 лет. Мужчины все были на фронте, остались в селе только старики, женщины и дети. В 10 лет ходил бороновать, а позже и пахать. Жил у нас мастер из Краснозаводска, так вот он сделал плуг для меня, чтобы я мог работать. И я пахал. В 1943 году поступил на учебу в ПТШ. Помню, сначала нам выдавали продукты на дом: шпик, мясо в банках, рыбу. А потом в 1944 открылась столовая, и продукты уже поступали туда, и нас кормили 3 раза в день, это в войну то. И одежду нам давали, по виду на советскую не похожа была. Поговаривали, что снабжение было из Америки, а, правда, нет, не знаю.

За продуктами ездили в Сергиев Посад каждый месяц. Вот случай был, взяла меня и Виктора Стулова, он был чуть старше меня с 1928 года, с собой кладовщица, тетя Маша Шишова, в город за продуктами, загрузили на подводу уж после четырех часов дня и поехали. А из Посада было две дороги на Ченцы и Краснозаводск. Так вот, мы поехали на Ченцы. Отъехали от Сергиев Посада чуток, один километр примерно, тут на нас и напали 4 парня на конках, один из парней схватил верхний мешок с чаем. Я изловчился, дал подножку ему, он упал, и лицо в кровь разбил, так они и отстали. Побоялись мы ехать дальше и решили вернуться назад в город. Когда разворачивались, сломалась оглобля, ну бревно такое, которое крепится к телеге. Так мы назад всю дорогу придерживали плечом ее. Так и добрались до Дома колхозника, разгрузились, починили подводу и спать легли. А рано утром поехали дорогой, что на

Краснозаводск ведет, а нас уж разыскивают.

Мы не только учились, наше дело было накосить траву, просушить и в скирды сложить. В совхозе скотина была, так наше дело было заготовить сено для всего скота. Картошку сажали и копали. Все были заняты делом, озоровать некогда было.

Село наше не бомбили, но, видно, диверсантов забрасывали. Рыжовы нашли ящик, в котором были гранаты, оружие и шоколадки. Так они в доме это под столом держали. Как подумаю, что было бы, если бы рвануло.

Ерошкин Николай Сергеевич

Родился в 1935 году в деревне Богородское Загорского района. На фронте погибли родственники: Ерошкин Григорий Матвеевич, Ерошкин Михаил Матвеевич и Ерошкин Анатолий Григорьевич.

Когда началась война, мне было 6 лет. Семья у нас была большая, 9 человек: отец Ерошкин Сергей Матвеевич 1907 г.р., мать Ерошина Евлампия Герасимовна 1909 г.р., бабушка Прасковья, отцова мать, отцова сестра Александра и нас пятеро детей: Антонина 1929 г.р., Лидия 1933 г.р., Валентина 1938 г.р., Римма 1941 г.р. и я. Отец и его сестра Александра работали в городе Краснозаводске. До Краснозаводска было 9 км, они с жителями нашей деревни ходили туда и обратно пешком. Мать работала в колхозе на скотном дворе по уходу за телятами, я ей помогал пасти их.

В 1941-1942 годах всех мужчин забрали на фронт, остались только старики от 70 лет и старше. Вся работа в колхозе легла на плечи женщин и подростков. Подростки работали наравне с женщинами. Косили траву, бороновали на лошадях поля, молотили и веяли рожь, пшеницу, овёс, поливали поля со свёклой, капустой, морковью, турнепсом. Весь урожай в основном сдавали государству – для войны, оставляли только на семена и мизерную часть делили на трудодни колхозникам. Шли годы войны.... С продуктами питания из года в год было всё хуже. Было плохо очень с хлебом. Жители деревни жили в основном за счёт домашнего хозяйства. У кого были коровы, овцы, козы и куры, сдавали госпоставки: молоко, мясо, яйца, шкуры. Сколько - я не помню. Мы вместо хлеба пекли картофель из мяты картошки с молоком. Вся эта картошка пеклась в печи на сковороде, резалась кусками и ели её со свёклой, брюквой и тушёной капустой. Собирали на полях колоски

ржи и пшеницы, мололи в жерновах, пекли лепёшки. Весной с картофельных полей после вспашки собирали оставшуюся после зимы промерзшую картошку и тоже пекли лепёшки, которые назывались «тошнотиками». Всегда хотелось есть. Собирали полевой щавель, крапиву – варили щи. Ещё ели дудки, корни репея жарили, пестуш – хвош полевой, корни осоки из реки, которая растёт в оврагах и цветёт весной красивыми колокольчиками. Мать со скотного двора приносила жмы, которым поили телят.

В 1942 году мы с бабушкой и все колхозники убирали картошку, свою норму, когда над полем появился самолет с чёрными крестами на крыльях, простоял очередь, все колхозники легли на землю, но никто не пострадал – он ни в кого не попал, сбросил много листовок и улетел. В тот же день он сбросил две бомбы в Краснозаводске. Были раненые и убитые. При этой бомбёжке погибла девушка из нашей деревни Максимова Нина.

От отца письма с фронта приходили очень редко. В деревне стали получать похоронки о погибших. В 1943 году после Сталинградской битвы отец прибыл в город Одинцово на пополнение. Нам пришла телеграмма, и мы с матерью поехали в Одинцово его навещать. Когда мы с ним встретились, от его одежды пахло гарью, лицо было чёрное. Мы с ним пробыли целые сутки. После Сталинградской битвы от отца письма стали приходить чаще. В одном из них было написано, что он был легко ранен. Отец пришёл с фронта 26 декабря 1945 года. Он награждён пятью медалями: «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», остальные я не помню, они куда-то девались. Осталась одна медаль «За отвагу», которая хранится у меня до сих пор. С приходом отца с фронта жизнь у нас дома стала лучше.

Ерпылева Галина Павловна

Недалеко от старинного села Шеметово, среди дубравы, раскинулась деревня Сахарово. В этой тихой деревушке родилась девочка Гала.

У ее родителей Павла Герасимовича и Евдокии Георгиевны было пятеро детей. Когда Гале было семь лет – началась Великая Отечественная война.

Восьмилетняя девочка ходила в лес за грибами и дровами. Ее хрупкие плечи еле удерживали вязанку хвороста. Чуть более одного километра от деревни протекает речка Сидоровка, из которой она носила воду для домашнего хозяйства.

Наступали осенние дни. На колхозных полях нужна была помочь по сбору картофеля, свеклы, моркови. И Гала вместе с другими ребятами убирала урожай.

В 12 лет девочка самостоятельно крыла дранкой крышу своего дома, для скрепления забивала маленькие гвоздики. Ее мама на животноводческой ферме ухаживала за овцами, ягнятами и телятами.

В январе 1943 года вернулся домой с фронта тяжело раненный отец. Работал он председателем колхоза. Инвалидность сильно скрывалась на работе бывшего фронтовика.

Между тем, девочке надо было учиться. Путь к знаниям для Гали проходил по школам сел Аким-Анна, Шеметово и Константиново. Учебу совмещала с работой не только дома, но и на колхозных полях и животноводческих фермах. И к тому же тяжело было с питанием. Это зависело от урожая на овощнике и сбора ягод и грибов в лесу.

Но упорству девушки не помешали житейские тяготы. Она с успехом окончила техникум в городе Ивантеевка. Много лет отработала швеей, но по необходимости помогала на других производственных участках. За добросовестный труд у Галины Павловны много почетных грамот и благодарственных писем.

В свои молодые годы она встретила спутника жизни – Николая Афанасьевича. Он не только среди своих односельчан, но и далеко за пределами села славился, как хороший столяр. Они вместе построили свой небольшой, но уютный дом в Константиново. Горько было Галине Павловне, когда из-за болезни раньше времени ушел из жизни ее любимый муж. Но дети и внуки всегда рядом и никогда не дают ей скучать.

Женина Анна Петровна

Я родилась 22 марта 1930 года в деревне Подмошье Батуринского района Смоленской области в семье колхозников. Деревня наша была небольшая – всего 25 домов.

Перед войной мои родители Кожуровы Пётр Михайлович и Федосия Илларионовна отстроили новый дом, но старый дом тоже оставили. Два этих дома соединяли сени.

В новом доме жили: родители моего отца, отец, мать, я и мой брат. В старом доме жил брат отца Кожуров Григорий Михайлович 1913 года рождения и его жена. Мои родители работали в колхозе, а дядя Гриша был председателем сельсовета. Жили в колхозе перед войной хорошо. Имели участок земли 30 соток. В каждом доме была корова, пороссята,

овцы, куры. В колхозе сеяли зерновые: рожь, овес, пшеницу, ячмень, но главной культурой был лён.

За отработанные дни давали зерновые, которые мололи на водяной мельнице и превращали в крупу и муку. Мельница стояла на реке Оль недалеко от деревни. Так же давали на трудодни лён. Из льна получали семя, из которого били масло. Из трясты льна получали нитки и холсты для одежды. Самопрялки и ткацкие станки были в каждом доме. Со льном женщины занимались зимой, когда не было работы в колхозе. В колхозе была конюшня и скотный двор, где стояли коровы. Мы, дети, ходили в школу за два километра от дома. Я пошла в школу в 1938 году. Когда был сильный мороз, нас возили на лошадях, запряженных в сани. Летом мы помогали родителям ухаживать за огородом. Но в основном мы ходили на речку купаться, ловить рыбу. Ходили в лес за ягодами и грибами. Играли в детские игры, ведь мы были еще детьми. В деревне не было ни радио, ни электричества. Мы и дома и в школе находились с керосиновой лампой.

В 1941 началась война. Мы были на речке, а когда пришли домой, увидели, что все население собралось в одном месте около нашего дома и говорили о войне. Тогда еще не могли представить, что нам принесет это страшное слово «война». Все были уверены, что война скоро кончится, победа будет за нами. Примером того была война с Финляндией, которая быстро завершилась.

Через три дня на войну взяли отца. Дядю Гришу оставили в тылу. Он должен был подготовливать базу в лесу для партизан. Уже тогда руководство райкома предполагало, что в тылу врага придется создавать партизанские отряды. Женщины, в том числе и моя мать, ездили на трудфронт копать траншеи под Вязьмой. За ними рано утром приходила машина и поздно вечером привозила домой. Так продолжалось около двух недель. Мать утром поцелует нас и уезжает, а вечером, когда она приезжала, мы спали. В это время всех лошадей забрали в армию для конницы Буденного. Колхозных коров угнали в тыл. В конце августа нас оккупировали немцы. 1 сентября мы в школу не пошли. Наши каникулы продолжились два года. Детство наше закончилось.

У нас в колхозе был посеян горох, его успели убрать. Но мы ходили в поле собирать горох, который там еще остался. Немцев в нашей деревне пока не было. Однажды мы пошли в поле за горохом, вдруг летит

немецкий самолёт. Он летел так низко, что было видно лицо лётчика. Мы легли на землю, он в нас не стрелял, но подняться с земли тоже не давал. Затем самолёт улетел далеко, мы его почти не видели, но как только мы поднялись с земли и побежали в сторону поля, самолёт вернулся обратно, и так было несколько раз. Нашу деревню немцы заняли без боя. Только самолёт сбросил две бомбы около деревни. У нас около дома был приготовлен окоп, мы в нем спрятались. Немцы ехали на машинах и мотоциклах. Сразу заняли наши дома, нас выгнали на улицу. Мы, четыре семьи перешли в баню. Баня была большая, но топилась по-чёрному. Немцы отобрали девчат по два человека в каждый дом, чтобы им прислуживать. Девчата варили картошку, мыли полы. Они и для нас готовили картошку, ведь мы в бане сидели голодные. Картошку нам приносили в решете. Один немец следил за ними, дал им возможность подойти к бане. Около бани он взял у них решето, высыпал картошку на землю и размял ногами. Но всё же девушкам удавалось принести нам еду.

Эти немцы были у нас недолго. Они уехали в сторону Москвы. В это время партизанские отряды уже сформировались. Я помню название только двух отрядов, они были сформированы из местного населения и бойцов, попавших в окружение. Отрядом имени Фрунзе командовал мой дядя Гриша. Ещё был отряд Котовского, но фамилию командира я уже не помню. Были и другие отряды. Корову мы отдали в партизанский отряд. В конце 1941 года опять нашу деревню заняли немцы, они вновь шли в сторону Москвы. Зима 1941 – 1942 года была очень суровая, выпало много снега. Немцы заставляли население расчищать дорогу по ходу их продвижения. Партизаны не давали покоя немцам, нападая на них. После ухода этих немцев к нам пришли карательные отряды. Они вели борьбу с партизанами. Это были звери, изверги, садисты. Они очень плохо обращались с населением. Деревню Овсянники, которая стояла в километре от нашей деревни, немцы освободили от жителей. Жителей одной половины деревни согнали в ров и расстреляли, другую половину жителей угнали в Германию. В этой деревне жили каратели. Партизаны иногда попадали в плен, и немцы сильно издевались над ними. Они уничтожали и партизанские семьи. Наша семья: дедушка, моя мать, я и мой брат – считалась партизанской. Но нас никто не выдал, хотя вместе с немцами были и белорукавники. Это были изменники Родины, они носили белые повязки на рукаве. На улицу нам было выходить запрещено. Когда немцы проходили по деревне, они расстреливали жителей, которые были на улице в это время. Мирных жителей погибло очень много, ведь надо было выходить на улицу за водой. Хоронить убитых немцы не давали, так трупы людей и валялись. У моего дедушки в деревне жил родной брат со своей женой.

Они были старенькие. Шли к нам днём. В это время по деревне шли немцы. Они убили их прямо около своего дома. Хоронить было нельзя. Их трупы очень долго валялись на улице.

У нас был выбран староста, его на войну не взяли, потому что по годам не подходил. В нашем доме жило четыре семьи жителей, потому что не так было страшно вместе.

Картошка и капуста у нас были. Но у нас не было соли. Откуда-то появилась калийная соль, мы замачивали её и этой водой солили суп. У нас не было спичек, что бы топить печь, но дрова были. Они были заготовлены заранее, перед началом войны в большом количестве. Огонь получали так: из двух небольших камней высекали искры и зажигали лучину. Лучину получали таким образом: сушили берёзовые поленья в печке, затем эти поленья расщепляли ножом на тонкие палочки. Этой же лучиной мы освещали дом. Керосина у нас не было. Лучину закрепляли горизонтально к полу и ставили ведро с водой на пол, чтобы пепел падал в ведро. В общем, было у нас в доме и светло, и голодно, и холодно.

Немцы в деревне Холопово, что в пяти километрах от нас, расстреляли весь мужской пол независимо от возраста. Из той деревни к нам лесом прибежало три парня. Тогда ночью партизаны забрали их в отряд, а ещё моего дедушку и братика. Моя мать была связана с партизанами.

Немцы предпринимали разные способы борьбы с партизанами. Они решили согнать большое количество населения в отдельный дом. Где-то достали холст льняной, сделали квадратные лоскуты и написали на них номера. Нам приказали их пришить на верхнюю одежду к груди. Предупредили, что увидят без лоскута, сразу расстреляют. А у нас и дедушка, и братишко были в отряде. Вдруг они ночью придут домой? Мать моя предупредила старосту о том, что они ушли в деревню к родственникам. Староста сказал об этом немцам. Дедушка с братишкой вернулись домой и им дали номера. Проверяли нас немцы часто, но в нашей деревне не жили. Весной 1942 года мы посадили немного картошки.

В конце 1942 года немцы угнали в Германию часть населения, мать нашу тоже забрали. Остались в деревне только старики и дети. Остались четыре женщины, у которых были маленькие дети. Немцы уже отступали, но в тылу у них находились партизаны, которые сильно их беспокоили. Тогда они всерьёз решили покончить с партизанами. Они взяли жителей из некоторых деревень, которые находились близко от леса, и погнали их в лес впереди себя. Была и авиация. Самолёты бомбили лес. Стрелять партизаны не могли, потому что только бы боеприпасы тратили на убийство населения. Очень много погибло партизан и мирных жителей. Те партизаны, которые остались в живых, покинули

лес и разбрелись. Небольшими группами спаслись в перелесках. Ночью партизаны заходили в деревню, стучались в окно, просили что-нибудь из еды, мы давали только варёной картошки, больше у нас ничего не было.

Дядя Гриша – командир отряда, приходил к нам ночью за едой. Когда не было у нас немцев, дедушка ставил длинную палку в снег за огородом. Это был знак – немцев нет.

В нашей деревне, через несколько домов, жила с детьми dochь дедушки – Ольга. Она пекла лепёшки из картофеля для дяди Гриши. Мы с Лидой, дочерью Ольги, ночью от нас ползли к ним домой по снегу, завёрнутые в белый холст, чтобы немцы не заметили нас из противоположной деревни. Забирали еду и обратно возвращались домой ползком. Однажды ночью дядя Гриша пришёл к нам, вдруг братишко мой, наблюдавший за дорогой, увидел немцев, но уже поздно было уходить. Дядя Гриша решил так: сколько у него было пуль в винтовке, пустить в немцев, а последнюю в себя. Но немцы прошли мимо, так нас миновала смерть.

Всё ближе и ближе приближался к нам фронт. Наступала Красная Армия. Но немцы продолжали ещё у нас хозяйничать, мирные жители всё ещё погибали. Мы не могли выходить на улицу, чтобы брать воду из колодца. Приносили с улицы снег, он таял в доме, и эту воду мы пили. В деревне многие дети болели тифом. Тогда жители решили перейти в дом, который стоял недалеко от оврага. Лежали на полу вместе и больные тифом и уже выздоровевшие дети. Было только четыре женщины, которые не болели. На них легла вся забота о детях.

Фронт приближался, уже был виден огонь залпов от «Катюши». Наступил март 1943 года. Однажды ночью к нам зашли два человека в белых халатах. Мы не знали, кто это – немцы или наши? Один из них на русском языке сказал нам, что бы мы ушли из дома в овраг. Пояснили нам, что идёт карательный отряд, в котором кроме немцев, были и русские предатели. Им был дан приказ всё сжечь на своём пути. Эти двое были немцами. Женщины решили не уходить из дома, а наблюдать за деревней. Если появится дым в крайнем доме, только тогда уходить в овраг. Но пожара на наше счастье не было. Утром 22 марта 1943 года к нам опять зашли два человека в белых халатах. Они сказали, что они свои. Это была наша разведка. Но поверить нам в это было трудно, потому что мы уже никому не верили. Тогда они показали нам на шапках красные звёздочки, и мы поверили. Мы заплакали от радости, невозможно пером описать нашу радость. Женщины рассказали о карательном отряде. Бойцы сказали, что это правда, но мы их гоним так, что они не успевают даже зажечь спички. Нам сказали, чтобы мы шли домой, потому что скоро придёт Красная Армия. Наша Армия! Мы вернулись в

дома и стали ждать своих воинов. Через некоторое время пришло новое войско. Через нашу деревню шло много машин, танки, даже проехала Катюша. Наша Армия была очень хорошо вооружена.

Так для меня закончилась война, потому что мы стали свободными. Нам не надо было бояться ходить по улице. В нашем доме жили бойцы, которые шили шинели для армии. Они мне и моему брату сшили пальто. Мы жили с дедушкой, ему было 58, мне 13 и брату – 10. Мать была в плену. У нас уже работал райком. Дядя Гриша, который был в партизанах, остался живой. Его опять решили отправить в тыл врага. Но он отказался, потому что он не мог воевать в тылу, не выдерживали нервы. Ему дали возможность отдохнуть. Он работал в райкоме, получал продукты, у нас стало лучше с питанием. Дядя Гриша жил с нами. Жена его была в плену у немцев. Осенью его взяли на фронт. Он дошёл до Германии. Остался жив и в 1945-м вернулся домой. Стал работать председателем сельсовета. Меня и брата в 1943 году хотели забрать в детдом, но дедушка Миша не отдал. Жили мы очень трудно. Ходили в лес за дровами, чтобы топить печь. Питались картошкой и капустой, которые ещё были у нас. Хлеба не было.

Надо было вновь восстанавливать колхоз. Женщины и дети стали готовить плуги, бороны, лопаты для обработки земли. В мае посадили картошку на своих огородах. Верхнюю часть картофеля, где были глазки, срезали для посадки, а остальная часть шла на еду. Землю не пахали. Просто делали плугом борозду, сажали картофель и засыпали землёй. Плуг таскали женщины и дети. Летом заготавливали сено для лошадей, которые были у бойцов. Сено мы заготавливали так: бойцы приезжали на лошадях, запряжённых в косилки, на лугу косили траву. Мы сушили траву, когда она высыхала, бойцы собирали её конными граблями в ряды. В копны складывали сено женщины и дети. Там, где нельзя было косить косилкой, косили траву женщины и дети. Норма заготовки сена была большой. Дедушка Миша работал почтальоном, ходил на почту за два километра. У нас появилось радио. Это была «чёрная тарелка». Мы каждый день слушали передачи с фронта, которые вёл Юрий Левитан. Он передавал о том, какой город был взят, сколько за день было

освобождено деревень, сёл. Каждый день по радио звучали салюты в честь освобождения нашей земли от оккупантов. Красная Армия про-двигалась быстро. А нам надо было работать и работать. Теперь надо было готовить землю под посев озимой ржи. Семена нам дали. Землю начали пахать в июле. Женщины впрягались в плуг по четыре человека и таскали его. Земля была очень крепкая. Дети боронили землю. Семена сеяли вручную в августе. Было очень голодно. Варили щи из щавеля, крапивы, из ботвы свёклы. Хлеба не было, картошки нам в колхозе не давали. Из картофеля пекли лепёшки. Мы ходили на речку ловить рыбу. В речке водились караси, щука, налим, было много раков. Ходили в лес за ягодой.

В 1943 году я пошла в школу в четвёртый класс за два километра от дома. Учились мы в обычном доме, потому что школа после немцев была ещё не готова. В школу ходили в лаптях. Лапти плёл мой дедушка из липы. В доме, где учились, было холодно. Чернила замерзали в чернильницах. Тетрадей не было, писали на газетах. Сидели в пальто и в варежках. В начале сентября вернулись женщины и дети, которых немцы угнали в плен. Вернулась и моя мать. Мы с братом были в школе. Когда мы шли домой из школы, повстречали женщину, которая шла из нашей деревни. Она сообщила нам, что наша мать вернулась домой. Мы с братом бежали два километра, не останавливаясь. Для нас это была большая радость. Ведь мы опять будем жить вместе с мамой. Она нас обняла, и мы долго так сидели и плакали от радости. Мы не хотели от матери отходить ни на шаг. В колхозе населения прибавилось. Мать нам рассказывала, что одна женщина читала старую библию, и там было написано, что война закончится в月饼е, который начнётся на букву «А» по старому стилю. Мы жили ожиданием апреля и мая. Ещё мать рассказывала о том, что на границе Смоленской области и Белоруссии перед людьми, которых гнали в Германию, выступал Власов. Говорил, что его армия освободительная. Одна женщина крикнула из толпы, что ваша армия действительно освободительная, вы освободили матерей от детей, жён от мужей. «Кто это сказал?» - закричал Власов. Этую женщину толпа быстро отодвинула назад, подальше от трибуны. Ещё мать рассказывала, что власовцы вербовали парней 15-16 лет в свою армию таким образом: они предложили четырём парням вступить в их армию, парни отказались. Тогда их привели на окраину леса, раздели по пояс, привязали за спиной руки к дереву. На парней налетели комары и стали их кусать. Это было очень больно и мучительно. Ни один из этих парней не сдался власовцам-предателям. Их увили, судьба этих парней неизвестна. Вот таким было наше поколение, которое любило свою Родину.

В конце 1943 года нам выдали на трудодни рожь. Появились у нас

откуда-то жернова. На них мололи зерно на муку вручную. Хлеб пекли из лебеды, липовых листьев, добавляли немного муки. Наступил 1944 год. Несмотря на то, что было голодно, Новый Год мы встретили весело. Собрались все в одном доме, принесли еды, у кого что было. Пели песни, без музыки танцевали, плясали. Впереди были: весна, лето, осень и работа. Но пока мы были на зимних каникулах, катались на санях с горы. В общем, жили ещё жизнью детей. 20 мая закончился учебный год. Весной в колхоз привезли семена овса и пшеницы. Землю под эти культуры пахали плугом, который таскали женщины и дети. Семена сеяли вручную. Мой дедушка Миша и ещё несколько женщин, которые умели сеять, вешали лукошко на шею при помощи полотенца, насыпали в него зерно и ходили по полю, разбрасывая его. Траву косили рано утром по росе. Сушили сено, клади в копны. В июне нам дали несколько лошадей. Копны сена к стогу подвозили лошади волоком. В июле жали серпами рожь. Ходили по жнивью босыми ногами, было очень больно, потому что жнивьё кололось. Овёс и пшеницу косили женщины, а дети вязали снопы. Снопы возили в овин на лошадях дети. Зерновые молотили на молотилке с помощью лошадей, запряжённых в привод. Ночью четыре лошади ходили по кругу на площадке, которая находилась около овина. Дети ходили за лошадьми по кругу, погоняя их. Снопы подавал в молотилку пожилой мужчина. Женщины отгребали солому от молотилки, вытряхивая зерно деревянными граблями. Девочки выносили солому из овина к стогу. Утром женщины уходили домой, ведь им надо было ещё топить печь и готовить еду. Мы, молодёжь 14-15 лет, оставались веять зерно на веялке, освобождая его от мякины. Веялку крутили вручную. Зерно насыпали в мешки и отвозили на телеге, запряжённой лошадью в колхозный амбар. Картофель на своих огородах копали лопатами в конце сентября и в октябре. В августе вывозили навоз из конюшни на поле под озимую рожь. Возили только мы, 14-15-летние подростки. С первого сентября мы пошли в школу, которая была отремонтирована. Появились тетради, книги. Дрова для школы заготавливали сами ученики. На трудодни нам дали зерновые в конце года.

В 1945 году у нас была огромная радость. 9 мая закончилась война. Мы услышали об этом по радио, радости не было предела. Это была радость со слезами на глазах, ведь погибло очень много людей.

И так победил Советский Союз! Это была наша Победа! Нашему народу было за что воевать и что защищать. Ведь у нас была Родина, была земля. В земле были большие богатства – и всё это принадлежало государству. А государство – это народ!

В колхозе работать стало не так тяжело. Землю пахали уже лошади. Появилась районная моторно-тракторная станция, в которой находи-

лись трактора, но их было ещё мало. В этом же году пришли мужчины с войны, которые остались живы. Пришёл и мой отец. Ушли на войну двадцать мужчин, а вернулись пять человек. Где-то в июне в колхоз пригнали коров. Опять стали сеять лён. Когда дети 8-10 лет пололи зерновые и лён, председатель колхоза Иван Павлович Щербаков выдавал детям по четвертинке молока за выполненную норму. На вечернюю дойку дети бежали за молоком с радостью.

У нас в деревне было две бани. Каждую субботу женщины топили баню по очереди. Мыла не было. Мылись щёлком, который готовили из древесной золы. Были у нас вши, чесотка. Болели куриной слепотой.

В этом же 1945 году работы в колхозе прибавилось. Кроме зерновых культур, надо было убирать лён. Лён теребили руками. Сушили его в овине. Из высохших снопов валиками выколачивали семена, тресту сдавали государству. Работа со льном была трудная. Но за лён государство давало деньги. На трудодни давали семя льна и тресту. Из семян били масло. Тресту мяли, получали куделью, трепали её, выбивая костру, получали волокно. Пряли на самопрялке нитки, ткали холсты и шили одежду. Лён нас выручал, потому мы его и сеяли много. Работали со льном женщины, мужчины и дети, начиная с семи лет. В 1946 году пригнали коров для колхозников. Наша семья тоже получила корову, но мы должны были сдавать двести литров молока в год государству.

За добросовестную работу я награждалась грамотами, благодарностями, денежными премиями. За успехи в труде была в 1968 году занесена на доску почёта. Имею юбилейные медали Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 годов. Мне присвоено звание «Ветеран Труда».

Хочется, что бы в наше время люди были отзывчивее, внимательнее друг к другу, как мы были в трудные военные годы.

Жохова Валентина Петровна

Родилась в деревне Анучкино Сусанинского района Костромской области в 1936 году. Отец погиб на фронте в феврале 1942 года под Ленинградом. Получив похоронку, моя бабушка (мать отца) сразу умерла – не выдержало сердце. У моей мамы осталось трое детей. Через год от воспаления легких умерла моя девятилетняя сестра. Вскоре за сестрой умирает младший братик двух с половиной лет. Остались мы с мамой вдвоём, мне тогда было семь лет. Я очень боялась за маму, как бы только она с ума не сошла, даже перестала спать ночами. В школу меня отпустила только в 10 лет. Начальная школа находилась в трёх километрах, а из деревни нашей никто не ходил в школу. Все семьи – много-детные, им даже одеться было не во что. Среднюю школу я закончила в 20 лет. А когда училась, в летние каникулы каждое лето работала в

колхозе вместе с мамой. Научилась всем видам работ в колхозе. Работала как настоящая колхозница, заработала много трудодней, которые ничего не стоили. Денег совсем не было, давали немного зерна, всё шло государству. Сначала для фронта, а когда война кончилась, нужно было восстанавливать страну. Работали почти одни женщины, не было никакой техники, были одни женские руки. Сажали, сеяли – всё руками, а потом собирали урожай и отправляли государству. Сама выживала за счёт домашнего хозяйства. Мне за отца, погибшего на фронте, давали 50 рублей пособие. У нас было личное хозяйство: коровы, овцы, куры и участок земли, где выращивали все овощи. Платили налоги государству. С коровы – 400 литров молока в год. С овцы – шерсть. От кур – яйца. Работали, не покладая рук, от зари до зари, круглый год: летом в поле, зимой на фермах. Моя мама очень трудолюбивая была, себя не берегла, работала в колхозе весь световой день и содержала домашнее хозяйство. Я, как могла, во всём ей помогала, мы с ней были как нитка с иголкой. Она своим примером научила меня всему, что сама умела. А ей за это Бог здоровья давал. Уметь и любить трудиться – большое счастье. Меня мама подготовила к жизни. Спасибо ей огромное за это. В 1956 году к нам приехал мамин брат из Рыбинска в гости, уговорил меня приехать в город и устроиться работать на завод. Там я отработала 4 года, была квалифицированным работником 6 разряда. Потом пришлось уехать – вышла замуж за своего земляка и одноклассника, вместе прожили 51 год очень дружно, вырастили сына – кандидата технических наук. Хорошо, что его поколение не застало тех военных лет.

Заверняева Нина Дмитриевна

«Ох, война, что ты подлая, сделала...»

Родилась я в 1936 году в Рязанской области в крестьянской семье. Родители были неграмотные. В семье было шестеро детей, остались двое старших. Четверо детей умерли от голода и холода. Папа ушел на фронт, вернулся контуженным, очень плохо слышал. У мамы погибли два брата и у папы погибли два брата.

Я окончила семь классов, дальше учиться не могла, так как школа была за 10км. Пошла работать в колхоз. В летние каникулы ходила на работу с мамой, сгребали сено, таскали снопы в копны, пололи. Мы с сестрой спрашивали маму: «Где папа, почему его нет дома?» Мама отвечала: «Он на работе...» Помню, как-то весной собирали замороженный

картофель, чистили, мыли, сушили, пекли блины - такие были вкусные, хлеба у нас не было.

Помню такой случай. Пришёл с фронта дядя, на костылях. Мы с мамой пошли навестить его, и он дал мне кусочек белого хлеба и одну конфетку. Я так радовалась такому подарку!

Я вышла замуж, у нас было двое детей. В деревне была начальная школа, а средней школы и больницы не было. В 1969 году мы решили уехать. Приехали в село Константиново Загорского района. И уже 45 лет живём здесь. Я пошла работать дояркой на Константиновскую ферму, муж работал шофером. Нам дали жильё, в 1975 году получили квартиру. Он умер в 1988 году. Дети выучились. Сестра Мария сейчас проживает в Москве.

За долголетний, добросовестный труд я была награждена медалью «Ветеран труда», знаком «Победителя Социалистического соревнования» и областным знаком «За успехи в развитии животноводства» Московской области. Имеются «Почётные грамоты» и благодарности.

Захарова (Белоусова) Зинаида Васильевна

Я родилась 5 декабря 1923г. в 30 километрах от города Москвы в деревне Крюково Федоскинского сельского совета Московской области. В 6 лет пошла в начальную школу, по окончании которой училась в Сухаревской неполной школе. Сухаревская школа находилась в 9 км от нашей деревни. Жили в общежитии. В 1938 г. поступила в Московский техникум мясокомбинатной промышленности. После 3-го курса были посланы на производственную практику в город Сталинград на холодильник, где нас и застала Великая Отечественная война. По окончании практики все лето до ноября 1941г. продолжали учиться. Жили в студгородке. Когда на Москву были налеты, дежурили на крышах домов, с которых сбрасывали зажигательные бомбы в песок. Иногда при налетах во время дежурства относили в бомбоубежище детей, родители которых в это время были на работе.

С 1-го ноября 1941г. техникум закрыли, нам без защиты дипломов присвоили звания техников-механиков и отправили в распоряжение наркомата мясомолочной промышленности, а далее на убой скота в Курскую область. Нам выдали спецодежду: клеенчатые фартуки, га-

лоши резиновые - лягушки и ножи. База по убою скота находилась в 60-ти км от города Курска на товарной станции г. Льгова. Нас было 27 мальчиков и 33 девочки из института мясомолочной промышленности из г. Москвы. Ребята забивали свиней, предварительно оглушив их деревянной кувалдой. Вскрывали животы, а девочки вынимали внутренности и обсушивали туши, которые отправляли в товарные вагоны, а далее на восток. В середине декабря базу покинули, т.к. наступали немцы. Ребят призвали в армию, а девушки по спецпропускам вернулись в Москву. Наркомат эвакуировался в г. Тюмень и увез наши документы. Я вернулась в деревню к маме и младшему брату.

Старший брат, офицер морского флота в г. Севастополе, пропал без вести в мае 1942. Отец был принят в ополчение, откуда вернулся после окончания войны. В декабре немцы подходили к Красной Поляне и к станции Лобня - это Савеловская железная дорога. В середине декабря немцев прогнали. Батарея, из которой стреляли, находилась примерно в 3,5 км от нашей деревни, была такая канонада, что дом наш ходил ходуном, все тряслись и не спали.

С февраля 1942 г. начала действовать Сухаревская средняя школа, а документы мои об окончании техникума были в г. Тюмени, я пошла в 10 класс. В школу ходила за 9 км, каждый день туда и обратно. По окончании 10 класса я работала в деревне в колхозе. С аттестатом средней школы я поступила в Московское техническое училище им. Баумана (сейчас университет). В училище отпусков летних не было, нас направляли на работу. Я работала на погрузке дров и бревен на канале им. Москвы около деревни Протасово. Спецодежда – ботинки на деревянной подошве. Бревна нам, девочкам, поднимали ребята, мы тащили их к воде. Там связывали в плоты, далее буксировали до места назначения. Второе лето работали в колхозе, там физически было легче. В мае 1945 г. кончилась война – это был 3-ий курс. Все были рады, мы гуляли всю ночь по Красной площади.

В марте 1948 г. я по окончании училища была по распределению направлена в г. Загорск на завод, который сейчас называется «Звезда».

Захарова (Доброва) Тамара Александровна

Родилась я в деревне Ярыгино Загорского района девятнадцатого июня 1938 года, в крестьянской семье. К началу войны у моих родителей было четверо детей. Старшей сестре было 11 лет, второй – девять, брату – пять лет, а мне – три года. В то время в нашей деревне была семилетняя школа, своя поликлиника и больница, ветеринарная лечебница и магазин. Все эти учреждения обслуживали близлежащие деревни и села. Родители мои работали в колхозе. Все жители дерев-

ни занимались сельским хозяйством. В колхозе был и скотный двор, и конюшня, и колхозная пасека. Растили хлеб, картофель, овощи. Землю обрабатывали плугом. Уборку урожая производили вручную и весь урожай сдавали государству. Моя мама работала на разных работах. Отец был бригадиром и заведовал колхозным огородом. В колхозном огороде выращивали овощи: огурцы, морковь, свёклу, помидоры и даже некрупные, но очень вкусные дыни — сорта колхозница, и все это у него хорошо получалось. Но особенно хорошо удавалось выращивать капусту, кочаны весом по десять — двенадцать килограммов. Имел почетные грамоты с В.Д.Н.Х. А мы — дети, с самого раннего возраста помогали родителям, не жалея сил. А выживали за счет своего подсобного хозяйства. После работы в колхозе приходилось еще обрабатывать и свой участок, а также ухаживать за домашними животными. Родители держали корову, овцу, кур, поросенка. Но чтобы всем этим воспользоваться, нужно было сдать государству определенное количество молока и мяса. Кроме того, нам приходилось заготавливать корма для колхозного скота. А все необходимое для семьи покупалось на деньги, вырученные от продажи молока и мяса на рынке. Наша мама была женщиной очень трудолюбивой и способной на все дела. И пахать, и жать умела, и косить могла. Шила на ручной швейной машинке, и мы всегда были накормлены и одеты.

Во время войны моего отца на фронт не взяли по причине инвалидности. Но ему, как труженику тыла, пришлось заниматься подготовкой к партизанской войне. Немцы в то время уже были рядом с Дмитровым. Из деревни угнали скот в леса, рыли окопы.

Мне запомнилось, как через нашу деревню в сторону Дмитрова шли Сибирские войска. В наш дом они заходили для отдыха. А моя мама и днём и ночью готовила пищу для воинов. Просыпаясь утром, я видела, как в нашем доме и на лавках и на полу спят солдаты. Я просила маму, чтобы она забирала меня к себе на кухню. Утром, перед уходом солдат в сторону Дмитрова, мама всегда кормила их приготовленной пищей. Это были патриотично настроенные мужчины, и, уходя из дома, они обещали: «Не бойся, мы сюда немцев не пустим!» И сдержали свои слова. Остановили немцев, но какой ценой?

В нашей деревне были размещены прожектористы. Выходя вечером на крыльце, можно было наблюдать, как в небе кружат самолеты, а их освещают прожектора. Было страшно. Зрелице, так скажем, не из приятных. Еще помню: если были слышны раскаты бомбочек, залпы оружий, мы — дети, прятались в доме под лавками или кроватями.

Мой отец был награжден медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией».

Нелегко жилось во время войны и после ее окончания. Приходилось собирать летом и крапиву для щей, и щавель, и дудку. Но жизнь постепенно налаживалась.

Семья наша подросла. В 1942 году родилась сестра. После окончания войны в 1945 году родился брат и в 1947 году — сестра.

У моих родителей стало семеро детей. Семья была очень дружной. Отец был добрым человеком. Очень приятно было вечером зимой, забравшись на теплую русскую печку, послушать, как он рассказывает нам сказки, или читает нам стихотворения, поэмы, или поёт нам песни. А знал он всего очень много. А еще он очень хорошо играл на русской гармошке. В 1946 году я пошла в первый класс, в 1953 году уехала учиться в Загорск.

С сентября 1956 года по 1993 год, до ухода на заслуженный отдых, работала на разных должностях предприятия п/я 12. а позднее оно было переименовано в ЭМЗ «Звезда». Прожита очень интересная и насыщенная жизнь. Занималась спортом, участвовала в художественной самодеятельности. Работая на предприятии, познакомилась с будущим мужем. Вскоре мы поженились. У нас родился сын. Человек достойный, имеет высшее образование. Он подарил нам внука. Несмотря на трудное детство в военные и послевоенные годы, все мои братья и сестры выросли достойными людьми и всю свою жизнь посвятили работе на благо нашей Родины.

Захарчук Тамара Фёдоровна

Родилась я 15 февраля 1946 года в Оренбургской области. Родители мои крестьяне — Чернецкие Фёдор Захарович и Ульяна Павловна.

Во время Великой Отечественной войны они оба работали для фронта, были участниками трудового фронта. Отец обеспечивал бригаду горюче-смазочными материалами, за которыми он и зимой, и летом на быках за 60 км от дома ездил в город Уральск. Было очень голодно и холодно, он простыл и заболел. Лечения никакого не было, болезнь переросла в туберкулёз лёгких, и в 1955 году в возрасте 56 лет он умер. Мать растила хлеб, жала и веяла на ручных веялках, несмотря на то, что у неё уже было шестеро детей. Она была награждена медалями материнства 1 и 2 степени. Умерла в 1994 году, в возрасте 89 лет.

В послевоенные годы жили очень бедно, нечего было есть. Весной ловили сусликов и ели. Школы рядом не было, мы с братом Анатолием, 1943 года рождения, ходили пешком за 3 км или ездили на быках. Брат бросил учиться, пошёл работать с 15 лет, а меня отдали в интернат при школе, и я закончила 10 классов.

Учиться дальше не было возможности, так как жили очень бедно. В 1963 году я вышла замуж за парня из Украины Захарчука Владимира Васильевича, родила 4-х детей. Работали и жили в сельской местности, растили детей. Было своё большое подсобное хозяйство, продукты были свои, в магазин ходили только за сладостями, хлеб пекли свой. В 1985 году переехали жить в Московскую область. Через два года умер муж, и я осталась одна с детьми. Старший сын Олег был женат, а дочери ещё учились. Было трудно, но, славу Богу, мы всё это преодолели. Сейчас дети имеют уже свои семьи, все работают. Наградили меня 8-ю внуками и одной правнучкой.

Продолжаю работать в Константиновской школе уборщицей. В свободное время пою, являюсь солисткой в поселенческом ветеранском хоровом ансамбле «Деревенька моя». Веду активный образ жизни.

Зверева Антонина Николаевна

Родилась в 1936 году в деревне Новосёлки Загорского района. На фронте погиб отец Фролов Николай Гаврилович в 1942 году.

«Моего папу взяли на войну в январе 1942 года, и 1 октября 1942 года он погиб под Ленинградом. Мама осталась одна с маленьким детёнышем. Старшему было 12 лет, а самой маленькой - полгода. Жизнь была очень трудная. Кушать было нечего. Питались крапивой, свекольником, лебедой и гнилой мороженой картошкой. Да ещё с нами была мамина мама старенькая. Детства у нас не было, так и старости достойной нет: получаю маленькую пенсию. Проработала 41 год и ничего не заработала...».

Иванова Галина Николаевна

Позволю себе поделиться своими детскими воспоминаниями о первом дне Великой Отечественной войны - 22 июня 1941 года. Война началась в 4 часа утра, но вся страна еще ничего не знала о случившемся, так как только в 12 часов дня 22 июня 1941 года Молотов В.М. сообщил стране о том, что Гитлер объявил Советскому Союзу войну и приказал бомбить ряд наших городов, в том числе Киев, Брест и другие. А это было очень красивое время года на Украине, а точнее в Киеве: всюду цвели сады, солнечная летняя погода, очень тепло. Я с бабушкой гостила в семье своего дяди в Киеве (он кадровый военный офицер), а мои родители находились в г. Кашире Московской обл., дома. Они должны были вот-вот приехать в отпуск в Киев погостить и забрать меня домой в Каширу. Но... в 4 утра 22 июня

зазвонил телефон, мой дядя быстро вскочил с постели, собрался и куда-то ушел (в свою часть). Мы жили в военных бараках, где окна на ночь закрывали ставнями. И как только дядя ушел, как нам всем показалось, началась такая страшная гроза, что никто не решился выйти на улицу. А когда открыли ставни (они закрывались с улицы), то оказалось, на улице прекрасная погода, солнце, никаких признаков грозы и не было. Мы и все взрослые не могли понять: так что же это было??? И только в 12 часов дня мы и вся страна узнала, что это было начало Великой Отечественной войны. Мне и моим родным очень повезло, что дядя был кадровым офицером. Всех нас, детей, старииков и беременных женщин, эвакуировали быстро (в первую очередь). И никто из моих родственников не оказался в пекле «Бабий Яр».

В момент эвакуации была сильная бомбежка, но бабушка закрывала меня своим телом, говоря: «Пусть меня убьют, но ребенок должен жить». Это было очень странно: эвакуация происходила ночью, но от прожекторов и артобстрела было светло как днем, и немецкий самолет был в сплетеении прожекторов, и мы его видели, как он сбрасывал бомбы. Но нас спасло чудо, бомба, попавшая в барак, не взорвалась. Из Киева в Каширу мы ехали целый месяц, пропускали военные эшелоны. Приехав в Каширу в октябре, я с мамой и бабушкой вместе с оборудованием от железнодорожного депо города Кашира отправилась в эвакуацию на Урал. А папа был призван в железнодорожные войска, т.к. он был специалист, окончил в 1935 году Московский институт железнодорожного транспорта.

В этой эвакуации мы потеряли братишку 1 года 9 месяцев. Он простыл в дороге в ту суровую военную зиму и умер от воспаления легких. Состояние мамы было ужасное, т.к. полная неизвестность о муже (папе), брате (моем дяде), потеря ребенка, сибирская суровая зима, полное отсутствие денег и необходимой одежды (на нас было то, в чем мы ушли из дома в Кашире). Но это было время необыкновенных людей, сибиряков. Они нас не только приютили, но и помогали всем, чем могли. В эвакуации под городом Молотов (в то время) мы пробыли 1 месяц, но затем нас и всё деповское оборудование вернули в г. Каширу.

1 сентября 1943 года (переломный год в ходе Великой Отечественной войны, когда наша Красная армия пошла в наступление по всем фронтам) я поступила в начальную железнодорожную школу № 33 станции Кашира Московской обл. Но 1 сентября 1943 г. в моей памяти не осталось особой датой. Только помню, что мама купила на рынке подержанный букварь и парусиновый портфель, и вот с этими предметами мама привела меня в школу, а сама пошла на работу. Других мам было мало. Детей приводили по 2-4 ребенка бабушки, соседки. У многих детей не было ни учебников, ни портфелей. Торжеств 1 сентября тоже не было: ни цветов, ни фотографирования, ни поздравлений. А,

может, и были, но не помню. Наш класс в составе 42-х детей приняла 63-летняя Заслуженная учительница РСФСР Мария Александровна Давыдова. С нами она занималась не только в учебные часы. Когда приходила вторая смена, мы освобождали класс (помещение), Мария Александровна продолжала заниматься с нами во дворе школы (если была хорошая погода), а при дожде – в коридоре школы. Спустя некоторое время на родительском собрании она сказала родителям: «За всю свою педагогическую работу я никогда не принимала таких тупых детей». Об этом мама рассказала бабушке, вернувшись с очередного родительского собрания. Ведь у нас не у всех были буквари, а тетрадей вообще ни у кого не было. Писали на старых газетах или на обратной стороне какого-нибудь старого плаката. К тому же мы были голодные. Была карточная система в стране, и все жили впроголодь.

Первая тетрадь 1944 г.

После зимних каникул нового 1944 года учительница нам всем дала по первой тетрадке в клеточку с образцами правописания цифр, показанными самой учительницей. Эту первую мою тетрадь моя мама сохранила на всю жизнь, как память о тех трудных военных годах. С нового 1944 года нам, всему классу в 40 с лишним человек, на переменке после 2-го урока давали по кусочку черного хлеба (1/4 часть по-перечного среза буханки) с 1-ой чайной ложкой сахарного песка. Мы (дети) всегда просили горбушечку, т.к. ее можно было подольше жевать. А многие дети этот школьный паек несли домой в семью. Вероятно, тогда эта крошка школьного пайка для дома была настоящей ценностью. Я что-то не помню, чтобы на переменах мы бегали по классам, по коридору. Или нас правильно воспитывали, или от голода мы были спокойные. Всего у нас в школе в первую смену учились: один первый класс, один второй, один третий и один четвертый классы.

Проблем с поведением учеников для учителей и директора школы Галины Ивановны Федоровой не было, и к окончанию начальной школы (т.е. 4-го класса) насчитывалось 50% отличников в классе. После занятий (8-12-летние дети) нас водили в поле дергать и собирать свеклу и турнепс, а зимой мы шили на фронт кисеты и писали письма о том, как мы учимся и ждем победы.

День Победы помню, так как нас отпустили с уроков. Мы были очень рады тому, что отпустили нас домой, но на улице народа было мало. А те, кого мы видели, то плакали, то смеялись почему-то. А дома меня встретила бабушка (мама еще была на работе) и очень меня целовала. Так я закончила 2-ой класс начальной школы №33.

Папа вернулся домой только в феврале 1947 г, отвоевав после Отечественной войны на западе наших границ еще и на востоке - с Японией.

Мы с мамой встречали его на Ярославском вокзале. Я его за 7 лет отсутствия с нами совсем забыла - он показался мне каким-то маленьким и совсем не таким, каким я видела его на довоенных фото.

По возвращении с фронта целым и невредимым, он, как дипломированный опытный специалист, был направлен на восстановление разрушенного войной паровозного депо станции Павелец I Рязанской области Московско-Донбасской железной дороги – начальником депо. И в октябре 1947 года со станции Кашира I мы переехали на станцию Павелец I Моск. - Донб. ж.д., где я продолжила учиться с 5 по 9 класс в железнодорожной школе №21. Но это уже другая история с другими прекрасными сильными учителями, по причине военного времени приехавшими с кафедр Бакинского университета, Харьковского и Московских институтов.

Почти все выпускники нашей школы свободно выдерживали конкурсы при поступлении в такие институты как МВТУ им. Баумана, Энергетический и Авиационный г. Москвы и институты г. Ленинграда. Поступали, успешно учились, заканчивали институты и уходили квалифицированными специалистами в большую жизнь.

Я думаю, что люди моего поколения тоже могут вспомнить и рассказать немало особо запомнившихся моментов своего трудного военного детства.

Во время обучения в школе нас воспитывали на героических поступках наших современников: Зои и Шуры Космодемьянских, младогвардейцев г. Краснодона. А когда пришло время после окончания школьного периода выбирать себе профессию, мы целыми классами подавали заявления на учебу для обучения в технические ВУЗы и с успехом их заканчивали, чему способствовало трудное военное детство, когда мы, дети, почти не видели своих родителей. Отцы были на фронте, а мамы работали, а после работы копали окопы.

А мы, дети, жили без детства, нас в семье было всего три человека: я, мама и бабушка, и нужно было вскопать три огорода в разных местах Каширы. Огородами занимались я и бабушка: вскопать, посадить картошку, собрать ее осенью, принести домой на руках, и всюду пешком, т.к. никакого общественного транспорта не было. Это были 1943-1947 годы (мне 8-12 лет). А зимой кроме основной учебы в школе была забота – чем топить печь. Уголь собирали, в основном, на железной дороге после очередного прошедшего состава с углем, благо мы, железнодорожники, жили близко к железнодорожным путям.

Трудное военное детство не могло пройти бесследно. Оно формировало характер человека, что отразилось в словах известного писателя Валентина Распутина, который сказал: «Счастье мое, что у меня было трудное детство». Мы видели, что после окончания войны был очень

большой подъем душевных и физических сил у людей. И была большая любовь к созиданию. Восстанавливались разрушенные войной города, появился большой интерес к знаниям, учебе и культуре. В то время и люди, вернувшиеся с фронта, и молодое поколение с энтузиазмом работали, не считаясь ни со своим здоровьем, ни со временем, помня о том, как пришлось трудиться и на фронте, и в тылу при карточной системе и в сложных бытовых условиях.

Иванова (Емелина) Надежда Михайловна

Родилась 26 июля 1925 года в деревне Сальково Загорского района Московской области, в семье крестьян, состоящей из 4 человек: отец, мать и я с сестрой. В 1932г. наша семья переехала жить в пос. Муханово. В 1937 году умер отец. Мы с сестрой остались с больной мамой. Материально жить было трудно. В 1934г. я пошла учиться в Мухановскую среднюю школу, которая была расположена в двух зданиях: одно - кирпичное, другое - деревянное. Мухановская средняя школа - это мой родной дом, в котором я училась и работала 43 года, до ухода на пенсию (1980г.).

В нашу школу приходили учиться дети из ближайших деревень за 2-8 км. Подвоза учащихся не было. Зимы были холодные, морозные. В год окончания 7 класса началась Великая Отечественная война. На всю жизнь запомнилось начало войны. День был солнечный. Поступило тревожное сообщение о войне. Встревоженные люди собрались на митинг. Настроение было боевое, патриотическое, мужчины рвались на фронт. Началась мобилизация мужчин. Собрали нас учеников, провели с нами беседу и поручили нам разносить письма, повестки, разные сообщения по деревням. Мы были связными, дежурили вечерами по затемнению окон в посёлке.

Все работы на заводе и колхозных полях легли на плечи женщин и детей. В первый год войны я училась в 8 классе, в школе не было дров. Учащиеся 8-10 классов вместе с учителями (женщинами) и нашим завхозом Верой Ивановной Золдоревой ездили за дровами в лес (там были готовые сложенные дрова) за деревню Гатьково. На санках подвозили их к школе, чаще к деревянному зданию - там учились младшие классы. Было очень холодно в школе, особенно в старших классах кирпичного здания. Чернила замерзали. Отогревали чернильницы руками. Занимались в пальто. Был холод и голод.

В большую перемену нам давали маленький кусочек черного хлеба. Мы его не жевали, а сосали. Бумаги у нас не было. Мы шивали тетрадку из пакетов после соды, которую привозили на стекольный завод «Красный Факел». На уроках военного дела мы изучали винтовку, химические отравляющие вещества, способы оказания медицинской помощи.

Очень тяжелыми были 1941-1942гг. Немцы подходили к Москве. Немецкие самолёты низко летали над посёлком над школой. Однажды мне пришлось встретиться лицом к лицу с врагом. Это было 5 ноября 1941г. Я шла по дороге к дому. Вдруг слышу звук летящего самолёта (у них особый страшный звук), летит немецкий самолёт с чёрными крестами на крыльях очень низко. Ясно вижу лицо летчика в шлеме, смотрит на меня и смеётся. Я остановилась, думаю, что сейчас застрелит, к великому счастью, стрелять не стал, только осипал листовками, я взяла листовку, в ней было написано «6 ноября месите тесто, а 7 ищите место».

Девушки посёлка уходили добровольно на фронт – это Праслова Людмила Михайловна, Кузнеченкина Вера Никитична (она погибла на фронте), Гаранина Нина Ивановна. Многие девушки уходили на трудовой фронт. Мальчиков мобилизовали после 9 класса. В 10 классе мы учились одни девочки. Все с тревогой ожидали сообщений с фронта.

Голос Левитана говорил: «Фронт и тыл - едины. Всё для фронта, всё для Победы». Женщины и подростки готовили противотанковые сооружения на подходе к посёлку.

Учащиеся школы вместе с учителями с ранней весны и до поздней осени работали на колхозных полях: сажали и убирали овощи, картофель, лён, собирали колоски на полях, после уборки зерновых.

Какие же были умные, добрые и чуткие учителя, которые так много хорошего, доброго вложили в нас, хотя жили и учились в трудных условиях, но они отдавали нам свои знания, свою любовь, мы всегда помним о них и очень благодарны им, очень жаль, что их уже нет с нами. Низкий поклон: Сысоевой Вере Яковлевне (она моя первая учительница), Крыловой Алевтине Петровне, Кузьминой Ольге Ивановне.

После окончания 10 класса, я поступила учиться в Загорский Государственный учительский институт на географический факультет.

День победы 9 мая 1945 года я встретила в институте.

День был очень солнечный, люди обнимались, целовались. Радость и слёзы. Пришла на нашу землю Победа в самой кровавой и трагической войне 20 века. И как бы ни летело время, в памяти людей старшего поколения не изгладится светлый День 9 мая 1945 года.

День Победы - самый дорогой праздник для всех народов России и стран СНГ.

Вспоминая всех погибших, склоняя головы перед светлой памятью,

мы воздаём дань благодарности тем ветеранам, кто завоевал Победу, кто шел с боями по трудным дорогам войны, кто ковал оружие Победы в заводских цехах, кто рыл противотанковые заграждения, кто не доедал, не досыпал, кто день за днём приближал этот желанный день. Мы помним ваш подвиг, дорогие ветераны, вы, как миллионы советских солдат, явили миру невиданные образцы героизма и беззаветной преданности Отечеству.

Низкий поклон и вечная благодарность. Пусть процветает и хорошиует наша Родина. Пусть сияет чистое небо над нашими домами. Добро всегда побеждает, когда люди сплочены, живут общими интересами, помогая друг другу, заботясь друг о друге, помнят и ценят свою историю и очень любят свою Родину, как и наше старшее поколение всех союзных республик, не жалея своей жизни, защищали её.

Игнатов Виктор Михайлович

Это было давно...

Наша семья до начала войны состояла из 6-ти человек - отец Михаил Иванович, мать Анна Ивановна, старший брат Алексей, сестра Антонина, я, Виктор и младший брат Владимир. В 1939 году отец устроился на работу в почтовый ящик №11, ныне Краснозаводский химический завод. В 1940 году получил комнату в деревянном бараке в поселке Возрождение. В конце 1940 года наша семья переехала к отцу, оставив в деревне большой пятистенный дом. Дом сдали учителям, которые работали в начальной школе. Прожили мы в поселке полтора года.

Не помню точно момент объявления войны, но проводы отца на фронт врезались в память на всю жизнь. Вся семья была в сборе, мать с двухмесячным ребенком на руках. Мама и сестра плакали, а я, не понимая происходящего, сидел, скавшись в комочек и крепко вцепившись в старшего брата. После ухода отца на фронт жизнь семьи значительно усложнилась. Ввели карточную систему. Работающих в семье не было, старший брат учился на шофера. Мама сидела с грудным ребенком, яслей еще не было. Существовали только за счет карточек, выдаваемых семьям фронтовиков. Запомнился очень черный хлеб, в котором попадалась мелкая круглая картошка. Осенью стало еще тревожнее. Была введена светомаскировка. Ходили слухи о поимке шпионов. Стали появляться в воздухе самолеты немцев, и даже была сброшена бомба в районе пятого километра. Весной 1942-го мама, сестра, я и брат верну-

лись в деревню. Старший брат закончил курсы шоферов и поступил на работу на завод водителем. Фронт был настолько близок, что некоторые воздушные бои происходили прямо над нашей деревней Махра. В одном воздушном бою наш самолет был подбит и упал во дворе начальной школы в деревне Ченцы. Летчик и стрелок погибли. Их похоронили на церковном кладбище в селе Шеметово. На могиле установлен памятник с пятиконечной звездой.

Зима 1941 года запомнилась мне еще и тем, что на поле между Махрой и Дмитровским базировался авиационный санитарный батальон. Поле было удобным для взлета и посадки. Зима была очень морозная и снежная, взлетные полосы заносило снегом, и военным приходилось просить помощи в уборке снега население нашей деревни. Эта зима запомнилась еще и тем, что ребята, которые были постарше меня, бегали в Ченцы к упавшему самолету, вырезали трубки для изготовления стрелялок. Это были наши игры в войну.

Жизнь в деревне была очень тяжелой. Отцы и старшие братья воевали на фронтах. Молодых и здоровых лошадей забрали на посевные работы. Все сельхозработы легли на плечи женщин, стариков и детей. Заготовленных дров на зиму не хватало, ходили в ближайшие перелески и рубили, увозили на санках. Воду носили на плечах из речки, на фермы возили на лошадях. Наше семейное положение было отчаянным: не было ни коровы, ни птицы. Мать была вынуждена пойти работать на ферму, а чтобы прокормить детей, продала полдома соседке, у которой разрушился дом, за корову и корма. Набор продуктов, получаемых по карточкам, приносил брат по выходным дням из Краснозаводска. Весной 1942 года ходили по картофельным полям собирать мороженый картофель, из которого пекли лепешки. Матери было очень трудно. Вставала в 4 часа утра, выполняла работы на ферме, прия домой, готовила еду, заготавливала и приносила дрова, раскапывала и расчищала огород под картофель и рожь. Часть тяжелого труда легли на плечи четырнадцатилетней сестры, которая была вынуждена бросить школу, получив четырехлетнее образование. Колхоз помогал семьям, выделял лошадь для вспашки земли и посадки картофеля, ржи. Оплата в колхозе осуществлялась по трудодням в мизерном количестве. Кормов для скота не хватало. В начале зимы с наступлением заморозков ездили за Константиново на замерзшие болота, косили осоку и возили на лошади в деревню. Были проблемы с керосином, мылом, спичками, солью. Из-за отсутствия керосина освещали кухню березовой лущиной. В ходу был первобытный способ добывать огонь - кресало. Приходилось постоянно заготавливать древесный уголь и поддерживать круглосуточно в печи тлеющие угли, а также для кипячения воды в самоварах. Отсутствие мыла заменилось настоем воды с золой. Летом детям приходи-

лось помогать взрослым по уходу за овощами в колхозе и дома. Весной, как только подрастала трава, зерновые и другие культуры, руководство колхоза обязывало крестьян, содержащих скот, участвовать в строительстве ограждения полей плетнем (забором). Нужно было нарубить колья размером до двух метров, забить их в землю на расстояние 1,5 м. друг от друга по границам полей, нарубить лозу и заплести между кольями. Норма была более 100 метров, в зависимости от количества скота. Это делалось для того, чтобы скот не заходил на поля и луга. Выпас скота разрешался по лесу и оврагам, по некоторым участкам вдоль реки Дубна. Все население деревни, включая и детей, участвовало в уходе за овощными культурами. Подвозили на лошадях воду, поливали, пололи. Эти и другие работы возлагались на детей, и дома надо было сушить и убирать сено, заготавливать дрова. Осень была самым напряженным временем для всех жителей деревни. Техники для уборки урожая не было. Зерновые убирали вручную. Рожь жали женщины серпом, вязали и ставили снопы в копны, овес косили специальными косами вручную. Все скошенное и сжатое вывозилось на ток на лошадях, обмолачивалось на специальных молотилках, приводимых в работу лошадьми. Созревший лен обмолачивали вручную цепями. Выращенный и убранный урожай сдавали государству, а оставшиеся крохи распределяли по трудодням. Обмолот и уборка зерновых завершались в сентябре. В октябре наступала тяжелейшая страда: уборка картофеля, капусты, свеклы и других продовольственных и кормовых культур. Выкапывали картофель лошадьми и вручную лопатами, сдавали государству, закладывали на семена в хранилище. Часть оставшегося урожая распределялась по трудодням и доставлялась по домам.

Большие трудности возникали с подготовкой детей к школе. Требовалась одежда, обувь, учебники и тетради. Купить было не на что. Колхоз деньгами работу не оплачивал. Получаемое от коровы молоко продать было некому, да и лишнего не было, так как 400 литров молока обязаны были сдать государству бесплатно. Я помню, как у нас случилось несчастье - корова объелась на поле всходами ржи, и ее пришлось зарезать. Значит, план по сдаче молока семья не выполнила, поэтому мама ходила в Константиново покупала сливочное масло, равног объему несданного молока, и сдавала налоговому инспектору. А чтобы заиметь деньги, надо было отвезти в Москву на рынок картофель и другие овощи, это была почти каторжная работа, выпавшая на долю женщины. Картофель стоил копейки и на эти вырученные деньги надо купить детям самое необходимое. Налоговый инспектор приходил в дом и лично пересчитывал всю живность. Если зарезали теленка, овцу – шкуру сдай в заготконтору. Наступал учебный год. После окончания начальных классов дети переводились в семилетнюю школу в село Ше-

метово, расстояние до которого 4,5 км. Ходили, невзирая на погоду, 6 дней в неделю. Особенно тяжело было зимой: стояли жуткие морозы, снежные метели. Засыпало дороги и тропки. Выходили из дома в 8 часов утра, было темно и холодно. Весной раскисшие дороги и тропки, разливавшиеся ручьи, заполненные водой овраги и низины надо было преодолеть и прийти в школу сухими. Весенние каникулы объявлялись с начала весенней распутицы.

Далее работа в колхозе, обучение в фабрично-заводском училище, работа в тресте «Мосшахтострой» слесарем-монтажником до 1955 года, затем 3 года службы в армии. Вот так проходило наше детство в годы Великой Отечественной войны.

Отец, Игнатов Михаил Иванович, умер от ран 10 февраля 1944 года в госпитале и похоронен в Украине (Кировоградская обл. Александровский р-н, село Ясиноватка)

Игнатова (Арбузова) Надежда Григорьевна

Выходной день 22 июня 1941 года. Началась война. Мне 11 лет. Лето 1941 года. Немецкие самолеты пытаются прорваться в небо над Москвой. В Загорске воздушные тревоги. Мы одевались, выходили из домов и видели огоньки в небе – отблеск от выстрелов зениток, защищавших небо Москвы. 26 августа 1941 года моему отцу приходит повестка – на войну. От папы письма приходили довольно часто. Последнее он писал 2 октября 1941 года и больше ничего. После окончания войны получаем ответ на наш запрос: «пропал без вести в апреле 1942 года».

Осенью 1941 года мы с мамой шли по проспекту Красной Армии. Вдруг слышим резкий гул самолета. Он летел так низко, что были видны свастики на крыльях и голова летчика. Через несколько мгновений от самолета отделились предметы, похожие на апельсины. Затем взрывы.

Бомбы падали на участки возле домов на Первомайской (теперь Вознесенской) улице, где образовались средней глубины воронки.

С середины ноября 1941 года начали работать школы. Я начала учиться в 5 классе школы №1 (или РККА). В военные летние каникулы мы ходили в близлежащие колхозы. Пропалывали грядки с овощами. В 1943-44 учебном году нас, семиклассников, посыпали на заготовки дров в район Семхоза. Мы сгибали средних размеров березы, распиливали их, и один раз на санках отвозили в школу.

В школе была организована «Тимуровская команда», которая по-

могала пожилым женам и матерям фронтовиков. Ходили в госпиталь, расположенный в Лавре, с номерами художественной самодеятельности, писали и читали письма раненым, помогали ухаживать за ними.

Жизнь в школе была интересной. Работали кружки: драматический, физкультурный, но всегда хотелось есть. В школе нам выдавали по маленькому кусочку черного хлеба, очень редко посыпанного сахарным песком.

1945 год, 9 мая. Конец войны. Радость! Праздник «со слезами на глазах», так как почти каждая семья потеряла близких.

Калистова Зоя Михайловна

Родилась я 27 января 1936 года в деревне Парфёново Загорского района Московской области. Всю войну прожила в деревне.

Для фронта вязали носки, кисеты, собирали посылки, сдавали молоко, яйца и масло. Работали на заготовке дров, угля. Мать по двенадцать часов работала в колхозе. Семья была из девяти человек. В 1941г. отец ушёл на фронт. В войну наша семья кормила солдат и пускала их на постой. С ребятишками по полям собирали мороженый картофель или очистки. Из всех фронтовиков, ушедших на войну из нашей деревни, вернулся только отец в 1945 году инвалидом войны.

С пятнадцати лет я пошла работать. Итальянские пленные, которых я видела, работали на восстановлении заводов и фабрик. А наши безногие инвалиды ездили на самодельных каталках, ходили на деревянных костылях. С вечера занимали очередь за хлебом и мукой, которые давались по карточкам. Одежду носили по очереди. Валенки были одни на всю семью. Жили с керосинками и керогазом. Никто не ругался. Детские игрушки нашивали из тряпок. В каждом доме была русская печь. Мылись прямо в печке.

Калмыкова Октябринна Мартемьяновна

Я родилась 7-ого ноября 1939 года в г. Артёмовске Красноярского края. Была последним, двенадцатым ребёнком в семье.

Когда началась война, брата и папу забрали на фронт. Мы остались с мамой. В 1942 году мама решила переехать в Красноярск, где служил папа. Плыли на барже по Енисею, её заливало водой, все ехавшие вёдрами, ковшами, кастрюлями выливали воду, что бы не утонуть. До-

плыли до Минусинска, отдохнули и поплыли дальше до Красноярска. Приехали к папе, он жил в землянке, и мы тоже некоторое время жили там. Потом одну сестру взяли на работу в дом отдыха офицанткой, другую на фабрику, а третью взяли в семью домработницей. На заработанные ими деньги купили комнату метров десять.

А меня в 6 лет отдали в школу. Я умела читать и писать, и директор принял меня. Зимы были очень суровые, до 40-45 градусов мороза. Одеть было нечего. Хорошо, что рядом с нашим домом был «Дом офицеров»: мама ходила готовить им еду, стирать, мыть, и они мне отправляли одежду и еду. У моей учительницы воспитывались две девочки — немки. После уроков она меня забирала к себе, пекла пончики и нас — Эмму, Эрну и меня, кормила. После 7-го класса я сдала экзамены в техникум. Вдруг мы встречаем мою учительницу начальных классов, она папе говорит: «Нет, Октябринна должна закончить 10 классов. Она способная девочка». Папа так и решил. Закончила 10 классов и поступила в дошкольное педагогическое училище в 1957 г., где преподавателями были эвакуированные из Ленинграда специалисты.

По окончании училища работала воспитателем детских учреждений с 1961 по 1965 годы. Одновременно окончила Красноярский педагогический институт.

В 1967 году переехала во Владимирскую область.

Партийной работе и педагогике посвящена вся моя трудовая жизнь сначала во Владимирской, затем в Московской области.

За свою трудовую деятельность и активное участие в работе по патриотическому воспитанию молодежи, воинов Советской Армии, работу в Московском Комитете Защиты Мира награждена медалями А.С. Макаренко и «Ветеран труда», различными дипломами, почётными грамотами, почётным знаком. Думаю, что свою жизнь проживаю достойно.

Карпова (Нестерова) Валентина Васильевна

Я, Карпова Валентина Васильевна (Нестерова), родилась в Загорске в 1934 году в многодетной семье. Отец, Нестеров Василий Герасимович, работал на заводе №6 школьного приборостроения. Мама, Нестерова Агриппина Михайловна, домохозяйка, как мать-героиня награждена Орденом Материнская слава II степени.

Семья состояла из 11 человек: родители и девять человек детей. Шесть мальчиков и три девочки. Жили скромно и дружно, никогда не спори-

ли, кому что делать. Ходили в лес за дровами всей гурьбой, за грибами и ягодами.

Когда началась ВОВ, мне было семь с половиной. В июне 1941 года наша семья провожала на войну старшего брата 18-ти лет, который в 1942 году погиб под Ржевом. А в октябре 1941 г. на операционном столе умер отец, ему был 51 год. Мама осталась одна, сама девятая. Как жить и на что жить?

Братья, одному 16 лет, другому 15 лет, устраиваются на работу на завод № 6. В 1943 году уходит на войну следующий брат, ему только что, в январе, исполнилось 18 лет. А в марте 1943 года умирает от туберкулеза следующий брат в возрасте 17 лет (во время лечения умер в санатории, где находился несколько месяцев). Осталось два младших братика 12 и 13 лет. Пошли работать в сапожную артель наши кормильцы.

В 1944 г. от болезни, голода и холода умерла маленькая сестренка семи лет. Живем впроголодь, хоронить не на что. Кто-то из соседей принес ведро картошки и сто рублей денег.

В 1942 г. я пошла в первый класс. Трудно представить: одно пальтишко на троих и босые ноги. Питались очень бедно, хлебушек по карточкам давали по 300 грамм, а маме вообще 250 грамм, т.к. она не работала на производстве и считалась иждивенкой. А за этим хлебушком надо было вставать в такую очередь! Мы жили на Комсомольской, теперь Вифанской (да я и сейчас тут живу), а магазин, к которому мы были прикреплены, находился на проспекте, недалеко от тюрьмы. Я туда ходила сама, так как мне было 8-10 лет и я была большая - у меня и карточки, и деньги в кошельке. А один раз у меня украли кошелек с карточками. Я ревела и боялась идти домой. Но моя мама, умничка, не ругала, а уговаривала.

Было очень тяжелое время, но мы всегда верили в Победу.

Карташова (Карпова) Мария Николаевна

До войны мое каждое утро начиналось так: «Говорят все радиостанции Советского Союза. Доброе утро. Московское время 6 утра. На зарядку становись», что я и делала и продолжаю делать.

Стены нашего Сергиево-Посадского белого монастыря я не забуду никогда, все мое детство было связано с ним. Папа мне рассказывал, как в 35 году было все разрушено, а теперь все восстанавливают. В войну в Академии была баня, госпиталь и клуб, куда мы все ходили. В этом клубе были концерты московских театров. Меня однажды сестра записала учиться играть на скрипке, но я немного походила и бросила, а сейчас вспоминаю, как ходила в дом Пионеров, в кружок пения и танцев с Кировки в самый центр. Потом ходили всей гурьбой в парк и городское кино, что было около дороги внизу, где когда-то был городской рынок, теперь там стоит «Вечный Огонь» павшим солдатам в Войну. Вечная им Память. Приезжаю я сейчас на это место и вспоминаю, как когда-то на этом месте мы с мамой и папой продавали ведрами картошку, это был рынок. Вспомнила, как в 39 году был смерч с сильным ливнем. Все одноэтажные дома были затоплены.

Я последняя дочь, Карпова Мария, вспоминаю рассказы своего отца, свое детство и свою молодость.

Итак, начало моей юности, и мне 15 лет. Это было 22 июня 1941 года, воскресенье, утро. Я надела нарядное платье и пошла к брату Федору, что жил на конном дворе, а мы все жили на Кировке. В центре зашла в 12-й магазин (было 10 часов утра), а он переполнен народом. Слышу голос Юрия Левитана: «Внимание, внимание, говорят все радиостанции Советского Союза. На нашу страну в 4:30, без объявления Войны, напала Германия. Бомбят города Киев, Беларусь, Польшу. Самолеты сбрасывают бомбы, не щадя никого и ничего». Я побежала бегом до Конного Двора. Все сидели у самовара. Я вбежала, запыхалась, кричу: «Включите радио. Война!!!». Все застыли от неожиданности. С первых часов, когда мы вернулись на Кировку, дома не было никого. Брата Алешу и сестру Надю сразу вызвали в военкомат. Брат Федор Николаевич Карпов ушел на фронт, сестра Надежда Николаевна Карпова — медсестра — тоже на фронт. Брата Алексея Николаевича оставили в г. Загорске в ПВС охранять Подмосковье. Возил командование, он был шофер 1 класса. Военкомат был переполнен людьми. Все молодые ушли

на фронт, остались старики и дети. Папе было 58 лет, а мне - 15, и мы с ним целый год пилили лес для отопления Москвы. Сестра Надежда вывозила раненых с поля боя в эвакогоспиталь на поездах до Свердловска, Челябинска, на ее руках умирали молодые, раненые солдаты. Надежда Николаевна была награждена медалью за боевые заслуги. После войны работала 40 лет в роддоме в Загорске. Умерла в возрасте 80 лет от тяжелых ранений в 1995 году. Я, получив паспорт, в 1942 году пошла работать телефонисткой в г. Загорске на почте около вокзала, начальником телефонной станции был Хохлов Михаил Алексеевич. Старшая телефонистка Анна Васильевна Бобылева (была очень строгая), телефонный техник Катя Бочкина, Маша Махонина, Собылева Аня – телеграфисты, телефонистки Артемьева Паша, Ремизова Надя, Потехина Катя, Комарова Аня, Кокарева Анна, Столбикова Тоня, Сергеева Валя, Потехина Тоня и я – Карпова Мария - все за свой труд в Великую Отечественную Войну были награждены медалью «За Оборону Москвы». Работали по 12 часов, не сходя со стула по 2 смены.

Моя подруга Ягодинец Нина работала в госпитале на Кировке, все мы были молодые и послушные.

Мне особенно запомнилось утро 4 декабря 1941 года. Мама послала меня за водой, колонка была рядом, в 20 шагах от дома напротив Земской больницы. Подхожу я к колонке, и прямо на меня едут танки, на танках сидят солдаты, хорошо одеты, в белых полушибах, в валенках, в перчатках с одним или двумя пальцами. Я очень хорошо запомнила темные шапки и ватные брюки. Ко мне подошел командир и спросил: «Кто дома?». Я ему отвечаю: «Мама, папа». Он вошел в дом, поздоровался, и за ним вошли еще несколько человек. Папа сказал мне: «Маня, полезай в подпол и набери ведро картошки». Мы с мамой стали чистить картошку, большой чугун, как растопилась русская печка и мама поставила картошку варить и через час она сварилась. Мама потолкла ее, солдат дал тушенику, картошка получилась очень вкусная, вместо хлеба были сухари. А я стояла на кухне и видела, как они развернули карту и спрашивали отца, как проехать на Дмитров. Наш дом был на углу последний к дороге, как раз по этой дороге ездили из деревень Благовещенье и Воронцово. В ту сторону поехало 12 танков. После них брат заехал к нам утром очень рано, я спала на печке и все слышала. Алеша говорил папе: «Надо уезжать из дома. Немцы совсем близко», а отец сказал: «Никуда я не поеду. Умирать буду дома». Когда я проснулась, брат с командирами возвратился, и папа с мамой стали обнимать сына, а я в одной рубахе стояла и плакала от радости, когда Алеша сказал, что немцев разбили. Танковая бригада не допустила до Загорска. Война остановлена под Дмитровом. Я сама видела после войны, там поставили в память о войне танк, в честь погибших на войне наших защитников - танкистов. Их погибло много, защищая нас и Родину.

Прошло много лет после окончания войны, а у меня до сих пор звучит голос Левитана: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!». Народ был сильный духом! И мы победили.

Пусть никогда больше не будет войны, пусть отцы и матери спят спокойно и не переживают за своих детей!

После войны я устроилась работать в институт «Вакцина» лаборантом. Вышла замуж, у меня две дочки и три孙女. Мне 80 лет и я счастливый человек.

Ветеранам Победы!

*Сегодня день Победы наступил
В Весенний день, - наш праздник Юбилейный.
Когда колышется трава,
И набухает веточка сирени.*

*Как много ветеранов собралось,
- чтобы солдат почтить,
Ушедших на войну- героев.
В минуты первые войны,
Стеной, стоявшие в дозоре.*

*У Вечного огня они стоят,
Поникнув низко головою,
И вспоминают грозные года,
И жизни павшие героев.*

*На плиты возлагаются цветы,
Ведь это память о погибших,
Что защищали нас от пуль,
Внезапно хлынувших фашистов.*

*Ветераны войны,
будем помнить о вас мы всегда,
Ведь победу вы духом своим добывали.
Прославляем мы вас
За великую честь и за жизнь,
что в боях отдавали.*

Каташевский Анатолий Иванович

Военное лихолетье моего детства

Родился я в 1937 году, моё детство прошло на Дону, в Ростовской области, в станице, где в настоящее время возродился современный город Волгодонск. Начало войны запомнилось тем, что призвали на фронт летом 1941г. моего дядю Колю 1925г. рождения. Ему было 16 лет. Сейчас я знаю, что решением Государственного Комитета обороны призывали юношей 1925г. рождения. А в августе 1941г. моя мама поехала проводить своего брата Колю. Я не знаю, почему она взяла меня с собой, шестилетнего мальчишку. Добрались мы до Сальских степей на попутных военных машинах. Остались в моей памяти машины, пушки,

обозы, марширующая пехота. Всё двигалось в одном направлении - на запад, а навстречу шли беженцы, несущие, везущие на велосипедах, детских колясках, тачках свои пожитки. Виделись мы с дядей Колей всего полчаса в большом подвале. Это был блиндаж (землянка в 3 наката). А осенью, в боях при обороне г. Ростова на Дону дядя Коля погиб.

Первыми вестниками о приближении фронта для нашей станицы было то, что через станицу на восток прогнали стада овец, домашний скот. Огромной толпой шли беженцы на восток, рассказывая о том, что происходит в оставленных городах и сёлах. Осталось в памяти, как бабушка варила картошку, свёклу, тыкву и носила беженцам, подкармливала голодных детей, раненых, больных. Моя мама с соседкой и тётей Леной начали делать в огороде окоп, предпочитая там переждать бомбёжки. Я должен был носить от железной дороги металломолом. Начались налёты вражеской авиации. Разбомбили узловую железнодорожную станцию, огромное тысячтонное хранилище горючего, большое зернохранилище.

Я и сейчас, в своём возрасте, не могу спокойно находиться в аэропорту, меня до сих пор беспокоит гул самолётов. Память хранит это заивание, этот натужный гул авиационных двигателей самолётов, несущих свой смертоносный груз через станицу на восток, на Сталинград.

Слушая тревожные разговоры взрослых о немцах, я слышал, что это не люди, а злые цепные псы, не знающие пощады, сострадания и милосердия. У них нет ничего человеческого. В моём детском воображении возник образ немецкого солдата, что это человек с собачьей головой. Я где-то видел таких чудовищ в учебниках истории у моего дяди Коли. Впервые увидев немецких солдат, удивился, они, оказывается, такие же

люди. Но то, что они творили в нашей станице: жгли, вешали, избивали, расстреливали - это действительно были нелюди. Всё это, увиденное в детстве, навсегда осталось в зрительной памяти.

Наступление на Сталинград прокатилось жесточайшим катком через нашу станицу. Из 300 дворов (хат) половина уничтожены. Эти ожесточённые бои были в период выхода знаменитого приказа ГКО №227 «Ни шагу назад», о чём я узнал много десятилетий позже.

Фронт прошёл через нашу станицу, через наш примитивный окоп. Мы выжили, но оказались на оккупированной территории. Хозяева-ми стали здесь фашисты. Выполз я из окопа и с удивлением увидел на улице станицы громадную колонну танков с чёрными крестами, окрашенных в жёлто-оранжевую расцветку. Никто не понимал, почему такая раскраска. Это потом, через 25 лет я, обучаясь в Москве в военной академии, на занятиях по военному искусству узнал, что Гитлер приказал фельдмаршалу Роммелю, воевавшему в Северной Африке, перебросить часть своих танков под Сталинград.

Эта зима в окопе во время оккупации была самой тяжёлой в моей жизни. Ели одну свёклу, пухли от голода. Холод для нас был главный природный враг. Донские бескрайние степи пронизывает ветер, а дров нет. Единственным топливом были камыши, солома, трава «пекрати поле».

Из окопов нас, детей, почти не выпускали, да и нечего было одеть, обуть. Везде для мальчишек был соблазн: снаряды, порох, патроны. Удавалось убежать и посмотреть на пожарища, повешенных наших сельчан. В середине зимы в течение 3-х дней через нашу станицу шли нескончаемые колонны немецких танков в сторону Сталинграда. Потом, учась в академии, я узнаю, что танковая армия под командованием фельдмаршала Гудериана была брошена для спасения окружённой трёхсоттысячной армии Паулюса под Сталинградом. Наши войска на границе Ростовской и Сталинградской областей в бескрайних снежных донских степях эту танковую фашистскую группировку разбили. По этим фронтовым событиям был написан роман Юрием Бондарёвым «Горячий снег» и снят С. Бондарчуком художественный кинофильм с одноимённым названием.

В феврале-марте 1943г. после победоносной Сталинградской битвы фронт снова прокатился через нашу станицу на запад. Во время ожесточённых боёв станица была полностью уничтожена. Не осталось почти ни одного жилого помещения и хозяйственного строения.

Через многие десятилетия меня в числе высшего военного командования судьба привела в Белоруссию, где, знакомясь с героической судьбой белорусского народа в годы войны, мы посетили знаменитую деревню Хатынь. Глядя на оставшиеся печные трубы уничтоженной

фашистами белорусской деревни, я вспоминал такие же черные, зачехченные печные трубы родной донской станицы.

Немногие выжили в период ожесточённых боёв, а тех, кто остался жив, ожидали тяжелейшие годы послевоенного лихолетья.

Школьные годы начались для меня в 1945 г. В первый класс пошёл в 8 лет, потому что в 1944 г. учиться было негде, в станице не было ни одного помещения. Классы были сборные, один учитель одновременно вёл занятия с двумя или тремя классами. С благодарностью вспоминаю свою первую учительницу Варвару Афанасьевну, маленькую сухую старушку с ласковыми глазами, доброй материнской душой. Учебник был один на 5-7 учеников. Приходилось ходить по станице друг к другу и брать учебник на небольшое время. Тетрадей не было, писали на старых газетах между строк. Читал я ещё плохо, но картинки из довоенной газеты «Правда», которые бабушка доставала с чердака сарая, я запомнил на долгие годы. Чернила делали из ягод бузины, а если чернила были из химического карандаша, то это было богатством. Ручка чаще всего была самодельная. К палочке привязывали нитками металлическое перо, которое тоже считалось большим дефицитом. Были голодные годы. Главным продуктом была отварная свёкла. Деликатес – отварной и в духовке запечённый кабак (тыква). На уроках голод утоляли макухой (прессованный жмых).

Учителя нас даже не ругали, называли фамилию, ожидали, когда я уберу из рта соску, тогда уже задавали вопрос.

Считать учились на палочках, сами их делали, даже соревновались, у кого они лучше, дарили девочкам. Часто болели, лечили нас мамы и бабушки рыбьим жиром, отваром крапивы, малиной.

Самая большая для нас была проблема с одеждой и обувью. Шили одежду из всего, из чего только можно. Перешивали из обносок старших: рубаху, брюки, пиджак – всегда можно подогнать по возрасту. Обувь носили ту, что осталась от взрослых. Для нас ботинки 42-45 размера были настоящими «бахилами». В семье, где много детей, ходила в школу сестра в первую смену, а брат в этой же обуви – во вторую.

Но с каждым послевоенным годом жизнь менялась к лучшему. Взрослые видели это по-своему. А мы, дети войны, радовались тому, что появились тетради в косую линейку, да ещё с промокашкой, цветные карандаши, чернильницы-непроливайки, учебники на каждого ученика, портфели вместо сумок из тряпочки, лакированные галоши, резиновые боты и т.д.

65-70 лет минуло с того времени, судьба разбросала всех по свету, многие уже ушли из жизни.

Я помню слова Агаты Кристи: «Никогда не возвращайтесь туда, где вы были счастливы, если хотите, чтобы всё пережитое там, оставалось живым в Вашей памяти».

Но зов предков, память всегда тянет туда, где прошло твоё босоногое детство, юность. Последний раз побывал я на родине 20 лет назад. Из всей мальчишеской ватаги школьных друзей повстречался только с двумя: Толей Замуреевым и Колей Прозор.

Долгой мечтой была встреча, в ходе бурного и задушевного разговора чаще всего звучало восклицание: «А ПОМНИШЬ!»

Вспомнил своих станичных друзей – донских казаков. Судьба разметала их по всему миру.

Саша Рева стал заместителем директора атомной Ростовской электростанции в г. Волгодонске. Боря Дубин – контр-адмирал. Витя Березко совершил кругосветное путешествие вокруг земного шара. Саша Жердев погиб в Афганистане. Ала Адаменко (девичья фамилия) родила и воспитала двенадцать детей – мать-героиня. Толя Шкребец в советское время был заместителем Генерального прокурора СССР, в годы перестройки 10 лет – прокурором Краснодарского Края, присвоено ему звание – Герой Кубани. Я отслужил в армии 33 года, окончил военную академию, уволился в звании полковника, командовал армейским соединением численностью 12 тысяч военнослужащих.

Многие уже ушли из жизни, вечная им память – детям той страшной войны. Прошло 70 лет с тех памятных лет, а душа просится туда, на малую родину, вдохнуть вольный воздух донских степей, повидать тихую речку Сал, увидеть широкие улицы станицы, утопающие в весенней зелени садов.

Но слова великого мудрого философа предостерегают меня: «Если хочешь почувствовать, как прошла твоя жизнь, навести свою малую родину, узнай со скорбью, как мало там помнят тебя».

Квашнин Николай Григорьевич

Родился я в 1934 г. на хуторе Ленинский. До революции он назывался хутор Русанов (по имени панов, владельцев земли). Прадед арендовал у него до революции 170 десятин. А деда после революции раскулачили в 1930 г. и отправили с бабкой в Сибирь. Дед умер в 54 года, через 3 месяца после того, как вернулся с Урала из ссылки, а бабушка дожила до 82 лет.

На этом хуторе я пошёл в школу. 1-й класс я окончил в 1942 г. Осенью 1942 года пришли немцы. При немцах я 2 месяца ходил в школу, учил Закон Божий. Преподаватели были наши. Затем отец нас с братом оставил дома. В феврале 1943 г. нас освободила Советская Армия (левый берег реки Кубани), а правый берег реки был под немцами. Линия фронта

проходила по реке Кубани. Я был в оккупации с августа 1942 г. по март 1943 г.

В марте 1943 г. мы переехали жить на другой хутор, и я там закончил 4 класса начальной школы. В 5-м классе я уже учился в другой школе и каждую субботу ходил домой пешком 18 км. У нас там было очень много волков, ходить было очень страшно. А нужно было пройти 12 км, а 6 км – это был наш хутор. Летом я ездил на велосипеде, а зимой сначала ходил пешком, а затем жил у дяди. Там и встретил вместе со всеми незабываемый, радостный День Победы.

Киселёва (Щербакова) Александра Викторовна

Родилась я в апреле 1937 года в селе Верхне-Троицк Туймазинского р-на в Башкирии. Село было большое – 400 домов и 5 улиц. Была школа -10-летка, больница.

Отец мой, Виктор Иванович, работал продавцом в сельском магазине. Когда началась война, его призвали на фронт. Вскоре пришла похоронка – отец погиб.

Мама работала в артели, где ткали мочало. В апреле в лесу заготавливали лубок липы, мочили его всё лето в болоте, осенью вынимали из болота мочало. Зимой ткали из него ленты, рогожи.

Нас детей было трое: старшая сестра Евгения 1936 г.р., я была вторая, третий - брат Василий 1939 г.р.

За свой труд мама получала палочки. Она всё время удивлялась: «Как мы могли выжить?» А нам помогал лес. Всё лето мы жили в лесу, где постоянно собирали ягоды, орехи, грибы и даже дикий чеснок. Можно сказать, что, благодаря хорошему лесному урожаю, мы выжили.

Во время войны было особенно тяжело зимой. Нам нечего было одеть и обуть. Дров не было. Очень строго следили, чтобы никто из леса ничего не принёс, хотя мама, как и многие женщины, работала в лесу на заготовке дров.

Если нам, детям, надо было куда-то выйти, то обувались по очереди, по пословице: «Кто первый встал, того и лапти». Лапти на рынке стоили 3 рубля, а заработать их было очень сложно. Радости в детстве было мало. Единственно, что осталось в памяти – это на Новый год мама умудрялась испечь лепёшки. Такими они были вкусными! Наряжали сосенку, игрушки делали сами. Плели из бумаги цепочки. На сосенку вешали и лепёшки.

Немцев у нас не было, боёв тоже, но мы их видели – это были пленные немцы. Они работали в полях, выращивали турнепс, шили для себя обувь на деревянной подошве. Мне удалось поносить такую обувь зимой, но она была неудобной, т.к. на деревянную подошву налипал снег, и ходить было сложно.

С семи лет я пошла в школу. Учились не очень хорошо. Всё время хотелось есть. Учителя были замечательные. Они всегда помогали нам в учёбе. Домой уходили после нас, а мы часто рады были остаться в школе подольше. В школе было тепло, и мы были под присмотром учителей, готовых всегда нам помочь.

В нашем районе искали нефть геологи из Москвы. Им нужна была нянька. Я им приглянулась. Они долго уговаривали маму. Я ведь ещё не закончила 7 классов. Так я оказалась в Москве, где и закончила семилетку. В 18-летнем возрасте они помогли мне устроиться на завод: «Электроизолит», где я получила общежитие. С тех пор я живу в Хотьково.

У меня две внучки и четыре правнука. Жизнь прожита не зря.

Киселева Настя, 13 лет, школа №1

Дети войны ...

Я горжусь тобой, дедушка!

Мой дедушка, Хомяков Петр Сергеевич родился 25 ноября 1935 г. в деревне Литовня Навлинского района Брянской области в крестьянской семье. До войны в семье было пятеро детей: Римма (1926г.), Маша (1930г.), Петр (1935г.), Нина (1938г.), Тоня (1941г.). «Тяжелое детство, трудно о нем вспоминать», - говорит дедушка.

Началась война, отец ушел на фронт. В конце августа 1943 г. немцы при отступлении проходили через село Литовня. Вся семья (мать и 5 детей) насильно были угнаны в Германию. По Белоруссии ехали на поезде, тащили за собой и корову. Взрослые шли пешком за обозом. Дети пухли от голода и холода. Мыться было негде, заедали вши. На границе с Польшей погрузили всех в товарный эшелон. По дороге старшие пытались приносить детям кусочки хлеба. Тех, кто не подчинялся конвоирам, расстреливали на месте на глазах у всех. Наконец прибыли в Германию в г. Штутгарт. Жили за колючей проволокой. Кормили сырой брюквой и свеклой. Заставляли работать на немецких хозяев. В один прекрасный день русская разведка освободила всю семью Хомяковых. Всех направили помогать нашей армии строить аэродром. Близилась победа. Русские войска окружили Берлин. Наших стали отправлять в г. Ланцберг на реке Одер, там был сборный

пункт, оттуда прямая дорога на Родину. Здесь и был встречен долгожданный день Победы. «Объятья, слезы, песни, пляски, выстрелы – все перемешалось. Этого никогда не забыть», – вспоминает дедушка.

В конце мая 1945 г. вся семья, все живые, вернулись в родную деревню, которую немцы сожгли дотла. Из 360 домов осталось только 3 дома. Все жители деревни, которые вернулись домой, жили в землянках и погребах. Очень трудно было кормить семью, восстанавливать хозяйство. Дедушка с тремя сестрами ходил в лес, собирал ягоды, грибы, орехи. Все, что насобирали, сразу отсиживали на продажу на станцию Навля. Шли пешком 14 км или ехали на крыше вагона от Навли до Брянска. Уставшие, измученные, с мозолями на ногах поздно ночью возвращались домой. На следующий день все повторялось сначала. Вот так выживали после войны.

Дедушка говорит: «Я с нетерпением ждал 1 сентября, чтобы пойти в школу учиться». Учеба в школе для него была большой радостью. Закончив седьмой класс с отличием, дедушка приехал в Хотьково к старшей сестре, которая после войны стала работать на заводе «Электроизолит». Затем дедушка с отличием окончил машиностроительный техникум в Мытищах, и его без экзаменов зачислили в МВТУ им. Баумана. Вместе с однокурсниками работал на целине, убирал хлеб. По окончании МВТУ дедушка получил направление на работу в г. Ногинск на завод топливной аппаратуры, где проработал три года. Затем трудился в НИИ тока в Москве. В 1966 г. женился и с 1968 г. работает в Хотькове в КТБ ЦНИИСМ.

Дедушка – несовершеннолетний узник, ветеран труда (стаж работы 49 лет), имеет награды, медали, ему присвоено звание «Почетный машиностроитель», медаль «За успехи в народном хозяйстве СССР». Чертты его характера: скромность и честность, требовательность и принципиальность, необыкновенное трудолюбие, как умственное, так и физическое. Любит ходить пешком, делает зарядку, играет в шахматы, трудится на даче. Я часто ходила с дедушкой на дачу. Однажды мы возвращались с дачи домой. Пшел сильный дождь. Стоя под деревом, он закрывал меня собой, как птица крыльями. Я была сухая, а дедушка промок до нитки. Мне нравится ходить с дедушкой в лес за грибами,

играть в шахматы (он меня научил). Сейчас дедушка на заслуженном отдыхе, и я очень его люблю и горжусь им. Мне есть с кем брать пример. Я счастлива.

Киселева Галина Ивановна

Терпение даёт умение

Великая Отечественная война коснулась каждой советской семьи, но в памяти людей она отразилась по-разному. Мужчины ушли на фронт, оставили жен с детьми. Совет ветеранов нашего района, издав в 2013 году книгу «Дети войны, дети Победы», увековечил память тех, кто родился до войны, кто наравне со взрослыми погибали, пухли от голода, создавали оружие, убирали хлеб на полях, шили рукавицы... всего не перечислить! Но выжили!

Я родилась 21 октября 1941 года. На фронт были призваны мой отец, Иван Григорьевич Дурандин, 3 его брата, 7 ближайших родственников со стороны моей мамы, Пановой Марии Ивановны.

С ноября 1941 по май 1945 г. Дурандины и Пановы получили 6 похоронок. Мой отец вернулся с войны 31 декабря 1945 года. Поздним вечером вся семья была в сборе, все чего-то ждали. Стук в окно. Бабушка бросилась в коридор. В избу вошел Дед Мороз в белом полуушубке, белой шапке - ушанке, необыкновенных рукавицах с двумя пальцами. Нагруженные санки (все детство я каталась на них с гор) подталкивала бабушка.

С этой минуты вся моя жизнь сохранилась в памяти со всеми подробностями. Родные бросились обнимать отца, а когда он разделся, увидели ордена и медали на груди. Отец вернулся в село одним из последних фронтовиков.

Весной, после салютов Победы, через всю страну от Кенигсберга до Хабаровска в теплушках победители ехали добывать японцев на Дальний восток. Таким же продолжительным было возвращение. Велосипед, фотоаппарат со всеми тогдашними атрибутами, патефон с пластинками модных исполнителей, бинокль, набор редких инструментов для строителя стали для взрослых и детворы любопытными трофеями. По вечерам односельчане собирались в нашем маленьком доме (новый остался недостроенным до возвращения отца) и слушали интересные воспоминания, чаще всего позитивные. Вот с тех пор я и сравниваю официальную информацию о войне с рассказами фронтовиков и тех,

кто выживал и ковал победу в тылу: в колхозах, на заводах и фабриках, в леспромхозах.

Отец имел техническое образование. Он участвовал в восстановлении местной электростанции, ремонте грузовиков и тракторов в лесоучастке.

Летом 1946 года случился пожар. Выгорело 2/3 села, в том числе и наш недостроенный дом. Сколько было слез и причитаний! Это второе яркое событие, связанное с ранним детством.

Деревня возрождалась, требовалось много стройматериалов. У каждого дома стояли высокие «коzлы», на которые закатывали бревна и вручную распиливали двухметровой пилой-двуручкой на тесины, а пилить могли только до и после работы. Отец пристроил пилораму к водяному колесу на мельнице. Заказов на помол зерна летом мало. С утра до позднего вечера разносилось над рекой жужжание пилы. Отбоя от просьб не было. Всем хотелось помочь. Утром, в обед и вечером я носила еду папе. Бабушка Надя будила меня со словами: «Иди, дитятко, некогда папе домой!»

Мама моего отца всегда ходила в темной одежде. Она носила траур по мужу и двум своим сыновьям. Похоронки лежали за иконами, перед которыми она молилась на коленях по ночам и ранним утром, пока все спали, молилась за убитых и живых (два внука и сын Алексей вернулись с фронта тяжело контуженными).

После посевной, весной 1947 года, люди торопились завершить строительство до зимы, переселиться из бань и времянок в дома. Ждали новоселья и мы. Всю зиму папа и родственники по воскресеньям возрождали на пепелище новый дом, оставалось только выполнить внутреннюю отделку и выложить печь. Пилорама работала без перерыва. В середине июня, накануне Троицы, в субботу, папа пришел на обед домой. В окно постучал сосед, вернувшийся с войны полуслепым. Не мог отец отказать инвалиду и налегке, не надев гимнастерки, побежал на мельницу. Через час уже все село знало о несчастье. Иван Васильевич не принял вовремя доску, и она ударила папу в живот. Я прибежала первой. Он лежал в своей мастерской белый-белый, но, как всегда улыбался, и погладил меня по голове. Прибежавшие мама (с двух месячной сестрой на руках) и бабушка не могли поверить, как изменился весь его облик. Отца очень ценили и уважали, и директор леспромхоза вызвал самолет. Санитарный «кукурузник» доставил его в областную больницу г. Иваново. Но время было упущено, начался перитонит. Прошедший войну с первого и до последнего дня, выживший после трех ранений, ушел из жизни тридцати двух лет, оставив больную мать, жену и двух маленьких дочек — грудную и шести лет.

Я так подробно рассказала о гибели папы потому, что последующие

разговоры родных вспомнила много лет спустя. После смерти моей мамы в 1987 году, перебирая документы в особой шкатулке, которую она хранила, как святыню, я нашла конверт. В нем хранилась молитва-обращение к Пресвятой Богородице на двух больших листах о защите сына. Страницы были в каплях крови. От времени они пожелтели. После похорон бабушка рыдала над гимнастеркой. Из кармана она достала платок, в который были завернуты листочки. «Так вот почему ты ушел от нас, дитятко!» — приговаривала она. Теперь этот конверт я храню, как семейный оберег, у образа Божьей Матери.

Дальше моя жизнь ничем не отличалась от сценариев послевоенных книг и фильмов. С мая по октябрь с раннего утра до позднего вечера дети и подростки выполняли добросовестно обязанности по дому, по школе, по селу: необходимо было наносить 40-50 литров воды из колодца, прополоть грядки, утром выгнать, а вечером встретить домашних животных, полить огород дома и на пришкольном участке, посадки капусты и турнепса у реки. Каждая семья обязана была по очереди дежурить круглосуточно на плотине, в ночное время в целях противопожарной безопасности выделять «нарочных» для пересылки срочной информации в район, пасти лошадей —ходить в ночное. А уж про сезонные сельские работы можно тома написать. От «навозницы» в марте до расстила и уборки льна в сентябре прописаны обязанности в каждом подворье для каждого члена семьи.

Хочется рассказать об обязательствах перед государством. С шести лет в 7 часов утра бабушка поднимала меня, вручала специально для меня выкованное закрывающееся ведерочко с молоком, и я несла его на приемный пункт — 250 литров ежегодно с 1947 по 1955 г.г. Все квитанции на молоко, мясо, шерсть, яйца, шкуры, зерно, картофель я храню до сих пор. Трудно сейчас поверить в то, что мы имели во дворе корову, а молоко пила только сестра. Но все это воспринимали как должное.

В школу я пошла в 1947 году. Со мной, шестилеткой, сидели подростки 12-15 лет: загорелые лица, рабочие руки и очень старательные школьники. Учились все очень хорошо. Стеснялись. Уходили после 4 класса, кто в армию, кто в училища, а кто и создавал семью. Какие это порядочные люди! И сейчас они мудрые, добрые «родственники — одноклассники» на родине, куда я вместе с сестрой 58 лет приезжаю на могилы родных.

Привычную повседневность со всеми трудностями могли нарушить трагические обстоятельства. Например, в 1949 году наша корова обвязалась зеленым клевером, и ее пришлось прирезать. Село дружно скупило мясо, чтобы мы смогли купить, если не корову, то стельную телушку. Мама взяла меня, восьмилетнюю девочку, с собой на скотный рынок в город Кинешму. Денег на корову не хватило. На пароходе плывем в го-

род Юрьевец. На наше счастье сразу наткнулись на женщину, которая не знала, что делать с коровой. Семья уже сидела на пристани с билетами, а скотину не удалось продать. Мы отдали все, что у нас было, и с Буренкой отправились в путь. Добирались три дня. Питались молоком от новой черно-белой красавицы со звездой на лбу. Спали у стогов в обнимку. Так и дружили до конца. Ни разу не лягнула коровушка меня, первой бежала из стада, облизывала ладони за корочки, которые я всегда для нее сберегала. Каждую весну дарила нам телочку. В стаде было много родственниц от нашей любимицы. С 11 лет с мая по сентябрь наряд на работу получала, как взрослая. Трудились на совесть, и только многочисленные болячки теперь напоминают о том непростом времени для всей страны и ее граждан – взрослых и детей.

Среднюю школу окончила в 1958 году (9-10 классы были платными). В школу ходили за 5 километров ежедневно. В особо ненастные или морозные дни ночевали у знакомых по договоренности. С отличным аттестатом и примерной характеристикой меня приняли на историко-филологический факультет педагогического института в г. Иваново. Но проучилась я только одну сессию. Бабушка слегла. Мама перенесла сложную операцию. Я стала единственной кормилицей. На «палочки» хлеба не купиши. Колхозы облагались дополнительными поставками, печатались многочисленные денежные займы. Нужно было даже кро-

хотные излишки в личном хозяйстве продать, чтобы рассчитаться по займу и налогам. Я оформилась на заочное отделение. Учителя и директор школы Коробов Н.Ф. узнали о моей беде и предложили работу старшей вожатой с часами музыки и рисования. Педагогическая профессия стала делом всей моей жизни на 50 лет.

Но в памяти моей не только лишения. Так жила вся страна, которая возрождалась из руин после войны. Меня избрали секретарем территориальной комсомольской организации. Субботники, выступления, агитбригады на фермах и лесоучастке, творческие встречи в клубе и «красных уголках», на животноводческих фермах, политинформации – неполный перечень общественных поручений от партийной организации. В 1961 году в составе отряда от Ивановской областной комсомольской организации поехала в Казахстан. Это был второй призыв специалистов, в которых нуждались совхозы на целинных землях.

С 1975 года моя семья живет в Сергиевом Посаде. 38 лет проработала в Управлении образования. Я родилась, выросла, сформировалась, как личность, в СССР. Какой бы период моей жизни я ни взяла, до или после перестройки, Родина признавала мой вклад гражданина в развитие образования: награждена Медалью за освоение целинных и залежных земель, присвоено звание «Отличник народного просвещения», награждена Орденом равноапостольной княгини Ольги.

Современники ругают Советский Союз, называют тюрьмой народов, где процветали репрессии, разрушались храмы и расстреливали священнослужителей. Другие, наоборот, хвалят. «Мы были сверхдержавой, выиграли тяжелейшую войну, имеем выдающиеся достижения и подвиги советских людей». Первые утверждают, что все это делалось, «не жалея людей», «заваливая противника трупами» ... Вторые – разговорами о советском периоде пытаются воспитать нас нынешних.

По своей наивности мы думаем, что мы сами себя формируем, лепим самих себя. На самом деле, нас формируют встречи с людьми, события. На моем жизненном пути остались в памяти встречи – маяки.

Встречи в моей семье стали для меня образцом трудолюбия, милосердия, послушания. Мои родители поддерживали, как могли, осиротевшие семьи родственников. Взрослые всегда были заняты делом. Уроки по ведению домашнего хозяйства, выполнение поручений запомнились мне на всю жизнь.

Встречи в школьной жизни, в которой мои наставники — учителя не только давали знания, но и раскрывали все тайнички моих способностей.

Встречи с преподавателями русской литературы и истории сформировали меня Человеком, помогли выбрать правильный путь в профессию и преодолеть все трудности и коллизии учительского труда.

Итогом встречи двух комсомольских вожаков стала сорокатрехлетняя счастливая семейная жизнь. Какие потрясающие стихи посвящал нам Киселев Валентин Федорович, муж и отец моей дочери! «Счастлив...», «Удачлив...», «Уверен в своих силах», «...потому что вы есть у меня».

Встречи на Сергиево - Посадской земле с мастерами педагогического труда иначе как подарком свыше не назовешь. Они не перевернули мою жизнь, но оставили след в душе и сегодня озаряют светом и теплом, наполняют смыслом суету дней. Были коллегами, а стали друзьями не только мне, но и моим детям и внукам.

Встреча со священником Владимиром Янгичером, игуменом Иоанном (Самойловым) помогает хотя бы немного искупить вину за свой атеизм. Снова, как в раннем детстве, на примере бабушки, я увидела, как человек может истинно любить Бога и сопереживать ближнему. Это сильно изменяет взгляд на жизнь. Все наши трудности и неурядицы ничто по сравнению с испытаниями, выпавшими на долю велико-мучеников и страстотерпцев за веру Христову.

Духовное наследие — неиссякаемый источник для тех, кто учит и воспитывает новое поколение сегодня. Они творчески ищут замену пустоте и идеологической бессмысленности.

Встречи на Рождественских образовательных чтениях, в паломнических поездках, на конкурсах учителей и учащихся, в организации которых по мере сил принимаю участие, наполняют смыслом образовательно-воспитательную деятельность, помогают найти общий язык людям разных культурных традиций. «Все еще впереди!»

Колгушкина Галина Васильевна

Я, Галина Васильевна Колгушкина, 1931 года рождения, учитель по профессии, проработала в школе 44 года, из них 28 лет — в Хотьковской начальной школе №3. В свою родную школу я и прихожу уже несколько лет перед Днём Победы, чтобы рассказать детям о войне: как начиналась, о годах войны, о Великой Победе.

... Я закончила третий класс с хорошими отметками, радостно начались каникулы: купание на речке, походы в лес за ягодами, игры с товарищами.

Неожиданно страшная весть: война. Папа ушёл на фронт, а нас у мамы было трое детей.

Забыли игры, радость, веселье. Помогали маме во всех делах: пилить дрова, носить воду, доить коров, работать в каникулы на колхозных полях вместе со взрослыми. В 1946 году за ударную работу в годы войны я и моя мама получили медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Над деревней пролетали немецкие самолёты каждый день бомбить Угличскую ГЭС, чтобы оставить Москву без света. В школе не хватало дров, и зимой сидели в пальто, чернила замерзали. Тетрадей не было, и писали на книжках. Учебников было мало. По одной книжке учились несколько ребят. Занимали очередь, кто за кем возьмёт книгу. Кончился керосин, стали зажигать лампадки. Деревня кормила армию, город, сама не доедала. Питались гнилой картошкой, травой, мякиной. Каждый день ждали почтальона с письмом от папы с фронта.

Но вот в 1943 году вместо письма пришла похоронка из военкомата: «Колгушкин Василий Петрович убит в боях за Родину». Сколько было слёз — не рассказать и не описать.

Один раз около нашей деревни сбили немецкий самолёт, и мы бегали смотреть на мёртвых немцев. Наш лётчик тоже погиб, его увезли в Москву.

Год за годом, день за днём — пришёл долгожданный День Победы. Радио не было, мы пошли в школу. Там нас встречали учителя и говорили: «Идите домой. Праздник. Мы победили! Война окончена». Вечером собрались за столом и плакали от радости, и что никогда не увидим папу...

В 1948 году, по окончании Угличского педагогического училища и вечернего Загорского педагогического института, я — семнадцатилетняя девочка — получила направление на работу в Читинскую область учителем начальных классов. Затем трудилась на ЗОМЗе (1952 — 1956 годы), так как не было работы для учителя. Далее — Прокшино, Филимоново. В 1972 году переступила порог Хотьковской начальной школы №3 и с большим желанием и любовью стала учить малышей. С особым увлечением проводила уроки математики, чтения и русского языка. Вела в школе шахматно-шашечный кружок. Часто приходилось совмещать работу учителя и пионервожатой или библиотекаря. Стажировала студентов из сельскохозяйственного техникума в период их педагогической практики. Неоднократно была награждена почётными грамотами и наградами. Мой девиз: «Дети — моя радость, моё счастье!»

Сейчас стараюсь вести активный образ жизни: хожу на экскурсии, посещаю концерты в городе, помогаю воспитывать правнуков.

Хочется сказать: «Дети, вам досталось жить в мирное время. Живите, радуйтесь, хорошо учитесь. Желаю вам всем перейти в следующий класс и весёлых летних каникул».

Спасибо учителям, родителям и детям. Спасибо Зинаиде Ивановне Хомяковой, руководительнице нашей организации ветеранов образования, за заботу о нас, ветеранах: она отмечает наши юбилеи, поздравляет с праздниками, возит на экскурсии, разные мероприятия.

Колосова (Каморина) Валентина Васильевна

Блокада Ленинграда

Я житель блокадного Ленинграда, мне 79 лет. Во время блокады Ленинграда мне было 7 лет. Я жила с мамой, бабушкой и сестрой, ей было 11 лет. Жили мы в Выборгском районе. Это был рабочий район. Там было много заводов и фабрик, и поэтому Гитлер бомбил наш район очень сильно и часто.

Мы жили на 6-ом этаже большого дома. Лифтов тогда не было, конечно. Бомбили снарядами и зажигательными бомбами.

Во время бомбежки все жители дома спускались в бомбоубежище и сидели до конца бомбежки, по 2-3 часа. Бомбили в основном ночью. Когда бомбежка прекращалась, мы поднимались в квартиру. Очень хотелось спать. Спали мы, не раздеваясь, в зимней одежде и ждали, когда бомбить начнут снова. И так 2-3 раза в ночь.

Во время бомбёжки, пока мы бежали вниз, двери в квартирах раскрывались настежь, окна и стекла выбивало.

Была зима. Окна закрывали, чем попало: фанерой, одеялами. Холод был такой, что ложки примерзали к языку.

Люди умирали каждый день. В доме было много пустых квартир и комнат: занимай, какую хочешь. Мы поселились в квартиру, в которой были окна целые.

Когда вошли в квартиру, в проходной комнате на столе лежал мужчина - мертвец, в темноте (света не было) проходили в свою через эту комнату. Нас с сестрой даже это не смущало. Через 2 дня его унесли во двор, в сарай. Зимой тела быстро замерзали, их бросали как бревна на машины, отвозили и закапывали в общую могилу. В маленькой комнате мама и бабушка спали на полу, мы с сестрой на кровати. Бабушка плохо себя чувствовала, когда вечером на печурке мама варила кашу. Она стонала. Мама успокаивала её и говорила: «Сейчас, мамочка каша сварится». И, когда каша была готова, мамочка подошла к ней, а бабушка так и не дождалась, она умерла тихо.

Наша мама не отнесла её в сарай. Она сломала шкаф, что стоял в комнате, где раньше лежал мертвец. Сделали гроб. В день похорон мама отвела нас с сестрой к моей крестной матери (она жила в нашем доме).

Вечером, когда вернулась, вошла в комнату и заплакала. Мы с сестрой лежали на кровати. Она сказала: «Простите меня! Хлеб, который я получала по карточкам, мне пришлось отдать людям, которые вырыли могилу».

У крестной нашелся лавровый лист. Мама вскипятила воду, посолила, положила по 2 листочка и дала нам выпить эту водичку. Это была наша пища за день. В нашей комнате, в которой мы жили, вставили стекла в окна, и мы снова вернулись домой. Комната была большая, но нас это не радовало. Через несколько дней умирает моя сестренка. Лидочек было 11 лет. Умерла от страшной болезни (цинга)- это от голода. На этот раз пришлось уже сломать старинный шкаф и похоронить Лидочку на кладбище рядом с бабушкой.

Люди, погибая от голода, ждали, когда в сарай бросят умершего. Пока он еще совсем не заморозился, старались срезать с него куски тела, отваривали и съедали, или варили студень и продавали на рынке. Это уже мама мне рассказала, но не сразу.

Она купила на рынке этот студень и похвасталась соседке. Она обрадовалась, что купила дёшево. Хорошо, что похвасталась, соседка во время её остановила, этот студень оказался из человеческого мяса, и мама со слезами его выбросила.

А еще я расскажу тоже очень страшный случай. Это мне тоже рас-

сказала мама. В нашем доме была булочная. Там люди получали свои граммы хлеба по карточкам. Стояла большая очередь. Слева около весов стоял парнишка, женщина подала карточки, и продавец не успел отвесить нужную ей норму, как этот мальчик схватил этот хлеб. Он упал на пол, схватил этот хлеб и стал его глотать. Люди, которые стояли в очереди, напали на него и стали его избивать. Парнишка успел хлеб съесть, но заплатил своею жизнью.

Вот и все, что я могу вам рассказать из своей детской жизни в те страшные времена.

Королёва Галина Михайловна

Воспоминания о войне

Родилась во Владимирской обл., Струнинский р-н, с. Искра. Война застала меня в 10 ч. 22 июня 1941г.. Мы с подругой гуляли, собирали около речки щавель. Вдруг увидели скачущего всадника на коне, который проскакал к проходной завода. Через минут пять загудел на заводе гудок, гудел очень долго, все рабочие очень быстро бежали домой, что-то кричали. Мы тоже побежали по домам. Когда я прибежала домой, папа сообщил, что началась война. Всех мужчин собирают на призывной пункт в пос. Муханово, от нашего пос. Искра 3 км. Папу сразу не забрали, он был призван в августе. Провожали всех дети, бежали за отцами, плакали, кричали. Очень многие не вернулись назад. Кончилась мирная, беспечная жизнь, мы все оказались в пучине беды. В нашей семье было четверо детей, два брата старше меня — им было по 15, 13 лет, а мне самой — 10 лет, младшему брату три года. В семье было хозяйство: корова, куры, поросёнок. Мама на заводе не работала, а занималась дома по хозяйству, и у каждого из нас по дому была определённая работа: на огороде, в заготовке сена, дров на зиму. Никто без работы не болтался. Ребята любили рыбалку, без улова никогда не приходили, так что во время войны это тоже пригодилось. В августе-месяце папу тоже призвали, но он нам за эти 2 месяца много помог, у него были золотые руки, он мог починить любой сельскохозяйственный инвентарь, любые машины и т. д. Кругом нас были деревни, в которых требовалась эта работа, а платили зерном, поэтому мы зиму 1942 г. прожили, не испытывая голода и холода. Дрова умели заготавливать, любую работу на огороде делали без труда, но беда пришла и в наш дом. В январе умер старший брат, у него были больные почки. Он выпросился у мамы посмотреть Москву и повидать бабушек

и дедушку, а также родственников, а главное, посмотреть салют в честь разгрома немцев под Москвой. Всё это он увидел, всех навестил, вернулся домой, много интересного нам рассказал, но очень простудился и через неделю он умер, а точнее - 27 января 1942г. Папа в это время был на фронте, вернее, в боях под Москвой он участвовал, получил первую награду — медаль «За отвагу». Папа прошёл всю войну от Москвы до Пруссии, был трижды ранен, но после госпиталя снова возвращался на фронт. Он имел много наград, орден «Красной звезды», три медали «За отвагу» и ещё много медалей.

Жили мы за счёт того, что наша семья была приучена к любой работе. Во время учёбы мы в школе, ещё в 4 классе, организовали отряд, я была звеньевой. Мы помогали в колхозе на сельскохозяйственных работах, в основном убирали лён, возили его в овины, сушили, колотили головки; вязали снопы овса, собирали картошку, капусту, свёклу. За всё тоже нам платили или зерном, или картошкой. Кругом было горе. Ни одного дня не проходило без слёз. У кого-то не стало отца, или брата, или сестры. Во время войны у нас жили бабушка, дедушка и двое внуков из Подмосковья, а точнее из «Подлипок», теперь г. Королёв — это мамины родители и племянники. Они жили у нас две зимы, потому что их родители работали на военном заводе в Подлипках. Работали круглосуточно, часа 3-4 отдыхали, и снова работали, выпускали мины, снаряды. Поэтому они жили у нас, да ещё были у них без конца бомбёжки. У нас не было бомбёжек, хотя каждую ночь было страшно, когда летели вражеские самолёты на Москву. Мне часто до сих пор слышны эти звуки во сне, просыпаюсь в поту и проклинаю Гитлера. На всю жизнь у меня отложилось это страшное впечатление.

Ещё вот что хочется вспомнить: когда пошла в первый класс, было в классе 30 человек, из 30 человек только 4 закончили 7 классов, а это было в 1945 г. Все остальные бросили ходить в школу, потому что школа была в пос. Муханово, в 3 км. от дома, многим не в чем было ходить, голодно, все пошли работать на завод. Во время войны на заводе выпускали глиняную посуду: плошки, горшки, крынки. Рабочие зарплату получали этой посудой, а потом по деревням её меняли на картошку, это многих спасло от голода. Во время войны нам, детям, выдавали на карточки 200 г хлеба, а рабочим 500 г, а тем, кто не работал на заводе — 300 г.

Но всё плохое ушло и наступил 1945 г., май месяц. Я окончила 7 класс, и ещё трое ребят, т. е. двое мальчиков и моя любимая подружка. Они пошли в техникум в г. Краснозаводск, а я одна окончила в 1948 г. среднюю школу в пос. Муханово и поступила в Загорский учительский институт, по окончании которого была направлена в Забайкалье. Затем вернулась домой. Стала работать в школе г. Краснозаводска, где проработала 48 лет.

Много можно было ещё вспоминать, но это очень грустно и обидно, что мы, дети войны, не видели детства, а сразу стали взрослыми. Хочу сказать опять о себе и моих сверстниках, мы всё умели делать в 13-14 лет: косили, доили коров, работали на огородах, а сколько земли перекопали — страшно вспоминать, руки были всегда в мозолях, а после войны тоже было очень трудно жить. Наша семья не лишилась кормильца. Вернулся папа, а он умел всё делать, поэтому мы трое детей получили высшее образование. Старший брат был лётчиком, закончил академию в Монино, младший брат всю свою жизнь проработал механиком, а я педагогом, благодаря нашим родителям, которые были великие труженики. Низкий поклон им до самой земли.

Своих детей, а у меня 2 сына, воспитывая, тоже приучала к труду с малых лет, поэтому выросли дети достойные, закончили в Москве институты, трудятся на благо нашей страны.

Род наш продолжается, пока идёт всё благополучно. Хочется верить, что наши дети и внуки не увидят того ужаса, что пришлось испытать нам.

Королёва Серафима Ивановна

Я родилась в 1935 году в деревне Барканово. Когда отца отправили на войну, я была маленькой. Но помню, когда он возвратился, радости было много. Нас у родителей тогда было трое детей. Мама во время войны работала на конюшне, ухаживала за больными лошадьми. А мы в это время сидели дома, и нам очень хотелось есть, а есть было нечего. Помню, как мама расстилала одеяло на полу, высypала очистки от картошки, уже подсушенные, и мы там ковырялись и выбирали, где побольше картошки. Ещё ели лепёшки из лебеды. Потом ходили на поле, набирали гнилой картошки, которая осталась после зимы, и тоже пекли лепёшки, они назывались тогда «тошнотиками».

Мы жили прямо у переезда, и к нам в дом поселили несколько командиров, они встречали поезда. С чем — не знаю: маленькая была, не понимала ещё. Командиры, конечно, питались лучше нашего. Помню такой случай. Стояла у командиров под кроватью стужёнка, и одна банка — открытая. Так вот, я залезала под кровать и аккуратненько так ложечкой соскребала со стенок и чуть-чуть с поверхности. Один командир заметил, но меня ругать не стал, а матери рассказал об этом. Она нас всех троих детей перед собой построила и начала допрашивать, кто из нас это сделал. По моим глазам поняла, что я. Ругалась.

А я только стояла и говорила: «Мамочка, было так вкусно! Не могла остановиться». Так что детство военной поры было голодное, это больше всего и запомнилось.

Корягина Светлана Дмитриевна

Моя мама, Пахомова Татьяна Михайловна, родилась В 1919 году, а я в 1939 г.

Жили мы в Ленинграде вместе с бабушкой. С начала войны бабушка вместе со мной была эвакуирована в Свердловск, куда мама писала письма из блокадного Ленинграда. Все эти письма со штампом «Проверено военной цензурой» бабушка сохранила. Мама работала на заводе, а папа служил в ополчении на подступах к Ленинграду в мастерской при парке тяжёлой артиллерии. В первом письме мама написала: «Дорогие мои, как я рада, что вы уехали. Я пока жива и здорова, но многих уже нет в живых. Проклятые немцы постоянно беспокоят, тревоги бывает, делятся по 6 часов». Письмо было коротенько, потому что всегда спешила на работу, где практически и жила, домой приходила только ночевать. В следующем письме писала: «Мы рады, что вас здесь нет. Сейчас люди так много переживают, что трудно описать, мечутся из одного края города в другой. У нас в комнате и во всём доме выпадали стёкла из окон, очень холодно, окна забиваем досками. С продуктами у нас тоже неважно. Правда я одна, карточка у меня рабочая, так что пока хватает, а что дальше будет, не знаю». Писала нам мама часто. В них волновалась за нас и скучала, хотя нам писала: «Не скучайте и не беспокойтесь обо мне, как-нибудь проживём, только бы остаться живыми и увидеться. У нас всё по карточкам, коммерческих магазинов нет, так что можно иметь деньги и сидеть ни с чем, потому что везде карточки, хлеб дают на рабочую карточку 400 грамм, а иждивенцам по 200 грамм. Картошки в магазинах нет, а если кто хочет достать, то в обмен на мануфактуру, масло, сахар, керосин, а где их взять?» В другом письме она пишет: «Картофель теперь меняют только на меховые вещи или модельную обувь». Мама пишет письма практически каждую неделю, но бабушка получает их редко и мама волнуется: «Дорогая мама, я вся измучилась, тем что ты не можешь получить от меня известий, что я жива и здорова. Как у вас насчёт продуктов? У нас без карточек ничего взять нельзя, вот некоторый раз поедешь в город и захочешь есть, как собака, деньги лежат в сумочке, а поесть не можешь, потому что к каждой столовой прикреплены люди и ходят обедать по пропускам. Ладно всё это переживём, скорее бы быть вместе. На ра-

бочку карточку дают 500 гр. крупы, 250 гр. сахара, 350 гр конфет, 150 гр животного масла, 250 гр растительного масла и 500 гр мяса.» «Мама милая, как хорошо, что вы не переживаете ужаса бомбёжек и артиллерийского обстрела. Конечно, у нас сейчас люди стали спокойней, как никогда. Во время тревог теперь мы никуда не уходим и даже спим и не слышим тревог. Нам приходится много работать, но никогда ни от кого не услышишь жалобы. Если надо, то каждый работает по трое суток, не выходя из завода, все ходят молчаливые, серьёзные, деловые. Ленинград стал неузнаваемым, трамвайного движения нет вообще, здесь всё мертвое, очень многих нет, умерли от голода.

Ленинградцы, кто выживет, будет героями. 14 марта 1942 года маме удалось эвакуироваться из Ленинграда. Когда мама приехала, а мне тогда было 2,5 года, мне сказали «Мама приехала.» Я ответила: «Моя мама в сундуке». Бабушка доставала фотографии мамы из сундука и говорила: «Это твоя мама».

Из Свердловска мы переехали в Омск, где мама устроилась работать медицинской сестрой в клиническую больницу. В марте 1944 года мы переехали жить в мамин родной город Скопин.

После войны папа оставил нас, мы с мамой и бабушкой долго искали место для постоянного жительства, потому что наш дом в Ленинграде был разрушен. Сначала жили в Средней Азии, затем в городе Кропоткин, но в 1948 году мама всё же решила вернуться в Ленинград.

Косарева Валентина Павловна

Одна из многих

Косарева Валентина Павловна всю жизнь работала в сельском хозяйстве: совсем молодая трудилась в садоводческой организации под Рязанью, выращивали яблоки. В 70-е годы образовался совхоз «Загорский», который подчинялся Министерству плодоовощного хозяйства. Валентина Павловна с семьей приехала работать в совхоз. Честно и с самоотдачей трудилась и в поле, и на животноводческой ферме. Вместе с ней жила ее мать – Чушкина Матрена Сергеевна. Валентина Павловна родилась за год до окончания войны в деревне Погореловка Рязанской области. Деревня находилась в пяти километрах от железнодорожной станции Ряжск. Отец, Лузгин Павел Михайлович, работал в войну на этой станции бригадиром, ему было 40 лет. В тылу тоже ковалась победа над врагом. Через станцию шло много поездов и на фронт, и на юг, и на север, и на восток в эвакуацию. В те времена все грузы были срочными. Требовалось отправление в срок. Фашисты не были в этих местах, но соседнюю узловую станцию Кочетовка бомбили и поджигали. Должна была соблюдатьсь маскировка. Поезда проходили без све-

та и сигналов, и также отправлялись от станции. Иногда станция была забита и людьми, и вагонами. И в такой военной суматохе произошел несчастный случай. Отец попал под поезд и погиб. Он даже не знал, что у него через несколько месяцев родится дочь. Матрена Сергеевна, мать, в мае опять вышла работать дояркой, старый дедушка Сергей Мoiseевич растил месячную внучку, копал огород, заготавливал сено для коровы. Мать иногда носила молоко на станцию. Молоко продавала пассажирам, иногда отдавала раненым в проходящий вагон. Приносila домой со станции уголь. Дедушка топил им печь – голландку, чтобы обогреть маленьку Валю и уставшую до изнеможения на сельхозработах дочь Матрену. Вскоре была назначена пенсия за погибшего отца, тогда появилась возможность купить одежду.

Дедушка умер в возрасте 86 лет, в 1952 году. Вале было семь лет. Жили они в оставшемся большом кирпичном доме вдвоем с матерью до тех пор, пока Валентина Павловна не вышла замуж за Косарева Владимира Владимировича. У Валентины Павловны двое сыновей, трое внуков. У нее много радостных забот.

Костин Владимир Иванович

Мой отец, Костин Иван Николаевич, родился 26 августа 1927 года в деревне Веригино Константиновского района (ныне Сергиево-Посадского) в большой крестьянской семье. В их семье было 6 детей. Как и все жители, они занимались крестьянским хозяйством, выращивали овощи, держали скот. Был у них большой яблоневый сад. Хлеб был тоже свой – пекли его в большой русской печи.

Все течение жизни нарушила война – ушел на фронт глава семьи, мой дед, Николай Иванович, потом пришла очередь и брата моего отца Виктора. Вся забота о большом хозяйстве легла на плечи мамы, старшей сестры и моего папы – надо было пахать землю, сажать картофель, сеять зерно, отрабатывать трудодни в колхозе – Родине и фронту нужен был провиант.

В 1943 году пришла тяжелая весть — без вести пропал в боях под Ржевом брат Виктор. И мой отец, прибавив к своему возрасту два года (а ему тогда было неполных 16 лет) добровольцем ушел на войну в мае 1943 года. Он был зачислен в 5-ый истребительный батальон войск НКВД по Московской области. И прослужил до февраля 1944 года. Потом его перевели в управление НКГБ по Могилевской области в город Кричев. После успешной военной операции «Багратион» 4 июля 1944 года был освобожден Минск. С этого времени и по сентябрь 1948 года отец прослужил в управлении НКГБ по Минской области, последняя его должность — заведующий делопроизводством в секретариате Министерства государственной безопасности.

Вот такой вклад внес в дело Победы простой крестьянский паренек 16 лет, прослужив Родине в годы войны и после нее. Вернулся папа домой сержантом, имея две медали «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг» и «XXX лет Советской Армии и Флота».

До 1950 года работал киномехаником в сельском клубе, а потом в колхозе «Веригинский» шофером.

К сожалению, папа умер рано, в 1969 году, когда ему было всего 42 года. Но история не забывает своих солдат. Его правнук Владислав (ему 10 лет) спрашивает меня: «А кем был его прадедушка?» Пусть этот рассказ и будет ему ответом.

Кочнева Дина Ивановна

Я, Кочнева Дина Ивановна, родилась в Забайкалье, в семье казаков 6 июня 1929 года. Родители мои Наделяевы: Иван Флегонтович — бывший партизан, мама, Аграфена Михайловна. В семье нас было 7 сыновей и 3 дочери. Родители нас воспитали честными, порядочными людьми, и научили любить труд, ценить людей, делать добро.

Мы дети проклятой войны (Забайкалье)

Когда началась эта страшная война, в 1941 году мои родители Иван Флегонтович, Аграфена Михайловна на фронт проводили четырёх сыновей: Акима, Ивана, Георгия, Геннадия. Сибирская дивизия стояла в городе Хотьково, в районе Горбуновки, она готовилась на прорыв под Москвой, в этой дивизии служил Аким. Сибиряки погнали фашистов от Москвы. В этой кровавой битве 11 октября 1941 года под Козельском героически погиб Аким Иванович 1918 г.р. В 2007 году я с детьми была на братской могиле, где лежит более тысячи солдат.

Георгий в звании офицера — артиллериста от Сталинграда до Словакии прошёл всю войну.

8 апреля 1945 года был тяжело ранен, 9 апреля скончался, не дожив

до победы один месяц. Отпраздновали победу, а в конце мая мне в сельсовете вручили извещение, где было сказано, что он геройски погиб, защищая Родину. Мама горько плакала, а папа ей говорил: «Не надо плакать, наши сыновья защищали Родину». В этот тяжёлый момент я сказала родителям, что найду могилу братьев, и это было, как клятва.

Прошло 62 года, я на могиле Георгия в Словакии, в городе Дойг на месте боя, и в школе, где от ран скончался брат, там был полевой госпиталь. На одинокую могилу посыпала земли с родины Георгия, т.е. сроднила с землёй чужой страны.

Иван и Геннадий вернулись с ранениями, они восстанавливали разрушенное войной хозяйство. Иван за мирный труд стал кавалером трёх орденов и многих других наград. Геннадий руководил профсоюзом в Алтайском kraе, в городе Барнауле, имел награды.

Женщины (и моя старшая сестра Аграфена) во время войны вязали из шерсти носки, трёхпалые варежки, шили кисеты, набивали махоркой, посыпали на фронт, а на посылках писали: «Бей врага, вернись с победой!». Вот так помогали фронту разгромить врага.

Мне исполнилось 14 лет, и комсомольский билет торжественно вручал мне герой Советского Союза Баженов Анатолий. Комсомольцы помогали тем, кто нуждался в помощи. Это был наш долг: заботиться о вдовах фронтовиков, семьях, где трудно жилось. А чтобы поднять дух, устраивали небольшие концерты: пели военные песни, сочиняли частушки, и всегда с нами была гармонь.

В 1945 году мне вручили медаль: «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Эта награда самая дорогая для меня.

То, что мы пережили во время войны, до сих пор невозможно забыть. В 1944 году был такой случай. Мы с мамой после уборки урожая ходили по полям, собирали зёрнышки, а в мышиных кладовых находили колоски, аккуратно уложенные, приготовленные на зиму. Когда обратно возвращались, солнце пекло, земля была раскаленная. От усталости, не дойдя до села 2-х км, мы сели у дороги. Я легла, лицо прикрыла платком, задремала, чувствуя, мои ноги мама взяла в руки и сильно заплакала. Из пяток текла кровь, мама слизывала её языком, проклинала фашистов. Всё лето мы ходили босиком, берегли обувь.

*А в годы тяжелые, годы лихие,
Голодные годы — война
Я с матерью по стерням ходила:
Набрав для похлёбки зерна.
До крови исколоты ноги.
Морозно, да нет башмаков.
Вот так голодала и мёрзла Россия,
Пока не прогнала врагов.*

1944 год был самый голодный, стояли лютые морозы. Люди истощённые, но забайкальцы всегда отличались сильным характером. Впереди перед всеми стояла нелёгкая задача – восстанавливать жизнь на селе. Мы были всегда настоящими патриотами своей Родины, нашего любимого края Забайкалья на берегах голубой Аргуни.

Это наша великая непобедимая Родина! За неё отдали жизни наши отцы и братья. Они не успели познать любовь, навечно остались в земле, они вечные герои в наших сердцах.

Пусть над нашей Родиной всегда светит мирное солнце, птицы нежно поют, а земля родная, щедрая даёт добро россиянам.

Пусть наши дети, внуки и правнуки не знают, что такое война!

Круглов Евгений Григорьевич

Родился в деревне Арсаки Александровского района Владимирской области 17.02.1931 года в многодетной семье служащего. Был у родителей шестым ребёнком. Отец в это время работал начальником отдела найма и увольнения на химическом заводе №11 – позднее Краснозаводский химический завод. В 1933 году вся семья переехала жить в Краснозаводск на нижний посёлок, где нам дали отдельную квартиру как многодетной семьи.

В 1938 году я пошёл учиться в первый класс. Когда началась война, мне было 10 лет. Учебный год в школе начинался с 1 октября, так как июнь, июль, август и сентябрь мы, ребятишки, работали на полях колхозов. Мы собирали колоски зерновых, картошку после перепашки земли, собирали крапиву. Это были лагеря труда и отдыха (ЛТО) на базе колхозов. Ребят кормили прямо в поле, где мы работали, а вечером выдавали по стакану молока.

Краснозаводск бомбили немецкие самолёты, старались наносить удары по цехам завода, где изготавлялась продукция для фронта. Но бомбы падали и около домов, где мы жили. Позднее мы узнали, что это зажигательные бомбы. Для борьбы с ними, а они кружились на земле с шипением, люди вкапывали бочки с водой в землю, и всегда рядом на земле лежали железные клещи. Этими клещами можно было быстро перехватить бомбу, опустить в воду, где она гасла.

После окончания в 1948 году школы №7 г. Краснозаводска поступил учиться в Московский авиационно-технологический институт (МАТИ), но был вынужден забрать документы из-за трудного семейного положения. Некоторое время работал в редакции заводской газеты

«За Победу!», а летом 1949 года работал заведующим клуба в посёлке Муханово и одновременно был секретарём комсомольской организации стекольного завода «Красный факел». В конце августа 1949 г. был принят на учёбу в Загорский Учительский институт. С 1951 по 1991 год работал в школе №7 г. Краснозаводска, сначала – учителем, а с 1970 года – директором школы.

Награждён значком «Отличник народного просвещения» и медалью «Ветеран труда».

Крылова Вера Иосифовна

Родилась я в 1938 году в деревне Зайцево, на Смоленщине. В семье было пятеро детей. Когда началась война, отец Иосиф Семенович, дедушка и трое дядьев были призваны на фронт. Дядя Федор и дядя Андрей – молодыми погибли. Отец мой пришел больной и вскоре умер. Во время войны в нашей деревне стояли немцы. Порезали всех поросят и кур, у кого были. Потом объявил староста деревни, что уезжаем на новое постоянное место жительства и чтоб забирали все, что есть в доме, так приказал немец. Запрягли лошадей, у кого были, и коров, всё погрузили и в сопровождении немцев отправились в путь. Сколько мы ехали, точно не знаю. Нас с сестрой Зиной, как самых меньших, посадили на повозку. Остальные все шли пешком. Потом немцы приказали остановиться всему обозу, наверное, получили какую-то информацию. Все, что везли, сбросили с телег. Забрали лошадей, коров и троих подростков, в том числе и моего брата Сашу, но они вернулись, убежали. Когда мы вернулись домой, то в доме было пусто, не было ни еды, ни одежды – всё вывезли. Одна мать и нас пятеро детей. Зимой мерзли в доме, да ещё было голодно. На ноги шили бурки, но в них зимой было холодно. Сестра Зина застудила ноги, заболела менингитом и умерла. Летом, когда шел дождь, у нас в доме тоже был дождь. Мама работала на ферме, кормила свиней. Труд был тяжелый, все делалось вручную, зимой и летом в резиновых сапогах. Заболела туберкулёзом и умерла в 48 лет.

Из пятерых нас осталось двое, я и сестра Нина. Сестра живёт в Москве, забрал ее тогда в Москву дядя. Война эта принесла людям столько горя и страданий, и до сих пор остался осадок.

Крылова Людмила Михайловна

Дети войны

Моя мама, Елена Дмитриевна Березовская, родилась в 1927 году в деревне Шаракино Смоленской области. К началу войны мама проживала с матерью и своим братом, поскольку её отец умер в 1937 году.

Когда пришли немцы, они стали угонять в Германию работоспособных жителей, в основном женщин и подростков. Так мои бабушка и мама были разделены: бабушка попала с женщинами в один вагон, а мама с подростками – в другой.

Во время следования поезда в Германию его вдруг остановили. Из вагона с женщинами немцы вывели двух из них и расстреляли за то, что в вагоне были сломаны половицы, и несколько человек, в том числе моя бабушка, через пролом убежали. Так моя бабушка вернулась в деревню, а мама была увезена в Германию. Их отправили в лагерь, в котором, помимо русских, были венгры и румыны.

Подростков постоянно держали в бараках. Днём выпускали на территорию, а также отправляли на сельхозработы. Кормили турнепсом с опилками, и из-за этого очень скоро сил не осталось, их не хватало даже на то, чтобы держать в руках метлу.

При приближении второго фронта немцы решили раздать заключённых в немецкие семьи в качестве батраков. Хозяева кормили чуть лучше, но вместе со свиньями. Давали и одежду (обноски), поскольку своя одежда у батраков давно пришла в негодность.

Ещё хозяева мою маму и одну женщину отдавали как бы в аренду: на работу в столовую. Однажды они услышали канонаду и решили бежать навстречу фронту, при этом женщина украла у немцев в столовой пистолет и из этого оружия убила одного немца. Их арестовали и бросили в тюрьму.

В это время город заняли американцы и стали определяться с заключёнными в тюрьме, а после прихода Красной Армии передали их нашим. Оказалось, что женщина, с которой бежала мама, раньше была в партизанском отряде. После проверки этого факта командование наших войск отправило их на Родину, в Смоленскую область, в свою деревню. Это произошло в августе 1945 года.

После возвращения мама поехала учиться в город Белый, в педагогическое училище, которое закончила в 1950 году и вернулась в деревню преподавать в школе. В марте 1950 года мама вышла замуж за Ивана

Ивановича Крылова. От этого брака родился сын Валерий. Через два года после замужества умер муж, так как у него было серьёзное ранение. Он воевал в партизанском отряде имени Александра Невского комиссаром.

В 1953 году мама вышла замуж второй раз за моего отца, Михаила Александровича Крылова, однофамильца первого мужа. В 1961 году война опять напомнила о себе: на снаряде, которых осталось после войны очень много в смоленских лесах, подорвался и погиб мой брат Валерий. Для мамы это была большая утрата. После этого всю свою заботу она отдавала мне. Она решила, что я должна обязательно получить высшее образование, и добилась этого.

Сама мама до конца своей жизни преподавала в сельской школе в Канютине. Без отрыва от преподавательской деятельности она поступила в Смоленский педагогический институт, закончила четыре курса, но после гибели сына не смогла продолжать учёбу. Она преподавала русский, немецкий языки и литературу. Но проклятая война дала о себе знать: мама ушла в иной мир очень рано, на шестьдесят третьем году жизни.

Вечная ей память!

Кудрявцев Иван Фёдорович

Жизнь, опалённая войной

Оба моих деда – сельские жители. Дед по материнской линии – жертва коллективизации. Дед по отцовской линии – умер в двадцатых.

У матери – два брата. Один, Александр Петрович Добриков, незадолго до начала Великой Отечественной войны женился. С женитьбой был счастлив, детей не было. В первые дни войны он ушел на фронт и в одном из первых боёв погиб. Несколько месяцев спустя немцы подошли к селу. «Вы убили моего мужа, – убивайте и меня!» – заявила жена одному из них, вошедшему к ней во двор с оружием в руках. Молодая женщина, статная, с длиннойрусой косой, ростом под стать мужу. Фашист тут же, не раздумывая, поднял оружие и выстрелил в неё. Она рухнула на спину посредине двора, руками защищая дом и свою любовь, всем видом презирая гостя.

Второй брат – Кузьма Петрович, у него было три дочери. Он также

ушёл на фронт и ... пропал без вести. Сколько потом ни писали - один ответ: пропал без вести!

У моего отца - три младших брата, но к концу 1947 не осталось ни одного. Отец ушёл на фронт зимой 1942 года, дошёл до Берлина. Он прошёл Пинские болота в Белоруссии, где выделялся газ «фосген» и где не однажды был предупрежден, что позже газ скажется на глазах, что впоследствии и подтвердилось - в последние годы он действительно стал слепнуть. Освобождал Будапешт, Кенигсберг, Берлин. Награждён орденом «Красной Звезды», медалью «За отвагу» и другими медалями. После окончательного разгрома империалистической Японии, где он также принимал участие в боевых действиях, в 1947 демобилизовался из армии и работал в колхозе возчиком, доставляя горючее машинам и тракторам на поля. Умер в 1960 году.

Выплату по орденам и медалям в 1947 году прекратили, и родители разрешили играть ими приезжавшим внукам, а вскоре медали исчезли. Родители не переживали. Сохранилась у меня орденская книжка.

Мы жили в прифронтовой полосе. В нашей деревне Орлово Ливенского района расположилась автоколонна из нескольких машин, солдаты бедные, но весёлые - молодёжь! Руководство, готовясь к обороне, запланировало наблюдательный пункт в нашем доме, так как он ближе к лесочку, в котором предусмотрели ямы для машин и окопы для солдат. Это был небольшой деревянный домик, словно игрушечный, придавленный ветхой соломенной крышей. В нём всего три помещения: жилое, нежилое, между ними - сени. В жилом помещении прямо у стены русская печь и кровать впритык, слева два небольших окна и в углу стол с табуретками. В нежилом помещении в стене дома солдаты установили пулемёт. Но воспользоваться им не пришлось, так как враг был остановлен, и началось освобождение занятой территории. Автоколонна двинулась в сторону Ливен и у Воротынска (семь километров от нашей деревни) в открытом поле попала под бомбёжку немецких самолётов. Все погибли.

И след войны - сохранившиеся окопы и ямы в лесочке и сквозное отверстие в стене дома - постоянно напоминает о себе. Даже сейчас, когда пишу эти строки.

1947-1948 годы - голод в наших краях. Люди, опухшие от голода, заходили в деревню. Помню, в помещении подвала лежал человек и просил пить - я, малыш, носил ему воду.

В раннем детстве мне привиделся старец - сама доброта, белый, как лунь, роскошная борода: «Будешь писателем!» Я потом размышлял: «Кто он? В деревне не встречал ничего подобного, и потом - какой из меня писатель? Что это - писатель! Само слово - загадка. Мать неграмотная. У отца - начальная церковно-приходская школа за плечами...»

Последующая жизнь подтвердила правильность сказанного. Расскажу всё по порядку.

С восьми лет - школа, там уже читал, писал, внятно рассказывал, у меня - отличная память. Переводили в следующий класс. Родители не дали согласия. Память слабела. По 7-й класс - учился отлично, почётные грамоты каждый год. 8-10 классы - в соседнем селе - уже на 4-5.

С шести лет по десятый класс одна из моих обязанностей - пасти корову. Общего пастуха в деревне не было. Пасли сообща - каждый от дома свою корову, теленка. На выгон коров выгоняли старшие, а пасли дети, разного возраста. С шести утра до обеда, затем с 17:00 до вечера. Ежедневно, в любую погоду. Обед - дойка, отдых. Обычно, поёживаясь от холода утренней росы, плетясь с почти слипающимися глазами, думал: «Днём досплю!».

До 1957 года жизнь в деревне голодная, с хлеба на воду, непомерные налоги на корову, поросёнка, птицу, сады. Всё посчитано-пересчитано. Должен сдать государству столько-то молока, масла, яиц, мяса, яблок и так далее, а что у тебя осталось - государство не интересует.

1957 год - послабление в лучшую сторону, электроэнергия ворвалась в деревню, радио заговорило, дороги преобразились, восстанавливаются сады, люди пробуждаются, светлеют лица.

По окончании десяти классов я решил учиться в Москве. Нужен паспорт, для получения которого вынужден обратиться к председателю колхоза за справкой, что колхоз не возражает. Председатель предложил учебу в сельскохозяйственном учреждении от колхоза и стипендию. Живший в нищете, голоде и холоде, я ответил отказом. Он дал три дня на раздумье, по истечении срока выдал справку. С паспортом я уехал в Москву, где жила сестра и рядом - железнодорожный техникум. Сдав вступительные экзамены на отлично, не нашел деньги на обратный железнодорожный билет и до начала занятий был вынужден перебиваться у неё. На вопрос: «Почему с такими знаниями не пошёл в высшее учебное заведение?» - ответил: «Надо осмотреться, за мной - деревня, нищета». В техникуме - староста группы.

В конце октября мать телеграммой известила: «Отец в больнице». Представив её в учебную часть, я уехал на неделю в больницу и деревню. Отца навещал дважды: в день приезда и в день отъезда. Приехав ранним утром, я поспешил на занятия, но уже после обеда телеграмма: «Отец умер». Вновь поездка, похороны.

В феврале 1961 года прочитал объявление: «Возобновляются занятия литературного кружка в ДК имени III Интернационала. Руководитель - поэт, член союза писателей СССР Алексей Яковлевич Марков. Приглашаются не безразличные к литературе люди. Вход свободный». Я пришёл. Десятка два человек в помещении, затем появились двое,

один из них руководитель – поэт Марков. Большинство из присутствующих старые знакомые, несколько новичков, их он попросил представиться и, если есть что, почтить. В конце – набрался смелости я, хотя читать еще рано – невнятные опыты, грусть, тоска жизни. В моём возрасте многие пытаются сочинять. Прочитанное произведение он старался, как профессионал, оценить, сказать, что получается. Очередь дошла до меня: «...Взгляните на этого человека. Он может не сочинять. И никто его не заставит. Но если будет – творчество его пылиться не будет!»

День похорон И.В. Сталина. Впервые я пришёл с отцом в сельсовет и слушал радио. Единственное радио в колхозе. Там мужики с трех поселений. Не протолкнуться! Слушали, затаив дыхание. На лицах отдельных мужиков непроизвольно слёзы. Гробовая тишина. Расходились молча. В воздухе вопрос: «Что будет?»....

На обратном пути второй дом – библиотека. В ней по записи в карточке отца я впервые стал брать книги и читать активно долгие годы в деревне, даже наведываясь в отпуск. Книга всегда и всюду со мной, хотя уже с восьмого класса зрение ухудшается, врачи ничего поделать не могут. Добавились телевизор, Интернет.

Производственная практика моя проходила в депо станции Подмосковная Московской железной дороги: рефрижераторный поезд, я стажёр по обслуживанию холодильной установки. Аттестация по специальности механик – холодильщик. Набравшись опыта, я приступил к самостоятельной работе: обслуживал холодильные установки, поездки были по всей стране. За год производственной практики под стук колёс, дыхание холодильной установки исколесил страну вдоль и поперёк. Год – и снова техникум. Преддипломная моя практика проходила в Ленинграде в железнодорожном депо. Город на Неве навсегда в моей памяти. Окончил техникум с красным дипломом, поступил в МВТУ имени Баумана. Затем работа в НИИХИММАШе, где вместе с товарищами по работе ковал щит страны: шла подготовка автоматических станций и подготовка выхода человека в космическое пространство.

Я участвовал в работе литературных объединений.

Кузнецова Валентина Кузьминична

*Я взрослая не по годам,
Видя горе вокруг и слезы.
Я не знала в лицо врага.
Мне два года. А мир так грозен...*

К началу войны мне было два года. Папа был кадровым офицером, поэтому мама и мы с братишкой были отправлены в эвакуацию в Петровпавловск. Взрослые с первых дней были задействованы на предприятиях. Детей – дошкольят поместили в школе. Осенью в ней разместили госпиталь. Бои шли жестокие. Раненых было много. Дошкольят перевели в школьный коридор. Выздоровляющие бойцы сколачивали козлы, натягивали на них шинели и плащ-палатки. На таких импровизированных кроватках мы спали. Козлы делались разной высоты и ширины в зависимости от возраста ребятишек. К праздникам мы готовили выступления для раненых. Своё первое выступление помню хорошо. Поставили меня на стул, и я читала стихотворение «Бабушке Варварушке я связала варежки». До сих пор перед глазами стоит картина всего белого: белые стены, белые простыни, и в белых бинтах раненые. Лиц не видно – головы забинтованы. Кровати лежачих сдвигали, остальные сидели и стояли. Ранения были множественные, поэтому и запомнились лишь бинты и кости.

В эвакуацию собирались ненадолго, поэтому из самых теплых вещей – осеннее пальто. В силу этого мы в школе находились постоянно. Ни одеть, ни обуть было нечего. Так мы пережили первую зиму. На следующую зиму из солдатской шинели мне сшили пальто, в котором я проходила до школы. Спасибо сердобольным нянечкам!

Нам постоянно хотелось есть. Однажды я спросила: «Мамочка, у тебя нет какой-нибудь завалявшейся корочки?» Очевидно, что-то подобное я слышала от взрослых, но како-

во матери слышать эти слова от трехлетнего ребёнка! По субботам рабочим пекли лепёшки и варили компот. Разумеется, мамы оставляли это детям, и мы так ждали субботнего обеда! Мамы нас вели в столовую, где нас ждали ржаные лепёшки и подкрашенный кипяток, называемый компотом. Но это было так вкусно! Только позже до меня дошло, что мама отрывала это от себя.

Работа на заводе была тяжёлой, работали для фронта от темна до темна. Всё шло на фронт – надо было победить. И никто не сетовал на голод и холод. Возможно, поэтому моё поколение – сплошь оптимисты. С детства мы видели, что надо не ныть, а надо трудиться. И мы победили.

Годы восстановления тоже дались нелегко. Восстанавливать пришлось всё заново. Ещё в 1957 г. многие жители Сталинграда жили в землянках. Сейчас трудно представить жизнь тех лет. Война принесла горе в каждую семью. Не обошли страшные вести и нас: погиб дядя, пропал без вести дед, убили мужа у тётки, умер братишко в эвакуации. А восстанавливать заводы, поднимать сельское хозяйство надо было. Постепенно жизнь залечивала раны, люди трудились, дети пошли в школу.

После войны папу направили на Южный Урал, на станцию Донгурская, что в 90 км от Оренбурга. В гарнизоне выдавали хлеб по 800 граммов - офицерам, по 400 граммов - женам, и по 200 граммов - детям. Сейчас трудно представить, что родители с ребёнком 7-10 лет съедали всего 1400 граммов хлеба. Но больше - то не было! А осенью наши мамы ездили на границу Казахстана, где меняли чай и папиросы (папа не курил) на кукурузную муку, и варили мамалыгу. Это было большое подспорье. Но голод преодолеть было трудно. Жиров и мяса не было. Да и хлеб был с добавкой отрубей. Но память именно о хлебе в первые послевоенные годы сохранилась навсегда.

Запах хлеба

*Не помню запаха я лучшие хлеба,
Да, что там знаменитая «Шанель»!
В эвакуации таким хлеб не был,
Как тот, в каштёрке, сложенный в шинель.*

*Старался старшина, чтоб был «довесок»,
Коль за пайком ребёнок приходил.
Его, бредя домой по перелеску,
Съедали: каштанармус разрешил.*

*Не помню вкуса этого я хлеба.
Но аромат! Он ноздри шевелил.
Стояли мы, задрав мордашки к небу.
Закрыв глаза ... А запах плыл и плыл.*

*Не сетовали, что довеском этим
Не наедались. ... Минули года.
Но не забылось это лихолетье.
И запах хлеба памятен всегда.*

Голод и после войны давал о себе знать. Но потребность в духовной пище была всегда. Помню, первой послевоенной книгой стала для меня поэма А.Т. Твардовского «Василий Теркин». Читали вслух. Эта книга хранится до сих пор в нашей семье. С 1947 года мы начали вновь собирать библиотеку. А как задушевно пели в праздники! Но нет – нет, да и вспомнится страшное военное время. Война давно закончилась, но мысль о покорении России и завоевания её богатств и сейчас многим не даёт покоя. Наша задача не допустить этого.

*Горе, слёзы, нужду принесла та война.
Похоронки летели, как черные птицы.
Не дай Бог, чтобы вновь повторилась она.
Не дай Бог страшным дням возвратиться.*

Кукушкина Зинаида Алексеевна

Очень страшно

Война – это страшно, очень! Это смерть, это беззащитные люди, дети, старики. Родилась я в Константиновском районе в 1930 году. Затем наша семья переехала в Краснозаводск. Мне было 5 лет. Дом, в котором жили, строили родители колективно. Отец и мама работали, когда началась война. Никто не знал, что это такое – война. Была паника, слёзы, крик. А мы с сестрой побежали в магазин, чтобы хлеба купить, а там все полки пустые: люди стоят и плачут. Мы пошли встречать маму с работы, она нас ждала. В доме запасов никаких, продуктов не было.

Начался голод, ели лебеду, дудки, щавель, ходили собирать картофель после уборки, мама пекла дранники. В 1943 году родилась сестра

Катя, а отца забирают на фронт. Мама осталась с детьми. Чтобы как-то выжить, мама раскопала маленький клочок земли и посадила свёклу, капусту, но кто-то всё перекопал. Я до сих пор не могу вспомнить, когда бы не хотелось есть.

Обувь летом не носили – не было. Но мы дети были очень дружные, всегда играли вместе и маленьких не покидали. В погожие дни ходили на речку Кунью. Мы жили на Нижнем посёлке. Речка Кунья неглубокая, с «бочажками». В этих «бочажках» была для мальчиков и девочек зона, где строго соблюдались дисциплина и запреты. Никто не нарушал правил. Были дети разных возрастов. Учились плавать по-разному. На речку бежали гурьбой. Как только купальный сезон заканчивался, играли в войну и другие игры. Мы часто лето проводили у бабушки, там дети были дружные, они принимали нас играть в лапту. В деревне, конечно, поесть было что: молоко, картошка и ягоды в огородах.

Так прошло наше детство – в голоде и холода. Было отопление печное, а за дровами мама ездила на санках. Привозила, и их хватало на 2-3 раза. Ездила она с сестрой, ей было 9-10 лет. У неё мерзли руки часто, и помощницей она была плохой. Воды в доме тоже не было, ходили на колонку. Практически у всех обитателей нашего дома случались черные дни. Кто-то всегда терял карточки на продовольствие.

Папа с фронта пришел в 45 году осенью. Ну а мы подросли, помогать стали, делали все, что могли.

Курганова Галина Фёдоровна

Страшно помнить, нельзя забыть

«Вы наша гордость, наша честь, наша слава » - слышим мы 9 мая. Этот день стал для всех граждан России днём преклонения перед мужеством и патриотизмом русского солдата. Память об этой войне навечно останется в историю человечества. Моя семья этот праздник отмечает со слезами на глазах. Началась война 22 июня 1941 г., а у нас в семье 17 июня родился седьмой ребёнок. Отец наш, Кузьмин Фёдор Васильевич, работал в колхозе «Вперёд» председателем. Его не призвали в 1941 году, а дали броню. 13 сентября 1942 г. был приказ Ставки мобилизовать всех, кто был на брони, и моему отцу вручили повестку. Мне тогда было 3 года. Всей семьёй мы провожали папу до конца деревни. Детская память бережлива, я помню, что все плакали, но я не понимала, почему плачут, ведь папа здесь с нами. В конце деревни он всех поцеловал, а меня поднял на руки высоко-высоко, опустил и сказал: «Ждите меня, я скоро вернусь.» Мы побежали домой, а мама пошла провожать до города Загорск. Вот так началась наша тяжёлая сиротская жизнь . От папы пришёл один треугольничек, короткое письмо, так все радовались , це-

ловали этот треугольник и хранили, как «зеницу ока» . Каждый день мы ждали весточки от папы, но тщетно. Шли тяжёлые бои. И вот «битва под Курском». Всё смешалось: и люди, и земля. Битва продолжалась два месяца, вошла в историю как самое крупное сражение. В моей памяти осталось воспоминание о страшном известии. Бежим к почтальону получить «треугольничек», но он даёт маме какую-то бумажку, все рыдают, и я, не понимая, о чём мои братья и сёстры плачут, тоже кричу, плачу. Это была похоронка - «пропал без вести» на Курской дуге. Вот тут-то мои братья и сёстры «повзрослели». Старшей сестре Тоне было 16 лет. Она обучалась в МТС на трактористку. А в 17 лет ей дали самостоятельно работать на тракторе, пахать поля. Брату Анатолию было 13 лет, за ним «закрепили» лошадь, хотя запрягать ему помогала мама. Он возил мешки с хлебом «всё для фронта». Наша мама работала не покладая рук в колхозе дояркой, на покосе и на грядках. Всей семьёй мы работали на прополке свеклы, моркови, т.к., несмотря на то, что мама работала дояркой, ей давали по плану грядки на прополку. Мама научила нас работать на совесть, чтоб не оставалось ни одной травинки. Я помню, как приём с поля, а кушать нечего. Хорошо, что у нас была корова «Дочка». Мы все умели доить, кормить корову. Выпьем стакан молока с маленьким кусочком хлеба, а иногда и без хлеба. В основном питались с огорода: морковкой, щавелем, брюквой - лишь бы выжить. Зимой мои братья и сестры учились в школе. Школа у нас до 4-го класса была в своей деревне. Когда я пошла в 1-й класс, я уже и писать, и читать умела, и в школе мне было легко учиться. Зимними вечерами мы вязали для фронта варежки с одним пальцем и носки. Я до сих пор вяжу себе эти вещи. Мама всегда говорила: «Самое главное в жизни - это труд ». Да - это правда. Мы все ходили в школу в деревню Малинники за 6 километров, работали и учились в вечерней школе и в техникумах,. Когда закончилась война, мне уже было 6 лет. Здесь я хорошо помню, как все радовались, целовались, поздравляли с Победой. Стали отцы возвращаться с фронта, мы тоже очень ждали, но так и не дождались. Мужчины, которые вернулись с фронта, заняли должности: заведующий фермой, бригадир. Я помню, в колхозе поспел горох, мы побежали покушать, набрали в подол, бригадир высмотрел нас, заставил высыпать, да ещё обозвал нас: « Безотцовщина ! » Это слово «безотцовщина » так и врезалось в память! В чём же мы виноваты, что наши отцы не вернулись, погибли, завёёвывая нам счастье жить?! Но мы не сломались, выживали, собирали летом ягоды, грибы, ходили пешком в город, продавали, чтобы купить кому обувь, кому одежонку. Перед каждым Новым Годом в колхозе было отчетное собрание. В этот день мы наедались «от пуз» и пели песни военных лет: «Тёмная ночь», «Соловьи», «Катюша». Эта война унесла более двадцати миллионов жизней. Мы не забудем тех, кто воевал на фронте, трудился в тылу, отдавал все силы для Победы!

Лабутина Валентина Сергеевна

Я, Лабутина Валентина Сергеевна родилась в 1938 г. Мой отец, Базылев Сергей Петрович, тогда еще просто Сережка, родился в небогатой семье крестьянина деревни Малинники Александровского уезда, Ботовской волости 20 июля 1892 года. В селе Стогово, к которому примыкала деревня Малинники, он успешно окончил курс Стоговской церковно-приходской школы, о чём было им получено свидетельство от Александровского Уездного отделения Владимирского Епархиального Училищного Совета.

Непростой была жизнь моего отца. Всю жизнь он трудился в колхозе, который был образован в деревне с приходом к власти большевиков. Семья у нас была большая, кроме меня было 6 сестер и 2 брата, всего 9 детей. Мама, Базылева Анна Филипповна, получила звание мать-героиня. Она трудилась в колхозе, всегда была на передовых рубежах - работала бригадиром, затем стала заведующей фермой, много лет избиралась депутатом Малинниковского сельского совета.

Жили нелегко, но радовались тому, что была возможность учиться и работать.

В 1941 году старшие мои братья и сестры уже работали, мне было около 3 лет. Беда пришла нежданно-негаданно. Началась Великая Отечественная война. Горе и страдания пришли в дома по всей нашей не-объятной стране.

Тысячи добровольцев шли на призывные пункты и записывались в ополченцы, чтобы с оружием в руках прогнать захватчиков со своей родной земли.

Так и мой отец, несмотря на то, что ему в то время было уже 49 лет, в первые же дни войны 6 июля 1941 г. записался ополченцем в 9 Дивизию народного ополчения (9 ДНО), которая формировалась в Кировском районе г. Москвы. Уже потом мы узнали, что дивизия была направлена на строительство оборонительных укреплений на Ржевско-Вяземской линии обороны.

Я помню, как мы шли его провожать на призывной пункт из

Памяти, и в ней было упомянуто в числе прочих погибших в Великой Отечественной войне имя моего отца, Базылева Сергея Петровича.

Узнали мы уже обстоятельства гибели отца только в 2011 году благодаря поисковикам города Сергиев Посад, а именно Ромашовой Ольге. Она работала в Интернете с рассекреченными архивами немецких концлагерей. И там удалось обнаружить данные о моем отце. Стало известно, что он попал в плен 03 октября 1941 года в ожесточенном бою под городом Ельня во время немецкой операции «Тайфун» - генеральном наступлении немецких войск на Москву. В плену он находился в лагере STALAG XB Sandbostel, где умер в феврале 1942 года. Лагерь этот находился в Саксонии. Там имеется сейчас мемориал памяти павшим жертвам концлагерей.

Региональная общественная организация «Военно-патриотическое поисковое объединение «Столица» в память о народном ополчении выпустила медаль, посвященную ополченцам, отдавшим свои жизни при защите Родины в различные тяжелые периоды – в 1612, 1812 и 1941 годах. Мне также торжественно вручили эту медаль в память об отце. Церемония вручения проходила 6 декабря 2011 года на Красной Площади в Историческом музее в присутствии представителей объединения «Столица», Совета ветеранов 9-й Кировской дивизии народного

деревни Малинники до города Загорска. Был жаркий солнечный день, все почему-то плакали, а я ничего не понимала. Мне было хорошо ехать на сильных отцовских руках. Я тогда и не знала, что вижу его в последний раз.

За все время от отца было только одно письмо, но оно не сохранилось. Затем нам пришло извещение, что отец, находясь на фронте, пропал без вести в декабре 1942 года. Помню, как плакала мама, читая это извещение.

Долгое время мы ничего не знали об обстоятельствах гибели отца. Запрос в Загорский военный комиссариат не дал результатов, так как и там этих сведений не было. 9 июля 1994 года к 50-летию Победы в районной газете «Вперед» печаталась Книга

ополчения и Союза поисковых отрядов. Также этой организацией в 2012 году была выпущена книга «Живая Память» в память о народном ополчении 1941 года, в которой названы известные имена бойцов 9 дивизии народного ополчения, в том числе названо и имя моего отца.

Я рада, что узнала о судьбе своего отца. Хочу выразить глубокую благодарность лично Ромашовой Ольге и Ромашовой Татьяне Николаевне за их настойчивость, трудолюбие, чуткость, внимательность. Благодаря их стараниям десятки людей вернули себе память о погибших и пропавших без вести.

Лаврова Нина Ивановна

Мой отец Королёв (Посконов) Иван Данилович проживал в деревне Воронцово Загорского района, работал в Загорске в леспромхозе. Домой приходил на выходной. Мне тогда было 5 лет, а брату - 8. Мы с братом ждали его, бегали наперегонки, кто первый встретит его с работы. Меня отец всегда брал на руки и давал нам конфет и пряников. А потом пришла война. Мама с папой сидели, а я около них стояла и смотрела на маму, она плакала. Папа сказал: «Не плачь, родная, я через 2-3 месяца вернусь. Мы с немцами уже воевали, разбили их, а теперь у нас оружие». Уходя на войну, он благословил нас иконой. И не вернулся. Мама его слова часто вспоминала, когда ей было тяжело. Писем от отца немного осталось, они долго лежали, когда я подросла, читала их. В одном из писем я запомнила: «Береги себя, береги детей». Наказал маме, чтобы она купила брату Сергею гармонь (она выполнила). Кроме нас с братом было ещё две сестры, одна 1920г.р., другая 1922г.р. Когда мы собирались все вместе, подолгу говорили о папе. Отец наш погиб в концлагере Шталаг 312 15 января 1942 года в Польше, г. Торунь.

Лапина Анна Григорьевна

Хозяйничали немцы

Я родилась в 1933 году в Брянской области. В семье были 2 брата и сестра 1928, 1931 и 1938 годов рождения.

Отец по заболеванию имел белый билет. Но в деревне он был хорошим плотником и построил для своей семьи деревянный дом.

1941 год. Известие о начале войны застало семью в деревне Кропотово. В населенном пункте стали появляться немцы. Они ходили по до-

мам и саарам, выпускали и забирали скотину, кур.

У нас был большой сад, где я с сестрой и братьями прятались от немцев. Рядом с деревней находился лес, где отец часто собирал грибы, ягоды. Однажды его схватили немцы, подумав, что он партизан.

Передвижение немцев на восток было опасным. Советские бомбардировщики сбрасывали бомбы на их пути. Потом фашисты собирали местный народ с обозами, строили в колонны, в центре которых находились сами.

Отец по дороге схитрил, снял с оси колесо и под видом ремонта отстал от колонны беженцев. Все члены семьи спрятались в соседней деревне. Потом пришли наши солдаты. Деревенские дети выбежали и очень радовались, солдаты брали их на руки.

Наша семья вернулась в свою деревню, в которойсталось всего 2 дома, остальные сгорели. Во время возвращения, по дороге, видели много убитых.

С едой было тяжело. Хлеб пекли по очереди, в двух жилых домах. Из скирды брали солому с колосьями и молотили. Зерно мололи на жерновах. Отец сделал землянку для жилья, а вскоре был призван на фронт, где погиб, защищая Родину.

Судьба привела после войны меня в Московскую область и я стала проживать в древнем селе Кучки.

Ларионова Людмила Ивановна

Я родилась в 1938 году. В годы отечественной войны наша семья жила в с. Карабаново Александровского района, это в 100 км от Москвы. Жили мы в 3-х этажном кирпичном доме с печным отоплением и водой из колодца, стоявшего во дворе. Наш дом находился почти рядом с железнодорожным вокзалом, а всего в 10 км находился город Александров – крупный железнодорожный узел. Поэтому мы часто видели эшелоны с крытой брезентом техникой, военными, ранеными, проходящими мимо дома армейские колонны.

Мой отец, Шамшин Иван Федорович, на войну был призван рано. Его боевой путь артиллериста проходил через финскую и Отечественную войны. Он награжден многими боевыми орденами, в том числе Красного знамени, Великой Отечественной войны I

и II степени, орденом Александра Невского, и др. А тогда, в детстве, я запомнила его (больше по фотографии) - красивым, высоким, в командирской гимнастерке и с планшетом на боку.

Однажды, впереди одной проходящей у дома колонны, я увидела «своего папу», и с криком «папочка, мой папочка» побежала вдоль колонны. Командир взял меня на руки, поцеловал, а я его обняла и всё твердила «папочка». Так и нёс он меня на руках впереди всей колонны мимо дома. Кто-то из солдат передал ему набор детских кукольных тарелочек. Он поцеловал меня, поставил с подарком на землю. Радости моей, что увидела папу, не было предела. Я не понимала тогда, что обозналась, я была горда собой, что встретила и проводила «папу». А он ни словом не обмолвился, что я ошиблась. Какая великая душа была у тех людей!

Над нашим домом часто пролетали груженые бомбами немецкие самолеты бомбить Александров. Во дворе дома стоял столб, на нем закреплен отрезок рельса, и дежурный ударами по нему извещал всех о налете. Недалеко от дома за колодцем был вырыт большой окоп, в котором жители прятались от бомбёжек, однако сбросив бомбы, самолеты, иногда так низко пролетали, что мы видели лица пилотов, они стреляли очередью вдоль окопа. Мы очень боялись их и в окопе копали себе боковые норки, чтобы лучше спрятаться.

Дети с третьего этажа дома не всегда успевали добежать до окопа, кричали и плакали от испуга. Кто-то из взрослых, желая нас успокоить, пошутил, что если не успеваешь добежать и спрятаться, то ложись на землю, или сними штаны и покажи немцу попу. Эта хулиганская шутка стала нашим «спасением». Детвора быстро «вооружилась» советом, и наш страх и слезы превратились в детское противостояние и презрение Гитлеру. Эта шутка спасла нас от нервного напряжения.

Наша мама работала инженером на ткацкой фабрике, работала много, а я со старшей на 2 года сестренкой были в круглосуточном детском садике. В выходной день мама сажала меня в детскую коляску с плетеным из прутьев верхом, брала топор, и мы ехали в ближайший лесок, где она обрубала края пеньков, а я собирала их и шишк для самовара. Это были дрова для нашей печки. В доме было холодно, спали все в одной кровати.

Однажды на прогулке в детском саду моя сестренка потеряла сознание. Оказалось, она заболела малярией. Потом долго к нам домой приходила «тетя» и заставляла ее глотать горькие таблетки. Иногда матери уходили по деревням менять вещи и одежду на муку и картошку. Когда они возвращались домой, был праздник: в самоваре варили по целой картошине каждой и пили вкуснейший «картофельный» чай.

Всю осень до снега и весной мы, ребятишки, ходили по полям в поисках мельчайших картошечек. Иногда мама делала лепешечки из кар-

тофельных шкурок, жмыха, и углей. Летом стало легче, мы собирали лебеду, крапиву, «столбики» полевого хвоща, молодые побеги елок и сосны, дудки, жевали вар, который находили около госпиталя, ходили за ягодами и грибами.

За грибами мы ходили гурьбой мимо лагеря военнопленных немцев. Когда мы впервые увидели колонну пленных немцев, нашей ненависти не было предела: мы махали кулаками, кричали, обзывали их разными словами, бросали землей и камнями, но взрослые хорошо их оберегали – нас отгоняли и призывали к порядку. Детская душа отходчива, жальство и любопытство быстро взяли верх. Когда из леса мы возвращались мимо лагеря военнопленных, они всегда просили есть, мы кормили их через щели в заборе сыроежками. Мы удивлялись, что они их глотали прямо сырыми.

Когда сестренка пошла в школу, у нас случилась беда. Однажды прибежали ребята и сказали, что она ослепла и не может дойти до дома. Я тогда очень испугалась. Это была, как говорят, «куриная слепота», когда от голода и авитаминоза человек теряет в сумерках зрение.

Еще с одной напастью приходилось постоянно бороться – вшами. Ежедневно частым гребнем вычесывали головы, их ежедневно осматривали и санитарные тройки в школе, и санитары по дому. Головы обрабатывали и дустом, и керосином, и уксусом, и польнико, в морозные дни для дезинфекции одежду выносили на улицу, весь двор дома пестрел от расстеленных на снегу одежды и одеял. И ничего не пропадало!

С большой теплотой вспоминаю доброту и внимание людей к нам, детям. В нашем подъезде жила старенькая женщина. Когда она видела нас на улице мокрыми от снега или от дождя, замерзшими, она заводила нас к себе домой, сушила нашу одежду и обувь у печки, поила нас горячим чаем, ведь с работы матери приходили поздно.

В нашем доме жил после тяжелого ранения в ногу боец. Он летом часто усаживал нас, детвору, во дворе и читал сказки, много рассказывал и чинил нашу «допотопную» обувь, у кого она была. Летом мы, в основном, бегали босиком или в тапках, связанных из отходов ниток. Одежда у большинства детей тоже была неважная, нам мама мастерила ее сама, перешивая свои и папины вещи.

Я часто думаю: как же тяжело пришлось нашим матерям в годы войны! Работа до изнеможения, дети, голод, нищета, ожидание вестей с фронта и тревога за близких, карточки на хлеб, дефицит мыла, отсутствие лекарств и т.д. А ведь нашей маме в то время было всего-то 30 лет! А она осталась в войну одна с тремя малолетними детьми на руках! Самая младшенькая из нас умерла в круглосуточных яслях от инфекции.

За свой труд мама была награждена медалями. Папа вернулся с войны весь в орденах и с пулевой в легком, которую ему не решались удалять до конца его жизни.

Лебедев Владимир Иванович

Сегодня эта тема войны вдруг зазвучала по-новому. Раньше говорили о ветеранах, людях, выигравших эту великую войну, говорили о тружениках тыла, ковавших на заводах победу. И вот сейчас о детях войны, родившихся в трудные годы и во время войны. Как они пережили это неслыханное бедствие? Наверное все по-разному.

Я, Лебедев Владимир Иванович, родился в 1944 году, за целый год до Победы. Оба мои родители родились в Иваново-Вознесенске в 1911 году, поженились в 1931 году. В 1932 году родился мой старший брат Владик, потом, в 1939 году, средний Валерий и я, младшенький, в 1944 году.

Из детства запомнились две вещи: очередь в баню, куда мы ходили со своими тазами и часа три сидели в очереди, и картошку жареную и залитую яйцами. В детский сад мы с братом Валерием не ходили, т.к. с нами сидела бабушка Аня, которую я вспоминаю с большой теплотой. Старший брат Владик в возрасте 12 лет умер от порока сердца. Он умер, а я родился. Семья жила довольно скромно, вообще тогда все жили примерно одинаково.

Лебедева Лариса Ивановна

Я уроженка Белоруссии, Гомельская область, Хайнитский район, д. Звеняцкое. Жили мы в большой семье. Я была 10 ребенком. Но трое детей умерли маленькими. Остальные во время войны были живы. Самая старшая сестра с 1918 года. Передвойной у нее уже было трое детей. Сестра Соня с 1925 года, брат Леша с 1927 года, другой брат с 1930 года, еще брат Николай, сестра Шура с 1933 года, Таня с 1935 года, я с 1937 года и Катя с 1939 года. Мама у нас умерла 29 мая 1944 года от тифа. Отец наш на фронте не был. Не знаю, по какой причине, а его два брата не пришли с фронта.

Немцы заехали в деревню в сентябре месяце и жили 3 года. Стояла немецкая запасная часть. У нас в деревне во время войны было 250 дворов, в каждом доме жили по 5 и более немцев. У нас их было пятеро и занимали они переднюю большую комнату. А мы ютились все в одной, где стояла русская печка. Немцы у нас на фронт не ходили, чем они занимались, я не знаю. По рассказам отца, их заставляли помогать колхозу: сеять, уби-

рать, пахать землю. Пахали на мотоциклах, так как в деревне мужчин почти совсем не было. Остались старики, женщины и дети. Молодых, которые не ушли на фронт, угнали в Германию. Мою сестру Соню тоже угнали в Германию. Обратно они не вернулись. Она ходила в школу в другую деревню за 8 километров, где окончила 8 классов, так как у нас школа была до 4 класса. Брат Леша тоже ходил в 6 класс вместе с ней. Другие сестра и брат ходили в школу в нашей деревне. Сестра Таня совсем не училась, так как она была для всех почти мамой, хотя была всего на 2 года старше меня. Я пошла в школу в 1944 году и проучилась всего 2 года, пока брат не ушел в армию. У нас на 7 человек были одни кирзовые сапоги и, так как он ушел в апреле месяце, мы все, можно сказать, остались босиком, потому что кроме лаптей обуви никакой не было. Отец для себя и для брата из сухой кожи делал какие-то маршаки, а мы весной все остались босыми. Так как весна была слишком мокрая, то нам не в чем было ходить в школу. Пока брат не ушел в армию, он возил нас на санях, а потом возить было некому. Меня отец отдал в соседнюю деревню смотреть ребенка. Так моя школа и закончилась, я ушла на свой хлеб. У чужих людей жила, многому научилась и что заставляли делать, делала, не ленилась. По рассказу отца, немцы не издевались над жителями села. Конечно, забирали у жителей иногда поросят, курей, яйцо. Молочными продуктами питались вместе. Но иногда давали консервы и сладости детям. Конечно, еще несколько детей в деревне родились от немцев. Так как отцы на фронте, а немцу не откажешь, потому что никому не хотелось умирать. Я помню, что наши дети дразнили немецких детей, называя их «немецкий байстрюк» или «байстрючка». Байстрюк – внебрачный ребенок. Естественно, им было обидно, ведь они не виноваты в этом. У нас рядом не было леса, только за 12-15 километров. А недалеко от деревни было посажено несколько гектаров ельника. Ему было примерно 20 лет. В этот ельник ходили за маслятами, так как других грибов не было. Однажды 2 немца пошли в этот лес за грибами и наткнулись на землянку, где скрывались двое парней с нашей деревни. От Германии они спрятались, а в армию их почему-то не взяли. Так вот, эти парни убили тех немцев и закопали в том же лесу. Когда немцы не вернулись из леса, их сослуживцы оцепили лес и нашли парней. Их повесили на глазах у всей деревни, чтобы другим было неповадно убивать немцев. Летом 1944 года наши войска освободили нашу деревню от немцев. Их застали врасплох ночью, так как они не отстреливались, а только подожгли ветряную мельницу в конце деревни. Больше ничего не тронули. Так что, можно сказать, мы все в нашей деревне родились в рубашках и вообще, в нашей округе бомбёжек не было, так как в каждой деревне стояли немцы – запасные части. В немцев, которые сдавались в плен, не стреляли, а кто хотел

сбежать - расстреливали в конце деревни. Тех расстрелянных, которые проживали в деревне и ничего плохого жителям не делали, можно было похоронить возле кладбища. Так что нашего немца бедного отец забрал и похоронил, так как он был хорошим для нас, детей. Когда выпьет водки, то всегда нас брал на руки, жалел и плакал. У него тоже дома 5 детей остались без отца. Помню, у нас была бодучная корова. Немцы выпили водки и хотели поймать петуха, чтобы напоить и его. Петух убежал в сарай, один из немцев забежал за ним, а корова подняла его на рога так, что он застрял в талии между рог, ухватился за рога, и корова его прижимала то к одной стене, то к другой. Но ему ничего не было, так как рога не давали его прижимать к стене, он, конечно, орал на всю деревню. Отец услышал, забежал в сарай, а корова его носит туда-сюда. Отец взял веревку, подал ему и потащил корову к закутку с сеном, а немец вылез из плена. Побежал в дом, схватил ружье(оно стояло в сенях) и хотел уж было застрелить корову, но папа успел закрыть ее на замок и сам спрятался за сарай. Немец пришел, начал стрелять по двери, но в корову не попал. Когда немцы вышли из дома, то запретили убивать корову. А потом, очень часто из-за него хохотали.

Лепехова (Суворова) Клавдия Ивановна

Мой папа Суворов Иван Иванович родился в 1892 году в городе Кимры Калининской области. Проживал в деревне Кобылино Загорского района. В июле 1941 был призван на войну, его зачислили в ополчение. Ополченцы сражались под Ельней. За время войны папа прислал нам 5 писем. В последнем письме писал о том, что часть находится в лесу. Мама очень переживала за папу. Участвуя в боях под Ельней, папа попал в плен, а потом в концлагерь. Концлагерь находился в Германии, город Оэрбке-Фаллингбостель земля нижняя Саксония. Из плена папа не вернулся. Папа участвовал в трёх войнах: в 1914 году, в финской войне и в Великой Отечественной войне.

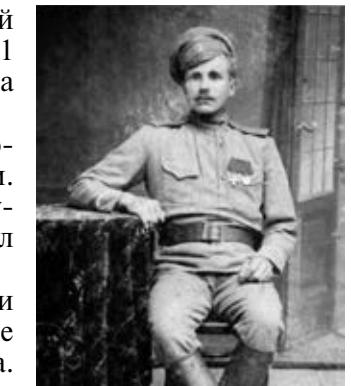
Нас у мамы осталось четверо детей. Мама работала в колхозе на двух работах: в поле и на скотном дворе. Мы ей во всем помогали. В колхозе летом много работы: пахали, косили, сушили сено, стоговали, сеяли озимые, сажали картофель и другие овощи. Выращенный урожай отправляли на фронт.

Мой старший брат Суворов Анатолий Иванович 1925 года рождения, в ноябре 1941 года подвозил на лошадях боеприпасы на фронт из города Хотькова в район Яхромы.

А вскоре ему пришла повестка из военкомата, он был призван в ряды Красной Армии. Затем его часть была переведена в город Ступино, а оттуда - на фронт. Нам он прислал одну фотографию.

Брат принимал участие в освобождении Западной Европы, где получил смертельное ранение в голову и умер 12 апреля 1945 года. Он похоронен в Австрии в городе Баден.

Мой отец и брат были замечательными людьми, преданными своей Родине.

В октябре 2013 года была организована поездка в город Ельня, где были ожесточённые бои.

Там же установлен памятник ополченцам.

Лешкова (Курова) Нина Борисовна

Я родилась в 1933 году. Наша семья Куровых была небольшая. Папа - Борис Иванович, мама - Евгения Васильевна, старший брат - Игорь и я - Нина. Папа работал главным специалистом на Глебовской птицефабрике в посёлке Холщевики. Когда немцы подходили к Москве, мы эвакуировались в город Воронеж - на мамину родину. На лето меня отвезли в Сомово, посёлок недалеко от города, к тёте Кате - маминой сестре. У нее была дочь Люда - моя ровесница. С Людой мы играли, всюду были вместе. Вспоминается случай как мы помогали по хозяйству. Тётя Катя послала нас собрать яйца в курятнике. Мы с Людой пошли и увидели, что на гнезде сидит петух. Согнав его, мы увидели, что в гнезде лежат яйца. Мы обрадовались и громко кричали, что петух снес 3 яйца и не понимали, почему взрослые хохотали до слез.

Однажды приехала мама и сказала, чтобы мы быстро собирались. Немцы подошли к Воронежу. Брат Игорь, тётя Таня, тётя Клава и дядя Петя пошли пешком из Воронежа в Борисоглебск потому что знали,

что фашисты угнают молодёжь в Германию. А мама собрала рюкзак, сложив в него всю зимнюю и летнюю одежду и обувь, посуду, еду, всё, что она смогла унести на себе. Помню, все склады продуктовые были открыты, и я насыпала чечевицу в карман. Мама работала доцентом на кафедре кормления в ветеринарном институте, который эвакуировали в Куйбышевскую область, Меликесский район, в село Рязаново на базу ветеринарного техникума. Нас погрузили в товарные 2-х ярусные вагоны. Детей посадили на второй ярус. Поезд пошел на восток, а навстречу поезда с танками, солдатами. На одной из остановок мама побежала за кипятком, а поезд тронулся. Я осталась в вагоне одна и заревела. Но оказалось, что мама мне положила записку - кто я и куда еду. На одной из станций наш эшелон обогнала дрезина. Из нее вышли три человека, и пошли по вагонам, выкрикивая мою фамилию. Так мама меня нашла. Наш поезд бомбила немецкая авиация. Когда немецкий летчик на бреющем полете строчил из пулемета, мы выбегали из вагонов. Я видела, как впереди шла женщина с грудным ребенком на руках и еще двое малышей держались за подол её платья. Пуля попала в женщину, она осела на землю, и трое детей остались сиротами. Фашистский летчик видел, что в вагоне мирное население и воевал с женщинами и детьми. Часто нас загоняли в какой-нибудь тупик, пропуская поезда с орудиями и бойцами на запад. Стояли мы долго, и никаких условий не было. Привезли нас к месту назначения осенью. Уже было холодно. Прибывших людей поместили в спортивный зал, где хранилось несколько куч подсолнечника. Получилось так, что все эвакуированные семьи уже расселили, а мы долго оставались без жилья. Нас поселили в плотницкую. В этой малюсенькой комнатке, когда мы спали, ноги Игоря лежали на наших ногах, иначе было не поместиться. В комнате была тумбочка с ящиком и висячим замком. Я знала, что в ящике мама клала конфеты — горошек. Их выдавали на месяц по 100 грамм на человека. Мне так хотелось сладкого, и я умудрялась чайной ложкой выкапывать несколько горошин.

Я училась в первом классе, сидела на первой парте около входной двери. Было голодно, и мама сняла с меня свитер и рейтязы и пошла в деревню менять на продукты. Привезла на санках немного картошки и тыкву. Тыкву запекали в русской печи. Она была очень сладкая, мне кажется, что такой сладкой тыквы я никогда больше не пробовала. На следующий день, сядься за парту, я увидела, что моя соседка одета в мой свитер и рейтязы. Она была очень довольна, а мне было грустно.

В то время мы все перезаразились чесоткой, школьники, студенты, сотрудники. Для борьбы с этой напастью оборудовали комнату. Хорошо её натопили, привезли гипосульфит и соляную кислоту. Всех без одежды мазали гипосульфитом, и были все белые, а потом 10 процент-

ной соляной кислотой. Выделялся сернистый газ, и все клещи погибали. А одежду в это время прожаривали в русской печке. Так избавились от чесотки.

Наступила весна, все эвакуированные стали копать гряды. Мама с братом сажали тыквы и другие овощи. В августе 1943 г. папу комиссовали с фронта, и направили в Загорск, в Птицеград для приготовления для фронта препаратов. Папа вызвал нас к себе. Когда мы приехали, у нас ничего не было из постельного белья. Нам выдали наволочки, наматрасники, солдатские одеяла. Мы набили наволочки и матрасы сеном. Каждую весну приходилось менять сено, ведь за зиму оно становилось трухой. Наша семья поселилась в двухкомнатной квартире. Мы занимали одну из комнат, а в другой проходной комнате жил сосед.

Скоро брата Игоря взяли в армию, и мы остались втроем. Папа пришел из армии весь в чирьях с червями. Для лечения были нужны витамины. Мама покупала отруби стаканами на рынке, затем брала дрожжи и заквашивала их с отрубями. Это лекарство папа ел по столовой ложке 3 раза в день и через 2-3 недели все чири прошли. Но следы от них остались на теле на всю жизнь.

Выдали нам хлебные карточки - папе и маме полагалось по 500 гр. хлеба, а мне 300 гр. Кроме хлеба продуктов у нас не было, ведь огород остался в Рязанове. Там был собран урожай и сдан на склад, нам прислали документы, сообщающие об этом. Мы просили, чтобы выдали овощи здесь, но никто не торопился их выдавать. Я росла, но одежды у нас не было, и хуже меня никто в школе не одевался. Было у меня одно единственное платье, когда мама стирала его, я лежала в кровати, потому что одеть было больше нечего.

Наступила зима 1943-1944 г. Холодная, голодная. Как-то раз папа перебирал книги, их у нас всегда было много, в отличие от пищевых запасов. И вдруг кричит маме: «Женя, я нашел фасоль, давай варить суп!». В пакетике лежало 15-20 зерен, а взяли 6 литровую кастрюлю и варили ...

Я была очень слаба и с кровати почти не вставала. Однажды приехал папин товарищ, и видит, что папа ходит с палочкой, чтобы не упасть. Увидев наше положение, он сказал: «Приезжай ко мне в птицеводческое хозяйство. Оно находится по ленинградской дороге и называется Березки. Чем смогу — помогу». Папа собрался в дорогу, но от Птицеграда до вокзала 5 км. Мы отдали весь паек хлеба, чтобы папа дошел, а там

друг его покормит. Я уже не помню имени и отчества папиного товарища, но фамилия его запомнилась. Необычная такая фамилия - Карагод. Папа привез миску свиного жира и 2-4 килограмма гречневой крупы, и мы дотянули до весенней травы. Мама отекла от голода, и хотя всё закончилось благополучно, я думаю, что это сказалось на её здоровье после войны. Летом мы посадили целых 6 огородов, чтобы больше не голодать. Все свободное время пололи, поливали, собирали урожай. Мы с мамой на рынке купили козу и привезли ее домой на санках. Я радовалась - теперь у нас будет молоко. А ещё нам сообщили из Холщевиков, что цел сруб нашего дома. Мы его продали и купили корову. Мы стали питаться лучше, голод немного отступил, и за этот год я выросла на 20 сантиметров.

Учились мы в старой деревянной школе. Отапливала она дровами, которые мы, ученики, сами пилили, кололи и носили к печкам. Но всё равно было холодно и на уроках сидели одетыми. В школу меня мама возила на санках, ведь обуви у меня не было. Мама шла на работу, а меня доставляла в школу, а когда на работе был перерыв на обед, она везла меня домой. Нам давали одну тетрадь на четверть, поэтому приходилось писать на газетах. Писали мы ручкой с металлическим пером номер 84, обмакивая его в чернильницу непроливайку. Чернильницу каждый носил с собой.

Запомнился мне наш загородский рынок. Рынок - лицо города. На рынке можно было купить все. Продавали самодельные бидончики из больших консервных банок, калоши из камер автомашин, сани большие и малые для дров и для детей, бочки, деревянные шайки, кружки из маленьких консервных банок, глиняную посуду - миски кружки, кринки, кувшины. На отдельных прилавках молоко, мясо, рыба, овощи. Правда, продукты стоили дорого - одна буханка хлеба стоила 200 рублей, а мама получала за месяц 600 рублей. Продавали мыло, отруби стаканами, масло. На другом рынке продавали живность - коров, коз, телят, кроликов, уток, гусей, кур. Стояли возы с сеном, дровами.

В городе работали заводы - Скобянка, ЗОМЗ, трикотажная фабрика. Жители помогали фронту. Женщинам раздавали пряжу, они вязали носки и варежки солдатам. Зимой собирали посылки - молоко замораживали и посыпали, шили кисеты солдатам.

Однажды нам с мамой надо было ехать в Москву за документами, а у меня не было обуви. Мама у солдат купила кусок брезента, пошла к сапожнику дяде Леше Петракову попросила колодки и сшила мне тапочки. Второй раз в Москву мы ездили за швейной машиной. Машины продавали в «Мосторге» на 3 этаже. Занимать очередь пришлось на первом этаже. Вот такая была длинноющая очередь, но нам машинка досталась.

В школе на большой перемене нам давали по карточкам хлеб. Мы всегда ждали большую перемену, ведь очень хотелось кушать. Тетя Шура на фанерке приносила каждому по кусочку размером в четверть ломтика и толщиной 1 см. Как-то раз, одному мальчику не хватило порции. Кто-то из детей съел две, ведь хлеб нам казался вкуснее торта. Классным руководителем у нас была Колянинская Мария Михайловна, мы её очень любили. Она зашла в класс, посмотрела на всех и сказала, чтобы девочки вышли. Что она говорила мальчикам, мы не знаем, но на другой день для того мальчика остался один лишний кусочек. С тех военных пор я не могу видеть хлеб на земле, поднимаю и отдаю птицам или животным. Стало легче жить, появился коммерческий хлеб - большие черно-серые батоны, но за ними очередь занимали рано утром, записывались и строго следили за списком. Первый раз, когда выстояла очередь и получила хлеб, я прижала к себе батон и говорю, хоть бы этих лаптей было вволю.

Теперь мы сажали картошку. Папа говорил, что на каждого человека надо 5 мешков картошки - один из них на посадку, а остальные на еду, ведь кроме картошки есть было нечего, по карточкам не давали ни крупы, ни сахара, ни масла.

У наших соседей Кругловых было 5 человек детей. Они держали корову. Корову запустили перед отелом - перестали доить, чтобы она отдохнула. Но было очень голодно и тетя Нюра вновь начала ее раздавать, чтобы кормить детей молоком. Теленок родился очень слабый. Но когда прошли роды, у коровы появилось молозиво. Теленок не съедал всё молозиво и мы дети ждали когда его поджарят и дадут нам по маленькому кусочку. Оно как яичница. Из всех детей Кругловых жива одна Тамара. Ей 75 лет. Остальные ушли в мир иной, зато живут их внуки.

Все лето мы босоногие бегали, играли в прятки, в круговую или беговую лапту, а вечером собирались, и Зоя Веселова нам рассказывала разные истории. Она была очень начитана, интересно рассказывала и когда вечером нас звали домой, то расходились мы очень неохотно. Меня очень неохотно принимали играть, потому что родители часто звали меня - то уток загонять, то корове воды наносить и игру закончить не получалось.

Во время войны люди помогали друг другу кто, чем может. Вспоминаю такой случай. Брата Игоря ранили на фронте, и он прислал письмо, что лежит в госпитале. Мама получила письмо, шла по улице и плакала, потому что не могла приехать к нему и привезти что-нибудь съестного. Тогда ещё мы не держали корову. Навстречу шла заведующая кормокухней Веденская Тамара Вениаминовна и спросила - что случилось. Мама сказала, что сын в госпитале, просит приехать, а что мне везти ему, когда мы сами голодаем. Тамара Вениаминовна сказала,

чтобы мама пришла на кормокухню. Там она дала ей буханку хлеба, который пекли в то время для уток из отрубей и комбикорма. Вот с этой буханкой мама и поехала в госпиталь. Больше не было ничего, но мама радовалась и этому.

В школе летом был кружок. Мы сажали яблони, овощи, кустарники. Кружком руководил Калистрат Иосифович. Эти деревья ещё растут около новой школы. С восьмого по десятый классы мы учились в Загорске отдельно в женской и мужской школах. Сейчас в бывшей мужской школе - гимназия, в женской - индустриальный институт. В школу мы ходили пешком, ведь транспорта не было никакого, а вечером возвращались гурьбой. Ходили в школу в любую погоду и в дождь и в мороз. Вспоминаю школьную форму - коричневое платье и черный фартук, а на праздник фартук белый. Замечая такую форму теперь на девушких-выпускницах во время последнего звонка, я не могу сдержать воспоминания о своём тяжёлом военном детстве.

После окончания птицеградской школы №8, я поступила в Московскую ветеринарную академию им. Скрябина. Получила профессию ветеринарного врача и вот уже 56 лет преподаю во Всероссийском аграрном колледже. Получила второе высшее образование, окончив рязанский пчеловодный институт. У меня трое детей и семь внуков, два правнука.

Лискова Нина Семёновна

Родилась я 8 мая 1931 года в г. Лозовая Харьковской области. В 1939 году мои родители, бабушка, дедушка и трое детей переехали на постоянное место жительство в г. Хотьково, на улицу 2-я Станционная дом 7. Моя мама - Григоренко Р.Ф. работала врачом – гинекологом в Хотьковской больнице, а папа - Григоренко С.В. в Москве в Государственной инспекции СССР. В июне 1941 года войска Германии без объявления войны напали на СССР.

Я хорошо помню этот день. Это было воскресенье. Родители уехали в Москву в Большой театр. По радио голос Левитана сообщал о вероломнном нападении. Было очень страшно. Фронт быстро продвигался к Москве. Уже в декабре были бои под Москвой. В одном из них погиб мой двоюродный брат В.В. Осадчий, он только окончил среднюю школу. Настали очень тяжёлые времена. Папу вместе с учреждением отправили в эвакуацию в Омск. На маме остались трое детей и два старика. Дедушка был болен болезнью Паркинсона. Было голодно и холодно. Мама после работы ходила пешком в соседние деревни, меняя свои лучшие наряды на картошку, овощи и отруби, из которых бабушка пекла лепёшки. Хлеб маленькими порциями покупали по карточкам.

Отопление было печное. Мы под маминым руководством пилили и кололи дрова. Немецкие самолёты много раз бомбили наш железнодорожный мост – стратегически важный объект, но каждый раз бомбы падали мимо. Одна бомба упала на нашей улице, во дворе, но не взорвалась, а волной повредила дом. Бомбу сапёры обезвредили и вывезли. На больничной территории упало несколько бомб, они взорвались, и взрывной волной расщемило длинное деревянное здание. В сторону Абрамцево тоже сбрасывали несколько бомб.

Самолёты летали так низко, что было видно на крыльях фашистские знаки. С самолёта они стреляли из пулемётов по населению. Так была убита девушка Дмитриева Мила со 2-ого Больничного тупика. Но несмотря на близость фронта, школа продолжала работать. Я уже училась в 3-ем классе. Не было дров, печи не топили, было холодно, дети часто болели. Я получила осложнение – ревматизм, а затем и болезнь сердца. Лекарств не было, лечились народными средствами. Осенью учащиеся вместе с учителями помогали соседним колхозам убирать урожай картофеля и овощей. Все старались помочь фронту.

Когда разгромили немцев под Москвой, было много пленных. Их временно разместили в длинном здании больницы. ТERRITORIЯ была огорожена колючей проволокой и охранялась военными.

В Абрамцевском музее был открыт госпиталь. Наша школа шестиватовала над ним. Мы, активные пионеры, под руководство пионервожатой, Веры Николаевны Евграфовой, ходили в госпиталь развлекать раненых. В главном здании, в вестибюле, на первом этаже собирались раненые, а мы выступали: пели песни, частушки о Гитлере, танцевали, читали стихи, дарили свои поделки. Так проходили наши школьные годы в лихие военные времена. Кроме трудностей были и радости. Радовались успехам на фронтах войны. Помогали родителям работать на огороде. Мама купила козочку, мы её пасли, доили и пили молочко. Жизнь становилась лучше.

И наконец, долгожданная победа. Закончив Хотьковскую семилетнюю школу, я поступила в 8-ой класс Загорской средней школы №5 и в 1949 году её закончила. Затем учёба в педагогическом институте. В 1952 году я закончила пединститут, вышла замуж за Лискова Б.Т. – участника и инвалида Великой Отечественной войны, он закончил художественное училище, уже после двух ранений и демобилизации.

Я начала свою педагогическую деятельность: 19 лет в школе рабочей молодёжи, а затем 15 лет в Хотьковском сельскохозяйственном техникуме, преподавала математику и вела воспитательную работу с учащимися, как классный руководитель. Проводили тематические, патриотические классные часы. Ездили в города-герои: Волгоград Ленинград. Ездили в совхоз на уборку урожая. За успешную работу меня отмечали грамотами и было присвоено звание: Ветеран труда.

У нас двое детей — сын Андрей и дочь Елена. У них свои семьи, по две дочери.

Жизнь прошла в труде и заботах, в воспитании детей, а затем и внучек.

Отдыхать мы выезжали всей семьёй на природу. Муж занимался рыбалкой и охотой. Очень любил природу, много работал. У него прошли 4-е юбилейные персональные выставки. Две в Сергиево-Посадском музее и две в Абрамцевском музее. Муж участник многих Всесоюзных и Республиканских выставок, заслуженный художник России. В течение последних 20-ти лет перенёс два инфаркта и два инсульта. В настоящее время он тяжело болен, ему 89 лет, а мне 82 года. Ухаживаю за ним я. Дети конечно по возможности помогают, но они работают и у них свои семьи, и заботы.

Мы живём в своём доме без удобств. Это тоже трудность. Пока не падаем духом и думаю ещё поживём.

Лукьянова Римма Григорьевна

*Их, обездоленных войной,
Так много было в те годы
Но ведь война была виной,
Что не было отца у сына.*

Л. Динулова

Война... Какое грозное страшное слово. Великая Отечественная война... Сколько жизней она унесла? Сколько сломанных судеб? Скольких людей она лишила детства?

К сожалению, всё меньше и меньше остается тех, кто принимал непосредственное участие в военных действиях, но живы те, кто своими глазами видел все ужасы войны, на своих плечах перенес все тяготы военных и тяжелых послевоенных лет. Это поколение детей войны.

Война коснулась и меня с самого раннего детства. Мне не было и двух лет, когда она началась.

Мой папа, Хамидулин Геният, 1914 года рождения ушёл на фронт в начале войны. И, мама осталась одна с 5-ю детьми на руках, где самой

старшей было 10 лет, а младшему не было и одного года. Во время войны младший братик умер, и мама нас поднимала четверых.

Я помню, как она раскладывала дневную норму хлеба на пайки, а меня, как самую младшую в семье, просила отвернуться от стола и распределить пайки между всеми. Я, гордая таким доверием, громко произносила имена сестер и брата. Такое распределение мама считала справедливым и необидным никому. Я не помню, был ли там паек для нашей мамы.

Война отняла у многих из нас самых дорогих и близких нам людей. Не вернулся с войны и наш папа. Пропал без вести. Всю свою жизнь мама ждала его возвращения. Она часто ходила к гадалке и брала меня с собой. В очередной раз услышав, что он живой и вернется (так мудрая гадалка говорила всем), измученная ожиданием мамина душа на время успокаивалась.

А однажды, в семидесятых годах нас разыскал папин младший брат, который живет в Удмуртии. Увидев его издали, мама чуть не потеряла сознание, приняв его за мужа, так он был похож на своего брата.

Мы росли без папы, и я так завидовала подружкам, которые росли с отцами. Произносить в детстве слово «папа» мне было не суждено. Не суждено было чувствовать его заботу и поддержку. Очень хотелось, чтобы он приподнял меня на руках высоко-высоко, очень хотелось, чтобы он всегда был рядом. Но тяжелее всего было моей маме без мужчины в доме, без мужской силы. Когда папа ушёл на фронт, маме было всего-то 29 лет. Растить четверых детей в одиночку в военное время — это ли не геройский поступок! Мы этого раньше не понимали.

*Уже давно нет мамы рядом с нами.
И моя грусть о маме не нова
И, низко кланяясь, я говорю спасибо.
В моей душе ты навсегда жива.*

Мой брат Василий 1935 года рождения очень хотел быть моряком и поступить в мореходное училище в Севастополе или Одессе. Но мама его не отпустила, испугавшись остаться без единственного мужчины в доме, лишиться мужской силы, да и ехать-то ему было особенно не в чем. Повзрослев он встретил прекрасную девушку Розу, с которой прожил около 50-ти лет, воспитали двоих дочерей, одна из которых стала

врачом (Чубаркина Надежда Васильевна). К сожалению уже брата нет в живых, а его жена живёт в Реммаше, Хамидулина Роза Михайловна, прекрасный человек, замечательная мать и бабуля, а для меня - душевная подруга.

Мы считались семьёй погибшего воина и нам государство помогало: выделяли участок леса на дрова, привозили бесплатно на растопку «горбыли» (горбатые доски длиной 1,5-2м и шириной примерно 10см). Их надо было правильно расколоть, иначе часть доски могла отлететь и повредить лицо, что у меня и произошло однажды, немного не долетев до виска и до глаза. Государство оказывало нам и материальную помощь. В школе иногда нам покупали одежду и обувь, а мне как младшей приходилось донашивать одежду за моими сёстрами. В начальных классах я училась в деревне Рогачёво, расположенной примерно в 2-х километрах от посёлка. Автобусы раньше не ходили, а изредка ездили грузовые машины -«студебекеры». Этот путь мы преодолевали ежедневно туда и обратно пешком. В доме не всегда хватало обуви на всех. Помню случай: я ждала возвращения сестры Таси 1937 года рождения, чтобы одеть её валенки, а она задерживалась. В школу я опаздывала и чтобы сократить дорогу, пошла не по шоссе, а по полю, по снежной целине. Было холодно и очень много снега, который сразу же набился в валенки и утрамбовался так, что не давал мне идти. Путь до школы я преодолевала ползком, ревя белугой. К началу уроков я опоздала. Учительница с большим трудом сняла с меня валенки и успокоила..

Во время войны, да и после мы жили на Зелёном посёлке города Краснозаводска. В моей детской памяти остались яркие-яркие лучи от прожекторов. Они бороздили небо, иногда пересекаясь между собой. Нам было интересно и мы, босоногие ребяташки (а босыми мы были всё лето) бегали на них смотреть. Зенитки стояли на посёлке вблизи шоссейной дороги и железнодорожной ветки, соединяющей город Краснозаводск и посёлок Бужаниново. На заводе города Краснозаводска выпускали снаряды для фронта и поэтому в народе его называли военным. Позднее на этом заводе трудились мои сёстры и брат. А старшая сестра Ахмадышева (фамилия мужа) Елена Григорьевна 1931 года рождения работала от начала до ухода на пенсию, передав эстафету старшей дочери Галине. Она всегда перевыполняла план и числилась в передовиках. Осталось в памяти также большое количество дирижаблей, которые как бы висели в небе на одном месте, не перемещаясь. Они не позволяли вражеским самолётам пролететь к Москве. Эпизод детства, тогда очень потрясший меня, остался в памяти навсегда. Надо мной низко пролетел самолёт и я, упав от страха в канаву лицом вниз, как бы вросла в землю. До сих пор мне иногда это сниится и меня почему-то сковывает страх.

Еще в детстве я испытывала смешанное чувство жалости и страха при виде военных без ног. Во время и после войны они встречались часто. У кого не было обеих ног, перемещались на деревянной платформе с небольшими бортами или в ящиках на колесиках. А кто был лишен одной ноги, ходил на деревянном протезе с костылем.

Все тяготы военных и тяжёлых послевоенных лет испытали дети того поколения, а в нашей семье эти тяготы легли на плечи мамы, сестёр и брата. Все дети того времени рано взрослели, выполняли иногда непосильную работу, а это отражалось на их здоровье. Ведь на выделенном участке леса надо было повалить деревья, обрубить топором все сучья, распилить брёвна и привезти (иногда на коляске) их домой. Этим занимались мама, сёстры и брат. Мне такую работу выполнять было не дозволено. Но зато все работы по дому ложились и на меня. Особенно тяжело было носить воду с колодца. Путь был не близкий.

В детстве я не научилась кататься на лыжах и коньках, так как у меня их просто не было. Катались мы только с горки на картоне. Я не научилась плавать, так как у меня не было времени ходить на водоёмы. У нас не было никаких кружков, и я не раскрыла своих способностей. Мы ходили в основном босиком и только вечером, начистив зубным порошком свои парусиновые тапочки, могли обуться. Зимой ходили в валенках, позднее в полусапожках «прощай молодость». В них на улице ноги моментально мерзли, а в помещении так же быстро нагревалась сама обувь , а не ноги.

Меня, отличницу, в школе однажды поощрили поездкой в Кремль на новогоднее представление. Но эта поездка была на грани провала. Меня некому было сопровождать. Мама моя в Москве не была ни разу в жизни, да и одеть-то мне особо было нечего: демисезонное пальто и валенки. Но я побывала всё-таки в Кремле, в Георгиевском зале в сопровождении родителей одной девочки, которую также поощрили поездкой. Впечатление было неизгладимое.

К нам однажды приехали родственники из Москвы и привезли неслыханную роскошь, связку сушек. Мама поставила кипятить воду в самоваре на крыльце, а мы в восторге от гостей и сушек устроили соревнование: кто перешагнёт или перепрыгнет большее количество ступенек. Когда очередь дошла до меня, я подолом захватила и самовар с кипятком.

Благодаря маминым усилиям и врачам я осталась жива. Бедная моя мамочка. Сколько же ей пришлось за меня пережить. Её не стало в 1992 году.

Уже нет, к сожалению и моей сестры Таси. Остались только моя самая старшая сестра Лена и я- самая младшая.

Но, несмотря на все тяготы и невзгоды тех лет, на непосильный

труд, всё-таки вспоминаешь детство, как счастливую пору в жизни. Это сбор «дружными ватагами», игры в лапту, в волейбол и другие игры. Мы брали друг друга под руки, составляя шеренгу на всю ширину улицы. Ходили так туда и обратно, распевая песни военных лет: «Темная ночь», «Землянка», «Катюша», совершенно не попадая в ноты (кто в лес, кто по дрова). И нам было весело. Но это было уже после войны. А среди взрослых была доброта и бескорыстная помощь.

Приезжая с мужем Лукьяновым Александром Григорьевичем в деревню Юрьево, что под Дмитровом, к его родителям, я часто слышала их рассказы о войне, что им пришлось пережить.

Моя свекровь, Мария Ивановна 1914 г.р. жила в оккупации и на себе испытала все тяготы той жизни. Их дом сгорел. Она вместе с племянницей из города Загорска Курдюковой Евдокией, по счастливой случайности остались живы. Отец, мой свекор Григорий Дмитриевич 1912 г.р., прошел всю войну, дошел до Берлина и вернулся живым. Только его родной деревни Бутово не стало. И он вдвоем с супругой, Марией Ивановной, построили новый дом в другой деревне Юрьево, где жили ее родственники. В этой деревне они прожили всю жизнь, отметили золотую свадьбу и где по сей день проживает их младший сын, Лукьянин Николай Григорьевич, 1946 г.р., всеми уважаемый замечательный человек, хороший специалист инженер-испытатель автомашин.

После войны не хватало мужской рабочей силы и там, где надо было работать вдвоем, отец работал один. Ему оторвало руку. Доктора ее пришли, но получилось грубо, так как раньше не было таких достижений в хирургии, как сейчас. Рука плохо сгибалась, но несмотря на это, он слыл мастером на всю округу, делал грабли, салазки, охотничьи лыжи, плел корзины, собирая в лесу полезные коренья и сдавал их государству.

Да, родителям моего мужа пришлось пережить очень много трудностей, но до конца дней своих это были очень доброжелательные, глубоко порядочные, трудолюбивые и необыкновенно милые люди.

Так хочется, чтобы в настоящее время было больше доброты друг к другу, чтобы она переходила из поколения в поколение.

Пусть никогда наши дети и внуки не увидят войны. Пусть всегда будет мирное небо. Вечная память всем не вернувшимся с войны. Низкий им поклон!

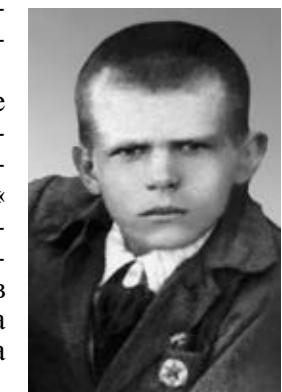
Лысенко Александр Григорьевич

Партизанский связной

Деревенька моя Поповка Пропойского (теперь Славгородского) района, что на Могилёвщине, расположилась по обе стороны шоссе Москва-Варшава на 534 километре от Москвы. Здесь в среду, 4 августа 1926 г. я громким криком заявил о своём приходе в этот мир и стал ещё одним жителем Поповки. Крещён. Крестил меня поп Иванька, так его звали за маленький рост. Назвал Александром, Сашкой значит. Вот это имя почему-то не нравилось моей матери Софье Пименовне, и она, как потом рассказывала, не звала меня по имени, а просто «хлопец» или «хлопчик».

В 1928 г. в нашей хате открыли почтовое отделение, и отец, Григорий Артемович, стал его заведующим. Читать я научился рано. Учил я буквы не по Букварю, а по названиям газет. В первый класс пошёл вместе со своими деревенскими друзьями. Школа была за 2 км от дома, и все ходили босиком до самого снега. Действительно, было босоногое детство. Бежишь, бывало, в конце октября или начале ноября по тропинке, а на ней от мороза сверкает иней, и трава вдоль тропинки тоже вся в морозном инее. Пока бежишь до школы, ноги красные как у гуся лапы. Четвёртый класс закончил в церковно-приходской школе, где до революции учились отец и мать. В мае 1941 г. вступил в комсомол. Так случилось, что в день приема в комсомол состоялась непредвиденная встреча со вторым секретарем ЦК КПБ Петром Захаровичем Калининым, который совершал поездку по Могилевской области. Во время ВОВ Петр Захарович возглавил Белорусский штаб партизанского движения, который находился в Подмосковной Сходне, на территории санатория «Энергия» в Химкинском районе.

О начале войны узнали во второй половине дня, когда из райцентра возвращались люди домой. Радио не было, а телефон был один в сельсовете в соседней деревне. А в Поповке вовсю «пела и плясала» свадьба. Женился мой двоюродный брат Илларион. Днём свадьба была в доме невесты, в соседней деревне, а вечером переехала в дом жениха. Веселились до утра, а в 7 часов утра из военкомата принесли повестку, и жених из-за свадебного стола ушёл на войну.

Известно, что Белоруссия была самой партизанской республикой. В соседней деревне Васьковичи проживал участник Гражданской войны и войны с белополяками Игнат Иванович Ерошенко, член компартии и работник РККП Белоруссии. Его оставляли в тылу врача для создания партизанского отряда. Когда я и мой двоюродный брат Николай Каплинский встретились с Игнатом Ивановичем в Поповке, он попросил нас помочь ему перенести оружие, оставленное ранеными, из дома моего дяди Василия Артёмовича, где был временный госпиталь в лес, что был рядом с деревней. Мы перенесли и спрятали в окопе около 2-х десятков винтовок и карабинов, ручной пулемёт, автомат и также несколько ящиков патронов и гранат.

Но организовать партизанский отряд Игнату Ивановичу не удалось. Его в соседней деревне Уречье выдала немцам местная женщина, сказав, что он коммунист. Немцы здесь же его и расстреляли. Мой двоюродный брат Миша Блинников уже находился в партизанском отряде Петра Марченко, и через связную партизан Алину Немиленцеву я сообщил ему о тайнике с оружием. В одной из ночей Миша с группой партизан пришёл ко мне, и я передал им всё оружие и боеприпасы. Со временем добывать оружие и боеприпасы стало труднее. Основная связь у меня была с партизанским отрядом Петра Марченко, но приходилось выполнять и задания отрядов Стефаненко и Гришина. Эти три отряда действовали в нашем районе. По их заданию я считал машины и вооружение, которое двигалось к Москве, ночью эти данные передавали в штаб. Партизанский отряд своими действиями так досаждал фрицам, что они вынуждены были снять с фронта армейские части и попытались отряд уничтожить. В лесу около деревни Бовки немцы окружили отряд (Бовская блокада), но отряд, понеся потери, прорвал кольцо окружения и ушел вглубь белорусских лесов. Во время прорыва блокады погиб старший брат моей супруги Михаил Немиленцев, погибла моя одноклассница, с которой мы в 7-ом классе сидели за одной партой, Валя Буторова, и многие другие партизаны. Через некоторое время отряд вновь восстановил боевую мощь, вернулся на прежние места дислокации. На партизанский аэродром с большой земли трижды приземлялся транспортный самолет с оружием, боеприпасами, обмун-

дированием и продовольствием, и правительственные наградами для особо отличившихся партизан. Население оккупированной территории знало обо всех событиях на фронте. Партизаны по ночам регулярно снабжали нас газетами и листовками с сообщениями «От Советского информбюро», а мы их распространяли по соседним деревням. Знали мы о победе под Москвой, о разгроме фашистов под Сталинградом и о поражении немцев на Курской дуге. В листовке сообщений о победе наших войск под Сталинградом, на обратной стороне была карикатура, где Гитлер был изображен в наброшенной на плечи русской женской шали и исполняющей русскую народную песню «Потеряла я колечко», а внизу в скобках приписка («А в колечке 22 дивизии»). Такая надпись воодушевила народ и вдохновила его на дальнейшую борьбу с оккупантами.

Враг совсем остервенел. По шоссе через деревню беспрерывно двигались потоки беженцев из оккупированных деревень. Шли немецкие колонны, груженные сельскохозяйственным оборудованием. Выполнялся приказ фюрера, превратить оставленные территории в пустыню. Дошла очередь и до Белоруссии. Сначала у нас отобрали скот, а затем погнали на Запад и людей. Мы с семьёй попали в лагерь советских военнопленных в Довске. Вместе со мной была мать, Софья Пименовна, две младшие сестры Нина, Аня и брат Женя. Отец, Григорий Артемович, в это время находился в партизанском отряде имени Буденного. В конце октября 1943 года нас из Довского лагеря немцы погнали в сторону города Рогачева, намереваясь переправить в Германию. Но нам и еще четырем семьям удалось скрыться, воспользовавшись темнотой. А через два дня мы все отправились домой.

Немного обустроились и меня взяли на работу в вооруженную охрану командиром отделения. Мы охраняли почтовую контору. В марте 1944 года был призван в армию. Воевал в Брянской области, Венгрии, Австрии. 8 мая 1945 года встретил в Линце с союзными войсками. Имею 25 правительственных наград и 5 благодарностей Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина. Затем 7 лет службы в Болгарии и Румынии. После демобилизации

окончил 9-ый и 10-ый класс вечерней школы, школу мастеров в Свердловске и там же поступил в Уральский государственный университет, затем перевелся в БГУ им. Ленина. Работал в той школе, где учился до войны. С 1973 года живу в Сергиевом Посаде. Сегодня я на пенсии, посещаю школы, встречаюсь с ребятами. Более 16 лет руковожу историко-краеведческим кружком «Отечество» при детской библиотеке. Словом жизнь продолжается и пока еще в строю.

Мазаева Татьяна Алексеевна

Рассказ о военном детстве брата, Вячеслава Алексеевича Зиновьева

«Пройдя трудную жизнь, он сохранил доброту...»

В нашей семье было четверо детей: двое родились до войны, и двое после. Наша мама была необыкновенным человеком: сама из раскулаченных, в пятнадцать лет она бежала из ссылки обратно в Хотьково. Впоследствии «перетянула» сюда и всю свою семью. Когда я спросила у брата, как они переживали войну, он ответил, что, если бы не наша мама, их не было бы в живых. А ведь действительно, только благодаря мужеству, стойкости наших женщин было сохранено предвоенное поколение детей. А это ведь те, кто потом принимал участие в восстановлении страны, а затем и в укреплении её экономики, обороноспособности.

Мой брат, Вячеслав Алексеевич Зиновьев, родился в 1937 году. Жили родители в общежитии завода «Лакокраска», в комнате без всяких удобств. Поскольку детских садов тогда не было, отец написал в деревню, откуда он родом, и пригласил свою двоюродную сестру в няни. Она приехала, а ведь ей самой было пятнадцать лет. Через три года няня устроилась на работу в Загорск, на оптико-механический завод. С трёх лет брат стал самостоятельным человеком. Когда мама приходила на обед, он спрашивал: «А это совсем гудело?». Тогда заводы гудками извещали о начале работы, перерыве на обед и об окончании работы. Поскольку гудело «не совсем», он терпеливо дождался окончания рабочего дня родителей, а потом шёл гулять, благо машин тогда не было.

Когда началась война, отца уже не было с семьёй: его забрали за несколько дней до этого на переподготовку, поэтому уже в конце лета

семья получила известие, что он пропал без вести.

А мама ждала второго ребёнка. В октябре родилась сестра. Рожала её мама под бомбами: немцы бомбили наш железнодорожный мост. В Хотькове была паника, многие хотели уехать в эвакуацию. Мать ехать отказалась, сказав, что дома и стены помогают. Брат вспоминает, как он сидел у окна и увидел, что идёт его бывшая няня. Это было невероятно, поскольку она должна была по закону военного времени эвакуироваться вместе с заводом, но она не поехала, а пришла к маме проситься опять в няни, уже для моей сестры. Так на руках у матери оказалось двое детей и няня. Надо было устраиваться куда-то, где можно было прокормиться. Хорошо ещё, что помогала тётушка матери. У неё была коза и гуси. А в Загорске сестра отца держала корову. И вот после работы раз в неделю пешком мама, а потом няня, ходили в Загорск за коровьим молоком. Но однажды, прийдя за молоком, мать услышала, как двоюродная сестра отца сказала: «Всех нищих не накормишь». После этого за молокомходить не стали. Мать устроилась сначала истопником, а потом — возчиком в пекарню. Вот где пригодилось её умение запрягать лошадь. Это был тяжёлый труд, ведь надо было грузить мешки по пятьдесят килограмм. Пекарня располагалась рядом с Покровским монастырём, там сейчас находится магазин автозапчастей. На втором этаже были исполнком и милиция, а в подвалном помещении — пекарня. Бригадир (это была женщина — к сожалению, не помню её имени) за тяжёлую работу давала иногда матери полбуханки хлеба. А ведь во время войны была карточная система, и даже за деньги в магазине продуктов сверх нормы купить было нельзя. На «чёрном» рынке, по воспоминаниям мамы, буханка хлеба стоила триста рублей. Поэтому эти полбуханки хлеба были «целым состоянием». За неё можно было выменять два ведра картошки, что и делали. Вот так с помощью бартера, как сказали бы сейчас, и прожили войну.

Но самое тяжёлое было впереди. Вернулся после плена и штрафного батальона отец — инвалид первой группы. Оформлять инвалидную

пенсию он отказался: не любил ходить по государственным инстанциям. Устроился преподавателем труда в школу на небольшую зарплату. В 1946 году начался сильный голод. Как вспоминает брат, жили на одной картошке. Из пустого супа, сваренного из картошки и воды, Слава с сестрой Зиной днём, пока родители работали, вылавливали всю картошку. Ещё он помнит, как дети стояли

возле пекарни и у каждой выходящей оттуда работницы просили хлебушка. Мама в пекарне уже не работала, вернулась на завод, потому что семью могли выселить из общежития.

И начали выселять, когда мама, после рождения третьего ребёнка в марте 1946 года, ушла с работы. Родители решили строить свой дом. Отец делал резные рамки для фотографий, мать продавала их на рынке. На вырученные деньги и взятые в долг купили хибару-развалюху возле Покровского монастыря. Купили лес. Кирпич на фундамент купили старый от стены загорской Лавры. Её тогда разбирали, и брат ездил с отцом выбирать и грузить его. А ведь было-то Славе 11 лет.

Несмотря на то, что родители строили дом, администрация завода не хотела ждать и обратилась в милицию, чтобы семью выселили из общежития. Как вспоминает брат, приходил милиционер с предписанием о выселении, но мать оставляла ему детей и, как бы он ни кричал, ехала в Загорск к прокурору. В первый раз прокурор был непреклонен, но мама поехала в Москву, на приём к депутату Верховного Совета СССР, писателю Л.М. Леонову, автору известного романа «Русский лес». Он выслушал маму, узнал, что отец — инвалид войны, и написал письмо в Загорск. На это письмо маме ответили, что депутат им не указ. Мать поехала ещё раз на приём к депутату. Он всё выслушал, молча написал что-то, запечатал в конверт и передал маме, чтобы она отдала в Загорске. Что он написал, неизвестно, однако после этого прокурор всегда давал отсрочку по выселению.

В 1948 году вселились в свой дом, и, чтобы рассчитаться с долгами, мама упросила соседку Дарью Леонтьевну Чернову уступить на одно лето ей пасти коз. Дарья Леонтьевна, царство ей небесное, согласилась. Лето 1949 года брат Слава вместе с мамой пас коз. Стадо насчитывало триста голов. Мама была беременна мною, поэтому основную работу выполнял Слава. За лето они заработали 25 000 рублей. Семья рассчиталась с долгами, и отец из-под Орла пригнал купленную там корову.

После этого основным помощником по хозяйству стал Слава, поэтому окончил он свою учёбу в школе после шестого класса.

Мне было очень интересно узнать, как выживала во время войны супруга брата. Оказывается, её мама, учительница по профессии, всю войну держала корову и сама заготовляла сено для неё, обрабатывала огород и обеспечивала отопление дома.

Мы, родившиеся после войны дети, не испытали того, через что прошли наши старшие братья и сёстры. Но к физическому труду лично меня привлекли рано: делала всё, что было в силах, и в других семьях дети росли помощниками родителей. В нашей семье, имеющей подсобное хозяйство, работы было много, особенно летом. Одного картофеля мы собирали 40 мешков. Кроме того, был огород, где выращивали капусту, огурцы, морковь, свёклу столовую и кормовую для скота. Собирали много смородины, крыжовника, яблок.

Начиная с июля, родители косили, а мы, дети, должны были высушивать эту траву, убирать в сарай. Летом запасались топливом. Складывать дрова, убирать уголь — работа для нас, детей.

В седьмом классе мне пришлось на месяц освоить профессию доярки. Мама заболела и месяц из-за радикулита не вставала. Вот когда я поняла, какой это адский труд у доярок. К концу дойки у меня немели по локоть руки.

В 1972 году я закончила институт, и родители всё хозяйство порушили, так как мама начала болеть. То, что я получила высшее образование — большая заслуга моего брата, который помогал семье. Он, пройдя трудную жизнь, сохранил доброту. Даже сейчас, уже пенсионером, всегда спрашивает, есть ли у меня огурцы, кабачки или что-то ещё, чем он может поделиться.

У поэта Николая Рубцова, родившегося в 1936 году, есть стихотворение «Воробей», которое заканчивается так:

... И дрожит он над зёрнышком бедным,
И летит к чердаку своему.
А гляди, не становится вредным
Оттого, что так трудно ему...

Как бы хотелось, чтобы и мы все не становились вредными из-за трудностей теперешней жизни.

Манжула (Ермоленко) Валентина Михайловна

О войне

Родилась я в семье инженера-строителя в городе Полтаве, на Украине 24 декабря 1929 г., но в годовалом возрасте мои родители переехали в город Харьков, где я жила до замужества в 1953 году.

Когда началась война, мне было 11 лет. Мы, дети, в таком возрасте ещё не понимали, что со-бою представляет война и что это очень страшно. Харьков бомбили каждую ночь, налетали и днём. Мы прятались в бомбоубежищах. Наши войска отступали, дошла очередь и до Харькова. В город немцы вошли осенью 1941 года. Они стояли на Холодной горе, возле вокзала. А наши войска покидали Харьков, двигаясь по Белгородскому шоссе. Немцы были по отступающим дальнобойными орудиями. Потом, убедившись в том, что войска ушли, стали продвигаться по улицам в центр города. Но они нешли по мостовой и по тротуару, а двигались цепочкой в полусогнутом состоянии с оружием впереди себя у самых стен домов.

Было очень странно и любопытно, для нас детей, смотреть на этих полусогнутых человечков в серо-зелёной форме. Убедившись, что в них не стреляют с крыши, они пошли и по мостовой и ощутили себя хозяевами города. После захвата - нормальная жизнь в городе прекратилась.

Харьков лежал в руинах. Электростанция была взорвана, не было света, воды. Вodu брали из речки Лопани, а там было много утонувших в ней наших бойцов и лошадей. Не было никакой еды. Люди стали сразу голодать. Кто поможе и посильнее, тот пошёл менять свои вещи в ближайшие села на хлеб. А слабые, неприспособленные, старые пухли от голода и умирали.

Мама тоже ходила менять вещи на еду. Но вскоре подумали и решили, что лучше уйти из Харькова в село к дальним родственникам, за семьдесят километров от города.

Мы так и сделали. Но пришли туда на свою, можно сказать, беду. Мы там прожили два года и эти два года жили в состоянии передовой.

Получилось так, что нас четыре раза брали из рук в руки. То немцы придут - наши уходят, то наши придут - немцы отступят. И всё время бои и бомбёжка. Немцы отступали всегда на конец Староверовки. Это большое село, которое делится на три части: вторую, где жили мы, центр - первую и третью. Село тянулось на восемнадцать километров в одну улицу, по бокам стояли избы (хаты) с огородами. Третья Староверовка расположена на возвышенном месте. Вот в этой третьей Старове-

ровке и укрепились немцы, там были окопы, а в блиндажи они стацили перины подушки сельчан и засели.

И всегда, когда немцы отступали, то до третьей Староверовки. И били по нашим войскам из своих орудий. Отступать по одной улице было трудно, они несли большие потери.

Было и так, что продержались наши войска всего один день. На рассвете пришли, а к вечеру стали отходить. Пришли немцы и начали лютовать. Так просто ни за что расстреляли нашу соседку, у которой осталось семеро детей, один другого меньше. Причина была в следующем: когда немцы отступили, то с ними ушли их прихвостни-полицаи и староста Протас. Пришли наши. И как водится, немцы приходят, забирают скот, кур у кого муж был партийным или у кого на фронте. Наши приходят, отбирают скот у полицаев и старосты.

И вот к нашей соседке подошли два солдатика и спросили, где дом старосты. Соседка даже не знала причину, зачем им нужен этот дом. Она вышла за калитку и рукой указала на дом старосты. Солдатики увили у старосты корову. Тут опять пришли немцы со старостой. Протасиха в голос, что забрали корову, и что указала наша соседка.

Протас с немцами выгнали соседку из дома и, отведя недалеко, расстреляли прямо на глазах у всех. Но они её не сразу убили, она некоторое время ещё была жива и выбила на снегу, большой кровавый круг, видимо, хотела встать. Подходить к ней никому не разрешили, односельчане подошли позже, когда она уже умерла. Мы, ребятишки, тоже бегали смотреть. Это была ужасная картина.

Расстреляли и учительницу, она жила в конце села в школе, к ней из леса приходили партизаны. Она передавала какие-то сведения. На неё донесли и её тут же расстреляли. У неё осталось двое маленьких детей, их забрали сельчане.

Тут опять пришёл фронт. Стреляют, налетает немецкий самолёт, его мы называли «рамой». На эту раму грузили рельсы, железные бочки, железо. И самолёт, накреняясь, сбрасывает на наши войска всё это с огромным свистом, создавая психическую атаку.

Наши войска опять отступили. В село наехали немецкие машины, все новые, под новым брезентом. По хатам пошли немцы и полицаи, прикладами стали выгонять людей из хат. Нас тоже выгнали. Погрузили в машины и повезли в сторону Полтавы. Сколько ехали я уже не помню, но привезли нас в лагерь. Он был расположен на окраине Карловки. Раньше здесь была селекционная станция, а теперь немцы сделали лагерь, обнесённый колючей проволокой с вышками, на которых стояли вооружённые немцы.

Нас разгрузили, стали загонять в ворота. Во дворе разделили на две группы: молодых девушек и парней направо, а нас, мелюзгу, пожилых и совсем старых налево.

Недалеко от входа был вкопан большой котёл, в нём варился какой-то кулеш. У кого была какая-то посуда, можно было подойти, и немец черпаком наливал плошки.

Разместились мы по небольшим комнаткам селекционной станции прямо на голом полу. Так мы прожили три дня, нас должны были отправить в Германию: кого на работу, кто помоложе, а нас, детей, видимо на опыты. Тех людей, которые попали вправо, отправили на станцию, в тот же день, загрузили в состав.

Фронт надвигался всё ближе и ближе. Составы задерживались. Из лагеря никого не выпускали. Каждую ночь налетал наш самолёт, делал несколько кругов, обстреливал лагерь и улетал.

На четвёртый день нашего пребывания, пошли за едой, а там один из полицаев сказал: что если мы хотим остаться живыми, то, как только налетит ночью наш самолёт, надо убегать из лагеря. В колючей проволоке есть дыры, через них надо уходить. Немцы не следят, когда налетает самолёт, они прячутся. Мы так и сделали, самолёт налетел, мы нашли дыру, вылезли и побежали по картофельному полю к селу.

Куда идти, не знаем. До Харькова далеко, до Полтавы пятьдесят километров, решили идти в Полтаву, так как у мамы были там родственники. Прошли несколько километров, фронт шёл по пятам. Я уже не помню, устали, сели под чай-то дом отдохнуть.

Вдруг опять налетели наши самолёты и не один. Делали круги и строчили, бросали бомбы. Наши орудия били по немцам, немцы отвечали. Мы попали в мясорубку. Все беженцы и мы с ними побежали в кукурузное поле, находящееся сразу за домами, изрытое всё окопами. Мы прыгнули в окоп и просидели там, пока всё не утихло. Люди начали вылезать из окопов, вылезли и мы. Направились в посёлок, когда туда пришли, то увидели страшную картину: дома были разрушены и сожжены, разбитая техника и убитые люди и животные. А войска нашишли дальше и дальше на лошадях, машинах и пешком.

Мы решили идти в Харьков пешком, это было очень далеко. Идти было трудно. Часто отдыхали. Когда мы подошли, на следующий день к лагерю, откуда убегали, то ужас охватил нас. На месте этого лагеря мы увидели сгоревшие здания и пепел.

Немцы, отступая, сожгли этот лагерь вместе с оставшимися людьми, не успевшими убежать.

Вот такая участь ожидала бы и нас, если бы мы не убежали. Одним словом, я рассказала о детстве, опалённой войной.

Мартыхина Галина Константиновна

Родилась я в 1938 году в городе Хотьково Московской области, где и проживала во время войны. Отец погиб под Ржевом в 1942 году.

Наш дом находился близко от железной дороги и железнодорожного моста в Хотькове. Осенью 1941 года немецкие самолёты очень сильно бомбили, но ни разу в мост не попали. Воронки вокруг долго сохранялись. Мы прятались в бомбоубежище. Было уже холодно, стояли морозы. На станцию Хотьково прибыли сибирские войска. Утром, когда я вышла на улицу, около дома стояло очень много танков и военных в белых тулупах. Меня они угостили колотым сахаром – такую вкуснятину ела впервые. Вечером военные пошли в наступление.

Была собака Джек – овчарка. Её взяли на войну. Мама работала в Хотькове лесником. Помню, как одни только женщины грузили лес в вагоны. Невыполнение задания – трибунал.

Маслова Инна Михайловна

«Не приведи, господи»

Я родилась 21 июля 1940 года, в городе Загорске. В районе ул. Кирова жила семья Масловых дружно, счастливо – пapa, mama, сынок Володя и дочка Инна. Пapa и mama оба работали на ЗОМЗе.

И вот в июне 1941 г. грянула страшная Отечественная война. Папу с завода сразу направили на учёбу в военное училище, он был башковитым, и мы его больше не видели. Письма присыпал с фронта «треугольнички» со словами: «Жив, здоров; Нюра – береги детей и себя», - присыпал командирские карточки на питание, а в начале февраля 1945 г.

пришёл «треугольничек» с чужим почерком и похоронкой, со словами: «Ваш муж Михаил Петрович, зам. Командира батальона, погиб смертью храбрых за Родину, за народ на подступах к городу Кенигсбергу...»

В 1941 г. Началась подготовка к эвакуации ЗОМЗа в Томск. Рабочие завода с семьями, в основном с малыми детьми; ехали около 2 месяцев в товарных вагонах. Холод, голод, ещё бомбили — сколько натерпелись, намыкались в пути — и не передать. Моя мама без слёз говорить не могла. В Томске прожили около двух, тяжёлых, сложных, лет. Не дай бог такого никому. Потом был сложный обратный путь, так же в товарных вагонах, но уже на Москву, у всех были слёзы радости, что едем домой. Затем все работники сутками, с большой радостью и энтузиазмом, восстанавливали завод и народное хозяйство. Мы, дети, были в детских садах на шестидневке и, только в воскресенье мама могла нас забрать домой.

И вот наступил самый главный праздник — День Победы! Было ликование, большая радость. Я хорошо помню, в этот день нам дали по два яичка, это было такое счастье! Мы были голодные, в саду нас кормили и поили — сладкий чай с сахаром и рыбий жир, видимо, этим нас поддерживали. Мама в этот праздник забрала нас с обеда домой. А на улице, где мы жили, уже готовили праздничные столы, несли, что было из продуктов. Это такое было счастье, радость, все целовались, обнимались со слезами на глазах. Вот такие воспоминания нашего военного детства, холодного, голодного. Да ёщё дразнили нас безотцовщиной, как будто мы были виноваты, что папа наш погиб. В то время было всякое.

Матысяк Людмила Андреевна

Память с нами навсегда!

Я родилась 29 октября 1934 года. Наша семья (папа, мама и я) жила в Загорске на Комсомольской улице в доме № 6. Летом я всегда гостила в деревне Калинино Александровского района, где мой дедушка работал директором начальной школы. Так было и в июне 1941 года, когда началась война. Мне было 6 лет.

В первых числах июля папу призвали в армию и отправили на фронт замполитом роты. После его отъезда мама приехала за мной, и мы с ней остались в Загорске одни. Обстановка в городе была очень напряженная, часто были налёты немецких самолетов и объявляли воздушную тревогу. Однажды мы с подругой играли во дворе её дома и слышали, как гудела сирена. Вдруг прибегает моя мама вся в слезах потому, что долго не может меня найти, чтобы бежать в бомбоубежище.

Немцы уже подошли к Москве, Дмитрову, Клину и до Загорска

оставалось совсем немного. В газетах писали, что с семьями советских офицеров они расправляются очень жестоко. Нам было очень страшно, потому, когда семья папиного брата, который тоже был на фронте, позвала нас ехать с ними в эвакуацию, мы сразу согласились. Эвакуировался Александровский радиозавод, а к нему прицепили один вагон от военкомата с семьями военных. Поезд был товарный, ехали в вагонах-теплушках, спали на нарах, грелись у печки "буржуйки". Несколько раз над нами кружили немецкие самолёты.

При приближении самолётов поезд останавливался, и все пассажиры бежали прятаться в лес, который тянулся вдоль железной дороги.

Радиозавод эвакуировался в город Петропавловск, что в северном Казахстане. Ехали мы целый месяц, так как долго стояли на запасных путях, пропуская эшелоны, которые шли на фронт.

В Петропавловске мама работала на радиозаводе, а я ходила в детский сад. С нетерпением ждали писем от папы и часто писали сами, но в феврале пришло письмо из госпиталя, где папа лежал с тяжелым ранением в голову. Мы очень плакали, жалели папу и переживали, что он может остаться инвалидом, вернётся домой, а нас там нет. Мама стала хлопотать, чтобы нам выдали пропуск до Загорска. Но пропуска оформляли очень долго, и домой мы вернулись только в апреле. Папа был уже опять на фронте.

А в июне 1942 г. папу снова ранило. Он сначала лежал в полевом госпитале, а когда стали отправлять в тыл, попросил, чтобы его направили в Загорск. Он лежал в госпитале, который находился в Лавре, где потом был учительский институт, а сейчас музей Духовной академии. У него было тяжелое ранение в грудную клетку с нагноением, воспалением и высокой температурой. Осколок в лёгких у него оставался до конца жизни.

Когда мама уходила на работу, я бежала к папе в госпиталь. В первое время у него были очень тяжелые перевязки, после которых ему было плохо. Я старалась помогать папе, чем могла. Постепенно раны поджидали, папа набирался сил и стал вставать.

После школы мы сразу бежали в магазин, чтобы занять очередь и купить продукты по карточкам, когда их привезут. Это был прожиточный минимум. Мама часто вспоминала потом, как я говорила ей после ужина: "Давай скорее ложиться спать, пока опять не захотелось кушать".

Лето я проводила в деревне у дедушки с бабушкой, там я помогала им на огороде. За счётом овощей жилось сытнее, а ёщё рядом был лес с грибами и ягодами, а на лугу рос щавель и разные съедобные травы, и молоко в деревне было дешевле. Только добираться до деревни было трудно. На поезде до Александрова можно было доехать только по пропускам. Поэтому мы ездили на поезде Загорск-Краснозаводск, который в народе

звали “Кукушкой”, до Бужанинова, а дальше шли пешком. Ночевали в Александрове у родных, а утром ещё шли 12 километров до деревни Калинино. Приходили и очень уставали.

Наконец, война закончилась. Победу встретили всеобщим ликование! Незнакомые люди на улицах поздравляли друг друга, обнимались, желали скорейшей встречи с родными воинами. Только те, у кого близкие погибли, радовались со слезами на глазах.

Моего папу в 1945 году не демобилизовали, и даже предлагали оставаться в армии кадровым офицером, но осенью он приехал домой. Встреча была незабываемой. Я была в школе, и во время урока вошла директор школы и вызвала меня из класса. Я вышла и увидела папу, бросилась к нему со слезами радости. Он обнимал, целовал меня и тоже плакал, а рядом плакали директор и учительница. Когда папин отпуск закончился, мы с мамой уехали вместе с ним.

Раньше я видела войну только в кино, а здесь мы ходили по её следам. Я увидела весь израненный обстрелами и бомбёжками Ленинград, слышала много рассказов военных о прошедших боях, ходила мимо братских могил, которые были рядом с разбитыми домами, а дорога в школу шла вдоль немецкого кладбища, где “строем”, как солдаты, стояли кресты.

В батальоне, где служил папа замполитом, был рядовой Юра Каширин – мальчик 14 лет. Его отец был кашеваром на полевой кухне. В войну маму Юры убило во время грозы. Отец ездил на похороны и привёз с собой сына в воинскую часть. Война ещё продолжалась, и однажды снаряд попал в полевую кухню. Отец Юры погиб, а сын остался в батальоне. Когда я стала ходить в школу в 4 класс, Юру тоже записали в школу, и мы учились вместе, оба учили уроки по моим учебникам.

Мой папа демобилизовался только в июне 1946 года. Мы всей семьёй вернулись в Загорск. С 5 класса я училась в средней школе №3 имени КИМ, которую окончила в 1952 году, и поступила в институт.

Прошло много лет, но память обо всех ужасах войны остается с нами навсегда.

Мельникова (Ильина) Мария Матвеевна

Снится мне деревня...

Я родилась 28 июня 1934 года в Тульской области, Дубенского района. Моя мать Ильина Александра Петровна, в девичестве Евтухина, отец Ильин Матвей Фёдорович, оба работники колхоза. Семья у нас была большая, нас пять детей, три сестры и два брата. Мне было семь лет, когда немцы напали на нашу деревню. Шёл первый год войны. Сначала они разграбили наш магазин и выбрали старосту из жителей

деревни, чтобы тот помог с расселением по домам и докладывал немцам о жизни своих односельчан. Когда пришли наши, его расстреляли, и как рассказывали люди, близкие похоронили его в саду, недалеко от дома. В дом к нам подселились пятеро немцев, из-за нехватки места спали на полу, предварительно заставив нас, детей, натаскать соломы. Мы всей семьёй спали на печке вместе с клопами.

С едой в это время было совсем плохо, питались в основном одной травой, которую парили в печи. Щипали листву липы, сушили и толкли, получалось что-то вроде муки, делали из этого лепёшки, есть которые было невозможно. По весне на картофельном поле искали гнилую картошку, промывали её и сажали в печь на сковороде. В один из таких походов с сестрой потеряли галошу, как ни искали, найти не смогли, и остались валенки без галоши. Осенью мы собирали жёлуди, сушили и толкли в ступе до муки, обваливали в ней траву, получалось очень горько. Лучше было только летом, когда можно было собирать грибы, орехи и ягоды, особенно много было земляники. От голода все опухали, а Анюту, сестру мою, так опухла, что только щёлочки были вместо глаз.

Не все немцы были плохими, был один немец, хорошо говорил по-русски, часто повторял, что им тоже воевать не хочется, что у них есть свои семьи и дети. Сейчас вспоминаю, но в то время мне до их детей дела не было. Деревню у нас разделял овраг, и на наш дом с противоположной стороны была направлена пушка, и мы очень боялись, что если будет выстрел, мы все погибнем. Вот так и жили в страхе и в голоде.

Зашли немцы в нашу деревню, я думаю в сентябре, день тогда был солнечным, а отступали уже в апреле, потому что под снегом была вода. Отступали очень злыми. Жизнь наша даже после отступления оставалась тяжёлой, потому что в деревне к тому времени не осталось мужчин, в основном дети и старики, остальных забрали на фронт. А весной нужно было обрабатывать землю, только лошадей тоже не осталось, запрягали коров, у кого они были, и пахали землю. Однажды мама заболела и наказала мне взять кнут и с тётей Нюрой идти бороновать землю, чтобы всходы вышли. Запрягли две коровы, тётя Нюра водила, а я подгоняла, и вдруг мне бороной по ногам. Я, конечно, упала, и борона проехала по мне. Я закричала, тётя корову остановила. Мне тогда не сильно досталось, потому что у бороны зубья были деревянные, а на мне была телогрейка. Зубья всю одежду разорвали, но кожу не тронули. Только я очень испугалась в тот раз, и мама больше не посыпала меня бороновать, но жать рожь с ней я ходила всегда, как и сажать свёклу и выбирать картошку.

В то время, когда немцев отогнали, на поле, недалеко от деревни, трудовым фронтом была выкопана землянка, в которой жили военные, молодые парни и девушки. Там была рация, по которой часто сообщалось положение дел на фронтах. Они первыми узнали о конце войны,

после чего тут же поспешили сообщить в деревню. Наш дом был крайним, поэтому эта весть прилетела к нам раньше других. После окончания войны вернулись надежда и уверенность в завтрашнем дне, но жизнь была всё еще тяжелой.

Когда мне исполнилось девять лет, к нам приехали молодые учителя. Учились мы в одном классе первый и третий, а во вторую смену второй и четвёртый, потому что помещений не хватало. Когда было тепло, в школу ходили разутыми, а в холодное время надевали какую-нибудь обувь. Мама всегда хотела, чтобы её дети выучились, потому ходили почти голодными, но учиться не бросали. С пятого класса школа располагалась в Калужской области, и идти до неё пять километров. Когда я закончила семь классов, мама отвезла меня в Тулу, где я учились три года в ремесленном училище №5 на фрезеровщицу. Потом по направлению нас привезли в Загорск, оформили на Скобянку и отправили в отпуск, после которого началась трудовая жизнь. На этом заводе проработала до самой пенсии, я – ветеран труда.

Пока писала, наплакалась, какую нелегкую жизнь я прожила. Родила и воспитала двух дочерей, есть три внучки, сейчас подрастает правнук.

Меньшикова Юлия Константиновна

Дети войны

Я родилась 13 июля 1933 года в семье крестьян. Мой отец Константин Павлович Марков, мать Анна Петровна Маркова, русские по национальности.

Свою жизнь помню с четырёх лет. Яркие картины всплывают до сих пор. Помню, как ре-прессыровали отца в 1937 году. Уводили из дома, заломив руки за спину. Помню, как судили. В 1939 году он вернулся из тюрьмы и был реабилитирован.

В год начала Великой Отечественной войны пошла в первый класс, а отец уже был на войне. Нас осталось четверо детей на руках у матери. Я старшая. Рано познала всю ответственность и тяжесть за младших. Мать была простой дояркой в колхозе, а ещё устроилась ночным сторожем на колхозной ферме, а днём шла на полевые работы. Мы её почти не видели дома. Все домашние дела легли на мои плечи, а мне всего восемь лет. Закончив начальную школу, устроилась на работу в почтовое отделение почтальоном.

Три года обслуживала две деревни (5-й, 6-й, 7-й классы) после уроков. Уроки делала вечером при коптилке (не было керосина), но училась хорошо. Учение давалось легко. Начиная с первого класса и, можно сказать, до старости увлекалась самодеятельностью: пела, танцевала, читала, перевоплощалась. На вечерние деревенские посиделки отец всегда брал меня с собой. Меня просили плясать, петь, изображать кого-нибудь. Я не стеснялась. У меня не было боязни или волнения выступить перед зрителями. Учитель русского языка и литературы каждый урок вызывал к доске и просил что-нибудь прочитать наизусть. Я очень выразительно читала. Отец всегда говорил: «Юлька у нас будет актрисой». Не сбылось. Отец с войны не вернулся. Он погиб в декабре 1941 года под Тулой и похоронен в братской могиле в селе Бошмово.

Я быстро взрослела. Не было такого вида труда, которого бы я не делала. Я умела доить коров, косить траву, работать на полевых работах (жать рожь и вязать снопы, молотить, трепать лён и многое другое). Эта не по силам физическая нагрузка не прошла даром. Я заболела ревматизмом и год не могла ходить. Пролежала в больнице несколько месяцев, но до конца вылечиться не смогла. Не было нужных лекарств. Всю жизнь страдаю этим недугом. Но молодость брала своё. С малых лет люблю старины русские песни. Знаю их очень много. От отца передался голос, и при любом удобном случае пою. Это моя жизненное увлечение.

Самое тяжёлое состояние в детстве было переживать голод, когда ещё три маленьких рта ждут от тебя хоть чего-нибудь поесть. Самой маленькой сестре было десять месяцев, я жевала ей хлеб, завязывала в узелок и давала сосать, хоть бы только она перестала плакать.

Работать нас приучали с ранних лет. Помню, как младший брат в шесть лет начал помогать работать в поле с лошадьми при бороновании. Его просто посадили на борону, как груз, а лошадь сама ходила по полю. Он уснул и свалился с бороной. Нашли его заваленного землёй. Но, к счастью, отходили – остался жив.

Помню, как ходила к председателю сельского совета просить хлебную карточку – нас же четверо детей. Не дал. Шла обратно домой, рыдала. Не могла понять – почему отказал. Мать объяснила – картошка есть. Зато в школе учительница каждый день давала нам по сто грамм хлеба

настоящего, ржаного. Я его приносила домой и делила на всех. Сейчас, когда я рассказываю своим внукам, ученикам в школе, не верят. Считают, что такого не могло быть. Особенно возмущаюсь, когда бросают хлеб. А ведь мы в школе ходили в поле колоски собирать, чтоб ни одно зёрнышко не пропало.

После окончания семилетки поступила в Орехово-Зуевскую фельдшерско-акушерскую школу, после окончания которой была направлена на работу в Константиновский район, Заболотьевскую сельскую больницу, где проработала шесть лет. Обслуживая огромную территорию сельской местности медицинской помощью, вела большую общественную работу, являясь секретарём комсомольской организации колхоза «Борьба». Кроме того, была руководителем клубной самодеятельности. Председателем колхоза в тот период был Юрий Иванович Кубарев.

Работая в сельской больнице, часто приходилось принимать ответственные решения по оказанию медицинской помощи: роды на дому, в дороге, оказание хирургической помощи вне больницы (на поле трактористам, при пожаре, остановка кровотечения при криминальныхabortах и др.). Мысль о получении высшего образования не покидала меня всегда, и я обратилась в райздрав с просьбой о переводе меня на работу, где можно было бы продолжить учёбу. Меня перевели в Загорский район, Хотьковское карьерауправление (ныне пос. Мостовик) в здравпункт на должность фельдшера, а через год перевели на заведование детскими яслими.

Для поступления в институт необходимо было подготовиться. Я поступила в школу рабочей молодёжи (ШРМ) в Хотькове и закончила её. Получив аттестат об окончании, поступила в Московский областной педагогический институт (заочное отделение) на дефектологический факультет, отделение сурдопедагогики, и успешно закончила его.

По семейным обстоятельствам пришлось поменять место жительства, и семья переехала в посёлок Абрамцево. Новая работа – заведующая детскими садом. На очередных выборах в местные советы избиралась депутатом поселкового совета, а вскоре – председателем исполкома поселкового Совета. Занимаюсь хозяйственной деятельностью: ремонтирую дороги, строю линии водопровода, благоустраиваю улицы

посёлка, улучшаю инфраструктуру посёлка. Неоднократно избиралась депутатом Загорского городского Совета. Проработав на этой должности семь с половиной лет, перешла на работу по специальности в школу-интернат для детей с тяжёлыми нарушениями речи в качестве учителя-логопеда. Тринадцать лет работаю на этой должности. Последние три года из них – заместитель директора по учебно-воспитательной работе, десять лет возглавляю профсоюзную организацию школы.

Мне 55 лет, а меня снова избирают на должность, теперь уже главы администрации посёлка Абрамцева. Работа до мелочей знакомая, но формат другой. Подходы новые, более тревожная обстановка. На ходу пришлось постигать юриспруденцию, изучать новые правительственные указы, подзаконные акты, распоряжения и массу всякой новой документации. В этой должности проработала опять семь с половиной лет и в 62 года ушла на заслуженный отдых.

За годы трудовой деятельности награждена медалью «За доблестный труд» и медалью «Ветеран труда».

После окончания войны в село пригнали пленных немцев. Поселили их в разрушенной церкви. Работали они на лесоповале. Мы их видели каждый день. Хмурые, обросшие, в лохмотьях. В нас кипела ненависть. Они у нас всё время просили бумаги («папер»). Я с остервенением кидалась на них и кричала, чтоб они сдохли. С войны в деревню вернулись только трое мужчин. Все тяготы лежали на плечах женщин, стариков и детей.

Только с вершины прожитых лет можно сравнить, насколько было сильно и глубоко чувство патриотизма к своей стране по сравнению с настоящим поколением. Наш народ победил такого сильного и страшного врага, и мы горды, что наше поколение прославилось не только героическими подвигами, но и трудовыми, восстанавливая страну после военной разрухи. Мне не стыдно за свою прожитую жизнь. Сорок пять лет трудовой деятельности говорят сами за себя.

Пишу эти строки в назидание грядущему поколению: своим внукам, правнукам. Только труд делает человека Человеком с большой буквы.

Митрофанова Лилия Садреевна

Война – это страшно

Когда началась Великая отечественная война, мне было неполных шесть лет, а сейчас уже 78. Прошло не одно десятилетие, а те годы твердо запечатились в памяти. Почему-то самым ясным осталось время первых дней войны, а затем дни эвакуации. Тогда мы жили в городе Краснозаводске, почти каждую ночь объявляли воздушную тревогу, поэтому спали одетыми, чтобы не теряя времени бежать в укрытие.

Помню тот день, когда была сброшена бомба, был убит директор ФЗО и были раненые. Было очень страшно. Вскоре объявили эвакуацию. Мы должны были ехать в город Чебоксары, куда был эвакуирован завод. Эшелон состоял из деревянных вагонов - теплушек, по бокам - нары, а посередине стояла железная печка-буржуйка. В составе в основном были женщины с детьми. Женщины с грудными детьми спали на верхних полках, а с детьми постарше - внизу. Состав мог ехать несколько дней, иногда нас загоняли в тупик. Дело в том, что пропускали эшелоны с ранеными и военной техникой. Иногда составы с ранеными шли часами и сутками. Так мы ехали очень долго. В дороге эшелон иногда останавливали в лесу, чтобы похоронить умерших младенцев. Дело в том, что если у матери пропадало молоко, то кормить ребенка было нечем. Все это видели мои детские глаза и это осталось в памяти на годы. Когда приехали в Чебоксары, пришлось около недели жить еще в вагонах, так как бараки для жилья были не достроены. В бараках было одно общее помещение, где ютилось около сорока семей. Каждой семье дали по две солдатские кровати, вот и вся наша « квартира ». Так прожили около года, а потом уже в новом бараке каждой семье выделили комнату по 10 квадратных метров. Для нас было это огромным счастьем!

В 1943 году вернулись домой в Краснозаводск, в этом же году я пошла в первый класс. Сейчас трудно даже представить, что у нас не было ни одежды, ни обуви, ни тетрадей, ни книг. Единственно, что было - это тяга к знаниям. Жить было очень трудно. Все время хотелось есть, это чувство не проходило и потом, когда я училась в Краснозаводском техникуме, а это уже было в пятидесятые годы.

Но постепенно жизнь налаживалась, мы взрослели, чего-то достигали в процессе учебы, многие закончили ВУЗы, заняли руководящие посты у нас на заводе в городе Краснозаводске и в других городах нашей страны.

Проходят годы и десятилетия, но на планете всегда не спокойно. Видимо, пока существует человечество, будут и конфликты, и войны. Стремление к захвату чужих территорий, богатств, людских ресурсов – вот сущность таких людей, для них нет ничего святого. Очень хотелось бы, чтобы современная молодежь понимала, какую ношу вынесло старшее поколение, какой ценой досталась победа. При любых трудностях, при любых недостатках, при отсутствии благ – лучше жить в мире. Когда война – это страшно!

Мозговая (Шуба) Анастасия Александровна

Я родилась 7 ноября 1928 года в городе Черкассы Киевской области. Как все дети, училась в школе, посещала Дворец Пионеров, занималась в хореографической студии. Летом 1941 года должен был состояться в г.Киеве фестиваль, на который мы подготовили большую программу под руководством талантливого организатора Назаренко Марии Васильевны. Но война помешала все планы. Начались бомбежки. Была сделана попытка отправиться на пароходе по Днепру в Запорожье. Все надеялись, что через неделю война закончится, а встретились мы с беженцами, которые лавиной двигались на восток. Немцы непрерывно бомбили. К середине августа они вошли в Черкассы. Взрослые мужчины были уже мобилизованы в действующую армию. Мама осталась с тремя маленькими детьми, мне было пять с половиной, Ване три года и Коле два. Мы с дедушкой хотели увести корову Галю в деревню к родственникам, но на всех дорогах были уже немцы. Нам удалось живыми вернуться с кормилицей домой, она выручала нас почти всю войну.

Поздней осенью 1941 года маме потихоньку передали весть, что видели отца в плену. Взяв продукты, она 120 км добиралась до лагеря военнопленных и сумела его выручить, довела до родной деревни, выходила и привела домой, а потом в партизаны. Немцы уже хозяйничали вовсю, страшнее всего были эсэсовцы и полицаи. Они ходили по дворам и квартирам, забирали парней и девчат и отправляли их в Германию. Когда начинались облавы, я пряталась в дровах или в дымоходе (мне уже исполнилось тринадцать с половиной лет).

Семью от голода спасал огород в двадцать соток, выращивали поросенка, кур. И хотя большую часть забирали немцы, мы выживали. На станции сгружали соль, она лежала горой. Брали понемногу, носили в ближайшие деревни и обменивали на зерно, сало, масло. Рожь мололи на жерновах, просо толкли в ступе. Так как я была старшая, то вода, огород, корова и другая скотина - все лежало на мне. С огорода несла продавать на рынок овощи, фрукты. По ночам собирали снопы и колоски в поле, косили косой и жали серпами, высушивали и молотили цепами. Я научилась запрягать лошадь. После одной из бомбёжек конь приился к нашему дому и долго выручал нас, пока его не забрали немцы. Они зверствовали. В центре города, напротив Дворца, повесили сразу семь коммунистов. Мы знали, что комсомольцы и коммунисты организовали партизанские отряды. Они совершали диверсии на же-

наш отец был в доме, немцы зашли во двор. Мы спрятались на печи, сделали из него подушку и сами легли на нее. Полицай дернул за занавеску, увидел нас лежащими и вышел из избы. Так мы спасли папу.

В декабре 1943 года началось контрнаступление. Гул «Катюш» был слышен издалека, немцы уходили из города. Забирали всё. Нашу корову Галю привязали к повозке. Она и на этот раз сорвалась и убежала. По ней немцы стреляли. Ночью Галя опять пришла к дому. С тех пор её прозвали партизанкой.

14 декабря 1943 года город Черкассы был освобожден. Мы вернулись в уцелевший дом, дети пошли в школу. Налаживалась мирная жизнь. В 1946 году состоялась та олимпиада, которой помешала война. Среди участников была и я. Хор из пятисот человек исполнил «Песнь торжества». Но никого из победителей родители не отпустили в Дом Одаренных детей. Отцы и старшие братья пошли с Красной Армией на запад. Мы нужны были дома. После десятого класса я поступила учиться в Ленинградский медицинский институт.

Молчанова Алла Николаевна

1941 год, 22 июня. Солнечный теплый день. Мы жили на Южном поселке. Мама пришла из города и сказала, что началась война.

Наш поселок только начал обустраиваться. В нём было домов 10, и то недостроенных. Мирная жизнь нарушилась. Многие мужчины ушли на фронт с первого дня. Папин брат тоже в первый день был взят на фронт.

Те, кто остался дома, рыли окопы вокруг города. Но мама была на домнице, шила военное белье (7 рубашек или кальсон в день). Мне было 10 лет, а брату 8 лет. У нас был участок 12 соток: сажали картошку и все овощи. Для нас мама сажала горох, бобы, репу. И когда хотелось кушать, мы шли в огород. Осеню 1941 года немец бомбил Москву. И видно один самолет прорвался на наш город, летел очень низко и стрелял.

Я видела фашистский знак, который у меня до сих пор в глазах. В это время фашист бомбил вокзал.

Мы в войну с братом воспитывались в труде. Копали землю, собирали колосья ржи, которые в землю врастали. Знали, где турнепс растет для скота. Мы украдкой рвали его. Он казался очень вкусным. В войну мы дружили семьями, у всех были дети. Узнавали, у кого рубят капусту, приходили есть кочерзыки.

Мама у нас была великой рязанской труженицей. Ходила менять по деревням кое-какие вещи на картошку. У нас была коза и курица. Мама по кустам жала траву, а я с братом носила, сушили сено.

Лесник отводил делянку в лесу с сухим лесом. Мама, я и брат зимой ездили с санками за дровами. Пилили, кололи с братом. Я и брат помогали бабушке колоть дрова, пилить, чистить канаву. Бабушка помогала маме шить белье, когда мама уезжала в деревню,

Мы жили очень дружно. Бабушке давали картошку, овощи, молоко. Тетя работала корректором в газете «Правда» в Москве. Из этой газеты мы узнавали все новости о войне. У бабушки в доме стояли несколько дней бойцы из Сибири.

Папа у нас был эвакуирован в г. Вятские Поляны со Скобянкой. От завода он жил за 7 км. Ходить было далеко. Ему разрешили ночевать прямо в цехе. Папа был отличным мастером. Он обучал много молодых ребят. Папа просился на фронт, но ему отказали, так как на заводе нужны были мастера - выпускать военную продукцию. Все карточки отоваривала я. Мама получала хлеб 600 грамм, дети по 400 грамм, иждивенцы по 300 грамм. В основном все продукты отоваривали сухим молоком. Самым тяжелым временем года была весна. Приходилось есть мороженую картошку - кто-то нам её отдал. В это время овощей и ягод не было.

В войну была светомаскировка, мы один раз не закрыли окно, сразу пришел участковый.

Ходили в лес за малиной, пили чай с ней. Около нашего поселка были заграждения против танков - «ежи». Когда мы шли утром в школу, мама старалась нас чем-нибудь накормить. Но счастье наше было в том, что у нас не было немцев. От школы в войну нас посыпали в лес дрова пилить. Мы от корня пилили деревья. Собирали сучки.

Посыпали картошку копать, пололи летом морковь, свеклу, все овощи в колхозе.

Как война закончилась, я не помню. Я очень сильно болела, меня из шестого класса в седьмой перевели без экзаменов.

Мотченкова Людмила Ефимовна

Родилась я в 1934 году в селе Воздвиженское в семье учителей. Родители мои Палагин Ефим Тимофеевич и Палагина Анастасия Васильевна, закончили Загорский педагогический техникум. Они всю жизнь посвятили себя этой профессии.

1934 год был еще тяжелым после голодного 1933 года. Папа служил на Дальнем Востоке, мама работала в школе, поэтому колхоз давал нашей семье продовольственный паек. Этим и питались.

Демобилизовали папу и дали ему направление на работу в город Краснозаводск (тогда он назывался 11 завод). То был 1938 год. Папа стал заведовать начальной школой №6. Там же работала и мама. Жили мы при школе. За год до войны у меня родился братишко Валера.

1941 год. Я в то время отдыхала в деревне Воронино Загорского района. Стали много говорить о войне, а я все ждала когда приедут за мной родители.

Настали трудные времена. Помню, что мимо школы шли колонной солдаты в сторону деревень Язвицы, Григорово. Однажды в школу завезли койки и постельные принадлежности, прибыли солдаты. Но они пробыли недолго. Вскоре все побросали и исчезли.

В 1942 году призвали в армию папу, мама осталась в школе за него. Так и проработала за него до его возвращения. Настали трудные времена: холод, голод. Все время хотелось есть. Собирали грибы все подряд, отваривали, ели. Мама стала ходить по деревням: меняла белье на муку, хлеб, картошку. Затем стали разводить огороды, сажать картофель, овощи. Питались капустой: внесут вечером кочан, сидим, грызем. Это был ужин.

Папа пришел с фронта в 1946 году. Это были годы после войны, также голодные. Целыми днями стояли за буханкой хлеба, за мукой и бутылкой масла. Родители ездили летом по деревням жать рожь, чтобы заработать мешок зерна. Потом завели живность: козу, кур. Жизнь стала налаживаться.

Школу я пошла в 1942 году и закончила десятилетку в школе №7. По окончании поступила в Московский библиотечный институт им. Молотова, ныне институт культуры. По окончании работала в Северной Осетии. Затем переехала в Краснозаводск, работала в воинской части. А с 1965 года стала работать в школе библиотекарем и оттуда вышла на пенсию.

Муравьева (Капитонова) Екатерина Ивановна

Мы жили в деревне Красное Заречье, Шаховского района, Московской области. Это была маленькая деревня, окруженная хвойным лесом со всех сторон. Она была образована как коммуна товариществом по совместной обработке земли и состояла из 12 дворов. Деревня маленькая, но семьи были большие.

Перед войной в нашей семье было 8 человек и я – на подходе. Мама работала дояркой, папа- учитель, старший сын Евгений уже окончил 10 классов и учился в Москве в педагогическом институте. Из института его сразу взяли на фронт. Брат участвовал в Сталинградской битве, был контужен, но остался жив.

Военные дни, в деревне, встретили в нашей семье пятеро детей: три брата- Виктор (1923 г.р.), Владимир (1925 г.р.) и Борис (1939 г.р.), две сестры- Лиля (1930 г.р.) и Валя (1938 г.р.). А я сидела в животике у мамы, готовилась к выходу в мир, не зная, что началась война.

Немцы дошли до нашего Шаховского района в сентябре 1941 года. Надо было спасать колхозный скот. По комсомольской путевке Виктор с другими парнями погнал стадо на восток, в тыл. Оттуда его и взяли на фронт. Виктор прошел всю войну связистом. Пришлось уйти из дома папе (он 1893 г.р.) и брату Володе, т.к. доходили слухи, что мужчинам лучше уйти, а женщин и детей немцы могут не тронуть. Папа и брат дождали команду, которая гнала скот на восток, заменив, тем самым, Виктора.

Так мама осталась одна с тремя маленькими детьми и со мной. А кто я- сын или дочь, она не знала.

Появились самолеты, начались обстрелы, бомбежки. Сестра Лиля рассказывала, что когда мама ушла в соседнюю деревню за иконой, началась бомбежка. Сестра, которой было 11 лет, схватила младших брата и сестру и потащила их прятать в лес. Бомбежкой был а уничтожена водонапорная башня. Видно немцы считали ее наблюдательным пунктом или огневой точкой.

Вскоре в деревне появились и сами немцы, заняли лучшие просторные дома. В нашем доме заняли всю переднюю комнату, натопили печ-

ку, зарезали поросенка. Хотя надолго немцы не задержались в деревне, т.к. шли на Москву, но селение опустошили: отбирали мебель, утварь, продукты, грузили все награбленное на машины и увозили. Мама сумела зарыть в снег швейную машинку, стол и детский горшок. Немцы многих из нашей местности угнали в плен.

В январе 1942 г. пришло освобождение. На нашем, Волоколамском направлении воевали воинские части, переброшенные из Сибири, сибиряки. Нашу деревню немцы оставили без боя. Сражение развернулось в двух км от нас. Многие наши бойцы остались на поле боя. Потом их похоронили в братской могиле в соседнем селе.

Немцы, отступая, жгли деревни. Сожгли они и Красное Заречье. Людей (взрослых и детей) выгоняли на мороз, разбивали в избах окна и бросали в дома факелы.

Сгорели наш дом и двор. Сгорела наша кормилица корова. Мама, на последнем месяце беременности, сумела захватить 30 шт. вареных яиц, что-то еще и две краюхи хлеба. Посадила на санки малышей: сестре 3 года, брату- два, дала в руки старшей 11-летней дочери веревку в руки. И, по рассказам сестры, небо было красным от зарева нашей и соседней деревни. Немцы не ждали, когда догорят избы, ушли, т.к. боялись партизан. Один из жителей деревни, он был без ноги, поэтому его не угнали в плен, сумел отстоять свой дом от огня, заткнул выбитые окна сеном и пустил всех, вернувшихся из леса, в избу. Так жители нашей деревни выжили в это страшное время. Потом, сообща достроили землянку, которую строили раньше для укрытия от артобстрелов, где и обитали какое-то время, пока не разошлись по соседним уцелевшим деревням к родственникам и знакомым.

По возвращению отца, мы тоже переехали в другую деревню к родным. В то время не все были грамотными, и к отцу многие приходили за советом и помощью по личным вопросам. Он помогал, в благодарность приносили кое-какие продукты, ведь у некоторых жителей остались козы, коровы, картошка. Так, впроголодь, и выживали с помощью людской доброты. Я родилась 14 февраля 1942 года. К этому времени наша семья переехала в сохранившуюся деревню Воскресенское, где для папы было место учителя в школе. Там нам и выделили комнатку для жилья. Кормили меня, новорожденную, как рассказывала сестра, пшеничной мукой: намелят зерно ручной мельницей, сварят кашу на воде, мамам подует, пожует и дает мне, а двое других малышей ждут- может я не все съем, тогда им что-то достанется, у них будет праздничный. Я потом хорошо запомнила эту мельницу: она стояла в коридоре школы, где мы жили. Третьему брату Володе исполнилось 17 лет и его взяли на фронт в пехоту. Он и брат постарше Виктор воевали под Ржевом. Там были тяжелейшие бои. Братья были ранены, и мама их навещала два

раза. Добираться до них было очень сложно: фронт, бои. Виктор дошел до Берлина, был еще ранен, но не калекой вернулся домой.

Помню его возвращение, ведь мне было уже 4 года и мы с ним познакомились. Плакали от радости. После Виктор окончил Ветеринарную Академию и работал ветврачом в Истринском районе.

А Володя погиб под Кенигсбергом за 2 недели до окончания войны пришла похоронка. А ведь ему не было и 20 лет. Мама рыдала, кричала, а мы, малышня, сидели около нее и не знали как ее успокоить, плакали вместе с ней.

Весть о Победе принесла сестра Лиля. Ей было уже 15 лет и она ходила в школу в село Рамене. Это большое селение. В центре села висел радиорупор, по которому и объявили, что пришла Победа. Занятия в нашей школе отменили, и детвора бежала и кричала: «Победа! Победа! Победа!» Началась послевоенная трудная жизнь. Помню ровесников, у которых погибли отцы. Они собирали в поле гнилую картошку, оставшуюся после зимы, ходили просить милостыню по соседним селам.

Мы, дети, всегда старались помочь родителям на огороде, по дому; жалели их, ценили, любили. Трудно было пережить зиму. Весной становилось легче: подрастала крапива, шавель, другие съедобные травы. Мы их собирали и ели охапками. На огороде подрастали морковь, свекла, брюква. На колхозном поле был турнепс.

Жили бедно, очень бедно, но старались много работать, хорошо учиться. Летом работали в колхозе: в поле, на сенокосе, на уборке урожая. В школу ходили в соседнее село за 5 километров. В нашей семье все получили образование, кроме Вовы. Старший брат стал ученым – кандидат наук.

Война кончилась, началось восстановление. В декабре 1949 года мы переехали в свой дом. Но жизнь оставалась бедной и трудной. Помню, как бегали в магазин за хлебом, ведь хлеб давали полбуханки на едока. В очередь приходилось вставать очень рано. Помню: стоишь в очереди, зима мороз, греться негде, так как магазин маленький, а народ собирался с восьми окрестных деревень. Вот так началось мое военное детство и продолжалось послевоенное. В 1959 году окончила десятилетку. Вспоминаю, как мама пришла в школу, вызвала меня в коридор, чтобы примерить туфли к выпускному вечеру. Как мама выкроила на эти туфли деньги, знала только она. Это была первая покупка именно для меня, ведь я всегда ходила в том, что оставалось после сестер или из своего перешивала мама.

К этому времени папа очень сильно болел и осенью умер. Мама осталась одна. Брат Борис и сестра Валя учились, и я уехала из деревни, поступила в ФЗУ (фабрично-заводское училище) учиться на ткачиху. Получала стипендию 22 рубля в месяц. Приходилось, за счет питания,

выкраивать из этих денег на все необходимое. Училась отлично, к работе подходила серьезно, быстро стала работать самостоятельно, получать уже зарплату. С первой получки купила батон ветчинно-рубленой колбасы и ела ее прямо на улице. Запах этой колбасы помню до сих пор. С тех пор люблю колбасу.

Захотела учиться, получить серьезное образование. В 1962 году поступила в Щелоковский химический техникум, окончила его и по распределению была направлена в почтовый ящик 10 (а/я 10). Оказалось, что это никакой не ящик, а благоустроенный поселок городского типа Новостройка, который стал потом городом Пересветом. Там я встретила свою любовь – тоже дитя войны, но уроженца тыловой области; создали семью, вырастили двоих сыновей.

Я теперь отдыхаю на пенсии, радуюсь внукам, помогаю своим родным всем, чем могу. Муж работает, но я хочу, чтобы он был больше со мной, больше отдыхал, радовался нашему спокойствию, жизни.

Мурысёва Анна Герасимовна

Не потеряла себя

Жизнь моя и семерых сестер и братьев началась в глухой башкирской деревне. В 1946 году семья переехала в город Орск Оренбургской области. В то время из эвакуированного из Подмосковья крупного завода выросло огромное машиностроительное предприятие. Я окончила техникум и устроилась на завод в отдел главного технолога, где и проработала почти тридцать лет.

В годы юности мечтала о мужской руке, которая могла бы пожалеть и приласкать. Мои подружки в годы войны ждали с фронта своих отцов, а мне некого было ждать (отца в живых уже не было). Но я убедила себя, что отец жив и обязательно придет с войны и верила в эту легенду. Представляла, как я захожу в дом, где высокий, красивый отец берет меня на руки. С этой мечтой спать ложилась и с ней вставала. И вот однажды в техникуме однокурсник познакомил меня со своим сводным братом. Глянула на нового знакомого и голову потеряла. Смотрел он на меня отцовским взглядом, хотя понимала, что передо мной простой парень. Он был такой же как я, бедный и голодный. Все мое богатство состояло из халатика, в котором приходилось даже на свидание бегать. Поженились. Прожили вместе 32 года. Всю свою жизнь я называла его отцом. Вме-

сте вырастили двоих хороших детей. 26 лет назад в возрасте 50 лет мой горячо любимый супруг Борис умер. Я была у него не женой, а скорее третьим ребенком. Таких мужей сейчас наверное нет. Так трепетно он ухаживал всю жизнь за мной.

Дети выросли. Дочь после окончания института пригласили на работу в НПО «Радон», дали ей квартиру. Сын после службы в армии тоже остался здесь. После похорон мужа переехала к детям в поселок Новый. Было это 17 лет назад.

На новом месте не забыла своё главное занятие в жизни - вязание оренбургских платков. Совет ветеранов и пенсионеров поселения Шеметовское к 70-летию выхода советских войск на государственную границу СССР (26 марта 1944 года) организовал выставку поделок пенсионеров и инвалидов поселения. Смотр – выставка поделок проходил по школам поселения. Учащиеся школ, также как и взрослое население поселка, особое внимание обратили на моё мастерство.

Мухина Евгения Дмитриевна

Родилась я в 1930 г. в Смоленской области, деревня Мортынова, Доргобушского района.

Деревня наша была небольшой, но очень дружной, работоспособной. В самом начале Великой Отечественной Войны всех мужчин мобилизовали. Ушел и мой отец. Осталась я, брат и мама. Мне было 10 лет. Поспевали поля: рожь, пшеница, лен. Урожай в том году был очень хороший. Все, и старший, и малый, убирали дары природы.

В деревне никто не знал, что, где Война. Бог ведает. Вечером все собирались и смотрели в сторону запада. Над городом Ельня, где днем и ночью шел грохот, половина горизонта была алой и напоминала яркое солнечное утро. Гадали, что это? Кто читал роман Самойлова «Дни и Ночи» - там все сказано об этом патриотизме русского солдата и их командиров. Они еще не знали, что сражаясь за каждую пядь Русской земли, были уже окружены.

В городе Вязьме в 100 километрах от нашей деревни немцы сомкнули кольцо. Сражение у Ельни прекратилось.

И вдруг в наше село со стороны непролазного, торфяного болота въехали немецкие танки.

Вскоре в нашу деревню приехали немцы и выбрали старосту. Это был честнейший и добрейший человек, настоящий патриот Отечества, но немцы, конечно, этого не знали.

В этот же день забрали цыган – 21 человека, которые жили у нас, расстреляли на поле всех. Все жители плакали, один мужчина по дороге шел и умер. Нас заставляли копать ямы для расстрелянных. Все сразу

поняли, что значит война. После окружения под Вязьмой много солдат оказалось в плену. В деревню пришло много мужского населения. У нас было много зерна, овощей, - хватало всех кормить. Это было недолго, одни ушли дальше, другие в лес. Нас часто стали навещать немцы, узнавать есть ли партизаны.

Подошла осень. Мы подростки собирали по домам для партизан всё, что только можно: рукавицы, шапки и другое.

Днём едут немцы, ночью идут партизаны. Наш староста, дедушка Даня, никого не выдал, всегда отвечал: « Партизан нет». И сейчас спустя много лет, говорю ему спасибо... Он сохранил много жизней.

В 1943 г. нас эвакуировали.

В Могилевской области, куда нас пригнали, была остановка.

В большой деревне жил коренной народ. Брат мой и другие ребята вместе с подростками деревни в ночь ушли в партизаны. Мы с мамой об этом не знали. Все жили в разных избах. Утром маму немцы забрали. Никто не знал, что случилось. Мама вернулась вечером, была чуть жива и всё об этом рассказала. Нас гнали дальше. Остановились в городе Орше, где мы дожидались своих.

На следующий день на грузовой машине нас привезли в Смоленск. Сейчас трудно вообразить, но город полностью был разрушен. Остались стены и воронки от бомб. Так мы добрались до своей деревни. Папа был демобелизован по второй группе инвалидности при защите Ленинграда. Собирались в деревню наши деревенские.

Папа был выбран председателем колхоза. Надо было пахать, сеять, женщины вчетвером тащили плуг. План был выполнен в срок. Папа за хорошую работу премировал мужиков по ведру жита.

Назаров Геннадий Алексеевич

О начале Великой Отечественной войны я узнал из выступления В. Молотова. Мы играли в сквере на центральной площади города. Мать работала в ЖАКТе - 2 (Жилищное акционерное товарищество). Когда объявили о выступлении Молотова, мать позвала меня к радиопропагандисту.

С первых дней войны нас, старших ребят, привлекли к работе в МПВО (местная противоздушная оборона). Мы вечером следили за светомаскировкой: у кого в окнах был свет, бежали к квартире и велели завешивать окна светонепроницаемыми шторами. Ночами мы дежурили на чердаке дома. В одну из ночей немецкий самолет не мог прорваться через оборону Москвы и высипал запас зажигательных бомб на Загорск. На наш дом тоже упало несколько штук, две достались на мою долю. Одну я сбросил с крыши на землю, а другую утопил в бочке с водой. Больше таких налетов не было. Но почти каждый день днем

прилетал одинокий самолет, сбрасывал бомбы на железнодорожные вагоны и пути. Часто бросали листовки о том, что город святой и его бомбить не будут, а только железнодорожный узел, где разгружают важные эшелоны. Солдаты после ночлега в частных домах, шли пешком в сторону Яхромы и Дмитрова. Для перевозки техники от Бужанинова до Яхромы прямо по грунту клади рельсы, где в просеках, где прямо по лужам. Потом, после войны, это превратилось в настоящую железную дорогу.

После разгрузки эшелона мы, мальчики, бегали по пустым теплушкам и собирали «трофеи». Попадались портсигары, кисеты, ремни и отдельные патроны. У меня собралась коллекция патронов с различными пулями.

Помню некоторые бомбежки. Одна бомба упала на сарай в начале Кооперативной улицы. В этом сарае содержали свиней. Несколько животных было убито, и пока не опомнились хозяева, кое-кто успел ухватить кусок мяса. При другой бомбёжке у платформы Александровского кольца, бомба уткнулась в землю и не взорвалась. Мы пытались её подшупать, но пришли солдаты и нас отогнали.

Нашу 4-ую среднюю школу на улице Кирова передали для госпиталя, поэтому учащихся собрали и поручили все школьное имущество перевозить в новое помещение около Трикотажной фабрики. Сейчас здесь находится физико-математический лицей. Учиться в седьмом классе мне пришлось недолго. Отец, через Наркомат Цветных Металлов при всеобщей эвакуации Московских учреждений, выхлопотал для нас место в эшелоне. Нас погрузили в теплушку, где были сколочены нары и установлены печки - буржуйки. Для ее топки мы на каждой остановке выбегали и собирали топливо: палки, доски. Если везло, то нагребали ведро каменного угля. Так мы дней за десять доехали до Челябинска, где воспользовавшись полученным матерью пропуском, доехали до Новосибирска. Там находился Наркомат Цветных Металлов, куда приехал за нами отец, получивший перевод из «Якутзолота» в «Уралзолото» и нас развернули обратно в небольшой городок Пласт на Южном Урале в Челябинской области. На Пласти нас поселили в дом барачного типа, длинный, од-

ноэтажный, состоящий из 6-8 квартирок. Квартирка состояла из двух комнат и кухни. В центре квартиры стояла русская печь с плитой. Для отопления квартиры на зиму покупали на базаре воз дров, а для плиты отходы из столярной мастерской. Я наконец-то окончил седьмой класс с «Похвальной грамотой» и пошел работать к отцу в топографическую партию, а потом отец меня обучил профессии топографа и я стал работать техником. Весной и осенью я работал с утра до обеда, а затем бежал в школу на второй урок, зимой учился как и все - полный день. Окончив восьмой и девятый классы поступил на подготовительные курсы в Челябинский Механико-Машиностроительный институт (ЧММИ).

За июнь-сентябрь прошел курс десятого класса и в заочной средней школе получил аттестат за полную школу и стал студентом первого курса института. В мае 1945 года в класс вошла преподавательница английского языка и сказала, что случилось!

У нас уже было 9 мая. Мы сорвав все уроки, выбежали на ули-

цу, где все уже знали о нашей победе и начали праздновать. В июне 1945 года окончив первый курс, я вернулся в Загорск и поступил на второй курс Московского Энергетического института, который закончил в 1950 году. Так кончилась моя юность.

Наумова Галина Михайловна

Я родилась 29 июня 1929 года в Сергиевом Посаде на территории Лавры. Детство наше закончилось 22 июня 1941 г. в воскресенье в 10 часов утра. В нашем доме жило 14 семей. В первые дни за одну неделю все наше мужское население ушло на фронт. Папа мой работал в Москве, поздно приезжал и уходил в военкомат дежурить. Утром опять в Москву. Потом работал в Наро-Фоминске, Серпухове.

22 февраля 1942 года приехал домой переночевать, а 23 февраля мы его проводили до электрички, был сбор на вокзале. И больше мы его не видели. Последнее письмо получили 8 марта 1942 года. Поздравление, адрес п.с. 38/в.ч. 1326 ст. п. Химзвод.

В 1942-45 гг. я работала в Институте игрушки, цех мягкой игрушки. Посылали нас в Семхоз валить лес. Норма 2 куб.м. на человека. Зима, холодно, голодно. Мы уже получали хлебные карточки - 600гр. Не всегда выполняли норму, но нам прощали. А весной и летом завалы расчищали. Выжили.

Город наш бомбили – железнодорожную станцию. Видела два раза это чудовищное зрелище. Такой грохот, зарево страшное. Осенью про-

летал над Лаврой немецкий самолет. Так низко, что были видны черные кресты и черную голову пилота. Улетел в сторону вокзала. Видела солдат — говорили, идут на Дмитров. Высокие, молодые, но измученные. Все женщины плакали.

В 1941 году закончила 4-й класс. Училась в вечерней школе, закончила 5-6 классы. В первой начальной школе был отличный преподаватель русского языка и истории — Волков. В учительской располагался госпиталь. Нас, 4-5 человек, пропускали к раненым. Мы на сцене стихи читали, пели старинные песни, плясали. В общем, делали, что могли. А как узнали, что закончилась война, сколько было криков, шума, смеха. Прибежали к Троицкому собору. Там на ступеньках сидел парень, играл на баяне, пел военные песни.

Немкова Лидия Александровна

Война! На нашу страну вероломно напали немцы. Это страшное известие я услышала, когда мне было 7 лет. Наша жизнь резко изменилась.

Я с мамой и бабушкой тогда жила в Москве, в Лефортово. На нашей улице были небольшие одно- и двухэтажные дома дореволюционной постройки. Во дворе нашего дома соорудили бомбоубежище. У моей бабушки были еще 3孙 and внучка. У каждого был заготовлен рюкзачок. Одевали теплую одежду и бегали в бомбоубежище, когда объявляли воздушную тревогу, и находились там до объявления ее отбоя. После этого мы ходили по дворам и собирали осколки от снарядов.

С первых дней войны была введена светомаскировка, а также все стекла в рамках окон были оклеены накрест полосками из ткани.

Вскоре была введена карточная система на продукты. Летом сажали картошку на выделенных участках в Подмосковье. Ощущение голода было постоянно.

В 1941 г. школы в Москве не работали, т.к. часто были бомбежки. Летом 1942 стали записывать детей в школу, тогда учились с 8 лет. Записали моего двоюродного брата, ему уже было 9 лет, а меня почему-то решили не записывать. Пришел брат из школы и рассказал, что на завтрак давали вкусные пироги. Я взяла бабушку за руки и попросила меня тоже отвести в школу. Так я начала учиться в школе №417, Первомайский район города Москвы. Учиться во время войны было очень

трудно. Не было самого элементарного: тетрадей, бумаги, карандашей. Чернила носили из дома в непроливайках. Учебники выдавали — один на 3-4 человека.

На следующий учебный год было принято решение о раздельном обучении мальчиков и девочек. Школа №417 стала мужской, а девочек перевели в школу №408, это было дальше от дома. Ввели школьную форму. Но купить что-либо из одежды или обуви было трудно, всё отпускалось по ордерам.

С 1943 г. наша Красная Армия успешно продвинулась на запад.

И вот, наконец, наступил май 1945 года.

Ранним утром, 9-го, я проснулась от стука молотка по стене нашего дома. Это прибивали держатель для флага. Мама мне объяснила, что наступила долгожданная Победа. Вечером 9 мая 1945 года был необыкновенно красивый салют.

Еще до окончания войны начали восстанавливать разрушенное. На некоторых стройках в Лефортово работали пленные немцы.

Трудные годы Великой Отечественной войны никогда не уйдут из нашей памяти.

Нефёдов Виктор Васильевич

В их детство ворвалась война...

Виктор Васильевич родился в 1937 году в селе Солтон Алтайского края.

Отец Василий Маркович Нефёдов не любил рассказывать о войне, но бывали моменты, когда он раскрывался. Тогда, прижавшись к отцу, я слушал, затаив дыхание.

Сибиряков направили в Тюмень, где формировались сибирские дивизии для наступления под Москвой. Отца определили в артиллеристы, и все четыре года он бил врага из противотанкового орудия калибра 76 мм. За годы войны сменил пять пушек, поврежденных при отражении атак противника. Судьба была милостива, отец возвратился домой. За время войны был дважды ранен. О ратном подвиге командира противотанкового орудия говорят его боевые награды: орден Красной звезды, орден Славы 3 степени, Орден Отечественной войны, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы». Очень гордился отец знаком «Гвардия». Начав воинский путь со знаменитой битвы под Москвой с тех мест, где мы сейчас живём, сибиряк Нефёдов встретил по-

беду в Прибалтике, где в упорных сражениях освобождал города Ригу и Кенигсберг.

Память вырывает из прошлого детские восприятия событий тех лет. Особенно всплывает день первого массового набора призывников. Призыв в армию проводился во дворе военкомата. Райвоенкомат находился недалеко от избы, в которой я жил, поэтому был очевидцем проходивших трагических событий расставания родных, самых близких людей. Женщины плакали, мужчины старались шутить. Гармонисты наигрывали военные мелодии. Вокруг гармонистов собирались группы молодых людей, пускались в пляс, исполняли задорные частушки. Площадь гудела. Отец перед посадкой в кузов машины полуторки приподнял меня и, как мне показалось, очень серьёзно напутствовал, что я остаюсь единственным мужчиной в семье (мне было на тот момент 4 года, и у меня были еще 3 сестры в возрасте 8, 11 и 17 лет). Призывники отправились на автомобилях-полуторках «ГАЗ АА» и трёхтонных «ЗИС-5». Огромная колонна автомобилей с призывниками тронулась. Женщины рыдали. А из кузовов автомобилей призывники громко кричали: «Через месяц мы вернёмся с победой!». Но через месяц начали приходить похоронки. Проводив последний автомобиль с призывниками, я прибежал домой. Мама плакала, уткнувшись в подушку головой. Сквозь слёзы прорывались вопросы «Как же мы будем жить? Как же мне прокормить детей, обуть, одеть их?». Ответа на эти вопросы никто не мог дать. Наступало жестокое время выживания, когда первоочередной задачей был призыв: «Всё для фронта, всё для победы», и мы понимали это. Чтобы выжить, надо было заниматься подсобным хозяйством, и дети равнялись на взрослых, становились незаменимыми помощниками в семье.

Шел сентябрь 1943 года. Мне уже почти исполнилось 6 лет. Люди в тылу заготавливали на зиму картошку, которая была основным продуктом питания в годы войны. На Алтае, где я родился, в селе Солтоне урожай картофеля был хороший. Наша семья накопала несколько тонн картофеля на поле, расположенном в 6 км от нашего села. Обычно вывозили несколько центнеров картофеля на тележке, в которую запрягали корову или бычка, но иногда удавалось добыть лошадь, и тогда старались побольше накопать. Однажды не рассчитали и накопали больше, чем можно было увезти на повозке. Вечерело. Оставлять накопанную картошку в поле нельзя, так как ночью она бессследно исчезала. Мама принимает решение - мне покараулить оставшуюся картошку, а она быстро вернётся за мной и за картошкой. Тяжёлая гружёная телега со скрипом стала удаляться от меня. Я сел на мешок картошки и стал ждать возвращения мамы.

Обстановка была спокойная. Невдалеке еще грузили картошку со-

седи, но вскоре они уехали. В поле остался один я и несколько кулей (мешков) картофеля. Почему-то быстро начало темнеть, мгла поползла по полю, укутывая кустарник, росший в низинке, где протекал ручей. Мгла приближалась ко мне, и вскоре обволокла меня, и видимость не превышала охраняемых мною мешков с накопанной картошкой. Во мне зашевелилась тревога. За мной и картошкой никто не едет. Я стал вслушиваться, надеясь уловить скрип телеги, речь людей. И услышал волчий вой, насыщенный тоской и желанием поесть. Мурашки побежали по моему телу. «Мама, приезжай быстрей, мне страшно», - умолял я. Через некоторое время к вою первого волка прибавилсявой второго. Как мне показалось, с предложением съесть меня. Я прижался к мешкам с картошкой, надеясь получить от них защиты, но они спокойно стояли. На некоторое время вой стих, до меня донесся голос мамы, подгонявшей лошадь. Голос приближался, я четко разбирал слова: «Но, пошла, шевелись», - мама специально громко подгоняла лошадь, чтобы подбодрить меня. Повозки еще не было видно, но мягкое поступивание копыт лошади и скрип телеги доносились до меня. Вскоре в мгле появилась верхняя часть дуги, похожая на лунный серп, приближающийся мне на помощь через набежавшее тёмное облако. Радость спасения нахлынула на меня. «Живой! Живой!», - кричал во мне голос жизни. «Мама, что ты так долго не приезжала? Ты же говорила, что вернешься быстро». Мама рассказала мне, что соскочило колесо, так как выпала чека. Поломка случилась, когда уже въехали в село. Мужики помогли разгрузить телегу. Закрепили колесо и вновь загрузили телегу картошкой.

С приездом мамы волки, как бы засмутившись, прекратили омерзительный, леденящийвой. Однако они за нами наблюдали. Лошадь чувствовала близкое присутствие зверей, била копытом, всхрапывала, пряла ушами. Погрузив картошку, мы тронулись домой. Тьма ещё больше сгустилась. Лошадь плохо держала дорогу, сбивалась с неё. Мама предложила мне идти впереди лошади по средней полосе дороги. За моей спиной позывала удилами лошадина морда. Я ускорял ход, морда не отставала от меня. Мне нравилась такая преданность лошади. Незаметно я перешёл на бег. Лошадь заспешила рысцой, прилив сил подхватил меня. Я вдруг почувствовал, что, совершая огромные прыжки, зависая в воздухе, плыву над дорогой. Это был чудесный полёт, как будто каждая клеточка моего организма расцвела и ликовала радостью жизни.

Позднее, учась в школе, на уроке литературы, узнал из поэмы «Крестьянские дети», как в возрасте 6 лет ребёнок выполнял сложную, опасную работу по заготовке в лесу дров, перевозил их на лошади без сопровождения взрослых. «Гляжу, поднимается медленно в гору лошадка,

везущая хворосту воз и, шествуя важно в спокойствии чинном, лошадку ведёт под узцы мужичок в больших сапогах, в полушибке овчинном, в больших рукавицах, а сам с ноготок.

- Здорово, парнище!
- Ступай себе мимо.
- Уж больно ты грозен, как я погляжу.
- Откуда дровишки?
- Из леса, вестимо. Отец слышишь, рубит, а я отвозжу
- В лесу раздавался топор дровосека...

Я невольно сравнил нашу жизнь во время войны и некрасовского труженика-мальца в мирное время. Жизнь детей войны была тяжёлой, сложной, таила в себе много опасностей, особенно в прифронтовой зоне. Но главным фактором, определявшим нечеловеческие испытания детей войны и послевоенного периода восстановления хозяйства, было отсутствие наших отцов. И если в лесу раздавался топор дровосека, то дровосеками были мы – дети Великой Отечественной войны».

Николаичев Зосим Васильевич

Всё лучшее людям

День начала войны 22 июня 1941 года запомнился мне с некоторыми подробностями в нашей повседневной жизни подростков. Мне было уже десять с половиной лет. Подростки в моём возрасте чувствовали себя достаточно сильными и здоровыми ребятами. По радио и в фильмах распевались патриотические песни на военные темы: «Если завтра война, если завтра в поход...», «Чужой земли мы не хотим ни пяди, Но и своей земли не отдадим...»,

*Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Пойдут танкисты в яростный поход!
Тогда нас в бой пошлёт товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведёт.*

Мы были Сталинскими детьми. В школьных «Букварях» и книгах «Для чтения» на последних страницах печатались портреты наших вождей, деятелей Великой Октябрьской революции и руководителей страны.

Впоследствии Каменев, Зиновьев и талантливые маршалы Егоров, Бубнов, Блюхер и Тухачевский оклеветаны, осуждены и признаны врагами государства. Мы, дети, воспринимали все события о врагах народа за истину, затушёвывали их в учебниках.

В кино показывали проведение Майских праздничных демон-

страций. На мавзолее стояли все руководители страны, во главе их улыбающийся И.В. Сталин. Впечатляли стройные ряды идущих военных на параде. Проходили пушки, громыхали танки и другая военная техника. В небе пролетали эскадрильи самолётов. Чувствовалась сила и мощь военной техники. Закладывалось в сознании чувство нашей непобедимости и гордости за свою Родину.

В 1941 году я шёл учиться в четвёртый класс нашей сельской начальной школы. Моё село Новое в некрасовском районе Ярославской области имело дворов около семидесяти. В центре села церковь. Наша школа бывшая церковно-приходская, расположена прямо перед входом в церковь, через дорогу. Население было организовано в совхоз имени Максима Горького. В колхозе было два председателя. Один председатель по сельскому хозяйству, другой – по промышленности. Назывался – промколхозом. За речкой Боровкой, протекающей через село, находились кузницы. Каждый двор имел свою кузницу или отдельный горн у родственника в кузнице. Кузнецы-кустари, умельцы, ковали весь сельский инвентарь и различные изделия из металла. Следует заметить, что в войну изготавливали даже якорные цепи, производили их сварку.

В лучших домах «лишенцев», так назывались кулаки, высланные с семьями в районы Сибири, расположены были детские сады, детские ясли, магазин и клуб. Заведующий клубом, культурник, организовывал праздничные вечера, танцы под музыку с пластинок патефона. В клубе был струнный оркестр. На балалайках и гармошках играло почти всё мужское и женское население. В новогодние вечера устраивались танцы «ряженых». Приезжали кинооператоры и устраивали показ фильмов: «Чапаев», «Федько», «Броненосец Потёмкин», «Тринадцать», «Танкер Дербент», «Ленин в Октябре» и др.

Школьная библиотека (шкаф с книгами) располагалась в коридоре здания школы. Книг было немного. Запомнилась мне одна книга, которую я взял без разрешения учительницы, и за это был наказан. Книга называлась «15 дней таммикуу (январь – по-карельски) или падение Кимас-озера». Запомнилось, что 15 ночей бойцы Красной Армии двигались в тыл к врагам, спали стоя на лыжах. Захватили Кимас-озера.

Мы, дети, перед войной внешне выглядели голодранцами. Голоногие, без обуви до заморозков, короткие штаны с заплатками, рубашки неопределённой формы, без головных уборов. Стопы ног в цыпках. Между собой иногда скорились. Бывало, просто так, беспричинно

дрались, начинали утром и заканчивали к вечеру. Пастухи гнали скот домой, в это время за нами приходили родственники. Мы выглядели уставшими, с синяками и царапинами на лицах. Зато, мы были довольны, что никто не был побеждённым. Помешали победить родственники. Драки в селе происходили между ребятами одного и другого конца села. Были свои лидеры, которые и подталкивали идти биться на кулаках. Возможно, организаторами были взрослые. Просто для личной потехи. Допустим, прежде, чем пропустить бесплатно на сеанс в кино, нас, безбилетников, у дверей в помещение контролёры сталкивали лбами, взяв за шиворот.

Устраивали рыбалки и ловлю раков. Рыбу загоняли в плетёные корзины шумом ног в воде. Пескарей и плотву ели живьём, раков жарили на огне. Устраивали лесные походы за грибами и ягодами.

На территории села проводились учения подразделений войсковых частей. Нам, ребятам, было очень интересно, как таскают за собой станковый пулемёт, как стреляют из стрелкового оружия. В то время уже кидали бутылки с зажигательной смесью. Коктейль Молотова был кинут на церковную кирпичную ограду. Ограда пылала огнём. Я смотрел, как откапываются окопы сапёрными лопатами, как устраивается в окопе солдат. Оставшиеся в окопе патроны, которые потом мы находили, по-моему, имели настоящие пули.

Вечером и ночью, в православный праздник Пасхи, военные устраивали в школе концерт. Мы школьники успевали посмотреть и концерт, и побывать на церковной службе. На концерте, кроме школьников, взрослых никого не было. Население не оправдывало проведение концертных мероприятий в церковные праздники.

В 30-ых годах Советский Союз, в целях укрепления своих границ и ликвидации угроз соседних государств, готовящихся к войне с Россией, вынужден был участвовать в войнах с Японией на Халхин-Голе и с Финляндией в Карелии. С удовольствием смотрели фильм о героях пограничниках, среди них фильм о герое пограничнике Цурупе, который со своей собакой задержал несколько нарушителей границ. Мы смотрели фильм «Три танкиста», «Парень из нашего города» и распевали песни из кинофильмов.

И наступил день 22-го июня. День начала войны. Мы с товарищем Иваном Новожиловым направились в ближайший лесок, который назывался Подборок. Стояло тихое, безветренной утро. Светило солнце, было тепло. Иван был старше меня, он был для меня ведущим. Ему не нравился в лесу стрекот сорок. Пошёл с ним «гонять сорок», так называлось это мероприятие. Птиц в те годы было много, всех видов и названий. Сороки гнездились в этом лесу. Наслушавшись стрекота сорок, мы отправились домой. На небе появились тучки, начал накрапывать дождичек.

22 июня в селе отмечался престольный праздник «Троица». Обычно в этот день были большие гуляния. В село приходили из соседних деревень и приезжали из Ярославля родственники. Пир шёл в каждом доме. Распевались песни, играли гармошки. Перед некоторыми домами устраивались пляски под гармошку. Отплясывали Елецкого, Цыганочку, Барыню и знаменитую Кадриль. Пляски сопровождались исполнением частушек. Вдоль села проходили ряды девчонок, распевали любимые песни. Парни также ходили группами и на ходу распевали частушки под гармошку.

Мы зашли в село, удивились отсутствию праздничного шума и движения. Было послеобеденное время. Перед нашим домом стояли пастухи и играли на своих рожках и трубах мелодию песни «Последний нонешний денёчек гуляю с вами я друзья». В конце улицы в стороне Церкви слышны были женский плач и громкие голоса прощания. Выделялись хриплые звуки мужских голосов, пытающихся напеть ту же песню «Последний нонешний денёчек...» и продолжение песни: «А завтра рано, как светочек, заплачет вся моя семья...» и далее –

*Заплачат братья, мои сёстры,
Заплачет мать и мой отец.
Ещё заплачет дорогая,
С которой три я года жил.*

Вот такая грустная, страдающая, прощальная песня у нас на Руси. Песни и громкий разговор раздавался из толпы, примерно человек на 30-40. В толпе человека 3-4 были одеты в фуфайки и имели за спиной мешки, в виде котомок, с завязанными узлами на углах. Это уходила очередная партия призывников в военкомат, получивших повестки на руки. Итак, ушли группами все, годные для военной службы, мужчины. На железнодорожной станции на дверях будок стрелочников появились объявления: «Все ушли на фронт». Во многих учреждениях окна и двери забивались досками. Село замерло. Затем родственники ежедневно стали ждать почтальона. С болью в сердце и глазах смотрели на почтальона, получая письма-треугольники с фронта.

Мой отец, Николаевич Василий Николаевич и мама Наталья Александровна, родились и прожили всю жизнь в селе Новом. В начале войны на руках у отца остались четверо сыновей и большая мама-домохозяйка. Старшему сыну Борису было пятнадцать лет. Был великий кризис в семье не только с питанием, но и с одеждой. Одежда переходила от старшего к младшему по наследству. Обувь и одежда были заплатка на заплатке. Лыжи зимой изготавливали сами. Кататься на лыжах в десятиградусный мороз я выходил с голыми коленями. Обмораживал пальцы рук, ног и колени. Нам выдавался пайёк, как в городе Ленинграде. Отец – железнодорожник, дети живут в сельской местности. 125

граммов хлеба в сутки. Своей картошки хватало до февраля следующего года. Ждали весны и зелени на лугах и в лесу.

В 1941 году к нам в дом на временное жительство поместили семью из города Ленинграда. Фамилия Тростенюк: бабушка, Толик и Наташа. Мы с Толиком у мамы без разрешения съели небольшие запасы сухарей, хранившихся на печке за дымовой трубой. На следующий год Тростенюков отправили дальше в тыл. Шла битва наших войск за Москву и Подмосковье.

На краю нашего села проходила железная дорога от Ярославля на Кострому и Иваново. Ярославль бомбили каждую ночь и часто днём. Днём немецкие тройки бомбардировщиков летели низко, над лесом, вдоль железнодорожного полотна, в сторону Ярославля. Через 5-10 минут начиналось уханье взрывов бомб и стрельба над городом. Пролетающие бомбардировщики грязно-серого цвета, с чёрными крестами на бортах. По нам, детям, фашисты стреляли из пулемётов. Мы старались спрятаться в лесу.

Рядом с нашим селом находился военно-морской арсенал и аэродром, а также железная дорога, которые явно были объектами, подлежащими бомбёжкам. В селе и рядом на окружающей местности разместили подразделения ПВО. Стояли зенитные пушки, прожектора, звукоулавливатели и передвижные электростанции. Личный состав располагался в землянках, рядом с зенитными установками. В землянках двухъярусные койки, в основном там были женщины. Население на военном положении. Строили землянки и щели для укрытия от возможных обстрелов и бомбёжек. Жизнь шла своим чередом, у военнослужащих были даже и свадьбы.

Наступили голодные годы. Голод страшней войны. Приезжающие с фронта военные спешили уехать обратно на фронт. Не могли видеть голодных матерей и детей, костлявых, обезображеных голодом, с выпуклыми животами.

На селе мужиками стали мы, десятилетние подростки. Женщины в колхозе слушали нас. Имеющиеся неконфискованные, старые лошади в колхозе закреплялись за подростками. Почти все ребята бросили дальнейшую учёбу в средней школе. Шла борьба за жизнь, за существование. За моим товарищем, Вениамином Гурдаевым, была закреплена Зорька, маленькая лошадь монгольской породы. За плугом мы ходили вдвоём. Одному не хватало сил и роста повернуть и поставить плуг в борозду. Тяжело одевать и стягивать хомут у лошади. Кое-как справлялись.

Я продолжал учиться. Ходили в 7 класс Бурмакинской средней школы № 3 за 5 км. Вначале группа состояла из пяти человек. Через два года я остался один. Я тоже не выдержал и после 8 класса поступил учиться в Ярославский химико-механический техникум. Получил карточки на 500 грамм хлеба в сутки, по 1,5 кг мясо-рыбы и крупы в год. Голова кру-

жилась, идти на солнце не мог. Смотрел с завистью на ребят, которые играли в волейбол.

В школе был военрук Павел Иванович. Изучали военное дело. Ходили на стрельбище, стреляли. С фронта шли эшелоны с разбитой и обгоревшей военной техникой. Во время остановок эшелонов на станции Бурмакино мы лазили в обгоревшие танки. Находили стрелковое оружие. Притащили по снегу в школу станковый пулемёт. Военрук схватился за голову. Что делать с этим пулемётом? А мы чувствовали себя героями, теперь есть у нас пулемёт для изучения. Вообще-то, мы были готовы, по своему внутреннему сознанию, защищать свою страну, свою Родину.

В 1945 году нас, группу школьников, энтузиастов военного дела, направили от военкомата в военный лагерь под город Рыбинск. Нам выдали учебные винтовки с отверстиями в патронниках. В лагере переодели в шаровары, выдали пилотки. Полтора месяца жили в палатках, поотделённо. Командирами отделений были демобилизованные военные без погон. Несли лагерную службу в летнее время, изучали Боеевой устав пехоты РККА, Строевой устав и Устав Внутренней службы. В роли наблюдателей участвовали при прохождении полевых учений танкистов.

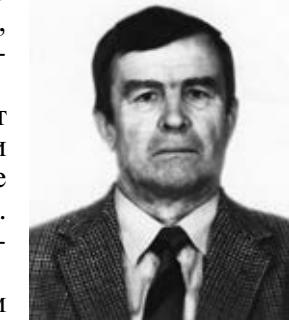
В школе моими сверстниками были дети военнослужащих из города военно-морского арсенала. На разгрузочной площадке арсенала у часового утащили ящик с минами. При разборке мины на чердаке живого дома, она взорвалась. Четверо героев получили ранения.

Носырев Борис Иванович

1940 год. Мои родители работают в Московской художественной артели «Огонёк». Они - резчики по дереву, а отец ещё и по кости. Мать режет шахматные фигуры (кони), клюющих курочек. Работают они «на дому» и сдают изделия в Москву.

Отца посыпают на командирские курсы. А вот и война. Мне 1,5 года. Отец прислал только три письма. Тогда они стояли под Москвой. Дальше их послали в Прибалтику. Писем больше не было. Эти письма мы храним. Позже пришла похоронка. Отец погиб 23 ноября 1944 г.

Мать пошла в детдом работать поваром. Детдом был рядом с нашим селом. Было немножко голодно, но весело. Раньше ребятишек было много в деревне. Лыжи, санки, коньки. Летом - речка, лес, грибы, ягоды, орехи, травы всякие, «молоканки», дудки, полевые «пестики», вкусная, нежная речная осока.

Вот 1-е сентября 1947 года. Мой двоюродный брат шёл в школу в третий класс. Уговорил и меня с ним пойти. Я как был босой, без портфеля пошёл с ним. Так я и стал учиться. Сначала - в Шеметове, потом в Константинове.

Мать замуж не вышла, я сказал: «Убегу, если выйдешь». В Москве жила моя тётя. Они продали Шеметовский дом и стали жить в Москве. Я часто бывал у своих двоюродных братьев. Собирали металлом, чтоб покупать мороженное. Купались в Серебрянке. Ловили рыбу. Ходили на ВДНХ, там были очень вкусные яблоки. В 1957-м году окончил школу. В это лето я с друзьями был на фестивале молодёжи в Москве в Сокольниках около Крымского моста. Потом втроём поступили в Щёлковский химико-механический техникум. Вспоминается, как я одолел там черчение. В дипломе у меня по черчению стоит отметка пять. В 1958-м году были на целине. Убирали зерно. Жаль, много его пропало. Были там 3 месяца. Направление на работу взяли подальше от дома. Челябинская область. Воинская часть. В военном билете, который я получил в Кирове - Чепецке, написано: «Годный, но необученный». В 1966-м году вернулся. Женился на школьной подруге. Жили в Семхозе до тех пор, пока не вступил в ЖСК. Работал на «Звёздочке» испытателем. Имею два ордена «Трудовой славы» - второй и третьей степени. Ушёл на пенсию в 2002-м году. Живём в деревне. У нас дочь, живёт в Софрино с мужем и двумя сыновьями. В Семхозе живёт внук с матерью. Старшие внуки кончают университет. Младшему 12 лет, учится в 5-м классе.

Овсиюк Иван Игнатьевич

Плохие воспоминания детства у меня остались. Немецкие войска подходили к нашему Полонскому району Хмельницкой области, Украина, местных жителей эвакуировали за 40 км от родного дома.

В Каменец-Подольске мы находились три месяца, за это время взяли в армию отца, потом старшего моего брата. Продукты, которые взяли с собой, кончились, и мы с мамой отправились обратно домой. Немцев в селе ещё не было.

Потом немцы начали бомбить наше село. Однажды я и мама попали под бомбёжку самолёта. Немец решетил из пулемёта, я видел его выражение лица, улыбку с оскалом зубов и он стрелял по дороге. Мама бросилась к брустверу склона у дороги и закрыла собой меня. Чудом мы остались живы.

Пришли в наше село захватчики, начались новые порядки. Бегали по дворам, ловили кур и несли в хату: «Матко, жар!». Когда Днепр форсировали, наше село освободили от фашистов.

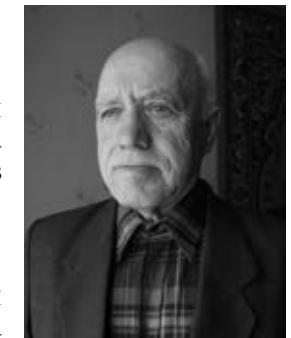
Полонное оказалось передовой линией фронта, горели хаты от постоянной канонады орудий. В 1943 году прибыли на передовую «Катюши» и наши войска пошли в наступление. Минёры очистили террииторию от снарядов, но снаряды напоминали о себе и в мирное время. В десять лет я боронил поля коровой, упряжённой в борону.

В школу я пошёл сразу во второй класс, не зная букв. Не было обуви, одежды, еды. Ходил осенью, весной босиком, а зимой обматывал ноги тряпьём, но они сразу становились холодными. Отголоски войны - на всю оставшуюся жизнь.

Омелин Леонид Павлович

Человек, дарящий свет

В годы Великой Отечественной войны, страдая от несвободы, от невыносимого голода и жестокости немецких солдат, от страха быть убитыми и больше никогда не увидеть родную землю и родных людей, в концентрационных лагерях за жизнь боролись миллионы пленников. Многие из них - больше двенадцати миллионов - погибли, пять миллионов из них были советскими гражданами. Остались те, которые после тяжких испытаний увидели долгожданную свободу. Среди них и бывший узник концлагеря, житель посёлка Лоза - Леонид Павлович Омелин, который за колючей проволокой провёл почти всё своё детство.

Как брат брата спас

Семья Леонида Павловича до войны жила в Орловской области в деревне Знобищево. Отец, мать и четверо детей: два мальчика, девочка и годовалый младенец - Леонид. Жили просто, как живут в деревнях: работали в колхозе, держали небольшое хозяйство, занимались огородом и садом. Неожиданно началась война. Отца семейства сразу забрали на фронт. А через некоторое время в деревню пришли немцы и подожгли её. Несколько домов сгорело полностью, в том числе и дом Омелиных. Мать с четырьмя детьми и других беженцев, оставшихся без крова, взяли в плен.

«Нас отправили туда, на запад, в Белоруссию. И мы поехали, - рассказывает Леонид Павлович. - Как и на чём мы ехали, я сказать не могу,

на коровах ли, на поезде... не помню. Совсем ведь маленький был. О событиях тех лет мне рассказывала мама, и то неохотно: больно и тяжело ей было возвращаться к тем страшным годам. Говорила, что однажды меня чуть не потеряли по дороге в плен. Мы переправлялись через какую-то реку (Днепр, наверное), а меня в этой суматохе на берегу оставили. А брат мой, ему лет десять тогда, наверное, было, вернулся и нашёл меня. Так я живым остался.

Пленная нежизнь

Как попал в концлагерь и суровую пленную жизнь, Павел Леонидович не помнит. Вот его старшие братья Иван с 1931-го года и Семён с 1932-го, всё знали, и у них, конечно, многое было в памяти, но об этом они практически ничего не говорили. Дети военной поры и участники войны по понятным причинам стараются не вспоминать прошлое.

«Это страшно вспоминать, - вздыхает Леонид Павлович. - А о чём вспоминать? Кругом холод, голод... Но одно впечатление врезалось в мою память, хоть я и был совсем крохой. Когда мы, пленники, приближались уже к концлагерю, один из немцев у всех на глазах расстрелял русского солдата. Я видел это. И вся колонна видела - нас гнали куда-то за колючую проволоку.

Что было в концлагере, как жили, знаю по рассказам матери. Она с нами маленькими сидела, а взрослые и дети, что постарше, работали. Однажды немец хотел меня застрелить. Я от буханки хлеба отломил небольшой кусочек, есть-то хотелось. И вот немец поставил меня на колени и прицелился уже. В доме каком-то это было. А мать моя упала ему в ноги и умоляла, чтобы не убивал он меня. Упросила, оставили меня. Вот так я выжил во второй раз. Мы - как утят, и никого наша мама не потеряла. А отец мой воевал, два раза в плен попадал и сбегал. Он вернулся с войны.

Победа и свобода. Война закончилась

«Помню, как цветы бросали на танки, когда день победы был. Наши уже пришли и всех освободили. Знаешь, сколько народу! И как только всех нас перевозили!? - удивляется Леонид Павлович. – Да и не помню, как перевозили. Помню вот, как приехали домой. Было мне пять лет тогда. Трава выше меня в два раза, я в траве как по лесу ходил. Кругом бурьян. Дома нет, сад наш сгорел, всё сгорело: жить негде. И вот мы выкопали яму, сделали землянку и прожили там три года. А потом нам кто-то продал небольшой домик, он, может, сейчас стоит ещё, не знаю, отец его оштукатурил, и стали потихоньку обживаться. Родители устроились работать: мама - на скотный двор, а отец - конюхом. Мы подрастили, и у нас ещё две сестры в семье родились.

Чтобы все светло было

«В школе до 4-ого класса я не учился. Помню, привели меня в первый класс. Ходить было не в чем. Переводили меня из класса в класс до четвёртого, а в четвёртом экзамены были, и оказалось, что я ни читать, ни писать не могу. И два года просидел я там. А потом взялся за учёбу, ведь старшие братья в Орёл уехали, и мне хотелось. У меня математика отлично шла, а остальные предметы я слушал на уроке и запоминал».

После школы Леонид Павлович поступил в техникум, отучился три года и получил специальность электрика. Потом пошёл на три года в армию, служил в танковых войсках. После работал в Лозе, встретил свою жену, так и остался здесь жить. У них маленькая, но дружная семья, они воспитали дочь. Сейчас Леониду Павловичу 74 года. После пенсии он работал ещё десять лет, а четыре года назад решил пойти на отдых. Но любимую профессию электрика Леонид Павлович не оставил. До сих пор ему звонят и просят о помощи, и он не отказывает: дарит людям свет в прямом и переносном смысле, уж очень он отзывчивый и жизнерадостный.

«Сейчас я не работаю, а помогать помогаю, - говорит Леонид Павлович. - У нас здесь в Лозе много пожилых людей, ведь по возрасту у нас самый старый поселок в районе. Людей я люблю, мне жалко их, без света как тяжело! Да и народ меня тоже любит. Что могу, я, конечно, делаю, но не всё. Высоты уже боюсь — опасно, а светильник, выключатель с радостью починю. Работа очень хорошая, и работу свою я очень люблю».

Леонид Павлович счастлив тем, что пройдя через множество испытаний, он живёт и занимается любимым делом. «Я прошел дистанцию очень тяжелую, - с горечью говорит Леонид Павлович и тут же у меня просит прощения, если что-то не так сказал».

Так пролегла дорога жизни Леонида Павловича Омелина от застенков фашистского концлагеря до известного всем в Лозе электрика, профессионала в своём деле, хорошего человека, нашего современника и свидетеля событий Великой Отечественной войны.

Орехова Татьяна Борисовна

Орехова Татьяна Борисовна родилась в 1939 году в г. Загорск. с 1956 года работала на ЗОМЗе в конструкторском отделе. Отец Мулин Борис Владимирович – ветеран Великой Отечественной войны, инвалид 2 группы. До войны принимал участие в строительстве стадиона «Спартак» и других объектов.

Война коснулась Радонежья

Хотьковский мост

Вдруг стратегическою точкой
В Хотькове стал железный мост.
Чтоб бить врага наводкой точной,
Зенитчики создали пост.

Проектора в ночи слепили
Дорогу «мессерам» к мосту,
Войска врагу не разрешили
Пути отрезать на Москву.

И,бросив бомбы где попало,
И на дома, и на поля,
Фашистов стая удирала
Назад от шквального огня.

От бомб случайных люди гибли,
Страдали дети, старики.
Неслиувечия по жизни –
Подарки зла от той войны.

Почти ушло то поколенье,
Что помнит грозную войну,
Но могут быть еще мгновенья
Из прошлой жизни наяву.

И помним мы, сквозь мирные успехи,
Возможно, много лет подряд,
Таит земля, как злое эхо,
Неразорвавшийся снаряд.

Моменты военного детства

Мне довелось в краю родиться,
Что славен Лаврою Святой,
Где Сергий Богу стал молиться,
Там вырос город мой родной.

А родилась я незадолго
До вдруг начавшейся войны.
И воевать ушли надолго
Оцы, и деды, и сыны.

Войны безрадостное детство
Не помнит малая душа...
Всплывает лишь для бани средство
Да в супе серая лапша.

Еще, как в стайке малых птиц,
Мы фуражка искали крошки.
И смаковали их в кустах,
Боясь, влетит не понарошка.

В траве от сныти ели дудки
И от осоки стебельки,
Наполнив зеленью желудки,
Мы пили прямо из реки...

Нам вечерами было лихо:
На окнах – маскировка штор,
У радио сидели тихо,
Вели о фронте разговор.

Весной ворвался День Победы!
Вдруг стало шумно и светло!
Военные минули беды,
И в окнах вымыто стекло.

Войны закончились нападки.
Вот дети к школе подросли,
И самодельные тетрадки
В котомках бережно несли.

У стен могучих Лавры стойкой
Мы наше детство провели.
И в окружении правды горькой
Молитвой были спасены.

1945 – год Победы

Отец пришел с войны с тяжелой раной,
А многие и вовсе не пришли...
Мы слышали, как плакала ночами мама...
А отчего, понять мы так и не смогли.

Закончилась война, и в сорок пятом
Ожил «Спартак» - любимый стадион,
Где раньше бегали с мячом ребята,
С войны пришедших снова принял он.

Отцу серьезное ранение в ногу
Не позволяло бегать и скакать.
И в спорт ему заказана дорога,
Мог с костылями с лавки наблюдать.

Тогда на стадионе праздник проводили,
Мороженое ели, пили квас.
Мы семьями на матч туда ходили,
Был стадион отрадою для нас.

В воротах был Набоков Миша,
На лоб надвинув кепку из букле,
С желаньем победить на поле вышел,
Уверенный в команде и в себе.

А капитан – моряк Сергей Степанов,
Он крепкое словцо на поле допускал,
Зато, как подобает капитану,
Мяч от ноги Сергей не отпускал.

Оркестр гремел для важности момента,
Когда средь наших местных молодцов
Под бурные аплодисменты
В игру вступал стремительный Стрельцов.

Пока друзья по полю мяч гоняли,
Отец «болел» - вот был его удар...
А сам сидел на лавке с костылями,
С досады потерявши речи дар.

Осипенко Галина Васильевна

Давным-давно была война...

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа
Киев бомбили,
Нам объявили,
Что началася война...

Из песни времен Великой Отечественной войны.

Слова поэта Б. Ковынева, на мотив вальса Е. Петербургского
«Синий платочек». Песня стала народной.

Родилась я в 1934 году в Загорске, но в том же году папу, Тетерина Василия Ивановича, заведующего сельхозотделом, заместителя главного редактора газеты «Вперед», решением Московского областного комитета ВКП(б) направили главным редактором районной газеты в город Руза. Войну мы встретили в Рузе.

В мои обязанности лет с шести входила покупка хлеба. А для этого нужно было задолго до открытия магазина занять очередь. Вот в этой очереди на ступеньках магазина я, вместе со всеми, услышала сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на СССР. «Киев бомбили, нам объявили, что началася война». Какая тоска в этом «началася»! Видимо я настолько глубоко восприняла потрясение, пережитое взрослыми, с которыми я стояла в очереди – все, что было со мной до того, не помню, как отрезало. Все, что потом – помню.

В 1-ом классе я проучилась 7 дней – в школе разместили госпиталь. Папа (в армию его не взяли по состоянию здоровья – порок сердца) готовил партизанский отряд, в том числе базы. Мы его почти не видели. Один раз он приходил, выкопал яму и спрятал туда и на чердак кое-какие вещи. Фронт был все ближе. Мама, Кащенкова Клавдия Александровна, директор школы, после ее закрытия – с начала сентября – заведующая отделом райкома партии, отвечала за организацию эвакуации населения из Рузы.

Мы уезжали 13 октября на последней полуторке. Кузов был набит до отказа женщинами с детьми. Совсем близко гремела канонада, бои шли уже на подступах к городу. Так как мы сидели в конце кузова, нужно было крепко держаться за задний бортик. Это ощущение – зажатый в руках борт полуторки – навсегда остался в моих ощущениях. У мамы – Алик, мой 3-х летний брат и узелок с вещами. У меня – сетка-авоська с шерстяным одеялом и буханкой хлеба. Везли нас в неизвестность, в

Ярославскую область. Но мои родители заблаговременно решили, что едем мы до Москвы, а потом в Загорск, т.к. там и в районе (в Дивове и в Константинове) все родственники.

В метро на эскалаторе Алик потерял галошу с валенка. Мы не заметили, но добрые люди закричали: «Кто потерял галошку?» и передали ее с встречным эскалатором. Поселились у маминой сестры в 3-ем доме Советов.

Окна нашей комнаты выходили на улицу Карла Маркса. Октябрь 1941 года был очень холодными слякотными. По улице шел непрерывный поток беженцев. У многих женщин на руках был грудной ребенок, рядом - еще один или двое маленьких детей. А еще узелок с самыми необходимыми вещами... Некоторые везли какой-то скарб в тачке – самодельной тележке на одном колесе. Нередко кто-то из женщин стучался к нам в дверь или окно (1-й этаж), чтобы перепеленать ребенка. Мама или тетя могли угостить только пустым чаем, покормить было нечем.

Помню, что к нам неожиданно приехал со своим командиром мой дядя Ваня, младший брат папы. Они у нас были не больше часа. Много лет спустя я узнала, что они под большим секретом предупредили маму о сигнале, после которого нужно было немедленно бежать из города.

Нас не прописывали, так как из прифронтового Загорска шла эвакуация, город принять беженцев не мог. А раз мы не были прописаны, маму не брали на работу, а меня в школу. Нам не давали продовольственные карточки. Не уверена, что сегодня всем понятно, что такое – нет карточек. Это значит, что мы не получали даже тот минимум продуктов, который выдавали по карточкам жителям города. Как жили? Привозили от бабушек картошку.

Легко сказать: привозили. В Константиново можно было доехать только на попутной полуторке. «Поймать» ее, да еще и оказаться в числе тех, кому в ней найдется местечко, было очень непросто. А в Дивово могла ездить только я (мне 7 лет). Билет до Бужаниново на «кукушку» (поезд на паровой тяге) продавали только по документам - в паспорте у мамы не было загорской прописки. А мне достаточно было предъявить метрики (так тогда называли свидетельство о рождении). Для этого документа был сшит кисетик (маленький мешочек, затягивающийся на тесемку), он закреплялся петлей на бретельке нижней ситцевой рубашки. А от Бужаниново 5 км пешком - и я у бабушки.

Варили картошку на керосинке. Ноу-хау военных лет-коптилка для слабенького освещения. Электричества, конечно не было. В пузырек или баночку наливали немножко керосина, в керосин опускался фитилек - туго скрученная веревочка. Даже этот, очень слабенький свет, не должен был виден из окна. Окна тщательно замаскировывались

темной тканью, вечером по улицам ходил патруль, проверяли: нет ли где щелочки света-наводки для вражеского самолета. В подъезде на всех этажах стояли ящики с песком. В случае налета и бомбежки в них нужно было обезвредить фугасные бомбы. И еще помню большие клещи, ими нужно было быстро схватить фугас и бросить его во влажный песок.

А керосин для керосинки и коптилки нужно было еще добыть, и это было моей обязанностью. Керосиновая лавка была под горой на ул. 8-марта, на берегу Кончуры - там, где сейчас машины обезжают проспект Красной Армии. Точного времени торговли керосином не было, все зависело от времени привоза. Очереди были большими - в любую погоду. Бидон тяжелый, даже сегодня эту тяжесть, особенно в гору, ощущаю. А мне было 7, потом-8, 9 лет...

И еще о керосине. Мне очень хотелось научиться играть на пианино. Году в 43-м мама нашла учительницу музыки, и я стал заниматься. Это была немолодая, очень интеллигентная женщина, с тонкими, неторопливыми манерами, в ее комнатке на Первомайской(Вознесенской) улице мне было очень тепло, уютно. У нас, конечно, не было пианино, мне разрешали готовиться к урокам в Доме пионеров, когда зал был свободен. Помню не только гаммы, но первый выученный мной этюд Гедике. Но радость была недолгой. Мама договаривалась с учительницей об оплате уроков...керосином. Но зимой купить его даже только для самых неотложных нужд семьи стало проблемой, приходилось подолгу ждать привоза на морозе и, зачастую, напрасно. Так бесславно закончились мои занятия музыкой.

А морозы в 41-ом году начались уже в конце октября. Стены в нашем 3-м Доме советов(бывшая монастырская гостиница) очень толстые, но и они промерзали. В квартире было так холодно, что пальцы рук у меня распухли, были как бы «растопырены» (бытовое название «ознобыш»).

20 января 1942-го года у тети родилась наша Танечка. Так как в школу ее не взяли, я стала ее няней. А Алик, что бы согреть кроху, даже ложился на нее. Поэтому и за ним нужно было присматривать. В самое холодное время мы месяца полтора даже жили в подвальном помещении школы им. РККА (тетя была завучем школы). Зимой 1943 года пожар-

ники разрешили сложить печку. В нашей комнате труба выходила прямо в форточку, на улицу. Эта печка нас спасала: и готовили на ней, и комнату согревали.

Сохранилась памятная фото-карточка того времени. В Загорске тогда была всего одна фотография: небольшой голубенький домик на Блинке (сейчас там смотровая площадка). С этой горы мы катались на санках, мальчишки на «лягушках» (доски, сколоченные в форме трапеции, на 3-х коньках). Санки и, тем более «лягушки», были далеко не у всех (у нас-то, конечно, санки остались в Рузе). Выручали друзья, подружки.

Повел нас фотографироваться дядя Миша - он, комиссар знамени-того партизанского отряда Заслонова, прилетал через линию фронта на несколько дней в Центральный штаб партизанского движения. Из очень холодного дома мы пришли в такую же промерзшую фотографию. Представить сегодня 8-летнюю девочку с такой прической сложно. Подстригали не только меня: мыло было очень дефицитным и очень дорогим предметом быта. (Белье стирали в щелоке - из золы). Ушли фотографироваться, когда мама была на работе, и она потом очень со-крушилась, что на Алике мятая матроска.

Мы, конечно, ничего не знали о папе - он был комиссаром партизанского отряда, который действовал в оккупированном фашистами Рузском районе. В конце декабря получили от него весточку. С кем-то, переправлявшимся через линию фронта, он передал нам 700 руб.(на рынке буханка хлеба – 400 руб., кусок мыла- 300 руб., но на рынке мы, конечно, ничего не покупали) и открытку. Это была простая почтовая открытка. Я совершенно фотографически вижу обращенные к нам её строки: «Дорогие мои! Как вы там? Но ничего, в тесноте - не в обиде». Но оказалось, что в это время его уже не было в живых - он погиб 1-го или 2-го ноября 1941 года. Вот как мы об этом узнали.

20 января из Дивова к нам приехала бабушка. Налоги были непосильны, и она надеялась, что будет какое-то послабление, если предоставить справку о том, что три ее сына воюют (папа и дядя Миша в партизанах, дядя Ваня – под Москвой, потом - на Ленинградском фронте). Мама пошла с бабушкой в горсовет, они сидели в коридоре, ожидая приема.

К маме подошел незнакомый мужчина. Он спросил: «Вы - Клавдия Александровна Кащенкова?». Время было военное, мама недоверчиво

отнеслась к этому человеку. Он назвал себя (Бочки), сказал, что специально приехал к ней из Рузы (видимо пришел в горсовет, чтобы узнать наш адрес). В Рузе маму, директора единственной в городе средней школы, все знали, и он ее сразу узнал. Бочки сообщил, что папа погиб, и рассказал, как это случилось.

В отряде закончилось продовольствие. Вызвался найти и привезти его комиссар Василий Иванович Тетерин- он лучше других знал район, его знали люди.

С боевой группой в 4 человека он отправился к деревне Ордино. Остановились в начальной школе (школа была не в деревне, но недалеко от нее). С заведующим школой папа был хорошо знаком, он нередко ночевал у нас, когда приезжал в город. Трудно было представить, что он окажется предателем. Но во время войны было и такое.

Утром партизаны на крыльце школы чистили ружья, заведующий школой ушел к колхозникам за картошкой. Но вместо ваза с картошкой он привел роту немецких автоматчиков.

Папа погиб, перепрыгивая через забор, отстреливаясь. Пуля попала ему прямо в сердце. Погибли и еще трое партизан. Бочки успел спрятаться в пустой бочке и остался жив.

Кто кого - мама бабушку или бабушка маму- довел до дома(рядом, через проспект)- не знаю. Этот день я помню всю жизнь. А Алик бегал и всем сообщал радостно: «А у нас папу убили!». Ему только что исполнилось 4 года, он понял, что это-весточка о папе. Добегался до того, что упал на самодельный, с острыми краями керосиновый бидон, и разбил надбровье. Мама была почти без сознания, но, увидев окровавленного сына, смогла встать и на руках понесла его в «Скорую помощь», благо она была на той же улице. Шрам на брови сохранялся у Алика всю жизнь.

Так случилось, что именно в этот день маму пригласили на работу. Нас прописали (заканчивалось освобождение Московской области от оккупантов), мы стали получать карточки. В школу я уже не пошла, - ведь именно 20 января родилась Танечка, я была нужна дома.

В школу мы с мамой пошли перед следующим учебным годом - поступать в 1-ый класс. Со мной беседовали заведующая начальной школой Валентина Сергеевна Чернохвостова и замечательная учительница Александра Васильевна Якиманская (у нее потом и Алик учился). Когда они выяснили, что писать я умею только печатными буквами (мама не хотела «портить» мне руку, т.е. почерк), но читаю уже толстые книги, то сказали, что в 1-ом классе мне нечего делать. Александра Васильевна была по-настоящему талантливым учителем: уже после первой четверти по самому страшному для меня предмету- чистописанию я донесла «хорошистов», а вскоре уже получала «отлично».

Никогда не забыть, как мы участвовали в сборе подарков для фронта. Наша роль в этом была, конечно, каплей. Взрослые собирали деньги, теплые вещи (например, варежки с двумя пальцами, чтобы указательным пальцем нажимать на курок). На трикотажной фабрике вязали из шерсти «мишка» целые комплекты для красноармейцев-лыжников. На предприятиях города и района жившие впроголодь люди отчисляли из очень невысоких зарплат средства на танк, и он отправлялся на передовую с площади Лавры, был митинг. Хорошо помню, как это было. А колхозники (во многих колхозах весь урожай уходил на фронт, на трудодни почти ничего не доставалось, карточки продовольственные им не полагались), собрали средства на самолет «Московский колхозник».

Возвращаясь к подаркам на фронт. Мы, девочки, шили кисеты для махорки «ни папирос, ни сигарет, красноармейцам, конечно, не выдавалось, а рассыпную махорку удобнее и надежней было хранить в кисете». Сколько я их сшила, не знаю. В кисет мы вкладывали записку, что-то вроде: «Дорогой боец! Бей фашистов!» и т.п. с обратным адресом. А еще мы ходили в госпитали, читали стихи, пели, писали письма под диктовку раненых их родных.

Однажды к нам во второй класс во время урока вошла заведующая школой Валентина Сергеевна. Она обратилась ко мне: «Галя, к тебе приехал из Подольского госпиталя боец, который получил твой кисет с письмом». Сколько волнения пережила я, да и все девчонки и мальчишки нашего класса! Это был лейтенант Левченко. Оказывается, две его дочки были в оккупации в городе Шахты, Ростовской области, на-верное, поэтому он так отреагировал на мое письмо. У него было

очень мало времени. Дядя Ваня Левченко рассказывал о себе, о боях с фашистами. Спросил: «У Кого папы ушли на фронт?». Поднялись руки всех сорока ребят. Но тут же выяснилось, что в это время сражались всего четверо отцов, остальные или были в госпиталях или уже погибли, или «пропали без вести». Детям пропавших без вести тогда было даже тяжелее, чем нам. Им пенсии за отцов не платили.

Очень хотелось, чтобы вернулся папа. Мне долго снилось, что он пришел, чаще всего, без ног. Просыпалась и думала: я бы самой счастливой, если бы так случилось. Почти у всех моих одноклассниц отцы погибли или вернулись инвалидами («одноклассница» - потому что с четвертого класса мы учились уже в женской школе. Вскоре, после того, как мы закончили 10-й класс, снова вернулись к обычным смешанным школам).

Наверное, не все я тогда так остро воспринимала, как взрослые, но какими были мама и бабушка, когда они пришли с вестью о смерти папы, не забуду никогда. И не раз, когда была у бабушки в Дивове, в очередной дом приносили похоронку: женский крик, плач, сразу сбегались соседки и выли в голос... А мы получили официальное сообщение о том, что папа погиб, уже после освобождения Рузы. Вот текст этого документа:

Справка

Дана Рузским РК ВКП(б) тов. Кашенковой К.А. в том, что ее муж, тов. Тетерин Василий Иванович, в период временной оккупации Рузского района немецкими захватчиками был комиссаром партизанского отряда.

При выполнении боевого задания тов. Тетерин в ноябре 1941 г. был убит немецкими оккупантами.

Посмертно награжден медалью 1-ой степени партизана Отечественной войны.

Круглая печать и подпись секретаря РК ВКП(б) Ткачева»

Посмертно он был награжден двумя медалями: «Партизану Отечественной войны» 1-ой степени - «за доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков» и «За оборону Москвы».

В 1970 году мы с мамой, Алиной, дядей Мишей и Шурой (младшая сестра папы) были в Рузе на могиле папы, возложили цветы к памятной плите с фамилиями его и его товарищей, погибших в том бою. На фотографии: Шура — младшая папина сестра, мы с Алиной, мама и дядя Миша. Памятная мраморная доска сохранилась до сих пор и стала ча-

стью Рузского мемориала. На увеличенной фотографии можно прочитать Тетерин В.И.

А когда я, студентка 3-его курса, еще в 1953-ем году ездила (впервые) в Рузу и была в деревне Ордино, старики рассказали мне, что фашисты не разрешили жителям деревни хоронить погибших, но они ночью все –таки захоронили их в мерзлую землю. Землю долбили ломами: такие морозы стояли в конце октября – начале ноября 1941 года.

В январе 1942 года, после освобождения Рузского района, их тела перезахоронили на главную площадь города. Сейчас там замечательный мемориал: ведь в боях под Рузой погибли тысячи красноармейцев. И еще – партизаны. В районном музее мне говорили, что число погибших было едва ли не больше, чем жителей района до войны.

Как и все, во время войны и после – до отмены карточек, жили мы, конечно впроголодь. Но я как – то спокойно это переносила, а вот Алик (во-первых, мальчишка, очень подвижный, во – вторых, еще сознание – то маленького ребенка (ему 7 лет исполнилось во время войны) все время просил у мамы поесть. Переосмыслить сегодня, каково было нашим мамам – невозможно. Одно из самых горьких моих воспоминаний: после отмены карточек Алик еще очень долго спрашивал: «Мам, а по сколько кусочков?» (хлеба)... А от шкафа до стола каждый день образовывалась сахарная дорожка»: после отмены карточек самым большим лакомством был хлеб, посыпанный песком. Я в школу приносила «бутерброд»: два толстых ломтя хлеба с песком – мне и подруге.

Мальчишки в нашей школе (№3) в годы войны, да и в первые послевоенные годы пилили и кололи дрова, а мы их приносили в классы. Во всех классах были печки – буржуики, уборщицы приходили рано утром и топили. Так было во всех школах.

Было бы несправедливым не сказать, что в значительной мере выросла я, как и многие мои сверстники, в Доме Пионеров. Это был островок доброты, радости. Не все имена я помню, но незабываемы Виктор Иванович Иванов – он занимался не только со своими мальчишками – баянистами, но и с нами, и Циля Францевна Ринкевич – она научила нас танцевать польку, мазурку, степенные па де катр и др. Мы пели в хоре, танцевали – и вообще это был наш дом. С благодарностью помню уборщицу Дусю. Наши мамы работали с утра до ночи, и тетя Дуся, согревала нас и в прямом, и в переносном смысле.

А в 4-ом классе (в январе 1945 года) меня как очень активную и ... очень малокровную (низкий гемоглобин) послали в «Артек». Мы были там первыми после освобождения Крыма. Ехали в плацкартных вагонах на всех трех полках, причем за третью полку шла борьба (мне досталась вторая). В дорогу мама испекла мне хлеб из тертой сырой

картошки. Такой «хлеб» можно было нормально употреблять, пока он теплый, потом это была груда крошек, если его, зачерпывая столовыми ложками. Но все равно, в памяти остался, как что-то вкусное. Когда карточки отменили (в 1947 году) и можно было есть, сколько хочешь, мы с Аликом стали просить маму испечь военный хлеб. Она долго отговаривала нас от этой затеи (невкусно, есть не будут и т.д.), но мы настаивали. Мама была, как всегда, права. Есть его было невозможно.

В первое же артековское утро мы проснулись от взрыва. Две девочки – семиклассницы (из Орехова – Зуева и из Москвы), без разрешения ушли еще до подъема на берег моря – и подорвались на мине. Одна девочка погибла сразу, вторая умерла через 2 часа...

Мы вечером накануне не просто видели, а даже катали эту мину. Почему не взорвалась тогда – может, обсыхала. Ярко раскрашенная, как будто два конуса с совмещенными днищами. Море еще долго выбрасывало мины. Нам строго-настрого запрещали лазить в полуразрушенный дворец Суук–Су, он не был еще полностью разминирован. Лазили, конечно... Но, в целом, от «Артека» остались самые светлые воспоминания Там были замечательные вожатые, было интересно и... скитно. И на всю жизнь я влюбилась в Крым.

День Победы – сколько бы лет не прошло, он всегда самый яркий день. Как мы его ждали! Сколько надежд было связано с ним! Сегодня смешно, но мама рассказывала, что за несколько дней до 9 мая я спрашивала: «А когда война кончится, мы отдадим мои ботики отремонтировать?» (ботики – короткие резиновые сапожки, в них вставлялись туфли). 2-го мая 1945 года мы – я, 7-летний брат и 3-х летняя сестренка с мамой и тетей были в Москве. Очень яркое воспоминание: громадное количество радостного народа на Красной и Манежной площадях, улице Горького (Тверской). Ведь 2-го мая Красная армия штурмом взяла Берлин! Победа была совсем близко.

Как гордилась я тем, что первой в семье ночью 9-го мая услышала по радио о капитуляции Германии! Разбудила маму и тетю и, не дожидаясь взрослых – на улицу. На Красногорской (тогда она называлась Советской) площади и проспекте Красной Армии уже полным-полно народу. Машин тогда было еще очень мало, а ночью они совсем не мешали. Победа! Радость у всех безмерная. Как только появлялся фронтовик – его обнимали десятки людей, многих – качали. Но и слезы – ведь в каждой, каждой семье погибли близкие... Очень четкое определение: радость со слезами на глазах. Незабываемо.

Мое детство – в городе очень много инвалидов без одной (на kostылях или с деревяшкой вместо протеза) или даже двух ног, с пустым рукавом гимнастерки... Со времен военного детства помню горькую частушку:

Хорошо тому живется,
У кого одна нога:
И порточина не рвется,
И не надо сапога.

Те, кто остался совсем без ног, передвигались на своеобразной платформе – квадратной доске на 4-х колесиках – подшипниках, опираясь на руки. Руки их помню до сих пор – громадные, сильные, наруженные. В руках у них были дощечки с ручкой (очень похожи на инструмент, которым рабочие выравнивают на стене штукатурку). Руки заменяли ноги: они отталкивались ими от земли. Очень трудно поднимались в гору и с усилием удерживались, спускаясь с горы. В базарные дни по дорожке от рынка до Белого пруда (ул. 1-ой Ударной армии) сидели десятки инвалидов с боевыми наградами. Кто-то торговал каким-то старьем, инструментами; кто-то предлагал погадать с помощью морской свинки (небольшой, чуть больше мышки): свинка вытаскивала маленькую скрученную бумажку с текстом, «угадывавшим» судьбу. Многие просили милостыню.

Примета первых послевоенных лет – в школу пришли учителя в военной форме. В нашей школе это – Василий Иванович Рудометов (директор), Алексей Михайлович Сапунов (наш любимый классный руководитель, учитель физкультуры, а позже – знаменитый физик, преподаватель Загорского филиала приборостроительного института), Константин Федорович Сергеев – наш «Ка Фэ», учитель рисования и черчения. Долго еще не видели мы их в «цивильных» костюмах и запомнили в выцветших гимнастерках с орденскими планками.

Мы – дети войны. Кто-то сказал очень точно, что наше детство опалено войной. Прошло уже очень много лет со временем ее окончания – жизнь целого поколения. Но память о пережитом всегда живет в нас. И сколько бы десятилетий еще не прошло, будет жить память о том, как труден был великий подвиг нашего народа, какой была для каждой семьи Победа.

Палагин Юрий Николаевич

Почетный гражданин Сергиево-Посадского района,
член Союза писателей России,
автор 4-х книг о русских и зарубежных писателях,
посещавших Сергиев Посад в период с XIV по XX век

Лучше трудно, чем нудно

О начале войны я узнал от взрослых, приехавших из Краснозаводска. Там из репродуктора они услышали, что Германия вероломно напала на Советский Союз. Мне было непонятно, почему женщины так отчаянно, горько заплакали, а мужчины посупровели. Невдомёк мне было понять, что эти дяди и тёти знали, что такое война, что они жили в Первую мировую войну и на себе испытали все ужасы – голод, смерть близких, разрушения, похоронки, плен, дезертирство. Ничего подобного я в своей крохотной жизни не испытывал, и события двадцати семилетней давности казались мне такими далёкими, как Куликовская битва или война 1812 года.

Мой друг по деревне, ровесник, в 90-е годы прошлого века перебравшийся от нужды на жительство из Тамбовской области в Закубежье, вспоминал о голоде в войну. Есть нечего, вся надежда на картошку. Мать, уходя на работу, наказала ему и его брату вырыть картошку. «Мы с ним взялись копать. Копали, копали, собирали, собирали, надоело, устали. И мы, вот дураки-то какие! Стали выдергивать ботву и отбрасывать в сторону. Все повыдергивали и гулять. К ночи пришла измотанная мама, спросила про картошку. «Да, мам, всю выкопали». «Вот какие вы у меня молодцы!» – похвалила мать и заснула. Утром вышла в поле посмотреть, да так и ахнула, ботвы нет, а вся картошка в земле осталась. Уж она ругала нас по всем статьям, чуть не била, плакала, а мы стояли, головы опустили и молчали».

До войны высоко в небе над нами иногда проплывали беззвучные дирижабли, пролетали небольшие тарахтящие самолёты. Бабушка по старинке называла их аэропланы. Мы, детвора, радовались, махали им, кричали во всё горло, а потом рассказывали и хвастались, что лётчик именно нам помахал рукой.

Началась война. Мужчины ушли на фронт. Наш детекторный радиоприёмник забрали. Немцы рвались к Москве. Небо на западе озарялось всполохами взрывов, слышался отдалённый орудийный гул – канонада. Говорили, что немцы бомбили Бужаниново.

В Ивашково, где я жил с мамой при школе, было тихо. Пионерских лагерей в лето 1941 года не было. Барский трёхэтажный дом стоял пустым. Две длинные застеклённые веранды у парка тоже пустовали. Над имением, рядом с барской конюшней и коровниками, возвышалась высокая бетонная силосная башня. Там в счастливые годы пионерских лагерей динамо-машина вырабатывала электричество. Ниже имения гудело шоссе. Нескончаемым потоком шли от Ярославля грузовики, гружёные шинами, а им навстречу из Белоруссии, в глубь страны, гнали стада коров. Погонщики были голодные, измотанные. Ели сырую картошку, сидя на бруствере, а коров берегли. На Двориках (в киломetre от Ивашково), куда я бегал в многолюдный дом Алексея Павловича Андреева, было не протолкнуться. В сторону Александрова впритык стояли автомашины, ожидая, когда застрявшая впереди машина выберется из грязи. Ярославское шоссе не отдыхало ни днём, ни ночью. По обочинам – тоже машины, порожние и гружёные телеги с товаром, железные бочки, толпы народа, солдаты....

Помню мягкий, солнечный августовский день сорок первого года. Мне семь лет. Я играю у дома. И вдруг, откуда ни возьмись в этой мирной тишине всё небо наполнилось враждебным чужим звуком. Я, как зверёк, встрепенулся, насторожился, сжался. И тут я увидел того, кто гудел над нами, – немецкий самолёт. Он летел низко и строчил из пулемёта. Я даже увидел самодовольное, ухмыляющееся лицо лётчика, уже хозяина нашего неба, уже победителя – фашиста. Из дома выскоцила испуганная мама, схватила меня, прижала к себе, не зная, куда меня спрятать. Мимо проезжал знакомый мужик на телеге, нахлестывая лошадь. Мама бросилась к нему, кинула меня в телегу со словами: « Отвези его в Березино (соседняя деревня)!» Она боялась, как бы немец не стал бомбить Ивашково, строения которого он мог принять за военные склады. К счастью, фашист улетел, и я пришёл домой.

«Помню, – вспоминает этот день моя подруга детства Аля, – лето, целые Дворики скота, коровы, и на кюветах сидят солдаты, забинтованные, отдыхают, откуда-то с фронта везут. У кого голова забинтована, у кого – рука, много-много солдат. Ещё возле нашего дома полу-

торка какая-то стояла, тётя Валя (дочь деда) у нас была сочинская, а тётю Веру уже разбомбило. В их дом попала бомба, когда Бужаниново бомбили, Веру с грудной Светой и обгоревшим тряпьём, её муж, начальник станции Бужаниново, привёз к нам на Дворики. Тётя Вера сидит, вся контуженная на печке, а Света только родилась. В это время привезли цистерны пустые, они стояли вдоль дороги по всей деревне. И вдруг пришёл к нам солдат и говорит: «Дайте ведро, картошки сварить». Бабушка ведро дала, потом меня за ним послала принести. Я пошла за ведром. Летит самолёт, как кукурузник, низко, вот настолько, что я увидела лётчика, шлем на нём кожаный, очки, как у осьминога, и оскал зубов, и строчит из пулемёта. Я как заорала и помчалась прочь изо всех сил: «Дедушка, поедем в Михалёво!» (я когда раньше слышала канонаду, дедушка мне говорил, если немец подойдёт к нам близко, я вас в Михалёво отвезу). Надо мной до невест смеялись потом. А солдат за мной бежит, схватит меня, бросит в борозду и ляжет на меня, закрывает меня своим телом от пуль. А я вскакиваю и опять бегу. Он меня опять бросит, а я всё ору: «Дедушка, поедем в Михалёво!». Так и добежала до дома. Прибежала, а там уже всех собирают, бабушка Свету заворачивает в одеяло, побежали в лес. Сели под ёлку, и бабушка вспоминает, что забыли кашу для грудной Светы. Только Мирошин побежал в деревню. Мама пришла, она работала в больнице поваром. Только вышла из кухни прямо ей у ног две пули упали. Немецкий лётчик за Изабеллой Владимировной Мираковой охотится. Она вышла в белом халате, идёт в больницу из своего дома. Он за ней летает, она вокруг дуба бегает, а он за ней строчит из пулемёта. Он очень долго так летал, потом улетел за бомбами. Побил много коров, начали мясо варить. Хлеба нет, а мяса!...»

Мой друг Витя Петров тоже помнит, как немец прилетал: « До мельчайшей помню! Это невозможно, нельзя забыть. По шоссе из Ярославля шли и танки, которые останавливались в Двориках, а мы лазили по ним, а танкисты говорили нам о преимуществах «КВ» или «ИС». От Москвы гнали стада не только из Белоруссии, но и из Смоленской области. Немецкие самолёты их обстреливали из пулемётов. Наши солдаты их не сбивали, потому что был приказ не выдавать присутствие воинских частей. Лёшка Румянцев и его отец Иван начали рыть яму, бомбоубежище. Прилетел самолёт – разведчик немецкий, стал стрелять, Лёшка с отцом в лес побежали, остались целы. А мы прятались от пуль на печке под периной».

«Голодали страсть как, – рассказывала Ира. – Вот пойдём траву рвать, лапочки (сныть), нарвем их, принесём домой. Мама большой чугун сварит на два ведра, наложит всем этой травы, а мы едим. Вот так на траве и жили, крапиву, правда, не ели, ее все приезжие из города в столовую рвали. Четыре года у нас нигде крапивы не было, с корнями

ее «что ли» вырывали. Крапиву сушили, толкли, мешали с отрубями и пекли лепешки.

Бывало, пойдем к сестре Мане в Михалево, а это 20 км от нас. Там мамина вся родня, все двоюродные, все ходили туда на хлеб менять. А у нас чего менять? Ребятишек только. Нас там накормят досыта, чаем напоят, ведро картошки дадут, каравай хлеба.

«Шпионы» у нас объявились

— вспоминает Виктор — цель у них была одна — Краснозаводск, военный завод, который выпускал патроны. Спускали десант, они высматривали, кто там работает, где он. Но их ловили. Завод сверху не виден, он весь в лесу, одна труба возвышалась, но ее закрасили краской защитного цвета. Одно здание было видно — ФЗУ. Самолеты кружили над ним, бомбили, но оно уцелело, угол только обвалился, и никто не пострадал. Его сразу восстановили. Недалеко девушки-зенитчицы были и когда объявляли воздушную тревогу, они, заметив бомбардировщиков, первыми кидались в бомбоубежище, показав всем пример, как надо спасаться. Но их не наказали, поскольку они своим бездействием спасли завод. Если бы они ответили огнем, то показали бы, где находится объект.

Я помню, как в здании нашей школы расквартировался отряд солдат на ночевку.

Прошел в народе слух, что будто бы Сталин сказал, что через четыре месяца война закончится, враг будет разбит. Но войне не было конца. В первый год войны мы донашивали, доедали, использовали нажитое передвойной и жили по принципу «голь на выдумку хитра». Пропало мыло, его заменили щелоком, кипятили воду с золой, этим раствором мыли голову, в нем стирали белье, но все равно появились вши. Горячим утюгом проглаживали каждый шов, уничтожая вшей и гниды, вычесывали их из волос частым гребешком, смазывали керосином. Со вшами воевали до конца военного лихолетия и в последующие пять лет нагольной бедности.

Проходились кастрюли, на дне сквозили дыры. Мама брала тряпочку, на одном конце завязывала тугой узелок, а свободный конец скручивала так, чтобы он пролез в дырочку, и, воткнув его изнутри в кастрюлю, снаружи вытягивала до упора. Лишнее отрезала. На горячей плите эти тряпочки — затычки не сгорали, потому что в кастрюле всегда была вода.

Возить воду в бочках с Карповкой стало некому. Приходилосьходить с вёдрами к роднику у реки Дубны. Я еле дотаскивал до дома по полведра в обеих руках. Зимой растапливали на печке снег. Для стирки и прочих хозяйственных нужд воду брали из пруда.

О спичках и не мечтали. Удобнее всего было сохранить тлеющие угольки в печке, разгрести утром золу, раздууть огонек, зажечь бумажку и ею поджечь лучину. Старики, индевельые, с сосульками на усах, заходившие к нам погреться и поговорить, присаживались к горящей печке, сворачивали цигарку и прикуривали от сверкающего уголька, который вытаскивали голыми руками прямо из печки. Меня, 7-8 летнего, поражало их мужество.

Одежды не было. Все, что я носил в годы войны и до 50-х годов, шилось мамой, вплоть до головных уборов и обуви. Вместо галош на бурки натягивались так называемые «лягушки», склеенные из старых автомобильных камер. В такой обуви я один щеголял в округе.

В деревнях доставали с чердаков жернова, прядки, ткацкие станки. Сами перетирали зерно в муку, сами сучили нитки из овечьей шерсти и льна, сами пряли ткань и шили одежду, сами вязали крючком носки, варежки, поддергайки или душегрейки. В ход также шли нитки от изношенных трикотажных вещей.

Приноровились экономить дефицитный керосин. Лампы со стеклом заменяли коптилками, моргушками, гасками, названия которых говорили сами за себя: они постоянно коптили, моргали, гасли, требовали неусыпного наблюдения и ухода.

Нож у нас был один, с деревянной ручкой. За войну полотно его износилось, стало узким. Мама не могла нарадоваться, когда кто-то из знакомых сделал ей из ножовочного стального полотна небольшой острый ножичек с обмотанной тряпками ручкой.

Редко-редко у кого в деревне были наручные карманные часы. В доме у нас всегда висели ходики. Ходили они, когда как, приблизительно.

Городские жители ходили по деревням с поношенной одеждой, постельным бельем, обувью и меняли их на хлеб, муку, картошку.

Пропал сахар и всякие сладости. На рынке в Загорске продавался сахарин в пакетиках. Пакетики были похожи на порошки, расфасованные в аптеках. Добраться до Загорска было нелегко. На рынке чего только не было! Мама обычно просила знакомых купить ей лавровый лист

Ранней весной мы ходили по оттаявшему картофельному полю и собирали оставшуюся с осени картошку.

Весной мы ждали как манны небесной появления крапивы, сныти, щавеля и дудок, чтобы варить щи. Подбитые сырьим яйцом, побеленные молоком, эти щи съедались за милую душу. А вместо хлеба — вареная картофелина. Нашему детскому здоровью помогали зрелые ягоды шиповника и боярышника. От черных ягод черемухи на языке обрашивался толстый нарост, который приходилось соскабливать зубами.

Ближе к лету, мы, ребятня, ели все! Скользкие почки липы, березовый сок, вязкую смолу, дудки, молочай, щавель, дикий чеснок, нижние мягкие концы осоки из пруда. С охапками этой травы мы садились на крыльце или на завалинке школы и сжирали эту охапищу. Наедались до отвалу малиной и пирогами из нее, завернутыми в малиновый лист, ели недозревшую черную смородину, зеленые кисло — горькие одичавшие яблоки.

У нас с мамой были карточки на хлеб. Давали его очень мало.

1941 год не только начало Великой Отечественной войны, но и начало моей учебы, продолжавшейся с перерывами без малого 20 лет.

Я жил при начальной школе. На переменки бегал домой. Услышав звонок на урок, бежал в класс.

В период между началом войны и последующими событиями мы с подружкой Зойкой ездили в Загорск продавать сморчки в компании женщин на какой-то машине. С большими корзинами мы вставали у ворот на рынке. Кто ни подходил, все покупали.

Только и слышно было о похоронах, о пришедших с войны покалеченных мужчинах, о пропавших без вести, о дезертирах. (Еще одно спасение от смерти на войне, говорили в народе — это сдаться в плен (мы теперь знаем, как издевались фашисты над пленными и как жестоко называли их на Родине)).

и сахарин. Весной нас выручал сладкий березовый сок и кленовый. Совхоз иногда выдавал отруби, жмых, технический рыбий жир, техническую глюкозу, крупного помола грязную соль и пареный овес.

Всю войну мимо нашего дома (школы) ходили к тургеневской гадалке группами и поодиночке женщины со всего Союза узнать, где их сыновья, братья, мужья, родственники, что с ними. Несли гадалке деньги и все самое лучшее из еды.

А мама ждала весточки с фронта от сына и моего брата Бориса. Он из Мытищинского техникума ушел добровольцем на фронт. 30 декабря 1943 года он прислал поздравление с Новым Годом, сообщил, что находится в Ленинграде, учится на радиостанции. Присыпал и другие письма, сообщал, что жив и здоров, просил маму писать обо всем. Писал, что как приятно и тепло на душе, когда получишь весточку из дома, а особенно в настоящее время. Очень просил не беспокоиться о нем.

По летам я и все мои сверстники работали в совхозе. Агроном Малышко отмеривал обработанные нами участки, не шагалками, а своими шагами.

За работу нам платили. Я в свои 11 лет, как взрослый, расписывался напротив своей фамилии в платежной ведомости и получал какие-то деньги.

На рынке в Загорске после Войны появились тряпичные кучи, каждая вещь из которой стоила всего один рубль. Люди копались в ней, вытягивая то косынку, то ватник, то штаны. По базарным дням в Загорске было не протолкнуться, особенно у рынка. Пахло рассолом, кислой капустой и жареными семечками, от запаха которых мы не избавились до сего дня.

А сколько безногих, отвоевавших молодых солдат ездили на плоских тележках с колесиками на подшипниках! Они отталкивались от земли руками в толстых варежках, обшитых снаружи кожей (чтобы быстро не изнашивались). Остановятся, положат на землю шапку и просят милостыню. На эти деньги кормились и выпивали. Говорили, что у них есть хозяин, которому они отдают часть выручки и который их содержит в своем доме и по утрам вывозит на улицу.

Дети с рынка шли с тряпичными мячиками на резинке, взрослые несли в руках яркие букетики из крашеного ковыля и с модной картиной на kleenke, где были намалеваны лебеди среди камышей и лилий и сидящая на берегу красавица.

Окончание Великой Отечественной Войны я запомнил. Я шел от Красного барского дома к себе. Смотрю на школу и вижу на крыше ученика. Он размахивает руками и кричит во все горло: «Война закончилась! Гитлеру капут! Слава Жукову!». Помню, что в эти дни меня возила в Москву к своим знакомым тетя Варя из Загорска, смотреть салют Победы. Салют был виден из окна.

Тюрьмы не стало, война закончилась. Но окончание войны никак не отразилось на нашей жизни. Наоборот, два послевоенных года были самыми голодными и трудными. Если в войну было все для фронта, все для Победы, то теперь все шло на восстановление разрушеннойвойной страны.

Палаташ Нина Дмитриевна

О годах войны

Я родилась 9 сентября 1933 года во Владимирской области, Александровского района в деревне Жуклино, которая находится в 75-ти километрах от Москвы.

Я, будучи ребенком, не сразу поняла, что означает слово - война, но хорошо помню, как провожали на фронт мужей, сыновей, братьев. Женщины и дети плакали. В деревне остались одни женщины, дети да старики.

Вскоре после начала войны стали приходить письма с фронта. Все с нетерпением их ждали, но вести не всегда были радостными. Иногда приходили письма с извещениями о том, что их сын или отец геройски погибли на фронте.

Враг приближался к Москве. В деревни было установлено дежурство по ночам. Следили, все ли жители соблюдают маскировку. Надо было плотно занавешивать окна в ночное время, что бы свет не проникал на улицу. Свет был тусклый, лампы заправляли керосином, но его часто не было. В целях экономии пользовались коптилками. Стекла окон заклеивали бумагой, чтобы не разбились во время бомбёжки. Москву стали часто бомбить, особенно по ночам. Мы выходили на улицу и видели пылающее небо. Было страшно смотреть на эти пожары. Небо освещали наши прожектора, наблюдали за приближением немецких самолетов. Предупреждали население об опасности. Иногда немецкие самолеты сбрасывали бомбы, не долетев до Москвы, на другие населенные пункты. Однажды недалеко от нашей деревни фашисты сбросили две бомбы, от их взрыва разбились стекла в окнах. Наутро мы, дети, бегали смотреть на бомбы, которые упали. На месте падения были огромные две ямы, вокруг были сломаны деревья и груды земли. Мы находили там огромные, тяжелые осколки бомб. Они были тяжелые, из толстого чугуна. Один небольшой осколок я долго хранила, но потом потеряла. Я помню, что через нашу деревню шли пешком, ехали на подводах беженцы. Среди них было много детей, старииков. Некоторые семьи и коров вели, привязанных к телеге. Люди были уставшие, полуголодные. Жители нашей деревни сочувствовали им, но большой помощи не окажать. Помогали, кто, чем мог. Помню, как моя мама дала им картофель и какую-то теплую кофту. Кто угощал огурцами, кто яблоками. Хлеба у нас не было.

Потом через деревню шли солдаты, шли в сторону Загорска, а некоторые части квартировались в деревне. Они в лесу рыли окопы, укрытия на случай, если придется воевать в нашей местности.

У нас в доме жил офицер. Он мне подарил кружку. Подарку я была рада и долго его хранила. На другой год войны я пошла в школу, вместо портфеля у меня была сумка, которую сшила мама. Летом все ученики помогали взрослым работать: сушить сено, пропалывать поля от сорняков, выдергивать лён, связывать в снопики и ставить их просушивать. Снопы потом молотили вальками (деревянными лопаточками). Семя льна сдавали государству или делали из него масло, а оставшийся жмых делили между колхозниками. Летом собирали грибы, ягоды. Питались, кто, чем мог. Вместо сахара была сушеная морковь, свекла. Весной я со своими сестрами ходила в поле собирать мороженую картошку, которая оставалась на зиму под снегом. Рабочих рук не хватало, чтобы убрать весь урожай. В зимнее время многие женщины и дети вязали носки и варежки для фронта. Пряжу выдавали за 12 км от нас. Ходили туда пешком. За месяц надо было связать 24 пары носков или варежек. Я помогала вязать старшей сестре. Моя норма была одна варежка или носок в день. Другая, старшая сестра, шила для фронта теплое нижнее белье и телогрейки. За выполненную работу давали хлеб, яичный порошок, сахарин. Норму я не помню.

В школе учиться было трудно. Одежда была старая, доставшаяся от старших сестер. Занимались в верхней одежде, в школе было холодно. Топить печи было нечем. Дрова готовить было некому. Тетрадей не хватало. Часто писали на газетах, оберточной бумаге. Но мне однажды повезло: старший брат прислал мне несколько листов блокнотных. Он служил на дальнем востоке, на границе с Японией, был ранен.

Чернила делали сами из сажи или свеклы. Был у нас урок "военное дело". Проводил его солдат, пришедший раненным с фронта. Объяснял нам устройство винтовки

И вот наступило долгожданное время. Придя в школу 8 мая 1945 года, мы от учительницы узнали, что война закончилась. Все ученики с радостными криками побежали по домам, чтобы обрадовать родителей и соседей. Люди выходили из домов на улицу, радовались и плакали. Много погибло наших односельчан. В моей семье погибли три родственника: Романов Семен Алексеевич, Романов Сергей Семёнович, Борисов Павел Иванович.

Вот и все, что я помню о годах войны.

В настоящее время нахожусь на пенсии. Помогаю растить внуков и правнуоков. Живу одна в однокомнатной квартире. Дети живут рядом. Жилье получили от птицеводческого совхоза ППЗ Смена.

Папирная Анна Ивановна

Воспоминания

1946 год

Мне было 12 лет, когда началась Великая Отечественная война 1941-1945 гг, и я оказалась в оккупированном немцами городе Изюм Харьковской области. Многих мужчин взяли в армию, другие ушли в партизаны. Женщин, стариков и детей немцы сажали в машины и увозили из города.

Я решила спрятаться и побежала в сарай, но за мной погнался немец и бросился на меня. Вдруг я увидела топор, схватила и ударила немца по голове. Выбравшись из сарая, я убежала в дом, и молча показывала маме, которая держала на руках братишку Сашу, на сарай. Сказать я ничего не смогла, потеряла голос. Когда мы зашли в сарай, то увидели убитого немца. Мама закрыла его соломой, а ночью выкопали яму и похоронили его.

Когда в четвертый раз сдавали город, оставшихся людей посадили в вагоны и увезли в Сибирь. Наша семья тоже уехала.

Привезли нас в город Томск в декабре 1941 года. Там я пошла работать на завод стратегического значения.

А когда Красная армия в 1943 году пошла в наступление, завод переехал в город Загорск, где люди продолжали работать по 12 часов без выходных и спали по 2-4 часа в сутки, не жалея сил и здоровья. Все для фронта, все для Победы!

Однажды в 3 часа ночи по цеховому радио нам велели выключить станки. Диктор сообщил радостную весть: «Товарищи рабочие, поздравляю вас с Победой!»

С 1941 по 1945 гг погибло очень много людей, казалось, что вся земля была залита кровью. После Победы я продолжала работать на заводе, несмотря на тяжелое состояние здоровья, осваивая новые специальности, и была передовиком производства. Мой труд оценили грамотами и медалями. На своем заводе я проработала с 1943 по 1997 год.

После войны мы быстро стали строить города и села, которые были полностью разрушены войной. В 1947 году отменили карточки и жизнь становилась все лучше и лучше.

Пахлян Валентина Ивановна

Тяжёлое отступление

Я родилась 8 марта 1932 года в деревне Фонинское Нагорьевского района Ярославской области в крестьянской семье. Кроме меня в семье были еще два брата: Владимир и Анатолий. Когда мне исполнилось пять лет, семья переехала жить в деревню Машино Загорского района Московской области. Родители работали в колхозе, норабатывали очень мало. Братья учились в школе. Когда началась война, папу забрали в армию. В армии он был зенитчиком и прошел путь от Москвы до Бреста. Был несколько раз ранен, но быстро возвращался в строй. Старшего брата тоже забрали на фронт, но его ранило и он по инвалидности вернулся домой.

О военных годах у меня остались воспоминания об отступлении наших войск, когда немец подходил к Москве. Наш дом был крайним в деревне, и двери дома не закрывали, так как наши воины заходили к нам домой, чтобы погреться. Каждую ночь у нас было полно народу.

Мама готовила нас к эвакуации, так как немец подходил к городу Дмитрову. Но в это время все стало меняться, наши войска погнали немцев от Москвы, и мы остались жить в своей деревне.

Во время войны жилось очень голодно, хотя мама работала в колхозе без выходных с утра до ночи. Она была бригадиром. Мужчин в деревне не было, всё приходилось делать женщинам и подросткам: сажать картошку, сеять зерновые, свеклу, капусту и так далее, а затем осенью нужно было все собрать и отдать государству. А жили мы за счет своего огорода, где сажалось все, чтобы не умереть с голода. Мы держали корову, а я, ученица 4 класса, ездила в Москву продавать молоко. На вырученные деньги покупала отруби, из которых мама пекла лепешки. Уроки учить было некогда, пропусков было очень много, а поэтому и знания наше поколение получило плохие. Окончив 4 класса в Семхозской школе, уже после окончания войны, мы, 4 девочки из Машино, поступили учиться в 5 класс в женскую школу № 4 г. Загорск. После первой четверти я осталась учиться одна, так как остальных отправили обратно в Семхозскую школу, потому что не было знаний за 4 класса. Меня оставили в Загорской школе, так как у меня по математике за первую четверть была тройка. Затем я постепенно стала заниматься лучше, учеба налаживалась, но, когда я училась в 6 классе, родители после войны решили переехать в Калининградскую область. Там я окончила 7

классов, затем Калининградское педучилище. После окончания меня послали работать в Саранскую семилетнюю школу учителем математики, обязав поступить на заочное отделение в Калининградский пединститут. Но, проработав один год, я по распределению попала работать в Алтайский край.

Это были замечательные годы. С работой получилось хорошо. Там я вышла замуж за хирурга Пахляна Рачика Месроповича. Родила двух сыновей: Игоря и Сашу.

В 1967 году по семейным обстоятельствам мы переехали жить в село Константиново Московской области Загорского района. Муж работал хирургом, а я учителем математики в Константиновской средней школе. В 1978 году нам дали квартиру в поселке Новый, и я решила перейти работать в Шеметовскую среднюю школу. Здесь мне присвоили звание «Отличник народного просвещения». Проработала учителем 46 лет. В 2001 году ушла на пенсию, но веду активный образ жизни.

Работа учителя очень трудна, но и очень интересная. И, если бы мне пришлось жить заново, я выбрала бы работу учителя математики.

Пахлян Рачик Месропович

Спасибо за помощь

Родился я в Грузии, в селе Хандо Алхалкалакского района 11 января 1935 года. Невозможно представить, как я прожил детские годы, как я выжил. Кроме того, что была бедность, еще и отсутствовали родители. Мать умерла после родов, отца в 1937 году посадили, как врага народа. Остался я на попечении сестер. Сильно заболел гнойным воспалением кости левой ноги. В семье четверо детей. Старшего брата Арутюна в 1943 году забрали на фронт, только после войны узнали, что он погиб в районе города Изюм на Украине.

Ходил семь лет в длинной майке, так как не было одежды. Надеялся на подножный корм, весной ел траву, ягоды. В 1943 году пошел в школу. Не было ни чернил, ни тетрадей, ни учебников, вместо тетрадей - газетная бумага. Помню солнечный день. Приехала грузовая машина, и мужчина с красным флагом объявил, что войне конец.

В июне 1946 года вернулся из заключения отец. А в 1949 году нашу семью, отца, меня и сестру Марусю, выслали в Алтайский край, причину не знаю.

С 1949 по 1967 год жил в Алтае. Народ очень хороший, соседи дава-

ли одежду и обувь. В колхозе «Новый» поселились у хозяйки. Русского языка не знал, поэтому посадили в седьмой класс. Язык я выучил за два года.

Отец работал в колхозе, возил воду на буйволах, а я помогал ему, потом он тяжело заболел, лежал в больнице и вскоре умер. Сестра работала в колхозе. Я помогал хозяйке, обрабатывал огород. Сибиряки принимали меня как родного. Закончил десять классов в девятнадцать лет, благодаря отзывчивым учителям, которые кормили сироту. Поступал в Барнаульский сельскохозяйственный институт, но не хватило одного балла, поэтому поступил в Барнаульский медицинский институт, который закончил в 1960 году. По распределению попросился в поселок Колывань Кургинского района. Жители поселка мне также помогали в тяжелые годы. В 1966 году по семейным обстоятельствам переехал в Загорский район Московской области. Работал в больнице села Константиново до 2007 года. Имею награды: Орден дружбы народов, Значок победителя соцсоревнования, Почётный ветеран Подмосковья. Всю жизнь я работал для русского народа, которому я благодарен за помочь в самое тяжелое для меня время.

Пашкова Елена Ивановна

Я родилась 8 апреля 1940 года в городе Харькове (Украина) в многодетной семье. Войну не помню, на начало войны 1941 года мне был 1 год. Что может помнить годовалый ребенок? Но я сполна разделила все тяготы «детей войны». Отец мой, офицер «советской армии», был с первых дней войны мобилизован на фронт. Мама оставалась с детьми в Харькове до фашистской оккупации, во время которой он был полностью разрушен. Все, что творилось в Харькове, знаю со слов мамы. Бесконечные бомбардировки, спасение в бомбоубежищах, колонны евреев, которых гнали на смерть вместе с детьми и скучными пожитками на поле около завода ХТЗ (Харьковский тракторный завод). Их вели на смерть, заставляли рыть землянки, но это они сами рыли с усердием могилы, в которых их тут же закапывали после расстрела. На балконах болтались повешенные. После одной из бомбардировок, когда мама с детьми вышла из бомбоубежища, дома нашего не было, были лишь руины.

Была удивительная сплоченность, доброта, люди помогали друг другу. По несколько семей ютились в квартирах уцелевших домов. Но их становилось все меньше. Мама от отчаяния взяла детей, обмотала уцелевшими тряпками, чудом добралась до Курска, а потом в деревню

Толстый луг, на родину отца, где была жива еще бабушка, которая жила с семьей папиного брата, погибшего в первые дни войны. А скоро в деревню пришли фашисты, которые грабили и съедали все, обрекая детей на голодную смерть. Мне уже было три года, и это время я немного помню. Мне постоянно хотелось есть, а доставалось, как самой маленькой, меньше всех. Чтобы я не чувствовала голода, мама мне сделала соску из тряпки, в которую был завернут мякиш хлеба, и я его сосала. Этот вкус я помню до сих пор. Сахар и конфеты заменяла сахарная свекла. Из одного пекла попали в другое - это была знаменитая курско-орловская дуга. Маленькие дети должны играть, а моими игрушками было то, что я могла найти под ногами - цветные стеклышки, камешки, куклу мне сшила старшая сестра из тряпочки, маленькую, ведь шить было не из чего. Одежды не было, дети гуляли по очереди.

В 1945 году, после победы, мы вернулись в Харьков, где нас приютила родственница. Мы жили в неотапливаемом чулане, к полу промерзала тряпка. Спали все на одной кровати не вдоль, а поперек. В ногах была скамья. В 1946 году после долгого молчания, приехал в отпуск отец и перевез нас в съемное жилье, где мы прожили до 1958 года.

В 1947 году я пошла в школу, часть которой была восстановлена. Другую часть мы, дети, восстанавливали вместе со взрослыми: выносили обломки, убирали мусор, конвейером подавали кирпич. Во втором классе я училась уже в полностью восстановленной школе. Почти весь Харьков был восстановлен за это время, был удивительный энтузиазм. Хотя начался голод, но люди трудились, помогали друг другу. Только в 1958 году мы получили свое жилье в частном секторе. Родителям приходилось достраивать, но это уже было свое.

После окончания школы я поступила в Харьковский государственный университет имени Горького, на факультет романо-германских языков и литературы, который окончила в 1964 году. Вместе с мужем - военным мы были направлены в Таганрог. Я работала в школе сначала учителем иностранных языков, затем завучем по воспитательной работе. Это были самые счастливые годы в моей жизни.

С 1973 года живу в Загорске, теперь в Сергиевом Посаде. Работала пятнадцать лет инспектором горено, затем до 1994 года учителем иностранных языков в школах города. С 1994 года на пенсии, но это уже другая страница моей жизни.

Хочется отдельно остановиться на страшном эпизоде военных лет, о котором мне рассказала мама. В деревне у бабушки, куда мы попали из Харькова, нас было шесть детей: старшей десять лет, мне, самой младшей - три года, среди нас была двоюродная сестра Элла, которая на лето приехала из Ленинграда к бабушке. Мама у нее была еврейкой, и кто-то ее выдал. Мама ее спрятала от фашистов в стог, когда увидела,

что за ней идут. Фашист поставил всех нас в ряд во главе с мамой, предупредив, что сначала расстрелят всех детей на ее глазах, а потом ее. Искали сестру в доме, во дворе, подошли к стогу. Стали тыкать в него штыком. По счастливой случайности ни один укол не ранил сестру, и, таким образом, все мы были спасены. Потом часто все плакали и вспоминали этот эпизод. А таких жутких эпизодов пережили дети во время войны тысячи. Очень много детей умерло от голода, были расстреляны, замучены или живьем сожжены. Нам, оставшимся в живых, нужно рассказывать об этом своим детям, чтобы они знали цену жизни.

Перегудова (Шумова) Светлана Александровна

О военных годах

1. За неделю до начала войны.

Война уходит от нас все дальше и дальше, и ветеранов, которые еще могут рассказать о военном времени, остается все меньше и меньше. Лично я отношусь к категории, которая называется - дети войны, поэтому помнить о том времени ничего не могу. Спасибо моей маме, которая, когда мне было уже 9-10 лет, рассказывала, как жили во время войны.

Тогда у нас телевизоров еще не было, черной тарелки тоже не было, а был у нас настоящий приемник - СИ-237, который служил нам очень долго. И мама часто рассказывала, причем, одно и то же по несколько раз. Во-первых, по-видимому, у нее был такой своего рода, способ воспитания, а во-вторых, действительно, кое-что запомнила из ее рассказов. И теперь я хочу поведать о том, как мы жили во время войны в городе Загорске и как мама одна растила нас в те тяжелые военные годы.

В семье было уже двое детей, когда на свет появилась еще и я, причем в самое неподходящее время - за неделю до начала войны. Родила меня мама поздно, на сороковом году, и оказалась я в семье третьим ребенком, ну прямо как в сказке, вот детство-то мое оказалось далеко не сказочным.

2. Эвакуация.

И вот «22-го июня ровно в 4 часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война». В народе-то давно уж слухов ходил, как бы не было войны, да как обычно по-русски все надеялись на «авось», авось обойдется. Но не обошлось.

Так как немцы очень быстро продвигались по советской территории, то крупные заводы подлежали эвакуации, а с заводами эвакуиро-

вали и рабочих. Мой папа на войну не попал по двум причинам: во-первых, он до этого был на Финской войне, где здорово проморозил ноги, а во-вторых, он работал на оборонном заводе.

И вот приходит однажды папа с работы и говорит: «Клава, наш завод эвакуируют, и мы уезжаем». Мама так и охнула: «Саша, да как же так? Как я поеду с тремя детьми, с грудняшкой на руках?» А что папа мог сказать? Война. Оборонный завод подлежит эвакуации, приказ и никаких разговоров. Так папа и уехал, и мы остались одни: мама категорически отказалась ехать. Вот только до сих пор не могу понять того, что завод ЗОМЗ эвакуировали в Томск, а папа, работник этого же завода, был эвакуирован в Саранск и был там всю войну, а ЗОМЗ вернулся обратно гораздо раньше. Тогда я была маленькая и вопросов не задавала, а теперь спросить не у кого: мама, сестра и брат - все умерли.

Сейчас я могу сказать: правильно мама сделала, что не поехала с отцом в эвакуацию, так как те, которые поехали всей семьей с маленькими детьми, ехали в товарных вагонах целый месяц, а ведь была уже зима. В 1941 году она наступила очень рано, и в ноябре были сильные морозы. Ни тазов, ни корыт никто с собой не взял, в чем и где было стирать на грудняшке, да и мало ли лишний они перенесли в дороге. Был даже такой случай: дети остались в вагоне, а мать отстала от поезда, потом догоняла с военным эшелоном.

А мы жили в своем доме, а в своем доме, как говорится, и стены помогают. При доме был огородик, где можно было посадить и морковку, и свеклу, и лучок, и картошку-все какое-то подспорье в те голодные военные годы.

3.Портниха.

Хочу сказать что моя мама была настоящей русской женщиной. Нет, в горящую избу она не входила, однако в ее жизни были и революция, и НЭП, и голод, и тиф, в молодости она попала в железнодорожную катастрофу,тонула в Черном море - и все было пережито. «Так что,- сказала мама,- и эту беду как-нибудь переживем».

В магазинах тогда уже ничего не было, кроме ржавых селедок и хлеба, который выдавали по карточкам: 400 г. на человека, нас было четверо. Сестра ходила за хлебом и просила, чтобы дали буханку поменьше и довесок. Буханку мама на рынке продавала и покупала мне кружку молока.

На рынке можно было купить все, но для этого нужны были деньги. Моя мама была портнихой, очень хорошей портнихой, т.е умела шить все. До войны у нее были заказчицы не только в Загорске, но и в Москве, она даже шила платья некоторым актрисам. Мне даже запомнилась одна фамилия - Гельцер, кажется, она была балериной. Но когда началась война, дорогу на Москву закрыли, и мама не смогла уже ездить в Москву.

Однако платья женщины шили и во время войны, конечно, кто мог себе позволить. Да еще тогда была такая мода: по подолу платья (шестиклетки) вышивать «горохом». Мне даже цены запомнились: за пошив платья - 500 руб., за вышивку - 300 руб., столько же стоила кружка молока. Вышивала - моя сестра, ей тогда было 14 лет.

Хотя мама и была портнихой, однако у меня до самого окончания школы не было ни одного выходного платья. Сестра Рита в то время уже работала и училась в Москве, и мама ей шила платья. Зато на выпускной бал мама сшила мне самое красивое платье из крепдешина цвета чайной розы.

Прошло лето, наступила осень. На наше счастье, в огороде уродилось много картошки, и была она такая крупная, какой доселе никогда не было. Первую военную зиму мы еще кое-как перезимовали, там мне год исполнился, а сестра и брат были намного меня старше.

4.Черемуха.

Но приходит такое время, когда все кончается: и припасы, и деньги и наступает, так называемый, черный день. Но была весна и, несмотря ни на что, цветла черемуха. Мама оказалась еще и предприимчивой женщиной. Она наломала этой черемухи целый мешок и повезла в Москву. Куда она с этой черемухой пошла? Только помню из ее рассказа, что ей встретилась похоронная процессия, они купили у мамы всю черемуху, и мама приехала домой с кучей денег.

5.Малина.

Летом выручал не только огород, но и лес. Кода поспевала малина, мама со старшей дочкой Ритой и с кем-нибудь из соседей шла в лес собирать малину, а потом ее продавать. На вырученные деньги на рынке можно было купить все: молоко, манную крупу, мыло, соду, сахар. Правда, во время войны был чаще вместо сахара — сахарин. И однажды получилось очень неприятная вещь по поводу продукта, который мама купила на рынке.

6.Лепешки.

Весной шла в пищу даже сорная трава, такая как лебеда. У нее листочки как будто присыпаны мукою. Эту траву собирали, сушили, перетирали и добавляли в муку, точнее в тесто, чтобы сэкономить муку. А еще в тесто клали соду. Напекла мама лепешек, которые были зеленоватого цвета. Жарила она их на рыбьем жире, но голодным детям эти лепешки казались вкуснее пирожных.

И вот в обед после постного супчика мама дала моим сестре и брату по одной лепешке, а сама съела две, так как она кормила меня грудью. И...отравилась. Оказалась, что на рынке маме вместо пищевой продали стиральную соду. Вот и такое было.

7.Дезертир.

Еще из маминых рассказов вспоминаю такой случай. Моя мама до войны училась на курсах иностранных языков (немецкий) на переводчицу, но тут я родилась, да война началась, и учеба прекратилась. И вот однажды меня годовалую мама оставила с десятилетним братом, а с Ритой и с соседками пошли за малиной.

Ходили они пешком. Ни машин, ни автобусов тогда не было. Ходили далеко, а с собой - то взяли кусок черного хлеба, а больше нечего было взять, да и тот у них отнял немец - дезертир, который вышел из леса им навстречу. Был он весь обросший и голодный. Так как мама знала немного немецкий, она сказала: « Вот тебе хлеба и немного малины, только не убивай нас, у меня дома еще грудной ребенок».

8.Супчик.

Малины набрали много, а до дома еще неблизко. Рита устала и говорит: « Ой, как есть хочется, сейчас упаду». Мама ее уговаривает: «Потерпи, Риточка, скоро мы будем дома». Когда же они, наконец, пришли домой, Женя их встречает и говорит: «Мама, а я супчик сварил». «Ой, Женя, какой же ты молодец, а мы просто умираем с голода, - сказала мама, - а из чего же ты сварил?» «А я нарвал листочеков свеклы, выдернул несколько морковок, луковку, горсточку пшена бросил, вот из этого и сварил». Мама похвала сына, и все с аппетитом съели весь супчик.

9. Скрипка.

Войнавойной, а учеба не отменялась. К тому же маме очень хотелось, чтобы кто-нибудь из детей стал музыкантом. Сама она умела играть на гитаре, у мамы был хороший голос. В молодости она играла в местном Драмтеатре, который потом сгорел.

Мама отдала сына учиться на скрипке к частному учителю Шафранову, который жил на бывшей Первомайской улице, недалеко от почты. Продуктов нет, хлеб по карточкам, и в такое тяжелое военное время мама сумела где-то купить скрипку, да еще оплачивать уроки музыки. Брат проучился у Шафранова четыре военных года. Потом был создан оркестр народных инструментов при Доме пионеров под руководством Иванова Виктора Ивановича, где Женя со своим другом Рафиком играли на скрипках. С этим оркестром они выступали по радио и даже ездили в Москву. (Это уже после войны было).

Потом брат сам выучился играть на аккордеоне, гитаре, саксофоне, кларнете, тромbone, пианино, которое у нас было, сколько я помню себя, и даже на ударных он играл. Это уже в городе был организован «Джаз» под управлением Козлова. Мечта. Но у брата с детства была мечта - стать летчиком. В городе был аэродром, Женя совершил десять прыжков с парашютом. Закончив десятилетку, он поступил в Сасов-

ское летное училище и стал летчиком. Отработав пять лет на Севере, он перевёлся работать в Волгоград, где и прожил с семьей всю оставшуюся жизнь.

М.С. Когтева.

Так как тогда мы жили на Проспекте Красной Армии в квартале между Кооперативной улицей и Болотной, то все трое поочередно учились в школе № 3 им. КИМ и все трое в начальных классах учились у замечательной учительницы Марии Сергеевны Когтевой.

Сестра учились с 1936-1940г., брат – с 1940-1944г., а я пошла в первый класс в 1948 году. Мне повезло гораздо больше, чем им, так как в 1952 году (по-видимому, не было набора в 1-й класс) мы перешли в 5-й класс. Мария Сергеевна тоже с нами перешла и в 5-й; и даже в 6-й. Вела она у нас русский язык и литературу и была классным руководителем.

К 125-летию школы № 3 мы готовили книжку из воспоминаний учеников и учителей. Тогда я попросила сестру, чтобы она написала свои воспоминания о школе. Она долго отнекивалась, а потом все-таки написала аж на 30-ти страницах. В память о сестре хочу привести некоторые строчки из ее воспоминаний.

Из воспоминаний моей сестры Шумовой Маргариты Александровны. В нашу жизнь ворвалась война. Ушел на фронт наш директор Горчилин В.Г. и в первый же месяц погиб. Осталась только память о прекрасном человеке, сердечно относившемся к детям. Осенью 1941 года вместо учебы нас посыпали на работу в колхозы. Мы собирали колоски, копали картошку, а зимой чистили от снега дороги.

В школе было холодно: мы сидели на уроках в пальто, шапках и варежках, у нас мерзли ноги без валенок. Чернила в непроливашках замерзали и вылезали лиловыми пузырями. На уроках математики Алексей Саввич Рыженков, бывший священник, с большой окладистой бородой, заставлял нас писать условия задач, а мы говорили, что замерзли. В ответ Алексей Саввич хорошо поставленным голосом говорил нараспев: «Пи-ши-те, ни-че-го, от-та-е-те!». Он повторял это несколько раз, улыбаясь в бороду, но нас это не смешило. Приходилось писать карандашами, которые все время ломались.

Еще приведу несколько строчек из воспоминаний одноклассницы сестры Асмус Татьяны.

«В те годы школа отапливалась дровами, но директор ушел на фронт и дрова не были заготовлены. Дрова заготавливать пришлось самим учащимся. В лес ездили даже пяти- и шестиклассники, не говоря уже о старшеклассниках. Стояли сильные морозы. Ребята разбивались на пары, у каждой из них были санки, пила и топор. За дровами ездили в район Семхоза, Каляевки (р-н Фермы), за нынешнюю Лакокраску. Там нас встречал лесник, определял делянку, объяснял, как правильно

спилить дерево, как его обработать. Чурбаки укладывались на санки, и двое ребят везли их в школу. Одеты и обуты были кое-как. У меня, например, были мамины ботинки от коньков. Однажды я чуть не отморозила себе ноги. Мальчишки посадили меня на дрова, нагруженные на санки, и бегом повезли в школу. Там я отогрелась на кухне у большой плиты, которая почти всегда топилась.

Чтобы как-то поддержать здоровье детей, в школе каждому давали по кусочку хлеба, иногда на него насыпали по чайной ложке сахарного песку. Для нас это было желанным лакомством, которое с нетерпением ждали на большой перемене.

Помню, что иногда весь класс отказывался от этого завтрака в пользу тех, кто потерял карточки. В таких случаях мы просили буфетчицу не резать буханку, а отдать ее целиком».

Карты.

Хочу вспомнить еще один случай из маминого рассказа, ведь война еще не кончилась, и продукты имеют такое свойство - иногда кончаться. И вот в очередной раз мама с соседками собрались идти в деревню на «товарообмен».

С кем мама ходила и куда они ходили - этого я не помню, но то, что случилось в тот раз, я хорошо запомнила, так как мама рассказывала об этом несколько раз.

Пришли они в деревню, две женщины пошли в одну сторону, две - в другой конец деревни, а через некоторое время договорились встретиться в избе у тети Даши, чтобы потом вместе возвращаться домой. Так мама зашла в одну избу, в другую, наменяла кое-чего и зашла в самую крайнюю избу. Мама уже устала, да и замерзла, дело-то было зимой. Хозяйка оказалась приветливой женщиной, предложила присесть и обогреться. Разговорились, и она поведала, что муж на фронте, да вот уж с полгода нет от него никаких вестей. Мама ей и говорит: «У тебя карты есть?» Женщина с недоумением спрашивает: «Какие карты, зачем?» Мама так ей спокойно говорит: «Обыкновенные карты, игральные, я тебе сейчас погадаю и скажу, что с твоим мужем». Женщина радостно воскликнула: «Ах, ты моя красавица, да ты гадать умеешь».

А надо сказать, что мама действительно была красивой со жгучими карими глазами, с длинной черной косой и очень хорошо умела гадать. Принесла хозяйка карты, мама раскинула их, посмотрела и говорит: «А ты знаешь, муж твой живой и очень скоро будет у тебя на пороге». Женщина очень удивилась и говорит: «Да не может быть». «Ну, может - не может, а карты так сказали, больше ничего добавить не могу», - и мама ушла в тот дом, где должны были собраться товарки. А у той женщины в глубине души поселилась хоть маленькая, но надежда.

Не прошло и полчаса, бежит по деревне девчонка и кричит: «В какой избе меняялы?» Бабы, стоявшие у колодца, показали на дом тети Даши. Вбегает девчонка в избу, хватает маму за руку и тащит за собой. Мама перепугалась не на шутку и говорит: «Да скажи хоть, что случилось-то и куда ты меня тащишь?» Девчонка: «Мне мамка велела вас привести, а случилось то, что папка приехал». Тут уж все так и ахнули.

Пошла мама с девчонкой, вошла в избу и видит: сидит мужчина, а жена его и плачет и смеется от радости - хоть и без ноги, но вернулся муж домой живой. И хозяйка от такой великой радости решила отблагодарить маму. Мама стала отказываться, она никогда ничего за гаданье не брала, но женщина даже слушать ничего не хотела: «Бери, бери, моя красавица, это не плата, я радостью своей с тобой делясь и тебе счастье желаю».

Счастье! А какое оно это счастье и в чем? Когда мама была жива, я не догадалась ее об этом спросить, но уверена, что она сказала бы: «Счастье в детях». Мама вырастила троих детей, имела пятерых внуков и четырех правнуков. Они с мужем прожили до глубокой старости.

А теперь у меня двое взрослых детей, четверо внуков и один правнук, который в этом году (2013) поступил в лицей в первый класс. Жизнь продолжается.

Низкий поклон всем тем, кто отдал свою жизнь, чтобы жили мы.

Петрашев Василий Семенович

Я помню

Родился в 1934 году в г. Ипатово Ставропольского края. В 1958 году окончил речное училище в городе Ростов-на-Дону, в 1965 году - Горьковский институт инженеров водного транспорта.

Год работал на Волге капитаном, с 1966 года в НИИХИММАШЕ, с 1994 года - ведущим инженером на комплексе Байконур. В настоящее время - руководитель судомodelьного кружка станции юный техник «Спутник» г. Пересвет.

Публиковался в газете «Байконур», в альманахе «Слово свитка», в сборнике стихов «Виток Пересвета», поэтических конкурсах «Посадская лира», «Сердце России».

Награжден медалью «За трудовое отличие». Награжден медалями в честь 100-летия В.И. Ленина, в честь юбилея С.П. Королева. Горжусь тем, что моё имя занесено в книгу почёта НИИХИММАША. Присвоено звание «Ветеран космонавтики России», «Ветеран труда».

в

Я помню

Я помню школу у пруда
И баньку совсем рядом.
Скамейка длинная была
За школьным полисадом.

Я помню сверстников, друзей
И класс наш неказистый.
Я помню всех учителей,
За их труды поклон им низкий.
Помню я степной кульстан.
Сладкий сон у зернотока.
Как нас с рассветом поднимал
Наш конюх дядя Головаха.
Ужасно как хотелось спать,
Глаза не открывались,
Но надо, надо, надо встать,
А веки глаз слипались.
Не дали в детстве нам поспать,
Но не до сна нам было:
Лошадок надо запрягать,
Жаль Родина забыла.
Я помню как мы голодали,
Голодной смертью умирали.
Выжить мне случайно удалось.,
Смерть мне встретить не пришлось.
Я в неоплаченном долгу,
Спасибо мама, я тебя люблю.
Я помню общий длинный стол
И повариху тётю Нину.
Жили мы одной семьёй,
А тётя Нина нас кормила.
Запах помню, вкус борща,
Вкус сладкого арбуза.
Вы понимаете друзья,
Ведь то была коммуна.
В клуб привозили к нам кино,
Событие было главным,
Нас удержать не мог никто,
И бригадир наш славный.
В кино бежали мы толпой,
Нас не пугали километры,
Снег с дождём нам нипочём,
Ведь души наши были светлы.
Зою вешали фашисты –
И рыдали мы всерьёз.
Быют в упор врага танкисты.
Мы от счастья не скрывали слёз

Печенко Валентина Петровна

Родилась я в городе Переяславль Ярославской области в 1938 году. Когда началась война, отца, Петра Васильевича Калинина, забрали на фронт. Я хорошо помню, как мама держала меня на руках на призывном пункте. Папа спрыгнул с машины, обнял нас с мамой и на ходу прыгнул назад на машину. Он воевал на 3-ем Белорусском фронте в моторизованной роте. Мы с мамой голодали, собирали гнилую картошку и колоски на поле. Но это было запрещено законом и, если бы мы попались, то неизвестно, что с нами было-бы.

Папа вернулся с фронта после окончания войны с подарком от командования — немецким мотоциклом, на котором мы с наслаждением катались, хотя он очень трещал.

В 1946 году я пошла в школу, она была женская. В 1951 году мы переехали в Хотьково, где папа устроился работать на «Электроизолит» автомехаником.

В 1956 году я, окончив десять классов, выучилась на фармацевта и проработала в аптеке города Хотькова 40 лет, после чего ушла на заслуженный отдых.

Мой сын Лев, когда услышал мои воспоминания о войне, о том как мы её переживали, описал это всё в стихотворении, которое я привожу ниже.

Для мамы (Лев Печенко)

Расскажи-ка ты мне мам о войне,
Хоть ты девочкой была на руках,
Впечатлений детских хватит вполне,
Чтоб ночами приходили во снах.
Как хранила тебя мама твоя,
И как папка твой вернулся живой,
Как бомбёжки миновали поля
По которым вы бежали домой.
Той картошки замороженной вкус,
Зим голодных и спасенье и суть,-
Весь далёкого минувшего груз,
По ночам тебе мешает заснуть.
В твоём сердце сорок первого ран
Не простить, не залечить, не отнять,
Ты теперь для нас для всех ветеран,
Не стесняйся же,- тебе есть что сказать.

Пикалева Нина Ивановна

Я родилась и выросла в Загорске. Несмотря на то, что на начало войны мне было всего 11 лет, хорошо помню её начало. Мы с мамой ходили на рынок. Когда возвращались домой, нам встретился наш знакомый и сказал: «Война!». Все, кто это услышал, побежали в магазины и палатки. Через три часа сестренка пошла купить каких-то продуктов и ничего не нашла, кроме чая в пачках. Полки в торговых точках были пустыми.

Дальше началось то, что можно назвать кошмаром. Мама работала на Трикотажке, дома появлялась только на ночь. А ночью мы ходили в лес за дровами, чтобы не замерзнуть. Я днем искала работу по соседям. Мыла полы, носила воду. И все это за стакан пшеницы, или за отруби, которые считались хорошей пищей.

Мама получала по карточкам 400 грамм хлеба в день. Это конечно не блокадные граммы, но их тоже не хватало. Мы с сестрой ждали приход мамы, надеялись на хлеб. Она приносila немного оставшегося мякиша. Тоже была голодная. Еще помню, как по Комсомольской ходили солдаты и постоянно везли раненых.

Подгорная (Тетина) Нина Анатольевна

Голодное, босоногое детство

Я родилась на Украине в городе Кривой Рог в 1942 году. Мама рассказывала, что немцы забрали у нас кур, кроликов, корову и выгнали нас жить на улицу. Пришлось построить землянку, где мы прожили до конца войны.

После войны нас поселили в бараке, так как дом сожгли немцы. В бараке у нас была комната 10 кв.м., где могли поместиться две кровати, стол, табуретка и плита. Две фуфайки, которые составляли весь наш гардероб, висели на крючке у двери. Помню окно было разбито и закрыто подушкой. Со временем появилось радио, большая чёрная тарелка, висящая на стене. Мама работала с 8 утра до 8 вечера на шахте машинистом подъемной машины, поднимала из шахты рабочих и руду. А наш отец постоянно лечился в госпиталях, его мучили полученные ранения. Самым серьёзным было

ранение в стопу правой ноги, где остались множественные осколки, которые удалить было невозможно, а ампутировать ногу он не захотел. До последнего дня его жизни ранение так и не зажило, нога со свищами всегда была перевязана. Всё наше детство с моей сестрой, которая была старше на 3 года, прошло в этой комнате. Хлеб, который оставляла мама на целый день, мы съедали сразу же, и всегда очень ждали маму с работы, чтобы она покормила нас. Вечером мама разжигала плиту и жарила картошку. Летом было лучше, ели разную траву: калачики, акацию, укроп. А большие цветущие гроздья акаций мы называли сладкой кашкой. Помню как нам в столовой по талонам давали борщ в столовой, куда мы с сестрой ходили с кувшином. Борщ мы несли домой, сами ели и маме оставляли. А однажды Алла упала и разлила борщ, целый день мы голодали и очень боялись, что мама её побьёт, но мама нас не наказала, даже пожалела. Летом на улице мы играли в песке, из травы делали домики и кукол. Тогда у детей не было игрушек, играли стёклышками, радовались, если находили кусочек фарфоровой тарелки. Одежды практически не было, у каждой по одному платью, всё лето бегали босиком. Позже меня отдали в детский сад, я там плакала, потому что меня оставляли на целую неделю. Спали мы на матрасах на полу, кроватей не было. Там мне подарили белую шерстяную кофточку и сказали, что её отберут, если я буду плакать. Больше я не плакала. Немного легче стало жить, когда мама купила козу, молоко нас спасало. Конфеты мы видели только по праздникам и то мало. Первый раз в жизни я увидела мандарин и маленькое китайское яблочко в школьном новогоднем подарке. Дома тоже ставили ёлку и украшали её ватой и бумажными цепочками. В школу Алла ходила с матерчатой торбой, а мне подарили портфель с отделением, куда я ставила чернильницу-непроливайку. Наш барак со временем стал обрушаться и мама решила, что мы построим глиняный дом. Мы все лепили из глины и соломы кирпичи, было тяжело, но дом построили. Выручал нас и огород. Выращивали овощи, а в поле сажали кукурузу. Зелёные стебли скармливали животным, а молодые початки кукурузы ели даже сырыми. Я помню как праздновали День Победы. Все соседи собирались за большим столом. Было скромное угощение: винегрет, картошка, сало, холодец, а детей угощали фруктовым киселём, который был густым и твёрдым. Жизнь была не лёгкой, но мы были счастливы, потому что не было войны. Песни, которые передавали по радио все дети знали наизусть и пели по вечерам, собираясь во дворе.

Отец много рассказывал про войну, про госпиталь и про подвиг медиков, но мне это было не интересно, потому что я была маленькой девочкой, сейчас мне всё интересно, но отца уже нет. Рассказы отца про врачей всё же запали в душу и я решила стать медиком, чтобы помогать людям и лечить их. После института я проработала более 40 лет врача-терапевтом в военном госпитале посёлка Ферма. Эти воспоминания я пишу, чтобы мои внуки знали, какая была жизнь детей войны.

Поздняков Трофим Федорович

Начало и конец

Я родился в крестьянской многодетной семье на Тамбовщине. В семье было шестеро детей. С октября 1939 года наша семья стала проживать на Зеленом поселке, который располагался вдоль железной дороги на пятом километре от завода №11. Вскоре он стал называться городом Краснозаводск. Завод №11 имел статус оборонного предприятия. А на Зеленом поселке было организовано производство деревянных заготовок для отраслей народного хозяйства. Для рабочих, занимающихся выполнением такого профиля работ, были построены два барака, один на двадцать пять комнат, а второй на двенадцать. Был сделан небольшой тесовый клуб и конный двор на 25 лошадей, а рядом проходило Ярославское шоссе. Все это хозяйство называлось Рогачевский лесоучасток Загорского леспромхоза, в котором жили и работали лесорубы и возчики. В леспромхозе тогда было два лесоучастка и автобаза.

Все мужчины состояли на военном учете в селе Сватково. Отец мой, Федор Михайлович Поздняков, был принят на работу столяром – плотником по изготовлению и ремонту повозок, колес, саней, волокуш и других разных поделок. У него была профессиональная любовь к работам с деревянным «материалом».

Мама была хранителем и уборщицей в клубе, жили мы в клубной комнате. Брат Миша учился в пятом классе в школе деревни Семенково, а я - в Рогачеве. Вскоре появились друзья, с которыми можно поспорить и поиграть. Мы росли, такая жизнь нас устраивала. В стране сочинялись и пелись песни предвоенной поры: «Три танкиста», «Таганка», «Если завтра война» и другие. Молодежь это подхватывала и верила, что если и будет война, то врага будем бить на его территории. Мое поколение, это дети - подростки 1929 года рождения и чуть постарше, дружно играли в войнушку. Мы сами делали винтовки, погоны, сабли, пулеметы с трещоткой и гранаты из деревянного материала. Строили разные укрепления и штурмом их брали с криком «Ура».

Весной 1941 года, мы подростки, успешно закончили учение в школе и очень надеялись хорошо отдохнуть, покупаться и позагорать. Приближалось знаменитое воскресенье 22 июня 1941 года. Да, в этот день никто не воскрес, а погибло очень много людей. Началась Великая Отечественная Война. Наш Зеленый поселок не имел электричества до 1947 года. Радио тоже не было. Все первые сообщения о начале войны были устные. Примерно в 17-00 прискакал из Сватково первый вестовой и вручил пять первых повесток о призывае в армию наших отцов. Потекли первые слезы и раздался плач наших матерей. Ближе к вечеру прискакал очередной вестовой и тоже вручил пять повесток. Потом

были еще. В Краснозаводске были тоже большие призывы в армию. Наши войска, сдерживая наступление врага, оказывали ему ожесточенное сопротивление, но все - таки вынуждены были отступать.

В конце июля по Ярославскому шоссе прошли первые табуны крупного рогатого скота из западных областей. Был приказ Верховного Главнокомандующего о том, что ничего не оставлять врагу. Печальные и тревожные сообщения о неудачном начале войны моментально заставило мое поколение подростков сразу повзрослеть. Вселило в нас сознание в необходимости выполнять любую работу, которую делали наши отцы и братья, ушедшие на фронт. Мы слушались оставшихся стариков на конном дворе, которые организовали нас в несколько групп и бригад. Мы пасли лошадей, водили их на водопой, убирались в конном дворе, помогали заготавливать сено. Вот так началась наша трудовая деятельность без оформления трудовых книжек. Трудовой стаж моим ровесникам безошибочно можно считать с 23 июня 1941 года.

Военные события начинают осложняться. Иногда немецкие самолёты прорывались за линию фронта. В городе Краснозаводске однажды были сброшены две бомбы. Одна из них взорвалась вблизи цеха №5, но не причинила разрушений. Но были и травмированные. Несколько самолётов пытались бомбить железнодорожные пути от Загорска до Александрова. В районе остановки 76 километр, метрах в двадцати от железнодорожного пути, как памятники были оставлены две воронки диаметром около 8 - 10 м.

Завод №11 в Краснозаводске был подготовлен к эвакуации. В ноябре это уже был тихий безлюдный городок. В городе Загорске от места, где сейчас вечный огонь и выше к институту игрушки, были установлены противотанковые ежи. По правой стороне вдоль дороги Ярославского шоссе, от деревни Наугольное до завода ДСП, был спилен весь крупный лес. Стволы были повалены друг на друга, а пни были высотой пятнадцать метров. Это тоже были противотанковые заграждения. О школе - никаких речей. Все в районе напоминало предфронтовую обстановку. Да, мы долго отступали, накапливали силы. Во всех деревнях, на Зеленом поселке в каждом доме жили солдаты и офицеры. В ноябре и декабре 1941 года прошел день «Х», наши войска выступили и дали жару хваленым фрицам, отбросили их от Москвы и подмосковных городов. А вскоре было объявлено о возвращении эвакуированного оборудования в Краснозаводск. Было приказано, чтобы в короткие сроки наладить производство и поставку боеприпасов на фронт. Завод быстро наполнился молодежью из окружающих сел и деревень. Многие ребята допризывного возраста получили бронь и отсрочку от призыва в армию. А нас, подростков без паспортов, брали и использовали на любых разных работах. После нового года восстановилось сообщение

с городом Загорском, но паровозик стали топить берёзовыми дровами, заготовленными молодёжными бригадами. В целях обеспечения рабочих лесоучастка и их семей основными овощами (картошкой, капустой, свеклой), нашей молодёжной группе из пяти человек было поручено раскорчевать вырубку пней площадью восемь гектаров по левой стороне Ярославского шоссе, не доходя Лепрозной клиники. Это ребята: Гусев Василий Иваныч, Гусев Валентин Егорыч, Журавлёв Анатолий, Ягненков Анатолий, Поздняков Трофим. Все лето мы работали. А в октябре 1942 года Гусев Василий и Журавлёв Анатолий были приняты рабочими на завод №11. Впоследствии Василий стал хорошим слесарем, а Анатолий отличным токарем. Валентин Гусев и Анатолий Ягненков продолжили работу на конном дворе. С наступлением весны 1945 года с фронта всё чаще стали приходить сообщения о том, что наши войска освободили какие – то города и населенные пункты на территории Германии. Армия готовится брать Берлин. Создавалась атмосфера скорого окончания войны, люди стали как – то добнее друг к другу, на лицах появились улыбки. Второго мая было сообщение, что наши войска взяли столицу Германии Берлин. Много было радости от такого сообщения. Молодежь ликовала.

Утром 9 мая я, как обычно, встал и приготовился идти на станцию, чтобы ехать в школу. Я вышел из дома, а первый встречный добрым, уверенным и приятным голосом говорит: «Все, война кончилась! Победа!». Я без сомнения поверил, вернулся в дом, бросил сумку с книгами и крикнул маме: «Победа, конец войне!». Выскочил из дома и полетел по поселку на Улицу Чкалова к другу по школе Виктору Платонову, кричу всем встречным: «Победа, конец войне!». И наш небольшой поселок моментально облетела эта новость.

До школы мы с другом добрались, а там уже классы строились в колонны с флагами и транспарантами. День был объявлен не рабочим. Рабочие всех цехов завода группами и колоннами шли к площади у заводоуправления. Площадь и прилегающие дороги, тротуары быстро заполнились. Такого обилия народа я больше никогда не видел. И вдруг духовой оркестр заиграл марш, народ затих, вслушиваясь в звуки музыки. Ведущий громко объявляет, что митинг, посвященный окончанию войны, объявляется открытым. Слово предоставили директору завода. Речей было много, но были и слезы. Это слёзы умиления и радости. Когда закончился митинг, народ пожимал друг другу руки, обнимались, целовались. У детей, подростков и взрослых было приятное и радостное настроение еще несколько дней.

Когда мы с другом вернулись на Зеленый поселок, то в коридоре большого барака и еще в нескольких комнатах шла большая гулянка. Соскучившись по такому важному и радостному празднику, народ и

стар, и млад пел и плясал. Гуляние и ликование продолжалось и на другой день.

А дальше началась и продолжилась трудовая и школьная жизнь. Взрослые продолжали совершать свои трудовые подвиги, а дети приступили к завершению программы учебного года и стали готовиться к сдаче экзаменов.

А славные наши мамы сказали: «Ребята, делу время, а потехе час», т.е. пора приступить к огородным и посадочным работам. Это мы послушно выполнили.

После успешной сдачи экзаменов за 7 класс, получения аттестата, мне шел 16 год. Я крепко задумался о дальнейшей трудовой жизни.

Полухина (Постнова) Надежда Васильевна

Я родилась 8 мая 1928 года в деревне Сильницы Ярославской области. С 1936 года проживала в г. Раменское Московской области. С декабря 1960 года проживала в Загорском районе, а с 1969 года по настоящее время – в Сергиевом Посаде. Работала на предприятии ГПУ МОС НПО «Радон» с момента образования предприятия и до выхода на пенсию в 2000 году.

Вот уже скоро будет 75 лет с того момента, как началась Великая Отечественная война. А я, как вчерашний день, помню 22 июня 1941 года. Был ясный солнечный день, воскресенье, мне только что исполнилось 13 лет. Закончились занятия в школе, я окончила пятый класс. В это утро мы, участники совхозного хора и оркестра, собрались у Дома культуры имени Воровского в г. Раменское, чтобы поехать в Москву выступать в Колонном зале Дома Союзов, так как мы победили в областных соревнованиях и вышли на всесоюзные. Мы все были возбужденные, радостные, в красивой пионерской форме, но нас все не отправляли. А в 11 часов услышали по радио выступление В.М. Молотова. началась война...

А через 2 дня от этого же Дома культуры мы провожали первые отряды, уходящие на фронт, среди которых был и мой дядя Кукушкин Николай Егорович, мамин младший брат.

Каждый раз, когда я смотрю «Летят журавли», сцена проводов молодых мужчин на фронт вызывает у меня слезы. Режиссер М. Калатозов так правдиво и проникновенно показал это в фильме. Мы так же бежали вдоль забора, что-то кричали, а мужчины, одетые в домашние пиджаки, с вещевыми мешочками через плечо уходили на войну.

От дяди Коли мы не получили ни одного письма. А через несколько месяцев один его однополчанин сообщил нам, что лично видел, как дядя Коля был убит. С этой грустной вестью мы прожили всю войну. Особенно тяжело было бабушке, он был для нее последним пятым ребенком.

В 1944 году умерла тетя Соня, жена дяди Коли. Остались сиротами два их сына: Борис 1930 года рождения и Виктор 1938 года. Но моя мама не отдала ребят в детский дом, оставила их у себя.

О наших мамах, переживших войну, надо говорить особо. Где они только черпали силы?

К тому времени мы жили вшестером: мама, 75-летняя бабушка, мы с братом и два двоюродных брата.

Папу в армию призвали не сразу, так как в 1941 году ему было уже 44 года. Он воевал в Первую Мировую, а затем в гражданскую войну и имел ранение в грудь. Его мобилизовали в 1942 году. И попал он не на фронт, а во второй эшелон. Они подвозили на передовую боеприпасы, продовольствие, снаряжение и вывозили в тыл раненых. Несмотря на то, что папа не был в боях, в 1943 году он был ранен при бомбежке города Калинин (ныне Тверь). Там он лежал в госпитале. Мама ездила туда навестить его. Подлечившись, он снова вернулся в свою часть и прослужил там до конца войны.

От дяди Коли мы все-таки получили весточку, аж в 1946 году из Магнитогорска. Оказалось, что в первом же бою под Смоленском их подразделение попало в окружение, затем в плен. Дядя Коля вместе с другими солдатами был выкуплен французским фермером и как рабочая сила отправлен во Францию, где работал как крепостной. В начале 1945 года их освободили англичане и после окончания войны передали бывших пленных нашему командованию. Их отправили в Советский Союз. Хорошо, что не на Колыму, а в Магнитогорск, где они работали на металлургическом заводе. С большим трудом удалось вернуть дядю Колю в Раменское к своим детям. Писали прошение М.И. Калинину и были на приеме у Тевосяна, бывшего в те времена министром тяжелой промышленности. Но это все уже было после окончания войны.

Мы с моим братом были старшими в семье и всячески помогали маме. Брат, окончив 8 классов, пошел работать в сапожную мастерскую. В армию его призвали в начале 1945 года, но на фронт он не попал. Их готовили стать десантниками. Но тут закончилась война. Он остался служить и вернулся домой только в 1947 году.

Самое голодное время было с конца 1942 года и до 1944. Мы столько за эти годы войны съели крапивы, лебеды и картофельных очисток, что когда сейчас говорят о пользе крапивы, я это не воспринимаю.

В 1943 году мы с братом по одному разу съездили за хлебом. У А.С. Неверова есть повесть «Ташкент – город хлебный». Для меня таким хлебным городом на всю жизнь остался Тамбов.

В 1943 году мне исполнилось 15 лет, и я уговорила маму отпустить меня с девочками, которым уже было по 18 лет, и они уже ездили за провизией в те края. Мама собрала мне кое-какие шмотки, чтобы обменять их на продукты. Насколько трудна была эта поездка, словами не расскажешь., но все-таки я кое-что привезла, хотя на рынке часть вешай у нас украли, да так искусно, что мы не сразу заметили. Кроме крупы и пшеницы, мне удалось выменять 1 литр подсолнечного масла, которое было в большом дефиците. А вот брату повезло меньше. Их с другом чуть не сбросили с поезда, они ехали на крыше товарного вагона. После этого мама категорично заявила, что больше нас не отпустит, а уж если помирать, то будем вместе.

Вспоминая сейчас страницы военного лихолетья, я не могу припомнить, что мы когда-либо играли в детские игры: лапту, прятки, 12 паночек, штандер (уже не помню, что это за игра), казаки-разбойники, поиски клада – все это, как и само детство осталось за чертой военного времени. Зато очень хорошо помню, как работали в колхозе и на железной дороге. Дело в том, что нашу новую школу №6 в 1942 году переоборудовали под военный госпиталь, а всех учащихся распределили по другим школам города. Наш класс был переведен в железнодорожную школу №10. Поэтому каждый год в летние каникулы мы работали на железной дороге. Старшеклассники уезжали под Воскресенск, где строили запасную одноколейку на случай выхода из строя основной дороги Москва-Рязань. А нам, младшим школьникам, был выделен участок от станции Раменское до станции Быково. Мы каждый год в каникулы выходили на железнодорожное полотно проверять рельсы и шпалы, иногда их подбивали и очищали от мусора и сорняков.

В то время, когда нас перевели в школу №10, было уже раздельное обучение. Но у нас оставалось смешанное. Правда в классе выпускса 1945 года было всего 9 девочек. А у нас из 20 человек только 4 мальчика. Все наши сверстники, если и дотягивали до 8 класса, уходили работать или поступали в ремесленное училище. У нас практически не было каникул, так как если не на работе, то много приходилось делать дома и в школе. Были созданы тимуровские отряды. И это была не игра, а реальная помощь тем семьям, у которых погибли братья и отцы, и которые нуждались в помощи. Их дома были помечены красной звездочкой. Мы пилили дрова, носили воду, помогали старикам, гуляли с детьми. Кроме того, мы с братьями обрабатывали небольшой участок земли в две сотки, который маме выделили на окраине города. А осенью ходили по убранным полям, выкапывая замерзшую картошку и другие овощи.

Еще хочется рассказать еще одну историю, которая осталась в моем сердце на всю жизнь.

В декабре 1941 года, когда погнали немцев от Москвы и стали освобождать населенные пункты, в газете «Правда» был напечатан очерк военного корреспондента П.Лидова под названием «Таня» и снимок казненной девушки с петлей на шее, сделанный фотокорреспондентом «Правды» С.Струнниковым. Очерк был написан так правдиво и проникновенно, что не мог никого оставить равнодушным к судьбе и подвигу этой девушки. Только потом стало известно, что под именем Таня погибла 18-летняя комсомолка Зоя Космодемьянская, только что окончившая школу и добровольно вступившая в отряд, который действовал в тылу врага. В конце ноября 1941 года, успешно выполнив боевое задание, Зоя уничтожила немецкий склад с военным имуществом в селе Петрищево близ города Веряя Московской области. Там ее схватили фашисты и подвергли жесточайшим пыткам, добиваясь сведений о партизанах. Она была повешена на глазах у всей деревни. И даже стоя на эшафоте, она призывала советских людей бороться с фашистами.

Подвиг Зои Космодемьянской вызвал небывалый массовый геройизм в стране и стал примером беззаветного служения своей Родине.

В феврале 1942 года Зое Космодемьянской, первой женщине, посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза за отвагу и геройство, проявленные в партизанской борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

А вскоре, в том же 1942 году Маргарита Алигер написала поэму «Зоя». Эту поэму я помню всю свою жизнь. У нас была замечательная учительница по литературе Татьяна Герасимовна Позднякова. Это она привила нам любовь к литературе, организовала кружок, готовила художественную самодеятельность, устраивала концерты к знаменательным датам, возила нас в театры и музеи. И это все в военное время. С ее подачи у меня осталась любовь к книгам, которые и сейчас являются самым большим моим достоянием и богатством.

Так вот, Татьяна Герасимовна из поэмы «Зоя» сделала концертную программу, разбила ее на восемь частей, и заставила нас, восемь девочек, выучить их. С этим номером в составе концертной бригады мы много раз выступали в военных госпиталях, в больнице перед блокадниками, многих из которых после снятия блокады Ленинграда вывезли в наш город. Мы даже выступали по местному радио. Я и сейчас помню отрывки из этой поэмы, и не могу удержаться, чтобы не прочитать в кругу семьи и на встречах ветеранов 9 мая.

Спасибо нашим мамам и учителям, которые всегда были рядом, учили нас честно жить и трудиться и вместе с нами ждали конца войны и Победы!

И дождались...

За несколько дней до 9 мая мы практически не выключали радиоприемники, черные тарелки, как их называли. А в ночь с 8-го на 9-е мая мы услы-

шали голос Юрия Левитана, который сообщил о капитуляции Германии.

Это был такой праздник! Такая радость, со слезами на глазах! Рано утром мы почти всем классом поехали в Москву. Но на Красную площадь мы не смогли пробраться, она вся была заполнена народом. Только на Манежной площади мы смогли присоединиться к общей радости. Каждого военного обнимали, целовали, подбрасывали в воздух, туда же летели пилотки и фуражки. Люди смеялись и плакали, но все светились счастьем. Такое не забывается!

Так закончилась великая Отечественная война. Впереди предстояли еще долгие годы послевоенные трудности, но это уже другая история.

Полуянова (Киселёва) Нина Васильевна

Никогда не забудем

В один из осенних дней 1941 года я с мамой приехала домой из Загорска. Увидели в Хотькове большое количество военных. Сначала испугались, подумав, что немцы захватили поселок, но, к нашей радости, это были советские войска. Проживали мы в частных домах. Через дорогу располагался стадион, где было передвижение большого количества военной техники, и что-то закапывали в землю. Я запомнила слово — зенитки.

Хотьково разделяет на две части река Пажа, над которой проходит по высокой насыпи большой железнодорожный мост, охранявшийся с двух сторон часовыми. Это был стратегически важный объект, соединявший Москву с Дальним Востоком. По нему постоянно проходили военные составы. В Москву везли солдат, военную технику и даже лошадей видели.

Улица 1 мая и 2-ая рабочая (на последней я проживала) располагались параллельно железной дороги, в ста метрах от указанного моста. Он был главной целью обстрела и бомбёжки немецких самолетов. В то время отсутствовали другие подъездные железнодорожные пути и сообщение столицы с Севером страны могло бы оказаться затруднительным. Вражеские самолеты беспрерывно атаковывали и бомбили мост. Над нашими домами самолеты летали так низко, что видно было летчиков. Казалось вот — вот заденут трубу дома, пролетая с оглушительным ревом — было очень страшно. Снаряды разрывались повсюду, попадая в больницу, дома, железное полотно, в идущие составы, но ни разу не задели конструкцию моста. Он, как заговоренный, оставался невредимым, на зло врагу, сохраняя свое предназначение. Большая заслуга в этом была зенитной батареи, которая шквалом огня отбивала

атаки налетчиков, сбивая их самолеты, при этом военной техники не было видно, т.к. она была замаскирована.

В это время в наш дом поселили начальника штаба Алексея Ивановича и его заместителя. Вся наша терраса была заставлена железными ящиками, а дом круглосуточно охранялся часовыми. Теперь я понимаю, что там находились важные документы. Как выяснилось, у Алексея Ивановича осталась жена и дочка такого же возраста, как я. Он показывал альбом с фотографиями семьи. Алексей Иванович относился ко мне очень хорошо, старался накормить из запасов своего пайка. Помню, зовет как-то обедать, я кричу, что не хочу (голод начался в 1942 году). Тогда он говорил, что дает мне важное военное задание. Со всех ног бегу к нему выслушать и выполнить приказ, радостная, что я чем-то могу помочь нашим войскам. Он хватает меня за руку, сажает на колени и кормит. Алексей Иванович мечтал после войны вновь встретиться и дружить семьями, однако вскоре погиб при бомбёжке в 10 км от Хотькова.

Надо отметить, что после войны, на всем протяжении от станции Хотьково до станции Абрамцево, а особенно вокруг моста, было множество воронок, частично сохранившихся и до настоящего времени.

Помню такой случай. Как-то по радио (это был рупор) просили взрослое население собрать детей по лесу. Шедший из Москвы поезд подвергся бомбардировке. Бомба попала в вагон с эвакуированными детьми, многие из них были убиты, оставшиеся разбежались по лесу в районе Абрамцева. Мама рассказывала, что страшно было смотреть: полно крови, криков и стонов раненых, разбитые стекла, груды железа от вагона.

Моя тетя Тася была на фронте медсестрой. Когда их часть переезжала, приехала к нам на один день и привезла мне большую куклу, да такую красивую! Кукла закрывала глаза и говорила слово «мама», была ростом мне по шею. Я очень берегла ее, на руки брала редко, боясь испортить, укладывала рядом спать и любовалась ею.

В 1942 году наступил голод. Мама ходила по деревням менять на продукты все, что было возможно, платья, кофты, покрывала и т.п. Когда для обмена ничего не осталось, я предложила куклу, за которую в последующем нам дали ведро картофеля. Мама на целый день уходила менять вещи по деревням. Я одна оставалась дома, топила печь дровами, разогревала чай. Мы — дети войны, все понимали, как взрослые.

Когда ввели продовольственные карточки, я сама ходила в магазин за хлебом (выдавали 300 г мне и 400 г маме), отстаивая в очереди по три часа. Хлеб был с довесочками, но по пути домой, ни одного кусочка я не съедала, все приносила. Мама резала хлеб на две части. К вечеру ее доли не оставалось, а я была бережливая. Садимся ужинать, я свой

кусок ломаю пополам и делюсь с мамой. Она не берет, а я плачу и говорю, что без нее кушать не буду. Варили щи из лебеды, конского щавеля, а потом и лебеду уже трудно было найти. Весной мама перекапывала колхозное картофельное поле, находя иногда замерзшие клубни. Осенью не разрешали этим заниматься, т.к. уборку урожая осуществлял колхоз. Из принесенного картофеля пекли очень вкусные лепешки, которые называли «пулятки» или «тошнотики». Мы, ребятишки, ели разную траву, молочники, дудки, сосали цветки акаций, которые казались очень сладкими.

Во время войны, на нашей улице 2-ой Рабочей достроили школу. Строили женщины, престарелые люди и подростки. Дети помогали, принося питьевую воду.

В Абрамцеве дислоцировался военный госпиталь. Когда я училась в начальных классах, мы ежедневно выступали с концертом перед больными, которые очень радушно принимали нас: обнимали, целовали, сажали на койки, аплодировали. Мы дарили им сшитые родителями кисеты для табака.

Умерших хоронили на Хотьковском кладбище, была общая могила. В последующем их останки были перевезены в Загорск, где Вечный Огонь.

В 1941 году я не раз видела наших солдат, проезжавших в товарных вагонах по направлению к Москве, в 1945 году – из Москвы. Дети и взрослые кидали им цветы, поздравляли с Победой, плакали от радости, кричали – СПАСИБО!

Эту войну, кто ее пережил, никогда не забудет.

Слава советским воинам!

Попова Зоя Григорьевна

Я родилась в 1936 году в Серпухове Московской области.

Папу взяли в действующую армию в начале войны, где он погиб в боях под Москвой в 1941 году. Сестра Галя и я остались в Серпухове с мамой. Мама, Пелагея Григорьевна Фадеева, защищала город Серпухов. Мужчин не было, защищали наш город женщины, они рыли оборонительные рубежи вокруг Серпухова, на улицах возводили баррикады, рыли окопы. Мы, ребятишки, играли одни на баррикадах, и по глупости, сажали в землю кисель красный, думали, что будет урожай. В горсовете мамы получали печенье, сухие продукты. Питались очень плохо, были голодными. Весь наш дом поселился в подвале дома на несколько месяцев. Город немцы обстреливали из пушек, бомбили дома, убивали женщин, детей, пожилых людей. Наш город защитили воины из Сибири, многие из них погибли, но город Серпухов отстояли. Много домов разрушили бомбами, приблизительно 1/5 часть.. Много сер-

пуховичей погибло от снарядов, осколков, многие дети были ранены, остались без рук, ног – инвалидами. Как немцев от Серпухова отогнали, мы поселились в свои комнаты. Мамы получали похоронки, плачали. Восстановились некоторые предприятия, мамы начали работать, моя мама – ткачиха работала на ткацкой фабрике, одна растила нас с сестрой. После войны я окончила 24 среднюю школу, поступила в педагогическое училище, музыкальную школу.

В 1955 году по распределению Мособлроно была направлена на работу учителем музыки в Хотьковские школы, их было три.

В 1956 году взяла 1-ый класс начальной школы и преподавала уроки музыки в 4-ой Хотьковской школе в 5-7 классах.

В 1980 году мы с мужем переехали в кооперативный дом, в однокомнатную квартиру. Мне очень нравилась работа с детьми в школе, вела акробатический кружок в Горбуновской школе, в детстве посещала гимнастическую секцию в г. Серпухове. Во Дворце Гагарина на смотре самодеятельности горбуновские акробаты занимали почётные места.

В весенние каникулы во Дворце Гагарина в Сергиевом Посаде ежегодно проводился смотр художественной самодеятельности всех школ. Акробаты, с которыми я занималась, принимали активное участие, ежегодно выступали с акробатическими номерами, зал рукоплескал маленьким артистам от 7 до 11 лет. В 1960 году я заболела и не смогла подготовить акробатический номер, а зал ждал выступлений горбуновской школы, особенно акробатов. И когда зал понял, что акробатов не будет на сцене, все сидевшие в зале встали и кричали: «Акробаты!». Кричали долго, пока не объяснили причину. В других школах акробатов не было. Занималась с акробатами Зоя Григорьевна в деревянном доме, рядом с церковью. Однажды в Горбуновскую школу приехала комиссия проверять порядки в школе. Зала спортивного не было, занимались в коридоре. И комиссия, осматривая чистоту, заметила на стенах детские следы, на высоте от 150 см., немного выше, немного ниже. Никто не понял, как дети могли оставить следы на стенах. Уборщицы не успели протереть стены и раскрыли загадку, заявив: «Это Зоя Григорьевна, с акробатами здесь стойки на руках делает! Они здесь и на головах стоят, и на руках, и на предплечьях, кувыркаются чуть не каждый день!!!» Директор Горбуновской школы №4, Александр Михайлович Бондарчук, рассказал всему коллективу эту загадочную историю.

Проработала в начальных классах до 2000 года, 45 лет, несколько раз награждалась почётными грамотами. В 2001 году закончила педагогическую работу, получила звание «Ветеран педагогического труда», много грамот и благодарностей.

Попова (Белякова) Зоя Ивановна

Я родилась 13 марта 1940 года одиннадцатым ребёнком в семье рабочего. Моя мама — домохозяйка. Помню некоторые эпизоды войны и хорошо помню послевоенные годы. Трудно пришлось нашим людям. Мой отец, замечательный человек, воевал ещё в 1914 году (Первая мировая война), здоровье у него было подорвано. Мы жили в городе Загорске. Отец много работал, ему было очень трудно, детей в семье было одиннадцать. Старший брат Александр погиб в Финскую. Средний брат Михаил погиб в 1944 году под Кеникбергом. Он в 16 лет ушёл на фронт добровольцем, служил в разведке. Там, в братской могиле — захоронен. Моей маме пришлось очень трудно, она воспитывала одиннадцать детей, потом внуков, т.к. детских садов тогда не было. Нас было пять девочек, которые ходили в школу. Особо голодные были 1946-47 годы. Летом собирали всю крапиву, дудки, лебеду, липовые листочки, стручки ели. Ягоды, орехи, цветы продавали на хлеб и одежду. Когда мы жили в коммуналке, комнату в которой дали мужу, т.к. он получил направление на завод из авиационного института, довелось нам познакомиться с соседями — Устиновым Владимиром 1940 г.р. и Валентиной — его женой, 1941 г.р. Они из Ленинграда, жили в детском доме, потом поженились. Сейчас я живу рядом с соседями, которые жили во время войны под Смоленском, г. Бельск, деревня Нестерова, где были немцы. Это — Мария Григорьевна Хрисанрова 1936 г.р., тогда ей было 5-7 лет, немцы дом разбомбили, жила она с семьёй в землянке в лесу. Ходили в школу с сестрой за 10 км. Мать работала на лесозаготовках, отец умер. Несмотря на трудную жизнь, она окончила педагогический институт и работала учителем русского языка и литературы в 19 школе Сергиева Посада. Её сестра — Хрисанрова (Дурнова) Тамара Григорьевна, ныне пенсионерка, работала экономистом

на заводе ЗЭМЗ. Во время войны её спрятала совсем незнакомая пожилая женщина, людей угнали в Германию. Она выдернула девочку из колонны за руку и спрятала под печку, где хранились кочерги, ухваты, чугунки. Немцы забежали в дом, рыскали по всему дому, искали Тому, не нашли и обозлённые вышли. Если бы они нашли её, то и женщину, её дочь и Тому расстреляли бы.

Моему брату

*В шестнадцать он на фронт ушёл,
А с фронта братик не вернулся...
В победу верил, когда шёл,
Но пулей вражьей захлебнулся.*

*«Служу я, мамочка, в разведке,
Ты не горюй и не грусти!
В наш дом я непременно возвращуся.
Себя, сестрёнок береги».*

*Писал он письма без помарок,
И мне ещё читать досталось.
Шли треугольнички без марок,
Письмо последнее, казалось.*

*Нарисовал в письме семью,
Писал, что в нас души не чают.
Ещё писал: «Я всех люблю!»,
Что сильно он без нас скучает.*

*Он верил в то, что победим,
Приветы слал подружске Варе,
Что наш народ непобедим,
Нас не сломать фашисткой твари!*

*«Мы победим! Запомни, мама!
Вернусь домой! Не забывай!
Ты верь! Не плачь, моя родная,
И всем привет передавай!»*

А вот письмо! Тот треугольник!
Письмо последнее пришло.
Мой брат был без вести пропавшим,
Домой он больше не пришёл.

Всю жизнь его искала мама.
Молила Бога и гадала...
Но где найти? Не понимала
И как ей быть? Сама не знала.

Бомбёжка

Мы бежали, бежали долго!
Вниз к реке надо было бежать.
А с неба ухали бомбы,
Взрываясь опять и опять.

А вот она! Вот воронка!
В неё и бомба не должна упасть,
Так нам казалось, и плакала сестрёнка,
К тому же ей хотелось очень спать.

Я за руку взяла сестрёнку и приказала,
Ну, просто я дала ей знать.
«Ну, Машенька, я тоже ведь устала.
Вставай! И побежим опять».

И я тащила за руку сестрёнку,
А по щекам катился слёзный град.
Вдруг, бомба угодила в ту воронку,
Где мы сидели пять минут назад.

И мы крестились и молились Богу,
А, может, где – то и за нас молилась мать...
Спасение, наверняка, пришло от Бога –
Никто не мог нам больше помочь.

Крошка хлеба

Сегодня наш город нем,
Ленинград от стрельбы отдыхает.
Вовка маленький, Вовчик совсем,
Хорошо это всё понимает.

Мама с хлебом сегодня пришла
И сынишку сажает на стол,
Чтобы крошка от этих сто грамм
Не упала б случайно на пол.
Мальчик хлеб по щепотке ломает,
Всё до крошек сам собирает.
Этих крошек мальцу не хватает.
Их давно уже нет, а он их глотает.
До чего же жестока блокада!
За свободу стоит Ленинград – патриот.
И дана за терпенье награда –
Бог спасёт этот стойкий народ.

Посвящается моей соседке
Тамаре Григорьевне Дурновой

Была война, фашистов было много.
Они шерстили всюду, где могли.
Детишек наших угоняли,
Болезнь заразную нашли.

А Томочка была одна,
Куда деваться ей, не знала.
А по дороге свора немцев шла.
И бабушка соседская видела.

И выбежав на улицу быстрее,
Схватила девочку и спрятала под печь.
Куда совала кочерги, ухваты,
Чтобы из печи чугунки извлечь.

Вдруг немцы в избу к ней вошли,
Командую, чтоб всё здесь обыскали.
И сыщики искали – не нашли,
И дверью хлопнули – ушли в осколе.

А бабушка схватилась за сердце,
Присела вдруг на табурет.
А девочка та вышла из-под печи.
Всего ей было десять лет.

И бабушка совсем уже седая,
И поседела вдруг её душа.
Её и девочку тогда бы расстреляли.
Как хорошо, что Томочка жива!

Чужая внучка, хороша собою!
Старушка гладит по белёсым волосам.
Ту девочку мы вспомнили с тобою,
И покатились слёзы по щекам.

Потапов Юрий Николаевич

Беженцы

В 1941 году мне было 15 лет. Началась война. Летом через наш город по Ярославскому шоссе потянулись беженцы. Сначала поодиночке, малозаметные среди прохожих, а потом толпами. К осени нескончаемым потоком шли и шли изнурённые люди, придавленные горем. Совсем маленьких ребятишек несли на руках, а те, что побольше, держались за юбки матерей. Все несли или везли нехитрую поклажу. Иногда через город прогоняли колхозные стада коров из Белоруссии, потом из Смоленщины. Бурёнки тоже были голодные и измученные как все беженцы.

Чем ближе к Москве прорывались танки Гудериана, тем больше становилось беженцев. Люди уходили от войны с насиженных мест, бросали дома и всё имущество. Они бежали от грозной надвигающейся беды, не думая о том, что будет впереди. В пути они столкнулись с новой бедой - для них никто не готовил пищу и ночлег. Особенно тяжело было смотреть на чумазых ребятишек, которые, чувствуя всеобщее людское горе, уже не плакали и не хныкали, не просили хлебушка...

В конце августа и в сентябре, когда войска Вермахта начали сжимать Москву в гигантские клещи, в поток беженцев влилась дополнительная волна москвичей. В большинстве это были особые беженки. Они ехали на машинах, иногда целыми семьями. В основном это были евреи, напуганные зверствами фашистов.

Всё мало-мальски трудоспособное население нашего города, в основном домохозяйки, работали на оборонительных укреплениях. Однажды возвращались бабы с общественных работ и на центральной улице увидели беженку с тремя ребятишками. Совершенно обессилив,

она опустилась на дорогу прямо в пыль. Глядеть на неё без сострадания было невозможно. Другие беженки, придавленные своим горем, обтескали несчастную с обеих сторон.

В это время полуторка, пробиваясь сквозь толпы беженцев, подавала длинные гудки. Кузов автомашины был доверху нагружен домашним скарбом, а поверх всего торчал развесистый фикус. В толпе женщин кто-то проговорил негромко:

- Бегут, сволочи, с фикусом, окопы рыть не хотят.

Это явилось сигналом. Обозлённые бабы бросились вперед и вмиг окружили автомашину. Поднялся невероятный гвалт. В кабине сидела размалёванная дамочка в шляпке с вуалью и цепко прижимала к груди чемоданчик. А бабы уже лезли в кузов и выкидывали узлы, чемоданы, фикус, кресла, шкаф и всё остальное. В кузов стали сажать беженцев с детьми, а дамочку, которая пыталась протестовать, пригрозили выкинуть вон. Когда напихали полный кузов, машину отпустили. Бабы с чувством исполненного гражданского долга, вытирая пот и постепенно успокаиваясь, группами разбрелись по своим домам и квартирам.

Но дорога не опустела. По ней продолжали брести беженцы.

Первые бомбы

С самого начала войны все мальчишки нашей окраины города занялись сбором военных «трофеев». Сюда входили стреляные гильзы и пули от всех видов стрелкового оружия, осколки снарядов, мин и гранат, армейские каски, противогазы, пуговицы и лоскутки немецких мундиров с нашивками и прочие отходы войны. По мере накопления этого безобидного мусора стали появляться и более серьёзные, а подчас и опасные находки. Например, кусочки тола, артиллерийский порох в виде тёмных макарон и жёлтых шариков, дымовые шашки с запалами, сигнальные ракетные патроны и прочее. Ребята обменивались своими вещичками, спорили, иногда доходило до драки.

В тот серенький зимний декабрьский день 1941 года в огороде за сараем мой двоюродный брат Борис показывал мне свои «богатства». Особой его гордостью был маленький осколок плексигласа. Он уверял, что это от пулепробиваемой прозрачной кабинки немецкого самолёта. В доказательство он притащил из сарая ржавый палаш, с которым до революции ходили жандармы. Мы принялись по очереди дубасить по осколку, но безуспешно, так как инструмент был тупой, очень тяжёлый и неудобный. Тогда я сбегал за топором и пытался отколоть для себя хотя бы маленький кусочек, но на «plexi» появлялись лишь едва различимые царапины. Борьку распирало от самодовольства и гордости обладать таким богатством, поскольку я был вынужден признать, что «plexi» действительно пулей не пробьёшь, и ещё потому, что его

богатство не уменьшилось, несмотря на все мои старания.

В это время из-за деревьев соседнего сада внезапно появился низко летящий самолёт с чёрными крестами. Когда я вскочил на ноги и задрал голову, самолёт был как раз над нами. Я ясно увидел немецкого лётчика в огромных лётных очках. В это мгновение от самолёта отделились одна за другой две бомбы. Я прыгал и кричал лётчику какие-то ругательства, а самолёт свалил вправо и так же быстро исчез, как и появился.

Оглянулся я на брата и с удивлением увидел, что Борька лежал на снегу, поджав ноги к подбородку, зажмурился и зажал уши руками.

- «Трус и темнота! – заорал я, – не на тебя же он сбросил бомбы, а на станцию. Там всегда скопление воинских эшелонов! Бежим смотреть!».

В этот момент почти одновременно раздались два приглушенных расстоянием взрыва. Далеко за домами высоко взметнулся столб дыма. Борька, побледневший от испуга, хлопал глазами и мотал головой. Это жалкое создание сразу потеряло в моих глазах всякое уважение, и я перестал с ним общаться, хотя мы жили рядом, в одном дворе.

Я побежал на станцию. К моему удивлению вокзал был на месте, а ведь в воображении представлялись горы окровавленных тел, масса раненых и страшные разрушения. А тут на перроне пассажиры спокойно ожидали электричку на Москву. Железнодорожные пути, как всегда, были заняты воинскими эшелонами. На привокзальном рынке толпился народ, разве чуть больше возбуждённый, чем обычно. Так куда же упали бомбы?

Вдруг в толпе увидел знакомого пацана Кольку Серякова. Это был очень ловкий проныра и, как потом оказалось, воришко. Он сказал, что разбомбили лесопилку, никого не убило, но зато фриц сделал две большие ямы.

Лесозавод находился за выходными стрелками железнодорожной станции, по другую сторону невысокой в том месте насыпи. Значит большой перелёт, здорово фашист промахнулся. Тоже, наверное, трус: выскоцил из-за тучи, кинул бомбы и наутёк, лишь бы с нашими ястребками не встретиться. Шакал.

У лесозавода толпа любопытных. Сплошной забор лежал на снегу, вывернутый наружу. Это его взрывной волной опрокинуло. Среди двора две глубокие воронки, вокруг них вырванные глыбы и комки мёрзлой земли, контрастно выделяющиеся на фоне снега. Передняя стена и часть крыши лесопильного цеха были разрушены. Сквозь пролом в глубине цеха были видны пилорама и штабели досок. В соседнем строении окна и двери были вышиблены.

Усатый железнодорожник из вагоноремонтных мастерских в форменной затёртой фуражке и замасленной спецовке сказал: «Каждая

фугаска по полтонны. Хорошо, что не попал на этот раз в эшелоны и в нашу мастерскую. Значит, прилетит ещё». И действительно, прилетали бомбить и ещё несколько раз и попадали в скопление эшелонов, но почему-то не фугасными бомбами, а осколочными. Поэтому большого вреда не причинили и работу железнодорожной станции не нарушили.

А в тот раз я подобрал на память осколок бомбы с острыми рваными зазубринами по краям. Он был ещё тёплый.

У нефтебазы

Был январь 1943 года. Яркий солнечный день и мороз около двадцати градусов. В такую погоду трудно усидеть дома. Целой ватажкой ребята поехали кататься на лыжах. Поскольку гор поблизости не было, то обычно катались с насыпи железной дороги. Мы покатались в одном месте, потом в другом, где повыше. Появился азарт, и мы поехали на самое высокое место насыпи у нефтебазы. Здесь было не так уж и высоко, всего метров пятнадцать-шестнадцать, но в метель сверху всегда наметало козырёк. Поэтому в начале спуска казалось, что не едешь, а падаешь почти по вертикали. Потом склон становился более пологим, а внизу было вообще ровное место и лыжнико выносил далеко в поле. Лыжня уже была кем-то проложена, так что «кто первый» вопросов не было. Слева от лыжни за изгородью из колючей проволоки находилась нефтебаза. Огромные цилиндрические резервуары располагались в два ряда вдоль насыпи. Внизу лыжню пересекала тропинка.

В это время послышалось характерное гудение немецкого самолёта. Мы уже научились по звуку отличать своих от чужих. Он был на большой высоте, и разглядеть его в ярком солнечном небе было трудно. Нам стало весело потому, что этот гад теперь уже боялся спуститься пониже.

Внизу по тропинке шёл мужчина в белом военном полулюбушке с белым меховым воротником. Подождав, когда он пересечёт тропинку, я ринулся вниз. Ветер со снегом ударили в лицо, перехватило дыхание, и в это мгновение раздался хлопок, совсем негромкий. Но когда я прокочил тропинку, увидел того военного в полулюбушке. Он лежал боком на снегу совсем рядом с лыжней. На спине белый полулюбушок был в чёрных пятнах. Я затормозил и вернулся к лежащему. От него валил пар. По другую сторону лыжни было чёрное пятно. Только тогда я сообразил, что фашист сбросил осколочную бомбу, а пар появился потому, что из ран вытекала горячая кровь, а было морозно. Наверное, мужчина шёл на обед и чисто случайно попал под осколки немецкой бомбы. Вот какая выпала ему судьба. Не на фронте, а в тылу караулила его смерть.

Мальчишки ко мне не съехали, забоялись, наверное. Не горы конечно, а убитого на их глазах человека, крупного и должно быть очень сильного. Я не знал, как поступить. Уйти нельзя, а вдруг он ещё живой и его

можно спасти? На всякий случай крикнул ребятам, чтобы бежали в военную комендатуру или, может, встретят патруль. Их как ветром сдуло.

Одному стало жутковато, старался не глядеть на лежащего. В ближайший резервуар в самом низу попали осколки. Из просечек показались языки чего-то очень густого, похожего на солидол. Мороз-то сильный, но и давление тоже, вон как медленно выдавливается. В это время вдалеке на тропинке показались двое, в таких же полушубках, Я на лыжах кинулся к ним. Один бросился назад за носилками, а другой побежал к раненому товарищу.

Вот так совершенно случайно взрослый человек был изрешечён осколками, а я случайно задержался наверху всего на несколько секунд, совсем немного понадобилось фантазии, чтобы представить, что лежал бы ты сейчас рядом на снегу в такой же жуткой неподвижности. Брр... Стало зябко, и я пошёл домой, думая о том, что война совсем не такое весёлое дело, как показывают в кино.

Парадоксы войны

В начале Отечественной войны, в 1941 году, наши войска стремительно откатывались на восток, оставляя город за городом и множество деревень и селений. Мы, тогда ещё подростки, не могли понять происходящего. Наша Красная Армия, самая славная и героическая, и вдруг отступает, а ведь ещё в песне гордо пели, что врагу и пяди не отдадим?! На самом деле получалось, что гитлеровские фашисты сильнее и храбрее нас. Наши мальчишеские сердца не могли с этим смириться. Поэтому мы спорили и ссорились, ища ясного ответа на этот болезненный вопрос.

Ну и что! - кричал вспыльчивый Колька - подумаешь, Германия заставила всю Европу воевать против нас! Да мы в несколько раз больше этой Европы!

А у нас что? Мало заводов? - поддержал его Женька.

Да наши танки и самолёты получше немецких! - добавил Гена.

Значит мы слабаки перед фрицами, - подытожил обычно молчаливый Серёга.

Кто слабаки?!? - сразу все набросились на него. - А Гастелло?! - орали ему со всех сторон.

Это они от отчаяния, - слабо защищался Серёга.

Это не отчаяние, а холодный расчёт, помирать так с музыкой, - рассудительно заявил Паша. - Один бросил свой горящий самолёт на немецкие танки, а другой своим телом закрыл амбразуру с пулемётом. Они наверняка знали, что погибнут, но хотели отдать свою жизнь с наибольшим уроном для противника и спасти жизнь своим товарищам. Поэтому они и герои. И героев у нас много.

Хороши герои, если отступают, - пробормотал Серёга.

А вот ты, ты один у нас самый храбрый, смог бы на пулемёт лечь?!? - накинулся на него Колька.

Через три года, когда наши войска победоносно двигались уже на запад, я учился в техникуме, и у нас в группе были фронтовики: Виктор Грачёв, Евгений Крутов, Семён Воробьёв и Владимир Тюрин. Эти ребята, понюхавшие пороху, были уволены из армии по ранению. Крутов на протезах с трудом ходил с тростью. Мы, сокурсники, с уважением относились к этим взрослым ребятам, познавшим опасности в боевых условиях. Нам очень хотелось побольше узнать о том, как там, на войне, но фронтовики не любили вспоминать военные передряги и предпочитали отмалчиваться. На настойчивые вопросы о том, страшно ли в бою, однажды Виктор Грачёв не выдержал и, чтобы положить конец расспросам, рассказал примерно следующее:

- Очень страшно, ребята, былоходить в атаку, особенно в психическую. Это немцы придумали. Когда они пьяные шли цепью строевым шагом на сближение, то молчали, а потом с тридцати метров открывали огонь из своих автоматов. И тогда мы с винтовками наперевес и криками «ура» бросались на них в штыковую атаку. Так фрицы не выдерживали и показывали нам свои спины. Но при этом мы несли огромные потери от их огня и со злостью догоняли и доставали штыками.

А потом пошли румынские и австрийские части, которые вообще нашей штыковой атаки не выдерживали и позорно бежали или сдавались в плен. Ну, мы, как дураки, стали себя храбрецами считать, хотя втайне боялись, конечно. Каждому жить хотелось, а на войне каждый день погибали, и привыкнуть к этому невозможно.

А вот в последний раз получилось всё по-другому. Мы шли в атаку как всегда шеренгой, ощетинившись штыками. Думали, что нам и чёрт не брат, хотя и боязно было, но надеялись, что не в первый раз, так может снова повезёт. А навстречу нам такая же плотная шеренга твёрдо и молча шла. Всё ближе и ближе. Стало видно, что форма на них немецкая, а винтовки со штыками наши русские. Э-э, да это же братья славяне, бандеровцы. Они, дурни, за самостийную Украину воевали. Страшная это была встреча, незабываемая. Не знаю как у других, а у меня что-то ёкнуло в груди всё ближе и ближе. Они молчат, и мы молчим. Осталось уже всего несколько шагов. Всё во мне напружинилось и вдруг понял, что на меня идет здоровенный детина. Откровенно говоря, мне плохо стало. Конец, думаю, пришёл, а сам, как во сне, ему в пузо в выпаде штыком ударил. А он так треснул по нему, что винтовку у меня из рук чуть было не вышиб, и уже замахнулся, чтобы прикончить меня прикладом. Но при замахе он вдруг осел и завалился на спину и как-то боком, не выпуская, однако, винтовки из своих руки. Я сразу

ничего не понял, но как в тумане помог своему соседу справа прикончить тоже здоровенного бандеровца. А потом в азарт вошёл и в рукопашной схватке ещё кого-то колол и бил прикладом, пока меня самого не пырнули штыком в левое плечо и я упал.

Тот бой был короткий и жестокий. Наша тогда взяла. Ребята наши должно быть озверели. Ну как же - славяне ведь, а с фашистами заодно. Не понимали дураки, что потом союзнички их запросто обманут. Но дрались они яростно. Не отступили и в плен не сдались. Все полегли, но и наших положили немало.

В полевом госпитале, когда я пришёл в себя, узнал от ребят, что Колька Ремизов спас меня. Это был боец совсем малого роста. В цепь его взводный не ставил, поэтому он шёл позади нашей шеренги и стрелял в упор из винтовки. Так это он моего великана завалил. Так вот, ребята, всегда и всем страшно в бою, особенно в первые мгновения. Главное не растеряться, а потом страх уходит, и ты уже защищаешь себя и своих ребят. Вообще, вот это ощущение коллективной поддержки своих здорово помогает.

Прибылов Владимир Васильевич

Весна 1941 года была тёплой и дружной. К первому мая улицы подсохли, многие загорчане готовились к празднику. Праздник прошёл весело, с демонстрацией и народными гуляниями. А затем наступили обычные будни.

Вскоре прозвучал последний звонок в школе и мы, ученики начальной школы № 9, отправились на каникулы. Я тогда учился в третьем классе. Не знаю, кому принадлежало здание школы на Болотной улице до революции, но это было прекрасное строение, с просторными комнатами, паркетным полом, высокими потолками, изразцовыми печами и массивными дубовыми застеклёнными дверями.

При школе был прекрасный фруктовый сад и много декоративных насаждений. Многие из нас любили барбарис.

Я родился 15 июня 1930 года в городе Загорске, и когда объявили о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз, мне было 11 лет. Тогда я ещё не мог полностью осознать, что такое война, это осознание пришло позже. Впереди было лето с купанием, играми, походы в лес за ягодами и грибами.

В августе, когда я увидел большие вереницы людей, идущих с по-

житками, иногда со скотом вдоль проспекта Красной Армии, я понял, что произошло что-то страшное. Мама кратко рассказала о войне, а позже она стала говорить мне и сестре Жене, что нам тоже нужно уходить. Она собрала в дорогу вещи и назвала день ухода. Но в день отбытия она посмотрела на нас и сказала: «Никуда мы не пойдём. Будь что будет, а свой дом мы не бросим». И мы остались в Загорске. Незаметно прошло лето, наступило первое сентября. Я пошёл в четвёртый класс начальной школы. Жить с каждым днём становилось всё труднее и труднее. Немцы приближались к Москве. Начались налёты немецкой авиации на город. Помню, накануне праздника Великого Октября многие жители вывесили флаги в честь праздника. В те годы я жил на Первомайской улице, недалеко от Болотной улицы. Родители моего друга жили в доме на углу Первомайской и Болотной улицы. Дверь в дом располагалась во дворе с западной стороны. Над дверью они вывесили флаг. Немец пролетел в сторону вокзала и обстрелял из пулемёта этот флаг, а потом сбросил бомбы. Были ещё налёты, один из них видимо был нацелен на нефтебазу, но бомба угодила в склад лесопилки. Образовалась большая воронка. Мы мальчишки бегали смотреть на эту воронку и находили там осколки от фугасной бомбы.

Зима 41 года была холодной и голодной. Продукты отпускались по карточкам, которые было очень трудно отоварить. Огромные очереди, крики, оскорблений. Хлеб представлял из себя сырую массу неизвестного происхождения. Своих запасов не было, печку топить было нечем. Я с мамой ходил пешком до деревни Высоково. Там в снегу торчали высокие берёзовые пни. Мы их спиливали, укладывали на деревянные санки и везли домой. Но почему-то потом нам не разрешали брать и однажды мы вернулись ни с чем, да ещё у нас мужик отобрал пилу и пригрозил тюрьмой. Не знаю, был ли он представителем лесхоза или мошенником. Позже мне разрешили на лесопилке брать обрезки дрёвесины и я вязанками через плечо приносил их домой. В то же время на железной дороге вычищали топки паровоза от шлака, а там попадали несгоревшие угли, которые я собирал кочергой в ведро и нёс домой. Так мы и отапливались.

В ноябре 41 года, когда сформировалась Первая Ударная армия под командованием Кузнецова, в нашем доме остановились два офицера в звании капитанов. Мама сварила им из концентрата щи и заварила горячий чай. Они пробыли у нас не более трёх часов и ушли, оставив нам на память небольшое шило с красивой лакированной ручкой. А в сквере возле школы № 3 и РККА было большое скопление бойцов и множество ящиков с боеприпасами. Но вскоре сквер опустел, видимо войска направились в сторону Дмитрова.

Холод и недоедание постепенно подрывали наше здоровье. Я силь-

но похудел, иногда серьёзно болел, но жизнь продолжалась. Весна 42 года немножко облегчила нашу жизнь. Я закончил начальную школу и в конце мая мы с мамой и сестрой Женей уехали в город Алатырь Чувашской ССР. Там жила моя старшая сестра Анна, её муж был кадровым офицером, конечно в это время он был на фронте. Алатырь представлял из себя типичный провинциальный уездный город Поволжья с тротуарами из деревянных настилов, одноэтажных домов, без уличного освещения, но с водопроводными колонками. Но больше всего меня впечатлила судоходная река Сура, приток нашей великой реки Волги. Я впервые в жизни увидел широкую реку с причалами, паромом и буксирами, которые двигали огромные баржи.

Первые месяцы пребывания на новом месте были спокойными и сытыми. У сестры были кое-какие запасы продовольствия, на рынке было много в продаже продуктов, но не хватало денег. Анна работала на лесопильном заводе, Женя пошла работать на плодоовошную базу, мама - няней, а я добывал рыбу, используя снасть, которую местные жители почему-то называли «паук». Когда поспели ягоды, я переправлялся на пароме на другой берег Суры, где на обширных заливных лугах росла крупная земляника и дикий лук. За 2-3 часа я набирал трёхлитровый бидон земляники и сумку дикого лука. А с наступлением грибной поры, опять же на правом берегу реки, я собирал много отличных грибов, особенно было много маслят. Мама солила и сушила их на зиму, а из свежих грибов готовили различные блюда.

Лето прошло быстро, настало первое сентября. Я пошёл учиться в пятый класс. Проучился недолго, потому что в ноябре решил пойти работать на плодоовошную базу, для того чтобы получить продовольственную карточку и денежное довольствие. Мы мыли, чистили, резали овощи и отправляли их в сушильные камеры. Затем упаковывали во влагонепроницаемые мешки и отправляли на фронт. Руководство базы разрешило варить обед в цехе, так мы с сестрой получили возможность бесплатно обедать.

Весной 43 года мама решила вернуться в Загорск. Вернувшись в родной город, мама пошла работать на Краснозаводский хим завод, Женя пошла учиться в школу, а я старался помочь семье. Подрабатывал до конца войны то на заготовке зерна, то на мельнице.

Сообщение о капитуляции Германии вызвало всенародное ликование. 9 мая 1945 года я находился на вокзале и видел радость людей, радовался сам. Все чувства нельзя сейчас передать словами. Люди обнимались, целовались, плакали. Война принесла много горя и страданий людям. Многие дети войны лишились своего настоящего детства, многие из нас рано поняли что такое труд, лишились отцов и матерей. Но мы приобрели такие качества как целеустремлённость, бережливость, сострадание.

Закончилась война и я смог не только работать, но и учиться. Работал на заводе по производству фруктовых вод и учился в вечерней школе. В 48

году я поступил на работу в ЗЭМЗ учеником токаря. Стране нужны были грамотные рабочие кадры. Чтобы заинтересовать молодёжь, государство предоставляло учебный оплачиваемый отпуск, выдавались ежемесячно наборы кондитерских изделий по 700 граммов (печенье, пастила конфеты). Жизнь понемногу улучшалась. И вот настал день, когда меня призвали в армию. Меня отправили учиться в учебную команду специального назначения Киевского военного округа. Это учебное заведение готовило офицеров для работы в штабах частей КВО. Так в 1950 году я вступил в новую взрослуую жизнь.

Пронькин Николай Михайлович

Память живая

Хочу рассказать о своём родственнике, участнике Великой Отечественной войны Бигачеве Макаре Сергеевиче.

Макар до войны работал в районном центре Кочкурово, это в Мордовии, начальником банка. Молодого, грамотного специалиста очень ценили, уважали за честность, трудолюбие, ответственность, исполнительность. В 1941 году ему было 21 год, его конечно же призвали на войну. В их большой семье было девять сыновей. Только двое младших мальчиков остались дома, остальные во главе с отцом Бигачёвым Сергеем Степановичем ушли защищать свою родную землю.

Дома у Макара осталась молодая беременная жена. В дальнейшем из писем он узнал, что у него родился сын. Он всё время мечтал о встрече с любимой женой и сыночком, но жена у него погибла при заготовке дров, в лесу на неё упало дерево.

До сих пор сохранились три письма Макара брату, в которых он рассказывал, что несмотря на такие страшные дни они отмечают день сталинской конституции, а он радует своих однополчан игрой на гитаре. Макар в мирное время занимался художественной самодеятельностью, он был очень талантливым человеком.

В 1943 году Макар мужественно защищал блокадный Ленинград от фашистских извергов, пожелавших любой ценой захватить славный город Петра. Он пал смертью храбрых под Ленинградом в звании старшего лейтенанта. За проявленное мужество Бигачев Макар был награждён государственными наградами. Мама Макара воспитывала его сына, она всю жизнь оплакивала своих погибших сыновей, с фронта из восьми человек вернулись только трое: муж и два сына.

На Родине в Мордовии Макара не забыли, в селе Сабаево ему воздвили памятник.

Если бы он был жив, то сейчас радовался вместе с сыном Борисом, глядя на своих правнучек, которые работают учителями.

Рослякова Юлия Васильевна

Страшно вспоминать

Мне было 7 лет, когда началась война. Помню, как отца провожали на войну. Все плакали очень и погиб он в тот же 1941 год. Осталась наша мама и нас пятеро детей, в возрасте от полутора до десяти лет. Мама работала дояркой, а дома и за себя и за отца огород городила, пахала. Дети, кто подрастал, все работали в колхозе, я с 10 лет помогала маме на ферме. Брат боронил пашню на быке, возил навоз. Сестра при молотьбе зерна искалечилась, осталась на всю жизнь инвалидом. Есть было нечего. Траву сушили, лепили лепешки и пекли. В школу брали эти лепешки, они раскрошатся в сумке, собираем крошки, едим. Маленькому ребенку тоже это давали. Есть хотелось всегда. Посылали нас в лес заготавливать дрова, парни валили лес, мы обрубали сучья топором или пилой и увозили в деревню. Хорошо, что наш дед умел плести лапти, ходили в школу в них зимой. Кто не имел лаптей, все лето бегали босиком, а зимой сидели дома. Пряли лен, перед этим его мяли руками. Рукам больно, а надо. Из пряжи ткали дерюгу, шили из нее одежду. Мешки для зерна колхозного тоже шили из дерюги. Возили сдавать государству зерно на быках. До школы ходили в лаптях, а там надевали матерчатые тапки.

Из деревни погибли на войне 8 мужиков. А кто пришли, все инвалиды, опять не работники в колхозе и все лежало на женщинах и детях. После семилетки хотела поехать учиться, не пустили из колхоза. Дали группу в 15 коров, три раза доить, управлять. Домой приходила без ног, без рук. Жили бедно-бедно. Брат в сапогах на босу ногу поехал в г. Котлас в морское училище. Сейчас инвалид.

Пришло время, я вышла замуж, зажила своей семьей, родился сын. В 1970 году приехали в совхоз «Смена» Сергиево-Посадского района. Работали в строительной организации. Строили поселок «Смена» и производственные помещения. Щадить себя на работе не привыкла, и в 47 лет стала инвалидом. Колхозный стаж не входил, пришлось работать еще. Добила себя совсем. Одна нога не ходит, вся в железных штырях и вторая отказывает. Никуда ходить не могу, по дому передвигаюсь с трудом на двух костылях. Спасибо, муж помогает во всем. Ему, Рослякову Павлу Константиновичу, 84 года. Тоже прошел все тяготы военного детства. Вспоминать не любит. Сын помер, так что живем, друг дружку поддерживаем, как можем. Хорошо, сноха не бросает нас. Звонит постоянно, приезжает. Пока рассказывала про наше гореванное детство, наплакалась. Даже вспоминать страшно, как мы выжили в те весенние годы.

Рыбаков Иван Алексеевич

Заслуженный деятель искусств России,
член Союза писателей России,
Награжден «Золотой пальмой» Международной
Европейской организации «Партнерство ради
прогресса», Ницца, 1996 г.

По воспоминаниям о своем детстве
и военных годах И.А. Рыбаков
написал повесть «Детство Ванятки»
Издательство «РЕМАРКО». 2009 г

Из поэмы «Росы детства»

Я родился в начале войны
С майссершидами и журавлями.
Первый цвет отлетевшей весны
Возбужденно ловил глазами.

В продымленной крестьянской избе
Печь да полог холщевой люльки,
Завывание ветра в трубе,
Тараканье и дедовы штульки.
Бабка ветер тот «ночкой» звала,
И когда колыбель качала,
Про Катюшу и про Орла
Потихоньку мне напевала.

Дед был стар, но строчил лихачем
На допотопном «Зингере».
Ему было одеть нипочем
Полдеревни в одежды зимние.
Иходила слава о нем,
Как о лучшем портном на свете.

А бывало, наш старенький дом
На весь день отдавали детям.
И тогда? Что там было тогда
Знали только дедовы нервы
Да, наверное, в небе звезды,
Что всегда загоралась первой.

Мои сверстники, дети войны,
Как счастливы в несчастье мы были!
Добежать босиком до луны,
Пустяком нам казалось по пыли.
А где-то дрожала земля
От рева и грохота стали.
Там, в одиночку молясь,
Люди себя убивали.

И не было в мире добра,
Не было в мире счастья.
Отправлялся из дома брат,
Уходили и в зной и в ненастье...
Уходили, с верой дойти,
И назад возвратиться живыми.
Видно, другого пути
Не было перед ними.

Грохотала, гремела война
Над израненnoю планетой.
А нам улыбалась весна,
Горело кленовое лето.

...

Солнце долго жару держало,
Не спадал надоедливый зной.
Мне припомнилось, как ликовала
Наша деревня весной.
Видел я, как одетые пушки
Грузно везли в те дни.
Видел, как вечером душным
Долго горели огни.

Разодетые парни и девки,
Старики, мужики, детвора
Под гармошки играли припевки
И плясали почти до утра.
«Слава Ленину! Сталину слава! –
Так кричали, что падал плетень,
Красной армии слава, слава!
Наконец-то пришел наш день!»

...

Молодежь гоготала и пела,
Старики продолжали свой «пир».
Что же стало на свете белом?
И я понял – на свете МИР.

Саблина Тамара Сергеевна

Страницы моей жизни

Я, Саблина Тамара Сергеевна, родилась 29 мая 1933 года в городе Туле. В то время отец мой, Саблин Сергей Павлович, работал на Тульском оружейном заводе, а мама, Саблина Анастасия Ильинична, работала медсестрой в роддоме. Ее родители были крестьянами из станицы Новохопёрской. Во время Гражданской войны отец мой воевал в тех местах, он увидел там девушку Настю, влюбился в нее, посадил на коня и увез. После окончания войны они поселились в Туле, в доме старшей сестры отца.

Мама моя была очень талантлива. Она умела шить, вышивать гладью и ришелье, очень вкусно готовила, была добрая и ласковая. Очень жаль, но она умерла в 1938 году, когда мне было 5 лет, а старшей сестре 10. Так мы осиротели. Год мы жили одни с отцом, а через год он женился на учительнице, которая приехала в село Константиново после окончания Московского педагогического института. Ей было 28 лет, а отцу 40.

Наступал роковой 41-ый год. Я помню, как мы провожали отца на фронт. Это было осенью. Он шел вместе с другими в коротком полу-пальто, хромовых сапогах и с вещевым мешком на плечах. А потом мы получали фронтовые письма, в которых он писал, что война скоро кончится и он вернется домой.

В 1941 году я пошла в первый класс, а сестра уже учились в пятом классе. Начались годы лихолетья. Мы голодали. Помню, как мы варили мелкую картошку в самоваре, и новая мама делила нам ее поровну. 1 января 1941 года у нас появилась сестренка Людмила. Чтобы как-то выживать, мы раскопали огород позади дома, посадили картошку, завели кур и двух коз. Конечно, нам приходилось много трудиться. Я помню, как мы помогали в колхозе убирать картофель из-под снега, собирали золу для удобрения колхозного поля, ставили концерты. Когда я стала пионеркой, то была шефом у октябрят.

Я старалась учиться очень хорошо. У меня никогда не было ни одной

двойки и тройки. Учила нас очень хорошая учительница, Максимова Александра Ивановна. Она была очень строгая. Тогда начали появляться «военные» песни, и я в классе стала запевалой. После участвовала в хоре, когда учились в педучилище и в пединституте.

Еще хочу сказать то, что у нас в селе Константиново стоял батальон. Его бойцы стреляли грачей. Этих грачей варили и ели жители, кому они доставались.

Враг подходил к Дмитрову. Через наше село гнали скот. Коров, которые не могли идти, забивали, и мясо раздавали населению. Молоко также отдавали людям. В нашем доме остановились связисты. Я видела, как работала девушка-радистка. Ее позывные «Берёза, я сосна» я запомнила на всю жизнь. Так мы жили в военные годы, учились, трудились.

В 1947 году я закончила семь классов с отличием, и меня приняли в Ногинское педагогическое училище. Как раз весной 1947 года вернулся домой отец. Он был офицером, поэтому его не отпустили домой сразу после окончания войны. Он мне и посоветовал поступать в педагогическое училище, так как видел, что я любила проверять мамину тетради. Моими любимыми предметами были русский язык и литература, немецкий язык и история. Я не пожалела, что поступила в педучилище, так как наряду с другими предметами нам там преподавали музыку, бальные танцы. Я учились по классу фортепиано. В своей школе я бы такого образования не получила.

После окончания учебы я получила направление в институт. В Москве не было общежития, поэтому я поступила в Орехово-Зуевский пединститут. Эти годы тоже забыть нельзя. У нас были замечательные педагоги. После института я 3 года работала в Алтайском крае в селе Хмелёвка. Десять из моих первых выпускников стали учителями.

Затем я вернулась в Константиново и работала учителем домоводства и русского языка. А девочек десятиклассниц мы готовили к работе воспитателей в детском саду.

Далее была школа в Шеметово, которой я отдала 48 лет своей жизни. Имею много благодарностей за успехи в обучении и воспитании детей и их родителей.

Самойлова Елена Анатольевна

Шулежко Федор Тимофеевич (1898-1962)

«О, нищая моя страна,
что ты для сердца значишь...
О, бедная моя жена,
О чём ты горько плачешь?»
Шулежко Ф.Т.

Когда нагрянула Великая Отечественная война 1941 по 1945 год в родном городе Жданове (Мариуполе) Шулежко Федор Тимофеевич был призван в 49-й запасной полк, а в 1943 году Федор Тимофеевич ушел воевать рядовым в составе 3 Украинского фронта, 37 армии 2 зенитного полка при полковнике Нестеренко. На войне пришлось воевать 1 год до 1944 года, так как в этом роковом 1944 он был осужден военным трибуналом по статье 54-10-10.... Но это уже совсем другая история.

Человек интеллигентного склада, невысокого роста, коренастый Федор Тимофеевич был истинным патриотом родной Украины. Разговаривал исключительно на украинском языке, а «Кобзарь» Тараса Григорьевича Шевченко был его настольной книгой.

Щирый украинец, с прической «под Котовского», хлебосольный хозяин с удовольствием принимал гостей в своем доме, что на Поворотном переулке дом № 6, любил затянуть народную песню «Рэвэ та стогнэ Дніпр широкий». Его патриотический склад характера сформирован еще в юности: ведь в 19 -летнем возрасте он служил в царской армии, а затем в 43 дивизии под командованием Котовского.

В 8-й Червоноказачьей дивизии 44-го полка корпуса Приймакова. Будучи одарен литературными способностями, строитель по профессии Федор Тимофеевич так в стихах описывал свои чувствования к супруге Христине Григорьевне Дыхно.

Тяжела войны дорога,
Не познавши – не узнать.
Подожди еще немногого-
Может, встретимся опять.
В городке далеком
Где одиноко ты живешь,
И как раннего рассвета,
Ты меня ждешь и ждешь.
Ты думаешь в тревоге,
Что приду я или нет,
И на стенке в изголовье
Мой повесишь ты портрет.
Женушка – жена, только ты одна,
Только ты одна в душе моей.

Федору Тимофеевичу посчастливилось застать и мирные годы Украины. Последние 7 лет своей земной жизни он провел в кругу дружной семьи: супруги Христины Григорьевны, сына Ивана, дочери Лилии. Будучи инвалидом 2 группы (болезнь сердца) работал на Госшвейфабрике имени Дзержинского в должности бригадира механиков.

Семья проводила Федора Тимофеевича Шулежко в последний путь лютым январем 1962 года. Похоронен на центральном кладбище своего родного города Жданова.

И сегодня в 21 веке его советы, его многотрудный жизненный опыт стал востребован для последующих поколений, внучка Елена бережет в памяти воспоминания о деде, его фотографии, его пожелавший от времен дневник и документы по Делу осужденного Шулежко Федора Тимофеевича.

Когда готовилась к изданию « Книга Памяти» Украины» (Донецк: ТОВ « Алан», 2002 год), в которой увековечены имена участников боевых действий (фронтовиков), партизан и подпольщиков, умерших в послевоенные годы, то во 2-м томе на странице 568 читаем: Шулежко Федор Тимофеевич 1898г., родился село Тишки Київської області. Участник ВОВ. Рядовой 2 сп. З УФ. Медаль за победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг. Умер и похоронен в городе Мариуполь. И фотография

Федора Тимофеевича среди фотографий других мариупольчан-фронтовиков.

Мы, жители сегодняшнего дня с гордостью можем сказать: «Ваше Дело не забыто, Вы с нами навечно».

Шулежко Иван Федорович (1925-1986)

Старший сын Федора Тимофеевича - Иван Федорович Шулежко ушел на войну в 1941 году добровольцем. Воевал с фашистами в составе танковых войск.

Ивану, красивому, статному, высокому молодому человеку посчастливилось пройдя все тяготы войны, неоднократно подвергаясь смертельной опасности в плену и на линии фронта вернуться домой в победном 1945 году.

В родном Жданове (Мариуполь) он женился и стал отцом дочери Натальи.

Через некоторое время переехал в город Симферополь.

Работал на производстве (имел техническую специальность), вышел на пенсию и вскоре умер. Похоронен в городе Симферополе.

Федор Тимофеевич, заботясь о сыне так наставлял его в своих письмах с фронта:

«Ты должен любить то, что составляет благо и честь Отечества; не должен щадить трудов для общего блага. Должен ненавидеть ложь и измену своему Отечеству, учиться у умных людей-были они чужие или свои, чужие языки должен знать- свой другим преподавать.

Должен любить свою семью, уважать, хорошо ему научать , своих родителей почтить, какие бы они ни были.

Врагов своих должен презирать и им пальца в рот не давать.

Если ты хочешь быть жестоким- будь жесток к врагам!.

Нужно жить с народом –всю их жизнь знать, с ним радость и горе делить.

Себя береги - не доводи до отчаяния.

Если совет мой разнесет ветер, и ты не захочешь знать того, что я тебе желаю, то я отрекусь от тебя и не признаю тебя сыном.»

Иван Федорович Шулежко имеет награду- медаль За победу над Германией в ВОВ1942-1945гг.

Мои дедушка Шулежко Федор Тимофеевич и дядя Шулежко Иван Федорович НАВСЕГДА останутся в моей памяти.

Молитва о упокоении Федора и Иоанна заказана во многих церквях...

Седова Мария Павловна

Я родилась 1 июля 1943 г. Проживала в Смоленской области Руднянского района, где проходила бурная война. Отца моего убили, дом сожгли немцы, скотину увезли партизаны. У матери нас было четверо: два брата, я и сестра. Проживали мы после войны в землянке, без пола на земле. Я тогда простудилась и три года не могла ходить. На неделю нам давали полбуханки хлеба на четверых, мама была пятая. Жили на одной картошке. Лет десять мы жили в нищете. Вот такое мое детство.

Седых Зоя Николаевна

Я, Седых Зоя Николаевна, родилась 8 октября 1938 года в Кировской области Котельнического района Юрьевского сельсовета в селе Юрьево. Во время войны выжить нам помогло свое хозяйство. После войны был голод. Я помню, как старшие сестра и брат ходили за диким луком, он рос за рекой. Они принесут, мать нальет в тарелку молока и нарежет этот лук, а мы сидим за столом и ждем, когда это будет готово. Весной ходили по картофельным полям и собирали картофель, а мать из этой картошки пекла лепешки, а нам казалось, что они такие вкусные. Ели конский щавель. Вот все, что я помню.

Сидоров Валентин Николаевич

Память не даёт покоя

Я родился в 1937 году и вместе с семьёй проживал в деревне Ерёмино Загорского района. Деревня находилась в 20-ти км от города Загорска. В 1941 году наша деревня стала стратегическим объектом, так как рядом проходила автомобильная дорога. Дорогу охраняли солдаты.

Наша семья - отец, мать я и брат, жили в фабричном доме. Отец работал бухгалтером на фабрике, мама - ткачихой.

В деревне была начальная школа и прядильно-ткацкая фабрика (филиал фабрики имени Розы Люксембург), хлебопекарня, телефонная станция, магазин, чайная, клуб.

В клубе выступали и московские артисты. На их концерты собирались жители близлежащих деревень.

Мама рассказывала, что в ноябре 1941 года отец, получив повестку, отправился в Загорский городской военкомат и был отправлен на

фронт. С фронта отец присыпал письма. В одном письме он просил маму вместе с нами перебраться в деревню Генутьево, к его отцу. Он считал, что там семья будет в безопасности, так как немцы рвались к Москве и постоянно совершали боевые вылеты. Иногда сбрасывали бомбы, не долетев до цели. Одна из таких бомб взорвалась в 200 метрах от нашего дома. Взрывной волной были выбиты все стекла.

Когда мы переехали к дедушке в деревню Генутьево, мама стала работать в колхозе. Она умела и косить, и жать серпом, и пахать, легко управлялась с лошадьми. Порой ей приходилось носить молоко по 40 литров в раз на молокозавод, который находился на берегу реки Веля возле деревни Пальчино. Зимой и летом мама возила воду в 200-литровой бочке на ферму. Надо было привести 10 бочек воды, чтобы хватило напоить всех животных.

Весной колхозницы пахали на лошадях, вручную сеяли зерновые, морковь, сажали картофель, капусту, а потом летом ухаживали за посадками. В основном работали женщины и дети, так как мужчины были на фронте.

У нас было и своё домашнее хозяйство: сажали овощи, разводили животных и птицу. Это было хорошее подспорье в тяжёлые военные годы. Домашние коровы, козы, овцы паслись вместе с колхозными. Помогали пастухам пасти и подростки. В лесу было много волков и порой они даже нападали на овец.

Когда в октябре 1945 года отец вернулся с фронта, мы переехали в Ерёмино. Отец начал работать на ткацко-прядильной фабрике. Мы с братом учились в начальной школе. У нас был замечательный учитель Ульянов Василий Владимирович. Успешно окончив начальную школу, мы поступили в Григорковскую среднюю школу. В школу 7 км ходили пешком. Трудно было. Не было обуви, не хватало учебников, тетрадей, но очень хотелось учиться.

Первые послевоенные годы были очень тяжелыми и голодными. Собирали всё, что можно было съесть. Весной и летом собирали ягоды, грибы, орехи. Заготавливали лекарственные травы, корень папоротника и сдавали государству.

Собранные ягоды, орехи и грибы относили на рынок и продавали, а на вырученные деньги мама покупала материал и шила нам необходимую одежду.

Сидорова (Кудрявцева) Антонина Клавдиевна

Родилась 6 февраля 1929 года в деревне Козлино, Великолукского района Великолукской области.

Деревня, в которой жила моя семья, была небольшой, всего 14 дворов. После начала войны началась всеобщая мобилизация и 12 июля 1941 года мой отец был призван в действующую армию. В этот день мы видели отца в последний раз. Писем от него мы так и не дождались, а потом пришла похоронка.

После того как отец ушёл на фронт, наша семья: мама и четверо детей остались жить в Козлино. Я была самая старшая, поэтому на мне лежала ответственность за младших детей, так как мама работала.

Немцы приближались, было очень страшно: постоянные бомбёжки и обстрелы заставляли нас прятаться в укрытиях. Целью немецких войск был город Великие Луки, бомбили его и днём и ночью. Под обстрелы и бомбёжки попадали и близлежащие деревни и сёла. Оставаться в своей деревне было небезопасно. Наша семья с другими беженцами старались уйти как можно дальше от линии фронта. Приходилось жить в землянках. Нас и немцев разделяла река Ловать, и порой немцы вели прицельный огонь по мирным жителям, даже когда купались дети. Однажды под обстрел попала и я. Одна из пуль ранила меня в руку.

Потом немцы почему-то сменили позиции и отошли от реки. Мы перебрались в уцелевший дом. Продовольствия никакого не было. Все дети собирали ягоды, орехи, грибы. Мама пекла лепёшки из лебеды. Всё время хотелось есть. От голода мы еле передвигались. Сильно похудевшие, мы были похожи на скелеты. Но с наступлением холодов немцы вернулись. Река замерзла, и они по льду перебрались в деревню, в которой находились беженцы. Снова запылали дома и начались расстрелы - расстреливали мужчин, не ушедших на фронт по возрасту, на глазах у жителей деревни и беженцев. Потом нас погнали в немецкий тыл. К счастью, нам удалось бежать. Убегая от немцев, мы плутали по лесу, и наконец, через трое суток, измученные добрались до деревни Костелёво. Нашли уцелевшую баню и поселились в ней.

После изгнания фашистов наши солдаты помогли нам добраться до станции Назилово, где нас поселили в разбитом здании школы. В течение двух недель мы ожидали поезд. Я успела за это время добраться до г. Торопец и получить документы о гибели отца, денежное пособие 15 рублей, а также хлебные карточки по 300 г. хлеба на детей.

Тяжело приходилось семье и в эвакуации - начали болеть. Очень тяжело перенесли заболевания тифом. Лекарств никаких не было и, казалось, не выживем. Но мы выжили. В конце 1943 г. одну из сестёр удалось устроить в ремесленное училище № 17 в Москве. Мы были рады, что она получит профессию. Потом в это же училище поступила и я.

В 1946 году я окончила училище. Получив профессию слесаря-инструментальщика, была направлена на работу г. Загорск, где проработала до 1993 года.

Трудными были мои детство и юность в военное время, забыть это невозможно.

Слепкова (Мишева) Любовь Петровна

Я родилась в 1945 г. У меня был дедушка, его звали Иван Фёдорович Подгорнов. Родился он в деревне Тарбинское, Московской области, Константиновского района. Его взяли на фронт, когда ему было 44 года. Как мне рассказывала бабушка, Анастасия Степановна Подгорнова (Костина), что его не должны были отправлять на фронт, т.к. он был «белобилетником», то есть не пригодным к воинской службе. Должны были отправить молодого человека с Нижнего посёлка, но он откупился и остался дома. Дедушка писал первое время письма, давал наказ детям – беречь маму. Детей было четверо: три дочери и сын Михаил. К сыну он обращался с такими словами: «Сынок, берегите мать, и учись, в одном кресте останусь, но хочу, чтобы ты выучился и стал хорошим человеком». Бабушка с 1895 года. Она мне рассказывала про свою жизнь. В девушках она работала в Москве горничной у очень хороших хозяев. Её обязанностью было убрать утром хозяйские крошки и отвести в гимназию их дочь Ниночку. В отпуск она уезжала к родителям. У её родителей было 9 человек детей, бабушка была старшая в семье. Она была очень хорошей портнихой. Приехав домой, она общивала всех, как она говорила «голоштанных». В деревне у неё был любимый человек – Иван. Они очень любили друг друга и решили пожениться. Когда Иван попросил родителей идти сватать Настю, они отказались, т.к. Настя была из бедной семьи, у них сгорел дом и всё хозяйство. Мой прадед Степан очень любил петь песню «Я гол как со-кол, гуляю и веселюсь». Когда родители Ивана отказались идти сватать Настю, он сказал родителям: «Если не пойдёте её сватать, тогда меня больше не увидите!» Тогда они согласились. Жизнь их началась очень тяжело, как говорила бабушка - «привыкал к голому колу». Землю дали родители, вбили кол деревянный и всё. Родители бабушки смогли дать только петушка да курочку. Вот и все пожитки! Дедушка был умный и деловой. Они с бабушкой построили дом, нажили четверых детей, всё

вроде бы шло своим чередом. В деревне жить было тяжело, работали за «палочки». Переехать в город было невозможно, т.к. паспорта были в сельсовете. И только чисто случайно им удалось получить паспорта. Тогда-то они и переехали в д. Рогачёво, где жили на квартире, потом им дали комнату в Краснозаводске по улице Строителей №8, которого уже нет. Дедушка очень любил бабушку и детей. Из воспоминаний моих тётушек и мамы – он всегда приносил детям гостинцы, и если дети спали, он их целовал и подкладывал гостинцы под подушку. Моя мама всегда его называла «папанюшка мой дорогой». Он был строгий. Был такой случай: отмечали какой-то праздник, маме было лет 18, всех обносили рюмочкой с вином, поднесли и маме, тогда она взглянула на отца, по его взгляду, она поняла, что пить нельзя.

Мой дедушка был на Финской войне, когда был ещё молодым. Великая Отечественная война не обошла их семью стороной. С фронта дедушка писал письма, где ругал фрицев. Некоторые письма бабушка сожгла, когда немцы подходили к Москве. В нашем городе были сброшены с фашистского самолёта снаряды, когда ученики школы ФЗО шли по городу. Бабушка боялась за детей и за себя, если найдут письма, то им всем не сдобривать. Несколько писем я видела и читала, они были уже такими ветхими и слабенькими, потом они куда-то пропали.

Пусть будет вечная память нашим бабушкам, дедушкам и родителям. Мы их помним и молимся за них.

Смирнова Антонина Александровна

Это был 1941 год. Мне было тогда два года и три месяца. И вот что у меня никак не выходит из памяти: стоит папа с мамой в комнате, папа в телогрейке, на голове кепка, на ногах кирзовые сапоги – берёт меня на руки, подходит к шкафу, открывает ящик, достаёт конфету длинную и подаёт мне (это было в мае месяце). У мамы живот большой, и брат рядом, ему шесть лет, и мы вышли из дома. Мама перекрестилась, дошли до горы, там, помню, стояло много башен. Народа было много. Ещё я помню, мама сказала: «Ну вот, сорок мужиков проводили, и они никто не вернутся». А другие говорят: «Это их на переподготовку». В июле месяце у меня появился брат. С нами жила бабушка, папина мама. Она очень меня любила. Потом, я помню, гроб под иконами стоял, а в нём лежала бабушка.

В деревне было сорок домов, и один из сорока мужиков вернулся в деревню, в семью. У него было пять человек детей.

Мне было пять лет, и я хорошо помню, как мама дала мне холщовую сумку и попросила идти насобирать травы лебеды, чтобы испечь хлеб. Она сушила траву в печке, обваливала в какой-то пыли и пекла хлеб.

Всё время постоянно стоит в памяти, как мама каждый день плакала и слёзы фартуком утирала.

Я помню, как однажды я ползла по полу и нарывала пшеничных колосьев. Мама боялась варить из них кашу, потому что запах пойдёт через трубу на улицу.

Во всей деревне не было мужиков. Я сидела на печке с братиком, и к нам в дом вошёл мужчина. Он ходил на одних пятках. Мама бросилась к нему: «Николай, а где же моего-то мужа оставил?» Она сильно плакала. А он ей ответил: «Поезд разбомбили весь, и мы с ним ползли по лесу. Всё вокруг горело, у Саши (так звали моего папу) откуда-то лилась кровь, и он умер. А я полз, полз и в конце концов попал в больницу, и отрезали мне лапы, а пятки остались». Мама накормила его супом, и он пошёл дальше. Мне было мало что понятно. Но всё же одно я поняла точно, что папы у меня не будет никогда, и значит, я не выучусь. Любила очень учиться. Полуголодная закончила ветеринарный техникум, а сдавать экзамены в институт не в чем было ехать. Даже юбочки хороший не было, сапог не было. Вот что значит нет папы. В колхозе денег не давали, одни трудодни.

Снетков Николай Дмитриевич

Я родился в 1929 году в селе, недалеко от Районного центра Галич Костромской области. Колхоз был маленький, но крепкий и очень дружный. Когда началась война, мне было 12 лет. У нас из колхоза забрали на войну всех трудоспособных мужчин и всех лошадей. В колхозе остался лишь один очень старенький кузнец и молодёжь в возрасте 11-14 лет. А 16-ти, 17-летних тоже брали в армию. Этот старенький кузнец подсказал, что из кастрированных молодых бычков можно вырастить рабочую скотину. В колхозе их быстро вырастили и они получились покрепче и покрупнее коров, домашнее хорошее животное, непохожее на свирепого быка.

И мы, мальчишки и девчонки 12-15 лет, работали на этих бычках летом, когда началась война. Во время каникул образовалась бригада из 16-17 человек, которая выполняла полевые работы. Бычки не могли пахать, потому их запрягали в повозку по два бычка. На бычках нельзя было косить косилками, т.к. у них скорость медленная, и нож косилки не резал, а только сминал траву. Людей в деревне вместе с эвакуированными оказалось много и для работы в деревне людей хватало.

Председатель колхоза остался, т.к. он был инвалид труда и его на фронт не забрали. А бригадиром поставили очень бойкую деловую

женщину, приехавшую из Ленинграда, которая нами и всеми эвакуированными руководила. Учитывая, что в первый год войны мы не ощущали никаких трудностей, к тому же почти в каждом доме были запасы продовольствия, первый год мы кое-как прожили без проблем.

Нас в семье осталось: я, братишко, мама и бабушка. Да ещё из Ленинграда приехали эвакуированные родственники. Всего нас оказалось в семье 8 человек.

Самое странное и интересное, что когда началась война, мы, мальчишки, совсем не испугались, в отличие от взрослых. Только потом, когда стали в наш колхоз приходить похоронки, тогда только мы поняли, что это такое – война. Ведь мы были воспитаны на Халхин-Голе, на озере Хасан и думали, что вот мы сейчас их (врагов) раз-раз и победим. Но не тут-то было!

Когда началась учёба, мы продолжали работать в колхозе. Придёшь из школы и идёшь в конюшню (она осталась от тех лошадей, которых забрали на фронт), запрягаешь своего бычка (бычки были закреплены за каждым из нас) и идёшь боронить в поле. А трудодни писали на маму, т.к. с уходом отца на фронт конюхом стала мама. Я не помню, когда и как я учил уроки. Но учился я хорошо. На этих бычках мы выполняли все полевые работы в колхозе. Но нам матери насыпали неполные мешки зерна, учитывали наш возраст. Очень было тяжело зимой в любой год, т.к. нужно было самим запасать на зиму топливо. До войны наши отцы закупали делянку, спиливали деревья, и на зиму были дрова. А когда мужики ушли на фронт, все их заботы были возложены на нас. Мы приходили из школы, брали санки и шли в лес, а дорог не было. И вот на лыжах, по своей лыжне, нарубленные и уложенные на санки ветки (дрова) тянем домой. Было очень нам, ещё детям, тяжело. Порой мы собирались компанией подростков и эту работу выполняли сообща, т.к. топливо нужно было для приготовления пищи, для скотины, для обогрева и для других домашних нужд.

Особенно тяжело было тому, где были девчата или мало людей в семье. Много хлопот было со светом, т.к. наш колхоз электрифицировали только в 1950 году. А то освещались керосиновыми лампами. Во время войны в школе на каждой парте стояла керосиновая лампа. Большие проблемы были со стёклами, которых во время войны негде было достать. Спустя некоторое время в ходе войны у нас стало голоднее. Но, так как у нас жили эвакуированные родственники, нам помогал огород, корова и бычки, которые были очень большими помощниками для нас. То и трудностей было меньше, чем у многих в колхозе.

Зимой из-за заготовки дров было очень много работы. Мы не могли пилить толстые деревья, а больше пилили тонкие, а их заготавливать приходилось больше.

7-ой класс я окончил в 1944 году, и наша старенькая учительница маме говорила: «Ты его обязательно учи дальше, он у тебя очень способный». Из деревни без паспорта тогда было уезжать нельзя. Но помогли наши эвакуированные из Ленинграда родственники. Они прислали мне вызов, и меня из деревни отпустили с паспортом. Я без вступительных экзаменов в Ленинграде поступил в военно-механический техникум, куда уже поступила моя сестра. Я приехал туда с опозданием, 11 сентября. Но меня зачислили без проблем. В то время, в 1945 году, можно было поступить в любой ВУЗ и техникум, т.к. основной заботой в стране было восстановление всего того, что было разрушено во время войны.

День Победы 9 мая 1945 года для нашей семьи не был радостным. Особо было горько, что в 1944 году получили похоронку на отца, а в 1943 году погиб мой любимый брат. К тому же в наш колхоз с войны вернулось только 3 человека. Из них двое по ранению.

Солёнов Павел Иванович

Начало жизненного пути

3 августа 1938 года в 5 часов утра у колхозников д. Суропцово Солёнова Ивана Егоровича и Татьяны Платоновны родился 7-ой ребёнок в семье. Его называли Павлом. Родился, как и все мои братья и сестры впроголодь, не обут, не одет и без всякого воспитания, был только присмотр. Так мама говорила, наказывая старшей дочери: «Присматривай за ними!» Вот и всё воспитание. Жили в большой нужде, постоянно хотелось есть. А об одёжке и обувке вообще говорить не приходилось. Особенно об обувке. Ладно, летом – она не нужна, а зимой...? На улицу хочется, но по снегу не пойдёшь босиком. Вот и ждёшь весну. Вот в одну зиму был такой эпизод «воспитания». Время шло к весне, начало пригревать солнышко. На другой стороне деревни росли четыре липы, вокруг их стволов оттаял снег. Два дня я глядел на эти «кусочки лета» и решил погреть ноги на прошлогодней сухой траве. Обе сестрёнки были чем-то заняты, воспользовавшись их отсутствием, я рванул босиком по снегу на эти островки. Сколько сидел не помню, но меня хватились. Младшая сестра Антонина увидела меня и сказала «няньке», так мы звали старшую сестру Нину. Гляжу, она берёт прут и идёт ко мне. Деваться некуда, жду. «Ну, что, нагулялся?» – говорит нянька. Я молчу. «Набегался?» Затем взмах прутом по спине. Взяла меня за ухо и чуть не волоком,

потащила домой. Пока пересекали улицу, а это метров 60-70, нянька «грела» меня этой розгой, стараясь попасть по мягкому, голому месту, штанов то не было. Пока дотащила меня до дома, моя бедная «корма» покрылась рубцами с кровью. Я орал навзрыд. Позднее, уже в уличных и других «боях», я уже не пускал сопли, не жаловался. Сестра Антонина старше меня была на 3 года. Она пошла в школу, мне так было завидно. Уроки она делала вместе с кузиной Валентиной, которая училась с ней в одном классе. Учение у них шло тяжело, учебный материал им давался тяжело. Но ведь можно их понять, т.к. разум приходит через желудок, а он постоянно пустой.

Я был любопытным пацаном и всегда прислушивался к их урокам. Спрашивал название букв, цифр, и когда настал мой срок идти в 1-ый класс, я уже мог читать, складывать и вычитать до 20-ти. В школе я очень любил математику. Эту любовь не утратил и после школы, пошёл в техникум, а затем в институт.

В наше детство вклинилось страшное событие – война. Отца призвали в ополчение в конце июля 1941 года. Он попал в 9-ую дивизию народного ополчения г. Москвы, которую бросили под Ельню. Присягу отец принял в Спас-Деменске. Личный состав был не полностью вооружён. На 12 человек выдали только 6 винтовок. Из 12 тысяч человек из-под Ельни смогли выбраться только 1200. Эти данные получили поисковые отряды в 2009-11 г. Я только от них узнал, что мой отец и его брат Павел Егорович были в 9-ой ополченческой дивизии. Сам отец не знал этого. Отцу не досталось винтовки. Командиры сказали: «Добудь в бою!» Не имея оружия, отец попал в плен. Это был октябрь 1941 года. В плену он пробыл до ноября 1944 года, работал на угольной шахте на территории Польши в 50 км от лагеря смерти «Освенцим».

В детской памяти очень остро зафиксировались отдельные эпизоды жизни. Май 1941 года. Посадка картошки. Под картошку основное удобрение – навоз. Вот его и возил на телеге на свой земельный участок мой батя. Я держался правой рукой за телегу, и каким-то образом моя правая ступня попала под заднее левое колесо телеги. Боль, крик. Вместо того, чтобы меня пожалеть, отец лупцевал меня рукой, а рука у него была мозолистая, рабочая, тяжёлая. Мама парила мою ногу в тазу с горячей водой, всё обошлось благополучно, перелома не было.

В июле отца провожали на фронт. Он с вещмешком, в стёганной телогрейке пошёл по деревне, чтобы проститься с родственниками: шурином Филипповым Иваном Платоновичем. Он был на «броне», т.к. работал на военном заводе в г. Краснозаводске. Он позднее ушёл на фронт добровольцем и погиб. Сгорел в танке под Котлубанью Волгоградской области в сентябре 1942 года старшим сержантом и со своим младшим братом Григорием (он был на «броне»), как работник лесниче-

ства). На крыльце нашего дома, под окном сидела и горько рыдала моя двоюродная сестра Клава Черных. Она потом пропала без вести на возведении защитных сооружений в Подмосковье. Её отец, Солёнов Павел Егорович, так же был в 9-ой дивизии и пропал без вести под Ельней. Павел Егорович был членом ВКП (б) и служил во взводе охраны штаба дивизии. Помню его последние слова: «Ванюшка, ты будешь жить, а мне каюк!»

Мама была сторожем скотного колхозного двора. В сентябре, взяв меня с собой, пошла на объект. Луна светит, пыли – толстый слой. Мне, идущему босиком, приятно, я шлётпаю, поднимаю пыль. Получаю подзатыльник : «Не пыли!» Вдруг какой-то стрекот в небе. До скотного двора осталось с 50 метров. Фонарь у мамы в руке был зажжён. Вдруг с самолёта – пулемётная очередь, которая как горох прокатилась по крыше скотного двора. Мама затащила меня под крышу. Самолёт улетел в сторону станции Бужаниново. Станцию Бужаниново бомбили осенью 1941 года неоднократно. Были попадания в составы с продовольствием и промтоварами. Мы с высоты нашей деревни видели падения бомб. Дети кричали: «Вон чугунки с кашей падают!»

Нашиими соседями по деревне Суропцово были Комковы. Семья была тоже большая: Иван, Александр, Виктор, Нина, Екатерина, Василий, Надежда. Так вот один из них, Виктор, 1927 г.р., бегал на железную дорогу и приносил брикеты пшеничной каши. С нами он охотно делился, т.к. был воздыхателем по нашей сестре Нине, а ведь ей еще не было 12 лет, Виктору – 14.

Мой старший брат Николай 1924 г.р. в 1941 году окончил курсы трактористов и до октября 1942 года работал трактористом в Загорской МТС (Машино-тракторная станция). Поздняя осень. На улице холодно. Вдруг в дом входит человек в солдатской шинели, в зимней шапке-ушанке с вещмешком за спиной. Мама с криком бросилась к нему и заплакала: «Коленька, ты какими путями?» Оказалось, что их эшелон направлялся через Александров под Ленинград. Он пробыл дома всего 2 часа, а затем рванул догонять своих. Его отпустили командиры по-

бывать дома. Ведь эшелон шёл мимо родной деревни. На следующее утро мама собрала кое-что и пешком пошла на пересыльный пункт, который был в Александрове в 25 км от нашей деревни. Прибыла она туда пешком уже в сумерках и попала на патруль. Мама, как могла объяснялась, она ведь не знала ни номера части, ни номера эшелона. И надо было так случиться, что Коля услышал маму. И вот он около неё. Коля патрулю сказал: «Что вы запрещаете, ведь может мы в последний раз видимся?!» Так оно и вышло. Попав на Волховский фронт, Николай погиб на Синявинских высотах 18 августа 1943 года.

1 апреля 1943 года на фронт призвали второго брата Алексея 1926 г.р. Ему было ещё 17 лет. Он сразу попал в Сталинград, где уже отгремели бои. Их, молодых бойцов, заставили очищать город от страшного количества трупов. Разлагающимися трупами забивали овраги и засыпали землёй. Солдатушек заедали вши, которых они вытряхивали и «выжирали» из нижнего белья.

И вот с апреля 1943 года мама осталась с 4-мя ртами, старшей 14 лет, младшей 2 года. У нас была одна мечта – что-нибудь поесть. Прошлогоднюю картошку, которую собирали на полях, у нас называли по разному – «лейтенанты» и «тошнотики». Как живы остались, знает только мама. Она дожила до 78 лет. Зимой 1943 года по баловству я провалился в прорубь на деревенском пруду. Меня, вернее мою шапку, увидела моя сестра Антонина, вот с подругой они и вытащили меня из «купели».

У нас не было детства, у детей, родившихся до войны. Постоянное недоедание, болезни, холод.

В начале осени 1943 года мама пришла домой. Мы были испуганы её видом. Она упала поперёк стола и, сквозь слёзы, проговорила: «Погиб мой Коленька, сыночек мой!». Пришло извещение о гибели брата Николая, ему не было и 19 лет.

В 1969 году с большим трудом мы нашли ту высоту и побывали там с мамой. Там не было списков погибших, ведь на этих высотах погибли более 1 млн. человек. В 2005 году я опять побывал там, к тому времени, был уже воздвигнут солидный мемориал «Синявино». На панель я прикрепил фото брата Николая и пластинку со словами: «Солёнов Николай 19.12.1924г. – 18.08.1943г. Мы помним тебя брат. 2005 год Сергиев Посад, Московской области.» С этой высоты я взял землю в гильзе от снаряда, которую установил под плитой, с именами погибших, на кладбище села Гагино, где покоятся тела погибших земляков.

В конце 1941 года пришло извещение о том, что пропал без вести в районе г. Ельня Солёнов Иван Егорович. До конца марта 1945 года не было никаких известий об отце. В конце марта 1945 года отец приспал письмо. Он писал из Грузии из госпиталя, он находился на излечении после ранения в бою за р. Одер. Ему перебило левую ногу, ниже колена

осколком мины. После госпиталя он прибыл домой в деревню Суропцево на бамбуковых костылях. Я эти костыли потом отдал в Краснозаводский музей. Левая нога была на 4 см короче правой. Он до конца своей жизни хромал. Ему дали инвалидность 3 группы и пенсию 35 рублей. Без костылей он не мог ходить целый год, тем более работать, но нужда и голод заставили искать пути и средства для пропитания. Он пошёл работать на железную дорогу ремонтником. На работе давали по буханке чёрного хлеба в день. Зарплату семья не видела от него по причине пьянства. В результате – дебоши и рукоприкладство. Вот такое было отцовское воспитание. После войны ему делали две операции, одну в Краснозаводске – извлекли два осколка от мины, другую – в Ярославле, когда раненая нога загноилась и стала толщиной с ведро.

За четыре военных и два послевоенных голодных года, я переболел целым «буketом» болезней. – скарлатиной, корью, воспалением лёгких, рахитом, суставным ревматизмом. Был до крайности ослаблен и истощён, поэтому в первый класс пошёл в 8 лет. До школы в деревне Гальнево было около двух километров. Ходить было не в чем. На лужах уже лёд, а я ходил босиком. Учиться очень хотелось. К первому классу я научился читать. С первого по седьмой класс я учился на одни пятёрки. Учась в 5-7 классах, ежедневно ходил до Яковлевской школы в один конец 6 км в любую погоду. Тогда, видимо, закладывались спортивные качества, а главное, выносливость и терпение. Не забуду своих первых учителей в начальной Гальневской школе. Это Евгения Николаевна и её муж Никита Евсеевич Секисовы, классный руководитель 7 «Б» класса Ключарева Елена Ивановна, бывший работник райкома комсомола Загорского района. Она, видя успехи мои в учёбе, подготовила меня к вступлению в комсомол и дала свои рекомендации. Так я стал комсомольцем в 51 году, мне не было ещё и 14 лет. В летние каникулы с 49 по 53 год я работал в колхозе: пас скот, участвовал в заготовке кормов для скота, убирал зерновые и овощи.

В 1948-53 годы мы в школу ходили втроём: я, сестра Антонина и младший брат Анатолий. На каждого ученика надо было на зиму заготовить по 5 кубометров дров. Эту обязанность мы выполняли с отцом вдвоём. В школу мама нам отрезала по куску хлеба в 1 см. И мы думали, когда его съесть то ли после первого урока, то ли сразу. Завидно было и слюнки текли, когда Карасева Женя из деревни Шубино ежедневно доставала из портфеля баночку мёда и большой кусок хлеба. Её отец имел своих пчёл, в войне не участвовал, из-за травмы горла. Окончив школу, я пошёл учиться в Хотьковский техникум на специальность электрика.

Спрыгова Татьяна Алексеевна

За белым хлебом

Это было 11 июля 1943 года. Прошло много лет, но я часто вспоминаю этот случай из моего детства. Мне было девять лет.

В то утро меня разбудила старшая сестра Зина. Комната вся была залита солнечным светом, а за окном, в тополиных ветвях, громогласно щебетали птицы. Зина на руках держала маленькую сестрёнку Катю.

«Ах, ты, соня, сонулька, вставай, умывайся, одевайся да в магазинчик за хлебом собирайся, а мамочка наша ушла в деревню, далеко, вернётся вечером».

Я быстро встала, умылась, надела платьице, что сшила мама. Новое оно было чисто голубое, но так как оно было одно единственное, то на солнце выгорело и стало серым.

Зина позвала меня к себе и сказала: «Вот тебе хлебные карточки: четыре наших и три тёти Тани, соседки, она ушла в деревню на четыре дня и просила получить её хлеб».

Зина положила сшитые полоски хлебных карточек на декаду в ридикюль и наказала быть внимательной, собранной, и в магазине, как получу хлеб, положить карточки снова в ридикюль и всегда помнить о карточках. «Ладно», - сказала я и побежала в магазин.

Я пришла к магазину до открытия. У магазина стояла толпа из стариков и детей. Когда магазин открыли, все спокойно вошли и выстроились в длинную очередь от прилавка до двери. Бабушки и дедушки стояли молча, дети тоже не шумели. Но вот привезли хлеб. Продавщица открыла приёмное окошечко, и запах вкусного хлеба заполнил весь магазин. Когда подошла моя очередь, мне взвесили хлеба сначала на четыре карточки — целая буханка! — и больше полбуханки тёти Тани. Я сложила хлеб в сумку, сложила две сшитые полоски хлебных карточек в ридикюль и пошла домой.

Солнце уже прогрело воздух и землю. И ступая босыми ногами по земле, испытывала радостное чувство, я медленно шла домой, разглядывая здание электростанции, которое стояло слева от дороги. Здание было необыкновенно красивое и огромное, сложенное из красного кирпича, с колоннами, а между колонн широкие и высокие окна, закруглённые вверху. Я всегда с любопытством разглядывала это здание, которое привлекало меня не только своим величием, но и загадочностью: «А что там, внутри?» Немного пройдя по дороге, на моём пути был

мост через небольшую речку. Я остановилась в центре моста, глядя на быстрое течение речки. Затем я присела на корточки, а сумку с хлебом запрокинула за плечо, держа крепко в руках ридикюль, смотрела, как бегут воды реки, но если не брать в поле обозрения берега, создаётся впечатление, что ты плывёшь... плывёшь стремительно в неизвестную даль... И пока я была в «плавании», я вспомнила своего отца: доброго, молодого, красивого, который пишет письма с фронта часто и пишет, что кругом дым, смрад, взрывы...

Дорогой, родной, добрый папочка, как хочется, чтобы ты был с нами... И вдруг, мои светлые воспоминания и мечты обрывает ласковый голос:

- Дочка, папка письма пишет?

Я повернулась и увидела перед собой молодую красивую тётиньку.

«Пи – ше – т », - протяжно и с удивлением от неожиданности ответила я.

Тётинька была в красивом крепдешиновом платье: голубая земля, а по ней, словно живые, разноцветные астры. Волосы светлые, завитые, глаза голубые, на щеках ямочки, губы ярко накрашены, в общем, она была необыкновенно красива.

- А вы знаете моего папку?

- Да, конечно – ответила она, улыбаясь. Я разглядывала её с чувством непонятной гордости, что эта красивая тётя знает моего папку.

- А откуда вы его знаете? – и не дав ей ответить, сказала – А, вспомнила, мы у вас жили, Вы – тётя Зоя, дочка хозяйствки дома.

- Да, я Зоя, так меня и называй, а где сейчас твоя мама?

- Мама рано утром ушла в деревню, далеко, может, наменяет карточечки...

- А дома кто?

- Дома сестра Зина да крошечка Катя.

- Ах, как мне вас жаль. Но чем мне вам помочь? Ах, как я хочу вам помочь...

Потом она замолчала, стояла, упервшись на перила моста, и ещё немного помолчав, сказала:

- А знаешь, я могу вам помочь. Я дам вам белого хлеба.

«Белый хлеб! Я не помню когда мы его ели... Белый хлеб...»

- Мама придёт усталая, а ты ей принесёшь белого хлеба, пойдем со мной, я живу недалеко.

Она повела меня в сторону нашего дома, но свернуть на тропу к нашему дому она мне не позволила, мы шли дорогой за сараями, когда сараи кончились, я увидела у нашего дома, у крыльца, сестру Зину, она ходила с Катей на руках, белая пелёнка (простынка) сбилась, оголив ножки Катеньки.

Они были от меня в метрах ста. Я сказала Зое: «Вон моя сестра Зина с Катей, я пойду, отдам Зине хлеб и карточки, я бегом сбегаю».

«Нет, нет», - сказала Зоя и развернула меня на сто восемьдесят градусов к себе, загородив собой видимость моих сестрёнок. «Сначала сходим ко мне, я живу рядом, дам тебе белого хлеба, вот мама вернётся из деревни, обрадуется, придёт ведь усталая»...

Она забрала у меня ридикюль, сумку с хлебом, крепко взяя меня за руки, потянула вперёд, т.к. я смотрела в сторону, где оставались Зина с Катей. Она, прикрывая мне обзор, почти потащила меня вперёд по дороге. Мы прошли школу, барак, а дальше мосток и овраг. Она свернула с дороги, которая вела в гору, в деревню, а пошли мы по узкой тропочке, которая пролегала по дну оврага и краю маленького ручейка. Пройдя немного, она остановилась и сказала:

- Отдохни здесь - и на пологом склоне легла в мягкую, сочную траву, приглашая меня отдохнуть.

- Да я не устала, я не хочу отдыхать.

- Как хочешь, тогда цветочки собирай.

- А вы сказали, что ваш дом рядом, а здесь и домов-то нет.

- Ну и что, что сказала? Я решила хлеб брать не дома, он чёрствый, а лучше пойдём в пекарню, там пекут белый хлеб, тёплый, мягкий, я там работаю.

Солнце поднималось всё выше, становилось жарко. Там, где проходила кромка поля, начиналось поле, засеянное рожью, и над полем раздавались трели жаворонков. Я встала и глядела, как жаворонки поднимались в воздух и, словно замирая на месте, красиво пели, потом, словно камушки, опускались к своим гнёздам.

- Зоя, а вы слышали, как поют жаворонки? Это они поют своим птенцам и говорят: «Я здесь, растите и никого не бойтесь».

- Да, я слышу, я вижу красоту земную и голубое небо, поют птицы, всё буйно растёт, цветёт. Как же красиво, тепло, разве можно подумать, что идёт война?

- А наш папка в каждом письме пишет: «Кругом дым, смрад, идут ожесточённые бои, но я всегда помню о вас, я вернусь, ждите». А недавно к нам приходила бабушка Соня, она живёт далеко в деревне. Вот бабушка Соня посмотрела на Катю и сказала, что девочка очень хорошая, но родилась не вовремя. Время-то сейчас очень трудное, как можно сейчас вырастить такую крошечку...

- Ну ладно, пойдём дальше. Иди ко мне, я расстегну тебе булавочку у ворота, - (у меня оторвалась пуговка, и Зина, отправляя меня в магазин, застегнула ворот платья сзади булавочкой), - а то жарко.

Мы шли по тропе в овраге, затем повернули налево. Там был крутой подъём и начинался смешанный лес. Поднявшись в горку, вдали вид-

нелись крыши и верхние этажи производственных зданий.

- Это там пекарня?

- Да, там, - резко ответила Зоя, но, не дойдя до ограды, она резко свернула направо в лес, где на пути был глубокий овраг, заросший синзу крапивой, лопухами, таволгой и, повыше, ольхой и черемухой.

Трудно было поверить, что мы его пройдём. Я обожгла все руки и ноги крапивой, а Зоя шла первой, и её тоже нещадно обжигала крапива. Пройдя овраг, мы снова оказались в смешанном лесу. Идя по бездорожью, сухие опавшие ветви кололи и царапали ноги, и ноги «горели» от царапин и ожогов крапивы. И вот на пути нам встретился участок леса, где росли одни ели. Их шершавые толстые стволы высоко поднимались к небу, а снизу сухие ветви были голые и торчали в разные стороны, словно скрюченные и растопыренные пальцы. Вверху густые зеленые ветви (лапник), касаясь друг друга, создавали мрак, не пропуская не только солнечные лучи, но даже свет. Земля была устлана толстым слоем осыпавшихся еловых иголок, которые больно кололи следы (подошвы) босых ножек.

Зоя села на пень, положив сумку с хлебом себе на колени, и сказала: «Иди, я тебе заколю булавку, а то здесь комары». Я подошла к Зое, она встала сзади и, натянув ворот, сильно сдавила шею. Я почувствовала боль и отстранилась от неё, она ещё оттолкнула меня от себя подальше, взяла сумку с хлебом, поспешила выбежала из мрака, уже гудели рои комаров, а по ногам бежали муравьи. Там, около пня, был огромный муравейник. Я тоже пошла за Зоей из этого мрачного леса, а её нигде не было. Я стала её звать, а она, оказалось, стояла за берёзой, на солнышке.

- Знаешь, не ори, здесь кричать нельзя, иди и помолчи.

Мы снова пошли вдоль забора по бездорожью, царапая ноги. Пройдя немножко, мы вышли на участок, где редко росли молодые берёзки, осинки, а в изумрудной траве проглядывали незабудки, купавки, дрёма, колокольчики. И всё, залитое солнечным светом, создавало картины райских уголков. «Как здесь красиво!» - с восторгом сказала я, но Зоя стремительно шла вперёд, затем завернула за угол забора, и, пройдя немножко, мы вышли к обрыву.

- Вот здесь давай и отдохнём.

Мы сели на краю обрыва, с которого был широкий обзор, далеко в низине извилистой узкой голубой лентой протекала река Кунья. Слева видна красавица электростанция, а рядом мост, он казался очень маленьким, размером со спичечный коробок, а люди словно точки. Вот на этом мосту и окликнула меня Зоя, сейчас она сидела погруженная в неведомые мне мысли. А я вспомнила своего папку, маму, моих сестрёнок, бабушку и заговорила с Зоей:

- Вот когда к нам приходила бабушка Соня, (она живёт далеко), она сказала, что у неё зацветают огурцы, что скоро можно будет подкапывать картошку, что она придёт через недельку и меня заберёт к себе. В деревне у неё есть коза Зойка, ещё бабушка в печке запекает очень вкусный картофельник, а чай мы с ней пьём с сухой свёклой, я буду жить у неё всё лето, а маме будет полегче, ведь пайка хлеба останется им: сестрёнкам и маме.

- Ну хватит, пойдём, — сказала Зоя, мы снова шли и пришли к мосту, где меня окликнула Зоя. Своим умом я не могла понять, почему мы столько прошли, и я спросила Зою, зачем же мы ушли от той пекарни за забором.

- Вот ничего ты не понимаешь! Но я поняла, мне туда идти нельзя и не стоит. Пойдём в другую. Иди тихо и помолчи, очень уж много ты говоришь...

Мы прошли мост, прошли мимо здания электростанции, магазин, где я купила хлеб, поднялись к гаражу и свернули на тропу, по которой мы пришли к другому оврагу, по дну которого протекал мутный ручей.

Овраг густо зарос крапивой и репейником с огромными листьями – лопухами, да и вдобавок, прошлогодний репейник выше человеческого роста с огромным количеством не опавших колючих шишечек крепко стоял, создавая непроходимые дебри, да там и в самом деле годами не ступала нога человека.

Зоя свернула в этот овраг. Идти было трудно. Репейник цеплялся за волосы, одежду. Царапал голые ручки. Мы пришли к месту, где проходила эстакада, она пересекла овраг с одного берега на другой (приблизительно метров четыреста). Эстакада опиралась на массивные опоры, сложенные из кирпича и цемента. Со временем опоры разрушались, (по этой эстакаде проложены трубы отопления и водоснабжения). Около опор валялись груды осыпавшихся кирпичей и цемента.

Зоя наступила на обломок и острым краем поранила ногу до крови. Я побежала к ручейку, сорвала лист мать – и – мачехи и подала Зое. А Зоя, словно превратилась в ведьму, её кудри в репейнике потеряли былую красоту, торчали в разные стороны. Лицо было искажено от боли и испуга. Она оттолкнула меня и сказала, что я ей надоела... Но я не могла понять, в чём же я виновата? Мои ноги горели от царапин, ссадин, от крапивных ожогов, в волосах и на платьице сплошь были шишечки репейника. Зоя подошла ко мне, встала сзади и, схватив меня за шею, стала сдавливать длинными пальцами, а затем резко толкнула меня, но я не упала только потому, что репейник рос очень часто, словно стена.

- Как же ты мне надоела...

- Непонятно... Вы же сами меня позвали, я ничего у Вас не прошила...

Зоя перевязала свою пораненную ногу носовым платком, который порвала на три части, но не до конца, и получилась длинная полоска, и сказала мне: «Ладно, пойдём, осталось недалеко идти».

Но этот путь был самым трудным из-за зарослей репейника, и тянулся он более пяти сот метров. Когда мы вышли на тропу, которая пересекала ручей, Зоя вздохнула, отвела меня в кустарник. Взглянув на меня, она рассмеялась и стала вытаскивать из волос шишечки репейника, очищать моё платье. Затем немного привела себя в порядок. Видя, что у меня нет больше сил, видя мою беспомощность, Зоя ласково сказала: «Потерпи, сейчас придём к пекарне».

Дальше мы шли лесом, по которому пролегала тропа. Тропка была чистой, гладкой. Пройдя чуть-чуть менее километра, мы наконец подошли к двухэтажному зданию. С торца было крыльцо с забитой досками дверью. Зоя сказала: «Это пекарня. Я пойду, а ты сиди и жди меня, не кричи, не стучи в дверь, а то меня заберут, когда узнают, зачем я тебя сюда привела».

Я послушно села на ступеньку крыльца, который был выложен из кирпича. Ноги горели, я очень устала.

Малиновое солнце медленно опускалось к горизонту, оно уже касалось макушек деревьев, в окружении которых стояло это двухэтажное здание. Загудели комары. Сидеть на месте было невыносимо. Я пошла от крыльца, нарвала чахлых листьев лопуха, наломала веточек и, закрыв лопухами ноги, ветками отмахивалась от писклявых насекомых. Солнце скрылось совсем, наступили сумерки, а комары словно слетелись со всего леса, набросились на меня.

Я встала и пошла за угол дома. Там женщины в белых халатах пилили, кололи, таскали в охапках дрова в помещение. Я убедилась: это пекарня и снова стала ждать Зою. С утра и до этого времени я и Зоя ничего не ели. У меня чувство голода полностью отсутствовало. От ничего делать, я взяла ридикюль, который, уходя, мне отдала Зоя. Стала щёлкать запором, и в какой-то миг ридикюль раскрылся, и я увидела, что там нет хлебных карточек! Ридикюль пустой. Только тут я поняла, что Зоя – обманщица. Слёзы ручьём полились. Мне было холодно. Но я сообразила, что отсюда надо идти домой. Дорогу назад я не знала.

Недалеко от этого дома проходила шоссейная дорога и тротуар, по которому редко ходили люди. Я пошла к тротуару. Люди шли на работу в ночную смену. Я подошла к одной тёте и попросила её рассказать, как мне дойти до завоуправления.

- Девочка, да что ты здесь делаешь?

Рассказать всё я ей не могла. Слёзы градом полились по лицу.

Ну ладно, ладно пойдём, я иду на работу мимо завоуправления, но там нет жилых зданий.

Я по дороге рассказала тёте, что напротив завоуправления есть магазин, там наша тётя Лида покупала свой хлеб и иногда делилась со мной, от этого магазина дорогу домой я знаю. Дойдя до завоуправления, я бегом побежала домой. Когда я прибежала, была полночь. У дома, в подъезде и в комнате было полно народу, короче – все жители нашего дома не спали.

Мама была дома. Я вбежала в комнату в слезах со словами: «Мама, у меня карточки и хлеб тёти забрали».

Мама молча встала, обняла меня, потом за руку повела на кухню, усадила меня на лавку и стала греть воду на керосинке. Она вымыла меня и мои ноги, которые были сплошь в царапинах, ссадинах и местами с запёкшейся кровью. Ранки смазала уриной, замотала мои ножки и уложила спать. Спать я была ловкая, засыпала мгновенно, и мне всегда снились сны.

Четыре кусочка сахара

Летом 1943 г. мы с мамой шли пешком из деревни Прикалуцкое (там жила наша бабушка) в Краснозаводск, где жили мы.

Чтобы сократить расстояние, мы иногда шли по полю. И вот однажды, идя по заросшему травой полю, мама увидела, что на месте, где была скирда, рос крупный, сочный щавель. Рано утром мама решила нарвать щавель и продать. Она разбудила меня рано и взяла с собой. Придя на место, она быстро нарвала мешок щавеля, а мне – сумку, чтоб я могла донести.

Затем на следующий день мы с мамой поехали на станцию Лосиноостровская продавать этот щавель. Придя на рынок, мама показала, сколько надо класть щавеля в кучку на пять рублей.

«Если придёт контроль, скажи, что у тебя ещё нет денежек», – наставляла она меня. Щавель покупали хорошо. Через некоторое время мама подошла ко мне, взяла денежки, которые я наторговала и ушла. Вскоре она подошла ко мне и сказала, что купила четыре кусочка сахара. Она дала мне кусочек сахара, а один взяла себе, два кусочка завернула в белую тряпочку. Через некоторое время она снова подошла ко мне и сказала: «Таня, вот тебе ещё один кусочек и мне один, а я пойду сейчас куплю у дяденьки Зине и Кате (это были мои сестренки)». Кусочки были маленькие, тут же растаяли во рту.

Мама вернулась быстро и вся в слезах. Дяденька сахар продал и ушёл. Она обняла столбик прилавка и горько заплакала. Мне было очень жаль её.

Прошло много лет, я часто вспоминаю эту поездку. Маме трудно было с нами, но она стойко переносила трудности и невзгоды в военные годы.

Сон в эту ночь

В неглубокой канавке, у дороги, я нарвала целую охапку дудок (сныть) и вышла на широкую грунтовую дорогу. В стороне, по невспаханному полю, поднимая клубы пыли, на огромной скорости неслась «полуторка». Не доехав до меня метров двадцать, машина резко остановилась, и из кабины вышел дяденька. Одежда и лицо у него всё было покрыто пылью, он улыбался. На лице блестели глаза и зубы. Я узнала – это мой папка!!! Бросив дудки на землю и раскинув руки, мы бежали друг другу навстречу. Папа взял меня на руки, поднял высоко и, улыбаясь, прижал крепко к себе, а, поставив меня на землю, побежал к машине. Из кабины он взял сетку с двумя буханками белого хлеба. Отдавая мне, он хотел отломить кусочек от буханки для меня, но я сказала: «Папочка, не ломай, я отнесу домой, и мама хлеб поделит».

«Как я хотел бы видеть Зиночку, Катеньку и мамку, но у меня нет времени», – и уже из кабины он громко кричал, заглушая шум мотора – «скажи мамке, что я всех очень люблю, ждите меня, я вернусь».

И резко развернув машину в ту сторону, откуда приехал, на огромной скорости, поднимая клубы пыли, скрылся...

Кончилась война, как и обещал, наш папочка вернулся с победой и наградами.

Он устроился работать в гараже шофёром. Мама работала в цехе. Зарплата у обоих была маленькой, они еле-еле сводили концы с концами. Зиночка пошла работать, когда я училась в техникуме, Катя училась в школе. Когда я заканчивала техникум, мне мама дала денег, чтоб я купила платье на выпускной вечер. Но в ГУМе у меня вытащили из сумки кошелёк, где лежали все денежки.

Приехав домой, мама спросила меня, купила ли я платье? Я виновато ответила: «Нет, у меня в ГУМе вытащили все денежки».

Мама сказала: «Жаль, очень жаль, но ничего не поделаешь – только не говори отцу, не расстраивай его».

Через неделю, в воскресенье, я снова приехала домой. Папка спрашивал, купила ли я платье? Я не выполнила мамину просьбу (не говорить отцу, что деньги украли), сказала: «Нет, так как у меня в ГУМе вытащили кошелёк из сумки».

Папка помолчал, потом сказал: «Деньги жалко, для нас они большие, но только не говори маме – не расстраивай её».

Вот такие были мои родители: честные, порядочные, добрые, всю жизнь трудились, но нужда не покидала их. Они стойко переносили все жизненные невзгоды, оставаясь до последних дней высоконравственными людьми.

Стёпина Нина Сергеевна

Мы дети военных лет

Мы дети военных лет, нас жизнь научила жить.
Сказали нам - да! Мы - да. Сказали нам - нет! Мы - нет.
Мы дети военных лет.
Мы дети военных лет, война пусть была и не рядом.
Мы слышали взрывы побед под Брестом и Сталинградом.
Мы дети военных лет.
Мы дети военных лет, отцы наши гибли и деды,
За Родину насмерть шли и верили в знамя победы!
Мы дети военных лет!

Родилась я в 31 июля 1941 года, на сороковой день начала войны, в Ярославской области Рязанцевского района в посёлке Берендеево.

Отец мой в это время служил на Дальнем Востоке в танковых частях последний год. Перед началом войны за год он приезжал на побывку на две недели. А перед отправкой на фронт ему дали три дня побыть с нами. Провожали его всей семьёй, меня он нёс на

руках до вокзала. Я была уже вторым ребенком. На фронт он пошёл в звании младшего сержанта, механик-водитель боевой машины. В рассказах про первый бой на Орловско-Курской дуге, под Прохоровкой, вспоминал погибших товарищей, с которыми прослужил в армии три года, и плакал. Он часто вспоминал их имена и в честь одного из них назвал своего сына, родившегося после войны, Геннадием. Товарищ погиб у него на глазах и просил помнить о нём. Вот так сохранил отец память о своём фронтовом друге.

Уходя на фронт, он наказывал маме беречь детей и молиться за него, обещал вернуться живым и невредимым. Отец прошёл всю войну, от Москвы до Берлина. Когда папа вернулся, рассказал маме про сон, который он видел в последнюю ночь перед отправкой. Ему приснился старец во сне, он дал ему какой-то свёрточек и сказал беречь его: «Ты пройдёшь всё и вернёшься живым и невредимым, а отец твой и брат...»

Затем, не договорив, тот ушёл. Да, они погибли и он уже знал об этом.

Отец говорил, что у него были такие ситуации, если рассказать – не поверят. При форсировании Днепра, только раскинули pontонный мост, пошли по нему танки, и немецкая авиация стала бомбить. Началась паника, впереди него танк снесло волной от взрыва. На середине моста он врубил скорость, а вокруг рвались снаряды. До берега оставалось метров пять, когда он почувствовал как бы толчок в зад. Выскочил на берег, оглянулся, а моста как не бывало.

Были веющие сны, и они ему помогли. Сколько раз был на волоске от смерти, и когда оставался жив, всегда крестился, вспоминая тот сон. Когда папа вернулся с войны, мне шёл уже шестой год, и я, как сейчас, помню этот день. Я сидела на завалинке и пела, окно было открыто. К окну подошла мама и сказала: «Встань, посмотри, кто к нам приехал!» Я встала и увидела, что сидят на табуретках у двери два солдата, а на груди много медалей. Я закричала: «Папка! Папка приехал!» Его я узнала сразу, он прислал с фронта фото, и оно у нас висело на стене. Я влезла прямо в окно и подошла к нему. Он взял меня, посадил на колени и поцеловал. «Какая ты большая и красивая», – сказал он.

Во время войны мама отдала сестру в садик, а меня в три месяца – в ясли, а сама пошла работать. Ушли мужики, молодёжь на фронт, работать некому. Начались страшные годы трудового фронта. Себя я до трёх лет не помню, а вот после трёх – многое припоминается. Так, говорят, если детство трудное и голодное, то дети начинают раньше взрослеть. Помню, как мама меня носила на руках в садик, а сестру вела за руку. В детстве я часто болела простудными заболеваниями и ангиной. Мама думала, что я и не выживу. А когда мне исполнилось четыре года, я уже знала, что идёт война, папа воюет с врагами. Мама нам говорила: «Кончится война и приедет ваш папка». Она приводила нас из сада домой и тут же включала чёрное радио, слушала военные сводки. До сих пор помню голос Левитана в сопровождении залпа орудий. Мама часто плакала, нам было жалко её.

Однажды, в выходной день, мама пошла со мной на рынок. Он находился за вокзалом, от нас метров четыреста до него. На первом пути, напротив вокзала, стоял паровоз с пятью вагонами, двери вагонов были раздвижные, и у каждого вагона стоял солдат с автоматом. Мы с мамой подошли поближе и увидели на полу, застеленном соломой, людей. Они были такие тощие, кожа да кости. Мама спросила у охранника — откуда и куда их везут? Он не знал. На рынок мы не пошли, а вернулись домой. Шли очень быстро, я еле успевала за мамой. Пришли домой, мама положила в сумку последнюю буханку хлеба и варёную картошку и говорит мне: «Бежим скорее, а то их увезут». Когда мы вернулись, там уже собрался народ, человек пятнадцать. Мама попросила охранника последнего вагона отдать им сумку, а он ей сказал, что им дают что положено, а больше нельзя. Люди в вагоне махали руками к себе, как бы просили есть, и тут объявляют отправку поезда. Охранник отвернулся и пошёл задвигать дверь вагона. Мама подбежала к вагону и забросила в вагон сумку. Охранники сели между вагонами в тамбурах. Поезд тронулся, люди стояли и плакали, пока поезд не скрылся за поворотом, он шёл в сторону Ярославля.

Довелось мне увидеть и пленных немцев. Их водили мимо наших окон по проезжей дороге каждый день в сопровождении охраны с автоматами и овчарками. Они были молодые и, видно, очень голодные. Однажды, проходя мимо нашего барака, один из них почувствовал запах кислой капусты, которая стояла у нас в коридоре, а я вышла на улицу посмотреть на них и дверь не закрыла. Немец побежал в коридор, поднял деревянный кружок и, руками хватая капусту, стал жевать и тут же выбежал обратно. Всю группу остановили, он встал в строй. Вышла мама и говорит: «Только не бейте его, у меня муж на фронте, может, и он такой же голодный, заберите эту капусту и накормите их». Но они пошли дальше. Водили их восстанавливать нашу железную дорогу, на которую былоброшено несколько бомб. Немцы несколько раз прорывались бомбить её, так как по нашей дороге шли поезда с Урала и везли военную технику. Это я тоже хорошо помню. Шли поезда, на платформах стояли танки и зенитки с зачехлёнными дулами, а мы, ребятишки, смотрели и кричали: «Ура», а те, кто был старше нас, кричали: «Гитлер Капут».

И вот пришла весна сорок пятого года. С юга летели журавли, мы с мамой как раз стояли на крыльце. Мама мне говорила: «Смотри, жу-

равли летят, а папка-то наш прилетит к нам или нет, и заплакала». И где — то в классе пятом или в шестом, вспомнив этот момент из детства, увидев по весне летящих журавлей, я написала такие строки:

*Я помню, как встречала с мамой летевших с юга журавлей,
И я им ручкою махала, ручонкой детскую своей.
А мама плакала стояла, держась за дверцу у крыльца.
Я всё тогда уж понимала. Она ждала с войны отца!*

Когда мне было уже полтора годика, мама нас с сестрой сфотографировала и это фото послала папе на фронт. Он получил его и через всю войну пронёс, а когда вернулся, сказал маме беречь его. Оно теперь у меня. Не это ли предсказание явилось тем сном, тем свёртком, что вручил ему старец во сне в последнюю ночь перед уходом на фронт.

Заканчивая свои воспоминания о своём нелегком детстве, я написала строки, которые я посвятила и моему папе.

*От Москвы до Берлина гнал фашистов отец.
Через пять лет вернулся он домой наконец.
И как же был радостным возвращения путь,
Он вошёл в дом с Победою и в медалях вся грудь!*

Нина Степина. «Родина».
Член Союза писателей России. Лауреат Бунинской премии.

Степнова Нина Ивановна

Родилась я д. Устиново Барятинского р-на Калужской обл. в многодетной семье (7 чел. детей). Когда началась война, мне было восемь лет. Я хорошо помню лето 41-го, как шли фашисты победным маршем, чувствуя себя победителями.

Надо сказать, что они сначала не бесчинствовали и не останавливались надолго в деревне, только хватали на ходу поросят, кур и т.д. и шли вперёд.

Мой папа, Степанов Иван Яковлевич, имел броню по болезни, но он не мог отсиживаться дома, когда шла страшная война, и потому пошёл служить вольнонаёмным в прачечный отряд, дабы хоть в чём-то быть полезным в разгроме врага. Отряд следовал за линией фронта, обстирывая наших бойцов и командиров. В этом отряде служила медсестрой и моя старшая сестра, Степанова Евдокия, окончившая медучилище в г. Ярцево Смоленской обл.

Но фашистам недолго пришлось чувствовать себя вольготно. Наши

добролюбивые войска под Москвой остановили наступление фашистов. Вот тут-то и начались повсеместно отчаянные сражения. Не миновала этой части и наша местность. Недалеко от нашей деревни, километрах в 20-ти, шли ожесточённые бои. Это местечко - то ли рабочий посёлок, то ли село - называлось Зайцева гора (военные это хорошо должны знать).

Я хорошо помню, как летели самолёты со зловещими чёрными крестами на крыльях, наполненные смертоносным грузом. Услышав эти зловещие звуки — уу-уу-уу, мы, детвора, от страха старались спрятаться под лавку, забиться в щель, чтобы не слышать эти сжимающие сердце звуки.

Не один раз пришлось наблюдать воздушные бои. Радовались, когда машина с чёрными крестами падала, унося за собой хвост чёрного дыма, и очень огорчались, когда такая участь постигала самолёт с красными звёздами. Постоянно слышались разрывы снарядов, вой мин, блеск трассирующих пуль.

Потом потянулись раненые. Их было множество. Они размещались в нашем (и, думаю, не только в нашем) доме на полу, на печке и т.д. Повторяю, их было очень много, и отовсюду слышались стоны, стоны.

Вот так мне запомнилось это величайшее сражение на Зайцевой горе (в конце я ещё вспомню о ней). Помню частушку, которую пели девушки:

Мой милёночек убит
На Зайцевой горочке,
В могиле братской он лежит
В зелёной гимнастёрочке.

Не обошла беда стороной и нашу семью: муж моей тёти, Евстигнеев Дмитрий Иванович, выйдя из окружения, организовал что-то наподобие партизанского отряда. Он состоял из нескольких человек, в том числе офицеров, попавших в такую беду. Происходило это в д. Якимовки Мосальского р-на Калужской обл.

Так в эту деревню зашла группа фашистов из 7 человек, потрёпанных, видимо, под Москвой. Они зашли в дом к одной учительнице, звали её Ольга Ивановна. Соседи видели, как она прислуживала фашистам, уговаривала их, жарила, парила. Об этом узнал Дмитрий Иванович с товарищами. Они хотели бросить в окно гранату, но их отговорили: у учительницы были три дочери, пожалели их. Оставили до утра. Чуть забрезжил рассвет, фашисты, разбившись на группы, стали уходить. Их провожала учительница. Одна группа пошла вниз под горку, а другая — по деревне. Вторая группа спряталась за крайнюю избу, услышав преследование.

Мой дядя, горячий парень, крикнул: «Выходи!». Фашист не растерялся, вскочил и выстрелил прямо в упор. Так бесславно погиб хоро-

ший человек, семьянин. Он лежал на лавке в гробу, а его жена, моя тётя, в это время мучилась родами. Так появилась на свет моя двоюродная сестра, которая не увидела своего отца. Не увидел и он её. Это произошло 9 января 1942 г. Учительницу потом судили, дали ей 10 лет заключения.

Нас затем эвакуировали в Тульскую обл. Погрузили в товарные вагоны, доверху набитые нехитрым скарбом. Везли, в основном, ночью — днём бомбили. Видела по дороге горящие вагоны. Нас с мамой в эвакуации было трое (я, мои младшие сестрёнка 1938 г.р. и братишка — 1940 г.р.). Сестра Маша, 1928 г.р., ушла тоже в прачечный отряд, где служили отец и старшая сестра.

Не стоит описывать те лишения, которые нам пришлось пережить в эвакуации, да и после: голод и т.д. Мама, не выдержав всё пережитое, тяжело заболела в конце 1946 г. и умерла. Ей было всего 45 лет. Вслед за ней, на 9-й день умер и мой отец. Ему было 46 лет.

Так я попала в детский дом, который располагался в 7 км от нашей деревни, в с. Мосур, замечательном месте. Вместе со мной попали туда и мои младшие сестрёнка и братишка.

Теперь пора вспомнить о Зайцевой горе. Находясь в детском доме, нам, воспитанникам, организовали поход по местам боевой славы — конкретно, на Зайцеву гору. Это было удручающее зрелище. Всё сожжено дотла, нет ни деревца, ни кустика, не говоря уже о какой-то постройке. Казалось, да так оно и было, что выжженная земля. Только глубокие воронки, каски, да гильзы и прочее остались на этой земле. Люди ещё жили в землянках.

Такой запомнилась мне эта страшная война, в которой погиб мой родной дядя Белов Ф.С. (пропал без вести) и отец моего мужа Струков В.П. (погиб в Польше в 1944 г.).

Стрельцов Виктор Иванович

Жили трудно, но весело

Прошло 70 лет, но я очень хорошо помню военное время, время моего детства. Родился я в 1937 году в деревне Посевьево Загорского района. В 1940 году наш дом сгорел и родители переехали в Краснозаводск. Поселили нас в барак на Нижнем посёлке. Барак был метров пятьдесят в длину, посередине коридор, по сторонам комнаты, между которыми были фанерные перегородки. В каждой комнате жила семья. Я до сих пор помню всех, кто жил с нами в этом доме. В ка-

ждой комнате топилась печка, на которой готовили еду. Туалет и вода были на улице. Вечерами комнату освещала керосиновая лампа. В 1941 году молодых мужчин взяли в армию, в бараке осталось только 6 мужчин, которые нужны были для работы на оборонном заводе. Все, кто ушёл на фронт, домой уже не вернулись. Сам удивляюсь до сих пор, как я в возрасте 4 лет всё запомнил. Особенно помню ясный день, много людей, все куда-то бегут, кричат. Я посмотрел вверх и увидел самолёт, он летел низко, наверное поэтому он мне показался очень большим, с большими крестами на крыльях. Позже, когда я вырос, взрослые рассказали, что он сбросил бомбу на 5-ый цех. Так мы стали жить по военному времени, когда идёт война, дети взрослеют быстро. У нас в семье было четверо детей. Сестре Татьяне было 17 лет, брату Сергею 15 лет, они сразу пошли работать. Сестрёнка Александра в 42 году в 13 лет тоже пошла работать, тогда многие подростки прибавляли себе года, чтобы их взяли на работу или на фронт. Брат прибавил себе год и 17-летним ушёл на войну, был ранен, остался жив. Нужно было привыкать к новой и трудной жизни. Ограничения были в одежде, в питании. У нас в семье почти все работали, получали карточки, поэтому нам жилось немного легче, чем другим. Но в бараке все жили дружно, помогали друг другу, все сажали картошку. Летом питались всем, что давала природа. Собирали землянику, малину, обедались черёмухой. Заготавливали на зиму орехи и грибы. Всё лето ходили босиком, подошва становилась грубой, спичку зажжённую для баловства приставляли к ней, а боли не чувствовали. Всё лето ребятишки помогали родителям, работали на огороде, носили воду, возили из леса сушняк для печки, заготавливали дрова на зиму. А зимой мастерили лыжи из разбитых бочек, даже делали коньки. Брали небольшие дощечки, подгоняли по размеру валенок, прибивали железные пруты, привязывали эту конструкцию верёвками к валенкам и катались. Так мы и прожили 4 года. День Победы 1945 года помню очень хорошо. Люди собирались на улицах, плясали под гармошку, смеялись и плакали.

После войны жизнь понемногу налаживалась, уже можно было купить что-то из одежды, обуви, правда в больших семьях зимой были одни валенки на всех детей, носили их по очереди. После отмены карточек в 47 году в семьях стали появляться велосипеды, радиоприёмники, мебель. К сожалению, жизнь проходит быстро, а сколько в ней всего было! Я отслужил в рядах Советской Армии, затем работал на ЗО-МЗЕ и одновременно учился в педагогическом институте. 31 год своей жизни посвятил работе в Краснозаводском техникуме.

Строгалина Антонина Николаевна

Я родилась 27 марта 1926 г. В 1941 г. окончила среднюю школу с отличием, после чего я поступила в ремесленное училище №22 при военном заводе в г. Краснозаводске. Во время учебы нас разбомбил вражеский самолёт, вследствие чего я была ранена в ногу. Началась гангрена и мне ампутировали ногу в эвакогоспитале №19 в г. Сергиев Посад. И так я в 15 лет осталась без ноги. В 1942 году я поступила на работу в г. Хотьково на Горбуновскую фабрику телефонисткой, где проработала 10 лет. В 1944 г. во время войны умерла мама, оставив мне четырех детей, которых я вырастила и не отдала в детский дом, которые дожили до восемидесяти лет. С 1951 по 1954 г. я училась в Московском кожевенно-обувном техникуме, после окончания меня отправили в Пенько в Краснодарский край на работу на завод бухгалтером. Отработала на заводе я 10 лет. С 1964 по 1973 г. работала в хотьковской городской больнице бухгалтером. С 1973 по 1983 г. работала в хотьковской сельхозтехнике, а с 1983 по 1993 г. - кассиром в отделении Сбербанка г. Хотьково.

Струкова Галина Сергеевна

Без родительской любви

Я никогда не знала своих родителей. Самое дорогое слово «мама» произносить хотелось, но было только самой моей большой мечтой.

По словам моей тети Шуры (сестры мамы) я родилась в 1940 году в Смоленской области. Перед самой войной моего отца – военнослужащего Зуева Сергея Егоровича, послали в Архангельскую область. Там в 1941 году родилась моя сестра Света. Отца эта служба тяготить стала. Когда началась война, он попросился на фронт в 1942 году. Воевал папа недолго: 19 июня 1943 года на станции Паныри Курской области его убили. Там он похоронен. Обидно, что папа погиб в последний день освобождения этой станции. Мама, Зуева Клавдия Павловна, не могла перенести сразу двух похоронок: папы и из Сычевки, где от удара бомбы погибли 7 ее братьев и сестер. Она умерла от психического расстройства. Мы, малыши 2 и 3 лет, остались одни в военном городке, где служил наш отец. Документов на нас не нашли и написали приблизительные даты рождения. Нас с сестрой разлучили, ее отправили в г. Шенкурск Архангельской области, а меня в дом ребенка города Вельска.

Себя помню с 4 лет, когда из дома ребенка меня привезли в до-

школьный детский дом этого же города. Там я была 4 года — замечательные были года. Наш директор — Мальцева Мария Александровна, была награждена орденом Ленина за то, что во время войны детям были созданы семейный условия жизни. Нас хорошо кормили, одевали. Мы были ухожены. Вечерами нам рассказывали и читали сказки (мы сидели за столами со сладостями и семечками). Но война ощущалась. У нашей воспитательницы Шутовой Нины Дмитриевны пропали карточки хлебные. А у нее было 5 детей. Она очень плакала. Мы жалели ее, отдавали наши сладости. Пришлось в этом сказочном детдоме жить лишний год, т.к. школьные детдома были переполнены. 15 детишек пошли в городскую школу №1 в 1 класс. О нас была такая забота (в перерыве нам приносили мороженое), что мы учились на «4» и «5». Все прекрасное быстро закончилось.

С 1966 года я в г. Загорске, в школах №6, №24 (лицей), в православной гимназии. За все годы у меня 26 грамот похвальных, а в лицее №24 я получила звание «Ветеран труда».

Детства у меня не было. Зато с сестрой мы нашли могилу нашего папы и в юбилей там бывали.

Тараканов Николай Николаевич

Всегда на людях

Родился я 14 февраля 1941 года в селе Каменный Брод, что в Куйбышевской области.

Отец, Тараканов Николай Васильевич, с первых дней войны был призван на фронт, но на призывном пункте в городе Чапаевске ему выдали «броню», поскольку у него было техническое образование — тракторист-комбайнер. Он был назначен преподавателем при МТС (машинно-тракторной станции).

Со всех близ расположенных деревень и сёл мобилизовали всех девушек на освоение сельхозтехники, большую часть мужчин отправили на фронт. Вся тяжесть труда и забот легли на плечи женщин, наших матерей, бабушек и стариков. Налоги буквально «душили» крестьян: молоко, масло, мясо, шерсть — всё сдавали в госзаготовку. Выживали за счёт огорода — картошка, свёкла, капуста, морковь. Детство было скромное. Пропадали на реке Чапаевке, ловили рыбу, раков.

Вырастил двоих сыновей. Годы идут. Вот я стал почётным ветераном Подмосковья. Имею правительственные награды. Попробовал себя на общественной работе, будучи председателем Рабочкома, сотрудничал с

районной газетой «Вперёд», когда редактором была Александра Николаевна Богданова, сельхозотдел — Людмила Бессолова. Великолепная женщина, умница.

Более трёх лет являюсь членом Шеметовского поселенческого ветеранского хорового ансамбля «Деревенька моя». Мои музыкальные и сольные выступления неоднократно отмечались призами и почётными грамотами. А зрителя всегда тепло встречают выступления.

Ветераны

*Люди! Я прошу открыть глаза,
Катится непрошеное слеза.
Погубленные жизни в той войне,
Затаились в сердце, в глубине.*

*Обелиски, кресты, бугорки,
Это метки страданий и боль,
Километры дорог нелегки
И во сне все кричите: «Огонь!»*

*Дорогие мои земляки,
Тропы жизни совсем нелегки.
Берегите героев страны,
Кто с Победой вернулся с войны!*

*Ветераны, ветераны,
По ночам тревожат раны.
Как вас мало осталось в строю,
Вы друзей потеряли в бою!*

День победный мая

Ястребы фашизма заслонили небо
Над Россией-матушкой землёй.
В летний день июня враг принёс войну нам,
Чтобы уничтожить край родной.

Сколько было горя, боли и разлуки
В нашей человеческой судьбе!
Весь народ поднялся, одолев все муки,
Чтобы победить врага в борьбе.

От границ до края встала Русь Святая,
Вражью силу одолеть смогли.
Мы врага сломили, с честью победили,
Знамя правды к небу вознесли.

День победный мая, каждый год встречая,
Как ликует Родина моя!
Не забудем павших, давних, настоящих,
Крепни, расцветай моя Земля!

Теплова Людмила Семеновна

Родилась я 3 января 1938 года в городе Озёры Московской области. Это текстильный город, расположенный вдоль реки Ока на левом берегу. Между городом и рекой цепь озёр и чудесная плодородная пойма совхоза «Озёры». Преподаватель ВАКЗО, стаж работы в колледже 39 лет, общий – 54 года. Закончила Тимирязевскую с/х академию, два факультета: агрономический и педагогический.

Во время войны наша семья жила на отделении совхоза, в 10 км от города, куда отец – Куликов Семён Федорович, направлен управляющим. Он был член партии, член бюро КПСС.

Как я узнала позже, будучи взрослой, отец направлен на отделение для организации быта партизанского отряда. Он по ночам в полной секретности, далеко в лесу, оборудовал склон для будущего партизанского отряда. В овраге были вырыты ямы для хранения картофеля и овощей, завозил отец картофель туда по ночам, чтобы ни одна живая душа не знала, даже мама, т.к. могли быть предатели.

Вот сейчас критикуют Советскую власть, но все было дальновидно предусмотрено на случай продвижения фронта, т.к. немцы захватывали жизнеобеспечивающие объекты, в данном случае начали бомбить Каширскую теплоэлектростанцию, расположенную на противоположном берегу реки Ока.

Теперь о моих детских воспоминаниях.

В ноябре – декабре 1941 года мне было 4 года, брату – 2 года, мы с братом жили у бабушки в деревне, около г. Кашира, т.к. наша мама была в роддоме, в декабре родился еще один наш брат – Валерий, названный в честь Валерия Чкалова.

Помню, у бабушки мы с братом две ночи спали в верхней одежде, а на столе рядом лежали два узла с нашей одеждой и едой, перевязанные верёвочкой, чтобы быстро взять их на плечо, а нас за руки, и бежать в погреб, который старый дедушка (он воевал в Первую Мировую) обрудовал как бомбоубежище.

По деревне шли наши войска в сторону Каширы, помню шла колонна мотоциклистов, затем автомашины с солдатами и пешие солдатские колонны.

Папа смог за нами приехать и перевезти в безопасное место, по дальше от фронта, только на третий день, т.к. не было переправы через реку. Он приезжал на лошади с легковыми санками.

Два берега реки соединял понтонный мост, который периодически разводили, чтобы пропустить катера и баржи. Когда мы оказались на мосту, вслед за нами стали загонять стадо перепуганных коров, которых эвакуировали от фронта на левый берег. Мы были на середине моста. В это время на Каширу немцы сбросили очередную бомбу. Взрыв был оглушительной силы, нашу лошадь папа смог удержать, а коровы с испуга стали прыгать с моста в воду. Глубина была видимо достаточно большая, поэтому коровы уходили под воду, а потом выныривали и пытались плыть к берегу. Что коровы умеют плавать, мне запомнилось на всю жизнь.

В 1945 году я пошла в школу в соседнее село в трех километрах от отделения совхоза «Озёры». Село «Белые колодези» расположено вдоль реки Ока, которая была источником продовольствия в военный и послевоенный период в виде рыбы. Первый класс был человек 15-20 разновозрастных детей. Меня поразила одежда одноклассников, это была такая беднота. Основная масса была одета в родительскую одежду – отцовский довоенный пиджак, подпоясанный верёвочкой или ремнем, на ногах вязанные тапочки, подшитые резиной или кожей, в сырое время были калоши, склеенные из покрышек. Зимой дети были одеты в пальто, сшитые из шинели, и валенки, которые валяли в селе. У кого не было зимней одежды, зимой в школу не ходили. Учебники мы носили

в тряпочных сумках через плечо, портфелей тогда не было. В школу с собой нам родители давали четвертинки с молоком и хлеб. У деревенских детей не у всех была такая возможность, поскольку семьи были многодетные, а отцы вернулись с войны не все или возвращались инвалидами. Для одноклассников мы в школу брали подсолнечниковый жмых, это для них было большое лакомство. В совхоз он поступал для коров.

Букварь нам дали один на троих и мы, чтобы подготовить домашнее задание, передавали его друг другу, но спустя месяц один из моих «компаньонов» его использовал для изготовления самокруток для курения. Тогда учительница отдала нам свой.

В конце войны и после я увидела живых немцев, это были пленные, они работали в совхозе, строили скотные дворы, силочные башни, овощехранилища, работали на скотных дворах. Это были очень жалкие люди с трудом переносившие наши зимы, одеты они были в шинели, на ногах бутсы с обмотками, шапки – ушанки, завязанные на подбородке, а сверх шапок еще платки или шарфы. Много их умирало от холода, голода, старых ранений. За скотными дворами у них было свое кладбище, оно существует и сейчас, стоят памятники. Слышала, на некоторые могилы приезжают родственники из Германии.

На отделении была семья, мать и трое детей – наши родственники. Сколько я помню, мать всегда была всем недовольна и постоянно кричала: «Наши мужья кровь проливают!». После войны в соседнее село пришёл солдат, у него была фотокарточка, где были изображены пленные и полицай, в котором земляки узнали жителя нашего отделения, он тогда уже вернулся с фронта и работал в магазине. Помню, как за ним приехали работники НКВД, его привели в наручниках и увезли, вернулся он лет через 10, и они всей семьей переехали в другое село.

Во время войны тот предатель прислал письмо жене, в котором писал, что если придут немцы, чтобы семья никуда не уходила, что он придет с ними, но т.к. жена была неграмотная, она принесла прочитать письмо соседке. Но тогда значения этому не придали, хотя содержание все соседи знали.

Помню, как к нам из города постоянно шли «менялы», т.е. это городские жители, у которых нечего было есть, кормить детей. Они приносили одежду, обувь, ювелирные изделия, чтобы обменять на ведро картофеля, бидон молока, кусок мяса, сала, масла, яйца. Всё это было у сельских жителей.

Врезался в память один случай. Пришла к нам в дом женщина, стала предлагать что-то обменять, сидит на кухне, а на полу стоит блюдце с сумом, который не доела наша кошка. Женщина долго смотрела на это блюдце, а потом попросила доесть. Мама, конечно, посадила её за стол, стала кормить, а она немного поела и отказалась. Побоялась, что от такого обиля ей будет плохо, так она была истощена, и не может идти домой к детям.

Мама собрала ей сумочку с собой для детей. После войны уголовники стали объединяться в банды «черная кошка», грабили склады, магазины, дома. Противостоять банде было практически некому, был один участковый и несколько безоружных мужчин, отец на зов сторожей бежал с кнутом, потом ему дали пистолет.

В лес, который нас окружал, ходить женщины и дети боялись. Там промышляли дезертиры, которых в лесах Подмосковья было много. Помню, убили участкового. Это были солдаты, отставшие от своих частей по разным причинам, или вышедшие из окружения. Выходить из лесов они боялись, поскольку их в любом случае ждало наказание. Они жили в землянках и периодически выходили в поселения за продуктами.

Тимофеев Георгий Гаврилович

Родился я 1 января 1936 года на станции Дурасовка Лысогорского района Саратовской обл. в семье крестьян. Я был третьим ребёнком. Станция Дурасовка находится в сорока километрах от станции Аткарск. В 1938 году всей семьёй родители переехали в рабочий поселок Баланда.

Помню, когда был пацаном, мне шёл пятый год, началась Великая Отечественная война. Плач и слёзы мамы, проводы на фронт сестры Надежды, только что окончившей десять классов. Отца по состоянию здоровья на фронт не призвали. Зато помню хорошо, что он работал на спиртзаводе плотником вместе с моим братом Михаилом, 1928 года рождения.

В начале лета 1942 года к нам в дом поселили трёх беженцев из Таганрога. Все они оказались из городского драматического театра. Один из беженцев был баянистом театрального оркестра - Михаил Бабичев. Вот он и научил старшего брата Михаила и меня игре на баяне. Летом 1943 года после разгрома немцев в Сталинградской битве беженцы уехали, подарив нам на память баян, велосипед.

С осени 1943 года жители посёлка по распоряжению исполкома изготавливали деревянные ящики для упаковки снарядов, которые отправлялись на оборонный завод в город Саратов. Я принимал в этом участие, собрав за день двадцать ящиков. За эту работу нам выдали пайки. В 70-е годы, когда был введён статус тружеников тыла, на основании сведений, представленных военкоматом посёлка Баланда о работниках в годы войны, нас, малолеток в возрасте 8-12 лет, включили в список и присвоили звание «Труженик тыла».

В настоящее время работаю в Общественной организации г. Пересвет «Совет ветеранов».

Тузова (Сидорова) Валентина Сергеевна

Рядом с войной

Родилась я 19 декабря 1928 года в деревне Запольское Константиновского района Московской области. В семье было семеро детей: Николай, Валентина, Зинаида, Нина, Анатолий, Тамара, Раиса.

Мама, Сидорова Мария Дмитриевна, работала в деревне. Отец имел бухгалтерское образование и работал по специальности в поселке Лосиноостровский около Ярославской железной дороги.

В 1941 году в 50 км от деревни, в городе Дмитров шли ожесточенные бои. В самом Запольском боев не было, но военные следили за обстановкой и проходили по деревням. Тяжело и трудно было везде.

Когда враг приближался к Москве, стали эвакуироваться предприятия из Подмосковья на север и восток нашей страны. Была возможность уехать и у семьи бухгалтера Сидорова Сергея Васильевича, отца Вали. Но мать боялась растерять детей в суматохе эвакуации и не согласилась уезжать из деревни. Вскоре Сергей Васильевич ушел на фронт. Все тяготы и заботы легли на мать и старших детей, а значит, и на Валю. Убирали картофель на колхозных полях, большие корзины ставили на «полок» - телегу, которую везла лошадь. Землю пахали плугом, сил не хватало, чтобы заглубить плуг в землю. Плакали, вытирали слезы и пахали дальше. Вскоре председатель колхоза «Пролетарская победа» перевел их на вспашку «мягкого» поля.

Отца не стало в марте 1942, пропал без вести. Подошло время служить старшему брату, Николаю. Он был ранен, после госпиталя опять ушел на фронт. После второго ранения был демобилизован и вернулся в родную деревню.

В войну очень хотелось есть. Летом бегали на заросшее травой поле за «дудками». Нарвем и бежим домой их есть. Это могла быть, наверное, сньть и дикий щавель (купыры). Ходили с сестрой Тоней и за земляникой. Надо было быстро вернуться из леса домой, потому что были разные дела, но младшей сестре хотелось сначала поесть ягод, а потом собирать в кузовок. Валя быстро набирала свой кузовок и торопила Тоню. Иногда запутывались в траве, падали, и земляника рассыпалась на землю...

Младшая сестра Рая умерла зимой 1944, ей было 3 года.

Валя ходила в школу в деревню Мергусово. Школа располагалась в хорошем рубленом доме, около храма Преподобного Сергия Радонежского. Учительницей была пожилая женщина, жившая при школе. Церковь не действовала, колокольня была разрушена, но иногда дети забегали туда, чаще всех ходила Тоня.

Однажды Валя под диктовку матери стала писать письмо Сталину о том, что их сиротской семье тяжело жить, муж погиб, сын Николай на фронте. Письмо дошло до руководителей, и из Константиново приехали двое военных на лошадях. Вся семья перепугалась, а они привезли ткань для одежды, продукты и даже патефон. Матери стали с тех пор платить пенсию за отца. Возможно, таким образом, она спасла всю семью от голода и смерти.

Всегда хотелось учиться. Училась в Шеметовской школе. На получение профессии бухгалтера ее направили в Москву.

Валентина Сергеевна имеет 47 лет стажа в торговых организациях: продавец, заведующая продуктовым складом, заместитель председателя Селковского сельпо.

Всегда работала с радостью. Наверное ей хотелось, чтобы каждый сельский житель был накормлен и с удовольствием работал. За свой труд имеет награды: бронзовую медаль «ВДНХ», медаль «Ветеран труда», медаль «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.», которая была вручена от имени Президиума Верховного Совета СССР.

Валентина Сергеевна вырастила двоих детей. Есть внуки и правнуки.

Хочет она, чтобы жили все люди в мире. У ее дома растут красивые липы, яблони, цветы за изгородью. Во всех делах ей помогает дочь, которая 30 лет проработала в Селковской школе на разных хозяйственных должностях.

Туманова Нина Павловна

Мой отец, Баканов Павел Дмитриевич, родился 10 января 1901 года в селе Починки Нижегородской области в большой крестьянской семье, был восьмым ребёнком у родителей. В город Загорск с тремя детьми (Николай, Серафима, Мария) семья переехала в 1933 году. В этом городе родились ещё две дочери - Нина и Зоя. Отец работал в леспромхозе. В 1939 году построил дом для своей большой семьи на Северном посёлке.

Пришла война и он ушёл на фронт. Призван был Загорским РВК. Служил в 1300 стрелковом полку 139 стрелковой дивизии (1 стрелковый полк 9 дивизии народного ополчения).

Попал в плен 7 октября 1941 года в районе Вязьмы, умер 18 июня 1942 года в лагере Витцендорфа.

Улыбина Мальвина Сергеевна

Мне было 8 лет, когда началась война. Наша семья жила в поселке Дорохово в Подмосковье. С семи лет вместе с двоюродным братом я начала ходить в школу, хотя принимали с 8 лет. Учительница была согласна. Она увидела мою тягу к знаниям. Во время войны наша учительница была в партизанском отряде. Она была схвачена немцами, выполняя задание, и расстреляна.

Пос. Дорохово являлся стратегическим пунктом т.к. через него проходила железная дорога, и рядом шли ожесточенные бои. Помню частые бомбёжки, в такие страшные моменты мы укрывались в лесу.

В декабре 1941 года пришли каратели в наш поселок. Собрали всех поселян и погнали в Германию. Мама меня везла на санках в общей колонне. Мы никуда не могли отойти - кругом немецкие патрули с собаками. Негде было поесть, иногда жители деревень, через которые нас гнали, выносили нам картошку, кусок хлеба, кто что мог. Ночевали в конюшнях, разрушенных церквях под охраной. Этот ужас длился полгода. Помню, когда мы находились в разрушенной церкви, где не было места, что бы прилечь, все стояли, прижавшись, друг к другу, плакали, дети кричали, немцы готовились к поджогу храма.

В этот момент наши войска начали наступление. И мы услышали звуки канонады наших войск. Немцы стали отступать. А нас советские солдаты выпустили, и мы разбежались кто куда. Долгое время мы отсиживались с мамой в окопах. А когда наши войска продвинулись вперед, мы стали добираться домой. Вскоре от сердечного приступа умерла мама. А меня отправили в детский дом, так как у сестры мамы было четверо детей. Вначале я попала в Даниловский распределитель города Москвы, а затем в Пушкинский детский дом им. Ногина Московской области. Для меня это лучшие детские воспоминания.

В детском доме была уютная дружеская атмосфера. Кормили хорошо. Победу я встретила в детском доме. У нас была пионервожатая Галина Извольская. На день Победы она взяла меня с подругой Ниной Рябцевой в Москву. Тайно ото всех, вечером мы сели в набитую людьми электричку, так как все стремились на день Победы в Москву. Воспитательница нас все время держала за руки. На Красной Площади было много радостных людей, которые целовались, обнимались, кричали: «Ура!» при залпах салюта Победы. Это зрелище, конечно, осталось в памяти на всю жизнь. До сих пор, при встрече с друзьями, воспитанниками детского дома, мы вспоминаем эти радостные долгожданные дни Победы.

Филиппова Вера Георгиевна

Всё пережили

Я родилась 17 августа 1930 года в д. Саблуково Тутаевского района Ярославской области. Родители работали в колхозе имени «Ильича»: мама, Лидия Викторовна, на свиноферме, отец, Гергий Владимирович, механизатором. Отец был ре-прессырован (1931-1936 гг.). В семье было 5 детей. Старшая сестра Нина, после школы закончила курсы медицинских сестер. Во время войны работала в полевых госпиталях. Вторая сестра, Лиза, получила среднее педагогическое образование, затем заочно закончила Ленинградский педагогический институт имени «Герцена».

Я закончила школу в 1945 году. Поступила в педагогическое училище, которое было в 10 км. от нашей деревни. Закончить его не смогла, т.к. родители в 1947 году решили переехать в Ленинградскую область. Младшая сестра Людмила закончила Ленинградский авиационный техникум. Её направили на работу в г. Вильнюс.

Брат Володя окончил школу-интернат в г. Приозерске Ленинградской области. В интернате изучали автодело. После окончания ребята получили водительские права. Работа водителя для брата стала любимой профессией. Дети всей нашей большой семьи благодарны нашим родителям. В первую очередь - маме, имеющей два класса образования церковно - приходской школы.

Деревня наша Саблуково находилась в 7 км от районного города Тутаев и в 3-х км от села Ильинское, где была школа - семилетка. В школу ходили пешком. В деревне было семь домов. О начале войны услышали по радио 22 июня. «Чёрная тарелка» висела на дереве. Мужчины призывающего возраста ушли на фронт. В деревне остались трое пожилых мужчин, женщины и дети.

Мы, дети, старались помочь маме и отцу, чем могли. Заготавливали сено для коровы, обрабатывали огород. Помню зимой по насту ездили в лес, рубили частокол для изгороди огорода.

Чтобы заработать больше трудодней, я пасла свиней каждое лето в каникулы. Заработанные мною трудовые дни записывались в мамину трудовую книжку.

В нашем классе я зарабатывала больше всех трудодней. Помню, как на самодельных каменных жерновах мололи зерно. Немец до нас, конечно, не дошёл, но бомбёжки помню. Бомбили Ярославль и Константиновский химический завод им. «Менделеева», где были предпри-

ятия, изготавливающие военную продукцию. Помню наших бойцов в светлых полуушубках, они приезжали к нам с передовой отдохнуть на несколько дней. Их очень тепло встречали. И помню пленных немцев, они строили дорогу на станции Чебоково. Жизнь во время и после войны, конечно, была очень трудная. Как и во что нас родители могли одевать? Столько детей! Конечно, донашивали вещи друг друга. Запомнила, что зимой я ходила в резиновых литых (без подкладки) сапогах. Второе августа - Ильин день - престольный праздник у нас был. На этот праздник мелом или синькой мы красили спортивные тапки.

В июне 1961 года награждена орденом «Знак почёта». После полёта Ю.А. Гагарина, в составе делегации НИИХМ встречала на трибуне Красной площади. После его трагической гибели была на экскурсии в звёздном городке. Сейчас уже более 10 лет работаю в совете ветеранов в г. Пересвет.

В городе прожила почти 57 лет. Люблю свой город. В этом городе встретила будущего мужа Филиппова Ивана Петровича.

Он участник ВОВ. Был призван в ряды Советской армии в 1944 году. Службу проходил на первом Дальневосточном фронте. Демобилизован в 1951 году. В армии закончил вечернюю школу. В 1951 году поступил в Харьковский Политехнический институт. После окончания института в 1956 году приехал по распределению в НИИХМ. Прожили с ним почти 50 лет. Он, к сожалению, не дожил до «Золотой свадьбы» 3 недели.

Вырастили сына и дочь, имеем трёх внуков.

Фролова Валентина Ивановна

Родилась я в 1935 году в деревне Веригино Константиновского района. Отец воевал сапёром и пропал без вести под Сталинградом.

«Когда отца призвали на фронт, нас у мамы осталось четверо детей: девятилетний брат, трёхлетняя сестра, полугодовалый братик и я. Мне тогда было шесть лет. Жизнь, конечно, была очень тяжёлая — страшно вспомнить. Мама работала в колхозе, а потом совхозе. Старший брат пас скотину. Мама будила его ни свет, ни заря и полусонного одевала через свои и его слёзы. Отец с фронта прислал только одно письмо. Потом мама всегда перечитывала его в День Победы, плакала и всё вспоминала слова, которые он ей сказал на прощание, будто чувствовал, что не вернётся. Он сказал тогда: «Ну, мать, родили вместе, а растиль будешь одна». Так и вышло. Отец погиб где-то под Сталинградом, точно не известно. Числится пропавшим без вести. Он ремонтировал мосты... Может быть, мост разбомбили, он упал в воду и его давно уже съели рыбы».

Хрисанова (Кононова) Валентина Сергеевна

Мое военное детство

Родилась я в селе Боровка Курской области в 1934 году. Родители были крестьяне, занимались земледелием.

Летом 1941 года немцы оккупировали село, в котором разместились основательно и надолго. Хорошо помню зверства оккупантов. Немцы высыпали из своих домов жителей, оставив им дворовые постройки и совсем маленькие дома.

Помню издевательства немцев над пленными советскими солдатами. Их заставляли рыть окопы. К несчастью, и среди русских нашелся предатель, который выдал немцам одного партизана, моего дядю. Прибыли каратели, собрали жителей и на их глазах повесили моего дядю. Отец дяди потом попытался снять с петли сына, но немцы не дали этого сделать и расстреляли его. Зверства немцев продолжались вплоть до их поражения в битве на Курской дуге и освобождения Курской области.

Постепенно селяне приступили к восстановлению жилья. Многие жители во время полевых работ гибли из-за большого количества неизорвавшихся боеприпасов. По этой причине гибли и дети. Вот так прошло мое детство и юность.

После окончания школы в 1957 году я поступила в медучилище в городе Старый Оскол, и в 1960 году была направлена на работу в Башкирию. Там вскоре вышла замуж за офицера Советской Армии. С мужем поехала на Дальний Восток, а затем его направили служить на Байконур. После демобилизации мужа нам была предоставлена квартира в Днепропетровске. Я продолжала работать в медучреждениях этого города до 1996 года.

В 1996 году мы переехали в город Пересвет к дочери. А в 2001 году умер муж.

Цыганова Мария Фёдоровна

Папины слезы в подушку

Я родилась 17 августа 1941 года в п. Известь МАССР Ширингушского района. Туда родители переезжали жить из Пензенской области с. Кириллово. Папу забрали на фронт 20 августа 1941 г. В это время мне было от рода три дня. Уходя на фронт, папа пошел в сельсовет и зареги-

стрировал меня. По словам мамы, перед отправкой на фронт, папа взял меня на руки и омочил мне всю мою голову своими слезами. Оставшись одна, мама решила переехать на родину. Все заботы и тяжелый труд легли на ее слабые женские плечи. Нас у мамы было двое: я и сестра Даша. И с нами жила еще мамина свекровь - престарелая и совсем слепая. Мама нас перевезла на свою родину, меня везла на салазках, в стиральном корыте и при церковных свечах. Там мы долго жили на квартирах. Находились добрые люди и брали нас к себе на постой. Постепенно, с Божьей помощью, маме удалось построить маленькую, как баньку, избушку. Сени у этой избушки были из соломы. Когда я была грудным ребенком, вместо соски сосала хлеб с солью. Мама где-то по кусочку доставала для меня хлебушка. Жили мы в полной нищете. Мы с Дашей подрастали, но с раннего детства видели не только голод и холод, но и много работали. Мама имела огород 25 соток. Копать землю для посадки надо было вручную. А мама ведь осталась одна во всех делах и за мужчину, и за женщину. Хотя мы были очень маленькие, мне было года три, а сестре шесть лет, но помню, как мы ей помогали копать маленькими капустными сечками. Мама работала в колхозе, а за работу давали пятьдесят килограмм гнилого зерна. Уходя на работу, все домашние дела мама оставляла на нас, таких крохотных. Иногда мама уезжала на салазках на железнодорожную станцию в Зубово-Поляну за 25 км от дома. Уезжала она на ночь. А мы ночевали одни. Она там «доставала» у проводников соль. Соль в это время была большим дефицитом. Мама с этой солью прыгала на ходу из вагона поезда. Вот как-то помню уезжала мама, а мы с сестренкой истопили печку и закрыли задвижку, в печке остались в это время недогоревшие дрова. Появился угарный газ, и мы сильно угoreли. Нас соседи еле отходили и спасли от смерти. Уходя в поле на работу, мама каждый день давала нам задание: кому в огород, а кому дома убраться. В следующий раз менялись. В другой раз: кому на жерновах молоть, а кому картошку тереть на терке для теста. Тогда пекли такой хлеб. Маме давали за работу немного полугнилого зерна. Вот мы его и мололи. Но этого зерна нам хватало ненадолго. Весной, когда растает снег, то ходим по огородам и собирали, где была пропущена, т.е. не собрана, картошка мерзлая. Вот ее сушили и тоже пекли лепешки. Мама нас не била за то, что мы не выполнили работу вовремя, но мы ее очень жалели и все задания, которые она нам давала, выполняли вовремя. Мы очень боялись, что ее потеряем. Папа с фронта прислал нам четыре письма. И мама хранила их в сундуке. Бывало достанет их, читает и плачет. Последнее письмо

имело такое содержание: «Пишу письмо в окопе. Вместо стола у меня винтовка. Надо мной свистят вражеские пули. Подо мной вражеские мины. Так, что вряд ли останусь живым. Ганя береги детей». И в декабре 1941 года папа погиб. Содержание последнего письма я помню на память. А письма папины мы с сестрой по глупости уничтожили, потому что нам было жаль маму, так как она очень плакала. Маме мы помогали не только около дома, но и в огороде. Мы, будучи такими маленьенькими, еще и в лес ходили за сухим хворостом для отопления. Помню такой эпизод из жизни раннего детства: пошли мы с сестрой в лес, а утром мама испекла блины из тыквы, так как есть кроме этого было нечего. Поели мы их натощак и со мной в лесу сделалось плохо. Но Господь и здесь меня сберег, не дал мне умереть. Сестра около меня очень плакала. Подросли мы до школьного возраста. Пошли мы в школу, а одевать было нечего. В первый класс я пошла в лаптях. Чтобы в них обуться, мне надо было вставать в шесть часов утра. Обуваться я в них не умела. Бывало и такое, зимой ходила в дырявых валенках и отмораживала себе ноги. А в половодье тоже не было обуви, были какие-то брезентовые сапоги, они были совсем без подошв. Я их спаривала с какими-то очень толстыми галошами. Когда шла в школу, мне приходилось переходить ледяные ручьи. Я эту «фирменную обувь» с себя снимала совсем с ветхими носками и ледяные ручьи проходила совсем босой, чтобы не залить свою обувь и не быть с мокрыми ногами весь день. Вот такое было наше раннее детство. С божьей помощью мы подрастали и выживали. Когда мы стали побольше, мне 10 лет, а сестре 13, стали и маме помогать больше. Зимой, прия из школы, запрягались с сестрой в салазки и ехали в лес за дровами. Вместо обеда попьем совершенно несладкий кипяток и отправляемся в лес. В то время и картошка плохо уродилась. Утром бывало сварит мама картошки немного, мы ее сразу съедим, а на большую перемену бежим домой вроде бы поесть. Прибежим, а есть-то нечего. Тогда пососем кожурки, которые счищали утром и обратно в школу голодными. Летом мы тоже ездили в лес за дровами, только на тачке.

В школе мы с сестрой обе учились хорошо, но так как средств не было, сестра после семи классов бросила школу, а мне удалось окончить 10 классов. Но за неимением средств на учебу дальше, я никуда больше не пошла. Потом некоторое время мы ездили в чужие совхозы, где хотя бы немного труда оплачивался. И сами себя немного обеспечивали. Трудились мы с сестрой в основном в сельском хозяйстве. Постепенно жизнь вроде бы стала получше. Затем вышли замуж. Сестра воспитала троих детей, все они определились своими семьями. В возрасте 73 лет она умерла. А я воспитала двух детей, они тоже живут своими семьями. Я живу одна, муж умер. После его смерти прошло 12 лет. Прорабо-

тала я 36 лет, а пенсия 7500 рублей. Мне сейчас идет 73 год, болячки, начиная с макушки, здорового органа нет. Льгот никаких не имею, хотя я вся насквозь больная. Лекарства очень дорогие, некоторые просто не в силах купить. Вот прописал мне врач-невролог препарат «Осталон», он стоит около 600 рублей коробочка. А в ней всего четыре таблетки. Это я взяла к примеру, всего один препарат. А мне их надо употреблять от всех моих болячек, которых очень много. В глазах глаукома. Капли тоже очень дорогие. Одни 600 рублей, другие 700 рублей, а их на месяц не хватает. Капать надо каждый день, утром и вечером, до конца жизни. А там еще и квартплата непосильная. Коммунальные услуги, свет и газ - на это уходит сумма около 4 тысяч. И снова жизнь тяжелая. Как родилась я в «суровую годину», так и на старости лет нет никакого облегчения. Я пишу и очень волнуюсь. Слезы заливают глаза, а мысли рассеиваются.

Папа мой, Парамонов Федор Матвеевич, 1909 года рождения, мама моя, Парамонова Агафья Петровна, вечная память моим много-страдальным родителям.

Мучает меня еще одна проблема, я не могу узнать адрес, где захоронен мой папа, пока потихоньку двигаюсь, хотелось бы съездить туда.

Часов Юрий Петрович

Мой отец Часов Пётр Михайлович родился в деревне Сменки Талдомского района. 10 декабря 1940 года был призван Загорским районным военным комиссариатом в ряды Советской Армии. А в 1941 году после окончания в Ленинграде Краснознамённых бронетанковых курсов усовершенствования командного состава РККА с самого начала Великой Отечественной войны ушёл на фронт защищать Родину.

Прошёл всю войну, воевал на Калининском, Ленинградском и Сталинградском фронтах. В 1942 году участвовал в Торопецко-Холмской операции, оборонительных боях под Сталинградом в составе 884 стрелкового полка 196 стрелковой дивизии 62 армии. В июне 1943 года участвовал в Мгинской наступательной операции, в августе — в боях за Синявинские высоты. В феврале 1944 года в составе 194 гвардейского стрелкового полка 64 гвардейской стрелковой дивизии 30 гвардейского стрелкового корпуса освобождал Гатчину от фашистов, в июне участвовал в Выборгской наступательной операции. За время войны был пять раз ранен, но выжил. Войну закончил в Выборге, был демобилизован в августе 1945 года. Отец награждён орденом «Отечественной войны первой степени», орденом «Отечественной войны второй степени», медалью «За отвагу», юбилейными медалями.

После войны работал на Загорской швейно-картонажной фабрике, в 1991 году ушёл из жизни.

Черенкова Нина Васильевна

Дети войны

Родилась я под Ленинградом. Когда началась война, мне было пять лет. Город сильно бомбили, дом наш сгорел, мы бежали из города, скитались по соседним деревням. К концу осени мы оказались в Кобоне, оттуда всех шлиссельбуржцев вывезли в Вологодскую область. Мы оказались в Харовском районе, в деревне Горка, разутые, раздетые, без еды. Деревня была большая, но там не было ни света, ни радио, ни медпункта, ни магазина. Продовольственных карточек в деревне не давали. Были сельсовет и школа.

Как мы дожили до весны — описать невозможно. Снег ещё не сошёл полностью, а уже появилась крапива. Бабушка учila меня собирать съедобные травы. Кроме крапивы, мы собирали и сушили лебеду, пестики хвоща, головки красного клевера, кислицу. В первое лето нас называли «выкормленными», потом к нам привыкли и перестали.

Сельскохозяйственной техники в деревне не было, мужчины ушли на фронт, остались старики. Женщинам приходилось пахать, сеять, выращивать и убирать урожай. В страду работали все, от мала до велика, с утра до вечера.

Я подружилась с ребятами, их в деревне было много. С весны до осени все мы бегали босиком. Выносили на улицу своих младших братьев и сестёр, усаживали их на лужайку и играли в свои нехитрые игры. Играли в салки, прыгали через верёвочку, играли в прятки, в «сломанный телефончик», в «садовника». Ходили купаться на речку. Если старшие работали на дальних полях, мы забирали своих младших и шли к ним. Дальние поля находились около леса, в который нас всегда тянуло, но в лес нас не пускали. За годы войны в лесах развелось много волков. Мы ходили по опушке под присмотром старших, собирали грибы и ягоды.

В конце лета убирали зерновые: косили и жали серпами. Мы вязали снопы, за которыми потом приезжали старшие ребята на подводах, иногда мы помогали им складывать снопы. Не помню, чтобы мы подбирали колоски. Убирали так аккуратно, что на земле не оставалось ничего.

Когда мне исполнилось семь лет, мама пошла записывать меня в

школу, но меня не взяли. Сказали, что младше восьми или девяти лет в школу не берут. Но мне повезло: в тот год в первый класс набрали всего пять человек, на которых выделили три парты. В результате одно место оказалось свободным. Так меня приняли в школу. Это был небольшой дом. Между кухней и комнатой убрали стену, получилась большая комната-класс. Мы занимались в одном помещении с третьим классом, а второй и четвёртый вместе занимали боковую комнату. По утрам, до уроков, протапливали печь — приходили мы всегда в тёплый класс. На стене, около доски, висели ходики, а на столе нашей учительницы Марии Ивановны стоял колокольчик.

Учиться было интересно. Нам давали задание писать палочки, а третьему классу в это время читали что-нибудь интересное. Они учили стихи, пересказывали прослушанное, запоминали всё, что слышали. И мы тоже вместе с ними. Тетрадей у нас не было. Мария Ивановна разлиновывала для нас старые газеты или обратную сторону обоев. Чернила делали из сажи. В Новый год нам приносили огромную ёлку, мы делали из бумаги украшения, игрушки, наряжали её и водили хоровод.

В сентябре мы ходили копать картошку — вернее, убирать, так как выкапывали её взрослые. Картофельных полей было много, на уборке трудилась вся деревня. Работали мы до темна, вместе со всеми. Когда убрали последнее поле, взрослые развели большой костёр, пекли картошку и угостили нас. В холода убирали лён, работали вместе со взрослыми тоже до темноты. Нам показали, как дёргать лён, связывать его и ставить в «домики».

Зимой катались на больших санях с крутого берега реки.

Мы, дети, всегда были в курсе того, что происходит в деревне. Первыми узнавали, кому пришло с фронта письмо или похоронка. Решила молодёжь собраться на посиделки: шить и вышивать кисеты, вязать носки и варежки и посыпать их на фронт — мы тут как тут. Толку от нас мало, но пропустить что-либо мы не могли. Мы первыми узнавали новости на конюшне и бегали любоваться новорождённым жеребёнком.

Конечно, многое забылось, но что-то яркое осталось в памяти на всегда. Я помню необыкновенную красоту тех мест, густые леса, в которых так хотелось побродить, бесконечные поля цветущего льна.

Я помню моих друзей по играм и походам на дальние поля и опушки леса. Помню свою первую учительницу и школу.

Черникова Елена Иванова

Я родилась в 1943 году в Ростовской области. Конечно же, была мала в дни Победы 1945 года. От свирепствующих фашистов — захватчиков осталось много — много беды, разрухи, горя и для взрослых, возвращавшихся с войны, и для детей.

Старшие все работали, восстанавливая страну, свои жилища, малые дети подрастали не в лучших условиях: голодных и холодных. Еды было очень мало. Кормились тем, что выращивали в огородах. В 4-5 лет пололи, окучивали и собирали картошечку. Запах жареной картошечки лишь только снился. Ели супчик из лебеды, а позже из щавеля. Маленькой, худенькой, недоедавшей девочке хотелось всегда кушать. Хлебушка, в 1945-1950 гг., на семью доставалось по 2 буханки в 2-3 дня один раз, т.к. заняв очередь у магазинчика, отстоишь, получишь, а тех, кому не досталось, пересчитывают и на ладошке запишут номер очереди на завтра. Получишь в руки и, пока несёшь домой, полизать хочется, и по крошечке всю корочку по кругу отшипрешь, принесешь, опустив голову, боясь, что тебя за это отругают.

Снились и кошмарные детские сны, после увиденного шестилетними глазами: играют дети и вдруг разрывается снаряд, оставшийся после войны. А в памяти на всю жизнь остался испуг и детское горе — это война после войны. Страшно рассказывать такое внукам, но знать от нас они должны о войне, чтобы понимали, что такое мирное время, что нужно, несмотря ни на что, быть патриотом, защищать и беречь свою Родину от всего плохого. А я стала педагогом, и тридцать лет своей жизни посвятила работе с детьми.

Чикирдин Ремир Валерианович

Родился я в 1932 году в пос. Покур Сургутского района Тюменской области. Отец мой, Силин Валериан Иванович, погиб в 1934 году во время охоты. До совершеннолетия я прожил с мамой Чикирдиной Александрой Степановной. На день начала войны проживал с матерью в селе Фоминка Свердловской области. Она — учительница, была в то время заведующей школой и секретарём территориальной парторганизации.

Помню, как на второй день от начала войны на площади перед школой собирались все, кто имел повестки призыва в армию, человек шестьдесят. Был небольшой митинг. Селяне желали воинам скорого возвращения домой с победой, воины обещали воевать не на жизнь, а на смерть. Говорили словами Сталина: «Враг будет разбит, победа будет за нами». Затем с котомками за спиной встали в строй и пошли пешком вдоль села в сторону райцентра, это в 25 километрах. Просили до оконицы не провожать и не плакать. Среди уходящих были добровольцы.

Всё руководство села ушло на фронт. Обязанности председателя колхоза и председателя сельсовета временно возложили на мою мать.

Был приказ из райкома подготовиться, убрать урожай зерновых без потерь и сдать государству любой ценой, под личную ответственность. Я, как и многие мои сверстники, не видел мать несколько месяцев, потому что она руководила уборкой урожая, днём и ночью на полевых станах. Я ходил в школу и кормила меня уборщица. Помню, как однажды мой сосед по парте не пришёл в школу. После уроков мы побежали к нему домой и увидели, что дом заколочен. Спрашивали у всех, куда делась их семья, но никто не знал. И только спустя несколько месяцев стало известно, что его отец попал к власовцам, больше я Вовку, своего соседа по парте, никогда не видел.

В ноябре меня увезли в областной санаторий. Санаторий был полон детьми, родители которых безвылазно работали на запуске эвакуированных с западных городов заводов.

После нового 1942 года мать привезла меня домой. Оказалось, что в нашей квартире на подселении живут ещё две семьи учителей, эвакуированных из города Николаева. Школа, клуб, сельсовет были забиты эвакуированными людьми.

На уборке урожая мама простыла и серьёзно заболела. Она боялась, что я осиротею, и мы переехали в Ханты-Мансийск, где жила её сестра. Жизнь в Ханты-Мансийске была тяжёлой, было много осиротевших семей – отцы погибли на фронте. В городе росла криминальная обстановка – осиротевшие голодные подростки объединялись в банды. Но несмотря на войну, руководство завода отстроило комплекс зданий и открыло мореходную школу. В первый же набор в неё попала вся шпарна. Ребят взяли на полное государственное обеспечение, одели в морскую форму. В школе была военная дисциплина и даже свой карцер. Жизнь нормализовалась.

Погожим днём в 9 часов утра 9 мая 1945 года хантымансицы услышали голос Левитана – Победа! Война кончилась. Народ ликовал: выходили на улицы города, обнимали друг друга, плакали. Слышны были выстрелы из охотничьего оружия – салют Победы.

Чистякова Валентина Михайловна

«Речь истины проста». Платон

Родилась я в многодетной семье (4 сестры, 4 брата) 7 марта 1939 года в селе Поцепы Кесовогорского района Калининской области в семье сельского учителя.

Когда началась война, мне было 2 года. Но ранняя память остро напоминает о том тяжёлом времени для страны, для семьи. Помню груст-

ные минуты проводов папы на фронт. И остались мы с мамой мал-мала – меньше. Старшей дочери – 12 лет, младший – грудной. Старшей сестре пришлось перенести все тяготы физического труда в селе, совмещая учёбу с помощью детям.

Шли беженцы, которым временно давали приют, помогали, чем могли. Куда то гнали скот, летали чужие самолёты, пугали жуткими звуками. Мы от Москвы в 230 км. Врага не пустили к нам, хотя сильные бои шли в других районах Калининской области.

Мама одна, родни не было, работала не покладая рук, стараясь прокормить нас, стараясь обменять хорошие вещи на кусок хлеба. Это было очень голодное время, а когда и с огорода все продукты заканчивались, ели всё подряд: траву, мякину, дуранду. Если летом выручали грибы, ягоды, то зимой становилось совсем тяжко.

Тогда Районо решило помочь нашей семье, что бы не умерли от голода. Выхлопотали место в детском доме, и мы трое, два брата и я, попали туда.

Всё помнится: как нас осматривали в канцелярии, надели мне фланелевое платьице, повели к детям. Страшно не хотелось расставаться с мамой, но понимали, что – надо, и надо присмотреть за братом, который только начал ходить. Мне было 4 года. Мама навещала нас, как могла, отрываясь от своих дел. Ей надо было пройти 9 км. в один конец, столько же обратно.

Нас судьба пожалела. Папа вернулся с войны и вся семья воссоединилась. Папа работал учителем начальных классов в сельской школе, мама на ферме.

Это было испытательное время для всех – послевоенные нехватки питания. Весной мы бежали на поле в поисках гнилой картофелины, чудом сохранившейся, наперегонки, кто первый сможет её взять, были рады когда напекли лепёшки «ташнотки», так их все называли. Нас детей 8 человек. С продуктами было плохо, хлеб на человека давали по определённым дням по пол-буханки, а очереди были длинные. Сами пекли лепёшки из всего, что казалось съедобным.

Далеко ушло то время. Анализируя, думаешь, как же родители смогли нас всех «поднять на ноги», дать образование. Жили в нужде, но это была счастливая семейная жизнь, потому что не было ни одной ссоры, ни размолвки, грубого слова между родителями не услышишь, только совет между ними. Ну а мы, дети, старались выполнять поручения сразу, не дожидаясь повтора. Много пришлось работать в колхозе. В селе

была начальная школа, нас, 9-летних детей, прямо со школы отправляли поливать капусту, копать картошку, теребить и стлать лён, даже и в мыслях ни у кого не было, допустимы ли такие нагрузки для детей. В колхозе работали от мала до велика, от зари до зари, вручную и на лошадях. По примеру отца и сестры я стала педагогом, думаю это призвание, потому что в нашей родне 7 человек учителей. После учёбы по направлению работала в Чечено-Ингушетии, потом переехала с семьёй в Загорск, где отработала в школе 40 лет. У меня дочь, сын, три孙女 and все серьёзные трудовые люди.

Чулкова Мария Александровна

Малолетний узник фашистских лагерей

До войны с немецко – фашистскими захватчиками семья из шести человек: отец Пунтекин Александр Игнатьевич, мать Пунтекина Екатерина Алексеевна, сыновья – Семен 18 лет, Михаил 4 года, дочери – Мария 12 лет, Лида 10 лет проживала в счастливой семье в д. Лыткино, Дорогобужского района Смоленской области.

Было крупное домашнее хозяйство – корова, овцы, пороссята, гуси, куры, пчелы. Родители работали в колхозе.

Немцы появились в деревне осенью 1941 года. Постоянно располагались в соседней деревне у «большой» дороги. В Лыткино систематически совершали наезды, забирая у жителей теплую одежду, валенки, продукты питания, все, что им понравилось. Например, при первом наезде на глазах членов семьи отрубили головы у гусей и забрали их с собой, разорили ульи пчел, забрали рамки с медом. Немцы часто бывали в деревне с требованием давать молоко и яйца. Однажды солдат, угрожая пистолетом, обвинил мать, что молоко она разбавляет водой. Спасло то, что он сам подоил корову и убедился в низкой жирности молока.

В декабре 1941 года из–под Вязьмы начали пробиваться раненые солдаты Красной Армии. Жители деревни старались их прятать. Мать Марии, рискуя жизнью, под видом сына взяла в дом раненого солдата. Бинтов не было, раны перевязывали лоскутами простыней.

В начале 1942 года Красная армия оттеснила фашистов от Дорогобужского района. Однако, ближе к осени, сопротивление наших войск было подавлено, немцы начали постоянно находиться в деревне, издаваясь над жителями. Семью выгнали из дома, т.к. он мог служить наблюдательным пунктом. Соседи Зотовы потеснились и разрешили жить у них.

Немцы решили избавиться от многодетных семей и стариков. Приказали рано утром явиться в комендатуру для отправки в плен. Мама Марии, несмотря на свою неграмотность (не умела ни читать, ни писать), была женщиной мудрой, доброй, порядочной. Ночью собрала продукты, на корову привязала перину и тайно ушли в лес. Дети из под снега добывали траву для коровы, питались впроголодь и очень зябли.

Через десять дней Советские войска освободили деревню, семья вернулась домой. Но через полтора месяца немцы снова вернулись, фашисты прошли по домам, дали пятнадцать минут на сборы и под дулами автоматов с собаками погнали народ нескольких деревень в плен.

В первые дни войны отец Марии погиб на фронте, не прислав ни одного письма, Семен с первых дней воевал. Но вскоре их часть попала в окружение, солдат забрали в плен, над ними жестоко издевались, наступило время, когда изможденных решили уничтожить. Повезли в товарных вагонах. На одной из станций в вагон втолкнули троих летчиков в военной форме, незадолго сбитых немцами.

Они сразу спросили: «Вы знаете куда вас везут? Надо организовать побег, иначе верная смерть!». В верхней части стены вагона находилось окошечко. Летчики выломали его, но руками держали его на месте, поджиная определенный момент. Они сказали: «Мы скоро выпрыгнем, а вы продолжайте держать окошко и по очереди прыгайте!». Но обессиленные солдаты его уронили наружу. Медлить было нельзя, на следующей станции обнаружили поломку. Семен решил прыгать первым, но не мог приподняться до окна, ему помогли, и он с большой скорости вывалился из вагона. Сильно разбился, но руки и ноги не переломал. Была ночь, куда ползти не знал, ориентировался по звукам стрельбы.

Днем прятался, ночью перемещался. Через несколько суток от холода и голода силы покинули его. Но к счастью на пути оказался сарай с сеном. Семен забрался туда, через некоторое время заходит немец и, напевая песенку, начал вилами брать сено. Малейшая оплошность стоила бы Семену жизни. После его ухода он обнаружил в сене какие–то твердые тела. Докопавшись до них, увидел головки сыра, очевидно, помещенного для созревания. Ногтями он нацарапал его и утолил голод.

Долго Семен двигался к линии фронта, а когда оказался среди своих, началась новая беда. Ему не поверили, как человек в такой форме с выстриженнойолосой на голове мог убежать из поезда смерти. Объявили его немецким шпионом и арестовали. Теперь могли расстрелять свои. Только спустя длительное время в немецких архивах нашлось сообщение, что на той трассе был массовый побег Советских пленных. Его освободили. После демобилизации Семен работал в своей деревне шофером до ухода на пенсию. Среди жителей была молва: после дождя по бездорожью может проехать только трактор или на своей машине Семен.

Мне пришлось несколько раз слушать Семена, рассказывающего о своих военных годах, и всегда он делал это, глотая слезы. Слушатели тоже пребывали в таком состоянии.

После освобождения из плена Мария с мамой, сестрой и братом вернулись в деревню. Дом стоял, но у него не было крыши, оконных рам и пола. Все немцы сожгли, остался только сруб. В огороде лежал не конца горевший немецкий самолет. У семьи не было ни одежды, ни обуви.

Началась новая жизнь. Укрыли пол и окна соломой, завели скот, но без крыши было очень тяжело, во время дождя прятались у соседей. Через некоторое время смогли соломой покрыть крышу, но животные находились под открытым небом.

В школу Мария не могла пойти, была сильно нарушена речь. Целый год лечилась. Врачи говорили, что если будут стрессы, речь снова может быть нарушенной и желательно больше общаться с животными. Мария в лесу насобирала стропы от парашютов, сплела лапти и в этой обуви в следующий год пошла в школу.

Успешно закончив 10 классов, она сдала экзамены в Московский институт мясной и молочной промышленности. До начала учебного года уехала на Родину, вернувшись в сентябре она не нашла себя в списках. В деканате сказали: «Кто был в плену, тех в институт не принимаем!». В горьких слезах уехала домой, через год поступила на учебу в Загорский учительский институт на физико-математический факультет. По окончании института направили работать в с. Новая Шурма, в семилетнюю школу. Работала до закрытия школы из-за отсутствия школьников.

Трудовую деятельность продолжила в Загорском НИИ прикладной химии на должности инженера до ухода на пенсию. И муж, и двое детей, и трое внуков относились к ней очень бережно. По рекомендации врачей завели животных – сначала кошку, собаку и кроликов, а затем купили коз. Козы очень умные и забавные животные. Хозяева могут с ними разговаривать. Когда называют их по именам, они отвечают голосом и подходят к человеку, а козлята с разбегу прыгают на руки и что-то шепчут на ухо. Забота о их содержании окупается положительным влиянием на здоровье. Желающие содержать нервную систему в порядке – заведите этих чудесных животных – друзей человека. Они будут сопровождать вас на прогулках, особенно по лесу и по команде возвращаться домой.

Для выпаса коз рядом со своим огородом приобрели восемь соток

земли. Более двадцати лет платим за нее налоги. К сожалению, в настоящее время этот святой для нас клочок земли методом захвата приобретает сосед по дому. На слова: «Это не по закону, он отвечает: «А сейчас работают не законы, а деньги и свидетельство на право пользования землей является фальшивой бумажкой». Мария Александровна несколько месяцев не дожила до золотой свадьбы. Она подготовила рукопись этих воспоминаний, но не успела их опубликовать. Я – ее муж, делаю это с некоторыми дополнениями. Удостоверение малолетнего узника фашистских лагерей выдано в мае 1997 года.

Чупилина Елизавета Николаевна

Я родилась в 1937 году в Сталиногорске Тульской области (сейчас Новомосковск).

Когда началась война мой пapa, по возрасту он не подлежал призыву в армию, решил уехать в свой город, где он родился, в Кузнецк Пензенской области. Вся семья: пapa, мама и мы с сестрёнкой, которая была на два года моложе меня, очутились в другом городе. Нас пустила на квартиру жена священника, проживающая одна в своем доме. Мама устроилась на работу библиотекарем, сестрёнку определили в детский сад. Отец работал хормейстером в Доме культуры. Я оставалась дома одна. В стране ввели карточную систему. У нашей семьи не было подсобного хозяйства, поэтому мы жили впроголодь.

Я помню, как мама наказала мне, ребёнку, сходить и отоварить карточки, поскольку она работала. Я пошла, но по дороге встретила соседскую девочку, мы с ней решили покататься на качелях, и поэтому заигрались. Не помню, куда делись карточки на хлеб, но я их так и не нашла. Вечером сказала маме, что я их потеряла, она сильно расстроилась и сказала, что отец будет очень сердиться. Я залезла на печь и забилась в угол. Когда пришёл отец, то рассердился, сказал, что изобъёт меня. Мама заявила, что не позволит бить ребёнка.

Нам пришлось очень тяжело. Голодали всю зиму. Изредка выручала хозяйка, она работала на мясокомбинате и приносила оттуда куски шкурок животных. Она очищала их от шерсти и варивала, поэтому дома постоянно стоял запах. И вот она иногда давала нам эти шкурки, они казались такими вкусными. Потом, когда отец стал пухнуть от голода, мама стала брать в библиотеке газеты и продавать или обменивать их на рынке.

Вот странно, но газеты покупали, и на деньги мама покупала картошку или что-то ещё съестное.

Я хорошо помню, как зимой, когда дома никого не было, под крыльцом объявилась коза, принадлежавшая хозяйке. Я посмотрела, увидела

двух козлят и пошла к соседям, сказать об этом. Они мне посоветовали внести их в дом вместе с козой. Я так и сделала. Козлята начали сосать мать. Когда пришла хозяйка, стала меня ругать, зачем я подпустила козлят к матери. Мама ответила ей, что ребёнок спас ей животных, а она вместо того, чтобы поблагодарить, ругает его.

Чтобы выжить, отец начал искать себе другую работу. Он имел образование и устроился в район, зоотехником, ездить по колхозам. Колхозники, которые занимались пчеловодством, должны были сдавать в виде налога, мёд, за это им выдавали вощину, необходимую для пчёл. Мама устроилась на приёмку мёда.

Нам стало полегче, но тут заболела воспалением лёгких сестрёнка. Она болела очень серьёзно, и речь шла о её жизни и смерти. Необходим был пенициллин, но шла война, и он весь уходил для раненых. Как удалось маме связаться с врачами и обменять часть меда на пенициллин, я не представляю. Сестрёнка поправилась, но воспаление лёгких дало осложнение на сердце и лёгкие, поэтому она рано отошла в иной мир.

В 1944 году я пошла в школу. Сначала очень боялась учительницы, её голос вводил меня в ступор, поэтому я не отвечала ей. Она писала записки маме, но я не передавала их. Лишь последнюю обронила дома, мама её прочитала и пошла в школу. Учительница сказала, что я не выучила таблицу умножения и опять спросила меня, а я молчу. Тогда мама обратилась ко мне: «Лирочка, ты всё же знаешь». Я начала отвечать и учёба наладилась.

После войны и присоединения Сахалина к России, туда начали вербовать людей из Европейской части страны. Мой папа завербовался тоже. Так в 1946 году мы очутились на Сахалине, где ещё продолжали жить японцы.

На Сахалин вербовалось много людей, особенно колхозников. Они думали, что там не будет колхозов. Кроме того, правительство обещало им построить там дома, дать корову, овец и еще кое-какую живность. Надо сказать, что людей не обманули, но колхозы были созданы. Нам тоже дали корову, трех овец и поросенка.

Японцы жили на Сахалине в домах из щитов, холодных, поэтому, топили углем круглосуточно. Когда все спали, один дежурил и поддерживал огонь в печах. У них были бани, в которых процедура мытья отличалась, от нашей.

Помню, мы с мамой поехали помыться в Южно-Сахалинск за две-надцать километров от нашего города. Добирались на попутных машинах. Приехали, я очень замерзла, поэтому сразу полезла в чан с водой. Японки возмутились. Оказывается, сначала надо было зачерпнуть из чана воды, ополоснуться и только потом лезть в него. Они глядели на нас с презрением. Еще и потому, что мы были белокожие, а не такие как они.

После бани нам повезло, остановилась попутная машина, и шофер спросил о месте, где можно было остановиться на ночь.

Мама предложила остановиться у нас. Оказывается, это была машина с продовольствием для военных.

Когда на другой день они прощались, шофер сказал интенданту, чтобы он оставил нам мешок муки, песка и масла. «Отчитаться ты сумеешь, знаешь как» - сказал шофер.

Продукты эти нам были хорошей поддержкой.

Однажды, когда родители были в отъезде и не возвращались в течение ночи, сестрёнка стала плакать и говорить, что хочет есть. Вот тогда я первый раз, в 10 лет, начала печь блины, и мне это удалось.

Награждена: орденами Знак Почёта, Красного Знамени и медалью «В честь 100-летия В.И. Ленина».

У меня с мужем две дочери, обе получили высшее образование и одна внучка, которая после окончания МГУ работает в о крупной аудиторской фирме.

В прошлом году мы с мужем отмечали золотую свадьбу.

Шаповалова (Сальникова) Светлана Николаевна

Когда началась война, мне было 5 лет, сестре - 3 года. Мы жили на улице Горького в д. 23 в г. Краснозаводске. Родители Сальников Николай Степанович и Сальникова Елена Александровна работали учителями в школе (сейчас это КСОШ №7). Мы ходили в детский сад.

Первые месяцы войны помнятся смутно сигналами воздушной тревоги, светомаскировкой, колкой щелей на лесистом бугре за ручьем. Отец был зачислен в истребительный батальон, поэтому военкоматом был призван не сразу.

Осенью в Краснозаводске началась эвакуация производства и людей. Отец отпросился на неделю, чтобы эвакуировать нас к его родителям в Мордовскую АССР. Эвакуация была трудной, с большим количеством пересадок, ехали около двух недель. Помнится и обугленный пассажирский вагон, но в основном товарные вагоны (теплушкы) с соломой на полу, дымной буржуйкой посередине. Когда доехали до нашей станции, зима уже полностью установилась, очень морозная и снежная, ранняя. Связи с деревней не было, и отец ушел туда пешком, чтобы просить в колхозе подводу. 30 км до деревни нас везли на санях. А утром, чуть свет, отец опять пешком ушел на станцию.

Истребительный батальон направили под самую Москву. Отец уча-

ствовал в битве за столицу (на лыжах). Там он был ранен первый раз, а потом направлен в артиллерийские войска.

Мы провели больше трёх лет в деревне, там не было ни электричества, ни радио. Познали хорошо деревенский быт. Мужчин в деревне не было, все были на фронте. Мы жили сравнительно сносно, так как отец пересыпал туда свой офицерский аттестат. Ели «чистый» хлеб, в тесто бабушка добавляла только картошку, сырную тёртую или варёную мятую. А в избах подруг приходилось пробовать хлеб из лебеды, конского щавеля, мякины, ещё чего-то несъедобного. То и дело в деревню приходили похоронки. Женщины собирались в очередной избе и «вопили» с причитаниями о мужьях, отцах, сыновьях, братьях. Вот такие «детские» впечатления.

Летом 43-го отец приехал на три дня в отпуск после второго ранения. Спросил нас, какие мы песни поём. А мы начали петь деревенские частушки. Он посмеялся и напел нам песни, которые пели тогда и на фронте, и в тылу. Запомнились «Огонек», «Тёмная ночь» и особенно «Землянка».

Отец погиб 30 ноября 43-го года в Белоруссии. Помню, как физически больно было от горя. Дедушка и бабушка очень любили нас, заботились, чтобы нам было получше. Вечная им благодарность.

В деревне я училась в первом классе в 1943-1944 учебном году. Летом 44-го мама привезла меня в Краснозаводск. Даже я, восьмилетний ребенок, заметила бледные до голубизны лица детей у дома. В комнате стояла буржуйка. В лесу на бугре, куда сейчас протянулась кладбище, женщины и дети собирали сухостойные коряги, тащили в гору, распиливали в сараях или прямо в комнате на чурочки для буржуек. Продукты были по карточкам, нормы - скучные. Спасала картошка, она была везде. Маме дали огород в лесу на поляне за Пикинухой, картошку приходилось носить на плечах на крутую горку. Тачки редко у кого были.

Со второго класса по десятый я училась в школе №7. Это ежедневно с восьми лет приходилось идти пешком с Возрождения до самой школы, о каком-то транспорте и речи не было. Какие были условия в школе в военные и послевоенные годы, всем известно. Это холод, все в верхней одежде, коченеют руки, замерзают чернила. В коридорах часто был каток из-за прорвавшихся батарей.

В начальных классах давали с подносов по куску черного хлеба с чайной ложечкой сахарного песка или, изредка, джема. Какая это была вкуснота! Если кто-то отсутствовал, учительница завёртывала кусочек в бумагу и поручала кому-то из учеников отнести домой больному.

Все жили примерно одинаково, жизнь была суровая, даже маленькие дети не капризничали, не ныли. Лозунг был один: «Всё для фронта,

всё для Победы!» Но не унывали. Всегда работала пионерская организация, комсомол. Была самодеятельность. Никаких сокращённых уроков, отмен занятий, оценки не «натягивали». Каждый год в сентябре в классе сидели два-три второгодника.

Очень помогало радио. Чудесные радиопостановки с лучшими артистами страны, театр у микрофона, концерты по заявкам, эстрадные концерты, музыкальные передачи, оперы и, конечно, последние известия, победные салюты - радио не выключалось.

Мама работала в нашей школе, а четыре вечера в неделю - в школе рабочей молодёжи (где сейчас «Гвоздика»). Школа эта тогда была очень нужна. Учиться приходила и рабочая молодёжь, прекратившая учёбу в 14-15 лет из-за войны, и демобилизованные из армии после ранений. Классы были полные. Иногда на уроках засыпали, но учёбу не бросали.

В 1945-ом году в Краснозаводске был создан техникум. Окончившие семь классов в школе рабочей молодёжи, (кто посильнее) шли на вечернее отделение, становились мастерами. Таким образом решалась проблема кадров на заводе. Мама работала в школе завучем, домой приходила четыре раза в неделю около двенадцати часов.

Летом очень выручал наш заводской пионерлагерь на горе. Путёвки туда были дешёвыми или бесплатными (для тех, у кого на войне погибли отцы). После пятого класса мне дали путёвку в пионерлагерь «Артек» в Крым. За это несказанное везение я благодарна до сих пор тогдашнему директору школы Ивану Михайловичу Синельщиковой. Ведь его сын учился тогда тоже в школе.

Помогали семьям погибших выделением ордеров на одежду и обувь. Один раз было так, что у нас не осталось картошки на семена. Мама обратилась с просьбой к директору завода. Нам дали мешок картошки. Мы были спасены.

Как семья погибшего, мы довольно быстро выехали из коммуналки в квартиру (в 1964 году). Окончили школу мы с сестрой с медалями (золотой и серебряной). Закончили институты. С каким напряжением всех сил маме и нам дались эти годы - один Бог знает.

Помогали существенно родственники, вечная им благодарность. Но родственников тоже убавилось - у мамы в войну пропали без вести три брата, три наших дяди.

Вот так наше детство и юность, детство всего нашего поколения, жестоко перепахала война. Давно прошла трудовая жизнь. Многие из нас уже ушли из жизни, так и не дождавшись внимания государства.

Несправедливо и безжалостно не помочь в старости поколению «детей войны».

Шаркова Нина Александровна

Трудно было всем

Я родилась в 1934 году в деревне Кощеево Ярославской области. Мать моя Екатерина Георгиевна и отец Александр Иванович – выходцы из крестьянской семьи переехали в город Ярославль. Там они трудились на электромашиностроительном заводе. Но долго жить в Ярославле нам не пришлось. Как-то вдруг жизнь наша изменилась – город погрузился в темноту, т.к. свет нельзя было жечь, стекла заклеены крест-на-крест бумагой. Ночью над городом летали черные огромные птицы – самолёты, бомбили город. Было страшно. Тревога чувствовалась во всём. Мать с отцом отвезли меня в деревню к бабушке, к тёткам. В деревне также было страшно, особенно по ночам. Летали немецкие самолёты. А наши самолёты охраняли дорогу на Москву и вели бои с захватчиками, да и все жители были участниками этой войны: напряжённо трудились, старались защитить страну. В деревнях оставались в основном женщины. Они были на трудовом фронте – рыли окопы, устраивали баррикады из многовековых деревьев.

Но ёщё страшнее был голод. Люди ели всё – траву, ходили по полям, собирали прошлогоднюю картошку, всё, кроме хлеба, но не сдавались. Отец мой на фронте был шофёром, возил снаряды. Мать была на трудовом фронте: рыла окопы, пилила и валила деревья, чтобы преградить немцам дорогу на Москву. И вот долгожданная победа над врагом. Весь народ, как мог, сражался за свободу, за право жить. Но трудности ёщё были и после окончания войны. В послевоенные 1947-1949 годы пришлось переживать голод. Хлеб выдавали по карточкам, 200 – 300 грамм на одну карточку. Приходилось стоять целыми днями и ночами за этими крохами. Стояли целыми семьями: мать, отец, вернувшийся с фронта живым и я. Окончив 10 классов, поступила в Ярославский педагогический институт имени К.Д. Ушинского. Закончила его и получила направление на работу в Читинскую область преподавателем русского языка и литературы.

С 1958 г. по 1962 г. работала в средней школе в Ярославской области, в Краснозаводской средней школе Загорского района. С 1962 г. по 1989 г. пришлось поработать и в детской поликлинике. Вот так и прошла жизнь.

Шаров Василий Иванович

Что же я могу написать – если я родился 20 января 1943 года? Разве только, что из рассказов моих близких родных: отца – Ивана Стефановича, 1898 года рождения, призванного на фронт в первые дни войны, раненого и пришедшего домой из госпиталя, как непригодного к дальнейшей службе; моей мамы – Софьи Макаровны, 1900 года рождения, моей сестры – Марии Ивановны, 1922 года рождения; моего брата – Михаила Ивановича, 1932 года рождения.

Брат – Иван Иванович, 1924 года рождения, погиб под Могилевым, в Белоруссии, который, уходя на войну, попросил маму, что если родится мальчик, назвать его Васей, то есть меня. Были в нашей семье еще дети, но все умерли. Я в этой крестьянской семье четырнадцатый.

Родился я в Поселке Новинка, Комаричского района, Брянской области. Поселок Новинка – это настоящая, в 36 домов деревня, потому что никаких коммуникаций там не было. Дома (так их еще называли) покрыты соломой. Все расположенные в округе деревни назывались поселками.

Забегая вперед – отмечу, что моего поселка сейчас нет. Когда я забирал маму к себе жить, там было еще домов двадцать. Сестра уехала к своей дочери в Белоруссию. Последний раз я туда ездил лет 25 тому назад и там уже не было ни одного дома. Остались одни сады.

Во время войны через наш поселок проходили немецкие солдаты, где они и останавливались. Сколько они у нас «простояли» я не знаю, но мама говорила – не долго. Вот про одну такую остановку и «смешной», а вернее всего опасный для жизни случай, рассказывал брат Михаил. Ему в то время было 10 лет.

Наш дом находился посреди поселка. Недалеко от дома был колодец. Солдаты чувствовали себя хозяевами, они сразу всех жильцов выгнали из домов, стали ловить и резать домашний скот и птицу, находящуюся у нас и соседей и готовили себе еду в печах наших домов. Моя мама, моя сестра и брат прятались в погребе и там продолжали жить, пока солдаты не ушли. В первый же день стоянки один из солдат, рассказывал брат, велел ему принести ведро, чтобы напоить лошадей. Брат отказался выполнить, сделав гримасу. Тогда солдат сильно ударил брата по ягодице ногой, обутой в сапог. Боль была такой сильной, что брат от боли посинел и чуть ли не упал в обмороке. На ягодице у него имелся большой фурункул. Солдат сапогом выбил его. А после, когда солдаты ушли, брат бегал по поселку, хвастаясь, рассказывал всем про этот случай и говорил «спасибо» немцу, который освободил его от этой болезни.

Как выживала моя семья во время войны? Страшно сказать. Есть было почти нечего. Хлеба нет. Мама рассказывала, что весной они пе-

рекапывали, в буквальном смысле, весь огород, чтобы найти, случайно оставшуюся картошку, отварить и съесть. Ходили и на колхозные поля (колхоза им. Сталина) и там выкапывали картофель. Картофелины называли «тошнотиками». Выживали, как могли.

Когда пришло извещение о гибели брата Ивана, все переживали, плакали. Мама была в истерике и готова была броситься в колодец. Ее держали, уговаривали не делать этого, так как у нее на руках был я.

Хотелось бы отметить, что где бы я не находился, где бы я не работал, я всегда помнил наказы своей матери и свои обещания ей: быть честным, трудолюбивым, любить и уважать своих близких и окружающих меня людей. И только поэтому, я считаю, у меня в жизни все сложилось. У меня прекрасная семья, прекрасные дети: дочь и сын. Они оба, вовремя получили высшее образование. Успешно работают, имеют прекрасные семьи. У меня два внука и孙女.

Шинкова Валентина Ильинична

Родилась я в Дмитровском районе дер. Щетнево в 1938г. Фронт был рядом в Яхроме. Танки шли на Загорск через нашу деревню. Когда они проходили, стекла в домах звенели. Когда отец ушел на фронт, нас в семье осталось пять человек. Я была самой младшей. Мама работала дояркой, за детьми следить было некому. Мы собирали мороженый картофель, колоски, листья липы и все это ели. В нашей деревне жили солдаты. Они тоже были голодные. Однажды один солдат украл у соседки банку молока, так его очень били. Потом, когда солдаты ушли из деревни, молодежь заставили собирать противотанковые патроны, военные принадлежности и сдавать председателю. Находили и другие патроны и зажигательную смесь. Когда зажигательная смесь попадала на одежду, ее надо было уничтожать. Был случай, когда, собирая патроны, мальчик решил пошутить и ударил патрон о патрон, а они взорвались, ему оторвало ладонь, он стоял белый как полотно, затем упал без сознания. Мы пошли к его матери. Его увезли в больницу и отняли руку по локоть. Братья собирали патроны и забивали их в дрова. Так случилось, что мама положила дрова в печку и тут произошел взрыв. Пуля вылетела в окно, чуть не убила рядом стоящую маму. Она засыпала печь и выкинула все дрова с патронами в пруд. Отец писал редко и пришел с войны в 1945 году. Он привез нам свой паек: американские сосиски, сыр и еще что то, но я уже не помню. Когда мы наелись, я упала в обморок. В 1946 году надо было идти в школу, а обуви не было, да и одежды тоже. Пошла я в школу в 9 лет, окончила в 19 лет и тут же устроилась на работу в школу вожатой. Затем закончила институт и работала уже учителем. Мы получили квартиру, вырастили двух детей и внуков. Я отработала 36 лет в КТБ инженером. Дети живут отдельно. Муж умер 8 лет назад. Теперь живу одна в 3-х комнатной квартире, но духом не падаю.

Широкова Евгения Николаевна

Я принадлежу к тому поколению, которое познало войну, бомбежки, оккупацию немцами нашего города. Моя семья, мама, папа, бабушка, тетя и мы с братом Юрием, все это видели и познали в своей жизни, хотя нам было мало лет. Когда началась война, мне было 6 лет. Жили мы в Ставрополе, папу с первых дней начала войны призвали в армию. Наш дом находился на небольшой улице, с одной стороны находилось учреждение «Заготовлено», а с другой стороны здание начальной школы. Я хорошо помню раннее солнечное утро, мама ушла на базар, а мы с братом вышли во двор и стали кормить кроликов. В это время мы услышали взрывы, гул немецких самолетов, которые бомбили город. Мы побежали прятаться в школьный двор, где были вырыты траншеи на случай бомбежки. Туда же прибежали жители соседних домов с детьми. Мы сидели в этих ямах, а над нами открытое небо. Когда заканчивался налет, все взрослые несли доски, фанеру для того, чтобы сделать крышу. В этих траншеях мы просидели до самого вечера. А потом взрослые, которые выходили, сказали, что немецкие танки уже едут по нашей улице. Все стали убегать к своим домам и мы тоже. Наша мама вернулась только к вечеру, а немцы стали хозяйничать. В учреждении было наше красное знамя, на котором были вышиты Ленин и Сталин. Так вот, фашисты разорвали это знамя и сделали себе красные шарфы, а все остальное выбросили под забор. В наш двор хотели загнать большую машину, так как в школе расположился узел связи. Но она не смогла пройти, и ее повернули назад.

После этого появились немецкие офицеры, которые искали квартиру для немецкого генерала. Но так как у нас была большая семья и всего две комнаты, то этого генерала поселили не к нам, а к нашей одинокой соседке, в другую половину дома. Во двор загнали большую легковую машину и 10 немецких солдат, которые были на мотоциклах и с автоматами. По вечерам генералу включали прожектор в машине, и он там лежал и читал. Мы сидели дома, мама строго нам приказала не выходить из дома. Мы видели, как волнуются взрослые. А фашисты вели себя как хозяева. Угоняли молодых парней неизвестно куда, мы видели слезы их матерей. И когда начала наступать наша армия, а наши самолеты начали бомбить Ставрополь, фашисты стали понемногу отступать. Это было 1943 год. Немцев гнали дальше, они стремились к Грозному, Баку.

Жители нашего города стали копать землю, сажать картофель. Девушка ездил в ближайшие села, чтобы поменять вещи на семена. А от

нашего папы не было никаких вестей. Мама, бабушка все время ждали его, плакали, плакали и мы.

И вот в мае 1944 года в 5 часов вечера, мы с братом вышли на улицу играть с мячом, а мама пошла доить корову. И тут увидели, что на ступеньках нашего дома сидит военный в зимней одежде, теплой шапке, а рядом с ним лежат костили. И вдруг мяч покатился и ударился о ступени, мы остановились, не зная, что делать, боялись подойти. Тогда я, как старшая, подскочила и схватила мяч и бросилась бежать. Но военный остановил меня и попросил подойти. Мы с братом, дрожа от страха, медленно подошли к нему. Военный спросил: «Девочка, как тебя зовут? Как зовут брата?» Я ответила. Тогда он спросил меня: «Где ваш отец? Пишет вам письма или нет?» Я сказала, что наш пapa воюет на 1-ом Украинском фронте, что писем давно нет и что мама, бабушка все время плачут и очень страдают. Он помолчал немного, а потом попросил воды. Мы с братом помчались в дом, набрали кружку воды и дали военному. Он выпил воду, а потом, отдавая кружку, спросил, нельзя ли ему у нас переночевать. На что я сказала, что у нас тесно: дедушка, бабушка, тетя, мама и мы с братом. Он выслушал меня и попросил узнать у матери. Мы с братом побежали в сарай, где мама доила корову. Сказали, что у нас на крыльце сидит раненный, пьяный и просится к нам ночевать. На что мама ответила, что у нас негде. Мы с братом вышли на улицу, передали военному мамины слова. В это время мама уже подоила корову и шла в дом. Она позвала нас, так как было поздно, прозвучал гудок на мельнице, который всегда включали в 10 часов вечера.

И вот мы стоим в коридоре молча и слышим, что солдат тяжело поднимается и еле идет, костили его скрипели. Брат сказал маме: «Куда же он теперь пойдет, уже поздно, и кто же его пустит?» И вдруг мужчина стал медленно приближаться к нашей калитке и протискиваться с костилями, совсем как пapa, ведь он был высокого роста. Мама пошла ему навстречу со словами: «Гражданин, вам же сказали, что у нас нет места». А он, не останавливаясь, шел к маме, так что она была вынуждена оттолкнуть его за плечи. Военный не отступал. Мама подумала: «Боже, какой же он пьяный! Что же нам с ним делать?» А мужчина от волнения ничего даже не мог сказать. И только потом с трудом вымолвил: «Что же вы меня и домой не пустите?» Я сразу узнала пapa, закричала, что это наш пapa, а мама все не верила, спрашивала, плача: «Коля, это ты? Что у тебя с ногами?» А он едва сдерживал слезы и волнение, только и просил присесть.

И вот мы все толпой вошли сначала в коридор, а потом и в комнату. Кругом темнота, света нет, а мы все кричим от радости, что это наш пapa вернулся. Бабушка уже спала и спросонья ничего не могла понять. А пapa просил сесть, а мы его обнимали, целовали. Но пapa сказал, что нужно снять одежду, так как в ней было много вшей. Когда пapa снял шапку,

мы все зарыдали. Пapa был весь седой. Он попросил приготовить чистое белье и помыться. Мама, бабушка и тетя стали все это готовить. А нас отправили спать. Перед этим пapa достал из кармана 3 грецких ореха и 6 кондитерских подушечек, раздели на три части, нам с братом и сыну папиной сестры. Мы взяли гостинцы и ушли в комнату. Но не могли уснуть, слушали папины рассказы о войне, кушали конфеты и думали о том, как пapa воевал, был в таком аду и помнил о нас, даже привез гостинцы. Я до сих пор помню и ощущаю вкус этих конфет, и меня охватывает радость и гордость за нашего пapa.

На следующий день утром мама отогнала корову в стадо и зашла к бабушке, папиной маме. Она жила недалеко от нас с двумя дочерьми. Сколько было слез, радости и гордости. Через несколько дней пapa увезли в госпиталь, где он пролежал полгода. Спасибо нашим врачам за то, что спасли папе ногу, не ампутировали. Пapa очень много рассказывал нам о войне. Он был ранен во время подготовки к бою с немцами в Румынии. Потом его переводили из одного госпиталя в другой, а потом всех раненых стали отправлять в СССР. Сначала в Москву, потом в Ростов. Госпитали все были переполнены и оставляли только тех, у кого было ранение в голову, в живот. Остальных, в том числе и нашего пapa, довезли до Краснодара. Оттуда раненые из Ставрополя стали просить отправить их домой. И их всех собирали, дали документы, отвезли на вокзал и посадили в поезд до Ставрополя. Все с трепетом ждали встречи с родными и близкими, с родным городом. Пapa пошел короткой дорогой, которая шла через овраг. Было уже очень темно. У него сломался костиль. Кое-как он добрался до дома. Его переполняли радость, волнение перед предстоящей встречей. Когда он дошел до дома и сел на крыльцо, чтобы перевести дух, успокоиться и собраться с мыслями, то увидел нас с братом. Пapa сразу нас узнал. Так он просидел на крылечке до позднего вечера.

Шухаева Зоя Анатольевна

Я родилась на Украине в 1927 году. Мои родители, Янкевич Анатолий и Станислава, во времена голodomора решили, что нужно спасать детей, и они переехали жить в Балабаново Калужской области. Мне тогда было 4 года, сестре 7 лет, а брату 11 лет. С собой смогли увезти только одежду, а всё остальное пришлось оставить на Украине, уехали, лишь бы не умереть. Перебрались в Балабаново, потому что там жила мамина сестра, которая нас у себя и приютила. Пapa взяли на работу на кирпично-черепичный завод. Мама устроилась на работу в свиноферму, работала она очень ответственно, поэтому вскоре ей предложили стать бригадиром. Пapa тоже был очень работающим человеком и ему, несколько месяцев спустя, выделили от завода комнату в коммуналке. Нужно было купить хоть какую-то мебель, постель, посуду, ведь у нас

ничего не было после переезда. Папе приходилось вечерами после работы идти на подработку. Он был большим мастером по кладке печей, и в городе таких больше не было. Его вечерами почти никогда не было дома, но зато он каждый день возвращался то с куском хлеба, то с картошкой, то со свёклой, а иногда ему давали посуду или мыло. Когда нам выделили небольшой клочок земли, родители построили маленький сарай, благодаря которому смогли завести козу, кур и кроликов. Мы, ребятишки, помогали родителям ухаживать за животными.

В начале 1941 года брата забрали служить в Армию. Мы ему в армию отправляли посылки. Сестра Эмилия уехала в Москву, там и работала, и училась. И вроде у нас начала восстанавливаться жизнь.

Но вот настал июнь 1941 года и опять беда - началась война. Балабаново было под обстрелом немцев, было очень опасно, и нашей семье и ёщё шести семьям предложили эвакуироваться в город Краснозаводск Загорского района Московской области. Родители решили ехать. Нам опять пришлось всё оставить и уехать жить в другой город. Отец пошёл работать на Краснозаводский химический завод (тогда он назывался завод №11). Нужно было опять обживаться, и папе приходилось после работы класть печи, чтобы прокормить нас. Получили письмо от брата Анатолия, он писал, что всю их часть отправляют на фронт. Вот так, он уходил на срочную службу в Армии, но пришлось на самом деле защищать свою Родину от врагов. Через некоторое время папу тоже призвали на войну, и нам с мамой нужно было как-то выживать без помощи отца. Мама очень болела, у неё распухали руки, и она не могла работать. Мне было 14 лет, но я решила, что должна идти трудиться на завод, нужно было кормить себя и маму. Мама написала отцу, что я пошла работать. Отец очень расстроился и просил маму повременить с устройством до-чери на работу, а продолжить учёбу, но к этому времени я уже стояла за станком. Во время войны на оборонном заводе работало много подростков, ростом были маленькими, не доставали до станков, нам подставляли ящики. Со мной рядом работали такие же, как я, худенькие и хрупкие девочки. По норме мы должны были работать по 6 часов, но рабочих рук не хватало, а на фронте ждали наши снаряды, поэтому работали всегда больше. И всё-таки нужно было немного поспать, ведь производство было опасным, от неправильного движения снаряд мог взорваться в руках. Стелили курточку в уголке и спали. А однажды мне пришлось тушить загоревшуюся продукцию, я быстро среагировала

ла и смогла предотвратить трагические последствия. Меня даже хотели наградить медалью за такой маленький подвиг, но нам в то время важнее были, хоть какие-то, денежки, и руководство решило меня наградить премией. Я счастливая и гордая вернулась домой к маме с этой такой важной для нашей жизни денежной премией. Мама меня обняла, поцеловала и много-много добрых и трогательных слов говорила мне, которые до сих пор трогают душу при воспоминаниях.

Работа была тяжёлая, нам маленьким девочкам приходилось поднимать 120-килограммовые ёмкости со снарядами и грузить их на телегу или сани, но мы знали, что наш труд нужен для фронта и нашей победы над фашистами.

Брат в 1942 году был тяжело ранен в руку, но после госпиталя сразу отправился опять на фронт. Отец в 1943 году получил очень серьёзные ранения, долго лечился в госпитале, после выписки он получил отпуск на 10 дней. Как мы радовались встрече с отцом, расспрашивали его о войне, но он только отшучивался и не хотел нас пугать страшными рассказами. Ему хотелось за время отпуска оказать нам больше мужской помощи по хозяйству. Папа опять ушёл на фронт и к нам больше не вернулся. Через несколько месяцев пришло известие, что отец погиб от многочисленных ранений.

Казалось, что бесконечно продолжается горестное и тягостное время войны, но вот настал май 1945 года и ПОБЕДА!

Радость переполняла нашу семью вдвойне. Закончилась война и вскоре вернулся домой брат, Чиж Анатолий Анатольевич.

Он вернулся с осколком в груди, который врачи не смогли извлечь, потому что он бродил по телу и постоянно мешал жить. Рука Толика, после первого ранения, была сильно изуродована. Благодаря операции, он мог ею работать, но она своей болью и внешним видом тревожила его и была всегда напоминанием о страшной войне. Однажды он нам рассказал, что шёл тяжёлый бой, стреляли из винтовок, взрывались гранаты, и даже ему пришлось бороться с фрицем в рукопашном бою. Когда ему удалось убить фашиста, он увидел, что ранен осколком в грудь и у него нет кончика пальца. Только потом он понял, немец от-

кусил его во время борьбы. А я спросила у него, сложно ли убивать? Он ответил: «Сложно и страшно, но ради мира и покоя на родной земле это приходилось делать, ведь враг сам пришёл на нашу землю».

Конечно, вся наша семья горевала, что нет у нас теперь отца, особенно мама никак не хотела в это верить. Послевоенные годы тоже были очень тяжёлыми, приходилось много работать. Но семью никогда не покидала надежда найти место захоронения нашего любимого и дорогого отца. Мы пытались найти информацию о нём, но всё было тщетно. Продолжила поиски и моя доченька Наталья. Она долгие годы писала письма и отправляла запросы о своём дедушке, но только благодаря тому, что стали издаваться электронные книги памяти и тому, что наконец-то она узнала настоящий его возраст. Она искала человека, который был на пять лет старше её бабушки, а он на самом деле был на пять лет моложе, в результате чего были утеряны не только месяцы, но и годы. Так поиски продолжались 61 год и, наконец, удалось найти его в 2014 году. Мой отец, Янкевич Анатолий, 1901 года рождения похоронен в братской могиле на городском кладбище в г. Подольске. На мемориале стоят обелиск и скульптурный памятник, с надписью: «Вечная слава Героям, павшим в боях за честь, свободу и независимость нашей Родины». Могильные холмы сооружены из бутового камня, на которых расположены розовые мраморные плиты со списком захороненных, среди которых Наталья нашла плиту с именем своего деда и моего папули. Если позволит мое здоровье, то весной дети повезут меня на то самое кладбище поклониться ему и всем солдатам, погибшим за свою Родину.

Яновская (Павлюк) Ирина Николаевна

Это не забывается

Мы с сестрой родились до войны на станции Большево Московской области. Война нас там застала. Мы были маленькие, но кое-что запомнили. Очень быстро немцы стали подлетать к Москве. Раздавалась сирена, и всё небо освещалось прожекторами. Прожектора скользили по чёрному небу в поисках самолётов. По рассказам бабушки, в это время совершил первый таран самолёт Талалихин. Это был подвиг. Мы с мамой и сестрой прятались в щелях, траншеях.

Наша улица шла к берегу реки Клязьмы, там вдоль берега были вырыты жильцами щели. В них были длинные скамейки, а сверху щель была заложена настилом из брёвен и веток. Мы там сидели и дрожали.

Наш отец окончил училище им. Баумана и его послали работать в Загорск на ЗОМЗ. Мы переехали в Загорск на Рабочий посёлок. Нам дали комнату в двухэтажном шлакоблочном доме.

Вот отсюда и начались наши путешествия.

В Томске необыкновенная природа и климат. Река Томь кристально чистая. Можно рассмотреть каждый камешек на дне. Растительность очень громадная и богатая. Всегда все удивлялись величиной овощей и фруктов. На рынке продавали молоко в холщевых мешках. Молоко замораживали в глубоких тарелках, затем диски складывали в мешки и везли на рынок. Это всё оставляло впечатление в детстве.

В Томске бомбёжки не было. Даже не было прожекторов. Как только война стала отступать от Москвы, наш завод стал возвращаться в Загорск. Отец был начальником эшелона. Он был очень энергичным человеком и поэтому был всё время на гребне волн.

Мы сначала приехали в Большево к бабушке. Сколько слёз. Дедушка умер. Старший брат мамы погиб где-то под Нарофонинском. В доме электричества нет. Освещение – керосиновая лампа. Окна все затянутые. Небо прошиваются прожекторами.

Вскоре отцу дали комнату в Загорске в зомзовых домах на третьем этаже в доме №3. Когда устроились с жильём, чаще стали ездить к бабушке. Возвращались обратно в Загорск и шли от вокзала по Валовой улице, а по небу всё также и ещё очень долго шарили прожектора. Это нас очень волновало. И воспоминание это на всю жизнь.

Янышева Аллаата Анатольевна

Родилась в Москве 20 ноября 1928 г. С 1937 г. жила в г. Владикавказе в семье маминого брата Янышева Анатолия Сергеевича – бухгалтера. Жена Янышева, Варвара Ивановна, учительница, и бабушка, мамина мама, Янышева Наталья Михайловна. Дедушка Сергей Онуфриевич Янышев умер в 1935 г.

О войне узнали из речи Молотова В. М. из репродуктора. Такая черная тарелка была у всех, мы всегда слушали Москву и Левитана. Все радиоприёмники были сданы, у нас во дворе был приёмный пункт. Двор был большой, из разных одноэтажных домиков. У нас была галерея и четыре комнаты, где жили четыре семьи, а под домом – подвал, стены из бутового камня, толстые.

В 1942 г. осенью немцы подошли к городу. Было осадное военное положение, и введен комендантский час. Дядя Толя ушел в ополчение. Когда объявляли воздушную тревогу, мы в свой подпол спускались, сидели в

нише и закрывались подушками, когда слышали свист снаряда. Говорили, если слышишь, то это не в тебя. Видела самолеты с черными крестами. На углу у нашего двора был вырыт дзот, и красноармейцы жили в нашем дворе на квартирах. Они угождали нас американской тушенкой, крупой саго. В доме электричества не было, была керосиновая лампа, а во время войны коптилка, при которой я делала уроки. Окна были заклеены газетными по-лосами. Отапливались печкой, дров всегда не хватало. Готовили в галерее на мангале. На рынке покупали дрова кучками по пять полешек. Всё про-давали и меняли на еду. Один раз тетя Варя ездила с женщинами копать картошку на полях под бомбёжкой. Готовили и мамалыгу — кукурузную кашу. Кукурузу сушили и на старой бабушкиной кофемолке с ручкой мо-лоли.

Школы не работали, когда было осадное положение. Нам принесли эваколист. Разложили на полу старое покрывало и складывали всё, что можно взять с собой. Всем сшили по мешочку, вроде рюкзачка. Но бабушка сказала, что никуда не поедет. Так мы опоздали на поезд и остались. Но слава Богу, немцы в город не вошли, и началось от нашего города насту-пление Красной Армии.

Вернулся из ополчения дядя Толя и снова начал работать на вагоноре-монтном заводе. Открылись школы, и я пошла в шестой класс в железнодорожную школу №1 — она первая открылась.

Был у нас огород, три сотки, сажали картошку и кукурузу. Карточки и вечные очереди. Мылись в городской бане. Часто стояли в очереди в туа-лет. На весь наш двор был деревянный туалет и колонка во дворе.

Бабушка готовила в основном первое, которое ели целый день. В кани-кулы нас посыпали в колхозы и в городе — на консервный завод, где нам удавалось съесть что-то.

О победе узнали из динамиков на улице. Все собирались во дворе и слу-шили. Вернулись две девушки из нашего двора, которые ушли на фронт. Галия вернулась с маленьким мальчиком.

В 1947 году я закончила женскую школу. Потом закончила МЭМИИТ в Москве. В 1952 году и была направлена в Загорск на участок энергоснаб-жения Московской железной дороги, где и проработала 35 лет. Я ветеран электрификации железных дорог и ветеран труда. Здесь встретила Бориса Викторовича Ведьмина, с которым мы прожили 37 лет до его ухода из жиз-ни в 1994 году.

Воспоминания ветерана

Щапов Василий Кузьмич

(1920 – 2010)

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

Я родился 8 августа 1920 года - в самую разруху и голод после Гражданской войны.

Отец, Щапов Кузьма Иванович, родился в 1892 году, крестьянин, учился в церковно-приходской школе и закончил три класса с похвальным листом. В царскую армию был призван в 1915 году, в учебную команду. Через шесть месяцев ему было присвоено звание ефрейтора, потом старшего унтер-офицера, и в 1916 году он был отправлен на фронт командиром взвода.

В период Гражданской войны состоял в штате военного комиссариата по подготовке кадров - занимался обучением новобранцев 1901-1902 годов рождения - в разных селах.

Отец женился в 1912 году на крестьянке из зажиточной семьи села Шелемисс Кузнецкого района (уезда) Декиной Елене Васильевне. У них в семье были два брата, старший Федор и младший Александр, который погиб на фронте Великой Отечественной войны.

На срочную военную службу я был призван 26 апреля 1941 года. Ехали в товарных вагонах, где были двухъярусные деревянные нары, через всю Украину. На остановках разглядывали чистенькие белые вокзалы, как, например, Фастов. А в Полтаве восхищались цветущими садами вишни и яблонь. В Подволочиске мы успели сходить в железнодорожный буфет и в магазин, который располагался недалеко от вокзала. Продавец, предлагая товар, говорил, что он уступит и продаст дешевле, особенно для бойцов Красной Армии. «Как это дешевле, ведь цены государственные!»

«Нет, у нас торговля частная». На конечной остановке нас выгрузили из вагонов, и мы пешим ходом пошли через лес, по воде, до воинской части, которая дислоцировалась в деревне Грушевка Львовской области.

После карантина нас обмундировали и направили в казарму. За несколько дней пребывания в городке я успел побывать в Ленинской комнате, библиотеке. Начались занятия по строевой подготовке. Я сразу почувствовал крепкую дисциплину, порядок и компетентность офицеров и младших командиров. Мне очень понравилось. Зачислили меня в отделение связи радистом батареи 723 г.а.п. 159 с.д. Но рацию так и не получил.

В первых числах июня мы выехали в летние лагеря. После оборудования лагеря начались занятия по специальности. Но, увы, успели провести одно-единственное занятие по изучению полевого телефонного аппарата, так как на следующий день нас отправили на границу, в район городов Рава-Русская, Немиров, на строительство дотов (Д.О.Т.).

21 июня 1941 года, не закончив оборудование укрепленной линии, мы вернулись в лагерь. Утром 22 июня в 6 часов в расположение нашей

части прибыл командир дивизии и объявил боевую тревогу. Кто-то сказал, что это, наверное, учебная тревога. Но прибывший старшина Сахно скомандовал: "Забрать личные вещи и построиться, сбор на опушке леса, у дороги". После завтрака в полной боевой готовности мы собирались в указанном месте. Там уже была установлена трибуна. Начался митинг: нам объявили, что немцы вероломно напали на нашу Родину - началась война. Выдали нам медальоны и объяснили, что необходимо написать фамилию, имя, отчество, домашний адрес и вложить это в медальон, который необходимо положить в брючный кармашек.

Наш артополк имел на вооружении 122 мм гаубицы. Один дивизион на механической тяге и два дивизиона на конной тяге. Весь артополк тронулся походной колонной в западном направлении, следом за стрелковыми полками. Начались разговоры о том, куда же нас везут - то ли на Киев, то ли к границе. Конечно же, мы шли к границе. Только успели мы покинуть наши летние квартиры, как налетела на лагерь немецкая авиация и разбила лагерь. Часам к 12-ти стала слышна артиллерийская канонада, а в 16.00 22 июня мы уже заняли огневые позиции, оборудовали наблюдательный пункт рядом с боевыми порядками пехоты. Я тогда не имел понятия (как и все солдаты нашей дивизии), что такое война. Даже какое-то приподнятое настроение было у всех.

Сзади нас густой лес, за лесом - поле, где была установлена батарея, с которой уже была налажена связь. С наступлением темноты немцы прекратили атаки и обстрел. Наша батарея всю ночь вела беспокоящий огонь по переднему краю и тылам немцев. Но вот ранним утром 23 июня немцы после непродолжительной артподготовки возобновили наступление. Атаки продолжались весь день. К вечеру наша пехота не выдержала и отступила. Ночью положение было восстановлено. 24 и 25 июня все повторилось, а 26 июня после массированного налета авиации и артиллерии противника началось массовое отступление по всему фронту. Наше отступление немцы сопровождали обстрелом бризантными снарядами. Мы только успели установить 2 орудия на новой позиции, а я с товарищами еще не успел проложить кабель на НП. Слева на опушке леса стоял отдельный домик с колодцем во дворе. Я побежал с котелком за водой. Прицепил котелок и с помощью барабана опустил его в колодец. В это время послышалась автоматная очередь, пули просвистели выше моей головы. Я, естественно, присел за сруб колодца. Тут я и увидел прямо перед собой двух немцев с автоматами, идущих прямо к колодцу. Я выстрелил из карабина и одногобил. Второй немец побежал назад. В это время я увидел, что от батареи побежали наши солдаты из орудийного расчета. К счастью, установлено было только два орудия, а два других установить не успели. Таким образом, два орудия захватили немцы, а из орудийного расчета остались только

двоем. Остальные погибли в рукопашном бою. Оказалось, что немцы, прорвав нашу оборону, вышли к нам в тыл.

Вот теперь я понял, что такое война.

Двое из оставшихся в живых оказались кузнечане: Жаринов Сергей и Иван Кошкодавев, он до войны работал парикмахером в Центральной парикмахерской на Комсомольской улице. Так как не установленные орудия оказались в упряжке, то ездовые, увидев немцев, погнали лошадей с орудиями в тыл за отступающими пехотинцами. Мы трое оказались отрезанными от своего полка.

На опушке леса к нам присоединился сержант - командир отделения связи. Он приказал: "Окопайтесь здесь и ждите меня, я пойду вперед, разберусь, где тут немцы, а где наши". Но он так и не вернулся.

День клонился к вечеру, жара спала. Мы, посоветовавшись, решили идти по хорошо накатанной грунтовой дороге. Но вовремя сориентировались, так как пошли не в ту сторону, повернули обратно на восток.

Тем временем по большаку двигалась масса беженцев. Люди несли свой скарб, а некоторые везли на лошадях, но таких было мало. Многие гнали свой скот. Следом за беженцами показалась колонна солдат, мы присоединились к ним. По обочинам дороги валялись трупы людей и скота, также много домашних вещей. Это то, что осталось после налета немецкой авиации на беженцев, идущих впереди. В кювете лежал один поляк, раненный в живот, его кишки вывалились на землю, он стонал и просил, чтобы его пристрелили. Но никто к нему не подошел. Это было так страшно!

Километра через два на опушке леса увидели дом. Возле него никого не было, и мы долго наблюдали, не решаясь подойти к дому. Но вот наконец-то из дома вышел солдат. Присмотрелись - свой. Часовой вызвал офицера, который разрешил нам подойти и стал расспрашивать кто мы такие. Я сказал, что мы разыскиваем свой 723-й артполк. Он нам ответил, что где наш полк не знает и дал нам задание установить, есть ли в роще и за рощей немцы. Мы зашли в лес - в кромешную темень, прошли через лес - кругом тишина. Доложили, что немцев нет нигде. Нам разрешили отдыхать. Во дворе под открытым небом было много сухой травы, на которую мы и легли спать. Но сразу заснуть так и не удалось - не давали самолеты противника: то пролетала рама (разведчик), то шли на восток эскадрильи бомбардировщиков, создавая монотонный гул.

На рассвете мы продолжили свой путь на восток, но своих догнали только на следующий день в лесу, где сосредоточились подразделения легкого артполка и нашего. Сразу же увидели своих товарищей - крепкие рукопожатия и объятия, как будто мы не виделись, бог знает сколько времени. Большая радость, что мы опять вместе, в своем полку. Лес, зелень, буйная растительность, и теплая солнечная погода, дурманя-

щий аромат трав - все это создавало хорошую обстановку и настроение. Кругом ставили полевые кухни, готовили обед, а среди личного состава веселый разговор, шутки, игра на музыкальных инструментах. Но долго тут задерживаться было нельзя, противник своими обходными маневрами вынуждал нас на дальнейшее отступление.

С наступлением темноты все подразделения двинулись на восток. Шли проселочными дорогами через леса и поля, на которых созревала пшеница выше человеческого роста. Бывало, идешь по пшенице цепочкой друг за другом, и уже образуется хорошо протоптанная дорожка. А таких дорожек столько, сколько подразделений. Остановят на привал, а у тебя одно в голове - определить, где мы находимся. Справа - осветительные ракеты, слева тоже, создается такое впечатление, что мы окружены. А политруки уверяют, что на других участках фронта наши войска перешли границу и ведут бои на территории противника. В это вранье поверить было нельзя.

Июнь на Украине был ненастным - как зарядит дождь на три-четыре дня - сухой нитки на тебе не остается. В мокрой одежде чувствуешь себя отвратительно - мерзнешь. Иногда думаешь: «Лучше бы убили меня, чем переносить все эти лишения - холод, дождь, грязь». Поэтому я никогда не боялся, что меня убют. Но, тем не менее, мне не верилось в это, потому, что мы, солдаты, понимали, что война все-таки кончится. И мечтали о хорошей жизни. «Вот кончится война и хорошо бы посмотреть, как все хорошо заживут!!».

Как-то нас вдвоем послали охранять перекресток дорог и не пропускать немцев - мы должны были вовремя сообщить нашим о приближении противника. Погода была скверная, шел мелкий дождь. Мы промокли и дрожали от холода. Залезли в старый окоп и там ждали немцев. Но немцы так и не появились.

Отступали только ночью, колесили зигзагами. Бывало за ночь отмашешь 60-70 километров, а от линии фронта уйдешь всего-то на 10-20. К утру только успеешь окопаться, а противник вот он, уже вышел на наши позиции.

Немцы использовали наши самолеты, которые мы называли "чайками", для преследования наших отступающих колонн. Они вылетали с заглушенными моторами из-за леса, а мы, глядя на наши звезды, принимали их за своих. Немцы на бреющей высоте начинали бешеный обстрел колонны. Были, конечно, убитые и раненые. В одном из таких налетов был убит командир батальона.

Мы почти каждую ночь попадали то в окружение, то в "мешок". Вот и приходилось колесить. Так как остатки орудий были переданы в другой артполк, то мы, артиллеристы, воевали как пехота. На нашем участке ничего не осталось на вооружении - ни танков, ни артиллерии. Даже

автоматов и тех не было, на весь артполк был всего один пулемет. После длительного отступления в боях с превосходящими силами противника мы заняли оборону на опушке леса. Впереди нас был совхоз, за нами - лес. Стоял хороший летний день - жарко, конец июля. Нещадно палило солнце, тишина и только в лесу перекликались птицы. Командир батареи послал нас - нескольких человек, на разведку в совхоз. На пасеке никого не оказалось, мы наполнили котелок медом и ушли к своим. Взяв еще несколько котелков, обратились к командиру с просьбой, чтобы разрешил нам сходить еще за медом. Он отпустил. Но когда мы вернулись на пасеку, то увидели, что наши разведчики столкнулись с разведкой противника. Немцы были на мотоциклах, обстреляли наших и уехали. Мы же, набрав в котелки меда, тоже пошли к своим. Кто-то из разведчиков, заглянув в крайний сарай, обнаружил немецкого солдата, которого мы привели к нашему командиру. Так как у нас не нашлось ни одного человека, который знал бы немецкий язык, пленного пришлось отправить в штаб полка.

Мы еще не успели как следует окопаться, а немцы уже начали обстрел из орудий и минометов, после чего пошли в наступление в сопровождении танков и авиации. Наша пехота, не выдержав танковой атаки, стала отходить. По оврагу мы вышли к деревне. Восточнее этой деревушки, на высотке, стоял полковник и, размахивая пистолетом, стал останавливать отступающих. Собрав небольшую группу, человек сто, он приказал взять деревню, которая находилась на бугре за оврагом. Между оврагом и деревней - овсяное поле. Но овес был невысок, и наши фигуры хорошо были видны. Из крупнокалиберных пулеметов, которые стояли у немцев на бронетранспортерах, был открыт такой огонь, что и головы не поднять. От той контратаки мы ничего, кроме людских потерь, не имели. Немцы пустили два танка и бронетранспортер, и пошли на нас атакой. Пулеметные очереди и минометный огонь обратили нас в беспорядочное бегство. А полковника и след простыл. Прибежали в большое село, центр которого пересекала канава с высоким бруствером - вот она, готовая линия обороны. Мы заняли оборону по этой канаве (вынужденно, конечно). Из одного дома вышла дородная женщина, встала на бруствер и начала кричать: "Что это вы, русские, воюете на нашей земле, ведь все украинцы ушли к немцам, и вы бы шли по домам". Политрук ее предупредил: "Мамаша, шли бы вы отсюда, а то чего доброго, пуля и вас не минует!".

Немцы с самолетов разбросали массу листовок, в которых призывали сдаваться в плен, а иначе они 159-ю дивизию уничтожат, а 41-ю утопят в Днепре. К утру 3 августа 1941 года мы вышли на склон горы, которая была покрыта дубовыми деревьями. Когда объявили привал, то все солдаты свалились отдыхать. Это такая благодать, кругом тиши-

на, поют птицы, стрекочут кузнечики и повсюду аромат цветов. Полдень знойный, на небе ни облачка. Но вот скомандовали подъем и мы опять двинулись дальше от противника.

К утру 4 августа мы вышли на окраину села Кагарлык Киевской области. За неглубокой лощиной на опушке леса сразу же определили линию обороны для каждого подразделения. Стемнело, но жара не спадала. За ночь все окопались, то есть на каждого двух человек выкопали окоп в полный профиль, и отдохнули. Проснулись - играет солнце, поют птицы, как будто и войны нет. Но вот со склона горы, где мы вчера устраивали привал, показались мотоциклисты и спустя 10-15 минут скрылись обратно. Это, конечно же, была немецкая разведка. Командир батареи приказал мне выдвинуться вперед и около крестца пшеницы занять наблюдательный пункт и вести наблюдение за противником. И вот часов в 9 показалась колонна. Немцы не пошли дубовой рощей, а свернули вправо и, не маскируясь, стали спускаться в лощину. А лощина - вот она - у меня перед глазами, всего в ста метрах. Но немцев-то не видно и не увидишь, пока они не подползут ближе к нам. Тем временем минометчики уже открыли огонь по нашему переднему краю. Мины рвались повсюду, после небольшого обстрела немцы пошли в атаку. Но с правого фланга наш пулеметчик открыл во фланг немцев сильный огонь. Мы тоже стали стрелять из карабинов. Немцы поняли, что из лощины к нам не подобраться и прекратили атаку. Через 30 минут атаку повторили, но с левого фланга. Опять начали не только минометный, но и артиллерийский огонь. Меня ранило осколком от разорвавшейся мины. Я кричу политруку, что меня ранило, но он приказывает вести огонь. Мне самому перевязать ногу нечем, да и времени нет. Тут или перевязку делать, или стрелять нужно. Слева усилилась стрельба и крики, я посмотрел назад, а наши уже начали отступать. Вот, видно, меня Бог спас, что я не стал делать перевязку, а побежал догонять своих. На первых порах я как будто и не почувствовал боли в ноге, догнал своих уже в селе, сел на землю и тут мне сделали перевязку. А на противоположной северо-западной окраине уже строчат немецкие пулеметы, а я уже подняться не смог. Подогнали двуколку, посадили меня и повезли в медсанбат. Выехали на асфальтированную дорогу, идущую вдоль Днепра, в районе деревни Пии. Здесь нас догнала машина с ранеными, идущая с левого фланга и тоже в медсанбат. Меня перенесли в кузов машины, а двуколка вернулась в часть. Машина с ранеными солдатами въехала на паром, который перевез всех раненых на восточный берег Днепра, где располагался медсанбат. Завели историю болезни, сделали перевязку и отправили в армейский ППГ в г. Переяслав. Госпиталь располагался в здании какого-то института. Широкий коридор, огромные окна, полный коридор раненых: кто на носилках, кто на

раскладушках, а больше просто на полу. Через три дня легко раненых отправили во фронтовой госпиталь г.Лубны, в том числе и меня. Раненых разгружали прямо на санобработку, после чего - на перевязку. Поместили меня в палату, где лежало человек десять. Большая светлая комната, постели мягкие, белые простыни и пододеяльники, как дома. После всех мытарств положили меня на постель и я сразу уснул - пропал до утра. Проснулся, когда уже начался врачебный обход. У меня поднялась температура, а рана загноилась. Так как немцы ускоренными темпами наступали, то меня опять отправили в тыловой госпиталь. 14 августа 1941 года привезли в Сталинскую область, в госпиталь №100/46, который располагался в бывшем Доме отдыха "Юнком". Тут была вообще шикарная обстановка: чистые светлые палаты, шикарные холлы, кругом парк и озеро. Только бы отдохнуть, да и рана стала затягиваться. Но не тут-то было, немцы прут вовсю, им нужен Донбасс. 23 августа 1941 года меня выписали из госпиталя и направили в запасной полк, в прифронтовую полосу. Этот полк тоже спешил на восток впереди отступающих частей. Мы вошли в Мариуполь, который расположен на высоте, откуда видно Азовское море. В городе уже почти никого не было, на улицах разбросаны книги, газеты, разная бумага, поломанные стулья, столы - одним словом хаос после эвакуации. Но в Мариуполе нам делать было нечего, поэтому мы шли и шли дальше в тыл. Хорошо хоть в полку были кони. Нас по очереди сажали на лошадей. Двигались целыми ночами, спали на ходу в седле (если можно это назвать сном).

Из запасного полка направили в 8-й корпусной артполк Р.Г.К. связистом. Полк продвигался на Матвеев Курган для занятия огневых позиций. Орудия были тяжелые - 152 мм пушки на механической тяге. Когда проходили Ростов-на-Дону, шёл дождь и тут же замерзал. Плащпалатки на солдатах превратились в несгибаемые панцири. Так как наш полк входил в состав корпуса Р.Г.К., то его частенько перебрасывали с одного участка на другой. В обороне, на Матвеевом Кургане, Н.П. был рядом с пехотой. Мне приходилось переходить по траншеям (страшно подумать), в которых лежали замерзшие трупы наших солдат.

Зима 1941-1942 г.г. была суровой, валенок не давали, полуушубков тоже. Сапоги на одну портянку и шинель без ватника.

Артиллерийские позиции приходилось менять чуть ли не каждый день - известная Харьковская операция. Сугробы по пояс, орудия тяжелые, дальнобойные, мороз до 40 градусов, а ситуация была такая, что войска находились почти в окружении. Обстрел противник вел с двух сторон, днем его авиация не давала покоя, то и дело обрывалась связь, приходилось искать обрывы и связь восстанавливать. Я дежурил на промежуточном пункте. И вот пошел по линии искать обрыв. Нашел и соединил провод, проверил через запасной аппарат - связь восстанов-

лена. Только хотел возвращаться на пункт, увидел впереди человека, который перерезал кабель. Я отключил аппарат - связи опять нет. Немец тянет провод, но я его уже соединил. Он, видимо, подумал, что провод за что-то зацепился, начал его сматывать со своего конца, приближаясь ко мне. Меня он, разумеется, не видит, так как я стоял за деревом. Он, видимо, хотел этот кусок в сто метров смотреть, отнести подальше и выбросить, затруднив тем самым мне работу. Ему это не удалось, так как я, подпустив его метров на двадцать, застрелил из карабина.

Направление стрельбы приходилось менять без смены огневых позиций, то есть разворачивали орудия на 180 градусов и били в противоположную сторону. В таких случаях тяжелее всего было связистам. Кабель-то нужно было сматывать с одной стороны и проложить в противоположную. И так всю зиму, до 3 марта, когда меня при сильном артобстреле ранило на линии, и затем отправили в медсанбат под Лисичанском. Положили в какую-то баню, где на полу было много соломы и еще больше вшей. Они моментально набрасываются на любого нового человека. На другой день погрузили нас в санитарный поезд и отправили в тыл. Прибыли на ст. Верхний Баскунчак. Бывшая школа имела несколько деревянных корпусов, за школой - большой сад. После санобработки поместили в палату. Хотя там все было чистым, но уже не то, что было в Лубнах и в Орджоникидзе на Украине.

Весна была теплая, скоро зацвел сад, а потом началась жара. Питание и лечение в госпитале было хорошее, отношение медперсонала к раненым было доброжелательным. Все было хорошо, особенно прогулки по саду, где в тени можно было почтить книгу или поболтать с медсестрами. Часто мы вспоминали школьные годы, разбирали литературные произведения, особое внимание уделяли роману Гончарова "Обрыв".

Четыре месяца быстро пролетели и вот меня выписывают и направляют под Астрахань в батальон выздоравливающих, который располагался в бывшем санатории "Тинаки". Здесь, конечно, было очень красиво, ухожено, везде дорожки посыпаны песком, вдоль аллей декоративные деревья и кустарники. Все располагало к отдыху и создавало хорошее настроение. Но это длилось недолго, всего десять дней, в течение которых мне делали грязевые повязки.

После десятидневного лечения опять в запасной полк, откуда тут же направили на трехмесячные артиллерийские курсы младших лейтенантов. Училище находилось на противоположном берегу Волги, в поселке Рахинка - напротив Стalingрада. Вот тут уже не сравнить с госпиталем - питание плохое, занятия по 10 часов, самоподготовка и разная работа на территории училища, да еще жара.

Когда немецкие танковые и моторизованные войска стали быстро

приближаться к Сталинграду, стало очевидным, что грядут тяжелые, кровопролитные и затяжные бои по обороне города. И после 23 августа 1942 года, когда город был разрушен немецкой авиацией, училище вынуждены были передислоцировать. Курсанты, разумеется, не знали, куда нас перебросят. Шли пешим строем по лесным дорогам километров 150, занятия проводились на привалах. В основном изучали главные дисциплины: артиллерийская подготовка, топография, разведка, связь, тактика. На другие предметы просто не хватало времени. Я лично был недоволен, что меня направили на эти курсы, да еще с большим опозданием, так как все время приходилось заниматься больше других и догонять программу.

Только весенняя, вернее, летняя природа создавала хорошее настроение и располагала к размышлению.

Вот, наконец-то, мы прибыли в поселок Красный Яр под Астраханью (опять Астрахань!). Расположились в двухэтажной кирпичной школе. Это были и учебные классы, и казарма. Прозанимались мы немного. 29 сентября 1942 года приняли у нас зачеты. В фойе нижнего этажа выдали новое обмундирование с петлицами младшего лейтенанта. С этого дня я стал офицером Советской Армии (тогда командир Красной Армии).

Конечно, о выпускном вечере никто и не мечтал, не до этого было. На другой день посадили нас в пригородный поезд Астрахань-Сталинград и с предписанием мы поехали на Сталинградский фронт. Штаб Армии располагался на хуторе Ямы. Проехали полпути и по команде "Воздушная тревога!" мы все покинули вагоны и пошли пешком по полевой дороге, а поезд двигался за нами. К вечеру мы прибыли на ст. Верхний Баскунчак, то есть туда, где я лечился в госпитале.

Станция и корпуса госпиталя были разрушены немецкими бомбардировщиками. Я спросил сопровождающего нас офицера: долго ли будет стоять поезд, и успею ли я разыскать кого-нибудь из госпиталя. Он ответил: "Вполне успеете". Но поиски мои были тщетны - я никого не нашел. Походил по улицам и в одном из дворов увидел белье на веревках. Спросил женщину о госпитале, о его работниках и раненых. Она ответила, что госпиталь, слава Богу, эвакуировали до бомбейки в степь - в землянки. Вот такая у меня произошла "встреча" со знакомой девушки. До рассвета 1 октября мы прибыли на конечную станцию. Порожний поезд отправили обратно, а нас всех по своим частям. Мы с младшим лейтенантом Миколайчук пошли разыскивать свой штаб. Походили по арбузным полям, поговорили с женщинами, которые там работали, они, конечно, угостили нас арбузом, и отправились в штаб. Нас тут же приняли, оформили и направили меня в 384-й артполк 193-й стрелковой дивизии на батарею командиром взвода. Артполк или, вернее сказать, что осталось от полка после ожесточенных боев в Ста-

линграде, находился на левом берегу Волги во втором эшелоне в ожидании пополнения техникой и людьми.

Так как войска готовились к крупному контрнаступлению, то и наш артполк не проявлял активных действий - велась разведка. Познакомился я с разведчиком Сашей Кривиным. Молодой, общительный, симпатичный парень. Все пел свою любимую песню "Ночь над Белградом тихая". Он погиб, будучи на Н.П. В этом аду человеческой трагедии погиб не один десяток тысяч человек. Только 23 августа 1942 года, когда был нанесен мощный, массированный авиационный налет на Сталинград, погибло 40 тысяч человек гражданского населения. Гитлер хотел запугать русский народ, но мы выстояли и победили.

После капитуляции 6-й немецкой армии во главе с фельдмаршалом Паулюсом и его штабом, на берегах Волги воцарилась такая тишина, что стало чего-то не хватать.

Войска стали приводить себя в порядок - мыться в бане, проходить санобработку. На другой день мы погрузились в эшелон для отправки на отдых и пополнение людьми и техникой. В товарных вагонах топились чугунки, раскалившись докрасна. Солдаты раздевались догола, снимали нижнее белье и по очереди жгли вшей о печку, только треск шел.

Приехали мы в село Черновку Вольского района Саратовской области. На другой же день зашел к нам на офицерскую квартиру врач полковой санчасти проверить, как мы устроились. При осмотре он у меня обнаружил желтуху и отправил в госпиталь в г. Вольск. Пока я там лечился, закончился период переформирования и опять на фронт под Курск. Так закончился мой отдых.

ОРЛОВСКО – КУРСКАЯ ДУГА

Сталинградская битва закончилась полным разгромом немецко-фашистских войск, окруженных в Сталинграде. Это было начало конца войны. Наш артполк в составе 193 с.д. был передан в 65 армию. После непродолжительного отдыха и пополнения личным составом и техникой, мы погрузились в эшелоны и прибыли в конце февраля на станцию Елец, откуда походными колоннами отправились на передовую, то есть на Курский выступ. Все дороги были занесены снегом. Метровые сугробы затрудняли движение. Снабжение продовольствием почти совсем прекратилось. Питались только картошкой без хлеба и без соли, и то доставали у местного населения. Орудия приходилось вытаскивать на себе. Зимнее наступление наших войск было тяжелым, с трудом продвигались по 2-4 километра в сутки. А в начале апреля наши части встали в оборону.

Наш артполк был переведен во второй эшелон. Мы прибыли в с. Михайловку. В начале мая нас опять выдвинули в первый эшелон. Наша

батарея оборудовала огневую позицию в районе деревни Уболоть, меня назначили старшим по батарее, так как мой предшественник, ст. лейтенант Армер, был переведен в другой дивизион.

Перед моим назначением на батарею прибыли три телефонистки. Одна из них Тамара - горьковчанка, направлена на НП дивизиона. Она при первой же бомбёжке погибла от прямого попадания бомбы в землянку. Ее подруга, Дина, была телефонисткой в нашей батарее.

С приходом девушек обстановка на батарее сразу изменилась, настроение у всех повысилось. Девушки привезли много современных песен: "Землянка", "Ой, Днепр, Днепр", "То ли в Колпино, то ли в Казани" и др. За подлинность названий этих песен я, конечно, не ручаюсь.

Настало лето. Впереди батареи протекала речка Уболоть, вода в ней была такая чистая и прозрачная. Очень часто в ней мы стирали свои шмотки, мыли головы. В общем, обстановка в обороне располагала к этому.

Между тем разведка донесла, что немцы готовят крупное наступление с целью захватить инициативу у большевиков и продемонстрировать мощь Германских войск. Как стало известно (спустя много лет), Советское командование решило дать немцам такую возможность - начать наступление. А мы тогда знали только то, что должны были знать: крепко держать рубеж и не пропустить фашистов, перемолоть его стратегические резервы, а затем перейти в решительное наступление, что и было сделано.

5 июля 1943 года началось контрнаступление фашистских войск. В течение месяца мы отбивали атаки немцев с большими для них потерями. Чего стоила только одно танковое сражение под Прохоровкой? А упреждающий удар нашей артиллерии и авиации по скоплениям фашистских войск? Он сыграл важную роль - враг понес большие потери, нарушилось управление в его войсках, а наши войска выиграли время.

Немецкое командование очень надеялось на успех в связи с применением новых типов танков "тигров", "пантер" и самоходных артиллериических установок "фердинанд". Но все эти новые виды вооружений с "неуязвимой броней" горели, как свечки, от огневой моски усовершенствованных танков Т-34 и противотанковых орудий. Наши батареи 76 мм орудий были выдвинуты на прямую наводку для уничтожения вражеских танков.

Пока наши соседи справа и слева вели успешное наступление, выравнивая линию фронта, наша 65-я армия вела танковую оборону и уничтожала вражеские танки и пехоту. 193-я стрелковая дивизия, которую поддерживал наш 384-й артполк, занимала оборону на реке Сев.

Общее наступление было продолжено 26 августа и наши войска быстро форсировали реку Сев, заняв плацдарм за рекой шириной по фронту до 20 км и 10 км - в глубину.

Немцы начали наносить контрудары большими силами пехоты и танков. Контратаки были все отбиты и мы двинулись вперед, наращивая темп наступления с каждым днем. Немцы бежали под натиском наших войск к Десне. Но немецкая авиация постоянно преследовала наши наступающие части.

Наша батарея постоянно перемещалась за наступающей пехотой. Был такой случай. Только подогнали автомашины к пушкам, прицепили орудия. Появились немецкие самолеты и, заметив наши машины, сбросили несколько бомб. Водитель одного из орудий Цимбал не успел завести двигатель, был смертельно ранен.

Нашим войскам не удалось форсировать Десну сходу. Но с наступлением темноты и в течение ночи были переправлены уже значительные силы, в том числе и 354-я стрелковая дивизия - наш левый сосед.

Сломив упорное сопротивление на плацдарме, мы начали наступление на Гомельском направлении, и вышли к реке Сож южнее Гомеля. Река широкая и форсировать пришлось ночью, в трудных условиях. Удалось захватить лишь небольшой плацдарм. Немцы непрерывно контратаковали - по 10-12 контратак в день.

ВПЕРЕД К ДНЕПРУ

Плацдарм на реке Сож расширить не удалось из-за непрерывных контратак немцев. Поэтому командование фронта решило оставить этот плацдарм в междуречье Сожа и Днепра и перебросить наши части обратно и направить к Днепру южнее Гомеля. В районе г. Лоева, после тщательной подготовки, мы форсировали Днепр. Саперы к этому времени навели понтонный мост, наша батарея была переправлена на плацдарм на прямую наводку.

К этому времени был переведен на должность командира взвода управления. Быстро проложили проводную связь с НП батареи и с КП дивизиона. Орудия прямой наводки решили успех захвата плацдарма и удержания его от бесчисленных контратак противника.

В обязанности взвода управления входило: немедленно обеспечить проводную связь и организовать разведку за противником со всех наблюдательных пунктов. Передовой наблюдательный пункт (ПНП) оборудовался или в нейтральной зоне, или непосредственно в боевых порядках пехоты.

Однажды при переходе с одного НП на другой я попал под артобстрел. Я, естественно, бросился на землю и угодил в старый орудийный окоп, вокруг рвались снаряды. Я почувствовал, что рядом со мной что-то упало. Когда по окончании обстрела я встал, то с ужасом увидел, что у меня в ногах, там, где я лежал, из земли торчит неразорвавшийся снаряд.

С целью подготовки к дальнейшему наступлению необходима была тщательная разведка переднего края противника и его глубины обороны. С помощью оптических приборов мы засекали артиллерийские и минометные батареи, пулеметные точки, ДОТы и ДЗОТы, а также снайперов. Сбор и анализ разведданных передавался вышестоящему начальству. По разведенным целям производилась пристрелка орудий с закрытых позиций и их подавление впоследствии. При необходимости орудия выдвигались на прямую наводку.

Хорошо дрались на плацдарме 193-я с.д., успешно отбивая контратаки противника. Артиллерия противника вела непрерывный огонь по нашему берегу, самолеты наносили бомбовые удары по переправам и плацдарму.

Отбив все контратаки, дивизия возобновила наступление.

Немецкая оборона на днепровском рубеже рушилась. Но и наши дивизии изрядно были потрепаны, а для дальнейшего наступления необходимы были свежие силы. Наши войска встали в оборону. Началась усиленная подготовка к наступлению.

В БЕЛОРУССИИ

Наш центральный фронт был преобразован в Белорусский. Это означало, что мы будем освобождать Белоруссию.

Немецкое радио кричало о неприступности "Восточного вала". Оборонительные рубежи немцы действительно укрепили: глубоко эшелонированная оборона с множеством разветвленных траншей в полный профиль, ДОТы, ДЗОТы, опорные пункты и т.п.

После короткой артподготовки 10 ноября 1943 года наши части пошли в наступление и на широком участке прорвали вражескую оборону. В прорыв были введены танковые корпуса и кавалерийские. Танкисты уничтожали технику, а кавалеристы пехоту противника. В результате ночного боя были перерезаны все дороги, ведущие из Гомеля на Калинковичи и Мозырь. Путь отступления Гомельской группировки врага был отрезан.

В этом наступлении наши войска соединились с партизанами. Но успехи наши неожиданно омрачились. На правом фланге немцы большими силами контратаковали наши части, в результате чего мы отошли на 20-25 км. В это время с другого участка была переброшена артдивизия "Катюш", которая мощным огнем остановила противника. Поле боя было усеяно убитыми и ранеными, подбитыми и сожженными танками.

И вот наши части опять наступают, но противник подтянул сюда большие силы.

Командование фронта передислоцировало на 10 км влево три дивизии. Пехота расположилась в лесу на отдых до полудня. Не пришло

отдыхать только нам - артиллеристам. Мы оборудовали огневые позиции, пристреливали цели.

Разведка боем оказалась настолько успешной, что пехота захватила первую траншею и завязала бой в глубине обороны противника, вражеская оборона прорвана, г. Калинковичи был освобожден. Фронт в январе 1944 года перешел к обороне. Началась трудоемкая работа по оборудованию огневых позиций для орудий, землянок для расчетов, траншей и ходов сообщений для наблюдательных пунктов.

Линия обороны проходила по болотистой местности. Участок на левом фланге оставался совсем открытым, так как траншеи оборудовать было совсем невозможно. А в некоторых местах передний край проходил в 100 метрах от немецкого - обменивались гранатами. За все лето стояния в обороне люди преобразились: помылись в бане, привели себя в порядок, и настроение повышалось с каждым днем, потому что приближалось время наступления. И вот этот день настал.

Наступление началось 24 июня 1944 года на левом фланге через болота, то есть там, где противник не ожидал. Это было главное направление. На правом фланге, как потом стало известно, наносился отвлекающий удар. Здесь под Паричами была сухая возвышенная местность. Немецкие войска здесь сильно укрепились и считали, что мы пойдем в лобовой удар, так как на левом фланге, как они считали, были непрходимые болота.

Но наше командование решило именно здесь нанести главный удар. Для пехоты наплели лаптей, а для танков и артиллерии построили гати.

Полтора часа длилось артиллерийская подготовка. За три часа наступления наши части продвинулись на 8 километров.

Когда немцы поняли, что их надули, то стали из-под Паричей перебрасывать на левый фланг сильное подкрепление, но уже было поздно. Наши войска прорвали оборону, и танковые соединения устремились в прорыв. Дороги для отступления «парической» группировки немцев были перекрыты, противник окружен. Немцы стали сдаваться в плен. В результате разгрома окруженной группировки было взято много пленных и боевой техники.

В дальнейшем наши войска вели наступательные бои по окружению Бобруйска. С запада держали немцев в кольце дивизии нашего корпуса - 354 и 193. Начались сильные контратаки немцев, в результате которых из окружения вышло несколько тысяч немецких солдат. Остальные были уничтожены и взяты в плен.

Прямой наводкой артиллеристы уничтожили много техники. Взяты большие трофеи.

Наше наступление стало настолько стремительным, что некоторые отступающие подразделения немцев оказывались на параллельных

дорогах - у нас в тылу, и сдавались в плен. Наша артиллерия дивизии ушла намного вперед пехотных полков. Впереди был город Слуцк. Командир артполка подполковник Болдасов дал задание мне - подойти с разведчиками к Слуцку и установить наличие там немцев. Я со своими разведчиками (А.Мирошеник, И.Лупов, Рубец) подошли к городу и в бинокль стали просматривать окраину. Немцев вроде нет, и мы двинулись к домам. Но тут же по нам последовала автоматная очередь. Тогда мы зашли с другой стороны дома и увидели троих немцев, они стояли в окопе и стреляли в том направлении, где только что были мы. Я скомандовал: "Хенде хох!". Они повернули автоматы в нашу сторону. Тогда мы их расстреляли. Дальше уже немцев не было. А с правого фланга мчалась наша кавалерия. За эту операцию я был награжден орденом "Красной Звезды". Слуцк был освобожден. А к вечеру уже был освобожден г. Барановичи. Но если Слуцк был взят целым и невредимым, то Барановичи весь горел.

Продвигаясь по белорусской земле, мы проходили по сожженным деревням. Заслоны, оставляемые немцами, сдавались в плен.

Был такой случай. Войска продвигались маршем по параллельным дорогам, не встречая сопротивления. И вот, спускаясь с горы, все дороги сошлись в одном месте. Одна единственная дорога, насыпанная через болото. На этой дороге скопилось много войск: машины с пушками, машины с боеприпасами, машины с личным составом и с провдовольствием. На противоположной стороне дорога опять идет в гору. При подходе войск к этой горе начал стрельбу крупнокалиберный пулемет с транспортера. Кто-то крикнул: "Рассредоточиться". А куда тут разбежишься? В болото что ли? К счастью, стрельба прекратилась, так как пехотные разведчики зашли с тыла и захватили всю засаду.

В другой раз при разгроме немецкого арьергарда все немцы разбежались, побросав оружие и бронетранспортеры. Дело было вечером, уже стемнело. Я подошел к одной телеге и в это время начался минометный огонь. Ну, я, естественно, упал на землю рядом с повозкой. Обстрел прекратился, а я увидел под повозкой человека. Подумал, что это один из моих разведчиков, и позвал его. Но тот не ответил. Пристально посмотрев на человека, я определил, что это немец. Тогда я скомандовал: "Ком цу мир, ком цу мир!" (иди ко мне). Он вылез из-под телеги и тут же поднял руки и лопочет: "Гитлер капут, плен". Тогда я ему показал направление на восток, махнул ему рукой и сказал: "Геен, геен (иди)". Такие случаи стали регулярными, когда пленных немцев группами направляли без охраны: "Геен зи нах остең". И они уходили. Но так было до того, когда я увидел собственными глазами, как немцы зверски обращаются с нашими пленными.

На одной лесной поляне мы подходили к какой-то хибаре. Вблизи

оказалось, что это домик лесника. Он был обгоревшим, а у домика виселись шесть трупов обгоревших наших солдат. Очевидно, немцы их заперли в этом домике и подожгли. Когда они начали задыхаться от дыма, то вышибли дверь и стали выходить. Немцы их всех добили из автоматов. Впредь и мы не оставались равнодушными к пленным.

Развивая стремительное наступление, мы приближались к Беловежской пуще. Неожиданно мы не встретили почти никакого сопротивления. Немцы не успели здесь организовать оборону. В Беловежской пуще мы остановились на привал: собирали ягоды и наслаждались лесным воздухом и красотой природы. Но недолго.

К государственной границе вышли 21 июля 1944 года, с ходу форсировали реку Западный Буг. Но, как всегда в таких случаях, немцы начали контратаки с целью сбросить наши части в реку - ликвидировать плацдарм. Кавкорпус, ушедший далеко вперед, вел бои в окружении, связь с ним прекратилась.

Армейская разведка перехватила разговор одного немецкого командира танковой дивизии с другим, которые решали начать встречный удар и соединиться в районе одной деревни. Сто танков с севера и столько же юга. А на плацдарме держалась одна дивизия, с которой связь была прервана. Для ликвидации прорыва были мобилизованы все резервы. Дрались почти в окружении. Орудия дивизионной артиллерии были выведены на прямую наводку для уничтожения танков. Они расстреливали врага в упор. На поле боя враг потерял много танков и орудий.

ПОЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

Западный Буг наши части форсировали сходу и без потерь. Государственная граница осталась позади.

Сразу за рекой стоит крестьянский дом, стандартный. Отделка в доме хорошая, культурная. Но дом пустой, никого нет. Для нас, советских людей, это было чем-то невероятным. У нас ведь не было таких домиков.

Мы шли к реке Нарев форсированным маршем. Немцы стремились к переправам. И вот солнечный теплый день 4 сентября 1944 года. Мы подошли к реке. Немцев на том берегу не было. Мы разделись, всю одежду связали в мешки и, держа на вытянутых руках вещмешки и оружие, вошли в реку, спокойненько переплыли.

Правый берег Нарева был сильно укреплен: несколько линий траншей с ходами сообщений, ДОТами, ДЗОТами и проволочное заграждение в несколько рядов.

Минные поля саперы разминировали. Пехота прошла от берега три километра и закрепилась. Началась переправа орудий и танков.

Другие дивизии, форсировав реку, начали расширять плацдарм

вправо и влево. На левом фланге наши части стремились к переправе, а немцы панически отступали впереди нас. Часть немецких войск уже вступила на мост, а наш танк следом за ними. Мост через Нарев немцы подорвали, все их солдаты вместе с нашим головным танком погибли в реке. А на восточном берегу была масса немецких войск.

Немцы только к вечеру прибыли к заранее приготовленному рубежу обороны, но он уже был занят нашими войсками. К ночи немцы начали контратаки, и на другой день, и на третий, по несколько раз в день с танками. Но мы окопались так прочно, что им ничего не оставалось, как встать в оборону.

Целый месяц мы укрепляли оборону и вели разведку переднего края противника. Плацдарм был расширен до 25 километров по фронту и до 10 километров в глубину. Это был пистолет, направленный в сердце Германии, как оценили сами немцы.

Но вот неожиданно 4 октября 1944 года на рассвете немцы начали контрнаступление. Сначала я не понял, подумал, что это наши "Катюши" открыли огонь. Но когда разрывы мин и снарядов стали вокруг наших наблюдательных пунктов, то стало понятно, что у немцев появились нечто похожее на "Катюши". Немецкая пехота с танками широким фронтом ударили встык 354 и 193 стрелковых дивизий. Танки "утюжили" передний край. В траншее почти никого не осталось в живых. Противник на узком участке прорвался до второй линии траншей.

Фашистские самолеты эшелонами по 50-60 штук бомбили переправы. Над плацдармом стоял несмолкающий рев от самолетов и разрывов бомб, снарядов и мин.

Основная тяжесть борьбы с танками противника легла на плечи летчиков воздушной армии и артиллерии, орудия которой с прямой на-водкой расстреливали танки. Путь к реке преградили артиллеристы.

Кроме того шли наши тяжелые танки, которые открыли залповый огонь. Несколько немецких танков запылали, а остальные начали отход.

Немцы в пьяном виде напролом шли и шли в атаки, численность которых достигала в день до 10-12. Но силы у немцев иссякли, и они прекратили контрнаступление. На поле боя остались сотни танков и тысячи трупов.

Через две недели наши части пошли в наступление и не только восстановили положение, но и вдвое расширили плацдарм. Вот тут я с радостью наблюдал в бинокль, как немцы драпали, пожалуй, похлеще, чем мы в 41-м. Охваченные паникой, они беспорядочно убегали в лес. Мы стали готовиться к новому наступлению.

К ГРАНИЦАМ ГЕРМАНИИ

Войска 65-й армии, в том числе и наша, 193-я стрелковая дивизия, были переданы в состав 2-го Белорусского фронта, но командовать фронтом оставили маршала Рокоссовского.

Новое наступление началось 14 января 1945 года с Сероцкого (Наревского) плацдарма. Главный удар наносился по направлению к центру излучины Вислы между Бромбергом и крепостью Грауденц. После мощной полуторачасовой артподготовки, пехота смело пошла в атаку за огневым валом от рубежа к рубежу.

Отступавшие немецко-фашистские войска пытались задержать наши части на небольших речушках, которых было много до Вислы.

Несмотря на это, наши части за 12 дней продвинулись на 200 километров. Капризы погоды просто изматывали людей. То тепло, под ногами грязь, раскисшая земля, то ударили мороз до 25 градусов, превратив дороги в катки.

Пехота ушла вперед. Наша дивизия подошла к Висле первой. Выпавший снег как-то преобразил все: и поля и лес - все было блестящим, ослепляющим, а у людей приподнятое настроение. Техника отстала. Мои разведчики где-то достали лошадь с фаэтоном, и мы вместе с командиром дивизиона майором Корыткиным поехали к Висле догонять свою пехоту.

Две наши дивизии - 193-я и 354-я форсировали Вислу и заняли плацдарм.

Противник не успел занять оборону на западном берегу Вислы.

Висла, хотя и замерзла, но не настолько, чтобы можно было переваривать технику: орудия, танки. Пришлось делать ледяные дороги - усиливать лед с помощью деревянных настилов. Но опять потеплело и уже ледяные дороги не сделать. Тогда стали взрывать лед и наводить понтонный мост, движение по которому ускорило переправу техники.

Сотни наших бомбардировщиков висели над позициями противника. А по понтонному мосту быстро начали переправляться техника: танки, арт.орудия.

Плацдарм с каждым днем увеличивался. Наши части, преодолев яростное сопротивление, вышли в привисловские леса на западном берегу. Немцы начали отход.

За лесом, на высоте, на опушке леса стояла школа. Мы с разведчиками заняли ее под НП, а впереди - в 10 метрах поставили орудия. Сами расположились отдохнуть. Вдруг из леса послышалась автоматная стрельба. Я скомандовал: "В ружье!". Когда все выбежали из школы, то слева от меня за деревом я увидел немецкого солдата. Я приказал своему разведчику А. Мирошнику зайти с другой стороны. Он его застрелил и еще одного. Они оказались из батальона смертников.

Школа стояла на прочном железобетонном фундаменте. Внутри был оборудован подвал, который был приспособлен для обороны. В этом подвале собирались солдаты и офицеры стрелкового батальона. Мы тоже зашли туда. В это время один из солдат исполнял современные песни по просьбам товарищей. Вот здесь впервые я услышал "Синий платочек" и "Солдатский вальс". Голос у парня был что надо.

Впереди школы, прямо в низине, стояла деревня, на окраине которой занимал оборону один из стрелковых батальонов 895-й стрелкового полка. А впереди этой деревни - высота, на которой закрепились немцы. Они контратаковали наши позиции. Как это часто бывало, они шли во весь рост, молча, пьяные. Эта психологическая атака повторялась до тех пор, пока они не были уничтожены. Наутро немцев уже и след простыл.

Мы двинулись через лес, дошли до опушки. Вдали виден большой красивый дом с добрыми вспомогательными постройками. Как потом оказалось, это было имение какого-то барона. Это имение обороняла группа немцев во главе с сыном самого барона. Сдаваться он не хотел, но его прикончили свои солдаты, а сами сдались в плен. В этом фольварке мы остановились на обед, так как наша пехота и танки, преследуя противника, стремились к Данцигу.

На пути нам стали встречаться бесконечные вереницы беженцев, которые не смогли попасть на корабли, и вынуждены были возвращаться назад. В поместье, а вернее в сараях и просто под открытым небом немцы располагались на ночлег.

На подступах к городу врага атаковали танкисты, одним ударом прорвали оборону. Немцы яростно сопротивлялись, так как стремились как можно больше войск эвакуировать морем.

Трудные уличные бои вели подразделения 193-й стрелковой дивизии. Вот один из примеров. Многоэтажные каменные здания были превращены в опорные пункты. Подходы были заминированы и обнесены проволочными заграждениями. Стены домов были такими толстыми и крепкими, что не берет ни один калибр. Орудия прямой наводкой были нацелены в каждое окно и в каждую амбразуру. Устроили дымовую завесу, а в это время саперы разминировали подходы и подорвали проволочное заграждение. Пушки начали бить по окнам, амбразурам и немецким орудиям. Автоматчики пошли в атаку и взяли траншею. Огонь из орудий перенесли по окнам второго и третьего этажа. Немцы сдались в плен.

Когда мы вышли к мертвый Висле, то на ее берегу рядом с мостом в палатке мы увидели раненых немцев, брошенных своими частями, за ними ухаживали немки.

В ходе дальнейшего наступления мне с моими разведчиками при-

ходилось идти с пехотой и даже залезать на крыши домов и оттуда передавать данные разведки на КП дивизиона, и батареи по этим целям вели огонь.

30 марта 1945 года Данциг был взят, наши войска вышли на побережье Балтики. Все дороги были завалены брошенной немцами техникой: орудия, тягачи, танки, автомашины. Всю эту технику они не успели погрузить на корабли. Были захвачены богатые трофеи.

ВПЕРЕД, НА БЕРЛИН!

Весь наш фронт перебрасывался на Штеттинское направление. Вся масса войск форсированным маршем двинулась вдоль побережья Балтики к месту сосредоточения - на Одер. Наша дивизия и вся 65-я армия прибыли к Одеру числа 10 апреля, сменили части первого Белорусского фронта.

Линия обороны проходила по берегу Одера на опушке леса. Сзади нас огромный лесной массив. На чердаке рыбачьего домика об оборудовали НП и установили непрерывное наблюдение за передним краем противника. В лесу не особенно разгуляешься - то тут, то там вода, то есть болотистая местность. Но есть, конечно, и пригорки. На берег Одера выходить не безопасно - может подстрелить снайпер. Одного нашего связиста Кузьмина убили.

Обычная артиллерийская разведка уже не могла своевременно обеспечить командование разведанными при ограниченных сроках на подготовку к форсированию Одера. Нужны были более современные методы. Такими методами обладала армейская инструментальная разведка (АИР). Такая мощная водная преграда, как река Одер, да еще в устье, явилась серьезным препятствием на пути в Берлин, но и последним.

Нашим частям достался самый трудный участок для форсирования - два рукава, а посередине широкая пойма. Мост через реку взорван, а мощные железобетонные подмостные сооружения с амбразурами для ведения огня, а внутри на большой глубине - казематы на сто человек. Вот в этих казематах были опорные пункты. Они не пробиваемы, никакой снаряд их не берет. Приходилось не только забрасывать гранатами, но еще зажигать тряпье, солдатские телогрейки и бросать туда, после чего немцы выбрасывали белые тряпки и сдавались в плен.

Одер форсирован. Пленный немецкий офицер сказал, что удар был внезапным, туман, много огня - и сразу прыжок в траншеи.

На плацдарме сильные контратаки немцев большими силами с танками. 193 с.д. более суток отбивала контратаки. Ночью переправили противотанковую артиллерию. 21 апреля немцы предприняли 24 контратаки. А наша дивизия 22 апреля развернула наступление фрон-

том на север, в обход Штеттина. Из города немцы бросили в контратаку полицейские части и полки морской пехоты. Их полностью разгромила артилерия и авиация. 25 апреля 193 с.д. перехватила все дороги, идущие к городу с запада, дивизия готовилась к штурму города, но на рассвете к комдиву явилась делегация горожан. Они сообщили, что немецкие войска оставили город и просили не разрушать его. Бургомистр сказал, что Штеттин сдается на милость победителя.

Город чистый, с массивными зданиями. Я с разведчиками шел по улицам города, гражданского населения сначала не было, но потом, когда они поняли, что русская армия не стреляет и не грабит, высыпали на улицы и окружили нас, расспрашивая о том, что с ними будет. Я им старался, как мог, объяснить, чтобы они успокоились. Они радостно что-то стали рассказывать.

Я подошел к дому на углу улиц. У раскрытоого окна на подоконнике стоит большая стеклянная бутыль с ромом. Хозяин уже достаточно пьян, угощает наших солдат. Но, прежде чем выпить, почти каждый просит, чтобы он сам сначала выпил (не отравлен ли ром?).

Наша дивизия двигалась к морю. Мы заняли город Барт. С одним сержантом зашли в дом посмотреть, как живут рядовые немцы. Дом - стандартный, внутри чисто, хорошая обстановка, вся семья сидит за круглым столом. При нашем появлении разговор прекращается. Сидящие на кушетке молодая женщина и девушка встают, подходят к нам и предлагают пройти в верхние комнаты. Там стоят две кровати, диван, туалетный столик с зеркалом, на полу - ковер. Женщины начинают раздеваться, но мы извинились и ушли.

Впереди идущие наши войска освободили английских и американских военнопленных летчиков, которые большой колонной двигались нам навстречу.

В результате стремительного наступления наша дивизия заняла город Штальзунд 29 апреля 1945 года. На этом война для нас закончилась. Левофланговые части пошли на Берлин, а мы остались на побережье Балтийского моря, где и встретили День Победы.

В четырехэтажном доме, в котором мы разместились, был хорошо оборудованный подвал с амбразурами. Все стены завешаны коврами, много кроватей, но немцы все сбежали вслед за своей армией.

День победы. Что творилось! Кричали "Ура!", обнимались, стреляли вверх. Наши солдаты из других подразделений обнаружили на железнодорожной станции цистерны со спиртом, напились и отравились. Многих госпитализировали, несколько человек погибли.

После 9 мая нас начали передислоцировать от одного района к другому, из одного города - в другой. Это продолжалось до тех пор, пока второй Белорусский фронт не переименовали в Северную Группу войск, которая рассредоточилась в Польше.

По приказу командира полка подполковника Болдасова я поехал в артиллерийский разъезд в район города Бунцлау. Со мной поехал еще один разведчик. Мы должны были установить - есть ли воинские казармы и примерно распределить по ним наши дивизионы, и ждать своих. Мы заняли один домик, и пошли в город. Буквально в двух кварталах от нас оказался лагерь депатрированных - наших женщин и мужчин, их в свое время угнали с оккупированных территорий СССР на работу в Германию.

Пока мы ждали своих, успели несколько раз посетить лагерь, который состоял из нескольких кварталов многоэтажных домов. Все люди, находившиеся в лагере, в совершенстве владели немецким разговорным языком, были хорошо одеты, с хорошим настроением. У них была своя самодеятельность - устраивали концерты. По вечерам играла музыка, на танцплощадке - танцы. Куда и мы один раз ходили.

Вместо того, чтобы прибыть своим дивизионом, приехал курьер и сказал, что для нашего полка определили другой район. Мы быстренько собрались и отправились на новое место.

В Бунцлау я ходил в музей Кутузова - это маленький домик, где собраны экспонаты: фотографии, домашние предметы, оружие.

Нашей дивизии был отведен район города Нойхаммер. За городом сохранились не разрушенными военные казармы. В этом военном городке были крепкие трехэтажные казармы и служебные помещения. В одном из зданий разместили учебную батарею. Меня назначили начальником штаба этой батареи.

По роду службы мне приходилось бывать в городе Вальденберге, где размещался штаб 65-й армии, и в г. Лигнице - там находился штаб фронта.

В связи с реорганизацией армии и сокращением вооруженных сил, меня в числе большой группы офицеров, демобилизовали 29 ноября 1946 года. Так закончился мой боевой путь.

ДОРОГА ДОМОЙ

Как я уже говорил, наши войска были расквартированы в Польше и, частично, на восточных немецких землях, которые по решению союзников отошли к Польше. В соответствии с этим решением граница между Польшей и Германией проходила по рекам Одеру-Нейсе. Естественно, польские власти стали выселять немцев за эту границу. По дорогам потянулись вереницы немецкого народа со своим скарбом. Этот скарб и детей везли на ручных тачках и детских колясках. Картина была удручающая. Колонна двигалась молча.

В 1946 году, в связи с намечающейся реорганизацией вооруженных

сил, к нам, в Северную группу войск, прибыла большая группа офицеров из Генерального штаба. Она должна была определить путем опроса каждого офицера в отдельности степень подготовки и желание каждого офицера оставаться в кадрах.

В нашем артполку такую проверку проводил полковник. Мне был задан вопрос: "Как вы считаете, достаточная ли у вас профессиональная подготовка, чтобы в дальнейшем служить в кадрах Красной Армии?". Мой ответ: "У меня всего курсы младших лейтенантов, во-первых, а во-вторых, я желаю демобилизоваться". Вопрос: "Почему?". Ответ: "Здесь не разрешается жить с семьями и вряд ли будет ли разрешено вообще". Полковник заключил: "Вопрос о демобилизации будет решаться вообще, а в частности, вас послать на переподготовку". На этом беседа закончилась.

Впервые за 5,5 лет службы в армии мне предоставили отпуск в сентябре 1946 года. Я радовался, что наконец-то увижу своих родителей и родных, свою Родину. До Варшавы добирались на пригородных поездах, а дальше - прямой поезд Берлин-Москва.

Брест - пограничный пост. Здесь мы походили по привокзальному базару. И увидели столько нищих и калек, что захотелось плакать. В Кузнецке я тоже увидел удручающую картину. Проходя по улицам, я понял, что трагедия войны везде наложила свой отпечаток. Дома мне показались выкрашенными как-то темной краской. Мрак по сравнению с городами Запада. В доме у родителей тоже шаром покати, как говорится. В войну работали в колхозе за "палочку", кормились только своим огородом, да молоком от своей коровы. Хорошо еще картошка была со своего огорода.

Отпуск прошел быстро. В часть возвратился в начале октября. Мне сообщили, что направляют меня на курсы усовершенствования. Я собрал свои вещи и поехал к месту назначения. Но, видимо, кто-то вспомнил, что я не хотел оставаться в кадрах, и меня вернули обратно в часть.

Приказом Главкома СГВ № 01648 от 29 ноября 1946 года я был уволен в запас.

АКЦИЯ

«Переведи рукописные воспоминания детей Великой Отечественной войны в электронный вид»

Сборник воспоминаний объединил вокруг себя очень много людей, которым захотелось внести частицу своего труда для того, чтобы больше не было на нашей прекрасной Родине войн, чтобы подвиги и добрые дела совершались только в мирное время.

Руководители акции

Силакова С.Б.,
заместитель председателя Сергиево-Посадского районного Совета депутатов

Максимова Г. Г.,
директор МБУ ПМК «Красная гвоздика»

Участники акции

«Переведи рукописные воспоминания детей Великой Отечественной войны в электронный вид»

№ п/п	Наименование школы	Список учителей	Список учеников
1.	МБОУ «Физико-Математический лицей» г. Сергиев Посад	1. Макарова Ольга Алексеевна Зам. директора по УВР, учитель русского языка и литературы 2. Ефремова Наталья Анатольевна Учитель истории	1. Попкова Наталья 2. Исаева Анна 3. Янковская Алёна 4. Миронюк Даниил 5. Варабина Алина 6. Брашкова Наталья
2.	МКОУ Самотовинская СОШ	1. Марина Ирина Анатольевна Учитель русского языка и литературы, руководитель краеведческого музея	1. Собитов Бахиётр 2. Курбанова Карина 3. Собитова Элианора 4. Белов Артур 5. Марина Елизавета 6. Шевченко Яна
3.	МБОУ Краснозаводская СОШ № 1		1. Шарибулина Алина
4.	Специальная коррекционная общеобразовательная школа №7 VIII вида	1. Фирсова Наталья Владимировна Учитель истории 2. Галкина Валентина Николаевна Учитель географии, руководитель кружка «Инфознайка»	1. Григорец Мария 2. Матросов Дмитрий 3. Тихонова Александра
5.	МБОУ СОШ № 18 г. Сергиев Посад с углублённым изучением отдельных предметов	1. Фарафонов Иван Александрович Учитель истории и обществознания	1. Афанасьев Константин 2. Климаншин Григорий 3. Макашов Никита 4. Уваров Илья 5. Шаров Максим
6.	МБОУ ДОД «Центр детского творчества» (г. Краснозаводск)	1. Гурова Наталья Сергеевна Педагог доп. образования 2. Горшкова Ольга Александровна Педагог доп. образования	1. Федосенко Анастасия 2. Горшкова Анастасия
7.	МБОУ СОШ №1 г. Сергиев Посад	1. Липницкая Татьяна Леонидовна 2. Терёхина Светлана Николаевна	1. Евдокимов Григорий 2. Иванов Максим 3. Чиженкова Мария 4. Черняк Ангелина 5. Гартунг Серифим 6. Гущин Никита 7. Маргиневич Андрей 8. Варганова Тамара 9. Денисова Марина 10. Красавина Анастасия
8.	МБОУ СОШ № 16	1. Краева Екатерина Викторовна Учитель биологии	1. Волкова Мария

9.	МБОУ СОШ № 19 г. Сергиев Посад с углублённым изучением отдельных предметов	1. Поршакова Лариса Валентиновна Зам. директора по ВР	1. Лыскова Алёна 2. Круглова Алёна
10.	МБОУ СОШ № 27 пос. Мостовик	1. Миронова Ольга Леонидовна Учитель начальных классов 2. Куликова Анна Георгиевна Учитель истории	1. Миронова Дарья
11.	МБОУ Бужаниновская СОШ	1. Болдырева Маргарита Михайловна Педагог доп. образования, руководитель школьного музея	1. Даниелян Екатерина
12.	МБОУ «Хотьковская СОШ №1»	1. Вольнова Татьяна Станиславовна зам. директора по УВР, учитель русского языка и литературы 2. Колесова Светлана Николаевна Учитель истории 3. Можначёва Анна Викторовна Учитель биологии	1. Васильева Екатерина 2. Платонова Александра 3. Гордеева Елизавета 4. Кулич Данила 5. Вяткина Марина 6. Гуральник Снежана 7. Синицына Полина 8. Буданова Мария 9. Скорик Ирина 10. Завьялова Дарья 11. Прокопенко Владlena 12. Левко Анастасия 13. Стрельникова Алина
13.	МБОУ СОШ № 10 пос. Березняки	1. Гутарова Татьяна Владимировна учитель 2. Березина Галина Васильевна учитель 3. Шойхет Тамара Сергеевна учитель 4. Миронова Лидия Ивановна учитель 5. Родимова Надежда Ивановна учитель 6. Гордеева Алла Геннадьевна Зам. директора по УВР, учитель русского языка и литературы	1. Кропивянская Лана 2. Коротаева Анна 3. Балашова Виктория 4. Вандышева Елизавета 5. Соцков Егор 6. Шурыгин Иван 7. Сорокин Никита 8. Киселёв Иван 9. Феоктистова Виктория 10. Неводчикова Екатерина 11. Семёнова Марина
14.	МБОУ «СОШ № 8»	Борисова Анастасия Геннадьевна. Зам. директора по УВР	1. Абдерахимова Алина 2. Назатова Елена 3. Бычкова Ольга 4. Дьячков Виталий 5. Огренич Алексей 6. Хуртаев Андрей
15.	МБУ ПМК «Красная звезда»	1. Задорожная Евгения Александровна – главный бухгалтер 2. Соколова Ирина Александровна – специалист по работе с молодёжью 3. Соколова Ирина Владимировна – специалист по работе с молодёжью 4. Логинова Эльвира Александровна – специалист по работе с молодёжью 5. Соломакин Павел Сергеевич – специалист по работе с молодёжью	29 педагогов
			68 учеников

Содержание

Абрамова Мария Васильевна	6
Абрамова Мария Сергеевна.....	8
Абросимова Александра Фёдоровна	9
Александров Николай Дмитриевич	10
Александрова Валентина Васильевна	15
Алексеева Ираида Ивановна	17
Алёхина Тамара Павловна	18
Алёшина Алла Михайловна	21
Андронова Нина Александровна	23
Андросович Владимир Дмитриевич	24
Антипова Мария Васильевна	25
Арефьева Валентина Николаевна	28
Архипова Людмила Федоровна	31
Астафьевая Лидия Александровна	34
Бабушкина Инна Васильевна	39
Балашова Валентина Ивановна	41
Балюк Елизавета Ивановна	42
Барбышев Валентин Михайлович	49
Бархатова Зоя Павловна.....	50
Барченкова Ольга Александровна.....	51
Барышкова Антонина Николаевна	55
Бахирева Валентина Гавrilovna	56
Беляева Зинаида Васильевна.....	63
Бессолова Людмила Сергеевна	68
Боброва Сталина Михайловна	71
Бочкова Надежда Кузьминична.....	75
Брехова Александра Михайловна	76
Будникова Татьяна Викторовна	77
Буланчикова Тамара Алексеевна.....	79
Буцын Николай Петрович	86
Бушуева Елена Сергеевна.....	87

Быкова Зинаида Алексеевна	88
Варшавская Лидия Ивановна.....	90
Ворноскова Тамара Сергеевна.....	92
Воропай Зоя Петровна	93
Герцик-Ройзен Эмма Ильинична	95
Глазовская Инна Костантиновна.....	97
Голубевский Владимир Алексеевич	104
Горькова Мария Григорьевна.....	105
Горячева Римма Леонидовна	107
Гуральник Зинаида Петровна	108
Гусарова Зоя Павловна	109
Дашкевич Николай Петрович.....	110
Джсураев Константин Борисович	112
Дубинина Любовь Павловна	113
Дунаева Екатерина Сергеевна.....	115
Евдокимова Вера Ананьевна	117
Егорова Анна Дмитриевна	128
Ежкова Мария Дмитриевна	129
Емануилов Алексей Филиппович.....	131
Емануилова Валентина Николаевна	131
Емануилова Валентина Петровна.....	132
Епифанова Тамара Васильевна	133
Еремеева Лидия Федоровна	134
Еремина Валентина Кирилловна	136
Ерошкин Виктор Григорьевич.....	139
Ерошкин Николай Сергеевич.....	140
Ерпылева Галина Павловна	141
Женина Анна Петровна	142
Жохова Валентина Петровна	150
Заверняева Нина Дмитриевна	151
Захарова Зинаида Васильевна.....	152
Захарова Тамара Александровна	153
Захарчук Тамара Федоровна	155

Зверева Антонина Николаевна	156
Иванова Галина Николаевна.....	156
Иванова Надежда Михайловна	160
Игнатов Виктор Михайлович	162
Игнатьева Надежда Григорьевна	165
Калистова Зоя Михайловна.....	166
Калмыкова Октябрина Мартемьяновна.....	166
Карпова Валентина Васильевна	167
Карташева Мария Николаевна	169
Каташевский Анатолий Иванович	172
Квашнин Николай Григорьевич	175
Киселёва Александра Викторовна	176
Киселёва Настя.....	177
Киселева Галина Ивановна.....	179
Колгушкина Галина Васильевна	184
Колосова Валентина Васильевна	186
Королева Галина Михайловна	188
Королёва Серафима Ивановна	190
Корягина Светлана Дмитриевна	191
Косарева Валентина Павловна.....	192
Костин Владимир Иванович	193
Кочнева Дина Ивановна.....	194
Круглов Евгений Григорьевич	196
Крылова Вера Иосифовна.....	197
Крылова Людмила Михайловна.....	198
Кудрявцев Иван Фёдорович	199
Кузнецова Валентина Кузьминична	203
Кукушкина Зинаида Алексеевна	205
Курганова Галина Федоровна	206
Лабутина Валентина Сергеевна.....	208
Лаврова Нина Ивановна	210
Лапина Анна Андреевна	210
Ларионова Людмила Ивановна	211

Лебедев Владимир Иванович	214
Лебедева Лариса Ивановна	214
Лепехова Клавдия Ивановна	216
Лешкова Нина Борисовна	217
Лискова Нина Семеновна.....	222
Лукьянова Римма Григорьевна	224
Лысенко Александр Григорьевич.....	229
Мазаева Татьяна Алексеевна	232
Манжула Валентина Михайловна.....	236
Мартыхина Галина Константиновна	239
Маслова Инна Михайловна.....	239
Матысяк Людмила Андреевна	240
Мельникова Мария Матвеевна	242
Меньшикова Юлия Константиновна	244
Митрофанова Лилия Садреевна.....	247
Мозговая Анастасия Александровна.....	249
Молчанова Алла Николаевна	250
Мотченкова Людмила Ефимовна	252
Муравьева Екатерина Ивановна	253
Мурысёва Анна Герасимовна	256
Мухина Евгения Дмитриевна	257
Назаров Геннадий Алексеевич	258
Наумова Галина Михайловна.....	261
Немкова Лидия Александровна	262
Нефёдов Виктор Васильевич	263
Николаичев Зосим Васильевич	266
Носырев Борис Иванович	271
Овсиюк Иван Игнатьевич.....	272
Омелин Леонид Павлович	273
Орехова Татьяна Борисовна	275
Осипенко Галина Васильевна	279
Палагин Юрий Николаевич	289
Палаташ Нина Дмитриевна	296

Папирная Анна Ивановна	298
Пахлян Валентина Ивановна.....	299
Пахлян Рачик Месропович.....	300
Пашкова Елена Ивановна.....	301
Перегудова Светлана Александровна	303
Петрашев Василий Семенович.....	310
Печенко Валентина Петровна	312
Пикалева Нина Ивановна.....	313
Подгорная Нина Анатольевна	313
Поздняков Трофим Федорович	315
Полухина Надежда Васильевна	318
Полуянова Нина Васильевна	322
Попова Зоя Григорьевна.....	324
Попова Зоя Ивановна	326
Потапов Юрий Николаевич	330
Прибылов Владимир Васильевич	336
Пронькин Николай Михайлович.....	339
Рослякова Юлия Васильевна	340
Рыбаков Иван Алексеевич.....	341
Саблина Тамара Сергеевна.....	343
Самойлова Елена Анатольевна	345
Седова Мария Павловна	348
Седых Зоя Николаевна	348
Сидоров Валентин Николаевич.....	348
Сидорова Антонина Клавдьевна	350
Слепкова Любовь Петровна.....	351
Смирнова Антонина Александровна.....	352
Снетков Николай Дмитриевич.....	353
Солёнов Павел Иванович.....	355
Спрыгова Татьяна Алексеевна	360
Степина Нина Сергеевна	368
Степнова Нина Ивановна.....	371
Стрельцов Виктор Иванович.....	373

Строгалина Антонина Николаевна	375
Струкова Галина Сергеевна	375
Тараканов Николай Николаевич	376
Теплова Людмила Семёновна	378
Тимофеев Георгий Гавrilovich	381
Тузова Валентина Сергеевна	382
Туманова Нина Павловна	383
Улыбина Мальвина Сергеевна	384
Филиппова Вера Георгиевна	385
Фролова Валентина Ивановна	386
Хрисanova Валентина Сергеевна.....	387
Цыганова Мария Федоровна	387
Часов Юрий Петрович	390
Черенкова Нина Васильевна	391
Черникова Елена Ивановна.....	392
Чикирдин Ремир Валерианович	393
Чистякова Валентина Михайловна	394
Чулкова Мария Александровна	396
Чупилина Елизавета Николаевна	399
Шаповалова Светлана Николаевна	401
Шаркова Нина Александровна.....	404
Шаров Василий Иванович	405
Шинкова Валентина Ильинична.....	406
Широкова Евгения Николаевна	407
Шухаева Зоя Анатольевна	409
Яновская Ирина Николаевна	412
Янышева Аллаата Анатольевна	413
Воспоминания ветерана	
Щапов Василий Кузьмич	415
Акция “Переведи рукописные воспоминания детей Великой Отечественной войны в электронный вид”	439

**Администрация Сергиево-Посадского района
Московской области**

**Совет ветеранов
Сергиево-Посадского района Московской области**

Дети Войны - дети Победы
СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ
ЧАСТЬ II

Руководитель проекта
председатель Совета ветеранов Сергиево-Посадского района
Кругликов В.С.

Составители:
Лукьянова Р.Г., Силакова С.Б., Максимова Г.Г., Бессолова Л.С.

Издательство «РЕМАРКО»
Директор С.Ю. Васильев. Верстка А.В. Секрет
Редакторы Л.Качалова, И.Серкова
Технический редактор Н.С. Пичугина

г. Сергиев Посад, Новоуспенское ш. 44а
e-mail: remarkoprint@gmail.com www.remarkogroup.ru

Подписано в печать 29.04. 2015 Формат бумаги 84x108/32.
Усл. печатных листов 28. Тираж 500 экз.

АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13
Заказ № К-3558

г. Сергиев Посад – 2015

ISBN 978-5-903615-52-0

© Совет ветеранов Сергиево-Посадского района Московской области. 2015
© Авторы текстов и фото. 2015
© ООО «РЕМАРКО». 2015